

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1882.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1882.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 16 декабря 1881 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ.

Въ 1-мъ посланіи къ Тимофею, послѣ предисловія (1, 1—8), содержатся правила въ руководство св. Тимофею при исполненіи имъ возложенныхъ на него архипастырскихъ обязанностей. Частіе въ семъ посланіи предлагаются наставленія: 1) о вѣрѣ въ Господа Иисуса Христа, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти (1, 8—20); 2) относительно церковныхъ порядковъ и относительно лицъ, избираемыхъ въ церковный клиръ (2—13, 13); 3) какъ дѣйствовать на пасомыхъ и ихъ руководить. Въ частности здѣсь идетъ рѣчь А) вообще о достодолжномъ настоятельствованіи (3, 14—4, 16) Б), и о томъ, какъ учить и руководить пасомыхъ, судя по ихъ состояніямъ (5—6, 19), именно а) какъ поступать въ отношеніи къ лицамъ разныхъ возрастовъ (5, 12), и) какъ устроить вдовицъ (5, 3—16, в) какъ дѣйствовать относительно пресвитеровъ (5, 17—25), г) какъ и чему учить рабовъ и богатыхъ (6, 1—19).—Въ книжкахъ „Душеполезнаго Чтенія“ 1881 года (начиная съ іюльской) предложено толкованіе на 1-ю и 2-ю части посланія. Изъ 3-й части протолкованы наставленія подъ буквами А) и Б), въ частности подъ буквами а и б. Теперь слѣдуетъ толкованіе на пукитъ подъ буквою в.

в) *Какъ дѣйствовать относительно пресвитеровъ,* —
5, 17 — 25.

Апостолье касается здѣсь аа) содержанія пресвитеровъ,—17. 18,—бб) поведенія,—19 — 21,—и вв) рукоположенія,—22—25.

аа)

Гл. 5, ст. 17. *Прилѣжащій же добръ пресвитеры сузубыя чести да сподобляются, наче же труждающіися съ словъ и ученіи.*

Прилѣжащій, прѣстотѣс,—предстоящіе,—добръ, добръ настоятельствующіе въ церкви, или въ общинѣ христіан-

ской. *Пресвитеры*,—священники, которые избираемы были изъ людей преимущественно пожилыхъ, какъ болѣе степенныхъ, опытныхъ и обычно пользующихся уваженіемъ, и чрезъ рукоположеніе получали благодать священства на продолженіе дѣла апостольскаго проповѣданіемъ Евангелія и вообще слова Божія и освященіемъ вѣрующихъ благодатию чрезъ св. таинства. Въ силу сего они настоятельствовали въ общинахъ христіанскихъ, руководя ихъ, вразумляя и исправляя. Кто ревновалъ о семъ не щадя силъ и даже живота, тотъ добръ предстоительно вѣствовалъ. «Кто суть *добры предстоители*? спрашиваетъ св. Златоустъ, и отвѣчаетъ: послушаемъ, чтò говоритъ Христосъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11). Слѣдовательно доброе предстоительство въ томъ состоятъ, чтобы ради попеченія о предстоительно вѣствуемыхъ ничего не щадить». Въ другой разъ Спаситель приточно представилъ добраго предстоителя подъ видомъ вѣрнаго и мудраго домостроителя, котораго господинъ дома поставилъ надъ челядію — *даты въ свое время житомѣріе* (Лук. 12, 42),—т.е. все нужное для содержанія каждаго. Добрый предстоитель по сей притчѣ—тотъ, кто нелѣпно раздастъ вѣрующимъ житомѣріе слова Божія и таинственнаго облагодатствованія.

Такіе предстоители, говорить, *сугубыя чести да сподобляются*. «Честію здѣсь называетъ Апостоль попеченіе, доставленіе всего необходимаго; подобно тому какъ выше, когда говорить: *вдовицы чти*, говорить о необходимой для нихъ пищѣ. — Чтò же значитъ: *сугубыя чести*? Сугубыя по отношенію къ вдовицамъ, или по отношенію къ діаконамъ, или просто — сугубыя чести, то-есть, великой» (св. Злат.). «Добрые и вѣрные строители (экономы) дома Божія должны быть почитаемы достойными не только высокаго почитанія, но и совершеннаго обезпеченія въ содержаніи; чтобъ они не были обезпокоиваемы недостаткомъ потребнаго, но въ радости прилежали ученію вѣры. Настоятельнѣе будетъ въ трудѣ семъ тотъ, кого не сми-

рять нужда, и ревность его все болѣе и болѣе будетъ расти, когда видитъ, что трудъ его приноситъ плодъ и для настоящей жизни, не до избыточествованія, но до отвращенія скудости и недостатка» (Амвр.).

Паче же труждающихся въ словѣ и ученіи. Три дѣла лежитъ на предстоятелѣ церкви — учить, руководить и исправлять,—и освящать таинствами. Первые два исправляются трудомъ въ словѣ и ученіи. И это есть важнѣйшій трудъ, — и потому что онъ труднѣе, и потому что готовится и къ принятію благодати чрезъ таинства. Почему тотъ, кто подѣмлетъ его, достоинъ и большаго почта и большаго обезпеченія. Св. Златоустъ говоритъ: «Апостоль хочетъ, чтобы такихъ почитали больше, нежели всѣхъ другихъ, и приводитъ причину: они, говоритъ, подѣмлютъ великій трудъ. И справедливо. Ибо тогда какъ другой и не бодрствуетъ и не печется, но безъ заботы и печали пребываетъ, тотъ трудится, печется и поучается, особенно когда бываетъ неопытенъ во внѣшнихъ наукахъ. Почему же не пользоваться ему большею честію, нежели всѣ прочіе, когда онъ предается столькимъ трудамъ? Притомъ онъ служитъ предметомъ безчисленныхъ разговоровъ. Одинъ укоряетъ его, другой хвалитъ, иной насмѣхается надъ нимъ, тотъ оскорбляетъ его память и намѣренія,—и онъ нуждается въ великомъ подкрѣпленіи, чтобы переносить это.—Очень важно и много содѣйствуетъ благоустроенію церкви, и великую приноситъ пользу, когда предстоятели ея учительны. А когда этого нѣтъ, то въ церквахъ много отъ того бываетъ ущербъ. По этому къ прочимъ свойствамъ предстоятеля—къ странполюбію, кротости и непорочности, Апостоль и сіе причисляетъ, говоря: *учительны*. Гдѣ теперь говорящіе, будто не нужно слова и ученія? Пусть, говорятъ, жизнью своею научаютъ любомудру.—Конечно и это совершенно необходимо. Но не слышишь, что говоритъ св. Павелъ: *паче же труждающихся въ словѣ и ученіи?* Не очевидно развѣ, что онъ даетъ предпочтеніе учительнымъ предстоятелямъ? Ктому же когда рѣчь

идеть о догматахъ, тогда какую силу имѣеть жизнь?—Тутъ нужно учительное слово.—Впрочемъ о какомъ словѣ говорить опъ? Не о хвастливомъ (не о щегольскомъ), не о такомъ, которое отличается вѣщшею утонченностію, но о такомъ, которое проникнуто силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужно не искусство и изящныя выраженія, а мысли, — не ученое изложеніе, а, какъ обыкновенно говорятъ, душа».

Ст. 18. *Глаголетъ бо Писаніе: вола молотяща не обротиши, и: достоинъ длатель мзды своя* (Второз. 25, 4; Матѳ. 10, 10).

«Здѣсь приводитъ Апостоль и постановленіе закона, и заповѣдь Христову,—и то и другое согласны между собою; ибо законъ говоритъ: *вола молотяща не обротиши*. Видишь ли, какихъ трудовъ требуетъ онъ отъ учителя? (Подобныхъ труду вола молотящаго). Потому что нѣтъ, воистину нѣтъ другаго труда, равнаго его труду. — Но это есть постановленіе закона. Какую же приводитъ онъ заповѣдь Христову? *Достинъ, говоритъ, длатель мзды своя*. Слѣдовательно тотъ, кто предастся нѣгѣ и покою, недостинъ ея. Кто не есть воля молотящій, кто не несетъ терпѣливо ярма, не обращая вниманія на жаръ и терніе, и не прежде оставляетъ его какъ по собраніи плодовъ въ житницу, тотъ недостинъ ея.—Поэтому надобно, чтобы учителямъ все необходимое было доставляемо въ довольствѣ, дабы они не трудились для сего сами и, занимаясь маловажнымъ, не пропускали важнѣйшаго, дабы упражнялись въ духовныхъ подвигахъ и не имѣли никакого попеченія о житейскихъ дѣлахъ. Таковы были левиты: они не заботились о житейскомъ, потому что попеченія о нихъ имѣли міряне и закономъ опредѣлены были ихъ доходы, какъ-то: десятины, пачатки и многое другое. Но имъ по всей справедливости назначалось сіе по закону, такъ какъ они искали пастоящаго; а я говорю, что предстоятели, имѣя вѣчныя надежды, не должны имѣть ничего болѣе, кромѣ пищи и одежды, чтобы они не развлекались этимъ» (св. Злат.).

66)

Ст. 19. *На пресвитера хулы не приѣмли, развѣ при злою или трієхъ свидѣтеляхъ.*

Хулы,—*κατηγορίαν*,—осужденія, обвиненія, которое можетъ быть и истиннымъ, слѣдовательно не хулою, которая означаетъ ложное поношеніе лица. Наши перевели сіе слово хулою, внушая сразу заподозрѣвать во лжи худую рѣчь о пресвитерѣ, потому что, съ одной стороны, почтенному симъ сапомъ и при такомъ возрастѣ, неудобно и необычно поскользаться на дѣла достойныя осужденія, а съ другой, лица такого чина, имѣя долгъ исправлять, легко подвергаются нерасположенію исправляемыхъ, понуждающему ихъ и за ними самими подсматривать, самихъ подозрѣвать, и нерѣдко свои подозрѣнія облекая въ достовѣрность, ложно выставлять дѣйствительными дѣлами. Посему «Апостоль не сказалъ: не осуждай, но: и не принимай обвиненія, и вовсе не призывай его на судъ» (св. Злат.). «Поелику чину сему принадлежить высокая честь, ибо лица сіи суть викаріи Христовы; то не легко, не съ разу должно принимать обвиненіе ихъ. Невѣроятнымъ должно представляться, чтобы тотъ, кто есть предстоятель Божій, вель себя преступно, какъ напротивъ отъ комедіанта съ вѣроятностію можно ожидать всякихъ гнусностей» (Амвр.).

Но, какъ человѣки, и они могутъ погрѣшать и погрѣшая, подлежать суду и осужденію. Почему, когда случится такъ, что предстанутъ два или три свидѣтеля, въ подтвержденіе и обвиненіе, тогда принимай это обвиненіе. Принимай не значитъ—тотчасъ и судъ произноси, но принимай во вниманіе, подвергай изслѣдованію, и по изслѣдованіи уже произноси судъ и взыскивай (св. Злат.).

Законъ повелѣвалъ, чтобъ не одинъ былъ свидѣтель во свидѣтельство на челоуѣка по всякому преступленію, но два или три (Второз. 19, 15). «Законъ повелѣваетъ это относительно всѣхъ (обвиняемыхъ). Но наипаче надле-

жить такъ поступать въ разсужденіи пресвитера. Ибо случается, что онъ, такъ какъ вѣрено ему предстояние въ церкви, оскорбитъ кого-либо изъ согрѣшающихъ, и тѣ, будучи за сіе расположены къ нему непріязненно, сплетаютъ клевету. Почему противъ него должно быть тѣмъ паче представлено это число свидѣтелей» (Θеод.). «Но что, если и двое солгутъ?—Это рѣдко случается; притомъ можетъ быть изслѣдовано на судѣ, и такимъ образомъ сіе можетъ обнаружиться. Слова Апостола и указываютъ на строгое изслѣдованіе» (св. Злат.).

Ст. 20. *Согрѣшающихъ же предъ всеми обличай, да и прочіи страхъ имутъ.*

Рѣчь идетъ все о пресвитерахъ. Если по изслѣдованіи окажется кто изъ нихъ дѣйствительно согрѣшившимъ, обличай его предъ всеми, чтобъ и прочіе страхъ имѣли и съ большею осторожностію удерживались отъ грѣховъ. Ибо если пресвитеру не дастся пощады, то что достанется другимъ? — Амвросіастъ пишетъ: «хотя не легко вѣрить должно взводимой на пресвитера винѣ; но если доказано будетъ, или явно будетъ, что онъ поступилъ не хорошо, то, въ такомъ случаѣ, Апостоль повелѣваетъ обличать его публично, чтобъ и прочіе страхъ имѣли, — чтò очень полезно не только для освященнаго клира, но и для народа. Ибо когда увидятъ, что и сановитый мужъ обличается за грѣхъ, поневолѣ и сами себя будутъ держать осторожно». Тоже читаемъ и у блаж. Θεодорита: «не осуждай, говорить, прежде обличеній, явно же обличенныхъ въ какихъ-либо беззаконіяхъ не удостоивай пощады; но по уличеніи, произноси на нихъ приговоръ въ присутствіи всѣхъ, чтобъ изъ страха наказанія избѣгали грѣха». Св. Златоустъ разсуждаетъ при семъ о всѣхъ вообще погрѣшающихъ, такъ однакожь, что рѣчь его можетъ быть примѣняема и частіе къ суду надъ пресвитерами. «Не тотчасъ отсѣкай (то-есть произноси судъ и дѣлай расправу), но все изслѣдуй съ великою точностію.

Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобъ и другіе вразумлялись. Ибо какъ необдуманно осуждать бываетъ вредно, такъ и не наказывать явно согрѣшившихъ—значитъ давать дорогу другимъ къ тому, чтобъ и они сіе творили и на сіе покушались. *Обличай*, говоритъ, показывая, что (нужно дѣйствовать) не кое-какъ, но съ строгостію, потому что такимъ образомъ и другіе будутъ бояться.—Но не больше ли будетъ соблазна, когда предъ всѣми станешь обличать?—Какимъ же это образомъ? Когда узнаютъ грѣхъ и не будутъ видѣть наказанія, тогда дѣйствительно станутъ соблазняться. Ибо отъ того, что согрѣшившіе остаются ненаказанными, многіе естественно и сами поползаютъ на грѣхъ; какъ наоборотъ отъ того, что они бываютъ наказываемы, многіе исправляются. Такъ дѣйствовалъ и Богъ. Онъ вывелъ Фараона на среду (на показъ всѣмъ) и наказалъ; видимъ также, что (явно предъ всѣми) получили наказаніе и Навуходоносоръ, и многіе другіе люди и города.—Слѣдовательно Апостоль хотеть, чтобъ всѣ имѣли страхъ предъ епископомъ, и поставляетъ его надъ всѣми».

Ст. 21. *Засвидѣтельствую предъ Богомъ, и Господомъ Иисусомъ Христомъ, и избранными Его ангелы, да сіе сохраниши безъ лицемерія, ничесоже творя по уклоненію.*

Засвидѣтельствую,—призываю во свидѣтели. Дѣлается это и въ показаніе важности предлагаемаго закона, и въ укрѣпленіе рѣшимости неотложно исполнять его. Такъ Моисей говоритъ Израилю: *засвидѣтельствую вамъ небесемъ и землею* (Втор. 4, 26); такъ Михей взывалъ: *слышите дебри, основанія земли* (—6, 2). Похоже это на то, какъбы говорилось: *заклинаю тебя Богомъ живымъ.*

Но къ какому предмету относится такая строгость наказа, — къ предыдущему, т.-е. суду, или къ послѣдующему, то-есть къ не скорому, а осмотрительному возложенію рукъ?—Важно конечно дѣло суда, но возложеніе рукъ важнѣе. Почему скорѣе можно принять послѣднее,

чѣмъ первое. Изъ нашихъ толковниковъ къ возложенію рукъ относитъ сіе заклинаніе только Амвросіастъ, всѣ же прочіе относятъ его къ суду. Св. Златоустъ говоритъ: «сказавъ (просто, безъ заклинанія) о епископахъ, о діаконахъ, мужахъ, женахъ, о вдовицахъ, пресвитерахъ и о всѣхъ прочихъ и показавъ, надъ кѣмъ простирается власть епископа, когда сталъ говорить о судѣ, присовокупилъ: *засвидѣтельствуя предъ Богомъ*. Страшное изрекаетъ онъ внушеніе. Не посовѣтился сказать сіе даже изъ уваженія къ тому, что Тимоѳей былъ его возлюбленною чадо (боясь будто небрежности даже съ его стороны). Но тому, кто непостыдился о себѣ самомъ сказать: боюся, *да не како инымъ проповѣдуя самъ неключимъ буду* (1 Кор. 2, 27), — можно было не постыдиться и не посовѣтиться сказать сіе и Тимоѳею. Онъ какъ будто такъ сказалъ: призываю во свидѣтели Бога, и Сына Его, и слугъ Его, что я заповѣдалъ тебѣ; вотъ предъ Ними заповѣдую тебѣ. Онъ устрашаетъ Тимоѳея».

Прибавленіе словъ: *и избранными Его ангелы* наводитъ на мысль, что св. Павелъ, произнося такое заклинаніе, ставитъ себя со св. Тимоѳеемъ на страшномъ судѣ Божіемъ, на коемъ, какъ представляетъ слово Божіе, и грядущій Судія и престоль Его окружены будутъ всѣми ангелами,—и говоритъ какъбы ему: на страшномъ судѣ Божіемъ стою, или буду нѣкогда стоять, съ тобою; блюди, да не презриши данной тебѣ заповѣди! «Призываетъ онъ Отца и Сына (и Ангеловъ) во свидѣтели сказаннаго имъ для того, дабы въ грядущій день, еслибы что совершилось вопреки долга, остаться правымъ предъ ними, т.-е., какъбы снимая съ себя всякую отвѣтственность» (св. Злат.). «Избранными же Ангеловъ назвалъ въ отличіе отъ демоновъ, которые тоже суть ангелы, но отверженные» (Ософ., Экум.).

Да сія сохраниши. Сія, какъ замѣчено, восточные наши толковники относятъ къ суду. Слово св. Златоуста приведено; вотъ и слово бл. Осодорита: «два даетъ повелѣ-

нія: не осуждать, положившись на достовѣрность свидѣтелей, прежде личнаго изслѣдованія; и послѣ явныхъ обвиненій, не отлагать (и не укрывать) приговора, изъ милости къ судимому, нарушая справедливость. (И чтобъ это строго соблюдается было, приводитъ во свидѣтели Бога Отца, и Господа Иисуса Христа со святыми Ангелами). На ряду съ Богомъ и со Христомъ Апостоль поставилъ Ангеловъ не какъ равночестныхъ, но какъ рабовъ. Свидѣтельствую, говоритъ, тебѣ при Богѣ и Сынѣ Его и при служителяхъ Его».

Но Амвросіастъ относитъ къ возложенію рукъ. «Клятву налагаетъ предъ Богомъ Отцемъ и Христомъ Сыномъ Его и избранными Его Ангелами, коихъ Господь въ Евангелии называетъ святыми (Мр. 8, 38). Эти (святые) названы избранными потому, что есть другіе, отверженные, которые не Божіи суть ангелы, а діаволовы, какъ согласующіеся съ нимъ въ отступничествѣ. Подъ клятвою же повелѣваетъ Апостоль соблюдать то, что касается рукоположенія на служеніе въ церкви,—заповѣдуетъ, чтобы при семъ не было поступаемо безъ предварительнаго строгаго разсужденія, и чтобъ никто не получалъ церковнаго чина съ легкотою, прежде чѣмъ дозволено будетъ, какова жизнь его и каковы нравы, но всякъ тогда уже поставляемъ былъ во священники или служители церкви, когда окажется достойнымъ того, чтобъ, если послѣ окажется укоризненнымъ, князю народа (епископу) не пришлось сожалѣть, что не вполне (не до ясности) разслѣдовалъ, чего онъ стоитъ, и рукоположилъ недобрительнаго».

Безъ лицемерія, — *υωρις προκριματος*, — безъ предубѣжденія, безъ предвзятаго мнѣнія о подсудимомъ, или памѣчаемомъ въ рукоположеніи, въ пользу ли его, или противъ него, — мнѣнія, которое устанавливается безъ разбора по одной видимости или молвѣ. Пусть все опредѣляетъ строгое разслѣдованіе, до полной ясности доведенное, — тамъ (если къ суду относить) относительно дѣла судимаго, здѣсь (если относить къ рукоположенію) относительно жизни и нравовъ избираемаго.

Ничесоже творя по уклоненію. По уклоненію, — *κατα προσκλίσιν*, по склоненію на чью-либо сторону, не по сущности дѣла, а по чувству, отынуды навѣянному, по пристрастію. Итакъ Апостоль строго запрещаетъ епископу дѣйствовать по предубѣжденію или пристрастію, судъ ли творить, или избираетъ кого къ рукоположенію. Бл. Теофілактъ пишетъ: «будь ровень, — *ισος* (ни на ту, ни на другую сторону не клонящимся) къ тѣмъ, о коихъ идетъ разсудъ или разборъ, чтобъ не случилось *προκρίμα* (—рѣшеніе прежде или безъ разсужденія),—т.-е., чтобъ никто не предзанималъ тебя, и напередъ привлекая тебя къ себѣ не расположилъ тебя по этому одному (прежде разсужденія и разсмотрѣнія) произнестъ судъ и постановитъ рѣшеніе. Ничего не дѣлай по уклоненію, — *κατα προσκλίσιν* (отъ κλίνω), т.-е. по пристрастію, преклоняясь на одну сторону. Хотя бы писалось чрезъ *η* (*προσκλήσιν*), мысль останется одна и таже. Какъбы такъ говорилось: приглашаетъ тебя одна сторона ей помочь; такъ ты не дѣлай по сему приглашенію (а по разсужденію и правдѣ)». Экуменій пишетъ: «св. Василій въ толкованіи притчей читаетъ, — *μη κατα προσκλήσιν*, — то-есть, не склоняясь къ тому, что не право, но правый произнося судъ. Именно онъ такъ говоритъ: ничтоже творя по уклоненію, но правые и неперевратные произнося суды».

вв).

Ст. 22. *Руки скоро не возлагай ни на когото, ниже приобщайся чужимъ грѣхомъ. Себе чиста соблюдай.*

«Дошелъ и до главнѣйшаго, чѣмъ преимущественно держится церковь, т.-е. до хиротоніи» (Теоф.). И относительно ея даетъ правила: «ибо пишетъ епископу» (Экум.). *Руки скоро не возлагай.* «Что значить—*скоро*? Не по первомъ, не по второмъ, не по третьемъ испытаніи, но неоднократно разсмотрѣвъ и тщательно изслѣдовавъ; такъ какъ это дѣло не безопасное» (св. Злат.). «Надлежитъ изслѣдовать прежде жизнь рукополагаемаго, а потомъ призвать на него благодать Духа» (Теоф.).

Ниже приобщайся чужимъ грѣхамъ, — то-есть грѣхамъ рукополагаемаго, «возводя недостойнаго на степень тайносовершителя для народа» (Экум.). Если скоро, безъ должнаго изслѣдованія рукоположишь кого, то можетъ случиться, что онъ окажется неисправнымъ. Грѣхи, которые онъ потомъ надѣлаетъ, и вредъ, который онъ тѣмъ причинитъ церкви, тебѣ вмѣнятся. И будешь ты причастенъ чужимъ грѣхамъ. «Доставивъ ему власть, подвергнешься наказанію за содѣланные имъ, — какъ прежніе, такъ и будущіе грѣхи. Ибо неблаговременно отпустивъ ему прежніе грѣхи, ты сдѣлаешься виновнымъ и въ тѣхъ, которые онъ совершитъ въ послѣдствіи времени,—именно: будешь причиною сихъ послѣднихъ, — потому что вѣрилъ ему начальство,—а прежнихъ,—потому что не далъ ему оплакать ихъ и придти въ состояніе сокрушенія. Ты становишься соучастникомъ какъ благихъ его дѣлъ, такъ и грѣховъ» (св. Злат.). «Не должно рукополагать и того, за которымъ подозрѣваются грѣхи (чья непорочность сомнительна), чтобъ не запятался грѣхами его рукоположитель. Если совершенно скрыты грѣхи его (никакого ихъ слѣда не видно), то рукоположитель безопасенъ: совѣсть его свободна. Но подозрѣніе должно наводить страхъ. И тогда онъ грѣшитъ, если не испытать, какъ должно, рукоположить. Рукополагаемый долженъ быть лучше прочихъ. Недовольно для него быть безъ порока; явны должны быть его добрыя дѣла, чтобъ почестъ его достойнымъ рукоположенія» (Амвр.).

Себе чиста соблюдай. По ходу рѣчи прямѣе будетъ понимать: *чиста* отъ вмѣненія грѣховъ рукополагаемаго. Такъ бл. Θεодоритъ: «не дѣлай себя подлежащимъ осужденію»,—рукоположивъ, конечно, неосмотрительно такого, который не былъ того достоинъ и котораго грѣхи запятнаютъ тебя самого. Такъ Амвросіастъ: «соблюдая сіе (т.-е. строгимъ дознаніемъ удостовѣряясь въ достоинствѣ рукополагаемаго), епископъ сохранить себя чистымъ, по отношенію къ вѣрѣ и церкви,—и въ будущемъ вѣкѣ получить за то воздаяніе».

Но другіе наши толковники разумѣютъ здѣсь заповѣдь св. Тимоѳею — блюсти свою собственную нравственную чистоту. Св. Златоустъ говоритъ: «здѣсь Апостоль говоритъ о воздержаніи». Экуменій и Теофилактъ пишутъ: «о цѣломудріи дасть урокъ; цѣломудріе блюсти увѣщаваетъ».—Связь съ предыдущимъ будетъ такая: но распознавая, достойны ли рукоположенія другіе, смотри, своего достоинства не потеряй. Или такъ: чтобъ тебѣ смѣлѣе было пытаться, хорошъ ли тотъ, не дурень ли другой, самъ будь чистъ. Или еще такъ: если самъ будешь хранить себя чистымъ, то будешь имѣть очи для узрѣнія, чистъ ли и достоинъ ли другой.—Св. Златоустъ присовокупляетъ къ сему такое наведеніе: «если же мужу, который до такой степени соблюдалъ посты и столько времени употреблялъ воду, что сталь отъ того подвергаться болѣзнямъ и частымъ недугамъ, Апостоль заповѣдуетъ воздержаніе, и тотъ не огорчается его внушеніями; то тѣмъ болѣе мы не должны огорчаться, когда слушаемъ чьи нибудь наставленія о семъ». Если принять такую мысль, то въ ней можемъ видѣть причину или поводъ и къ слѣдующему за симъ напоминанію.

Ст. 23. *Ктому не пій воды, но мало віна приѣмили стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ.*

Слова: *себе чиста соблюдай*, могли повудить св. Тимоѳея къ большому воздержанію и къ большей строгости въ отношеніи къ тѣлу, какъ самому прямому средству къ соблюденію чистоты. Но св. Тимоѳею и такъ постоянно велъ крайне воздержную жизнь, несмотря на то, что не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и часто недуговалъ, можетъ быть, особенно недугами желудка. Припомнилъ сіе Апостоль, и умѣряя данный урокъ, говоритъ какъбы: слыша сіе: *себе чиста соблюдай*, ты не бросься на большій подвигъ воздержанія. Не дѣлай этого. Тебѣ, по состоянію твоего здоровья, напротивъ пужно нѣкое послабленіе, и ты, съ этихъ поръ, не одву пей воду, но

употребляй немного и вина. Разумѣется виноградное, легкое, и притомъ употребляемое большею частію съ водою.

Не пей воды, — *μηκειν υδρωπιει*, — не значить — совсѣмъ не пей воды, а — не одну пей воду, не одною водою напойся, или утоляй свою жажду, какъ тебѣ обычно. — *Мало вина приеми*, — *ολιγω οινω χρω*, — употребляй немного вина. «Этимъ не дано ему позволеніе неумѣренно напиваться виномъ, но разрѣшено пить его, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствія» (св. Злат.). «Не просто сказалъ: употребляй вино, но ограничилъ сіе употребленіе, прибавивъ: *немного*. Ибо юность горяча, и отъ вина скоро приходитъ въ движеніе» (Ееоф.). *Стомаха ради*, — указываетъ на болѣзни желудка. «Но кажется, св. Тимоѳей подвергался недугамъ не желудка только, но и другихъ частей, какъ па это намекають слова: *и частыхъ твоихъ недуговъ*» (св. Злат., Ееоф.).

Амвросіастъ разсуждаетъ при семъ: «здѣсь св. Апостоль даетъ св. Тимоѳею частный (его лично касающійся) совѣтъ, чтобъ онъ благоразумно управлялъ собою. Богъ хочетъ, чтобъ Ему служили посильно, а не такъ, чтобъ разслабляли себя чрезмѣрностію, и потомъ имѣли нужду искать помощи врачей. Надобно такъ вести дѣло воздержанія, чтобъ, если можно и потребуется, постепенно его усиливать, а не такъ, чтобъ приходилось потомъ умалять его, по причинѣ въ началѣ допущенной чрезмѣрности. Чрезмѣрность (тѣлеснаго воздержанія) самую душу дѣласть немощною, и она, обезпокоенная изнеможеніемъ тѣла, не столько уже бываетъ усердна къ божественнымъ службамъ. Душа же, покойная съ этой стороны, всѣмъ сердцемъ своимъ восторгается къ Богу, съ неразделяемымъ вниманіемъ умоляя Его, даровать ей потребное ко спасенію».

Св. Златоустъ такой задасть при семъ вопросъ: «почему св. Павелъ не исцѣлилъ желудка у св. Тимоѳея?» И отвѣчаетъ: «не потому, что не могъ, а потому, что

хотѣлъ отсюда извлечь какое-либо важное наставленіе; ибо тотъ, чья одежда воскрешала мертвыхъ, безъ сомнѣнія, могъ сдѣлать и это.—Зачѣмъ же именно не сдѣлалъ?—За тѣмъ, чтобъ мы, когда и теперь видимъ подверженными недугамъ людей великихъ и добродѣтельныхъ, не соблазнялись этимъ. Такимъ образомъ и это сдѣлано съ пользою. Ктому же, если ему самому данъ былъ ангелъ сатанинъ, чтобъ онъ не возгордился, то тѣмъ болѣе (подобное предотвращеніе возгордѣнія нужно было) Тимоѣю потому, что знаменія легко могли привести его къ гордости. Потому Апостоль позволилъ ему пользоваться правилами врачебной науки, дабы и онъ самъ меньше думалъ о себѣ, и другіе не соблазнялись,—и уразумѣли, что и тѣ св. мужи, совершая то, что совершали (— дѣла дивныя), не переставали быть одинаковой съ нами природы. «Чтобъ мы не думали, будто древніе выше нашего естества, но вѣрили, что и они люди (подобные намъ)» (Θеоф.).

Ст. 24. Нѣкихъ же человекъ грѣси предъявлены суть, предваряюще на судъ: нѣкимъ же и послѣдствуютъ.

Послѣ маленькаго повидимому отступленія, Апостоль опять возвращается къ правиламъ объ избраніи къ рукоположенію, «снова продолжаетъ слово о рукоположеніи» (Θеоф.).—Когда сказалъ онъ: не рукополагай скоро, а изслѣдуй прежде, достоинъ ли кто, чтобъ не сдѣлаться соучастникомъ въ его грѣхахъ; то у св. Тимоѣя естественно могъ родиться вопросъ: да какъ же быть,—вѣдь не узнаешь?!—Апостоль предотвращаетъ такое недоумѣніе, говоря какъбы такъ: какъ не узнаешь! Никакого труда нѣтъ узнать. Иныхъ людей грѣхи идутъ впереди ихъ, вѣсть о дѣлахъ ихъ предшествуетъ имъ, и прежде чѣмъ увидишь ты кого изъ такихъ въ лице, тебѣ вѣдомо можетъ быть, что онъ на примѣръ нечистъ сердцемъ и тѣломъ, нечистъ на руку, нечистъ языкомъ и под. И это напередъ уже будетъ руководить тебя къ произнесенію

сужденія о немъ, достоинъ или нѣтъ. Останется тебѣ только провѣрить, такъ ли и на дѣлѣ есть, какъ слышится. И судъ самъ собою опредѣлится. Нѣкоторыхъ же людей грѣхи не явны. Они умѣютъ ихъ прикрывать, и въ лице всеѣмъ кажутся добрыми и честными. Но дѣла ихъ все-же стоятъ за ними и влекутся въ слѣдъ ихъ какъ хвостъ кометы. Они не исчезли, а есть въ послѣдяхъ своихъ. Присмотришь, и увидишь. Къ этому тебя и обязываетъ и право тебѣ дать мое постановленіе: *руки скоро не возлагай*: разбери, разсмотри, расслѣдуй. Станешь разбирать, мудроно будетъ укрыться дѣламъ недобрымъ. Если же укроются какъ-нибудь тогда ты не будешь виновенъ; потому что сдѣлаешь съ своей стороны все возможное. *Предъявленіи*, — *προδηλοῖ*, — напередъ явны, прежде чѣмъ станешь разбирать. *Предваряюще*: — *προαγορεύει*, — напередъ тебя ведя, руководя, располагая, побуждая. *На судъ*, — *εἰς κρίσιν*, — къ произнесенію суда. Какъ будто хотѣлъ сказать: тутъ и разбирать нечего. Другихъ же дѣла *послѣдствуютъ* за ними, — *επακολουθοῦσι*, — идутъ позади ихъ по стопамъ ихъ, шагъ за шагомъ. Видимостію своею, кажущимся доброповеденіемъ они закрываютъ ихъ отъ взора другихъ; но они все-же тамъ назади. Присмотрится кто и увидитъ.

Такъ разумѣютъ все наши толковники. Они, между прочимъ, изъ словъ: *нѣкимъ же и послѣдствуютъ*, дѣлаютъ такое наведеніе: въ сей жизни иные ухитряются такъ искусно прикрывать дѣла свои недобрыя, что до самой смерти остаются на добромъ счету; но по смерти грѣшность ихъ тамъ, въ другой жизни, обнаруживается и подвергаетъ ихъ осужденію. Смерть не уничтожаетъ ихъ дѣлъ, или не дѣласть того, чтобъ люди сіи — перешли на тотъ свѣтъ, а дѣла ихъ здѣсь остались. Нѣтъ, въ слѣдъ за ними пойдутъ и дѣла ихъ, и тамъ вызовутъ праведный объ нихъ судъ. А дѣла другихъ здѣсь еще рѣшаютъ ихъ участь, явно показывая, что ихъ тамъ ожидаетъ. Экуменій, а за нимъ бл. Ософилакъ *привычитъ* мнѣніе св.

Василія Великаго, который въ этихъ словахъ Апостола видитъ и такую мысль: дѣла нѣкоторыхъ грѣшниковъ, дѣлающія ихъ достойными осужденія, не прекращаются съ ихъ смертію, а продолжаютъ твориться и безъ нихъ, со вмѣненіемъ однакоже имъ. Это именно такія дѣла, худыя послѣдствія которыхъ не прекращаются со смертію надѣлавшихъ ихъ, а продолжаютъ или совращать въ невѣріе и зловѣріе, или увлекать къ худой жизни. Таковы среси и еретическія писанія, — и соблазнительныя увеселенія и обычаи.

Ст. 25. *Такожде и добрая дѣла предъявлена суть, и сущая инако, утаитися не могутъ.*

Что сказано о грѣхахъ, тоже приложимо и къ дѣламъ добрымъ. И они у иныхъ бываютъ предъявлены, — напередъ извѣстны, идутъ впереди человѣка, рекомендуя его. А у иныхъ бываютъ *инако*, то-есть, не бываютъ явны, неизвѣстными остаются, такъ что нельзя съ разу сказать, каковъ тотъ-то, хорошъ или худъ. Но, говорить, и такія дѣла утаитися не могутъ: разслѣдуй и найдешь. До очевидности представляетъ сіе исторія избранія въ епископы въ г. Команъ св. священномученика Александра изъ угольниковъ. Избраніе происходило подъ предсѣдательствомъ св. Григорія чудотворца Неокесарійскаго. Когда нѣсколько лицъ предъявленныхъ къ избранію не были одобрены, кто-то выкрикнулъ, ужь не Александра ли угольника избрать?! Но сталъ св. Григорій разбирать и нашель, что онъ достойнѣе всѣхъ, и всѣми былъ одобренъ (августа 12).

г).

Какъ и чему кого учить, судя по его внѣшнему положенію въ общество?—6, 1—19.

Доселѣ училъ Апостоль, какъ руководить разныя лица преимущественно по положенію ихъ въ церкви. Теперь переходитъ къ указанію образа дѣйствія на лица, судя по ихъ положенію въ обществѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь

не все обнимаетъ св. Павелъ, а касается только аа) рабовъ,—6, 1—2,— и бб) богатыхъ,—3—19,—потому конечно, что это особенно требовалось.

аа) *Чему учить рабовъ?*—6, 1 2.

Гл. 6, 1. *Елицы суть подъ игомъ раби, своихъ господий всякия чести да сподобляють, да имя Божіе не хулится и ученіе.*

«Сіе говоритъ Апостоль о рабахъ, у которыхъ господа невѣрные» (Θеод.). «Учи ихъ, говоритъ, и увѣщевай, чтобъ они, хотя господа ихъ суть невѣрные, слушались ихъ, сподобляя ихъ всякой чести и словами и дѣлами» (Θеоф.).
 Иные изъ рабовъ могли подумать, а можетъ быть и думали, что какъ они получили отпущеніе грѣховъ, приняты въ милость Божію, имѣютъ свободу приступать къ Господу, то по снмъ преимуществамъ имъ не слѣдуетъ уже болѣе рабствовать невѣрнымъ господамъ. Апостоль въ предотвращеніе этого заповѣдуетъ св. Тимоѣю толковать каждому изъ нихъ: «не думай, что если ты вѣрный, то и свободенъ» (св. Злат.). «Ты свободенъ дух. естествомъ (свободенъ отъ грѣховъ, свободно приступаешь къ Господу), но рабъ тѣломъ. Но и это самое есть свобода, служить, говорю, о имени Христовѣ» (Θеоф.).
 Расположись служить самоохотно, увѣровавъ, что такова воля Господа о тебѣ, и будетъ работа твоя дѣломъ свободы, Богу пріятнымъ, а не игомъ. Это именно внушать и указываетъ Апостоль; ибо говоритъ: рабы да почитаютъ господъ своихъ достойными всякой чести. Такъ стоитъ по-гречески. У кого есть въ сердцѣ такое убѣжденіе, тотъ не будетъ чувствовать ига рабства. Чествующій кого охотно преклоняется предъ нимъ и покорствуетъ ему.

Но такое внушеніе, какъ рабамъ ига рабства дѣлать легкимъ, только намекается въ словахъ: да почитаютъ достойными чести. Главное же намѣреніе Апостола—воодушевить рабовъ къ вѣрному служенію выгодами вѣры.

Толкуй имъ, говоритъ, что если они не будутъ чествовать господъ вѣрнымъ служеніемъ, то господа станутъ худо думать о нашемъ ученіи и нашей вѣрѣ, и они такимъ образомъ подадутъ поводъ хулить имя Божіе, нареченное на христіанахъ. А если будутъ служить имъ охотно и почтительно, особенно послѣ прежняго неохотнаго и ворчливаго служенія, то тѣмъ дадутъ высокое понятіе о нашемъ ученіи и расположатъ обратиться къ вѣрѣ въ Господа Спасителя. «Невѣрный, если увидитъ, что чрезъ вѣру люди впадаютъ въ сомнѣніе, часто будетъ поносить ее, какъ ученіе располагающее къ возмущенію; а если замѣтитъ, что они стали болѣе покорны, то тѣмъ скорѣе самъ покорится, тѣмъ внимательнѣе будетъ къ тому, что говорится (въ проповѣди евангельской)» (св. Злат.). — Для вѣрнаго, любящаго и чтущаго вѣру, не можетъ быть болѣе сильнаго побужденія къ спокойному и охотному несенію ига вѣрнаго рабствованія невѣрнымъ.

Ст. 2. Имущіи же вѣрныхъ господій, да не нерадятъ о нихъ, понеже братія суть: но паче да работаютъ, зане вѣрни суть и возлюбленни, иже благодать воспріемлющіи.

То была рѣчь объ отношеніи къ господамъ невѣрнымъ, а теперь объ отношеніи къ вѣрнымъ. Вѣрные господа разумѣются не вѣру только содержащіе, но и живущіе въ духѣ вѣры, слѣдовательно братски относящіеся къ рабамъ, не обременяющіе ихъ сверхъ силы, жалѣющіе ихъ и радѣющіе о нихъ. Видя это, неразумные слуги могли забываться, полагать чувству равенства господамъ и вслѣдствіе того нерадѣть о своихъ службахъ и непочтительно относиться къ господамъ. Предотвращать это и внушаетъ здѣсь св. Павелъ. Учи, говоритъ, чтобъ слуги вѣрными господами не пренебрегали, а еще усерднѣе имъ работали. «Рабы, у которыхъ господа благочестивы, благочестіе ихъ да не обращаютъ въ поводъ къ небреженію; но да удостоиваютъ ихъ по этому большей услужливости

(Θεод.). Говори имъ: «если вы удостоились такой чести, что господами имѣете братій (или господь имѣете братіями), то должны ради сего преимущественно повиноваться имъ» (св. Злат.). «Нельзя такъ,—что послыку ты братомъ сталъ имѣть господина въ силу крещенія, то тебѣ можно небрежно относиться къ нему; напротивъ, въ этомъ самомъ находи побужденіе—служить и рабствовать ему еще съ большимъ усердіемъ» (Θеоф.).

Побужденіемъ же къ сему выставляется: *зане вѣрни суть и возлюблены, иже благодать воспріемлющии*. Вѣра не отнимаетъ права господства, а украшаетъ его. Слуга, чтущій высоко вѣру, высоко чтитъ ея и въ господинѣ, а ради ея и господина. Отсюда — не умаленіе чувства обязанности рабствовать, а возвышеніе, и какъбы освященіе. И рабствуй паче, говоритъ, *зане вѣрни суть*. Но въ силу вѣры они *и возлюблены*,—возлюблены Богу (Экум.),—возлюблены и рабамъ, потому что къ этому обязываетъ и располагаетъ вѣра, учащая любить и чужихъ всѣхъ, а не только своихъ, и притомъ такихъ, кои господа имъ суть. Нельзя вамъ не чувствовать, сколь благо для васъ, что имѣете господь вѣрныхъ и возлюбленныхъ. Но «насколько облагодѣтельствованы вы тѣмъ, что имѣете господь братьями, настолько и сами будьте благодарны, усерднѣе служа имъ» (Экум.). «Сказавъ: *возлюблены*, Апостоль изгоняетъ страхъ, имѣя который къ господамъ, слуги часто впадаютъ въ ненависть къ нимъ, — и вмѣсто ея вводитъ любовь» (Θеоф.), или «со страхомъ сочетаваетъ любовь» (Экум.).

Иже благодать воспріемлющии,—которые благодать воспріемлющии суть,—воспріемлютъ, причастны суть благодати, т.-е. получили отпущеніе грѣховъ, приняты въ сыновство Богу, снабжены дарами Духа Святаго. Тѣ, которые приняты въ такую милость Божію и такъ Богомъ почтены, не должны ли и слугами болѣе быть почтены чрезъ изъявленіе большей покорности и большого усердія въ служеніи имъ? Такую мысль подаетъ славянской

переводъ, — каковой переводъ допустимъ и греческимъ текстомъ: *οι της ευεργεσιας αντιλαμβανομενοι*, — которые благодѣяніе воспріемлютъ, или причастны благодѣянія, — разумѣется, — Божія благодѣянія намъ грѣшнымъ, верхъ котораго есть устроеніе спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ — сія *благодать возблагодать*.

Но греческій текстъ можетъ подавать и такую мысль: которые пекутся и ревнуютъ о благодѣяніи, подразумевадается, рабамъ, — «которые заботливо стараются благодѣтельствовать рабамъ» (Экум., Теоф.). По-русски такъ и переведено: которые благодѣтельствуютъ имъ — рабамъ. И наши толковники всю эту мысль держать. Св. Златоустъ говорить: «господа больше доставляютъ рабамъ, чѣмъ рабы господамъ; ибо первые и золото тратятъ на нихъ, и заботятся о снабженіи ихъ необходимыми вещами, одеждою и всѣмъ прочимъ. И на это здѣсь указывая, Апостоль говорить: *οι της ευεργεσιας αντιλαμβανομενοι*, которые пекутся добро дѣлать вамъ, рабы. Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствія, — и уже ли не должны пользоваться великою честію отъ своихъ домочадцевъ?» — Тоже и у блаж. Теофилакта: «вспомни (слуга), что онъ (господинъ) еще и благодѣтель твой (не только вѣрный и возлюбленный), беспокоится и печется о тебѣ, чтобъ накормить тебя, чтобъ одѣть и всякой другой удовлетворить твоей потребности и нуждѣ: такъ что у него много правъ на тебя (на твою ему покорность и служеніе), кромѣ того, что купилъ тебя».

Предполагается, что господа, увѣровавъ и освятившись благодатію, измѣнили свой деспотскій нравъ, и стали обращаться съ рабами, какъ съ своими кровными, и держа ихъ хорошо, и любовное къ нимъ расположеніе являя. Вслѣдствіе чего они, возлюбленные рабамъ по вѣрѣ, еще болѣе возлюблены по благодѣяніямъ своимъ къ нимъ. Почему сіи послѣдніе естественно усерднѣе должны служить имъ теперь, чѣмъ прежде. Вѣрнымъ господамъ, говорить, Апостоль рабы должны усерднѣе служить

потому что они вѣрны и возлюбленны, и тѣмъ паче потому, что они имъ самимъ благодѣтельствуютъ, будто воздая имъ добромъ прежде, чѣмъ они дѣлаютъ что для нихъ; считайте себя уже отблагодѣтельствованными со стороны господъ за ваше имъ служеніе (Экум.). Служа имъ, оплачивать имъ будете долгъ благодарности за ихъ благодѣянія къ вамъ, васъ покрывающія и обнимающія.

Сія учи и моли. *Учи*, какъ власть имѣющій, *умолай*,— уговаривай, убѣждай, какъ любящій отецъ или братъ. «Дѣлай первое, какъ учитель, второе какъ отецъ» (Θеод.). «Учителю должно употреблять не только власть, но и великую кротость, и съ другой стороны не только кротость, но и власть» (св. Злат.). «Ибо врачъ есть, а врачъ беретъ иногда мягкостію, а иногда и строгимъ принужденіемъ» (Θеоф.).

Слова сїи у насъ стоятъ въ связи съ предыдущимъ, то-есть съ тѣмъ, что слѣдуетъ внушать рабамъ. Такъ можетъ быть и требовалось, не столько по важности самаго предмета,—покорности рабовъ господамъ, сколько по вреду, какой могла нанести церкви и вѣрующимъ непокорность ихъ. — Но кажется лучше соединять ихъ съ послѣдующимъ, и относить ко всему сказанному выше. Св. Златоустъ отрываетъ сїи слова отъ этого—2-го стиха, и соединяетъ съ слѣдующимъ,—3-мъ.

Епископъ Теофанъ.

ПИСЬМА

къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.

XXXVII *).

Рѣшаетесь жить не въ монастырѣ, а при монастырѣ,— и это можетъ быть не худо. Свободку возлюбили. Блюдите же, да не свобода ваша будетъ въ вину самоугодія. Можно и здѣсь устроить такой порядокъ, что вы будете жить въ постоянномъ отреченіи отъ своей воли. И это не трудно сдѣлать. Надобно только построже разграничить, чтѣ идетъ къ самоугодію и чтѣ къ богоугожденію во спасеніе. Затѣмъ все могущее питать самоугодіе надо отвергать, принося то въ жертву Богоугожденію. Вы должны быть сами для себя строгою игуменьею. Ваше собственное сознаніе, страхомъ Божиимъ и совѣстію руководимое и вооруженное, должно нудить васъ пресѣкать всякое самоугодіе въ его зародышѣ и направлять дѣла и занятія ваши наперекоръ ему; а вы покорно слушайте такихъ внушеній и исполняйте ихъ, и будете послушница, не легчайшее иго послушанія несущая, чѣмъ какъ еслибъ положили вы жить въ монастырѣ.

Между прочимъ спрашиваете: чтѣ значитъ быть умомъ въ сердцѣ? Прошлый разъ я вель объ этомъ рѣчь. Развѣ не ясно говорено?—Повторю. Вотъ что значитъ!—Знаете, гдѣ сердце? Какъ не знать? Чему же учились? — Такъ

*) Предшествующія письма см. въ книжкахъ Душ. Чт. 1880 и 1881 гг.

станьте тамъ вниманіемъ и стойте неслухомъ,—и будете умомъ въ сердцѣ: умъ неотлученъ отъ вниманія: гдѣ оно, тамъ и онъ. Вы писали, что часто при чтеніи акаѳиста сладчайшему Іисусу чувствуете огонь въ сердцѣ. Вотъ, гдѣ это чувствуете, тамъ и будьте вниманіемъ и не выходите вонъ не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять тамъ надобно не просто, а съ сознаніемъ, что стоите предъ лицомъ Господа, или предъ всевидящимъ окомъ Его, прозирающимъ въ сокровенности сердечныя; а чтобъ такъ стоять, старайтесь имѣть возгрѣтымъ какое-либо чувство къ Богу—страха, любви, упованія, преданности, сокрушенія болѣзненнаго, и проч. Се—норма внутренняго строя. Блюдайте, и какъ только замѣтите, что онъ нарушился въ чемъ-либо, спѣшите возстановлять его.

Но, конечно, прежде чѣмъ блюсти стояніе въ сердцѣ, надобно стать тамъ. Вы большею частию живете въ головѣ, а въ сердце сходите лишь тогда, когда головная работа возбудитъ какое-либо чувство. А надо наоборотъ въ сердцѣ быть неотходно, а голову совсѣмъ бросить, и если встрѣтится нужда, по потребностямъ жизни духовной, поработать умомъ, то пусть онъ тогда работаетъ, сидя въ сердцѣ. Какъ привыкнуть въ семь сидѣній, я писалъ вамъ прошлый разъ. Надобно побольше возгрѣть благоговѣйныхъ и святыхъ чувствъ въ сердцѣ. Образъ совершенія молитвословій, прописанный мною, есть самый надежный и прочный къ тому способъ. Вы пишете, что начали творить свои молитвы по тому способу. Приложите усердіе совершать сіе въ совершенствѣ, какъ должно, и все будете богатѣть св. чувствами, а они будутъ держать умъ въ сердцѣ. Безъ чувствъ не удержите его дома; все будете вырываться и блуждать по сторонамъ.

Благослови Господи трудъ вашъ—дойти до навыка совершать молитвословіе, какъ указано. Начали; но мнѣ показалось, что вы все-таки спѣшите, чтобъ дочитать до конца положенное. Это до конца надо совсѣмъ выбро-

силь изъ вниманія,—и всю заботу обратить на возгрѣваніе святыхъ чувствъ, не позволяя себѣ ничего въ ущербъ имъ. А вы не такъ поступаете. Пишете, что при чтеніи одного псалма пошли слезы. Вамъ и слѣдовало его еще читать, или повторять тѣ особенно стихи, которые возбуждали плачь, не двигаясь впередъ, хоть бы и все время, положенное на ту службу, прошло въ этомъ, и съ прибавкомъ. А вы потекли дальше и разогнали свой плачь. Плача что можетъ быть дороже? А то дочитаніе до конца что вамъ принесло? Ровно ничего. Вотъ вы и оказались дѣйствующею не въ видахъ своихъ духовныхъ пользъ. Пишете еще: въ другой разъ самъ собою зачитался пятидесятый псаломъ. И читали бъ его, если онъ приводилъ въ движеніе чувство. А вы все свое—гнать до конца.

Припомните, что пишется про одного великаго старца, какъ онъ рѣдко дочитывалъ и одну главу изъ Псалтири, потому что уходилъ въ духовныя чувства, и стоя предъ Господомъ въ сердцѣ, молился самъ отъ себя соотвѣтственно тѣмъ чувствамъ, и уже не ворочался къ чтанію. Вотъ какъ надо. Безъ чтанія Псалтири, или молитвенника намъ нельзя. Этимъ подогрѣвается сердце, какъ подбрасываніемъ дровъ усиливается ослабѣвающей въ печи огонь. Но когда сердце разогрѣется и какое-либо чувство завладѣетъ всею душею, тогда не слѣдуетъ далѣе читать. Это будетъ только разбивать чувство, и правило пройдетъ безъ всякой пользы. А нѣкто мнѣ рассказывалъ вотъ что. Вздумалъ я, говорить, во время утрени пятидесятый псаломъ читать, мысленно обращая всякій стихъ въ особую молитву. Утренняя кончилась, а я пятидесятаго псалма не кончилъ, хоть все (время) молился.—И у многихъ отцевъ святыхъ читается: брось мѣру, т. е., опредѣленное число псалмовъ и молитвъ.

Причащаться св. Христовыхъ таинъ почаще—хорошо. Если можете, и не разъ въ мѣсяцъ причащайтесь. Первые христіане на каждой литургіи причащались. Но объ этомъ поговорите съ своимъ духовникомъ.

Въ церковь ходить надобно; но какъ вы немощная, то можете увольнять себя отъ этого, когда немощь бываетъ, и ходить, когда здоровы. Когда не ходите, укоряйте себя, какъ лѣнливую и исключимую рабу. Дома такъ помолитесь, какъ въ церкви, не можно.

Откуда вы взяли, что я часть назначилъ вамъ на вечерню?—Я писалъ только примѣрно, предоставивъ все вашему усмотрѣнiю. Время опредѣляйте, какъ для васъ пригожѣй; только безъ поблажки лѣнности. Не во времени сила, а въ духѣ. Если читаемое, на домашнемъ правилѣ, читается будто отъ себя, со вниманiемъ и соотвѣтственными чувствами, то это—должное чтанiе. *Останавливаться надо, только, когда особое чувство всею душою завладѣеть. Тогда книжку въ сторону,—и молиться такъ. Приступая къ молитвословію, всегда надо расшевелить душу, если она не въ чувствѣ, размышленiемъ, воззванiемъ къ Господу и поклонами, и тогда начинать сго. Впрочемъ молитвословіе, прежде обдуманное и občувствованное, само расшевелить. А которое необдуманно и необчувствовано, скорѣе разсѣеть, чѣмъ собереть. Такое лучше замѣнять поклонами съ молитвою Иисусовою, или другою какою коротенькою. Иногда и всѣ службы можете симъ способомъ справлять.

Обычное бдѣнiе у отцевъ есть половину ночи употреблять на молитву; а когда всю ночь стоять на молитвѣ, то это будетъ всенощное бдѣнiе: У кого-то, не помню, написано: съ вечера молись два часа, и ложись спать. Поспи часовъ шесть и вставай, и уже молись до утра, т.-е. часа четыре. Примѣняйте къ этому и свой сонъ.

Всенощное бдѣнiе,—въ 12 часовъ длительности, — не особая служба, а таже, что у насъ кончается часа въ два или три. Растягивается оно на всю ночь протяжнѣйшимъ пѣнiемъ и вставкою чтенiй изъ св. отцевъ, которыхъ бываетъ до 6 и 7. Вамъ, если вздумаете, можно растянуть тоже чтенiями, а вмѣсто пѣнiя вставляйте больше поклоновъ между разными частями службы, и протянете.

XXXVIII.

Что же это такое съ вами дѣется? Не успѣли вы начать дѣла жизни достоудолжной, какъ пошли у васъ какія-то чудесности.—Видѣли во снѣ лице чедовѣка невиданнаго прежде, а послѣ увидѣли карточку, схожую съ тѣмъ чедовѣкомъ. Оказалось, что во снѣ видѣли то лице, которое желалось видѣть. Была какая-то юродивая, и хоть нельзя было разобрать толкомъ рѣчей ея, но видно, что она общаетъ вамъ что-то великое. Затѣмъ у васъ чуются какія-то отрады, такъ что будто небо преклонилось къ вамъ,—чувствуете, что Богъ васъ любитъ, и вы Бога любите,—и еще что-то подобное было. Святая, да и только. Но все это еще бы ничего, по то дивно, что вы сами, кажется, начали склоняться на ту мысль, что вы какая-то особая избранница, и въ самомъ дѣлѣ уже махнули далеко. Всѣхъ назади оставили. Изъ молодыхъ ранняя. Но какъ же это вы не подумали, что не бываетъ такъ, чтобъ десять-пятнадцать поклоновъ положивши, можно было встрѣтить такія особенности въ истинномъ ихъ видѣ?—Все, испытанное вами, бываетъ и въ истинномъ Божіемъ порядкѣ; но для васъ быть сему очень рано. Нѣтъ тутъ истины, а все прелесть вражія. Вы не вѣрите въ козни врага, вотъ онъ и городить предъ вами, что считаетъ подходящимъ. Цѣль же у него та, чтобъ ввести васъ въ самомнѣніе и отчуждать отъ благодати, которая не можетъ оставаться тамъ, гдѣ качествуетъ самомнѣніе, какъ пчела въ дыму; а потомъ, когда останетесь вы одни,—свернуть вамъ голову. Это только начало онъ полагаетъ, и на этомъ не остановится, а все болѣе и болѣе будетъ опутывать васъ подобными оболстительными призраками, пока совѣмъ втянетесь въ самомнѣніе. Подъ прикрытіемъ вашего невѣрія въ его козни ему легко будетъ въ этомъ успѣть. Вы будете думать, что все это или вашего ума просвѣтленнаго дѣло, или ангельское

внушеніе,—и будете тѣмъ питать свое самочувствіе, самоцѣненіе и самомиѣніе. Когда все будетъ подготовлено, тогда онъ подкатитъ къ вамъ на огненной колесницѣ—взять васъ на небо.—И вы по самомиѣнію согласитесь.— И полетите, только не на небо, а во вражье жилище.

Я прописываю это вамъ, какъ дѣло вѣроятное и надъ вами сбыточное. Но что такъ бываетъ, сколько ужъ было опытовъ?!—Напомню вамъ одинъ.

Въ одномъ монастырѣ былъ ретивой инокъ,—любимецъ и питомецъ настоятеля. Пришло ему въ голову—въ затворъ. Старецъ отговаривать. Куда?! Въ затворъ, да и только.—Подержалъ, подержалъ старецъ; наконецъ согласился. Была недалеко гора; въ горѣ пещера. Взобрался туда новый безмолвникъ. Сидитъ. Выходъ крутъ. Пищу ему подавали на веревочкѣ, которую онъ спускалъ внизъ. Молился, читалъ, справлялъ руководѣліе. Старецъ навѣщалъ его,—и наблюдалъ за теченіемъ его помысленій. Такъ прошло довольно времени. Молодой безмолвникъ держалъ дѣло какъ слѣдуетъ, и началъ ощущать дѣйствія духовныя. Это въ порядкѣ вещей. Но ему сразу шибнуло въ голову: вотъ какъ мы! Разъ-другой отплюнулся, а потомъ и пропускать сталъ такой помыслъ. Дальше, да дальше, и установилось помысленіе, что онъ любимецъ Божій, Богъ обнимаетъ его невидимыми объятіями любви... и у него рай. Доведши его до этого, врагъ поприлежниѣ за него взялся. Началъ—то во снѣ, то чрезъ внушеніе въ помыслахъ,—открывать ему, что тогда-то тотъ-то къ тебѣ придетъ, а тогда-то тотъ-то, что тамъ-то то-то сдѣлалось, или дѣлается, а тамъ-то вотъ чтò. И всѣ эти откровенія оправдывались на дѣлѣ. Тутъ ужъ и сомнѣнія не оставалось въ юномъ старцѣ, что Богъ въ немъ,—и что предъ нимъ всѣ тайны открыты. Еще немножко, и врагъ подступилъ къ нему въ видѣ Ангела свѣтла и говоритъ: Богъ внял твоимъ молитвамъ и трудамъ, и положилъ пресѣчь твое земное странствіе. Господь послалъ меня сказать тебѣ, что завтра въ полночь Онъ явится тебѣ и возьметъ тебя

съ собою. Будь готовъ!—И—Боже мой! какая радость?! Приносить пищу. Онъ говоритъ сверху принесшему: нѣтъ; ужь мнѣ не нужна теперь эта пища. Скоро начну вкушать иную въ царствіи небесномъ. Изумился принесшій. Постояль - постояль и пошелъ домой. Приходитъ къ настоятелю и говоритъ, что слышалъ. Ужаснулся старецъ и поспѣшилъ въ пещеру. Взобрался, и ну толковать юному небошественнику, что онъ въ прелести, и что врагъ хочетъ сгубить его. Слушать не хочетъ, говоря: какъ такъ? Не млю ли я въ молитвѣ? Не испыталъ ли откровеній и озареній?—Нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ все это было отъ врага. Старецъ толковалъ ему, что врагъ можетъ поддѣлываться и подъ проявленія духовной жизни, искусно прикрывая при семъ свою мрачность,—и что именно бывшія тебѣ откровенія суть вражескія противъ тебя, козни.—Не повѣрилъ юный словамъ старца и остался при своемъ. Тогда старецъ сказалъ: такъ я не отойду отъ тебя, пока придетъ тотъ, кто обѣщался придти къ тебѣ. Сидятъ, бесѣдуютъ, совершили и обычное ночное правило. Настала полночь,—и явился взятсль на небо. Старецъ сразу узналъ его и сталъ между имъ и своимъ питомцемъ. Тотъ хотѣлъ силою взять свою добычу, но старецъ не давалъ. Произошла борьба: тотъ тянулъ юнаго къ себѣ, а старецъ не уступалъ. Богъ помогъ ему не выпустить изъ рукъ своего любимца, но врагъ успѣлъ сорвать съ него мантию. Взлетѣвши съ пею на воздухъ, онъ изорвалъ ее въ клочки, которые падали оттуда мимо отверстія пещеры. Старецъ сказалъ тогда своему юному небошественнику: видишь, клочки-то летятъ? Тоже было бы и съ тобою, еслибъ не помогъ мнѣ Богъ защитить тебя.—Затѣмъ свелъ его внизъ, и помѣстилъ среди братій.

Видите, какъ дѣло-то? И какъ скоро можно попасть въ когти челоувѣконенавистнаго врага, котораго козней вы не признаете! А исторію Исаакія затворника пещерскаго вы конечно знаете. И къ св. Симеону столпнику подлетала огненная колесница, и онъ ужь занесъ было и ножку.—

Удостоверьтесь же, какъ хитръ врагъ, и какъ искусно можетъ онъ прикрывать свои когти. И какъ потому очень возможно и вамъ попасть въ нихъ. Бывшее съ вами, я не колеблясь признаю кознями врага. Если теперь же сразу не отбросите ихъ съ отвращеніемъ, и вникнувъ въ сердце, не изгоните изъ него всякое самочувствіе и самоцѣненіе, и на мѣсто ихъ не водрузите чувства своей всесторонней ничтожности и ни къ чему негожести, то онъ не полѣнится потрудиться надъ вами и окружить васъ еще болѣе отуманивающими призрачностями.

Больше объ этомъ распространяться не буду.—Извольте мѣрою своего успѣха въ духовной жизни считать все болѣе и болѣе углубляющееся чувство своего непотребства и недостойнства предъ Богомъ, и всякую мысль,—что будто мы съ вами ужь не то, чѣмъ другіе, гоните какъ вражеское всѣянiе, и истребляйте, какъ вражескіе силки.

XXXIX.

Я не могъ не обратить вниманія на то, что вы написали о бывающемъ съ вами. И не измѣню своего о томъ понятія. Тутъ явны козни врага. — А вы — въ протестъ. Говорите,—что «въ наше время уже не бываетъ такихъ искушеній». А знаете ли вы это? — Если не знаете, то зачѣмъ и говорить? Врагъ все одинаковъ; и если гдѣ найдеть подходящимъ сказанное мною искушеніе, то не откажется подвергнуть ему преслѣдуемаго имъ, не страшась показаться несовременнымъ. Ему лишь бы душу сгубить. Я нахожу, что къ вамъ очень можетъ онъ подойти съ такою прелестію. Ваша обстановка такая, что къ другому чему въ васъ не свободно ему руки приложить. Да вѣдь не все огненные колесницы. Пріемы разные; а цѣль одна—засѣменить самоцѣненіе, раздуть его въ возношеніе, и завершить дѣло гордынею богопротивною. А возношеніе развѣ не колесница огненная? Еще какая огненная - то, и притомъ какая легкая! Духомъ за

облака, далѣе на самое небо и на равный Божиему престолъ.—Тамъ и будетъ парить, пока не изречется приговоръ правды: во адъ спидеши!

Пишете, что «умѣете различать помыслы», и даете мнѣ самому дополнить эту рѣчь: слѣдовательно могли бы узнать, еслибъ было что худое въ бывшемъ съ вами. Какъ не замѣтили, то, стало-быть, худаго тутъ ничего и не было. — Неправда; оно тутъ было, только прикрито. Видимость вся не худа; но что внушалось и что принято, то худо. Мнѣ никакого нѣтъ удовольствія павязывать вамъ какую-либо худобу. Но видя, какъ ей возможно быть, и замѣчая маленькіе слѣдочки ся, какъ могу не предостеречь и не указать?! Вотъ это я и сдѣлалъ. «Умѣю различать помыслы». А св. Симеонъ развѣ не умѣлъ? Св. Исаакій развѣ не умѣлъ? И многіе другіе развѣ не умѣли?—И однакожь видите, что было съ нами? — Вы, кажется, воображаете, что врагъ — дурачекъ. Если станетъ искушать, то прямо какимъ-либо явнымъ худомъ. Пойдетъ онъ къ вамъ съ худомъ! Ужь какія свѣтлости представить, что вы и ротъ разинете. Тутъ-то онъ васъ и схватитъ. Яму открытую всякій увидитъ; а яму прикритую цвѣтами не всякій распознаетъ. Не распознаетъ и упадетъ въ нее. У врага нашего два дѣйствующихихъ полка. Одинъ соблазняетъ кажущимся, призрачнымъ добромъ; а другой — настоящимъ зломъ. Первые пролагаютъ дорогу вторымъ. Тѣ начинаютъ, а эти заканчиваютъ пораженіе.

Заключаете: ну,—буду стараться дойти до чувства своей негодности, чтобъ видѣть себя слѣпою, расслабленною и прокаженною.—Вотъ это лучше всѣхъ разсужденій. Ни на что Господь не подаетъ такъ скорой помощи, какъ на восчувствованіе этого. Когда восчувствуете это, — и не кое-какъ, не поверхностно, а глубоко; тогда устройте около себя ограду изъ гранита и стали. Врагу много надо будетъ хлопотъ, чтобъ достать до васъ,—и когда достанетъ, ничего не подѣлаетъ; ибо у васъ будетъ тогда

еще и броня,—и свѣтъ будетъ около, ослабляющій врага, такъ что ему не видно будетъ, куда направлять удары.

Незавидное ваше здоровье — Божія вамъ милость. Еслибъ вамъ, при живости вашего характера, здоровье, то кто бы васъ удержалъ въ такомъ смиренномъ образѣ жизни? Цѣль, коей достигнуть стараетесь, удобнѣе достигается при немощахъ. Благодарствуйте же и благодарите Господа. Что не можете исполнять, какъ бы хотѣлось, молитвеннаго правила, не смущайтесь тѣмъ. Имѣйте одно правило — быть въ молитвенномъ настроеніи, — т.-е. во благоговѣиствѣ предъ Богомъ, и въ преданности въ Его святую волю. Чтобъ мысли не блуждали, повторяйте какой-либо коротенькій молитвенный стишокъ, или читайте псалмы, какіе знаете на память, и изъ каждаго стиха изводите свои молитовки, примѣнительно къ вашему положенію.

XI.

Кто же это вамъ сказалъ, что трудно спастись? Стоитъ только захотѣть и взяться за дѣло рѣшительно, — и спасеніе готово. Оно уже приготовлено для всякаго: приди только и возьми. Такъ что трудно не спастись, а трудно захотѣть встать, пойти и получить спасеніе. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ говорить: трудно спастись, а лѣнь намъ спастись.

Самимъ намъ не только трудно, но и рѣшительно невозможно спастись. Но съ Господомъ Спасителемъ — какой трудъ? Имѣемъ Бога, который всѣ промыслительныя дѣйствія свои направляетъ къ тому, чтобъ всѣ мы пришли въ познаніе истины и спаслись, — и еще будетъ намъ трудно спастись?!

Есть конечно въ семъ трудъ: ибо какое же дѣло дѣлается безъ труда? Но трудъ нашъ въ содѣваніи спасенія такъ малъ и ничтоженъ сравнительно съ великостію дѣла спасенія, что о немъ и помянуть не стоитъ.

Для васъ все еще темень спасительный строй внутри. Читайте первые пункты Филофея Синайскаго въ Добротолюбіи, и смотрите, что тамъ? Одинъ актъ,—и все тутъ. Ибо онъ все къ себѣ стягиваетъ и держитъ въ строю. Извольте такъ устроиться, и получите должный строй внутри, и ясно его увидите. Актъ сей есть — стать вниманіемъ въ сердцѣ, и стоять тамъ предъ Господомъ въ благоговѣнствѣ. Се—начало духовной премудрости!

Желательно вамъ умудриться въ различеніи помысловъ. — Сойдите изъ головы въ сердце. Тогда всѣ помыслы ясно видны будутъ вамъ, движась предъ окомъ ума вашего острозоркаго; а до того не ждите должнаго различенія помысловъ. Извольте принять къ свѣдѣнію, что различеніе помысловъ не то же, что гнаніе ихъ вонъ, когда они недоброкачественны. Это есть брань мысленная, которой предшествуетъ различеніе, какіе помыслы—друзья и какіе—враги. Увидѣвъ въ нихъ друзей, принимаютъ ихъ съ почетомъ, а увидѣвъ ихъ врагами, прогоняютъ съ безчестіемъ. Вѣдайте также, что различеніе помысловъ различаетъ не добрые только и худые, но и дѣльные отъ бездѣльныхъ и пустыхъ, и кажущіеся добрыми отъ настоящихъ добрыхъ, — наипаче же то различаетъ, какіе помыслы въ видѣ побужденій и цѣлей окружаютъ дѣла наши,—и обычные и особыя какія,—чтобъ не прокрались побужденія и цѣли, неспозволительныя въ добромъ христіанинѣ, и не испортили дѣлъ нашихъ. Чего это касается, и какъ все дѣлается, учитесь у св. Лѣвствичника, въ особомъ пространномъ словѣ его о различеніи помысловъ. По тѣмъ указаніямъ и начинайте дѣйствовать,—и опытъ всему васъ научитъ.

Вамъ желательно бываетъ оцѣнить себя поопредѣленнѣе, что вы такое. Начто же это вамъ?—И какъ же вы не видите тутъ врага, который пролагаетъ вамъ дорогу къ самоцѣну, — сей пагубнѣйшей язвѣ? Небойсь красно при этомъ раскрашаетъ, сколько отъ этого пользы, — и все духовныхъ!!! — А вы и порываетесь къ тому: врага,

т.-е., слушайте, и въ пагубу спѣшите. Только поддайтесь; и онъ тотчасъ подпуститъ вамъ яду самоцѣна, и вы пуститесь мечтать о себѣ,—что вотъ ужь какъ хватили, не то, что тѣ-то и тѣ-то. И начнете вы на всѣхъ смотрѣть, какъ съ колокольни, смотрѣть, т.-е. вражескими глазами. Вотъ и польза духовная!—Опять прихожу къ мысли, что вы все въ головѣ, а не въ сердцѣ. Сойдите въ сердце,—и тотчасъ оцѣните себя. Вы изъявляли желаніе дойти до чувства своего непотребства. Вотъ это вы и начнете видѣть и чувствовать, какъ только сойдете въ сердце. Чѣмъ дальше, тѣмъ это яснѣе будетъ видѣться. Наконецъ порѣшните: слѣпая я, разслабленная, прокаженная,—и это не заученною фразою, а самымъ глубокимъ и нераздвоеннымъ чувствомъ сердца. — И се—та двѣнадцатая степень духовнаго совершенства, о которой говоритъ св. Макарій Египетскій въ своихъ бесѣдахъ!

XLI.

Какъ это врагъ ухитрился увѣрить васъ, что его нѣтъ, или если есть, то ничего сдѣлать намъ не можетъ? Последнее совершенно вѣрно, если всю силу свою будемъ полагать въ Господѣ, а не въ себѣ самихъ. Но это не значить, что можно ужь жить спустя рукава. Врагъ все юлитъ около насъ, и мало-мало случай, тотчасъ подстрѣваетъ съ своими совѣтами, красными всегда на видѣ и всегда бесполезными и вредными. Потому надо быть насторожѣ и ухо держать остро, чтобъ замѣчать его хитрости и замѣтивъ отражать ихъ простотою вѣры въ Господа, ратуя именемъ Его.

Не думайте, что онъ сразу станетъ предлагать вамъ грубое что. Нѣтъ, онъ начинаетъ всегда благовидностями; отъ нихъ переходитъ къ пустякамъ; отъ этихъ къ маленькимъ грѣшкамъ, а отъ сихъ и къ большимъ. Но обычнѣйшее его занятіе—игра въ помыслы. Все подбра-

сбиваетъ то одно, то другое; цѣль же та, чтобъ отвлекать отъ достодолжныхъ помышленій и занимать душу бездѣльемъ, имѣя однакожь въ виду, не откроется ли возможность посѣять и что-либо худое. Такъ сѣетъ врагъ души всего міра, какъ въ рѣшетѣ. Осмотритесь и увидите, что въ этомъ отношеніи много даемъ мы выигрышей врагу. О томъ, какъ съ этимъ быть, читайте у Исихія о молитвѣ и трезвеніи.

Пишете: «кажется, я смиренна». — Что вы смиренны, это видно. Но смиренны ли вы, это другой вопросъ. Есть также разница между смиреніемъ и смиряніемъ. Кто смиряетъ себя, тотъ еще не смиреннъ, а ищетъ смиренія и хочетъ быть смиреннымъ. Я полагаю, что вы хотите быть смиренною и ищете смиренія; но смѣшивая смиряніе со смиреніемъ, считаете уже себя смиренною. Потрудитесь въ себясмиряніи, и смиренными станете.

Что, просыпаясь, находите иногда какой-либо стихъ изъ псалмовъ въ устахъ, это великая милость Божія. Ангель Божій влагаетъ эту молитву предъ просыпаніемъ. И читайте этотъ стишокъ цѣлый день, или пока читаетесь. Записывать надо. Заведите особую для этого тетрадку. Пригодится.

«Иногда, говорите, поражается ожиданіе, что все у меня можетъ быть отнято, даже пища, одежда, кровь». — Что же — вы на этомъ и останавливаетесь?! Нѣтъ; вы доканчивайте такое помышленіе такъ: только Господь не можетъ быть отнятъ; буду же всею ревностію ревновать о томъ, чтобъ стяжать Господа и никогда не лишиться Его со мною сопребыванія. — За тѣмъ, не возвращайтесь къ тому, чтобъ упрочить свое вѣдѣніе; пусть оно подъ этимъ титломъ и остается навсегда, т. е. подъ титломъ обреченнаго на исчезновеніе и готоваго къ тому поминутно. Изъ этой мысли родится потомъ чувство отрѣшенія отъ всего, — будете какъ отрѣзанная отъ всего. Это сдѣлаетъ васъ опорожненнымъ сосудомъ, въ который удобно уже будетъ помѣщать всякое стяжаніе духовное, вѣчно пребывающее. —

Такъ пусть идетъ у васъ въ духѣ. Но ничего нѣтъ дивнаго, что и самымъ дѣломъ можетъ такъ совершиться. На свѣтѣ не одинъ Іовъ оставляется, какъ перстъ,—ничего нѣтъ и на гнойщѣ. Страшно, вѣдь, это; а у Господа—это золотая лѣствица на небо.

XLII.

«У меня дѣло идетъ дурно. Душа не на мѣстѣ, мысли блуждаютъ, читать духовное охоты нѣтъ, правило исправляется вяло и лѣнливо и ко всему стала я равнодушна. Будто что-то ушло изъ души».

Есть, о чемъ пожалѣть; однакожь не падайте духомъ. Состояніе ваше есть состояніе охлажденія, какъ говорятъ св. отцы. Оно бываетъ и наказательное и научительное. Какъ наказаніе, бываетъ оно за какой-либо грѣхъ, словомъ, дѣломъ, мыслию, чувствомъ. Какъ наученіе, бываетъ оно по намѣренію Божію научить подвизающагося духовной опытности.—Какъ у васъ?—Смирннѣе будетъ думать, что это съ вами за что-либо грѣшное, какъ вы и думаете, хотя не ясно сознаете, за что. Кайтесь и молитесь милостиваго Господа возвратитъ вамъ Его отческія объятія. А между тѣмъ вникните получше, что было у васъ предъ этимъ, не увидите ли опредѣленной причины, за которую терпите такую тяготу. Увидѣвши же, положите не ходить болѣе тою дорогою, которая привела васъ къ такому состоянію. Такое рѣшеніе ускоритъ и помилованіе, съ возвращеніемъ потеряннаго.

Состояніе это означаетъ, что благодать Божія отступила,—не бросила, а отступила, и стоитъ внѣ. То была внутри, а теперь внѣ; и вы остались, какъ раздѣтая на холодѣ, какъ комната, изъ которой въ отворенныя окна вышло все тепло.—Какъ воротить?—Такъ именно, какъ вы дѣлаете,—молитвою, сокрушеніемъ, прибавленіемъ лишней плоти въ пищѣ и снѣ; прибавьте, если можете, побольше

помоганія нуждающимся. Трудитесь и потѣйте. Смиляется Господь и снова пошлетъ вамъ благодать свою. Но времени, когда это будетъ, назначать нельзя. Возвращеніе благодати не отъ насъ, а отъ самой благодати,—когда благоволитъ, тогда и придетъ, ничѣмъ не ограничиваясь, по свободному изволенію своему. Однакожь не опускайте рукъ, а все вопійте и вопійте, моля о возвращеніи: *когда же приидеши ко мнѣ?* не опредѣляя даже въ умѣ, что вотъ-вотъ воротится, а предавая себя всецѣло въ руки Божіи, да будетъ и сіе дорогое и столь желанное по волѣ Божіей, и въ преданности въ волю Божію соглашаясь терпѣть, сколько Ему угодно будетъ. Утѣшенія духовныя,—благодатныя,—приходятъ и отходятъ, какъ Господу угодно.

Вы говорили: люблю Господа. Не дивно, когда Онъ исполнялъ васъ радостями о Духѣ Святѣ. Извольте теперь любить, когда Онъ оставилъ васъ одну, пустою и голою отъ покровы своего. Это будетъ совершенно безкорыстная любовь, болѣе цѣнная, чѣмъ прежняя.

Вотъ и уразумѣвайте теперь, что есть человѣкъ, оставленный самому себѣ,—и смирайтесь паче и паче. Вы не разъ твердили: у меня разумъ, у меня разумъ. Вотъ извольте теперь изворотиться съ своимъ разумомъ. Когда остались вы одни, врагъ подслушалъ и началъ, какъ пишете, свои предлагать совѣты о лучшемъ устроеніи жизни, внушая, то себя пожалѣть, то даже въ міръ воротиться. Въ міръ воротиться теперь ужь мудрено: отрѣзанный ломоть. Себя пожалѣть благовиднѣе; но не меньше опасно. Кто изъ монахинь, или монаховъ, или вообще изъ подвизающихся,—последуетъ сему совѣту, изъ того выйдетъ мірянинъ или мірянка, подъ монашескою одеждою, или язычникъ подъ христіанскимъ именемъ. Себя пожалѣніе идетъ заодно съ самоугодіемъ и вообще съ самолюбіемъ и есть корень всѣхъ послабленій, опущеній, равнодушія и безопасности. Слышали вы фразу: живущій въ насъ грѣхъ?—Вотъ онъ-то и есть саможалѣніе со свитою

его. Если будете поблажать ему, хоть иногда, то это всегда будетъ, какъ параличемъ разбивать всякое предшествовавшими трудами стяжанное добро. И изъ васъ существенно ничего невыйдетъ, кромѣ одной показной, наружной особы. Вотъ сюда и желательно врагу васъ направить, подъ благовидностію саможалѣнія.

Смотрите, онъ уже и дорожку туда вамъ углаждаетъ. Пишете: «на правилѣ утомленіе объяло,—и тягота такая! Я бросила и съѣла отдохнуть. Тотчасъ пришла мысль, что если меньше трудить себя, или побольше жалѣть себя,—то меньше и искушеній будетъ». Замѣчаете, чья эта логика-то? Вражья. Это онъ васъ по головкѣ гладитъ: умница! И всегда такъ дѣлай, и я не стану тебя искушать. Но начто же вамъ другое искушеніе? Вы уже впали въ него, и если послушаете врага—во всемъ послабить себя, то постоянно будете въ искушеніи: будете творить волю врага, а не Божію. Тогда точно врагъ отступить до времени, и намѣстницею своею оставить саможалѣніе. Когда же укоренится саможалѣніе и будетъ портить всѣ ваши дѣла, тогда онъ съ новою злохитростію подступить,—нельзя ли какъ-нибудь смануть васъ и на какіе-либо грѣшки, не бросающіеся въ глаза. Сообразивъ все сіе, извольте встрепенуться,—и съ лютостію начинайте трудить себя. Тереть себя надо подвигами: треніе теплоту развиваетъ.

«Больше ѣмъ, больше сплю». Это вѣрно въ тѣхъ видахъ, чтобъ меньше было искушеній!?—Логика врага успѣшно въ васъ дѣйствуетъ. Если это по совершенному изнеможенію тѣла, или нездоровью какому дѣлается, то ничего; а если—изъ послабленія, то это отзовется худо на вашемъ внутреннемъ строѣ. И совсѣмъ расслабнете и предадитесь полному нерадѣнію. Устрашите себя симъ, и понудьтесь къ преутружденію себя лишеніями, чтобъ шествовать тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, который есть одинъ настоящій путь.

XLIII.

Когда вы слушали врага, по его внушеніямъ—бросить правило изъ-за уборки комнаты, побольше поѣсть и поспать и проч., тогда онъ васъ по головкѣ гладилъ: умница! всегда такъ дѣлай,—что отзывалось пріятною льготою и нѣкоторымъ молодечествомъ, достойнымъ похвалы. Онъ думалъ, что промолчите,—и хвалилъ. А когда вы рассказали о его продѣлкахъ, это ему не понравилось, и онъ сталъ васъ теревить и бранить, — зачѣмъ то написала, зачѣмъ это сказала, и под.—Вы же, не разобравши, откуда сей вѣтеръ, начали жалѣть и смущаться. Все это вражье дѣло. Вы ничего такъ же не написали, чѣмъ бы можно было смущаться. Все написанное,—обычное и почти повсюдное дѣло. А что написали, объ этомъ и подавно нечего жалѣть. Если положили все, бывающее въ васъ и съ вами, сказывать, то какъ же было не сказать о такихъ высокиихъ плавахъ—ѣсть и пить и Богу не молиться,—а все-таки чаять спасеніе получить и жизнь вѣчную наслѣдовать?—Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что вы, хоть сквозь зубы, начинаете говорить про врага, и иное ему приписывать, яко всѣятелю лукавому и злопамѣренному. Увидите наконецъ, какъ широко его вмѣшательство въ теченіе нашей жизни. Только не ужаснетесь. Потому что вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣритесь, какъ ничтожны всѣ его продѣлки предъ вниманіемъ и молитвою,—рвутся, какъ паутина отъ вѣтра, таютъ какъ снѣгъ отъ теплоты солнечной.

«Чуть открыла глаза,—первою мыслию было, что я не радивая, лѣливая и гордая». — Неописанно хорошо. Это Ангель хранитель задалъ вамъ стихокъ, какъ урокъ. Извольте твердить его и затвердить, чтобъ когда потребуется отвѣтъ, отвѣтить безошибочно и порадовать тѣмъ Ангела своего, а неменьше и Господа Ангеловъ.

О келейномъ правилѣ много заботъ не имѣйте. Надо держать молитвословіе утромъ и вечеромъ, и днемъ въ

какое-либо время. Это когда ходите въ церковь. А когда не ходите, тогда исправляйте службы дома. Ужь я писалъ вамъ не заботиться о количествѣ молитвъ, а о томъ одномъ имѣть попеченіе, чтобъ молитва текла изъ сердца живо, какъ живая струя. Бросьте изъ ума совсѣмъ количество, а имѣйте это одно во вниманіи. Но правило все же требуетъ извѣстнаго порядка. Однакожь не закаляйте себя въ немъ, какъ въ капдалахъ. Пусть онъ будетъ только общею программою, а частности можете мѣнять хоть каждый день, смотря по тому, въ чемъ чаете найти оживленіе молитвеннаго духа. Если закалите, живость ослабѣетъ, и правило обратится въ форму, которая вскорѣ обезжизнитъ молитву. Такъ дѣлайте, чтобъ всякое молитвословіе было, какъ новое.

Что рано проснувшись и совершивъ утреню, опять немного соснете, тутъ ничего нѣтъ худаго. Только не въ поблажку, а по разумному опредѣленію, что это необходимо для бодреннаго дѣйствованія въ продолженіи дня. Четыре-пять часовъ спать,—очень мѣрный сонъ. Можно при этомъ и днемъ сдремнуть немножко. Но бодриться лучше.

Пишете, что нашли рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ въ святоотеческихъ книгахъ. Се добръ! И всегда тамъ надо искать его. И если усердно взыщете, всегда найдете. Особенно въ этомъ отношеніи много полезны свв. Варсанофій и Іоаннъ. И у св. Дорофея встрѣтите доброе разъясненіе многоаго. И у всѣхъ святыхъ можете находить много вразумленія. Читайте только со вниманіемъ, и къ себѣ прилагайте.

Говорите: «страхи нападаютъ, особенно во время молитвы».—Страхъ благословенъ одинъ—Божій; но онъ не имѣетъ ничего страшнаго, всегда благотворенъ. Ваши страхованія, безпричинныя, отъ врага, — и особенно во время молитвы. Видите, какъ онъ около васъ хлопочетъ. Нечѣмъ взять, волосы дыбомъ заставляеть подниматься. Еще св. Антоній писалъ, что врагъ безсиленъ,—и только

страхи можетъ нагонять, или внутренно, или внѣшно — страшными призраками. Главное при этомъ не робѣть. Вы прежде хвалились: плевать на врага; и разумъ имѣю. Вотъ и извольте теперь дѣломъ это показать, только не разумомъ вооружаясь, а молитвою.

XLIV.

Пишете: «отогрѣлась». — Слава Богу! Я очень беспокоился изъ-за этого. Могло такъ и остаться. Но милостивъ Господь, воротилось къ вамъ Его одѣяніе. Когда благодать Божія внутри, душа бываетъ какъ одѣтая въ теплую одежду; а когда отойдетъ, душа бываетъ какъ раздѣтая и на морозѣ.

Отходила; и что въ васъ и съ вами было? — Убѣдитесь же изъ сего, что все хорошее, особенно хорошее состояніе духа, прямо отъ благодати. Свой трудъ всеконечно нуженъ; но онъ не даетъ духовнаго — существенно и прочно, а только ищетъ его и подготавливаетъ къ принятію его. Дастъ все одна благодать. Извольте же это сердцемъ исповѣдать, и себѣ ничего не присвоить. Въ этомъ присвоеніи — грѣхъ чуждоприсвоенія. Никакому труду нельзя приписать силы — подавать искомое. Нельзя говорить: то и то сдѣлаю, такъ и такъ потружусь, — и получу то-то и то-то. Благодать Божія не вяжется контрактами, и дѣйствуетъ всегда, якоже хочетъ. Этого хотѣнія никто угадать не можетъ, или чѣмъ — либо вынудить. Равно и пребываетъ она, гдѣ и какъ хочетъ. Почему и получившій благодать не долженъ говорить или думать: получилъ благодать; теперь ужъ мнѣ нечего много хлопотать. Нѣтъ; и получивши благодать, надо спасеніе свое содѣвать со` страхомъ и трепетомъ. Благодать какъ приходитъ, такъ и отходить, не съ усмотрѣніемъ нашимъ.

Видите, какъ холодно безъ благодати, и какъ душа вяла и неподвижна на все духовное. Таково состояніе добрыхъ язычниковъ, вѣрныхъ закону Іудеевъ, и христіанъ

исправныхъ по жизни, но не помышляющихъ о внутренней жизни, съ ея отношеніемъ къ Богу. Томленія, подобнаго вашему, они не испытываютъ; потому что не ощущали того, что бываетъ подъ дѣйствиемъ благодати. Но какъ по временамъ на ихъ долю перепадаетъ нѣкое утѣшеніе духовное,—естественное;—то они и остаются покойными.

Чѣмъ наипаче удерживается въ душѣ благодать? Смиреніемъ. За что наипаче отходить? Отъ какого-нибудь движенія гордости, самомнѣнія и самонадѣянности. Какъ только ощутить она внутри этотъ дурной запахъ гордыни, тотчасъ и удаляется. Вѣрно что-либо подобное было и у васъ. Вы этого не сознаете. Но примите пока это, какъ умовую истину; а послѣ, Богъ дастъ и чувствомъ ощутите, что бываютъ движенія гордости, которыхъ не сознаетъ душа,—и усерднѣе станете молиться: даруй мнѣ, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія. Вы въ какомъ-то письмѣ доказывали, что смиренны. Но изъ того самаго, что доказывали, слѣдуетъ, что вы не смиренны. Смирненіе себя не видитъ.

Даруй вамъ, Господи, отсель никогда уже не испытывать такого дурнаго состоянія. Но и то надо положить очень вѣроятнымъ, что по-временамъ оно и еще будетъ подходить, хоть не въ такой степени, или будетъ попускаемо и даже невидимо, чтобъ научить душу опытности и паче всего осторожной бдительности, — а еще тому, чтобъ не забывалась и всегда нашла глубокое убѣжденіе, что она сама по себѣ ничто, хотя испытывать нѣчто доброе.

Учитесь все, что ни дѣласте, дѣлать такъ, чтобъ это разогрѣвало, а не охлаждало сердца: и читать, и молитву дѣять, и работать, и съ другими входить въ общеніе надо, все одну цѣль держа—не доводить себя до охлажденія. Топите безъ перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою,—и берегите чувства, чтобъ чрезъ нихъ

не уходила теплота. Впечатлѣнія отъ нея очень трудно уживаются съ внутреннимъ дѣланіемъ.

Вы неправо поняли мои слова о вражескихъ навѣтахъ,—будто, соглашаясь признать въ насъ дѣйствія врага, необходимо при семъ думать, что онъ уже и въ сердцѣ. Нѣтъ, онъ—внѣ и издали стрѣляетъ, внушая дурные помыслы. Какъ только откроется для него возможность, онъ тотчасъ подскакиваетъ и даетъ свои совѣты, кои суть всегда навѣты, хотя кажутся красивыми. Онъ всегда съ благоденствіемъ начинаетъ и отъ нихъ уже постепенно переходитъ къ дурному; дурнаго же вдругъ не совѣтуетъ и когда его совѣтуетъ, прикрываетъ его благообразнымъ покровомъ. Все это вы сами будете разгадывать, когда научитесь внимать себѣ. При всей хитрости врагъ со всѣми своими полчищами есть преглупая ватага. Они пользуются нашею оплошностію. Вниманіе и молитва разстраиваютъ всѣ его злокозненныя хитросплетенія.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ?

Когда Іудеи распяли на крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, и когда чрезъ 50 дней послѣ сего св. апостоль Петръ разъяснилъ имъ всю тяжесть грѣха христуубійства, многіе изъ Іудеи, пораженные ужасомъ, спрашивали другъ друга: «что сотворимъ, мужіе, братіе» (Дѣян. 2, 37)? Когда и нашъ русскій христосъ, помазанникъ, злодѣйски умерщвленъ былъ среди своей многолюдной столицы, у всѣхъ любящихъ царя и отечество изъ растерзаннаго горемъ сердца раздался вопль: что теперь намъ дѣлать? Что сотворимъ, мужіе, братіе? Этотъ вопль раздается еще доселѣ; онъ слышится всздѣ—и въ чертогахъ, и въ хижинахъ, и въ литературѣ, и въ обществахъ; его предлагаютъ и намъ смиреннымъ служителямъ церкви.

«Нужно, слышимъ съ одной стороны, передѣлать весь общественный строй, дать большую, полную свободу слова, свободу сходовъ, на которыхъ бы можно было свободно обсуждать общественныя нужды, карать общественныя пороки. Зло поразившее насъ могло созрѣть только во мракѣ, которымъ мы окружены». «Напротивъ, говорятъ другіе, мы слишкомъ распущены; зло отъ того произошло, что слишкомъ много дали свободы; всякій говоритъ, о чемъ хочетъ; вотъ и договорились. Не расширять, а сократить, обуздать нужно эту свободу». Св. церковь выше этихъ толковъ, чужда всякихъ партій, всякихъ распрей; потому что она одна обладаетъ *вселенскою истиною*. Она, какъ умная мать, или какъ опытный педагогъ, увлекающихся дѣтей своихъ сдерживаетъ, а медленныхъ и робкихъ побуждаетъ и ободряетъ. Она свято чтитъ преданія, но не

отказывается и отъ новаго, если оно хорошо и для чадъ ея полезно. Созидая царство Божіе въ сердцахъ людей, она утверждаетъ, что вѣшнее царство тогда вполнѣ устроится, когда будетъ устроено царство Божіе внутри насъ, т.-е. въ душѣ нашей. Въ этомъ отношеніи она поступаетъ по примѣру Господа нашего Иисуса Христа и Его св. апостоловъ. Такъ Иисусъ Христосъ на вопросъ одного человѣка: «повели брату моему раздѣлить со мною имѣніе», не сталъ излагать законовъ о раздѣлѣ имуществъ. Зная, что какъ бы ни были хороши законы, но если люди будутъ корыстолюбивы, они всегда будутъ при дѣлежѣ имущества ссориться,—и стараясь исторгнуть самый корень зла, Онъ сказалъ: «берегитесь любостыжанія» (Лук. 12, 13—15). Если не будете корыстолюбивы,—мирно подѣлитесь при всякихъ законахъ. Также и апостолъ на вопросъ: «что станемъ дѣлать, мужіе, братіе»?—не сталъ требовать переменъ общественнаго строя Іудеи, хотя этотъ строй былъ тогда и очень плохъ, не сталъ напри- мѣръ говорить такъ: первосвященники сдѣлали великое зло, убили Мессію; будемъ сами выбирать первосвященниковъ; выберемъ и поставимъ къ нимъ совѣтниковъ, безъ которыхъ они не могли бы дѣлать ничего. Онъ зналъ, что дурные люди выберутъ дурныхъ людей, и тогда будетъ еще хуже. Посему, какъ опытный врачъ, чтобы вылечить какую-либо наружную болѣзнь, даетъ лекарство внутрь,—онъ обращаетъ вниманіе не на слѣдствіе, а на причину, отъ которой происходитъ слѣдствіе: «покайтесь, говоритъ, и да крестится кійждо васъ во имя Иисуса Христа во оставленіе грѣховъ», и тогда будетъ все хорошо. Первые христіане заботились о личномъ нравственномъ усовершенствованіи; общественныхъ, политическихъ вопросовъ не касались; и что же? Этимъ самымъ они преобразовали и общественныя учрежденія. Истинный христіанинъ не могъ быть неправеднымъ судіею, дурнымъ адвокатомъ, безнравственнымъ правителемъ; потому что, ставъ такимъ, онъ пересталъ бы быть

истиннымъ христіаниномъ и былъ бы отвергнутъ отъ общенія со всѣми христіанами; на него стали бы смотрѣть, какъ на язычника и мытаря (Мѡ. 18, 17), какъ на еретика, котораго «по первомъ и второмъ наказаніи нужно отрицаться» (Тит. 3, 10). Христіане, блюдя чистоту нравовъ, вносили эту чистоту всюду, гдѣ бы ни находились, гдѣ бы ни служили, въ сепатъ, въ войско, на торжище, ко двору цезарей. Они поистинѣ были свѣтомъ, просвѣщающимъ языческую тьму, проникающимъ всюду. Своими нравами они смягчили языческіе нравы и мало-по-малу переродили все общество, хотя никогда не ставили своею цѣлю мѣнять общественныя учрежденія.

Перемѣнить общественныя учрежденія,—и разомъ все исправится; настанетъ рай на землѣ; воцарится правда въ судахъ, честность въ торговлѣ; сильные перестанутъ тѣснить слабыхъ; бѣдные возлюбятъ богатыхъ; настанетъ миръ на землѣ: «волкъ мирно будетъ жить съ ягненкомъ, барсъ будетъ дружно лежать съ козленкомъ» (Ис. 11, 6); всѣ разбогатѣютъ: «у всѣхъ будутъ поля и виноградники; всѣ будутъ сотниками и тысященачальниками» (1 Царствъ 22, 7). Какое обольщеніе! Откуда же возьмется эта правда, если ея нѣтъ въ душѣ? Откуда будетъ миръ, если въ сердцѣ бушуютъ страсти? Указываютъ на такъ называемыя «правовыя государства». Но гдѣ обезземелитъ народъ? Гдѣ болѣе вопіющей бѣдности, самой ужасающей нищеты, какъ не въ этихъ препрославленныхъ правовыхъ государствахъ? Не на нашихъ ли глазахъ (въ Ирландіи) тамъ выгоняютъ изъ домовъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми, вывозятъ на большую дорогу и бросаютъ тамъ умирать отъ холоду и голоду? Даже такія злоупотребленія, какъ казнокрадство, продажа государственныхъ должностей гдѣ вошли, можно сказать, въ систему правленія, какъ не тамъ же (наприм. въ Соединенныхъ Штатахъ)? А подкупы на выборахъ? А ловкость, съ какою составляется искусственное большинство въ палатахъ? А интриги? Вражда партій? Борьба сословій? Ужели жалѣтъ о

томъ, что эти дурные инстинкты толпы сдерживаются у насъ самодержаніемъ? Не возмутительно ли читать, или слушать, какъ каждая партія выдаетъ себя за народъ, свое мнѣніе за голосъ народный? Народъ—царь, народъ—правитель. Какая злая насмѣшка надъ народомъ! Народъ знать не хочетъ никакихъ партій. Увы! народъ знаетъ что если и теперь при Царѣ-Батюшкѣ сильные иногда тѣснятъ слабыхъ, то что будетъ тогда, когда эти сильные станутъ ограничивать добрую волю самого царя, когда именемъ его начнутъ царствовать? Тысячелѣтній опытъ научилъ народъ, что у семи нянскъ дитя часто бываесть безъ глазу; что горе дому, въ которомъ много хозяевъ; что какъ въ тѣлѣ одна голова, а въ головѣ одинъ царь-умъ,—такъ и въ государствѣ, долженъ быть одинъ царь; что еслибы не самъ почившій Царь-мученикъ, а почтеннѣйшіе представители народа рѣшали крѣпостной вопросъ,—они, по всей вѣроятности, не рѣшили бы его доселѣ. «Это я говорю, скажемъ словами св. Апостола, чтобъ кто-нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами, чтобы кто-нибудь не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніемъ» (Кол. 2, 4. 8). Государство образовалось изъ семьи;—и высшій идеаль государства—это установить такія отношенія между своими членами, какія существуютъ между членами семьи; душею государства, какъ и всякаго общества, долженъ быть не мертвый, сухой, формальный законъ, а всесозидающая, всеоживляющая отеческая любовь; въ немъ должна царить не правда только законная, а правда отеческая, наказуя милующая. Въ семьѣ глава—отецъ, который только въ важныхъ случаяхъ спрашиваетъ совѣта главныхъ членовъ семьи: такъ и въ государствѣ глава одинъ, Богомъ избранный, самодержавный Государь. Возблагодаримъ Бога, что мы въ лицѣ Благочестивѣйшаго Государя имѣемъ самодержавнаго царя, подъ кроткимъ правленіемъ котораго можемъ тихое и безмолвное житіе проводить безъ бурь и интригъ конституціонализма.

Измѣнить общественныя учрежденія? Но сколько ни измѣняйте общественныхъ учреждений, а если мы сами не перемѣнимся, если будемъ по прежнему горды, корыстолюбивы, завистливы и пр., никакого толку отъ этой перемѣны не будетъ. Волкъ останется волкомъ, хотя надѣнетъ на себя тысячу овечьихъ кожъ,—и оселъ останется осломъ, хотя нарядится въ львиную шкуру. Сколько ни перемѣняйте муки, но если закваска не хороша, хлѣбы будутъ не хороши. «Буква убиваетъ, духъ животворитъ», говоритъ св. Апостоль (2 Кор. 3, 6). «Законъ добръ, если кто законно употребляетъ его» (2 Тим. 1, 8). Какіе законы ни пишете, нечестные люди всегда найдутъ способъ обходить ихъ. Что можетъ быть тяжелѣе крѣпостнаго права? Однако благочестіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ умѣло и это иго сдѣлать благимъ и легкимъ. А нечестіе нашего времени находитъ средства закабалить бѣднаго человѣка не хуже крѣпостнаго права и притомъ на законномъ основаніи. Законы противъ взятокъ всегда были строги. Брали конечно взятки и прежде; но взяточники не имѣли значенія въ обществѣ; ихъ боялись, но не уважали; они и извѣстны были подъ именемъ кровопійць народныхъ; можемъ ли мы сказать, что въ наше время выжиматели соковъ изъ народа не имѣютъ значенія въ обществѣ?—Дѣлали плохія дѣла и прежде; но опытные наблюдатели жизни говорятъ, что прежде молились Богу, чтобы какъ-нибудь не вышли на свѣтъ Божій эти плохія дѣла; значить стыдились... А теперь Богу не молятся, а краснѣютъ только тогда, когда задуманное плутовство не удалось. Гдѣ причина такого печальнаго явленія? Въ законахъ? Въ общественныхъ учрежденіяхъ? Конечно, нѣтъ. Понизился уровень общественной нравственности. Вотъ гдѣ причина. «Отъимите же лукавство отъ душъ вашихъ», скажемъ словами пророка (Ис. 1, 16), и оставьте въ покоѣ законы и общественныя учрежденія, измѣнять которыя мы не призваны.

«Виноваты общественныя учрежденія, а не мы». Какая

удобная формула? Какъ легко подъ нею можетъ укрываться наша лѣнь, наше правственное и умышленное убожество! Вотъ чиновникъ умиленно соглашается на рѣшеніе своего начальника, которое онъ только сейчасъ предъ вами называлъ и незаконнымъ и глупымъ. Спросите его, отчего онъ не только не отстаивалъ, но и не заявилъ своего мнѣнія? «Помилуйте, да развѣ у насъ можно»? И тѣмъ прикрываетъ свою трусость. Вотъ педагогъ преподаетъ по старой негодной методѣ. Спросите его: почему онъ не слѣдуетъ лучшимъ методамъ? «Да развѣ у насъ можно»? и тѣмъ прикрываетъ свою лѣнь. Вотъ писатель, не умѣя отвѣтить своему противнику, съ важнымъ видомъ говоритъ своему противнику: «вы понимаете, что я не могу откровенно высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; развѣ у насъ можно»? и тѣмъ прикрываетъ свое невѣдѣніе. Вотъ богатый человѣкъ ничего не дѣлаетъ: нигдѣ не служить, дома тоже ничѣмъ не занимается. Спросите его: отчего онъ ничего не дѣлаетъ? Отвѣтъ готовъ: «да развѣ у насъ можно»? «Мы сказали бы, мы доказали бы, мы сдѣлали бы». Лукавыя слова! А какъ часто ими обманываютъ и сами себя и другихъ людей! «Твоими устами буду судить тебя, лукавый рабъ, сказалъ Господь одному изъ подобныхъ людей, ты зналъ, что я человѣкъ жестокій, беру, чего не клалъ, и жну, чего не сѣялъ; для чего же ты не отдалъ сребра моего въ оборотъ, чтобы я, пришедши, получилъ его съ прибылью» (Лук. 19, 22. 23)? Въ подобныхъ обстоятельствахъ находились и другіе: они употребили свои таланты и принесли пользу каждый противъ силы его. Вспомните великихъ писателей; вспомните истинно великихъ людей нашего отечества; первые написали свои великія произведенія, вторые совершили свои дѣла великія при тѣхъ же условіяхъ общественной жизни, если только не худшихъ, въ которыхъ находимся и мы. Мы только одни ссылаемся на общественныя учрежденія; другимъ они полезны, другіе ими довольны; намъ только они мѣшаютъ, насъ только тяготятъ; но если наша лѣнь и лукавство останутся

при насъ, то мы при всякихъ учрежденіяхъ будемъ рабами неключимыми.

«Единъ святъ, единъ Господь Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца». И все, что есть на землѣ святаго, свято не само по себѣ, но потому, что въ немъ святится имя Божіе. А если не святится? Что можетъ быть выше, святѣе, дороже для человѣка свободы? А что такое свобода безъ религіи, безъ Бога? «Свобода! Сколько преступленій совершается именемъ твоимъ, сколько крови проливается!» Эти горькія слова произнесены въ самой свобододолюбивой странѣ (Франціи во время 1-й рев.). Что можетъ быть выше, святѣе любви къ отечеству? А къ чему ведетъ эта любовь, если она не просвѣщается свѣтомъ Божиимъ? Самыя дикія, самыя ужасныя преступленія прикрываются иногда любовію къ отечеству. Звѣри, истерзавшіе нашего Царя-Освободителя, тоже вѣдь трактовали о любви къ отечеству.—Какая могущественная сила—литература? Но что такое литература, если она не оживляется духомъ вѣры Христовой? Лавочка, гдѣ торгуютъ своею совѣстію, своимъ убѣжденіемъ. Гласность, эта благодѣтельная гласность, что такое она безъ вѣры въ Бога и будущую блаженную жизнь? Сплетница, пятнающая честность добрыхъ людей. Адвокатъ, этотъ защитникъ бѣдныхъ, гроза деспотовъ, прибѣжище угнетенныхъ, что такое онъ безъ нравственности, безъ Бога въ сердцѣ? Предатель правды.—Представитель обвинительной власти, этотъ охранитель народнаго спокойствія, блюститель народнаго благосостоянія, что такое онъ, если душу его не осѣняетъ духъ благочестія и страха Божія? Посмотрите, съ какою инквизиторскою радостію онъ обвиняетъ; съ какою жадностію онъ впивается, какъ пивка, въ подсудимаго; вслушайтесь, какъ онъ ставитъ вопросъ на вопросъ; какъ въ самыхъ, простыхъ и ясныхъ отвѣтахъ онъ находитъ поводъ къ новымъ вопросамъ. Горе подсудимому, если онъ что-нибудь не

договорить, или пересговорить, а еще хуже—забудеть, или утаить: тогда несомѣнно онъ виноватъ. Напрасно свидѣтели будутъ оправдывать подсудимаго: онъ сумѣетъ ихъ спутать; предстоитъ въ другой и третій разъ переслѣдовать дѣло. Онъ ищетъ преступленія, онъ любитъ потопить свою жертву. Злое его сердце видитъ въ подсудимомъ одно только зло. Не такъ усердно ветошникъ роется въ помойныхъ ямахъ, какъ онъ во всякаго рода ошибкахъ, опискахъ, оговоркахъ, противорѣчійхъ и другихъ мелочахъ, чтобы изъ всего этого составить обвиненіе. Закономъ, какъ тенетами, онъ запутываетъ свою жертву и любитъ, какъ она въ нихъ бьется, но не выбьется. Это не служителъ правосудія, а бичъ Божій. А вѣдь онъ умный, очень умный человѣкъ. О! какимъ несчастіемъ для человѣка можетъ быть умъ сильный, но несогрѣтый любовію къ Богу и ближнему, не облагодатствованный благодатію св. Духа!

Такъ, самыя благодѣтельныя общественныя учрежденія, не принесутъ пользы, если служащіе въ нихъ будутъ людьми не нравственными; самыя святые законы будутъ безплодны, если исполнители ихъ—лихіе супостаты. Давать законы, измѣнять общественныя учрежденія—дѣло правительства, дѣло Богомъ поставленной верховной власти; мы же, своимъ положеніемъ къ сему не призванные, должны заботиться о своей нравственности. Государство есть тѣло: если члены тѣла здоровы, то и все тѣло здорово. Вылечимъ напередъ сами себя, тогда выздоровѣетъ и все общество, и все государство. А мы больны и очень больны. И первая, самая главная наша болѣзнь есть наша гордость. Съ безумною гордостью мы насмѣялись надъ всѣмъ въ нашемъ отечествѣ, и за это сами «сдѣлались посмѣшищемъ у своихъ сосѣдей (Пс. 30, 12), притчею во языцѣхъ» (Пс. 43, 15). Съ беспощадною суровостью отнеслись ко всему, что выработала жизнь и исторія наша; не пощадили ничего—ни государства, ни Церкви, ни школы, ни науки, ни искусства. Духъ осуж-

денія обуяль весьма многихъ. Тѣ только книги и читаются ими, тѣ только писатели уважаются, которые надъ всѣмъ смѣются. Отыскать какое-либо пятно въ историческомъ лицѣ, разславить его по всей Россіи сдѣлалось своего рода честію; какъ будто находили удовольствіе въ томъ, чтобы все великое принизить, все высокое втоптать въ грязь. «Долой авторитеты! Нѣтъ болѣе авторитетовъ»: вотъ правило, котораго они держатся. И сему-то мы обязаны тѣмъ, что развилось недовѣріе и неуваженіе къ власти, недовольство своимъ состояніемъ. Обыкновенная житейская дѣятельность насъ не удовлетворяетъ: она громко называется пошлою; мы рвемся выше, въ область политики, лѣземъ въ государственные дѣятели. Но и тутъ чуть что не по насъ: «да развѣ можно что-нибудь у насъ дѣлать? Порядочному человѣку можно только молчать». И если есть состояніе, бросаемъ дѣло; а если нѣтъ, дѣлаемъ его, какъ попало. И это тогда, когда со всѣхъ сторонъ слышится: людей нѣтъ. «Жатва многа, дѣлателей мало». Не гордость ли это? Какъ нечего дѣлать? А то дѣло, которое намъ назначено самимъ Богомъ чрезъ наше рожденіе, или начальствомъ чрезъ назначеніе, или обществомъ чрезъ избраніе? «Каждый оставайся въ томъ званіи», говоритъ Апостоль, при томъ дѣлѣ, «къ которому призванъ» (1 Кор. 7, 20). Трудно? много препятствій? Борись съ трудностію, побѣждай препятствія; это долгъ всякаго человѣка. Спаситель обѣщаетъ поставить надъ многимъ того, кто былъ вѣренъ въ маломъ (Мѡ. 25, 21). А мы, будучи невѣрны въ маломъ, хватаемся за великое. Смириться всѣмъ намъ пужно и, какъ заповѣдалъ Апостоль, «жить тихо, дѣлать свое дѣло и работать своими собственными руками» (1 Сол. 4, 11); «высшихъ себя не искать, крѣпильшихъ не испытывать». Если каждый отецъ семейства устроитъ благосостояніе своей семьи, воспитаетъ своихъ дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія, онъ сдѣластъ великое дѣло, принесетъ великую пользу царю и отечеству.

Второй великій недостатокъ, у многихъ обратившейся въ болѣзнь, это, если можно такъ выразиться, наша безпочвенность. Многіе изъ насъ потеряли почву подъ собою, порвали связь съ народомъ, перестали понимать его; языкъ народа—не ихъ языкъ; святыня народа—не ихъ святыня; ихъ потянуло не въ глубь Россіи, а за границу; дома ихъ гложетъ тоска; дома они не знаютъ, къ чему приложить руки; внѣ отечества тратятъ они свое богатство душевное и тѣлесное; тамъ ихъ идеалы; тамъ, по ихъ понятію, только и люди живутъ; а у насъ что? мужики. Нужды чужой страны имъ болѣе извѣстны, чѣмъ нужды воспитавшей и обогатившей ихъ деревни; вопросы, занимающіе умы иноземцевъ, для нихъ интереснѣе, ближе, чѣмъ труды и болѣзни собственнаго ихъ отечества. Они стали какими-то космополитами, всечеловѣками; ко всему родному относятся равнодушно, не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ. У нихъ все чужое: языкъ, одежда, образъ жизни, нравы, обычаи, вещи, слуги,—все заграничное; одно только русское, это деньги. Отъ своего они отстали и къ чужому не пристали. И тамъ имъ нравится болѣе внѣшній блескъ жизни, и оттуда въ большинствѣ случаевъ они вывозятъ только моды и наряды. Эти предметы роскоши, къ несчастію, они успѣли привить и къ народу. А то, чему дѣйствительно можно у иноземцевъ поучиться, что дѣйствительно у нихъ досточтимо и достохвально, на то не обратили вниманія. Тамошнія говорильни многимъ изъ нихъ поправились, а поучились бы у иновѣрныхъ уваженію къ Библии, чтенію слова Божія. Въ одномъ заграничномъ городѣ (Нью-Йоркѣ) въ одинъ день куплено миллионъ Евангелія новаго перевода; а у насъ во всей Россіи въ цѣлый годъ расходится около 50,000. Не стыдъ ли это? Поучились бы благоговѣнію, съ какимъ они стоятъ въ церкви, благочестію, съ какимъ проводятъ праздники, усердію, съ какимъ заботятся о распространеніи своей исправославной вѣры; заграничныя миссіонерскія общества считаютъ свои сред-

ства десятками и сотнями миллионѣвъ; а у насъ, въ Воронежской губерніи, состоящей изъ двухъ съ половиною миллионѣвъ жителей, изъ такъ называемаго интеллигентнаго общества едва ли найдется и пять человекѣвъ, которые состоятъ членами миссіонерскаго общества. Поучились бы ревности, съ какою тамъ оберегаютъ чистоту общественныхъ нравѣвъ: является безнравственная книга,—и все общество приходитъ въ негодованіе: на книгу налагается запрещеніе,—вы думаете, правительство? Совѣмъ нѣтъ; ее запрещаетъ само общество; и книги не продаютъ ни на улицахъ, ни на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ *). А между тѣмъ у насъ эту книгу иногда можно было встрѣтить у дѣтей. Приѣзжаютъ въ городъ актриса, или пѣвица сомнительной нравственности; матери семействъ держатъ совѣтъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ предпринять для того, чтобы предупредить тотъ вредъ, какой она панесетъ ихъ сыновьямъ; дамы и дѣвицы соглашаются не посѣщать спектаклей, въ которыхъ она будетъ играть; тысячами издаются брошюры, въ которыхъ разсуждаютъ о томъ, какъ отнестись къ нашествію этой проклятой змѣи, прибывшей съ цѣлію влить отраву въ чистые нравы **). Способны ли мы дать отпоръ появленію подобныхъ личностей у насъ? Увы! развѣ только въ крайнемъ случаѣ кто-либо скажетъ: «да куда же смотритъ начальство»? А сами вы куда смотрите? скажемъ таковымъ. Зачѣмъ сами ходите? Зачѣмъ дѣтей пускаете?—Посмотрите на Израиля по плоти, какъ онъ волнуется, когда кто-либо изъ Израильтянъ намѣревается оставить свои отеческія предапія; а у насъ? Обращается Еврей въ вѣру Христову, и часто бѣднякъ съ большимъ трудомъ находитъ себѣ воспріемника. Принимаетъ католикъ православіе; радоваться нужно, какъ радуются объ этомъ на небѣ св. Ангелы; а у насъ иногда смѣются надъ

*) Такъ поступлено съ извѣстною книгою Эмilia Зола въ Сѣверной Америкѣ. См. „Московскія Вѣдомости“ 9-е іюня 1880 г.

**) См. „Московскія Вѣдомости“ 1881 г. № 315.

неофитомъ. Увы! Мы православные, кажется, и не подозреваемъ, какое великое сокровище для спасенія всего рода человѣческаго Господь хранить въ насъ.

«Церковь есть столпъ и утвержденіе истины» (Тит. 3, 15). Это скала, о которую разбивались и будутъ разбиваться до скончанія вѣка волны житейскаго моря. Это Ноевъ ковчегъ, въ которомъ только и можно спастись отъ *водъ потопныхъ*. А воды эти, воды нечестія «внидоша до души нашей» (Ис. 61, 1). Нужно ли еще говорить, что связь наша съ церковію ослабѣла? Увы! многіе не только не признаютъ Церкви своею матерію, но и вовсе знать ея не хотятъ; зная часто безъ всякой нужды многіе языки, не понимаютъ и понимать не хотятъ языка матери своей, не вѣсты Христовой, Церкви святой. И не отъ этого ли такая разнь между нами? Порвана связь самая тѣсная между людьми, связь на вѣки вѣчныя, связь во имя самыхъ дорогихъ, самыхъ святыхъ цѣлей. Не отъ этого ли такая шаткость, такая нетвердость въ нашихъ убѣжденіяхъ? Не стало въ душѣ твердаго основанія, которое давала вѣра и церковь, и сталъ человѣкъ вертѣться, какъ флюгеръ. Не отъ этого ли у насъ такой разладъ слова съ дѣломъ, такая безхарактерность? Человѣкъ получаетъ отъ правительства жалованье, пенсію, чины, ордена, и... чернить это же правительство, осуждаетъ тѣ правительственныя мѣры, которыя самъ же приводитъ въ исполненіе: правительство запрещаетъ театры подь праздники, а онъ, какъбы въ насмѣшку, заводитъ танцевальныя вечера подь эти же праздники. Развѣ не часто приходится наблюдать подобныя явленія въ нашемъ обществѣ?—Говоритъ человѣкъ,—неволью скажешь: какой умный человѣкъ! Станетъ дѣлать,—только руками разведешь. Громитъ міроѣдство, кулачество, притѣсненіе бѣднаго богатымъ... и пальцемъ не пошевельнемъ, чтобы помочь бѣдному не идти въ кабалу къ богатому. Въ самомъ дѣлѣ такъ ли у насъ, какъ написано: «кто собралъ много, не имѣлъ лишняго, и кто мало, не имѣлъ недостатка»

(Исх. 16, 18)? На словахъ мы великіе благодѣтели бѣдныхъ, печальники народа; а на дѣлѣ: «да какъ имъ помогать! Пьяницы все, тунеядцы; ничего не дѣлаютъ; только любятъ праздники»... Вопіемъ противъ продажности газетъ, развращенности литературы, и сами же читаемъ эту литературу, сами же своими деньгами поддерживаемъ недобросовѣстные органы гласности. Кричимъ изъ-за угла: не уважаютъ ничего святаго; а когда слышимъ кривые толки въ обществѣ о церкви, правительствѣ,—позорно молчимъ. Мужества, мужества въ насъ нѣтъ; измалодушествовались мы. Поговорить-то тихонько поговоримъ, а дальше словъ неидемъ. А между тѣмъ зло нужно карать не словомъ, а дѣломъ? Если мы дѣйствительно честные люди; за чѣмъ подобострастно относимся къ человѣку завѣдомо безчестному. Если любимъ своеотечество; зачѣмъ позволяемъ клеветать на него? Если любимъ народъ; зачѣмъ имѣемъ дѣло съ тѣми, которые отягощаютъ, обманываютъ этотъ народъ? Если мы цѣломудренны,—зачѣмъ заискиваемъ у извѣстнаго развратника или развратницы? Разсѣкли живой организмъ на части: составили понятіе о государствѣ какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ общества и церкви, о чиновникѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ человѣка,—и успокоились. «Какое мнѣ дѣло до его убѣжденій, до его нравственности; былъ бы только дѣловой человѣкъ». Но развѣ этотъ дѣловой человѣкъ оставляетъ свои убѣжденія, свою нравственность, какъ только явится въ томъ учрежденіи, гдѣ служить? Возьмемъ примѣръ. Человѣкъ невѣренъ своей женѣ, съ которой онъ составляетъ одно; думаете ли, что онъ вамъ будетъ безкорыстно вѣренъ? Человѣкъ попралъ самыя священныя клятвы, данныя предъ лицомъ всей церкви, — и вы думаете, что онъ безкорыстно будетъ вѣренъ клятвѣ данной вамъ? Человѣкъ ввергаетъ себя въ тину порока, и вы думаете, что онъ не унижаетъ того званія, къ которому принадлежитъ, того мѣста, гдѣ служить? Не стыдящійся дѣлать то, чего заставлятъ стыдиться сама природа, — чего же онъ устыдится, чего убоится? И вы ввѣряете ему тайны

общественной и государственной безопасности! Почему вы думаете, что какая-нибудь Далида не выпытаетъ этихъ тайнъ и не предастъ ихъ врагамъ? И не отъ этого ли происходило то, что мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ нигилистовъ, становились извѣстными прежде всего самимъ же нигилистамъ? А если эта страсть требуетъ денегъ, будете ли вы покойны за казенныя деньги? Рассмотрите исторію извѣстныхъ казнокрадствъ, и увидите, что виною ихъ былъ развратъ, начиналось отъ разврата и поддерживалось развратомъ. Не говоримъ уже о томъ, что безнравственный человѣкъ заражаетъ общество, среди котораго живетъ. Нѣтъ, видѣть зло и не бороться съ нимъ значитъ мирволить злу, содѣйствовать злу, развивать его. Воръ лѣзетъ въ мое окно, или въ мой карманъ; вы это видите и конечно скажете мнѣ; потому что вы честный человѣкъ. Но вотъ обкрадываютъ циническими выходками общественную нравственность, крадутъ у общества самое драгоцѣнное его благо—религію, и вы ничего не предпринимаете, вы молчите. Да закричите только, воры тотчасъ разбѣгутся, или мальчишески станутъ запираться: «мы ничего, мы не говорили». Или вотъ благородный господинъ подъ благовиднымъ, какъ будто законнымъ предлогомъ опускаетъ свою изящную руку въ общественную, или государственную казну; вы это замѣчаете, вы это знаете, — и ничего; по прежнему принимаете его у себя, по прежнему бываете у него! Да развѣ это не сообщничество? Да развѣ не подобны мы бываемъ въ этомъ случаѣ тѣмъ людямъ, которые хотя сами не крадутъ, но воровъ скрываютъ, краденое принимаютъ? Нѣтъ, не должно быть такъ между христіанами. Послушаемъ, что говорить св. Апостоль: «я писалъ къ вамъ не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ, съ таковымъ даже не ѣсть вмѣстѣ. Извергните развращеннаго изъ среды вашей» (1 Кор. 5, 11. 13). Вотъ какъ

созидалось и укрѣплялось христіанское общество! О еслибы всѣ мы всякаго, *кто не слушаетъ словъ апостольскихъ*, не исполняетъ уставовъ св. церкви, «имѣли на замѣчаніи и не сообщались съ нимъ, чтобы устыдить его, не считая его за врага, а вразумляя, какъ брата» (2 Сол. 4, 14. 15)! О еслибы пастыри церкви возгорѣлись ревностію Иліиною и мечемъ слова Божія посѣкали жрецовъ невѣрія и нечестія, и здѣсь, всенародно, «предъ всѣми обличали, чтобы и прочіе имѣли страхъ» (1 Тим. 5, 20)! О еслибы власти, по примѣру царя Давида, всякое дѣло преступное ненавидѣли; съ злыми не знали; тайно оклеветающаго ближняго изгоняли; гордаго очами и надменнаго сердцемъ не терпѣли! О еслибы глаза ихъ были обращены съ благоволеніемъ только на вѣрныхъ земли; еслибы имъ служилъ только тотъ, кто ходитъ путемъ непорочности; каварный же лжець и льстець не смѣлъ бы имъ и на глаза показываться! Тогда не постигли бы насъ великія бѣдствія. Еслибы дома наши оставались всегда закрытыми для хищниковъ; еслибы дома людей безправственныхъ нами не посѣщались; еслибы руки ихъ, простертыя къ намъ для привѣтствія, не встрѣчали нашихъ рукъ: хищники не держали бы высоко своихъ головъ среди нашихъ собраній, смолкли бы нечестивыя уста, исчезъ бы и нигилизмъ. Но увы! Въ нашей апатіи, нашей лѣности, нашемъ малодушіи враги находятъ себѣ союзниковъ вездѣ—въ нашихъ домахъ, нашихъ собраніяхъ, нашихъ общественныхъ, государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; вывѣдываютъ наши тайны и пользуются ими для своихъ преступныхъ цѣлей. Давно слѣдовало бы изгнать изъ нашего общества этихъ торжниковъ своею совѣстію, очистить его отъ этой мерзости заустѣнія. Но это не дѣло одного человѣка, а дѣло всѣхъ насъ, сыновъ православной церкви. Всѣмъ честнымъ людямъ нужно ополчиться противъ враговъ чести и нравственности, церкви и отечества. Ополчиться? Но гдѣ взять мужества? Увы!

измалодушествовались мы, израболюбствовались предъ неправдою. «Изше, яко скудѣль, крѣпость наша». Иссякли въ душѣ благородные порывы. Умерли идеалы. «Оживуть ли кости сія» (Иез. 37, 3)? Кто вдохнетъ въ омертвѣвшую душу нашу духъ животворящъ? Кто иссушитъ источники зла въ самомъ сердцѣ? Кто запечатаетъ въ немъ ту бездну, изъ которой, какъ дымъ отъ горящей печи, исходятъ помышленія злыя, самолюбивыя, честолюбивыя и корыстолюбивыя? «Едине вѣдый человѣческаго существа немощь! воздвигни силу Твою и прииди, во еже спасти насъ»!—Да, мало сознать свои грѣхи, мало намѣренія исправить свою жизнь; нужно еще вѣровать въ Бога, молиться Ему. «Покайтесь, — говоритъ Спаситель и вѣруйте въ Евангеліе» (Марк. 1, 15). Только вѣра въ Иисуса Христа способна оживить насъ, «мертвыхъ по грѣхамъ»; только «въ Иисусѣ Христѣ мы научимся отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума нашего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и святости истины» (Еф. 2, 5; 4, 21—24). Посему-то истинно великіе люди, вступая на поприще общественнаго служенія, не на свои силы уповали, но на Бога. «Богъ намъ прибѣжище и сила» (Пс. 45, 1), говорили они; въ случѣхъ изнеможенія силъ, въ Богѣ искали подкрѣпленія; въ скорби и печали, которыя такъ неразлучны со всякою дѣятельностію, въ Немъ одномъ искали утѣшенія; и если что имъ удавалось сдѣлать на пользу общую, со смиреніемъ говорили: «не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему» (Пс. 113, 9).

Но что я сдѣлаю одинъ? скажетъ кто-либо; паду только жертвою злобы враговъ. Правда, возлюбленный братъ о Христѣ, одинъ въ полѣ не воинъ; но правда и то, что храбрый воинъ живой не отдастъ своего оружія; и язычники, вручая своимъ дѣтямъ щитъ, говаривали: «или съ нимъ, или на немъ». Но точно ли ты одинъ? О! еслибы былъ одинъ, Богъ давно взялъ бы тебя отъ земли, какъ

нѣкогда Лота изъ Содома и Гоморры. Нѣтъ; христіанамъ не вотще дана благодать Божія. Честныхъ людей много, болѣе, чѣмъ нечестныхъ. Послѣднихъ сравнительно меньше; только они тѣсно сплочены, тогда какъ честные дѣйствуютъ разрозненно. Въ этомъ ихъ сила; въ этомъ наше несчастіе. Зло слишкомъ вознесло свою главу. Оно всѣмъ опротивѣло, — и нѣтъ сомнѣнія, что тысячи людей смотрятъ на насъ съ тобою, возлюбленный собратъ, особенно на тѣхъ изъ насъ, кого Промыслъ Божій высоко поставилъ въ обществѣ; ожидаютъ примѣра; ждуть отъ насъ почина, чтобы дружно начать дѣйствовать къ искорененію зла.

Соединимся вмѣстѣ. Время, давно время дѣйствовать! Законопреступники разорили законъ: убили Помазанника Божія; но онъ воскресъ для насъ въ возлюбленномъ сынѣ своемъ! Власть имѣющіе да предшествуютъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, какъ предшествуютъ въ другихъ дѣлахъ, — да намъ подадутъ примѣръ! Соединимся, но не во имя разума, который только кичитъ, а не созидаетъ; не во имя пользы и интересовъ житейскихъ; ибо изъ-за чего мы и ссоримся часто, какъ не изъ-за этихъ интересовъ (Іак. 4, 1)? Соединимся во имя Христа. Онъ только своею всесильною благодатію можетъ заглушить наши страсти, уничтожить существующую между нами рознь; соединимся подъ знаменемъ св. церкви. Церковь вѣчна; ни сила, ни хитрость діавола, который и «нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія» Богомъ установленной власти, «не одолѣютъ ее» (Матѣ. 16, 18). Враги отечества сильны нашею слабостію, нашею разрозненностію; но если мы обновимся духомъ единенія *церковнаго*, они исчезнутъ *яко исчезаетъ дымъ*.

Протоіерей Михаилъ Некрасовъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Преосвященнаго Платона, архіепископа Костромскаго.

Преосвященный Платонъ, архіепископъ Костромской, скончавшійся 12-го мая 1877 года, еще будучи ректоромъ Тамбовской семинаріи, началъ съ 1848 года вести записки о томъ, какъ онъ самъ говоритъ, «что видѣлъ или слышалъ любопытнаго или достойнаго памяти». Записки эти могутъ отчасти восполнить недостатокъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ іерархѣ нашей церкви. Не сообщая подробныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности почившаго архипастыря, Записки изображаютъ тѣ черты въ немъ, которыя преимущественно его отличали: живую вѣру его, глубокое благочестивое чувство. Духъ живой вѣры и благочестія, которымъ такъ глубоко былъ проникнутъ преосвященный Платонъ, дѣлалъ его внимательнымъ по преимуществу къ такимъ событіямъ въ жизни его и другихъ, въ коихъ онъ усматривалъ чудныя дѣйствія Промысла Божія, знаменія особой милости Господа и Его святыхъ. Въ Запискахъ выступаетъ и другая черта, отличавшая почившаго архипастыря,—это благодушное отношеніе къ людямъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться на жизненномъ поприщѣ. Онъ никогда не позволялъ себѣ кого-либо порицать, осуждать, даже и тѣхъ, отъ которыхъ приходилось ему испытывать иногда тяжкія скорби. Служа отчасти матеріаломъ для біографіи преосвященнаго Платона, Записки имѣютъ и тотъ интересъ, что сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ современныхъ ему событіяхъ и лицахъ.

А. Б.

Родился я 1809 года іюня 18 дня въ селѣ Чанкахъ, что близь г. Коломны, отъ священника Симопа Ивановича Лосева и супруги его Матроны Лукьяновны во время благовѣста къ обѣднѣ и крещенъ въ тотъже день. 18 іюня праздникъ Боголюбской Божіей матери; во всей моей жизни вижу надъ собою покровъ и огражденіе Царицы небесной. Когда я былъ еще въ колыбели и братъ мой Александръ также, то Коломенскаго Брусенскаго монастыря священникъ Максимъ Кипріановичъ сказалъ моей матушкѣ, указывая на меня лежащаго въ колыбели: «этотъ будетъ монахомъ», а указывая на брата: «этотъ—священникомъ, помяните мои слова». Когда мнѣ минуло 8 лѣтъ и моего родителя перевели въ село Сидоровское *), то меня отдали съ братомъ въ училище Звенигородское, находящееся въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ. По бѣдности прихода родитель не былъ въ состояніи содержать насъ съ братомъ въ училищѣ и хотѣлъ было меня исключить и сдѣлать пономаремъ въ селѣ Сидоровскомъ; но родной братъ моей матушки архимандритъ Кириллъ, умершій въ 1841 году въ санѣ архіепископа Подольскаго, обѣщаль содержать меня, и я остался въ училищѣ **). Все мое образованіе и воспитаніе есть плодъ любви и милости сего дяди моего. Въ 1830 году я поступилъ изъ Виѣанской семинаріи въ Московскую академію ***). Въ этомъ году постигла всю Россію эпидемическая болѣзнь холера. Находясь въ оби-

*) Звенигородскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ Вязьмы.

***) Въ то время Кириллъ былъ ректоромъ Полтавской семинаріи.

***) О своей семинарской жизни пр. Платонъ ничего не говоритъ въ Запискахъ. Въ его письмахъ также нѣтъ воспоминаній, относящихся къ этому времени. Въ одномъ письмѣ Александра Васильевича Горскаго къ П. С. Казанскому сохранилась краткая характеристика Платона, когда онъ былъ семинаристомъ. „Какъ теперь передъ мною рисуется живой, разговорчивый, общительный, съ разнообразными свѣдѣніями юноша, у котораго я пилъ не разъ чай въ семинарскомъ корпусѣ. Бывало засыплетъ вопросами и замѣчаніями, такъ что не скоро и опомнишься“.

тели преподобнаго Сергія, мы были въ совершенной увѣренности, что за молитвы преподобнаго Сергія Господь сохранить его обитель. И точно Лавра и даже посадъ были спасены отъ холеры. Разсказывали о видѣніяхъ. Такъ нѣкоторые видѣли, что пресвятая Богородица стояла надъ Успенскимъ соборомъ и простирала огненный покровъ надъ всею Лаврою. Еще видѣли преподобнаго Сергія ходящаго по оградѣ и кропящаго ее святою водою. По окончаніи академическаго курса я 8 сентября 1834 года постриженъ въ монашество ректоромъ Академіи архимандритомъ Поликарпомъ *). Духовнымъ отцемъ, принявшимъ меня отъ Евангелія, былъ инспекторъ архимандритъ Филаретъ. При крещеніи я названъ Павломъ въ честь апостола Павла, въ монашествѣ Платономъ въ честь митрополота Платона, какъ учившійся въ Платоновой семинаріи. 14-го сентября Филаретомъ митрополитомъ московскимъ въ домовой церкви Троицкаго подворья посвященъ во іеродіакона. Послѣ рукоположенія рѣчки слезъ текли изъ очей моихъ до самаго причащенія. 16 сентября посвященъ во іеромонаха викаріемъ Николаемъ, а въ 1841 году сдѣланъ архимандритомъ. Въ Лаврѣ я прожилъ бакалавромъ Академіи до 1842 года, въ коемъ я назначенъ ректоромъ въ Казанскую семинарію. Жизнь въ Академіи, хотя была не безъ скорбей, по очень мирная. Особенно мнѣ отрадна была тамъ жизнь въ послѣдніе полгода во время ректорства Евсевіева. Въ Казани я нашелъ однѣ скорби. Въ 1842 г. августа 24 дня пожаръ истребилъ почти весь городъ и семинарію. Это было море огня. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что едва можно было стоять на ногахъ. О пожарѣ этомъ попечитель университета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ говорилъ мнѣ,

*) По характеру своему живому и общительному Платонъ не былъ склоненъ къ монашеской жизни. Въ бытность студентомъ Академіи онъ думалъ о жизни семейной. Но глубокое благочестіе, съ дѣтства отличавшее его, и вліяніе нѣкоторыхъ лицъ (особенно архимандрита Антонія) побудили его избрать путь монашеской жизни.

что онъ видалъ, какъ бомбировали города, какъ горѣла Москва въ 1812 г. и Казань въ 1816 г., по ничто не можетъ дать понятія о Казанскомъ пожарѣ въ 1842 году.

Въ Казани я пользовался любовію преосвященнаго Владиміра. Я къ нему ѣздилъ каждую недѣлю, иногда два и три раза въ недѣлю, собственно за тѣмъ только, чтобы посидѣть. Очень многое слышалъ я отъ него о прежнихъ временахъ. Онъ учился въ Новгородской семинаріи и былъ въ такой бѣдности, что питался остатками, выбрасываемыми изъ трапезы Антоніева монастыря, собирая ихъ въ черепокъ. Изъ Новгорода перевели его въ Петербургъ, гдѣ, когда, онъ учился, былъ еще лѣсъ отъ Лавры до того мѣста, гдѣ нынѣ Введенскій соборъ, и онъ ходилъ съ товарищами за грибами въ этотъ лѣсъ. Рассказывалъ, что когда онъ былъ въ Синодѣ въ 1828 году, то хотѣли - было уничтожить монастыри. Митрополитъ Серафимъ, говорилъ онъ, попросилъ меня и другихъ помолиться. Митрополитъ написалъ записку о семъ и послалъ ее къ Государю. Это было за нѣсколько дней до Рождества Христова. Мы съ трепетомъ ожидали времени, когда назначено было намъ представляться. Когда мы представились Государю, то онъ, взявъ за руку митрополита, сказалъ: «благодарю васъ, преосвященный, за вашу записку; я согласенъ съ вами». О себѣ преосвященный Владиміръ рассказывалъ слѣдующее: когда онъ былъ Курскимъ епископомъ, то жилъ въ Бѣлгородѣ. Одинъ бѣлгородскій почетный купецъ рассказывалъ ему, что за много лѣтъ до того времени зимою онъ ѣздилъ въ Петербургъ и обратно на дорогѣ встрѣтилъ за Новгородомъ одного мальчика, который умиралъ отъ стужи. Я, говорилъ купецъ, взялъ этого мальчика, посадилъ къ себѣ въ повозку и довезъ до Валдая, гдѣ была родина мальчика. Преосвященный Владиміръ спрашиваетъ купца: а знаете ли вы, гдѣ этотъ мальчикъ? Нѣтъ, отвѣчалъ купецъ. Преосвященный Владиміръ залился слезами, обнялъ купца и сказалъ: этотъ мальчикъ я.

Въ Казани мнѣ было такъ тяжело, что я просилъ два раза меня вывести изъ Казани, и меня перевели въ 1843 году въ Орловскую семинарію. Прощаясь съ преосвященнымъ Владиміромъ, я заплакалъ и сказалъ ему: мнѣ не нажить, владыко, болѣе такого архіерея, какъ вы. Преосвященный Владиміръ о себѣ говорилъ, что онъ такъ счастливо служилъ, что въ продолженіе всей своей службы не получалъ ни выговора, ни замѣчанія. Владиміръ—врагъ роскоши, жилъ просто, не любилъ никакихъ знакомствъ съ свѣтскими и не ѣздилъ ни къ кому, кромѣ губернатора и то только въ великіе праздники.

Въ Орловской семинаріи я нашелъ себѣ по сердцу инспектора игумена Пароснія. Онъ строгой жизни и неутомимо наблюдалъ за учениками. Я тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Орловскую семинарію подалъ прошеніе объ увольненіи, желая въ званіи настоятеля какого-либо монастыря окончить мою жизнь. За мое прошеніе объ отставкѣ на меня прогнѣвались въ Петербургѣ и послали на жительство въ Виленскій Свято-Духовъ монастырь *). Съ благодарностію вспоминаю, что меня съ любовію принимала супруга генераль-губернатора Марковича Амалия Николаевна. Я два раза въ недѣлю ѣздилъ для обученія дѣтей Закону Божію. Хотя она была лютеранка, но сильно ревновала о томъ, чтобы ея дѣти были православными христіанами. Да воздастъ ей Господь за меня: она много пролила утѣшенія въ мое страждущее сердце своимъ христіанскимъ духомъ. Въ Вильнѣ мнѣ было такъ тяжело, что я былъ близъ совершеннаго отчаянія **). Не было

*) По своему характеру впечатлительному и отчасти склонному къ мнительности Платонъ не легко мирился съ непріятностями ректорской должности. Онъ желалъ провести жизнь въ званіи настоятеля какого-либо монастыря во внутрѣнной Россіи. Но высшее начальство рѣшило устроить его службную карьеру по своему усмотрѣнію, а не по его желанію.

**) Въ одномъ изъ писемъ къ брату П. С. Казанскому Платонъ писалъ: „въ любую пустынь я пошелъ бы не только въ рядовые, но и въ

жертвы, на какую бы я не рѣшился, чтобы освободиться изъ Вильны. Подавалъ просьбу и писалъ партикулярно почти ко всѣмъ членамъ Синода, чтобы мнѣ дали мѣсто настоятеля во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; но мѣста не давали. Я просилъ о перемѣщеніи меня въ Кіевъ въ число больничнаго братства, но меня перевели въ Каменецъ-Подольскъ. Въ указѣ написано, что поручено подольскому архіепископу заботиться о моемъ здоровьѣ и помѣстить меня въ архіерейскомъ домѣ. 9 ноября 1745 г. я прибылъ въ Каменецъ. Дали мнѣ келью въ Троицкомъ монастырѣ, въ настоятельскихъ покояхъ. Преосвященный Арсепій принималъ очень ласково и, кажется, онъ одинъ изъ рѣдкихъ іерарховъ. Изъ Каменца я для леченія ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ прожилъ около 8-ми мѣсяцевъ. Я жилъ въ Никольскомъ монастырѣ 4 мѣсяца *). Во время пребыванія моего въ Китаевской пустыни я слышалъ отъ іеромонаха Іоанна разсказъ о лишеніи сана бывшаго архіепископа Могилевскаго Варлаама. Отецъ Іоаннъ былъ свидѣтелемъ. Это происходило въ Черниговѣ при просвя-

послушники и сталъ бы работать, только бы вырваться отсюда. Истинно говорю, что въ продолженіе цѣлаго года я не имѣлъ ни одной мысли утѣшительной, а такое состояніе есть адское. Теперь я ни о чемъ такъ не долженъ стараться, какъ высвободиться отсюда и лечиться. Вѣрно болѣзнь моя сильно развилась, что не даетъ мнѣ покоя. За городъ ходить неудобно, очень далеко и вездѣ кладбища здѣшнія страшныя. Здѣсь почти въ землю не кладутъ тѣлъ, но сдѣланы каменные сараи, въ нихъ отверстія похожія на наши русскія печки; тутъ кладутъ гробъ, замазываютъ и прибиваютъ доску. Получаю я много писемъ, въ конхъ меня ублажаютъ страдальцемъ, утѣщаютъ терпѣть. Какъ легко это говорить, но какъ тяжело терпѣть! Если откажутъ выпустить меня изъ этой тюрьмы, то не знаю, что и дѣлать, боюсь—погибну съ отчаянія. Не знаю, на что бы не рѣшился; только бы выбраться на Русь. Притомъ здѣшній воздухъ мнѣ вреденъ также, какъ и Казацкій“.

*) О пребываніи Платона въ Кіевѣ и Китаевской пустыни говоритъ протоіерей Флоринскій въ своихъ воспоминаніяхъ о преосв. Платонѣ. „Душ. Чтеніе“ 1877 г. ноябрь, декабрь.

щенномъ Михаилѣ Десницкомъ. Въ соборъ, по предварительной повѣсткѣ, были собраны всѣ граждане и чиновники. Варлаама встрѣтили какъ архіерея и облачили на архіерейскомъ амвонѣ. По облаченіи онъ взомель въ придѣльную церковь собора и, положивъ руки и голову на престолъ, горько плакалъ, но вскорѣ оправился. Когда вышли на малый выходъ, то вывели Варлаама и поставили вмѣстѣ съ Михаиломъ. Секретарь консисторіи началъ тотчасъ читать указъ о лишеніи сана. Преосвященный Михаилъ рыдалъ и весь народъ за нимъ, но Варлаамъ стоялъ покойно. По прочтеніи указа стали снимать съ Варлаама все облаченіе и надѣли не монашескую простую рясу, какъ велѣно въ указѣ, но шелковую, въ коей прибылъ онъ. По снятіи всего Варлаамъ тотчасъ былъ взятъ секретаремъ консисторіи въ консисторію, гдѣ взята съ него подписка не именоваться архіереемъ и не благословлять, а называться монахомъ Варлаамомъ. Преосвященный Михаилъ очень сожалѣлъ о томъ, что ему поручено исполненіе приговора надъ Варлаамомъ. Въ окт. 1846 г. я возвратился въ Каменецъ. Братъ Петръ просилъ у меня дозволенія написать о мнѣ къ оберъ-прокурору Синода. Я не согласился, но мои доброжелатели написали къ Олсуфьеву гофмаршалу цесаревича и Набокову командиру гренадерскаго корпуса. Эти лица ходатайствовали о мнѣ предъ митрополитомъ и оберъ-прокуроромъ и получили въ отвѣтъ, что я не получу настоятельскаго мѣста, а могу проситься на ректорское мѣсто. Я написалъ партикулярное письмо оберъ-прокурору чрезъ Олсуфьева и получилъ ректорское мѣсто въ Тамбовѣ и званіе настоятеля Козловскаго Троицкаго монастыря. Не могу выразить тѣхъ чувствъ благодарности къ Господу, когда я получилъ извѣстіе о семъ 5-го апрѣля 1847 года. Изъ Каменца въ Тамбовъ ѣхалъ я весною, можно сказать, по цвѣтамъ. Въ Кіевѣ я провелъ пять дней, заѣзжалъ въ Лубенскій монастырь поклониться мощамъ святит. Аѳанасія. Въ Козловскій монастырь прибылъ 7 мая вечеромъ. Про-

бывъ тамъ праздникъ св. Троицы и недѣлю всѣхъ святыхъ, 18 мая прибылъ въ Тамбовъ, гдѣ нахожу много мира душевнаго.

1848 года іюня 30. Губительная холера пришла къ намъ и быстро схватила свои жертвы. Нынѣ были крестные ходы и молебствія о прекращеніи гнѣва Божія. Вчера мои ученики почти всѣ по своему собственному желанію приступили къ причащенію святыхъ таинъ.

1848 г. ноября 1-го. Вчера я слышалъ отъ директора Тамбовской гимназіи слѣдующій разсказъ: онъ слышалъ отъ одного достойнаго уваженія Москвича, что когда Наполеонъ былъ въ Кремлѣ и остановился во дворцѣ, то увидѣлъ въ одной комнатѣ дворца икону Божіей Матери и предъ нею горящую лампаду. Онъ тотчасъ приказалъ вынести икону человѣку. Человѣкъ вынесъ, но спустя нѣсколько времени Наполеонъ опять увидѣлъ икону на прежнемъ мѣстѣ. Думая, что человѣкъ еще не вынесъ ея, опять позвалъ его и приказалъ снова вынести. Человѣкъ не сказалъ Наполеону, что онъ вынесъ уже и что она опять явилась тутъ. Въ присутствіи самого Наполеона онъ опять снялъ икону и лампаду и спряталъ икону подъ замокъ. Она въ третій разъ явилась на своемъ мѣстѣ. Наполеонъ сильно разгнѣвался и потребовалъ къ себѣ лакея. Лакей сказалъ ему, что онъ два раза снималъ ее, держалъ подъ замкомъ и что не понимаетъ, какъ она возвращается опять на то же мѣсто. Наполеонъ приказалъ не трогать иконы и сказалъ, что видно намъ не долго здѣсь оставаться.

1848 г. ноября 16-го. Вечеромъ я получилъ извѣстіе, что братъ священникъ Александръ скоропостижно скончался 10-го ноября на Міусскомъ кладбищѣ, куда онъ переведенъ былъ изъ Набилковской богадѣльни. Родился онъ 2-го августа 1810 года и со мною вмѣстѣ учился 17 лѣтъ. Да помянетъ его Господь во царствіи своемъ.

1849 г. Съ 28 іюня по 15-е іюля я такъ былъ боленъ, что не помню, чтобы когда-либо я такъ тяжело страдалъ. Съ недѣлю голова горѣла какъ въ огнѣ и боль невыносимая

была. Шестеро сутокъ я не могъ проглотить крохи пищи, а только пилъ. Эту болѣзнь Господь послалъ мнѣ за мои тяжкіе грѣхи. Но я окаанный мало вразумляюсь по сѣщеніемъ Господнимъ.

1 октября я былъ у Вѣры Алексѣевны К.; надъ нею совершалось неоднократно исцѣленіе отъ святителя Митрофана. Она всю жизнь свою посвящаетъ Господу. Я прежде знакомъ былъ съ нею заочно, но очень утѣшенъ, что Господь далъ мнѣ лично узнать ее. У ней въ деревнѣ читалъ письмо брата ея Павла, ротмистра уланскаго полка. Онъ пишетъ своимъ благочестивымъ родителямъ, что во время сраженія съ Венгерцами въ Трансильваніи онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ и, не видя надежды избавленія, обратился съ молитвою къ Господу Іисусу и Пресвятой Богородицѣ. И двѣ пули, пущенныя въ него, попали въ лобъ и грудь его коня; конь палъ и онъ упалъ подъ него. Венгерцы пронеслись мимо его, полагая, что онъ умеръ. Еслибы онъ не упалъ, то его изрубили бы. Это было 23 іюня зъ день Владимірской Божіей Матери.

Ноября 13 дня я услышалъ, что мой предшественникъ по Тамбовской семинаріи архимандритъ Никодимъ Лебедевъ, будучи трехъ лѣтъ, сдѣлался нѣмъ и получилъ исцѣленіе у мощей пр. Θεодосія Тотемскаго.

1850 года. Въ іюль мѣсяцѣ я ѣздилъ въ пустыни Санаксарскую и Саровскую. Великолѣпіе ихъ изумительно, особенно Саровской. Во время путешествія моего въ Саровъ Богъ явилъ надо мною чудо милосердія своего. На крутомъ спускѣ къ рѣкѣ подъ селомъ Устье ямщикъ не могъ удержать лошадей; они бросились на паромъ сильно, сшибли перила парома и за ними понеслись въ воду, гдѣ была глубина до 8 аршинъ. Но онѣ запутались ногами въ перилахъ, а между тѣмъ набѣжали мужики и удержали повозку, въ которой я сидѣлъ съ келейникомъ. Такъ Господь спасъ меня отъ вѣрной смерти. Въ 1836 году, когда я былъ бакалавромъ въ Академіи, также Го-

сподь спась мою жизнь. Въ пятницу на первой недѣлѣ пришедши изъ церкви, я прилежь отдохнуть по крайнему изнеможенію, а спать ложиться еще было рано. На кровати подлѣ себя на стулѣ я поставилъ свѣчу, лежа сталъ, читать и заснулъ. Но вдругъ слышу голосъ: вставай, вставай, достань книгу (въ это время я занимался пересмотромъ библіотеки). Миѣ не хотѣлось вставать, по всталъ и что же? Смердъ наполняетъ всю мою келью, стулъ горитъ, книги, на которыхъ стояла свѣча, горѣли. При свѣтѣ лампы я увидѣлъ онаго вѣстия и возблагодарилъ Господа за спасеніе. Жизнь моя принадлежитъ Тебѣ, Господи, по праву созданія и искупленія и обыкновеннаго храненія; принадлежитъ Тебѣ и по особенному, чрезвычайному сохраненію ея.

1851 года февр. 12 я слышалъ отъ Вѣры Алексѣевны К. слѣдующее сказаніе. Къ ней приходила одна дѣвушка изъ мѣщанскаго сословія слѣпая и рассказала причину слѣпоты своей. Однажды въ первый день Пасхи она сдѣлалась сильно больна лихорадкою. Тутъ она дала Богу обѣтъ, что если Господь ее освободитъ отъ лихорадки, то въ продолженіе жизни ничего не будетъ ѣсть кромѣ одного хлѣба; такъ она и дѣлала въ продолженіе двухъ лѣтъ. Однажды она навязалась вымыть полы у одного чиновника. Это было во время всепощиой паканунѣ воскреснаго дня. Чиновникъ сталъ ее соблазнять, по она не соглашалась и сказала, что если согрѣшу, то дай Богъ миѣ ослѣпнуть. Наконецъ не устояла противъ обольщеній и пала. Но паденіи тотчасъ ослѣпла. По совѣту К. она ходила въ Воронежъ, помазала глаза масломъ отъ чудотворныхъ мощей святаго Митрофана и стала видѣть людей, какъбы древія ходяща.

Въ 1851 году въ іюнѣ и августѣ я былъ въ Лаврѣ и Москвѣ. Очень много нашелъ переменъ. Въ Лаврѣ при мощахъ преподобнаго Сергія возобновились во миѣ тѣ сладкія впечатлѣнія, которыя такъ часто случалось имѣть во время моего въ ней пребыванія.—1852 года октября 27,

получилъ я извѣстіе изъ Петербурга о томъ, что разрѣшено намъ устройство чугунныхъ лѣстницъ и передѣлка семинаріи. Тогда наша семинарія будетъ не хуже образцовыхъ, если Богъ дастъ дожить до сего.

Я слышалъ отъ старушки Олимпіады Антоновны Головиной слѣдующее: она слышала отъ графа Илинскаго, бывшаго съ ея мужемъ въ дружбѣ, что онъ, графъ, въ 1796 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Гатчинѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Онъ сопровождалъ великаго князя въ разныхъ хозяйственныхъ прогулкахъ и между прочимъ 6 ноября пошли на мельницу. Великій князь отошелъ отъ мельницы, а графъ остановился около нея, и, смотря на вертящееся мельничное колесо, задумался о превратности судьбы людей, и при этомъ пришла ему мысль, что великій князь будетъ императоромъ. Онъ такъ сильно погруженъ былъ въ эти думы, что не слышалъ, какъ великій князь подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу со словами: о чемъ ты задумался? Графъ отвѣчалъ. Великій князь сказалъ ему: ты любишь философствовать и зафилософствовался. Лишь только сказалъ эти слова великій князь, какъ вдругъ оба они видятъ, что по дорогѣ пылъ столбомъ. Графъ сказалъ: Государь! я чувствую, что это будетъ вѣстникъ о томъ, что васъ ожидаетъ престоль. Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ графъ Зубовъ является съ донесеніемъ о смерти императрицы Екатерины II-й.

1852 года 3 декабря изъ Тамбова я пересведенъ во Владиміръ. Весьма тяжка была для меня вѣсть объ этомъ перемѣщеніи. Тяжело было разставаться съ Тамбовскою семинаріею, въ которой все устроилось, и съ Козловскимъ монастыремъ. Во Владимірѣ все требуетъ устройства и надзора и не вижу возможности дать порядочный видъ. Радуюсь, что Господь далъ мнѣ въ управленіе Даниловскую обитель, которая красуется нетлѣнными мощами св. угодника Божія пр. Давіила и чудотворною иконою Божіей матери Тихвинской. Сію икону преподобный Данииль принесъ изъ Пафнутаева монастыря.

Около полугода служеніе во Владимірѣ было тягостно, но послѣ, по милости Господа, начинаю чувствовать нѣкоторое успокоеніе. Между 6 и 15 августа въ Даниловѣ монастырѣ А. А. между прочими рѣчами говорить мнѣ: надобно просить Господа Бога, чтобы Онъ не оставилъ насъ безъ своей помощи, особенно во время искушеній, когда мы забываемъ о Богѣ и о себѣ. Васъ тотчасъ по пріѣздѣ во Владиміръ ожидаетъ великое искушеніе. Что же мнѣ дѣлать? спросилъ я.—Вооружитесь постомъ и молитвой, и лукавый отбѣжитъ отъ васъ. Дѣйствительно, тотчасъ по пріѣздѣ во Владиміръ представилось искушеніе. Я просилъ рабу Божию молиться о мнѣ, и она особенно молилась о мнѣ въ это время. Видно за ея молитвы Господь сохранилъ меня отъ паденія, а искушеніе продолжалось около полтора мѣсяца. Господи! какъ Ты милосердъ ко мнѣ грѣшному и окаянному.

1854 года января 11-го я прибылъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Начальство очень ласково встрѣтило меня и Ярославскаго ректора Никодима. 15-го числа ввели насъ въ Святѣйшій Синодъ. По вступленіи въ присутственную комнату мы помолились три раза предъ св. иконою, потомъ сдѣлали поклонъ членамъ Синода и графу оберъ-прокурору. Послѣ подходили подъ благословеніе къ членамъ Синода по старшинству. Митрополитъ Никаноръ сказалъ намъ слѣдующую рѣчь: «по вниманію къ долговременной и усердной вашей службѣ въ званіи ректора и настоятеля монастыря Святѣйшій Синодъ вызвалъ васъ сюда на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Но это вмѣстѣ будетъ испытаніемъ вашихъ способностей, вашего знанія истинъ вѣры православной, вашего благочестія. Для этого вамъ будутъ поручаемы дѣла по консисторіи и разсмотрѣніе катихизическихъ бесѣдъ здѣшнихъ священнослужителей. Отзывы о нихъ представляйте прямо ко мнѣ. Мы полагаемъ на васъ добрую надежду; оправдайте точнымъ, вѣрнымъ и дѣятельнымъ исполненіемъ возлагае-

мыхъ на васъ порученій. Господь да благословитъ ваше служеніе и да дастъ вамъ совершить оное къ утѣшенію нашему и чести вашей». Вскорѣ о. Никодимъ былъ назначенъ епископомъ Чебоксарскимъ викаріемъ Казанскимъ. 10 февраля было нареченіе его. Рѣчь онъ говорилъ внятно, ясно, просто. Я и о. Агаѳангелъ, ректоръ Казанской академіи, были ассистентами при нареченіи. Замѣчательно, что о. Никодиму еще въ іюнѣ 1853 года приснился сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ, что онъ сдѣланъ викаріемъ Казанскимъ. Еще не было и рѣчи тогда объ этомъ.

Ноября 11-го я по назначенію служилъ соборнѣ литургію во Вдовьемъ домѣ по случаю отправленія сердобольныхъ вдовъ въ Крымъ для хожденія за воинами. Послѣ молебна въ путь грядущимъ митрополитъ возложилъ на 13 вдовъ кресты послѣ обычной присяги. Потомъ произнесъ къ нимъ рѣчь, которая привела въ слезы всю церковь. Владыка говорилъ, что хожденіе за больными важнѣе всѣхъ дѣлъ человѣколюбія, но вмѣстѣ тяжелѣе и безотраднѣе; говорилъ, что сердобольныя не должны ограничивать своего служенія больнымъ однѣми ихъ тѣлесными потребностями, но должны служить ихъ вѣчному спасенію.

2-го января 1855 года Соловецкій архимандритъ Александръ представлялся государю императору. Государь очень благодарилъ его за службу и за мужество; изъявилъ надежду, что въ случаѣ новаго нападенія враговъ на обитель онъ постоитъ. Потомъ спросилъ: «вы, кажется, служили прежде въ военномъ вѣдомствѣ?» «Я имѣлъ счастье освящать знамена въ присутствіи Вашего Величества въ полку принца Прусскаго въ 1824 году». Государь, обращаясь къ государынѣ, говоритъ: «онъ служилъ въ полку твоего брата». Государыня подошла къ нему и подала руку, которую онъ поцѣловалъ, и также благодарилъ его. Послѣ тутъ же представлялся цесаревичу, который также благодарилъ его за службу и просилъ молиться за государя.

Января 12-го я былъ присутствующимъ при нареченіи ректора Петербургской семинаріи Іоаннікія во епископа Старорусскаго и викарія Новгородскаго. Рѣчь говорилъ очень хорошую. Началь тѣмъ, что его волнуютъ различныя чувства,—чувство радости о милости начальства, о дарахъ благодати. Но страшится своихъ немощей, боится страшнаго суда Божія. Миръ онъ находитъ въ преданности волѣ Божіей.—16 января было посвященіе Іоаннікія во епископа. Я сослужилъ двумъ архіереямъ литургію. Предъ литургіею получено извѣстіе, что умеръ оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Протасовъ на 16-е число, въ часъ по полуночи, безъ напутствія таинствами вѣры. Графъ взялъ билетъ въ итальянскую оперу на 15-е число. Нельзя не задуматься надъ этимъ.—19 января я оставилъ Петербургъ и 31-го прибылъ въ свой Даниловскій монастырь. Митрополитъ Никаноръ при отпращиваніи изъ Петербурга сказалъ мнѣ: «трудитесь, начальство видитъ и цѣнитъ ваши труды». А его секретарь сказалъ: «простите не надолго». 21 февраля прошелъ слухъ, что скончался государь императоръ Николай I-й 18 числа. Эта вѣсть не скорбію только поразила всѣхъ, но и ужасомъ. Вся жизнь его посвящена была благу Россіи; никогда мудрость его не была такъ нужна, какъ теперь. Но судьбы Господни бездна многа.—24-го числа вечеромъ была во Владимірѣ присяга государю императору Александру II-му и наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Предъ присягой былъ прочитанъ манифестъ государя. Всѣ были въ свѣтлыхъ ризахъ.—25 числа была заупокойная литургія и панихида по императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ этотъ же день я получилъ письмо отъ К. Д. Н., въ которомъ она пишетъ, что слышала о послѣднихъ часахъ государя. Когда увидѣли безнадежность его, то предложили ему исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Онъ сказалъ: «развѣ очень плохо?» и тотчасъ же исполнилъ это. Потомъ всѣхъ потребовалъ къ себѣ и всѣхъ благословилъ и давалъ совѣты, просилъ у всѣхъ прощенія и послѣ все

читалъ молитвы. Въ это время ему подали пакетъ отъ сыновей въ Севастополѣ. Онъ взялъ, посмотрѣлъ, положилъ его не распечатавъ и сказалъ: «слава Богу! они живы, а я уже не принадлежу землѣ». При этихъ словахъ государыня сказала: «Господи! прими и меня вмѣстѣ». Государь сказалъ ей: «нѣтъ, живи, утѣшай, ободряй всѣхъ и поддерживай дружбу, которая всегда была цѣлю моей жизни». Тутъ онъ замолчалъ, а государыня стала читать «Отче нашъ». Когда она сказала: «да будетъ воля Твоя», то государь прервалъ ее и продолжалъ: «да будетъ воля Твоя со мною, съ нею и со всѣми нами». Болѣе ни слова онъ не произнесъ на землѣ. Да помянетъ его Господь во царствіи своемъ.

20-го числа въ Московскомъ Кремлѣ во время звона къ присягѣ упалъ колоколъ вѣсомъ въ 2.500 пудовъ.

1855 года мая 19-го я служилъ съ преосвященнымъ Іустиномъ въ Боголюбовѣ монастырѣ по случаю закладки храма во имя Божіей Матери. Я почелъ особенною милостію Царицы небесной это приглашеніе меня къ участию въ закладкѣ храма. И Царица небесная явила чудо со мною. Мнѣ пришлось заложить храмъ, несмотря на присутствіе архіерея и двухъ архимандритовъ. Преосвященный заложилъ только мѣста для алтарей и пошелъ обратно, но потомъ, вспомнивъ, что не были заложены стѣны, послалъ меня заложить стѣны по всѣмъ угламъ. Я исполнилъ это. Когда преосвященный кадилъ основанія храма, то я кропилъ ихъ святою водою. Царица небесная! не оставь меня своимъ покровомъ какъ въ жизни сей, такъ и при кончинѣ моей.

1855 года іюня 16. Господь посѣтилъ Владиміръ великимъ бѣдствіемъ — пожаромъ. Сгорѣлъ весь Дѣвичій монастырь. Къ общему унынію въ народѣ отъ военныхъ обстоятельствъ присоединилась новая причина скорби. Господи! прости и помилуй. Праведенъ гнѣвъ Твой, но пощади.

(Окончаніе будетъ).

Ш Е Л К Ъ.

Провидѣніе печется о челоѣчествѣ подобно доброй матери, любящей свое дитя, но не балующей; заботится о его нуждахъ настоящихъ и предусматриваетъ будущія; даетъ пропитаніе и воспитаніе, и копить наслѣдство, но велить учиться, и учить трудиться.

Человѣку суждено снискивать себѣ средства жизни тяжелымъ трудомъ. Даже въ раю онъ долженъ былъ работать (Быт. 2, 15). Отсюда происходитъ двоякая польза: съ одной стороны челоѣкъ не засыпаетъ умственно на лонѣ довольства, отъ беззаботности, работаетъ и думаетъ, т.-е. развивается; съ другой стороны очень часто видитъ разрушеніе своихъ предначертаній, неудачу своихъ предпріятій, тщету своихъ трудовъ. Отсюда происходитъ сознаніе своей зависимости отъ высшей силы, то-есть вѣра, упованіе на Бога, смиренная молитва, благодарность.

Между тѣмъ, по мѣрѣ возрастанія и преуспѣянія челоѣчества, увеличиваются и усложняются его нужды и потребности; пробуждается желаніе удобства (комфорта), изящества, и, къ удивленію своему, челоѣкъ видитъ, что все, что онъ задумываетъ, въ чемъ чувствуетъ нужду — уже есть, уже припасено его мудрою и нѣжною матерью, но до времени было припрятано въ ея сокровищницѣ, чтобы неразумное пока дитя не ломало, не портило, а когда понадобится, нашло все подъ руками. «Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ» (Матѣ. 6, 32).

Соломенный шалашъ въ тѣни кокосовыхъ пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ, циновка, лодка и сѣть — больше

ничего не нужно жителю Отапти, — счастливому сыну природы. А сколько нужно европейцу! За то житель Оксани духовно спитъ, убаюкиваемый шелестомъ банановъ и вѣчнымъ плескомъ волнъ окружающаго моря, а европеецъ трудится, думаетъ—и повелѣваетъ вселенной. Природа первому дастъ все, что необходимо, второму все, что потребуетъ: уголь, алмазы, золото, гуано, лыко и шелкъ, керосинъ и карминъ — все его!

Пока не почувствовалось оскудѣніе лѣсовъ, никому не приходило на умъ, что кромѣ надпочвеннаго топлива есть еще подземное—каменный уголь—и заготовлено въ неизмѣримомъ количествѣ, громадными залежами, огромнѣйшими пластами; а теперь какъ вовремя пришелся этотъ уголь и въ пору «прогорѣвшему» человѣчеству! «Безъ каменнаго угля паровая машина въ ся безчисленныхъ примѣненіяхъ и видоизмѣненіяхъ была бы бесполезна. Слои каменнаго угля, придавленные массивными каменными пластами, въ теченіе многихъ вѣковъ, хранились для удовлетворенія потребностей человѣка, такъ поздно появившагося на свѣтъ. Они лежатъ такъ не глубоко, что доступны разработкѣ; но несмотря на это, они достаточно защищены отъ атмосферныхъ вліяній, которыми давно были бы истреблены, еслибъ находились на поверхности земли. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что еще въ то время, когда однообразная растительность каменно-угольной формации покрывала плоскіе болотистые острова, роль человѣка въ міровой жизни была уже опредѣлена» («Единство Мірозданія». Гартвига гл. VI).

Пока почва наиболѣе населенныхъ странъ не была истощена постояннымъ воздѣлываніемъ, какъ будто бесполезный хламъ, соръ, уметіе въ кладовой природы, лежали пустынные, необитаемые острова, посѣщаемые только безчисленными стаями морскихъ птицъ, и покрытые огромными запасами гуано,—удобренія, заготовленнаго предусмотрительностію Провидѣнія недогадливымъ людямъ. «Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ,

ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ» (Мато. 6, 26), и кромѣ того еще заставляетъ приносить пользу людямъ, которые собираютъ въ житницы; «потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете пужду во всемъ этомъ» (6, 32).

Пока человѣкъ жилъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ пѣтъ особенной пужды въ одеждѣ и можно большую часть года ходить, прикрываясь, изъ чувства приличія, листвіемъ смоковнымъ (Быт. 3, 7) въ видѣ препоясанія, а въ холодное время звѣриными кожами (Быт. 3, 22), то онъ и не помышлялъ объ лучшей, болѣе удобной и болѣе изящной одеждѣ, и довольствовался цыновкой, какъ Австраліецъ, или воловьей шкурой, какъ Готтентотъ. Но когда увеличеніе народонаселенія, войны и другія причины заставили первобытныя племена переселяться въ страны съ климатомъ не столь благораствореннымъ какъ на родинѣ праотцевъ, тогда, по необходимости, надобно было придумывать и болѣе удобную одежду.

Жители холодныхъ странъ, въ слѣдствіе суровости климата, болѣе всего пуждаются въ теплой пицѣ, въ теплой одеждѣ. Для удовлетворенія этихъ насущныхъ потребностей приготовлены нескучные запасы средствъ,— только трудись, а не трудившійся пусть и не ѣсть. Сѣверныя моря изобилуютъ китами, моржами, тюленями. Жиръ этихъ морскихъ звѣрей (а они очень жирны) составляетъ лакомую пищу Эскимосовъ, Лапландцевъ и прочихъ жителей ледовитаго поморія. А извѣстно, что жиръ составляетъ самую теплопроизводительную пищу для человѣка: это, такъ сказать, топливо для нашего организма. Отъ того-то наши извозчики, которые всю зиму кочуютъ съ обозами по снѣжнымъ равнинамъ нашей пространной родины, такъ любятъ на постояломъ дворѣ покушать поплотнѣе жирной свинины; вѣдь они весь день какъ Лопари на морозѣ. Мѣха сѣверныхъ оленей, лисицъ, бѣлыхъ медвѣдей чрезвычайно теплы, мягки, пушисты. Лѣса Сибири и Канады изобилуютъ звѣрями, которые снабжаютъ

весь сѣверъ превосходными теплыми и красивыми мѣхами. Добываніе этихъ мѣховъ даетъ пропитаніе тысячамъ отважныхъ звѣролововъ; продажа ихъ обогащаетъ цѣлыя торговыя общества, а ношеніе составляетъ щегольство и роскошь богатыхъ классовъ въ Европѣ и Америкѣ.

Средняя Азія получила въ даръ себѣ коней, воловъ и руно своихъ безчисленныхъ стадъ, молоко, сыръ, мясо и шерсть. Климатъ этихъ странъ требуетъ то легкихъ одеждъ, то теплыхъ. Хлопокъ и шерсть какъ нельзя лучше удовлетворяютъ этимъ условіямъ. Кочевникъ въ зимніе холода облекается въ овчинный тулупъ и баранью шапку, и прячетъ дѣтей своихъ въ кибитку, плотно обшитую кошмами; въ лучшее время носить одежду изъ верблюжьего волоса, овечьей шерсти, и изъ пуха ангорскихъ и кашемирскихъ козъ изготовляетъ тончайшія легкія ткани, шали, которыя не уступаютъ достоинствомъ шелковымъ матеріямъ.

По мѣрѣ развитія земледѣлія и благосостоянія развивались потребности и вкусъ; вошли въ употребленіе ткани растительнаго происхожденія: изъ льна, конопли, хлопчатой бумаги,—ткани изъ индѣйской крапивы, родъ кисеи, мягкія какъ пухъ, прозрачныя и легкія, какъ утренній туманъ.

Но все это еще далеко было отъ шелка. Восточная и южная Азія, Японія, Китай, Индія получили отъ Провидѣнія этотъ даръ—червя, шелковичнаго червя, шелкопряда.

Прежде нежели мы станемъ говорить объ этомъ удивительномъ дарѣ, безцѣнной работѣ невзрачнаго червя, необходимо сказать нѣсколько словъ о роскоши.

Шелкъ въ нашемъ обыденномъ разговорѣ есть синонимъ роскоши, щегольства, расточительности, пышности; но на родинѣ своей, въ странахъ, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, онъ не составляетъ ничего особеннаго, исключительнаго. «Когда шелкъ цѣнился на вѣсъ золота, и когда императоръ Авреліанъ отказалъ своей супругѣ въ шелковомъ платьѣ, по причинѣ его дороговизны,—китай-

скіе крестьяне пѣкоторыхъ областей Небесной имперіи, въ числѣ пѣсколькихъ милліоновъ, носили уже шелковыя одежды. За пѣсколько тысячелѣтій до нашихъ дней, шелкъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ воздѣльванія и фабрикаціи въ Китаѣ, а равно и въ Индіи, гдѣ классъ людей, занимавшихся уходомъ за шелковичными червями, существовалъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ, ибо объ немъ упоминается въ самыхъ древнѣйшихъ санскритскихъ сочиненіяхъ *). Если богачъ Евангельской притчи могъ одѣваться въ виссонъ, одежду царей и вельможъ, недоступную людямъ бѣднымъ, то въ Индіи и бѣдный Лазарь могъ бы ходить въ шелковомъ одѣяніи. Факирь, странствующій дорвишъ, погонщикъ, носильщикъ паланкиновъ—все эти люди носятъ шелковыя одежды. Конечно, ихъ одежды изготовлены изъ низшихъ сортовъ шелка; но эти одежды, какъ нельзя болѣе, приспособлены къ условіямъ страны: очень прочны, очень легки, плотны, защищаютъ отъ жара и дождя, какъ плащъ изъ кожи или каучука. Если Клеопатра, роскошная царица Египта, могла поднимать на своей яхтѣ паруса изъ финикійскаго пурпура, то и рыбаки береговъ Цейлона выѣзжаютъ въ море съ шелковыми парусами, хотя можетъ быть неокрашенными въ пурпуръ.

Въ наши времена, когда роскошь достигла чудовищныхъ, ужасающихъ размѣровъ, ужасающихъ особенно въ виду всеобщаго обѣднѣнія и оскуднѣнія, полезно, хорошо, нужно говорить о роскоши, возставать противъ излишествъ, столь вредныхъ для личнаго, семейнаго, общественнаго и государственнаго благосостоянія, спокойствія и счастія. Но, осуждая роскошь, надобно опасаться, не впасть бы въ противоположную крайность; мѣра должна быть во всемъ, и стало быть въ этомъ отношеніи. Достойнъ порицанія эпикуреизмъ Лукулла, но ничего вѣтъ похвальнаго и въ циническомъ равнодушіи къ внѣшности Діогена.

*) Естеств. Исторія Пасѣкомыхъ—Кэрби и Спенса.

Человѣчество издревле любило украшенія по врожденной склонности къ изящному, и старалось и старается удовлетворить ей чѣмъ и какъ можетъ. Дикарь расписываетъ тѣло полосами бѣлой, красной, синей глины, убрываетъ голову цвѣтами и перьями, обвѣшивается бусами и раковинками. Цивилизованная жительница Еѳропы убрывается шелкомъ и золотомъ, жемчугомъ и брилліантами. Разные способы удовлетворенія, а потребность одна.

По этому чувству всѣ народы и всѣ религіи убрали храмы и алтари боговъ, украшали ихъ кумиры всѣмъ, что въ ихъ время было самага изящнаго, то-есть пышнаго, блестящаго, роскошнаго. Завѣсы скиніи Моисеевой блистали пурпуромъ, синетою и червленицею; храмъ Соломона убранъ былъ драгоценнымъ деревомъ и залитъ золотомъ. Золото и пурпуръ, виссонъ и музыка, семидаль и оиміамъ—все въ даръ Тебѣ, Всевышній!

По мѣрѣ развитія человѣчества увеличиваются удобства жизни, и развивается вкусъ къ изящному и стремленіе удовлетворить ему. Но это не роскошь и не стремленіе къ роскоши. Роскошь есть излишество, злоупотребленіе изящнымъ. Роскошь есть употребленіе своихъ средствъ и даровъ природы на удовлетвореніе не высшихъ эстетическихъ потребностей человѣческаго духа, а на служеніе низшимъ инстинктамъ, самолюбію, тщеславію, плотоугодію, сластолюбію, объяденію, пьянству и т. д. Строгіе моралисты возставали не противъ любви къ изяществу и комфорту, которая врожденна и справедлива, а противъ мотовства, фанфаронства, безумной расточительности богатыхъ. Что они порицали: шелкъ, или мотовство, порфиру или тщеславіе, виссонъ, или немилосердіе къ бѣднымъ? Напримѣръ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «какого прощенія достойны будутъ, которые и во одеждахъ великое излишество оказываютъ, *и отъ червей сработанною пряжею* оплетать себя заботно стараются, и, что еще тяжчаѣ того, сими и гордятся! Должно бы паче скрываться и бояться, и трепетать, что ты самъ ли на какую по-

требу, не ради нужды, по ради нѣжности и тщеславія, чтобъ площадной народъ удивлялся, таковая поспши; а тогожде естества съ тобою сущій нагъ ходитъ, и самой подлой одежды ко одѣянію не имѣеть... Наипаче женамъ сія прилична рѣчь. Понеже ва нихъ больше видѣтъ можно украшенія и роскошнаго убранства: онѣ вокругъ себя златотканія одежды и самое золото носятъ на главѣ, и на шеѣ, и на прочихъ членахъ, и величаются сими. Сколько бы утробъ нищихъ могли насытить, и сколько тѣлесъ, наготу терпящихъ, покрыть, на однихъ токмо ухахъ, всеу и напрасно висяція украшенія! «Бесѣды на кн. Бытія». Шелкъ и золото (какое лестное сравненіе для работы червя!) не потому возбуждаютъ негодование вселенскаго учителя, что они сами по себѣ вредны, а потому что людское тщеславіе употребляетъ ихъ съ дурною цѣлю; потому что богатство, вмѣсто употребленія въ общую пользу, чрезъ нихъ уходитъ на удовлетвореніе спѣси и пышности богачей, и въ карманы жадныхъ и ненасытныхъ торгашей, которые умѣютъ пользоваться людскими слабостями въ свою пользу. Когда удовлетворены существенныя пужды, изящество и комфортъ позволительны. Нельзя требовать отъ всего человѣчества стоической воздержности, спартанской простоты и аскетическаго отреченія отъ всѣхъ удобствъ общественной жизни. Священное Писаніе не осуждаетъ царственную пышность Соломона, великолѣпіе и блескъ, столь приличные двору восточнаго монарха. Кто осудитъ живопись, музыку, когда цѣль ихъ возвышенна и благородна? Кто назоветъ роскошью употребленіе одеждъ, приличныхъ средствамъ и общественному положенію? Богачь Евангельской притчи о Лазарѣ не за то осужденъ въ геенну, что одѣвался въ порфиру и виссонъ, а за то, что тратилъ свое состояніе единственно на роскошь, хотя видѣлъ ужасающую картину нищеты прямо у подъѣзда своихъ чертоговъ, за то, что хотѣлъ подобиться царямъ одѣяніями, а не благодѣяніями. Итакъ шелкъ самъ по себѣ не есть роскошь; только ояъ и до-

селѣ еще составляетъ относительную рѣдкость, а въ древнія времена и подавно былъ рѣдкостью, и потому цѣнился чрезвычайно дорого. Всѣ вещи, которыя имѣютъ обширное употребленіе, обыкновенно понижаются въ цѣнѣ противъ того времени, какъ были рѣдкостью, наприм. часы, швейныя машины, фотографическія картины и приборы. Будетъ время, когда шелкъ съ развитіемъ промышленности шелководства войдетъ въ число обыденныхъ принадлежностей общественнаго быта. Авреліанъ отказалъ въ шелковомъ платьѣ императрицѣ,—а нынѣ каждая мѣщанка уѣзднаго города имѣетъ, если не шелковое платье, то хоть платокъ или косынку, и, вѣроятно, не далеко то время, когда шелкъ не будетъ удивленіемъ, щегольствомъ, роскошью. Когда Испанцы покорили имперію Инковъ, золото было тамъ во всеобщемъ употребленіи, а стеклянныя бусы, маленькія зеркала, привозимыя изъ Европы, были рѣдкостью, значить роскошью, и цѣнились чрезвычайно дорого. Роскошь—понятіе относительное. Кто нынче назоветъ роскошью окна со стеклами, которыя были дивомъ во время Юстиніана (перваго европейскаго шелководы) и рѣдкимъ украшеніемъ храма святой Софіи?

Конечно, очень не мѣшало бы, еслибы высшія сословія подавали низшимъ примѣръ простоты въ одѣянiяхъ, экономіи въ расходахъ на наряды; но вина не въ шелку, а въ тщеславіи, въ страсти къ роскоши и къ мотовству. А коль скоро такое расположеніе существуетъ, да еще поддерживается общимъ примѣромъ, то мотать и промотаться очень легко и удобно и безъ шелку—на чемъ попало: вино, карты, лошади, постройки, аферы, балерины,—мало ли способовъ очень прiятныхъ повторить вѣчную исторію блуднаго сына?

Итакъ довольно о роскоши. Будемъ надѣяться, что и у насъ шелкъ будетъ предметомъ обыденнаго употребленія, а не роскошью, какъ были роскошью, а стали повседневностью, стекло, фарфоръ, чай, керосинъ каучукъ

и другія принадлежности быта, которыя промышленность удешевила, разнесла по всѣмъ закоулкамъ и сдѣлала предметами ежедневнаго обихода. Какъ хина Кордильеровъ, гуано океаническихъ острововъ, сельди сѣверныхъ морей,—и даръ востока—шелкъ сдѣлается общимъ достояніемъ человѣчества.—Отправимся въ глубину тѣхъ отдаленныхъ временъ и странъ, откуда вышло и распространилось шелководство.

Начало шелководства, подобно началу всѣхъ величайшихъ и полезнѣйшихъ ремеслъ и искусствъ, какъ говорится обыкновенно, теряется во мракѣ временъ, во мглѣ баснословныхъ повѣствованій. Первый плугъ упалъ съ неба въ Египтѣ; Аѳина подарила Неоптолеу первый колосъ пшеницы, Аттікѣ маслину. Вулканъ указалъ людямъ огонь и научилъ ковать металлы.

Нѣтъ, божественная искра разума тлѣла всегда въ головѣ человѣка, и, раздуваемая суровымъ вѣтромъ нужды, превращалась въ яркое пламя изобрѣтательности и освѣщала сокровища, лежащія въ нѣдрахъ природы. Напрасно стараются унижить человѣка до степени скота, низвести нашихъ родоначальниковъ до происхожденія отъ обезьяны. Грубое, животное состояніе нѣкоторыхъ племенъ, океанійскихъ дикарей и туземцевъ центральной Америки даетъ благовидный предлогъ къ такимъ заключеніямъ: мы - де таковы были, да вотъ, въ теченіи миліоновъ вѣковъ (чего ихъ жалѣть?) обтесались, понемногу образовались, и вотъ теперь ужъ стали умницами. Нѣтъ, эти отверженные племена не свидѣтели первобытнаго состоянія человѣчества; это печальныя развалины, слѣдствія понятнаго движенія, деградаціи. Съ лукомъ и стрѣлами кочуютъ американскіе дикари по дебрямъ Андозъ, и натываются въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ на могучія развалины древнихъ городовъ, на величественныя пирамиды... Кумиры, колоссы, оплетенные ліанами, какъ въ дѣсахъ Камбоджи, барельефы, которыхъ смыслъ понятенъ ученому европейцу и неизвѣстенъ одичалому ту-

земцу, потому что заимствованъ изъ древнѣйшихъ священныхъ книгъ Индіи,—огромные базальтовые истуканы на о. Пасхи, объ которыхъ тамошніе дикари могутъ сказать словами латинскаго поэта: *has columnas posuisse putas deos* (эти коллоссы воздвигнуты богами),—кто ихъ высѣкалъ изъ цѣлыхъ скалъ, какъ египетскіе сфинксы, кто ихъ ставилъ? Очевидно могучіе предки этого жалкаго одичалаго потомства были народами цивилизованными, потомъ (кто угадаетъ и исчислитъ причины?), потомъ наступилъ періодъ застою, старческаго коснѣнія, въ которомъ исторія застала Египетъ и Китай, и затѣмъ упадокъ политическій, нравственный, духовный и физическій—историческая смерть. Дикари—старая монета, у которой образъ и надписаніе Кесарево стерлись. Люди созданы по образу Божію и, какъ ни глубоко пали, все-таки сохранили блескъ первозданнаго разума. Нужда была матерью изобрѣтеній, а гений человѣчества отцемъ ихъ. Надобно было имѣть великую наблюдательность и соображеніе, чтобы додуматься: на что можетъ пригодиться этотъ клубокъ шелковинокъ, который виситъ на сучьяхъ деревь? Надобно было геніальное наблюденіе и терпѣніе естествоиспытателя, чтобы приручить, покорить, сдѣлать своимъ работникомъ насѣкомое, которое наконецъ заняло принадлежащее ему мѣсто во всемірной исторіи.

Да! шелковичный червь имѣетъ свою исторію, стоящую въ близкой связи съ исторіею цивилизаціи, съ войнами, мореплаваніемъ, торговлей, колонизаціей... Не унижая достоинствъ пчеловодства, можно сказать, что оно почти не имѣетъ исторіи: гдѣ пчелы водились и разводились, тамъ доселѣ водятся и разводятся; гдѣ какіе приемы ухода за ними установились съ незапамятныхъ временъ, тамъ они такими и остаются. Никакихъ особыхъ примѣненій, приспособленій для произведеній пчеловодства не придумано: медъ на столъ, свѣчка за престолъ. А шелкъ отъ береговъ Тихаго океана, гдѣ восходящее солнце, за 2000 лѣтъ до Рож. Хр., освѣщало на скалахъ Японіи шел-

ковичныя насажденія, чрезъ Китай, Индію, Грецію, Италію, Испанію протянулся исторической лентой по всему матеріку стараго свѣта, а потомъ на корабляхъ до береговъ Америки, до Панамскаго перешейка. Шелковый поясъ!

Китайскія преданія возвели въ число боговъ первую императрицу (вѣроятно баснословную), которая занималась разведеніемъ шелковичныхъ червей. Имя ея было: *Си-линъ-ши*. Слѣдуя ея прекрасному примѣру и позднѣйшія императрицы, въ назначенное время, съ извѣстными обрядами, собирали листья шелковичнаго дерева, подавая поучительный примѣръ своимъ подданнымъ.

Строгіе законы охраняли въ Китаѣ тайну шелководства. Запрещено было, подъ страхомъ смертной казни, вывозить яички червя или сообщать иностранцамъ какія бы то ни было свѣдѣнія о шелковой промышленности. Индія тоже знала тайну шелководства и отправляла въ среднюю Азію цѣлыя караваны шелку. Вавилонскіе знаменитые ковры и завѣсы ткались изъ золота и шелку, но и цѣнились во времена Александра великаго на вѣсь золота. При всей затруднительности тогдашнихъ сообщений предприимчивые торговцы доставляли шелковыя ткани даже въ Грецію. На островѣ Косъ въ Архипелагѣ существовала особая отрасль промышленности: плотныя азіатскія ткани, изъ экономіи, распускали, и потомъ снова ткали, но такъ рѣдко, что онѣ имѣли видъ кисей, такъ что женщины, носившія ихъ, казались полуобнаженными. Гетеры, увидѣвъ такія безцѣнныя ткани, передъ которыми мѣстныя багряницы и виссоны казались дерюгой, парусиной, приходили въ экстазъ, и потомъ впадали въ отчаяніе, а торговцы за нихъ брали баснословную цѣну. Суровый Римъ до Юлія Цезаря не зналъ толку въ шелку. Однажды на играхъ цирка въ полдневный жаръ, когда обыкновенно надъ зрителями растягивался тентъ изъ парусины для тѣни и прохлады, вдругъ великолѣпный шелковый покровъ выплылъ легкимъ свѣтлымъ облакомъ

и покрылъ прозрачною тѣнью всю многотысячную толпу пораженныхъ зрителей... Римляне, какъ извѣстно, не знали мѣры въ роскоши и спускали деньги, награбленныя со всей вселенной, съ великолѣпіемъ достойнымъ Рима. Опрокинулись на шелкъ; дошло до того, что наконецъ при Тиверіѣ сенатъ закономъ запретилъ мужчинамъ носить шелковыя одѣянія...

Это Римъ Цинцинната, сильный мечемъ и плугомъ, *agnis et arvis!* Такъ-то плѣнная Азія плѣнила своего суроваго побѣдителя: левъ запутался въ шелковыхъ тенетахъ. Исторія Геркулеса и Омфалы повторилась.

Естественно, что философы и ораторы вопіяли противъ роскоши, противъ шелка, точнѣе противъ безумія Рима. Еще естественнѣе, что мудрыя рѣчи оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Одинъ взглядъ на эти ткани легкія, тонкія, яркія, мягкія, съ гармоническимъ шелестомъ, съ блескомъ и отливами, сокрушала всякую стоическую твердость, а недовольно богатыхъ повергалъ въ глубокое уныніе, въ неутолимую зависть къ богатымъ!.. Зачѣмъ я не проконсулъ, не игемонъ какой-нибудь еще непочатой, неграбленной провинціи? Что эта тога, черствая какъ рогожа, грубая, какъ руки рабынь, которыя ткали ее, противъ этихъ матерій легкихъ, какъ лепестки розы, свѣтлыхъ, какъ облака весенняго неба?

Долго монополія производства и продажи шелка принадлежала Азіи и тяготѣла надъ Европою, извлекая изъ нея огромныя суммы, какъ нынѣ чайная производительность Китая. При императорѣ Юстиніанѣ (527—565) два монаха, проповѣдывавшіе Евангеліе въ средней Азіи, принесли въ своихъ тростяхъ яички шелкопряда и познакомили Грековъ со всѣми приемами шелководства. Вскорѣ оно распространилось по всей Восточной имперіи. Южная часть Греціи особенно отличалась шелковымъ производствомъ, такъ что въ эту эпоху ея прежнее названіе—Пелопонезъ, уступило мѣсто новому—Морея, отъ латинскаго слова *morus*—шелковица, тутовое, шелковичное дерево, которымъ она во множествѣ была засажена. Юстиніанъ

устроилъ въ Константинополѣ шелковыя фабрики, на которыхъ работали самыя искусныя мастера, и имъ строго запрещалось открывать способъ выдѣлки иностранцамъ.

Рожеръ, король обѣихъ Сицилій, съ флотомъ своимъ часто опустошалъ (XII в.) берега Греции, и однажды, взявши въ плѣнъ много шелководовъ, вздумалъ пересадить шелководство въ свои владѣнія, и въ 1169 году устроилъ въ Палермо шелковую фабрику. Оттуда шелководство разошлось по Италіи. Въ 1440 году каждый крестьянинъ Тосканы былъ обязанъ посадить на своемъ участкѣ земли не менѣе пяти шелковиць; въ 1474 году тосканскій шелкъ расходился по всему міру.

Въ Авиньонѣ шелковица была посѣяна въ 1340 году. Людовикъ XI и особенно Генрихъ IV покровительствовали шелководству всеми мѣрами; даже въ садахъ Тюльери разведена была шелковица и выводились черви шелкопряды. Нантскій эдиктъ повредилъ французскому шелководству, а съ другой стороны способствовалъ распространенію этой отрасли народной промышленности; изгнанные протестанты завели въ сосѣднихъ странахъ шелководство въ ущербъ французской производительности. Франція ежегодно изводитъ 73.200 фунтовъ яичекъ шелковичнаго червя. Цѣнность фабрикуемаго шелка представляетъ ежегодную цифру въ 8.000.000; въ статистическихъ таблицахъ Франціи за 1863 г. вывозъ этихъ издѣлій показанъ въ 381 миліона, и въ этомъ производствѣ Франція доселѣ не имѣетъ соперниковъ. Въ послѣднее время шелководство сдѣлалось одною изъ отраслей русской промышленности. Шелковичныя плантаціи распространяются у насъ среди неблагопріятныхъ повидимому климатическихъ условій, напримѣръ въ Москвѣ.

Благословенно Провидѣніе Божіе, дарующее и умножающее средства для удовлетворенія житейскихъ потребностей. Только не будемъ злоупотреблять этими благодѣяніями Божіими, не будемъ обращать ихъ въ средство для роскоши, изнѣженности и расточительности.

Свящ. Василій Владимірскій.

ДРЕВНІЯ ПАЛЕСТИНСКІЯ ЛАВРЫ

И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТІЯ, ВЪ НИХЪ ПРОЦВѢТАВШІЕ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Извѣстно, что въ Палестинѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Іерусалима, къ юговостоку, въ Юдоли плача, находится православный монастырь—Лавра св. Саввы Освященнаго, существующій со второй половины 5-го столѣтія христіанства. Извѣстно также изъ сочиненій церковныхъ историковъ, что, кромѣ Лавры Саввы Освященнаго, было въ Палестинѣ множество другихъ обителей, изъ которыхъ однѣ возникли въ тоже время, какъ основана Лавра преп. Саввы, другія—позже, въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ, а нѣкоторыя раньше, въ первой половинѣ пятаго вѣка и даже въ четвертомъ. Иноческія обители разсѣяны были по всей Св. Землѣ; особенно находилось ихъ много въ юго-восточной ея части. Были еще подвижники, которые проводили жизнь не въ обителяхъ, но въ пустыняхъ, въ удаленіи отъ людей, въ самомъ строгомъ уединеніи и безмолвіи; такъ сдѣлались славными нѣкоторыя пустыни, напримѣръ пустыня Іорданская, Рува, пустыня у Мертваго моря и друг. Многія изъ палестинскихъ обителей основаны по особенному откровенію Божію, по особенному явленію славы Божіей и во время процвѣтанія своего видѣли надъ собою явные знаки особеннаго къ себѣ Божія благоволенія и Божія о себѣ промышленія. Въ цвѣтущее время иночества въ Св. Землѣ ея обители ока-

зали много услугъ церкви христіанской, принесли много пользы вѣрѣ Христовой. Наконецъ, между множествомъ душъ, созрѣвавшихъ въ нихъ для небесной жизни и отходившихъ къ Господу, было много дивныхъ мужей, которые необыкновенными подвигами христіанскаго самоотверженія и самоумерщвленія достигли ангельской чистоты и безстрастія и исполнены были всеми дарами благодати. Изумительны ихъ подвиги, высоки добродѣтели, дивны дары благодати, въ нихъ дѣйствовавшей, назидательны и душеспасительны ихъ духовныя совѣты и наставленія. Давно они переселились на небо, но и доселѣ не перестаютъ разливать благоуханіе святости и производить сладость въ душахъ христіанъ, благоговѣнно чтущихъ ихъ необыкновенное самоотверженіе, ихъ подвиги, молитвы, посты, благодатныя дары, возбуждая и усиливая въ нихъ благоговѣніе и любовь къ Богу, дивному во святыхъ своихъ, ощущеніе сладости благочестивой жизни и стремленіе къ нравственному совершенству. По всему этому Палестинскія обители приснопамятны въ лѣтописяхъ Христовой церкви, и для благочестиваго христіанина, желающаго въ судьбахъ минувшаго поучаться неисповѣдимымъ путямъ Божіимъ и примѣромъ благочестивой жизни подвижниковъ Христовыхъ и словомъ назиданія ихъ умудряться во спасеніе, драгоценны свѣдѣнія объ этихъ обителяхъ и мужахъ, въ нихъ подвизавшихся.

Во славу Божію, въ честь и память св. подвижниковъ Палестинскихъ и въ назиданіе благочестивыхъ христіанъ предлагаемъ *сказаніе о древнихъ Палестинскихъ лаврахъ и киновіяхъ и подвижникахъ благочестія, въ нихъ процветавшихъ.*

Въ концѣ III-го вѣка по Р. Х., когда въ Египтѣ Павелъ Ѡвейскій и Антоій Великій, ревнуя о высшемъ нравственномъ совершенствѣ, проводили жизнь въ строгомъ уединеніи, въ необыкновенныхъ трудахъ христіанскаго самоотверженія и такимъ образомъ полагали начало иноческой жизни въ христіанской церкви,—въ Палестинѣ, въ

горахъ іудейскихъ, въ окрестностяхъ Мертваго моря подвижался въ пещерѣ отшельникъ, положившій начало подвижничества въ Св. Землѣ. Это былъ преп. Харитонъ Исповѣдникъ, терпѣвшій муки за имя Христово при императорѣ Авреліанѣ. Слухъ о его необыкновенныхъ подвигахъ и высокихъ добродѣтеляхъ распространился далеко;— и скоро собрались около него ревнители благочестія и подражатели равноангельской жизни его, — и явилась первая знаменитѣйшая въ Святой Землѣ Лавра Фаранская. Вслѣдъ за этою обителью преп. Харитонъ основалъ еще двѣ. Въ началѣ первой половины IV столѣтія въ окрестностяхъ Газы подвижался другой великій отшельникъ, которому суждено было сдѣлаться отцомъ иночества въ Палестинѣ. Это—Иларіонъ, ученикъ Антонія Великаго, подобно своему учителю также заслужившій названіе Великаго. Скоро и къ преп. Иларіону стали являться люди, искавшіе убѣжища отъ суеты мірской, желавшіе высшаго нравственнаго совершенства; св. подвижникъ принималъ всѣхъ,—и окрестная пустыня населилась безчисленнымъ множествомъ ревнителей благочестія, а около мѣста подвиговъ великаго старца явилась благоустроенная обитель. Когда же имена Харитона Исповѣдника и Иларіона Великаго огласили христіанскій міръ и наполнили его славою ихъ необыкновенныхъ подвиговъ и высокихъ совершенствъ, въ Палестину устремились съ разныхъ сторонъ люди, жаждавшіе спасенія души и, избирая мѣста, ознаменованныя какими-нибудь священными событіями или отличавшіяся пустыннымъ положеніемъ, любили здѣсь жить и подвизаться о Господѣ. Во второй половинѣ IV-го столѣтія (около 365 г.) прибылъ изъ Египта въ Палестину съ нѣсколькими учениками старецъ Сильванъ или Силуанъ и въ Герарахъ основалъ общежительную обитель. Стремленіе христіанъ въ Палестину для иноческихъ подвиговъ усилилось особенно въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія, когда, какъ яркое свѣтило, возсіялъ тамъ великій Евѣимій и славою своихъ чудныхъ подви-

говъ и добродѣтелей озарилъ христіанскій міръ. И процвѣло иночество въ Палестинѣ, также какъ въ Египтѣ и другихъ странахъ.

Сіонъ, Елеонская гора, Виелсемъ, горы Іудейскія, гора Испушенія, Кармилъ, пустыни: Фаранская, Зифъ, Енгадди, Іерихонская, долины Іосафатова и Іорданская увидѣли подвижниковъ Креста Христова и огласились ихъ священными пѣснопѣніями и славословіями Богу. Въ дикихъ пещерахъ, въ непроходимыхъ дебряхъ и ущельяхъ, которыми наполнены особенно горы Іудейскія и гора Испушенія, подвизались отшельники, служа Богу день и ночь постомъ и молитвою, никому невѣдомые, бесѣдуя только съ единымъ Господомъ. Сдѣлались знаменитыми самыя пустынные и неизвѣстныя мѣста: Рува, Каламонъ, Хузивъ, Пентокль, Эапасъ, какъ мѣста необыкновенныхъ подвиговъ славныхъ отшельниковъ. Возникли въ разныхъ мѣстахъ благоустроенныя лавры и киновіи, въ которыхъ находилось все необходимое для удовлетворенія особенно духовныхъ потребностей избранниковъ подвижничества. Подвижничество и по видамъ и по совершенству своему явилось и здѣсь на такой же степени развитія, на какой оно стояло въ Египтѣ.

Историкъ церковный Созомень, жившій въ 5 вѣкѣ, повѣствуя въ своей церковной исторіи о началѣ и развитіи подвижнической жизни въ Палестинѣ, говоритъ: «подражая примѣрамъ египтянъ, подобнымъ образомъ начала любомудрствовать и Палестина. Здѣсь процвѣтала тогда преподобный Иларіонъ. Отчествомъ его было селеніе Таваа, лежащее къ югу отъ города Газы близъ потока, который впадаетъ въ море и называется тамошними жителями по имени самого селенія. Иларіонъ слушалъ въ Александріи грамматика, но, увидѣвъ монаха Антонія Великаго, пошелъ въ пустыню и послѣ бесѣды съ нимъ изучалъ жизнь любомудрственную. Пробывъ тамъ немного времени, онъ возвратился въ отечество, потому что у Антонія, къ которому ежедневно приходило много

посѣтителей, ему нельзя было безмолвствовать по своему желанію. Не заставъ родителей въ живыхъ, онъ раздѣлилъ свое имущество братьямъ и бѣднымъ и, не оставивъ себѣ совершенно ничего, поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ близъ моря разстояніемъ около двадцати стадій отъ роднаго селенія. Жилищемъ его былъ небольшой домикъ, построенный изъ кирпича, хворосту и разбитыхъ черепицъ и имѣвшій столько ширины, высоты и длины, что, стоя, надобно было наклонять голову, а лежа, подгибать ноги; ибо онъ всячески пріучалъ себя къ перенесенію трудовъ и къ обузданію прихотливости. Подлинно, изъ всѣхъ людей, извѣстныхъ намъ по неслабому и испытанному воздержанію, онъ никому не уступилъ первенства, ибо побѣждалъ голодъ и жажду, холодъ и зной и другія ощущенія и требованія тѣла и вождельнія души. Нравомъ онъ былъ добръ, въ бесѣдѣ важень, и тщательно упражнялся въ священномъ Писаніи; Богу же такъ благоугодилъ, что на его могилѣ еще донинѣ многіе больные и одержимые демономъ получаютъ исцѣленіе *). И въ другомъ мѣстѣ: жилищами мужей монашествующихъ процвѣтала и Палестина, ибо монашество украшалось тамъ частью многими еще изъ тѣхъ, которые перечислены мною при описаніи царствованія Констанціева, частью лицами, подъ ихъ руководствомъ достигшими высоты добродѣтелей и для большей славы вступившими въ тамошнія обители. Къ нимъ относились Исихій, другъ Иларіона, и Епифаній, бывший впоследствии саламинскимъ епископомъ на островѣ Кипрѣ. Прежде же прибытія своего на островъ Кипръ въ упомянутое царствованіе, жилъ онъ еще въ Палестинѣ, когда въ тамошнихъ обителяхъ весьма славились братья: Саламиній, Фусконъ, Малхіонъ и Криспіонъ. Они любомудрствовали близъ селенія Веили, находившагося въ Газской номѣ **),

*) Созом. Церков. Ист. кн. 3. гл. 14 въ русс. пер. 1851.

**) Нома—округъ.

и причислялись къ благородному тамошнему сословію, а учились этому любомудрію у Иларіона. Рассказываютъ, что однажды, когда они шли отъ него домой, Малхіонъ какъбы исторгнуть былъ изъ среды ихъ и сталъ невидимъ, потомъ нечаянно снова явился и шелъ вмѣстѣ съ братьями. Вскорѣ послѣ сего, бывъ еще юношею, но въ любомудріи добродѣтелью жизни и боголюбивостью не отставая отъ старцевъ, онъ скончался. Въ разстояніи стадій десяти отъ Веѳиліи, близъ Газскаго селенія Хафарховры, мѣста своей родины, жилъ Антоній, мужъ жизни строгой, мужественно проходившій поприще подвижничества. Сильванъ же, которому за его великія добродѣтели, говорятъ, видимо служилъ ангель, бывъ родомъ изъ Палестины, тогда любомудрствовалъ, кажется, еще въ Египтѣ, а послѣ, проживъ нѣсколько времени на горѣ Синаѣ, въ Герарахъ у источника основалъ обширнѣйшую и знаменитѣйшую общежительную обитель весьма многихъ мужей доблестныхъ, которую потомъ управлялъ дивный Захарій *)).

Другой историкъ, Евагрій Схоластикъ и почетный префектъ, жившій во 2-й половинѣ VI-го столѣтія, такъ отзывается о палестинскихъ инокахъ своего и предыдущаго времени въ первой книгѣ своей церковной исторіи: «въ монастыряхъ и въ такъ называемыхъ лаврахъ уставы различны, хотя образъ жизни направляется къ одной и той же богоугодной цѣли. Въ однихъ отшельники живутъ сообща, не задерживаясь ничѣмъ, тяготящимъ къ землѣ, ибо у нихъ нѣтъ золота. Но что я говорю о золотѣ? У нихъ нѣтъ ни собственной одежды, ни собственной пищи; потому что тотъ плащъ или кафтанъ, въ который теперь одѣлся одинъ, немного спустя надѣваетъ другой; такъ что одежда всѣхъ ихъ принадлежитъ какъ-будто одному, и одежда одного—всѣмъ. Общій у нихъ и столъ, состоящій не изъ мяса, изячно приправленныхъ, и не изъ дру-

*) Церков. Ист. Созом. кн. 6 гл. 32.

гихъ кушаньевъ, а изъ однихъ овощей и зелени, достаточной только къ тому, чтобы можно было жить. Общія также денно-и-нощно возносятъ они къ Богу молитвы и такъ измощаютъ себя, такими смиряютъ себя трудами, что, кажется, видишь подземныхъ мертвецовъ, только не въ гробахъ. Часто совершаютъ они и такъ называемые *сверхъ-законные подвиги* *), по два и по три дня содержатъ постъ. А есть и пятидневники и даже постятся долѣе и едва принимаютъ пищу необходимую. Другіе же, шествуя путемъ, противоположнымъ этому, заключаются въ своихъ хижинахъ поодинокѣ; а ихъ хижины имѣютъ такую ширину и высоту, что въ нихъ нельзя ни прямо стоять, ни свободно склоняться. Это, по слову Апостола, жизнь въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ (Евр. 11, 38). Иные изъ нихъ изливаютъ свои молитвы предъ Богомъ, обитая вмѣстѣ съ звѣрями въ какихъ-нибудь незамѣтныхъ расщелинахъ земли. Придуманъ ими и еще родъ жизни, превосходящій силу всякаго мужества и терпѣнія. Они проникаютъ въ сожигаемую солнцемъ пустыню и, покрывая одни тайные члены своей природы, какъ мужчины, такъ и женщины, прочее тѣло и ужаснымъ морозамъ и знойному воздуху предають нагимъ, и не обращаютъ вниманія ни на жаръ, ни на холодъ; совсѣмъ отвергаютъ также употребляемую людьми пищу и питаются прямо отъ земли, срывая прозябеніе, чтобы только жить, и потому называются *пасущимися*. По временамъ они становятся звѣровидными, т.-е., измѣняютъ тѣлесный свой образъ, да и образъ мыслей получаютъ несвойственный людямъ. Прохожіе, увидавъ ихъ, убѣгаютъ; а когда кто погонится за ними, они, пользуясь либо быстротою ногъ, либо недоступнымъ мѣстомъ земли, тотчасъ скрываются. Скажу и еще объ одномъ родѣ жизни, о которомъ едва

*) Подъ именемъ подвиговъ *сверхъ-законныхъ* разумѣются такіе подвиги, которые не предписываются уставомъ иноческой жизни, или которые выходятъ за предѣлы его предписаній.

было не забылъ, хотя онъ превосходнѣе всѣхъ. Между ними конечно весьма немного, но есть и такіе, которые чрезъ добродѣтель, достигнувъ безстрастія, возвращаются въ многолюдныя обители или въ міръ и, среди шума притворяясь помѣшанными, такимъ образомъ попираютъ тщеславіе,—по словамъ мудраго Платона, послѣднюю обыкновенно снимаемую съ души одежду. Любомудріе научило ихъ ѣсть безъ чувства и въ харчевняхъ, и въ мелочныхъ лавкахъ, не стыдясь ни мѣста, ни лица, вообще ничего. Нерѣдко посѣщаютъ они бани и тамъ бываютъ и моются большею частью съ женщинами, покоривъ страсти такъ, что имѣютъ полную власть надъ своею природою и не склоняются на ея требованія ни взглядомъ, ни прикосновеніемъ, ни даже объятіями дѣвы. (Съ мужчинами они—мужчины, съ женщинами—женщины, и хотя имѣтъ не одну, а обѣ природы. Кратко сказать, въ доблестной и богоносной ихъ жизни добродѣтель противодѣйствуетъ законамъ природы и предписываетъ ей собственные законы, чтобы, то-есть, она не принимала ничего необходимаго до сытости. Законъ повелѣваетъ имъ алкать и жаждать, а тѣло покрывать столько, сколько требуетъ необходимость. Житіе ихъ на самыхъ точныхъ вѣсахъ взвѣшивается такъ, что по мѣрѣ восхожденія въ противоположную сторону, тяготѣніе становится неощутимымъ, хотя оно бываетъ и весьма различно; ибо, какъ въ нихъ смѣшаны противоположности, то благодать Божія, соединившая несмѣсимое, предметы соединенія снова раздѣляетъ такъ, что и жизнь и смерть, противоположности по природѣ и дѣйствіямъ, обитаютъ въ нихъ совмѣстно. Отсюда, если дѣйствуетъ въ нихъ страсть, имъ надобно быть мертвыми и въ гробахъ; а когда пробуждается молитва къ Богу, они должны проявлять крѣпость тѣла и бодрость силъ, хотя бы даже вышли изъ возраста. Обѣ жизни ихъ силстены между собою такъ, что пусть они вовсе оставили плоть, все продолжаютъ жить и общаются съ живущими, прилагая къ тѣламъ пластыри, пере-

нося къ Богу гласъ молящихся и, подобно какъ въ прежней жизни, совершая прочее, что не требуетъ вещей необходимыхъ и не ограничено мѣстомъ,—все продолжаютъ слушать другихъ и со всѣми бесѣдовать. Бываютъ еще у нихъ частыя и неутомимыя колѣнопреклоненія и многотрудныя стоянія, тогда какъ ихъ возрастъ и произвольная слабость оживотворяются къ этому однимъ желаніемъ. Это какіе-то безплотные борцы и безкровныя бойцы, вмѣсто открытыхъ и роскошныхъ обѣдовъ содержащіе постъ, и вмѣсто сытныхъ блюдъ не вкушающіе, сколько это возможно, ничего. А когда приходитъ къ нимъ странникъ, хотя бы рано поутру, — они принимаютъ его съ такимъ радушіемъ и благожеланіемъ, что выдумываютъ другой родъ поста — ѣдятъ нехотя. Удивительное дѣло! какъ много нужно имъ для достаточнаго питанія себя, и сколь малымъ они довольствуются! Враги своихъ хотѣній и своей природы, они служатъ хотѣніямъ ближнихъ, чтобы всѣми средствами изгонять удовольствія плоти, и чтобы правительницею была душа, всегда избирающая и сохраняющая наилучшее и богоугоднѣйшее. Блаженны они, слѣдуя и здѣсь такому роду жизни; но еще блаженнѣе, когда переселяются отсюда въ жизнь другую, которой непрестанно жаждутъ, и это вождельное стремятся поскорѣ увидѣть).

Въ такихъ же выразительныхъ чертахъ изображаются въ житіи преп. (Евѣимія Великаго, составленномъ ученикомъ его Кирилломъ Скиѳопольскимъ, жизнь и подвиги иноковъ лавры преподобнаго Герасима.) «Вступившіе въ монашество жили (сначала) въ монастырѣ и исполняли въ немъ обязанности иноческія; а тѣ, которые приучили себя къ частымъ и продолжительнымъ трудамъ и достигли нѣко торыхъ степеней совершенства въ подвижнической жизни, помѣщались въ кельяхъ. Отшельники такъ мало заботились о мірскихъ вещахъ, что не имѣли ничего, кромѣ одежды, не имѣли даже и другой одежды. Постель ихъ была не что иное, какъ рогожа. Въ кельѣ находился

еще сосудецъ съ водою, которая служила и для питья и для смачиванія пальмоуыхъ прутьевъ. Когда они выходили изъ кельи, то не затворяли ее, чтобы, кто пожелаетъ, могъ въ келью войти и взять что нужно изъ маловажныхъ вещей, тамъ находившихся: такъ они мало привязаны были къ мірскимъ вещамъ! Не дозволялось никому въ кельѣ разводить огонь и вкушать вареное. Когда нѣкоторые изъ пустынниковъ пришли однажды къ препод. Герасиму просить позволенія разводить въ кельяхъ огонь, грѣть воду, ѣсть вареное и читать при свѣтильникѣ, то великій старецъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «если вы хотите такъ жить, то вамъ гораздо выгоднѣе быть въ монастырѣ. Но я въ продолженіе всей жизни моей никакъ не позволю, чтобы это было у пустынниковъ». Жители Іерихона, услышавъ, что жизнь старцевъ у аввы Герасима такъ строга и безотраднa, поставили себѣ за правило въ субботу и воскресный день приходиться къ нимъ и приносить имъ какое-либо утѣшеніе. Многіе изъ подвижниковъ, узнавъ, что жители Іерихона приходятъ къ нимъ съ такимъ намѣреніемъ, бѣгали и уклонялись отъ нихъ» *).

Изъ этихъ свидѣтельствъ церковныхъ историковъ о подвижникахъ палестинскихъ видно, что подвижничество въ Св. Землѣ достигло такой же высокой степени развитія и совершенства, на какой оно стояло въ Египтѣ. Видно также, что и въ Палестинѣ, какъ и въ Египтѣ, развились и утвердились два рода иноческой жизни: *общезжительный и келейный* или *отшельническій*. Рѣшившіеся проводить подвижническую жизнь жили или въ *киновіяхъ*, или въ *лаврахъ*. *Киновіи* или *общезжитія* были иноческія обители, въ которыхъ подвижники жили всѣ вмѣстѣ и вели одинаковый образъ жизни, такъ что у нихъ никто не имѣлъ ничего своего, а все было общее: одежда, пища, физическіе труды и занятія, молитвосло-

*) Жизнь и дѣла св. Евенмія Великаго въ Христ. Чт. 1824, ч. XV, стр. 89—93.

вія и духовные подвиги; ихъ кельи ограждались, какъ это было большею частью, одною стѣною. *Лаврами* же назывались тѣ иноческія обители, въ которыхъ подвижники жили отдѣльно другъ отъ друга, подвизаясь каждый въ особой кельѣ; а кельи ихъ, разсѣяныя вокругъ храма и жилища аввы (настоятеля), находились на далекомъ одна отъ другой разстояніи и располагались въ видѣ переулковъ въ городѣ, отчего такое собраніе келлій и получило названіе лавры *). Подвижники киновійскіе были иноки, а насельники лавры—отшельники, пустынники и пустынножители. Киновіи устраивались вездѣ—и въ пустыняхъ, и въ населенныхъ мѣстахъ, и въ самыхъ городахъ, а лавры—всегда въ пустыняхъ. Хотя образъ жизни и въ киновіяхъ и въ лаврахъ направленъ къ одной богоугодной цѣли—нравственному усовершенію; но уставы въ нихъ были различны. Въ киновіи подвижники совершали всѣ свои труды и тѣлесные и духовные въ опредѣленное время и всѣ вмѣстѣ: вмѣстѣ работали, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ принимали пищу, вмѣстѣ совершали и другія дѣла. Киновіатъ не имѣлъ никакой собственности: одежда, какою онъ прикрывалъ свое тѣло, вещи, какія были въ его кельѣ,—все это было не его, а принадлежность обители. Повторимъ прекрасное изображеніе состоянія киновійскаго подвижника, сдѣланное историкомъ Евагріемъ: «(въ киновіяхъ) отшельники живутъ съ-обща, не задерживаясь ничѣмъ, тяготѣющимъ къ землѣ, ибо у нихъ нѣтъ золота. Но что я говорю о золотѣ? у нихъ нѣтъ ни собственной одежды, ни собственной пищи; потому что тотъ плащъ или кафтанъ, въ который теперь одѣлся одинъ, немного спустя надѣваетъ другой; такъ что одежда всѣхъ ихъ принадлежитъ какъ будто одному и одежда одного—всѣмъ. Общій у нихъ и столъ, состо-

*) *Лавра*—слово греческое. *Лавра* и значитъ собственно то же, что другое греческое слово *ρύμη*, т.-е., общественная, открытая дорога, потомъ переулокъ.

ящій не изъ мясъ, изящно приправленныхъ, и не изъ другихъ кушаньевъ, а изъ однихъ овощей и зелени, достаточной только къ тому, чтобы можно было жить. Общія также денно и ночью возносятся они къ Богу молитвы, и такъ измощаютъ себя, такими изнуряютъ себя трудами, что, кажется, видишь подземныхъ мертвецовъ, только не въ гробахъ *). Въ лаврѣ подвижники такой соблюдали уставъ и такой вели образъ жизни: пять дней недѣли они пребывали неисходно каждый въ своей кельѣ, не вкушая ничего, кромѣ хлѣба, воды и финиковъ, занимаясь плетениемъ корзины изъ пальмовыхъ прутьевъ, упражняясь въ то же время въ духовныхъ подвигахъ. Въ субботу, вечеромъ, каждый изъ нихъ съ своею работою, которою занимался въ теченіе недѣли, приходилъ въ обитель, а въ Воскресный день всѣ они собирались въ церковь, причащались св. Таинъ и вкушали вареную пищу. Вечеромъ въ тотъ же день, взявъ еще на недѣлю запаса, т.-е. хлѣба, воды и пальмовыхъ прутьевъ, они опять уходили въ пустыню **). Жизнь въ лаврѣ считалась несравненно строже, подвиги гораздо труднѣе, чѣмъ въ киновіи. Поэтому, въ киновіяхъ жили только что поступившіе въ иночество и еще не усовершенствовавшіеся въ иноческихъ добродѣтеляхъ, а въ лавры допускались только тѣ, которые уже достигли извѣстныхъ степеней совершенства въ нравственной жизни. Когда Савва Освященный, еще юный, явился къ преподобному Евѳимію Великому и просилъ старца позволить ему остаться въ его лаврѣ и подъ его смотрѣніемъ упражняться въ добродѣтеляхъ, великій старецъ отвѣчалъ ему: «сынъ мой! нельзя тебѣ столь юному и еще безбородому жить въ лаврѣ, да и лаврѣ нѣтъ никакой пользы имѣть у себя юношу, и тебѣ, юношѣ, неприлично быть между отшельниками. Для такихъ полезнѣе жить въ монастырѣ» (т.-е. въ киновіи ***). Впро-

*) Евагр. церков. ист. кн. I, гл. 21.

**) Жизнь и дѣла св. Евѳимія вел. 89—90, въ Христ. Чт. 1824 г. ч. XV.

***) Жизнь преп. Саввы Освященнаго.

чемъ, и въ киновіяхъ подвижники достигали высокой степени нравственнаго совершенства, и между киновіатами бывали великіе подвижники, каковъ напр. Θεодосій Великій.

Время цвѣтущаго состоянія иночества въ Св. землѣ—пятый, шестой и седьмой вѣка. Съ осьмаго и девятаго вѣка иночество стало упадать по вліянію виѣшнихъ обстоятельствъ. Въ половинѣ седьмаго вѣка Палестина подпала власти Аравитянъ, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ христіанскихъ болѣе подъ именемъ Сарацинъ. Владычество невѣрныхъ надъ Св. Землею имѣло неблагоприятное дѣйствіе на состояніе иноческихъ обителей ея. Въ началѣ девятаго вѣка, по свидѣтельству лѣтописца Теофана, во время жестокихъ междоусобій, возникшихъ между синавьями знаменитаго калифа Гарупъ-аль-Рашида, когда отъ непрестанныхъ грабежей, разбоевъ и насилій Сарацинъ многіе христіане подверглись мученической смерти, а другіе толпами бѣжали изъ Сиріи и Палестины, оставлены были иноками знаменитыя обители св. Евѳимія и Θεодосія и великія лавры св. Саввы и св. Харитона *). Владычество надъ Палестиною новыхъ враговъ христіанской вѣры—Турокъ, усилившихся на Востокъ съ 10-го вѣка, и потомъ страшныя волненія, произведенныя въ Св. Землѣ крестовыми походами, были крайне губительны для иноческихъ обителей Палестины, также какъ и для всего христіанства на Востокъ. Въ 12-мъ вѣкѣ большая часть обителей палестинскихъ представляются разоренными и въ запустѣніи, какъ это видно изъ сказанія русскаго паломника, игумена Даніила, ходившаго въ этомъ столѣтіи въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ **).

II. Сладкопѣщцовъ.

*) Corpus hist. Byzant. ed. Bonae. Theophanes. Том. I. pag. 778.

***) „Сказанія русскаго народа“, изд. И. Сахаровымъ. т. 2. 1849. Путешествіе игум. Даніила.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНОГО ЦАРСТВА ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ.

I. Мягкотѣлыя, черви, паукообразныя, насѣкомыя.

Общія вступительныя замѣчанія. Отношеніе древнихъ Евреевъ къ животнымъ, обитавшимъ въ Палестинѣ. Изученіе животныхъ еврейскими мудрецами. Польза этого изученія въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Библия—лучшій источникъ для ознакомленія съ палестинскими животными. Порядокъ обзоренія животныхъ Св. Земли.—*Мягкотѣлыя. Пурпуровыя раковины*; ихъ различные виды; пурпуръ, доставляемый ими; различные цвѣтовые оттѣнки пурпура. Ловля пурпуровыхъ раковинъ; добываніе изъ нихъ пурпура и его приготовленіе. Матеріалъ, который былъ употребляемъ для окраски въ пурпуръ; дороговизна этого матеріала. Ловля пурпуровыхъ раковинъ, приготовленіе пурпура и пурпуровыхъ тканей Финикіянами и Евреями колѣна Завулонова. Употребленіе пурпуровыхъ тканей съ религіозными цѣлями. Священныя одежды Евреевъ изъ пурпуровыхъ тканей. Пурпуровыя нити въ кистяхъ обыкновенныхъ еврейскихъ одеждъ; религіозное значеніе этого, предписаннаго закономъ, обычая. Рѣдкое употребленіе Евреями пурпура въ обыденной жизни. Употребленіе пурпура у язычниковъ съ религіозными цѣлями. Еврейскія и греческія наименованія пурпура. Пурпуровыя одежды царей, вельможъ и другихъ знатныхъ лицъ.—Замѣна пурпура другими красящими веществами.—*Черви*. Упомянутіе о червяхъ вообще въ библейскихъ книгахъ. *Пиявки. Паукообразныя*. Упомянутіе въ Библии о паукахъ вообще и о паутиѣ. Символическое значеніе паутины въ библейскомъ языкѣ. *Скорпіоны*; особенности въ строеніи и нравахъ скорпіоновъ. Воззрѣніе древнихъ Евреевъ на скорпіоповъ; скорпіоны, какъ символъ всего мучительнаго и злаго.—*Насѣкомыя. Червецъ*. Красящее вещество, доставляемое червцомъ. Употребленіе Евреями червленыхъ нитей и тканей. Червленныя ткани у Египтянъ, Финикіянь, Грековъ и Римлянъ. Употребленіе червца въ настоящее время. Еврейскія наименованія червеной краски и червленыхъ тканей. *Пчелы*. Обиліе дикихъ пчель въ древней Палестинѣ. Медъ ди-

кихъ пчель; его употребленіе Евреями. Медъ и пчелы, какъ предметы для сравненій. Пчелы въ Палестинѣ въ настоящее время. *Саранча*. Особенности въ строеніи саранчи; ея размноженіе, прожорливость, склонность жить въ массахъ. Страшныя опустошенія, производимыя саранчею; неудержимое стремленіе саранчи передвигаться съ мѣста на мѣсто въ опредѣленномъ направленіи. Борьба человѣка съ саранчею. Помощь человѣку со стороны природы въ борьбѣ съ саранчею; гибельное дѣйствіе на саранчу излишней влаги и сильныхъ вѣтровъ; каменные скворцы и другія птицы, какъ истребители саранчи. Саранча въ древней Палестинѣ въ древнія времена и ея опустошительныя нашествія на Св. Землю; изображеніе саранчи и ея нашествія въ книгѣ пр. Іоіиля; вѣрность этого изображенія. Употребленіе саранчи въ пищу Евреями и другими восточными племенами. Саранча въ Палестинѣ въ настоящее время. Еврейскія наименованія саранчи. *Комары, слѣпни, москиты* и др. „Зевувъ“—общее еврейское названіе всѣхъ этихъ видовъ мухъ; происшедшія отъ этого слова наименованія—„Веельзевувъ“ и „Веельзевулъ“. *Моль* и упоминанія о ней въ Библии. *Шершни. Муравьи*.

Въ Св. Землѣ, въ древнія библейскія времена, обитали многочисленныя и разнообразныя представители животнаго царства, между прочимъ и такіе, какихъ не встрѣчаютъ тамъ въ настоящее время. Одни изъ нихъ приносили древнимъ обитателямъ Палестины многоразличную пользу, доставляя рабочую силу, матеріалы для пищи и одежды, красящія вещества и проч., и такимъ образомъ содѣйствовали внѣшнему благосостоянію сыновъ Израіля; другіе являлись разрушительною силою и для самой страны и для ея обитателей, грозными врагами, съ которыми, въ видахъ самозащиты, необходимо было бороться. Но отношенія древнихъ Евреевъ къ животному царству Св. Земли не ограничивались только тѣмъ, что они или пользовались имъ, или же вели борьбу съ нѣкоторыми изъ его представителей. Міръ животныхъ, кромѣ того, давалъ пищу ихъ любознательности, служилъ для нихъ предметомъ разносторонняго и серьезнаго изученія. Не одинъ только Соломонъ былъ основательно знакомъ съ міромъ палестинскихъ животныхъ и могъ сообщить обстоятельныя свѣ-

дѣнія о каждомъ изъ нихъ (3 Цар. 4, 33). И другіе мудрецы Израиля не уступали знаменитому царю въ основательномъ знакомствѣ съ живыми тварями, окружавшими ихъ, съ ихъ устройствомъ, съ ихъ нравами и съ своеобразными особенностями ихъ жизни. Отсюда-то въ восточавѣтвыхъ библейскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ подробныя описанія напр. коня, бегемота и др. (Иов. гл. 38—41), указанія на характерныя особенности въ нравахъ и жизни муравьевъ, саранчи (Притч. 30, 25—28) и под. И слѣдуетъ сказать, что названныя описанія, несмотря на обиліе въ нихъ поэтическихъ выраженій и оборотовъ, отличаются замѣчательною точностію, которой удивлялись такіе естествоиспытатели, какъ Бюффонъ и А. Гумбольдтъ. Бюффонъ даже составилъ описаніе арабскаго коня, придерживаясь изображенія этого животнаго въ кн. Іова (Ewald, Das Buch Iob).

Обстоятельное и точное знакомство съ міромъ животныхъ имѣло большое значеніе въ духовной жизни Израиля. Давая здоровую пищу для ума, знакомство это вмѣстѣ съ тѣмъ служило руководителямъ духовной жизни народа прекраснымъ пособіемъ при раскрытіи правилъ нравственности. Пророки и мудрецы, обличая или вообще еврейскій народъ, забывшій о законѣ Божественномъ, или извѣстныхъ людей, зараженныхъ какимъ-либо особеннымъ порокомъ, нерѣдко указывали при этомъ на добрыя черты въ жизни животныхъ, упрекали своихъ беззаконныхъ и порочныхъ соотечественниковъ въ томъ, что они въ нравственномъ отношеніи сдѣлались ниже многихъ неразумныхъ тварей, и приглашали обличаемыхъ поучиться хотя у безсловесныхъ. Подобныя приемы сообщали укоризнамъ и назиданіямъ особенную наглядность, живость и силу. «И аистъ подъ небомъ знаетъ свои опредѣленные времена, говоритъ пр. Іеремія, и горлица и ласточка и журавль наблюдаютъ время, когда имъ прилетѣтъ; а народъ мой не знаетъ опредѣленія Господня» (Іер. 8, 7). «Пойди къ муравью, лѣнливый, поучаетъ Приточникъ, посмотри на

дѣйствія его, и будь мудрымъ. Нѣтъ у него ни начальника, ни пристаивика, ни повелителя. Но онъ заготовляетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою» (Притч. 6, 6—8). Но особенно велико и важно было значеніе разсматриваемаго знакомства для религіозной жизни древнихъ Евреевъ. Созерцая дивное разнообразіе животнаго міра, присматриваясь къ устроению отдѣльныхъ тварей, къ образу ихъ жизни, лучшіе люди Израиля приходили къ непоколебимому убѣжденію во всемогуществѣ, премудрости и благости Господа, какъ Творца и Промыслителя вселенной; а это убѣжденіе въ свою очередь оживляло въ нихъ вѣру, наполняло ихъ сердца чувствами преданности Господу, благоговѣнія предъ Нимъ. «Спроси у скота, и научить тебя, читаемъ мы въ кн. Іова, у птицы небесной, и возвѣститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто во всемъ этомъ не узнаетъ, что рука Господа сотворила сіе? Въ Его рукъ душа всего живущаго (Іов. 12, 7—10). Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! взываетъ псалмопѣвецъ, все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. Это море великое и пространное; тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими; тамъ плаваютъ корабли; тамъ этотъ левиаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ. Всѣ они ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время. Дашь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, мнутъся; отнимешь духъ ихъ, умираютъ и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ своихъ! Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь» (Пс. 103, 24—31. 33).

Благодаря указаніямъ библейскихъ писателей на нравы и обычаи различныхъ животныхъ, подробнымъ описаніямъ

многихъ изъ нихъ, мы имѣемъ въ Библии почти полный перечень представителей животнаго царства, обитавшихъ въ древней Палестинѣ, такъ что при составленіи обзора животныхъ Св. Земли Библия не можетъ не быть признана однимъ изъ первыхъ и лучшихъ пособій.

Обзоръ свой мы поведемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная, по примѣру Раумера (Palästina), съ животныхъ низшихъ—мягкотѣлыхъ и кончая высшими—млекопитающими.

Изъ мягкотѣлыхъ, обитавшихъ и доселѣ обитающихъ у береговъ свят. Земли, въ водахъ Средиземнаго моря, древніе Евреи знали тѣ виды раковинъ, которые содержатъ въ себѣ красящее вещество, извѣстное подъ именемъ пурпура. По крайней мѣрѣ послѣдній, т.-е. пурпуръ, былъ, какъ это видно изъ Библии, очень, хорошо извѣстенъ сынамъ Израиля и находился у нихъ въ постоянномъ употребленіи.

Пурпуръ, который считался драгоценностію во всемъ древнемъ мірѣ, добывался главнымъ образомъ изъ двухъ видовъ раковинъ; виды эти: *Vissium*, *χηρὺς* (труборогъ, морская труба) и *purpura*, *порпура* (пурпуровая раковина). Сокъ, извлекаемый изъ этихъ раковинъ, первоначально имѣетъ желтоватобѣлую окраску; затѣмъ, подъ вліяніемъ свѣта, онъ постепенно окрашивается въ зеленый, голубой и, наконецъ, въ красный цвѣтъ. *Vissium*, или труборогъ, доставляетъ, въ концѣ-концовъ, яркочерную краску. Пурпуровыя раковины, различаясь между собою по своему строенію, даютъ краску также разныхъ цвѣтовъ. Цвѣта эти: черный, точнѣе, темносиній, и красный; затѣмъ—голубой и фіолетовый. Первые цвѣта—основные, послѣдніе — переходные. Краска, доставляемая труборогомъ, слабо держится на окрашенной матеріи и скоро линяетъ. Поэтому красящее вещество труборога обыкновенно смѣшивали съ красками пурпуровыхъ раковинъ и, благодаря такому смѣшенію, достигали не только проч-

ности колеровъ, но и большаго разнообразія цвѣтовыхъ оттѣнговъ. Такъ, на примѣръ, путемъ подобнаго смѣшенія получался кровавокрасный пурпуръ. Именно для полученія этого цвѣта, окрашиваемую матерію погружали сначала въ сокъ пурпуровыхъ раковинъ, затѣмъ въ сокъ трубороговъ; и окрашенная такимъ способомъ матерія носила названіе двойной багряницы (*dibarha purpura*); далѣе получался фіолетовый пурпуръ съ различными оттѣнками—съ оттѣнкомъ гіацинта, аметиста и под. Сверхъ того красильщици къ соку пурпуровыхъ раковинъ прибавляли другія стороннія вещества и добывали то лиловый пурпуръ цвѣта геліотропа, то красногубой—цвѣта мальвы и т. д. Наконецъ прибѣгали къ тройной окраскѣ и получали темные колера. Словомъ, цвѣтныхъ оттѣнковъ было множество; ихъ насчитываютъ отъ 30 до 40.

Пурпуровыя раковины обыкновенно ловились весною. Ловъ ихъ производился посредствомъ небольшихъ вершей, которыя съ кусками мяса или съ другаго рода приманками, опускались въ море. Мелкія раковины раздроблялись вмѣстѣ съ скорлупою; крупныя животныя отдѣлялись отъ скорлупы, разрѣзывались и изъ нихъ извлекался пурпуровый сокъ. Образовавшуюся такимъ образомъ жидкую массу солили и оставляли стоять дня три; затѣмъ ее варили въ свинцовыхъ сосудахъ на легкомъ жару, при чемъ, вмѣстѣ съ пѣною, снимали мясистыя и другія излишнія частицы. Варка продолжалась до тѣхъ поръ, пока опущенная въ варившуюся жидкость вѣлна не окрашивалась въ желаемый цвѣтъ. Въ пурпуровыхъ краскахъ красился самый матеріаль, изъ котораго уже потомъ приготовлялись ткани. Красилась преимущественно вѣлна, или шерсть; иногда красили хлопокъ, ленъ, позднѣе—шелкъ; но послѣдній дурно воспринималъ и недолго сохранялъ краску. Окрашенный матеріаль обыкновенно поступалъ на рынокъ, въ числѣ другихъ товаровъ, и продавался на вѣсъ. — Отдѣльная пурпуровая раковина содержитъ въ себѣ очень мало красящаго вещества, такъ

что потребно около десяти пудовъ раковинъ (болѣе трехъ центнеровъ) для того, чтобы окрасить надлежащимъ образомъ количество шерсти, не превышающее 60 фунтовъ. Поэтому окрашенный въ пурпуръ матеріалъ продавался очень дорого, и тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе употреблено было на него красящаго вещества. Такъ наприм. количество (пурпуровой, фіолетоваго цвѣта, шерсти нѣсколько болѣе нашего фунта, продавалось, въ дни юности Корнелія Непота (первая половина 1-го в. предъ Р. Х.), за сто динаріевъ (болѣе 20 руб. золотомъ на наши деньги), а тоже количество тройной тирской окраски въ десять разъ дороже.

Ловля пурпуровыхъ раковинъ въ древности производилась, главнымъ образомъ, Финикіянами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличались замѣчательнымъ искусствомъ въ окраскѣ матеріала въ различные цвѣта и въ приготовленіи пурпуровыхъ тканей. Финикіяне первые начали употреблять тройную окраску, и тирскія пурпуровыя ткани темныхъ колеровъ, иногда съ затканными серебряными нитями, были знамениты тѣмъ, что блестѣли на солнцѣ и переливались различными цвѣтами. — По Іудейскому преданію, содержащемуся въ Талмудѣ, ловлею пурпуровыхъ раковинъ и приготовленіемъ пурпуровыхъ тканей занимались также Евреи колѣна Завулонова, обитавшаго на берегу Средиземнаго моря.

Вслѣдствіе высокой цѣны матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ, и ткани приготовленныя изъ этого матеріала имѣли въ древности ограниченное употребленіе. Ихъ или употребляли съ религіозными цѣлями для устройства священныхъ облаченій, или же онѣ шли на одежды лицъ царственныхъ и знатныхъ и служили внѣшнимъ признакомъ высокаго положенія этихъ лицъ въ обществѣ. У древнихъ Евреевъ окрашенный въ пурпуръ матеріалъ и приготовленныя изъ него ткани были почти исключительно предназначены для религіозныхъ цѣлей, при чемъ изъ всѣхъ разнообразныхъ цвѣтовъ пурпура Евреями отда-

валось предпочтеніе двумъ основнымъ цвѣтамъ—темноси-
нему, или голубому, и пурпуровому, или красному. Такъ
въ числѣ добровольныхъ приношеній для потребностей
скинни, Моисей повелѣлъ принимать отъ Евреевъ шерсть,
окрашенную въ голубой и пурпуровый (красный цвѣта
(Исх. 25, 4). Далѣе Моисеемъ было предписано приго-
товить, между прочимъ, изъ голубой и пурпуровой шер-
сти, для скинни, тѣ десять покрываль, изъ которыхъ ски-
ннѣ должва была состоять, завѣсу для отдѣленія свати-
лица отъ Святаго-Святыхъ, входную завѣсу (Исх. 26, 1.
31. 36) и завѣсу для воротъ двора скинни (Исх. 27, 16).
Затѣмъ, въ силу тѣхъ же предписаній Моисея, голубая
и пурпуровая шерсть шла на устройство первосвящен-
ническаго ефода, пояса къ ефоду, наперсника суднаго,
верхней ризы къ ефоду и украшеній для этой ризы; при
чемъ верхнюю ризу слѣдовало устраивать изъ одной го-
лубой ткани, а украшенія къ ней, или гранатовыя яблоки
плести изъ нитей голубыхъ, темно-голубыхъ и пурпурныхъ
Исх. 28, 5. 8. 15. 33). Наконецъ покрывало, въ которое
завертывались священные сосуды слѣдовало готовить изъ
голубой, а покровы для жертвенника изъ пурпуровой
ткани (Числ. 4, 12. 13). Сверхъ всего этого законъ Мо-
исеевъ предписывалъ всѣмъ Израильтянамъ вплетать въ
кисти своихъ обычныхъ одеждъ нити, окрашенныя въ го-
лубой пурпуръ. Предписаніе это также имѣло въ виду
цѣль исключительно религіозную. Нити, окрашенныя въ
голубой, точнѣе въ темно-голубой цвѣтъ—цвѣтъ южнаго
палестинскаго неба, и вплетенныя въ обычныя одежды,
должны были постоянно напоминать Израильтянамъ, что
законъ написанный для нихъ Моисеемъ, имѣетъ проис-
хожденіе небесное, данъ Господомъ, Богомъ небеснымъ,
и дѣлая имъ такое напоминаніе воздерживать ихъ отъ
нарушенія закона. «И сказалъ Господь Моисею, говоря:
объяви сынамъ Израилевымъ и скажи имъ, чтобы они
дѣлали собѣ кисти на краяхъ одеждъ своихъ въ роды
ихъ, и въ кисти, которыя на краяхъ, вставляли нити изъ

голубой шерсти. И будутъ онѣ въ кистяхъ у васъ для того, чтобы вы, смотря на нихъ, вспоминали всѣ заповѣди Господни и исполняли ихъ, и не ходили вслѣдъ сердца вашего и очей вашихъ, которыя влекутъ васъ къ блудо-дѣйству, чтобы вы помнили и исполняли всѣ заповѣди мои, и были святы предъ Богомъ вашимъ» (Числ. 15, 37—40). Объ употребленіи Евреями пурпурныхъ тканей независимо отъ религиозныхъ цѣлей Библия упоминаетъ очень рѣдко. И, какъ кажется, въ обыкновенной жизни онѣ, дѣйствительно, употреблялись въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ (Притч. 31, 22; Пѣс. П. 3, 10). — Съ религиозными цѣлями пурпурныя ткани были употребляемы и язычниками; язычники приготовляли изъ нихъ одежды для своихъ истукановъ (Іерем. 10, 9) *). Кромѣ устройства священныхъ облаченій, пурпуровыя ткани употреблялись въ древности, какъ уже сказано, на одежды царственныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, еще

*) Въ Еврейской Библии встрѣчаются два названія для обозначенія пурпура и матеріала, окрашеннаго въ пурпуръ. Названія эти: „*техелеозъ*“ и „*аргаманъ*“ (*tekheleth, argaman*). Слово „техелеозъ“ LXX и другіе греческіе переводчики передали словами *ιακίνθος, ακινθινος* (гіацинтъ, гіацинтовый). Но какой именно цвѣтъ слѣдуетъ разумѣть подъ гіацинтовымъ цвѣтомъ, трудно опредѣлить съ точностію. Древніе писатели сравнивали цвѣтъ гіацинта, или гіацинтоваго пурпура, то съ цвѣтомъ моря, то съ цвѣтомъ воздуха, то съ цвѣтомъ безоблачнаго южнаго неба и называли его темнымъ. Основываясь на этихъ сравненіяхъ, можно думать, что „техелеозъ“ или гіацинтовый пурпуръ имѣлъ не голубой, а темноголубой, или темносиній цвѣтъ, а быть можетъ и темносиній съ красноватымъ оттѣнкомъ, т.-е. фіолетовый. Еврейское „техелеозъ“ въ русскомъ синодальскомъ переводѣ Библии передано словомъ „голубой“ (и словами — „голубой и яхонтовый“ въ Исх. 28, 33), въ переводѣ о. Макарія словомъ „яхонтовый“, а греческія *ιακίνθος, ακινθινος*, въ славянскомъ переводѣ — словомъ синета. „*Аргаманъ*“, передаваемое греческими переводчиками словомъ „порфира“, значитъ яркокрасный, кроваво-красный пурпуръ. Еврейское „аргаманъ“ переводчики русскіе передаютъ словами „пурпуръ“, „пурпуровый“; переводчикъ славянскій греческое „порфира“ словомъ „багрянца“.

во времена Судей, цари Мадіамскіе носили пурпуровыя одежды (Суд. 8, 26). Въ одежды темноголубаго цвѣта одѣвались Ассирійскіе областеначальники и градоправители (Іезек. 23, 6). Вавилонскіе и Персидскіе цари награждали пурпуровыми одеждами въ знакъ особеннаго своего благоволенія и при назначеніи на высшія государственныя должности. Такъ Вавилонскій царь далъ обѣщаніе, въ знакъ своего благоволенія, облечь въ багряницу того, кто объяснитъ ему смутившее его сновидѣніе, и когда прор. Даніиль объяснилъ сонъ, царь дѣйствительно повелѣлъ облечь пророка въ пурпуровую одежду и провозгласить его третьимъ властелиномъ въ государствѣ (Дан. 5, 7. 16 29), Мардохей, заслужившій благоволеніе въ глазахъ Персидскаго царя и занявшій при царскомъ дворѣ высокое положеніе, получилъ право носить царскія пурпуровыя одежды (Есѣ. 8, 15). — Подобное же значеніе пурпуровымъ одеждамъ придавали цари изъ династіи Селевкидовъ. Такъ царь Александръ Вана, назначая Іонаана Маккавья первосвященникомъ, прислалъ ему пурпуровую одежду; также поступилъ относительно Іонаана Антіохъ, относительно Симона Димитрій (1 Макк. 10, 20. 62. 64; 11, 58; 14, 43. 44). — Съ развитіемъ роскоши въ Римской имперіи, одежды изъ пурпуровой ткани стали носить и частныя состоятельныя лица (Лук. 16, 19), несмотря на императорскіе указы, или вовсе воспрещавшіе ношеніе нѣкоторыхъ сортовъ этой драгоцѣнной ткани, или дозволявшіе ея употребленіе только высшимъ почетнымъ и должностнымъ лицамъ. Впрочемъ современники Христа Спасителя продолжали считать пурпуровую одежду признакомъ царскаго достоинства, и потому воины, насмѣхавшіеся надъ Господомъ Іисусомъ, возложили на Него, какъ на царя Іудейскаго, нѣчто подобное багряницѣ (Марк. 15, 17. 20; Іоан. 19, 2. 5).

Сокъ пурпуровыхъ раковинъ, какъ драгоцѣнный красивый матеріалъ, сохранялъ все свое значеніе очень долго. Но въ средніе вѣка пурпуръ мало-по-малу началъ

уступать мѣсто другимъ красящимъ веществамъ, каковы индиго, кошениль и друг. Въ настоящее же время, съ примѣненіемъ къ окраскѣ тканей красокъ металлическихъ и анилиновыхъ, о пурпурѣ вовсе забыли; сохранилось почти одно его названіе, и то лишь у поэтовъ для обозначенія одного изъ оттѣнковъ краснаго цвѣта. Что касается самыхъ раковинъ, то онѣ и доселѣ продолжаютъ водиться во множествѣ, между прочимъ, у береговъ Палестины. Во время бурь волнующееся Средиземное море выбрасываетъ ихъ цѣлыми массами на прибрежный песокъ въ окрестностяхъ Яффы, гдѣ онѣ и гниютъ, никому теперь и ни на что не нужны. (Herzog, Real-Encyclopädie. B. XII, s. 398—404; Riehm, Handwörterbuch des Bibl. Altertums, s. 1246—1250).

О червяхъ палестинскихъ Библия упоминаетъ перѣдко, но говорить о нихъ лишь вообще, нигдѣ почти не дѣлая указаній на отдѣльные ихъ виды.—Въ Библейскихъ книгахъ черви изображаются вредными, причиняющими страданія, отвратительными и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожными тварями. Черви уничтожаютъ виноградные грозды (Второз. 28, 39), заводятся въ язвахъ, которыми бываютъ покрыты прокаженные (Іов. 7, 5), вообще въ больномъ человѣческомъ организмѣ, и разѣдая его, причиняютъ мучительную смерть (2 Макк. 9, 5 и сл. Дѣян. 12, 23); они гнѣзятся въ трупахъ и питаются ими (Іов. 24, 20; Иса. 14, 11; 66, 24).—Имѣя въ виду ничтожество этихъ омерзительныхъ тварей, древніе Израильтяне сравнивали себя съ ними въ тѣ минуты, когда живо сознавали свое безсиліе, свою беспомощность и вслѣдствіе этого были снѣдаемы глубочайшею тоскою. «Я червь, а не человѣкъ», взываетъ, наприм., всѣми оставленный и презираемый псалмопѣвецъ (Пс. 21, 7); «вотъ даже луна и та несвѣтла, и звѣзды нечисты предъ очами Бога; тѣмъ менѣе человѣкъ, который есть червь», говоритъ Іовъ, подавленный душевными и тѣлесными страданіями (Іов. 25, 5. 6).

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ червей Библия называетъ только одинъ, именно пиявокъ. Извѣстно, что пиявки любятъ теплую кровь; разъ впившись въ тѣло животнаго, или тѣло человѣка, онѣ, не отпята въ время, до такой степени переполняются кровью, что издыхаютъ. На этомъ свойствѣ пиявокъ основано ихъ употребленіе въ медицинѣ. Имѣя въ виду такую безграничную алчность, Приточникъ и указываетъ на пиявокъ, какъ на символъ ненасытимости, при чемъ сопоставляетъ съ ними присноподнюю, бесплодную утробу, сухую землю и огонь, которые, по его словамъ, также ненасытны, и никогда не скажутъ «довольно» (Притч. 30, 15, 16) *).

Изъ *научнообразныхъ*, имѣвшихъ и имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ Палестинѣ, въ Библейскихъ книгахъ нѣсколько разъ упоминается о паукахъ вообще, точнѣе о ихъ паутинѣ. Паутина, производимая пауками, обращала на себя вниманіе древнихъ Евреевъ со стороны своей легкости и неустойчивости и, рассматриваемая со стороны этихъ свойствъ, служила для нихъ символомъ всего непрочнаго, быстроисчезающаго и совершенно непригоднаго на что-либо полезное. «Упованіе забывающаго Бога одеѣчено, говоритъ Іовъ, увѣренность его—домъ

*) Еврейское слово „алука“, употребленное приточникомъ (30, 15), переведено словомъ „пиявка“ у LXX (βδέλλα) и въ другихъ греческихъ переводахъ, у Иеронима (словомъ sanguisuga), арх. Макарія, въ славянскомъ (съ греческаго). Въ русскомъ переводѣ Библии, изданномъ св. Синодомъ, слово „алука“ передано словомъ „ненасытимость“. Такое различіе въ переводахъ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что свр. „алука“ принадлежитъ къ числу словъ, только однажды употребленныхъ въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ (απαξ λεγόμενα); притомъ слово это употреблено въ такомъ мѣстѣ, которое отличается темнотою и потому различно объясняется толковниками. Но какой же переводъ правильнѣе? Нужно полагать, что переводъ LXX, какъ древнѣйшій, тѣмъ болѣе, что въ пользу его правильности говорить, между прочимъ, словоупотребленіе Талмуда, гдѣ слово „алука“ значитъ именно „пиявка“ (Keil und Delitzsch, Bibl. Commentar. IV Th., III. B. s. 498—500).

паука» (Иов. 8, 14). Характеризуя печестивыхъ, пр. Исаія, между прочимъ, замѣчаетъ: «они ткутъ паутину. Паутины ихъ для одежды негодны, и они не покроются своимъ произведеніемъ; дѣла ихъ—дѣла неправедныя, а насиліе въ рукахъ ихъ» (Иса. 59, 5. 6).

Всего чаще упоминается въ Библейскихъ книгахъ о *скорпіонахъ*, какъ о наиболѣе распространенномъ въ Палестинѣ и наиболѣе выдающемся видѣ изъ класса паукообразныхъ. Скорпіоны имѣютъ продолговатое брюшко, примыкающее къ укороченной и щитовидной головѣ (головогруди). Брюшко распадается на двѣ части—переднюю цилиндрическую, семичленистую, или собственно брюшко, и заднюю шестичленистую, очень узкую, или хвостъ, на концѣ котораго выдается изогнутое пустое жало, снабженное двумя ядовитыми желѣзками. Челюстные щупики скорпіоновъ оканчиваются расширенными клешнями, благодаря которымъ, а также панцырю, покрывающему тѣло, скорпіоны по внѣшнему своему виду напоминаютъ раковъ. Ноги у скорпіоновъ (ихъ восемь, какъ у пауковъ) сильно развиты, и каждая изъ нихъ заканчивается двумя крючками. Скорпіоны имѣютъ по большей части восемь, а иногда и болѣе, глазъ. Два большіе глаза помѣщаются на спинѣ въ особенномъ щитикѣ, остальные расположены спереди, на головѣ. Скорпіоны днемъ прячутся подъ камнями, въ сумерки выходятъ на добычу. Бѣгая, они загибаютъ хвостъ на спину. Пауковъ и большихъ насѣкомыхъ, служащихъ имъ пищею, они схватываютъ сильными челюстными клешнями и убиваютъ своимъ ядомъ. Укушеніе скорпіона только въ исключительныхъ случаяхъ причиняетъ смерть человѣку, но во всякомъ случаѣ сопровождается мучительною болью.

Скорпіоны во множествѣ водились и водятся въ Палестинѣ; особенно много ихъ въ каменистыхъ мѣстахъ и въ развалинахъ зданій. Евреи ознакомились съ скорпіонами еще на пути въ Обѣтованную землю и во время странствій по пустынямъ немало потерпѣли отъ нихъ. Въ

одной каменистой возвышенной мѣстности, на южныхъ предѣлахъ Ханаана они встрѣтили такъ много скорпіоновъ, что всю эту мѣстность назвали Акраввимъ, что значитъ «скорпіоны» (Числ. 34, 4; Суд. 1, 36), и благополучный переходъ этой, между прочимъ, мѣстности считали признакомъ особеннаго къ нимъ благоленія божественнаго (Второз. 5, 15). Такъ какъ укушеніе скорпіоновъ очень мучительно, то Евреи признавали ихъ орудіемъ божественнаго гнѣва, созданными для мщенія (Сир. 39, 35), и скорпіоны въ ихъ глазахъ служили символомъ всего мучительнаго и злаго—злыхъ людей, злыхъ духовъ. Такъ, «наказывать скорпіонами» (3 Цар. 12, 11. 14) на языкѣ Евреевъ значило подвергать жестокимъ истязаніямъ. У пр. Іезекіиля скорпіонами названы люди съ загрубѣлымъ лицомъ и съ жестокимъ сердцемъ (Іезек. 2, 4. 6). Христосъ Спаситель, сказавши однажды ученикамъ своимъ: «Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію», прибавилъ: «се даю вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, и на всю силу вражію» (Лук. 10, 18. 19).

Изъ насѣкомыхъ обитавшихъ и обитающихъ доселѣ въ св. Землѣ, Библейскія книги говорятъ, между прочимъ, о *червецѣ* (собственно о червецовой, или червеной краскѣ), пчелахъ, саранчѣ, мухахъ разныхъ видовъ, моли, шершняхъ и муравьяхъ.

Червецъ (*coccus ilicis*) водится въ Палестинѣ, затѣмъ въ Персіи, Индіи и южной Европѣ—во Франціи и Испаніи. Онъ живетъ почти исключительно на сучьяхъ и листьяхъ одного изъ видовъ дуба, который поэтому и называется дубомъ червеца—*quercus coccifera*. Дубъ этотъ—древовидный кустарникъ очень низкаго роста съ яйцевидными, зубчатыми, вѣчнозелеными листьями. Червецъ—насѣкомое мелкое, неболѣе просянаго зерна. Въ самкахъ червеца, спустя нѣсколько времени послѣ оплодотворенія, развивается до двухъ тысячъ яичекъ, наполненныхъ красною жидкостію, вслѣдствіе чего эти насѣкомыя увеличиваются въ своемъ объемѣ до размѣровъ горошины и въ этомъ

видѣ становятся похожими на ягоду краснаго цвѣта. Изъ червеца, и особенно изъ яичекъ, содержащихся въ его самкахъ, добывалось въ древности красящее вещество ярко-краснаго цвѣта. Вещество это по своимъ достоинствамъ ставилось на ряду съ пурпуромъ, и ткани червленныя цѣнились почти также высоко, какъ и пурпуровыя.—Евреи издревле были знакомы съ краскою, доставляемою червцомъ. Такъ еще въ семействѣ Исаака были употребляемы червленныя нити (Быт. 38, 28. 30), и очень вѣроятно, что тогда уже изъ червленыхъ тканей дѣлались одежды. Со временъ Моисея червленныя нити составляли необходимую принадлежность всѣхъ тѣхъ покрывалъ и завѣсъ скинии и священныхъ облаченій, которыя, по закону, должны были быть разноцвѣтными. Именно изъ червленыхъ нитей, вмѣстѣ съ пурпуровыми темнолоубаго и краснаго цвѣта, приготовлялись покрывала для скинии, завѣсы—для воротъ двора скинии, входная и та, которая отдѣляла святилище отъ Святаго-Святыхъ; далѣе—первосвященнической ефодъ, поясъ къ ефоду, наперсникъ судный и украшенія для верхней ризы къ ефоду. Сверхъ того червленныя нити употреблялись, вмѣстѣ съ кедромъ и иссопомъ, при нѣкоторыхъ обрядахъ, между прочимъ, для окропленія (Лев. 14, 4. 6. 5. 49. 51. 52; Числ. 19, 6); при этомъ червленныя нити по всей вѣроятности служили связью для кедровыхъ вѣтокъ и иссопа.—Изъ червленыхъ тканей Евреи приготовляли также одежды (2 Цар. 6, 24; Притч. 31, 21), которыя очень высоко цѣнились.

Съ краскою, доставляемою червцомъ, и ея употребленіемъ — были знакомы въ древности, кромѣ Евреевъ, Египтяне и Финикіяне, затѣмъ Греки и Римляне. Червленныя ткани, подобно пурпуровымъ, приготовлялись, главнымъ образомъ, Финикіянами, притомъ наилучшимъ образомъ, такъ что краску, добываемую изъ червеца, древніе называли финикійскою краскою, финикійскимъ цвѣтомъ, въ отличіе отъ пурпура, который носилъ названіе краски тирской.

Червецъ и доселѣ служитъ матеріаломъ для добыванія красящаго вещества. Съ этою цѣлю насѣкомья, обыкновенно въ маѣ, собираются съ сучьевъ и листьевъ, на которыхъ живутъ, умерщвляются посредствомъ укуса и высушиваются на воздухѣ. Въ продажѣ они извѣстны подъ именемъ червецовыхъ зеренъ, или червецовыхъ яицъ.—Червецъ долженъ быть отличася отъ кошенили, насѣкомаго, очень съ нимъ сходнаго, водящагося въ Мексикѣ на пѣкоторыхъ видахъ кактуса. Краска, доставляемая кошенилью, по своимъ достоинствамъ, цѣнится въ десять разъ дороже червцевой *).

(Окончаніе будетъ).

Священникъ Николай Елмонскій.

*) Краска, доставляемая червцомъ, и шерсть окрашенная въ ней, обозначались у Евреевъ различными названіями. Названіе эти слѣдующія: „шани“ (Быт. 38, 28. 30; I. Нав. 2, 18. 21; 2 Цар. 1, 24; Прит. 31, 21; Иса. 1, 18; Иер. 4, 30; Пѣс. П. 4, 3), что значитъ собственно „блескъ“; „толаатъ тола“ (Иса. 1, 18; Наум. 2, 4); „толаатъ шани, шани толаатъ“ (Исх. 25, 4; 26, 1. 31 36; 27, 16; 28, 5. 8. 15. 33; Числ. 4, 8; Лев. 14, 4, 6. 51. 52; Числ. 19, 6), что значитъ блестящій червь; „кармилъ“ (2 Паралип. 2, 7. 14; 3, 14). Последнее названіе, встрѣчающееся въ одной изъ позднѣйшихъ книгъ Библіи, по всей вѣроятности происходитъ отъ персидскаго „кермилъ“, что значитъ красная краска, доставляемая червемъ (отсюда арабское названіе червеца „керместъ“ и европейскія—„кармезинъ, карминъ“). Въ русскомъ синодальномъ переводѣ Библіи еврейское слово „шани“ передано различными словами, именно: „червленый цвѣтъ“ (Быт. 38, 28. 30; Ис. Нав. 2, 18. 21), „багряница“ (2 Цар. 1, 24; Иса. 1, 18), „пурпуръ“ (Иер. 4, 30), „алый“ (Пѣс. П. 4, 3); кромѣ того—въ Притч. 31, 21 „шанимъ“ переведено выраженіемъ: „двойныя одежды“; слова „тола“, „толаатъ“ переведены словами „пурпуръ“ (Иса. 1, 18) и „багряный“ (Наум. 2, 3 въ евр. 4); выраженія „шани толаатъ“, „толаатъ шани“ всюду переведены словомъ „червленый“, за исключеніемъ Числ. 4, 8, гдѣ употреблено слово „багряный“. Этимъ же послѣднимъ словомъ передано слово „кармилъ“.—У арх. Макарія всѣ означенныя еврейскія слова переданы словомъ „червленый“.

УСТА ПРАВЕДНАГО И ЯЗЫКЪ НЕЧЕСТИВАГО.

Уста праведнаго каплють премудрость: языкъ же неправеднаго погибнетъ. Прит. 10, 31.

Въ книгѣ Притчей Соломона стихи состоятъ большею частію изъ двухъ членовъ, представляющихъ такое соотношеніе, что недосказанное въ одномъ изъ нихъ подобно добавлять изъ другаго, одинъ восполнять другимъ взаимно (*παρὰλλήλας*). Подобное соотношеніе членовъ встрѣчается и въ другихъ книгахъ св. Писанія. Напримѣръ въ 1-мъ псалмѣ (ст. 6): «вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ». То-есть Господь знаетъ благоволительно путь праведныхъ, а потому путь ихъ не погибнетъ; напротивъ путь нечестивыхъ, котораго Господь не знаетъ (не благоволить), погибнетъ. Въ книгѣ Экклезіастъ читася (2, 14): «мудраго очи во главѣ его, а безумный въ тьмѣ ходитъ». Т.-е. мудрый имѣетъ зоркое зрѣніе, и потому не ходитъ во тьмѣ; напротивъ глупый, не имѣющій подобнаго зрѣнія (глаза котораго какъбы не въ головѣ, а въ пяткахъ), ходитъ въ потемкахъ.—Применяя это правило изъясненія двухчленныхъ стиховъ, правило восполненія одного члена изъ другаго, — къ стиху изъ книги Притчей, взятому нами для разсмотрѣнія, мы можемъ изложить текстъ его такъ: Уста праведнаго каплють премудрость и потому не погибнуть; языкъ же неправеднаго каплетъ безуміе, а потому погибнетъ.— Обратимся теперь къ самому содержанию этого стиха.

«Уста праведнаго каплють премудрость». Подъ праведнымъ, уста котораго каплють премудрость, разумѣется истинный праведникъ, а не мнимый, подобный фарисеямъ, которые только назывались и слыли праведниками. Они ревновали о внѣшнемъ исполненіи заповѣдей закона, безъ заботы объ очищеніи сердца, безъ искренняго благочестія; иногда ограничивались исполненіемъ предписаній одного обрядоваго закона, забывая обязанности въ отношеніи къ ближнимъ. Они казались праведными предъ людьми, но передъ Богомъ, зрѣвшимъ въ нихъ внутреннюю нечистоту и нечестіе, являлись лицемѣрами. Истинно-праведный, ревнуя объ исполненіи заповѣдей Господнихъ, старается не о томъ только, чтобы быть неукоризненнымъ по внѣшнему поведенію, но вмѣстѣ о воспитаніи въ себѣ внутренняго благочестія, любви къ Богу и ближнимъ, о непорочности передъ Богомъ и своею совѣстію. Кромѣ того истинному праведнику, для того, чтобы не погрѣшить въ разумѣніи и исполненіи заповѣдей Господнихъ, свойственно изучать ихъ, размышлять о нихъ. Онъ поучается въ законѣ Господнемъ день и ночь, — или самъ читаетъ слово Божіе, или внимательно слушаетъ читающихъ, признавая это занятіе необходимымъ, чтобы правильно руководствоваться закономъ Господнимъ. Онъ не только не тяготится поученіемъ въ законѣ Господнемъ, но находитъ въ семъ занятіи величайшее удовольствіе, ибо видитъ въ законѣ Господнемъ источникъ утѣшенія въ скорбяхъ, просвѣщеніе для ума, вразумленіе въ недоумѣніяхъ. «Какъ сладки, — говоритъ онъ, — слова Твои (Господи)! Лучше меда устамъ моимъ. — Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра. Слово Твое — свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей. — Утѣшеніе въ бѣдствіяхъ моихъ въ томъ, что слово Твое оживляетъ меня. Еслибы не законъ Твой былъ утѣшеніемъ моимъ, погибъ бы я въ бѣдствіи моемъ. — Откровенія, которыя Ты заповѣдалъ, правда и совершенная истина. — Заповѣдію Твоею Ты содѣлалъ меня мудрѣе враговъ

моихъ, ибо она всегда со мною.—И сталь разумнѣе учителей моихъ, ибо размышляю объ откровеніяхъ Твоихъ; свѣдуещъ болѣе старцевъ, ибо повелѣнія Твои храню» (Ис. 18 , 50. 92. 98. 99. 100. 103. 138). Такимъ образомъ истинно-праведный ревнуетъ объ усвоеніи закона Господня не только волею, упражняясь въ исполненіи его, но и умомъ, размышляя о немъ непрестанно. Съ чистотою и святостію жизни соединяется въ немъ мудрость,—не мірская, не житейская мудрость, съ недостаткомъ которой онъ примиряется безъ всякаго сожалѣнія и стыда за свое невѣжество,—но мудрость духовная, почерпаемая въ законѣ Господнемъ. Она дороже для него всякихъ мірскихъ и научныхъ познаній, ибо истины и правила, составляющія предметъ ея, открыты самимъ Богомъ, суть плодъ ума Божественнаго, всеобъемлющаго и непогрѣшимаго, настолько превосходящаго умъ человѣческой, насколько свѣтъ солнечный свѣтлѣе горящей свѣчи, стоящей на столѣ.

Но праведный не довольствуется тѣмъ, что самъ поучается духовной мудрости и руководствуется правилами ея,—онъ внушаетъ ихъ и ближнимъ своимъ: *уста праведнаго*, отъ избытка сердца, полного любовію къ ближнимъ, *каплютъ премудрость* для назиданія ихъ. Весьма знаменательно выраженіе: *каплютъ*. Можно думать, что здѣсь для изображенія спасительнаго дѣйствія на душу ближняго словесъ мудрости, исходящихъ изъ устъ праведнаго, имѣется въ виду сходство ихъ съ благотворными въ жизни физической каплями *меда, росы и дождя, и елея*.—Въ чемъ состоитъ это сходство?

Медъ сладокъ на вкусъ и питателенъ. И «пріятная рѣчь сотовый медъ, сладокъ для души» (Притч. 11, 24). Что же можетъ быть пріятнѣе рѣчи праведнаго? Всякому пріятно бесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ. Есть такіе умные люди, которыхъ вѣчно бы слушалъ, въ бесѣдѣ съ которыми непримѣтно летитъ время,—такъ рѣчь ихъ занимательна, такъ усладительна. Но слова праведнаго

наипаче умны и мудры, потому что почерпаются изъ источника мудрости,—изъ закона Господня, сладчайшаго меда и сота. Кто любитъ законъ Господень, находитъ вкусъ въ размышленіи о немъ, тотъ не можетъ не услаждаться рѣчами, проникнутыми духомъ закона Божія, растворенными сокомъ божественной мудрости, содержащимся въ его изреченіяхъ. Мужу праведному, руководствующемуся словомъ Божиимъ въ жизни и въ образѣ мыслей, даже нѣтъ необходимости вести съ вами длинныя рѣчи. Дѣло не въ этомъ, а въ силѣ его рѣчей, силѣ библейской мудрости, имъ присущей. Если съ устъ праведнаго упадетъ нѣсколько капель этой мудрости, ихъ совершенно достаточно для услажденія и питанія слушающихъ, достаточно притомъ не на короткое время. Особенно усладительны мудрыя рѣчи праведнаго для душъ скорбящихъ. Тяжело переносить скорбь, когда не съ кѣмъ раздѣлить ее. Доброжелательное участіе къ намъ близкаго существа, роднаго или знакомаго, облегчаетъ ее. Доброжелательное, отъ души идущее слово, въ подобныхъ случаяхъ бываетъ гораздо дороже обильной вещественной помощи. Какъ бы ни было тяжело на душѣ, всегда становится легче, если есть кому разговорить насъ. Но есть разныя утѣшенія словомъ, и выходятъ разныя оттого послѣдствія. Мірской человѣкъ помірски и утѣшаетъ. Онъ постарается развлечь скорбящаго разказами о мірскомъ, шутками, анекдотами, возбужденіемъ въ немъ житейскихъ мечтаній и надеждъ и т. п. Такія утѣшительныя рѣчи, конечно, пріятны для слуха, заманчивы для воображенія, но утѣшаютъ на короткое время, покуда звучать въ ухахъ. По уходѣ утѣшителя онѣ оставляютъ пустоту въ душѣ, сладость ихъ превращается въ горечь. Не такovy слова утѣшенія, исходяція изъ устъ праведнаго мужа. Они суть плодъ духовной мудрости и вливаютъ въ скорбящую душу духовный миръ. Праведникъ, самъ живя въ общеніи съ Богомъ, въ Богѣ одномъ укажетъ ей источникъ утѣшенія, отъ земныхъ скорбей и тревогъ возведетъ

ея мысли къ небеснымъ благамъ, какія уготованы любящимъ Бога и на Него уповающимъ, и которыя могутъ быть ею предвкушаемы даже въ здѣшней жизни, введеть ее въ духовныя размышленія, какими самъ бываетъ занятъ, и т. под. Конечно все это можетъ сдѣлать и не праведникъ только, а и всякой другой; но не всякій можетъ сдѣлать это съ тою силою убѣжденія и любовію, какая свойственна словамъ праведнаго,—истинно боголюбиваго и челоѡколюбиваго мужа. Они живѣе воспринимаются скорбящею душею, чѣмъ слова вычитанныя изъ книгъ, но не прочувствованныя говорящимъ. Съ устъ праведнаго поистинѣ каплетъ сладкій медъ, заставляющій забыть скорбь и горе.

Не меньше выразителемъ образъ *росы и дождя* въ примѣненіи къ устамъ праведнаго, каплющимъ премудрость. Роса и дождь составляютъ одно изъ величайшихъ благословеній Божіихъ, наиначе цѣнимое жителями жаркихъ странъ. Роса и дождь возбуждаютъ растительную силу въ травахъ, злакахъ и древахъ, оплодотворяютъ ихъ и освѣжаютъ воздухъ. Вотъ почему Моисей, имѣя въ виду столь благотворное значеніе росы и дождя въ жизни природы, подъ образомъ ихъ представляетъ дѣйствіе на сердца Израильтянъ, какое онъ желалъ бы произвести своею прощальною предъ смертію учительною и обличительною рѣчью: «польется какъ дождь ученіе мое, какъ роса рѣчь моя» (Втор. 32, 2). Подобное благотворное дѣйствіе производятъ на душу слова мудрости, каплюція изъ устъ праведнаго. Благодатною росою и дождемъ падаютъ они на душу, палимую зносомъ страстей, возбуждаютъ въ ней нравственную силу, оплодотворяютъ въ ней сѣмя истины и добра. Да не подумаетъ кто-либо, что рѣчь праведнаго, столь благотворно дѣйствующая на душу, непременно должна содержать въ себѣ что-нибудь необыкновенное, отличное отъ всего, что говорятъ другіе учителя истины и благочестія. Нѣтъ,—дѣло не въ содержаніи рѣчи,—по содержанію она можетъ не представлять ничего особеннаго,—дѣло въ личности праведнаго. Когда онъ научаетъ

беззаконныхъ путейъ Господнимъ, слово его имѣть особенный вѣсъ потому, что онъ самъ твердою ногою ходитъ этими путями. Ему никто не посмѣетъ сказать: «ты требуешь отъ другихъ того, чего самъ не исполняешь; ты налагаешь на другихъ бремена, до которыхъ самъ перстомъ не дотронешься». Никто не посмѣетъ сказать это учащему праведнику, — сила его ученія подкрѣпляется силою его примѣра. Онъ учитъ другихъ благочестію и добродѣтели не словами только, но самую жизнь. Никто также не вправѣ сказать ему: «твои наставленія и правила хороши на словахъ, но неудобноисполнимы». По природѣ онъ такойже, какъ и всѣ, немощной въ духовномъ отношеніи человѣкъ; однакожъ онъ успѣваетъ, при помощи благодати Божіей, преодолѣвать свои немощи, побуждать искушенія, неизбѣжныя для всякаго ревнующаго объ исполненіи заповѣдей Господнихъ. Стало-быть и другіе, подобно ему немощные, могутъ, при тойже Божіей помощи, успѣшно бороться съ немощами, искушеніями и соблазнами, могутъ достигнуть такойже степени нравственнаго совершенства, на какой стоитъ праведникъ, уста котораго каплютъ премудрость, — могутъ не только себя спасти, но и споспѣшествовать спасенію ближнихъ каплями пріобрѣтенной ими духовной мудрости. Само-собою впрочемъ разумѣется, что какъ въ физической жизни капли росы и дождя благотворны только для пріемлющей почвы, а не для голаго камня, не для гнилаго дерева, такъ и капли духовной мудрости, падающія съ устъ праведнаго, могутъ быть спасительны только для душъ, неутратившихъ духовной пріемлемости, въ которыхъ сѣмя духовной жизни еще не совсѣмъ погибло подъ толстымъ слоемъ суеты и грѣха.

Наконецъ къ наглядному объясненію того, какъ благотворны слова мудрости, исходящія изъ устъ праведнаго, можетъ служить образъ *елей*. Елей имѣетъ силу умягчать и врачевать. Подобную силу въ отношеніи къ душѣ имѣютъ мудрыя рѣчи праведнаго. Есть грѣшники, которыхъ трудно обратить на путь истины потому, что грѣхъ по-

работилъ не только волю ихъ, но и умъ. Они очень умны и изворотливы для того, чтобы оправдывать свою грѣховную жизнь не предъ людьми только, но и предъ собою; съ нечестіемъ въ нихъ соединяется самомиѣніе и високоуміе. Попытки поколебать ихъ упорство, ихъ коснѣніе во грѣхѣхъ, разными доказательстами пагубности ихъ поведенія, ни къ чему не приводятъ. Напрасно вы стали бы внушеніями разума, св. Писанія, правственнаго чувства убѣждать кого-либо изъ нихъ къ признанію своей вины предъ закономъ Божіимъ. На все у него одинъ отвѣтъ: «все это мнѣ давно извѣстно, все это мною давно обдуманно и взвѣшено. Я даже могу больше и лучше наговорить въ томъ же родѣ, если стану на вашу точку зрѣнія. Но каждому изъ вашихъ резоновъ могу противопоставить не менѣе, даже болѣе вѣскія возраженія». И дѣйствительно, за словомъ у него дѣло не станеть, искусствомъ вести состязанія онъ васъ же поставитъ въ затрудненіе. Но случается, что подобные люди, непобѣдимые въ преніяхъ, поражающіе блестящимъ остроуміемъ и находчивостію въ нихъ, начинаютъ сдаваться, перемѣняютъ тонъ, какъ скоро заговорятъ съ ними языкомъ сердца. Признайтесь предъ ними, что сознаете ихъ умственное превосходство предъ вами, что чувствуете себя безсильными бороться съ ними на почвѣ разсужденій съ одинаковымъ искусствомъ,—и попробуйте заговорить съ ними отъ сердца, какъ говоритъ мать заблудшему сыну,—она не столько говоритъ ему, сколько плачетъ, и ся слезы краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ разсужденій. Но къ такимъ сердечнымъ рѣчамъ, рѣчамъ изъ глубины души идущаго участія къ грѣшнику, способны немногіе. Скорѣе всего ихъ можно ожидать отъ людей праведныхъ. Истинно праведный исполненъ любви къ ближнимъ,—онъ столько же сострадательнъ, сколько набоженъ. Онъ не станеть тратить много словъ, чтобы урезонить гордаго и високоумнаго грѣшника; но и немногія его слова, идущія отъ любвеобильнаго и проникнутаго непоколебимымъ убѣжденіемъ сердца, способны умягчить

гордую душу, какъ слей умягчаетъ твердую и жесткую кожу. Мудрость праведнаго, каплющая въ этомъ случаѣ слеемъ, является не мудростію учености, но мудрымъ знаніемъ человѣческаго сердца: онъ знаетъ, что на языкъ сердца скорѣе отзовется сердце, чѣмъ на резоны ума гордый умъ.

Словеса праведнаго, умягчающія душу гордаго грѣшника, не менѣе благотворно дѣйствуютъ на души, недугующія противоположною крайностію,—на души грѣшниковъ слишкомъ мнительныхъ. Подавленные сознаніемъ своихъ грѣховъ, они близки къ отчаянію. «Мы—погибшія созданія, говорятъ они себѣ и другимъ. Мы такъ далеко зашли на пути грѣха, что вернуться назадъ намъ не подь силу. Мы слишкомъ глубоко пали, чтобы можно было подняться изъ этой глубины. Грѣховныя привычки такъ овладѣли нами, что и думать тяжело о борьбѣ съ ними. Намъ одна дорога—въ адъ. Каяться и исправляться—поздно». Жалко положеніе такихъ грѣшниковъ, но отнюдь не безвыходно: ихъ можетъ спасти искреннее участіе ближнихъ. Особенно благотворно въ семъ случаѣ участіе праведнаго человѣка. Въ этомъ убѣждаетъ насъ примѣръ трогательнаго снисхожденія къ тяжкимъ грѣшникамъ величайшаго праведника, Господа І. Христа. Онъ не гнушался тѣми, которыхъ, какъ отъявленныхъ грѣшниковъ, презирали мнимые праведники—фарисеи, почитая оскверненіемъ для себя вступать съ ними въ сношенія. Подъ гнетомъ этого презрѣнія и гнушенія они еще болѣе ркзвращались и научались только презирать себя. «Вѣрно, мы потерянные люди, думали они о себѣ, если нами гнушаются порядочные люди; пощады отъ нихъ нечего ждать,—остается искать утѣшенія въ грѣхахъ: пусть же не даромъ они насъ презираютъ». Не такъ относился къ нимъ Христосъ. Его состраданіе къ нимъ, Его кроткое обращеніе съ ними трогало ихъ, пробуждало въ нихъ надежду на спасеніе. «Видно, думали они, мы не совсемъ погибли, видно не все для насъ потеряно, когда нами не гнушастся столь великій праведникъ. Онъ не про-

клинаеть насъ, какъ проклипають фарисси. Стало-быть намъ не слѣдуетъ падать духомъ подъ тяжестію ихъ проклятій. Онъ не только не проклинаеть, по еще призываетъ къ себѣ грѣшниковъ, возвѣщая, что припелъ не для праведниковъ, а для грѣшникъ. Остается откликнуться на Его призывъ, сбросить къ ногамъ Его грѣховное бремя, оплакать предъ Нимъ наши беззаконія и вымолить у Него прощеніе». И дѣйствительно, эти тяжкіе грѣшники, согрѣтые лучами милосердія Христова, пробуждались къ новой жизни и спасались. Подобное благотворное дѣйствіе на близкихъ къ отчаянію грѣшниковъ оказываетъ всякій истинно-праведный человѣкъ. Его мудрыя, дышущія кротостію и состраданіемъ рѣчи умягчаютъ ихъ душу, успокоиваютъ ихъ совѣсть, мирятъ ихъ съ собою. Поистинѣ такія рѣчи — елей, каплющій па раны, умягчающій остроту ихъ и цѣлительный. Но если праведникъ, движимый ревностію о ихъ спасеніи, найдетъ нужнымъ сдѣлать имъ строгое вразумленіе и обличеніе,—они съ благодарностію примутъ отъ него это вразумленіе и обличеніе, не сомнѣваясь въ его доброжелательствѣ. Они повторяютъ слова Давида: «пусть накажетъ меня праведникъ, это милость; пусть обличитъ меня,—это лучшій елей, который не повредитъ головѣ моей» (Псал. 140, 5). Злобныя обличенія только раздражаютъ обличаемыхъ, а растворенныя любовію и милосердіемъ вливаютъ въ душу раскаяніе и миръ. Поистинѣ елей!—

Уста праведнаго капають благотворную, какъ медъ, роса и елей, мудрость. Благословенны эти уста,—они не погибнуть отъ гнѣва Божія, а привлекутъ благоволеніе къ нему Божіе. Но горе языку неправеднаго,—нечестиваго и беззаконнаго! Съ этого языка каплетъ не мудрость, спасительная для ближнихъ, а безуміе, пагубное для нихъ, и потому онъ погибнетъ,—безумныя рѣчи нечестиваго послужатъ ему же въ пагубу и въ этой жизни, и наипаче въ жизни будущей, когда будетъ строгое взысканіе за всякое худое, даже праздное слово. Нечестивые и беззаконные мо-

гутъ быть очень умными и учеными людьми; но они злоупотребляютъ своимъ умомъ,—умствованія ихъ нечисты и лживы; и если «добрый человѣкъ отъ добраго сокровища своего сердца износитъ доброе, то злой (нечестивый и беззаконный) изъ злаго сокровища сердца своего (изъ глубины сокровенныхъ мыслей и чувствъ) выноситъ злое» (Лук. 6, 45). Это значить: каковъ умъ и сердце у людей нечестивыхъ, таковы и рѣчи. Рѣчи ихъ поистинѣ безумны, ибо выражаютъ ихъ превратный и нечестивый образъ мыслей. Къ сожалѣнію, не всякій пойметъ безуміе такихъ рѣчей; многіе видятъ въ нихъ мудрость и отравляются ядомъ ихъ, подобно тому, какъ отравлены были души нашихъ прародителей ядовитыми внушеніями змія-дiable. «Будете яко божи, вѣдуще доброе и лукавое». Какія пріятныя мечты возбудило въ душѣ Евы такое обѣщаніе! Какъ она съ мужемъ будетъ счастлива, когда они сдѣлаются богами, предъ вѣдѣніемъ которыхъ открыты будутъ всѣ тайны бытія,—и тогда они уже не будутъ зависѣть отъ Бога, ибо благодаря своему всевѣдѣнію будутъ знать, какъ безъ Его помощи устроить свое блаженство! И какъ легко достигнуть этого, обѣщаннаго зміемъ счастья! Стоитъ только вкусить запретный плодъ, и откроются у нихъ очи для всевѣдѣнія.—Ева не догадалась, что ей предлагаютъ ядъ въ благовидной формѣ, съ удовольствіемъ приняла его, и что же? Сама отравилась и мужа отравила. Эта исторія повторяется дослѣ. Змію—отравителю дослѣ подражаютъ нечестивые и беззаконные. Ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ, но они подаютъ этотъ ядъ не въ грубомъ видѣ, а въ благовидной формѣ. Они никому не говорятъ: «прими этотъ ядъ, и погибни». Напротивъ, ихъ рѣчи обѣщаютъ слушающимъ одно счастье, одно удовольствіе. Онѣ сладки, какъ медъ, мягки, какъ елей. «Медъ источаютъ уста чужой жены и мягче елея рѣчь ея» (Прит. 5, 3). Нужна крайняя осторожность, чтобы не увлечься медовыми и елейными рѣчами людей нечестивыхъ и не отравиться скрытымъ въ нихъ ядомъ. Къ сожалѣнію, подобное увлеченіе и отравленіе—обыкновенное явленіе. Наслушается невинный юноша рѣчей развратнаго и невоздержнаго пріятеля, увѣряющаго, что цѣломудріе отнюдь не есть достоинство, что храненіе его вредно для здоровья, что излишество въ употребленіи оцѣняющей влаги умному человѣку ни въ чемъ не помѣха (пьянъ да умень, два угодыя въ немъ), что нельзя же быть

монахомъ и т. п.; наслушается и падаетъ въ бездну разврата и пьянства. Наслушается любознательный, но незрѣлый въ умственномъ отношеніи человѣкъ похвалъ какой-нибудь книгѣ, якобы во имя истины неспровергающей основанія вѣры и нравственности,—и какъ муха на медъ, набрасывается на эту книгу, и отравляется разлитымъ въ ней ядомъ невѣрія и нечестія. Читается иной въ злонамѣренныхъ газетахъ толковъ о несостоятельности существующаго церковнаго, общественнаго, семейнаго и государственнаго строя, зловредныхъ внушеній, что для блага человѣчества и отечества нужно все дномъ перевернуть,—и медовыми фразами объ этомъ благѣ увлечется до вражды противъ церкви и общества,—отрава проникла все его существо, и онъ готовъ сдѣлаться революціонеромъ.—Особенно ядовито дѣйствуютъ рѣчи нечестивыхъ и беззаконныхъ на молодое поколѣніе, — и ее мудрено: ядъ этихъ рѣчей облить медомъ и елеемъ лести: «старое поколѣніе уже отжило свой вѣкъ,—оно не можетъ сочувствовать новымъ идеямъ. Вся надежда на молодое поколѣніе, оно—сила, которой суждено обновить Россію. Оно должно сознать величіе своего призванія и поспѣшить осуществленіемъ надеждъ, на него возлагаемыхъ. Дѣло такъ важно, что для него стоитъ бросить науку. Не до науки теперь, нужна практическая дѣятельность,—упражненіе въ ней — лучшая наука». И молодой человѣкъ, польщенный такими медовыми рѣчами, начинаетъ дѣйствительно вѣрить въ свою силу, вовлекается въ противозаконныя сообщества и дѣлается жалкимъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Россіи, попадаетъ въ рядъ уголовныхъ преступниковъ и погибаетъ отравленный ядомъ, который поданъ ему въ меду.—Горе отравленнымъ, но горе и отравителямъ! Языкъ ихъ погибнетъ. Языкъ ихъ—врагъ ихъ. Рано или поздно покараетъ ихъ Провидѣніе за злоупотребленіе языка. Если не въ сей жизни суждено имъ погибнуть отъ руки правосудія, или особенныхъ дѣйствій гнѣва Божія, то въ жизни будущей ихъ проклятый языкъ будетъ горѣть въ пламени, томимый пестернимою и мучительною жаждою, и ни одна капля воды не упадетъ для прохлажденія его. По дѣломъ,—это за то, что при жизни онъ источалъ капли яда и отравлялъ ближнихъ.

Прот. В. Нечаевъ.

ОДНО ИЗЪ БЛАГОДАТНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ОТЪ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ЦѢЛИТЕЛЯ ПАН- ТЕЛЕИМОНА.

Въ послѣднія лѣтъ 15 или 20 въ православной церкви, между прочимъ и въ Тобольской епархіи, особенно усилилось почитаніе великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Прежде въ цѣломъ уѣздѣ въ какой-нибудь одной церкви или въ двухъ находилась икона названнаго великомученика; но въ настоящее время иконы сего угодника Божія есть во многихъ и сельскихъ церквахъ, а въ церквахъ городскихъ, напр. въ Тобольскѣ, Тюмени, Омскѣ и пр. онѣ есть почти въ каждой. Въ настоящую пору онѣ имѣются у многихъ и въ домахъ, у однихъ на дскахъ, у другихъ на атласѣ, или полотнѣ, или на бумагѣ. Ихъ православные приобрѣтають, или покупая въ лавкахъ у торгующихъ, которые привозятъ ихъ изъ Москвы и съ большихъ ярмарокъ, или заказывая писать мѣстныхъ иконописцамъ, или выписывая изъ московской Аѳонской часовни и даже прямо съ св. горы Аѳонской изъ Пантелеимонова монастыря.—Приобрѣтая иконы великомученика, иные съ тѣмъ вмѣстѣ приобрѣтають акаѳисты ему и его житія; многіе просятъ служить молебны великомученику или въ храмахъ, или приглашая причты въ дома къ себѣ.—По вѣрѣ и усердію приобрѣтающихъ иконы великомученика и цѣлителя и молящихся ему бывають иногда особенныя благодатныя явленія отъ него. Одно изъ таковыхъ совершилось два съ половиною года тому въ Тобольскѣ.

Тобольской губерніи, Тарскаго уѣзда, Нижнеколосовской волости въ деревнѣ Верхне-Кутырлинской живетъ поселенецъ Иванъ Куракинъ. Онъ человекъ грамотный и набожный; между прочимъ ежегодно бываетъ до трехъ разъ у исповѣди и св. причастія; имѣетъ въ настоящее время отъ роду уже 60 лѣтъ. Этотъ поселенецъ 1874 года 16 августа, въ праздникъ Нерукотвореннаго образа Спасителя плавалъ въ лодкѣ по озеру Тенись, находящемуся въ (сосѣдней съ Нижнеколосовскою) Кабырдакской волости, съ ружьемъ для охоты. Подплывши къ одному изъ острововъ на озерѣ, Куракинъ вышелъ изъ лодки, взялъ ружье за половину ствола дуломъ къ себѣ,—и оно, по его неосторожности, выстрѣлило ему въ пра-

вую руку (значить — ружье было въ лѣвой), между локтемъ и плечемъ и пересѣкло дробью жилы; отъ чего руку его скорчило и притянуло къ груди. Такъ искалеченною, такую скорченною рука у него и оставалась въ теченіе цѣлыхъ 5 лѣтъ, а выпрямилась и пришла она въ нормальное положеніе только 27 іюля 1879 года слѣдующимъ образомъ: 23 декабря 1878 г. поселенецъ Иванъ Куракинъ прибылъ въ Тобольскъ по обѣщанію. Поклонившись разнымъ Тобольскимъ и въ окрестностяхъ Тобольска находящимся святынямъ, онъ на неопредѣленное время остался въ Тобольскѣ; а оставаясь здѣсь, онъ въ воскресныя и праздничныя дни постоянно ходилъ за богослуженіе въ Срѣтенскую, чаще въ народѣ называемую Пятницкою, церковь; тамъ становился предъ иконою великомученика и цѣлителя Пантелеимона, которая въ Тобольскѣ чтится болѣе всѣхъ иконъ сего же святаго, имѣющихся въ прочихъ Тобольскихъ церквахъ, и молился изображенному на ней великомученику Пантелеймону, прося его помощи и милости, съ усердіемъ и слезами (чего свидѣтелями бывали и причтъ церковный и прихожане). Эту помощь и эту милость отъ великомученика молившійся и получилъ. 27 іюля (1879 года), въ день памяти святаго Пантелеимона богослуженіе въ Срѣтенско-Пятницкой церкви совершалось по праздничному; по окончаніи литургіи, былъ совершенъ празднуемому святому общій молебенъ; но за тѣмъ нѣкоторые изъ богомольцевъ попросили причтъ отслужить еще и частный молебенъ, притомъ съ водосвятиемъ; во время сего послѣдняго молебствія, поселенецъ Ив. Куракинъ, поставивъ великому угоднику Божію, по своему состоянію, трехкопѣечную свѣчку, особенно усердно молился объ облегченіи сильной боли въ рукѣ (а въ ней чувствовалась ломота, отъ нея былъ слышенъ гнилой запахъ, ее уже и черви точили). И что же? Когда начали, при освященіи воды, пѣть: *Спаси Господи люди твоя...* и когда больной, перекрестившись лѣвою рукою (а такъ онъ крестился съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прострѣлилъ правую руку), поклонился въ землю, въ это самое время скорченная рука его распростерлась на полъ церковный. Въ испугѣ и думая, что рука совсѣмъ твалилась прочь, Куракинъ закричалъ — было; но увѣрившись, что рука не только не отвалилась, что напротивъ она выпрямилась и стала здоровою, онъ сильно обрадовался и со слезами бла-

годарилъ и доселѣ благодарить святаго исцѣлителя Пантелеимона. — Что исцѣленіе дѣйствительно совершилось, Куракинъ письменно въ томъ удостовѣрилъ, написавши удостовѣреніе правою рукою; да и разные свидѣтели подтвердили факты какъ исцѣленія, такъ и предшествовавшей болѣзни *).

Прот. Александръ Сулоцкий.

2 дек. 1881 г.
Омскъ.

ПИСЬМА МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИКАРЕТА.

1. Къ наказному атаману Донскаго войска, генералъ-адъютанту Павлу Христофоровичу Граббе.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Пріятель для меня величественный, привѣтный голосъ воинства Донскаго, достигшій до меня отъ в. в—ва.

Онъ выражаетъ то, что въ Москвѣ и на Дону одинъ русскій духъ, одно русское сердце, одинаковое стремленіе къ доброму общенію, по дѣйствию любви къ вѣрѣ и отечеству.

Взаимно привѣтствую новымъ годомъ, предводимое вами всегда вѣрно, всегда побѣдоносное воинство Донское, призывая ему отъ Господа силъ новое благословеніе, побѣдоносную крѣпость, благоденствіе и неизмѣнное охраненіе отечественнаго духа отъ нездраваго вѣтра, проникающаго къ намъ изъ чуждыхъ предѣловъ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. 17 января 1864 г.

2. Къ президенту императорской академіи наукъ, генералъ-адъют., адмиралу, графу Теодору Петровичу Литке.

Святѣльнѣйшій графъ, милостивый государь! Съ глубокимъ уваженіемъ принялъ я слово Императорской академіи наукъ въ день совершившагося пятидесятилѣтія моего въ епископствѣ. Чѣмъ болѣе свѣтло ея воззрѣніе на мою посильную дѣятельность, тѣмъ сильнѣе освѣщаетъ она для меня мое недостаточество, чтобы соотвѣтство-

*) Изъ записи церковной и письма къ пишущему священника Срѣтенской церкви Николая Скозырева.

вать оному. Прискорбно мнѣ думать, что принадлежа академіи въ теченіи долгаго времени *), я не нашелъ свободы отъ занятій, болѣе строго для меня обязательныхъ, чтобы положить мою лепту въ сокровищницу ученыхъ трудовъ академіи. Но когда и при семъ академія простираетъ ко мнѣ благовольтельное вниманіе: тѣмъ болѣе глубоко чувствую, тѣмъ усерднѣе приношу ей мою совершенную благодарность.

Да продолжаетъ умы въ ней соединенныя озарять вѣчная Истина, дабы они во всѣхъ областяхъ мысли и природы открывали и являли истины просвѣтительныя и полезныя для человѣчества.

Благовольте, сіятельнѣйшій графъ, сіи мои мысли и чувствованія сообщить достоючтеннымъ членамъ предводимой вами академіи. 26 августа 1867 г.

Примѣчаніе. Въ настоящемъ 1882 году 26 декабря исполнится столѣтіе со дня рожденія знаменитѣйшаго изъ русскихъ іерарховъ, московскаго митрополита Филарета.

Сообщилъ архим. Г—рій.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

На Фонтанскомъ, въ С.-Петербургѣ, подворьѣ издавна заведено выходить, послѣ литургіи въ 1-й день августа, на Фонтанку для совершенія освященія воды, по церковному чиноположенію. Экономъ означеннаго подворья іеромонахъ Герасимъ просилъ Соборъ Сергіевой Лавры исходатайствовать разрѣшеніе высокопресовъ. Филарета такимъ же порядкомъ совершать на Фонтанкѣ водоосвященіе въ день Богоявленія 6 го января. На докладѣ о томъ Лаврскаго собора написалъ владыка, 16 ноябрия 1858 года: «нашъ монахъ, какъ паходящійся въ епархіальномъ городѣ другаго преосвященнаго, не долженъ вводить ничего новаго безъ благословенія мѣстнаго преосвященнаго архіерея, а просить новаго права не всегда удобно, чтобы не быть въ тягость. Ограничиться тѣмъ обычаемъ, который утверждень уже временемъ».

*) Владыка Филаретъ былъ съ 1841 года ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

1862, янв. 22. «Просители мудрствуютъ выше своей мѣры. Если они желаютъ разрѣшенія по примѣру древнихъ отцевъ: то можно разрѣшить имъ точно по сему примѣру, то-есть, чтобы они начинали всенощную службу вечеромъ и продолжали непрерывно до утра. Но если не сего хотятъ, а краткой службы съ вечера (*въ зимнее время*): то напрасно великими подвигами отцевъ хотятъ прикрыть свою лѣнь, которая не хочетъ подняться съ постели для утренней службы. Сколько вѣковъ отцы наши бодрственно пользовались утреннею службою, не жалуясь ни на морозъ, ни на мятежь, ни на слабость! Какъ давно всероссійская церковь лѣтомъ совершаетъ всенощныя службы съ вечера! А теперь прихожане серпуховской Покровской церкви вздумали утверждать, будто въ семь дѣлъ вся Россійская церковь поступаетъ несогласно съ разумомъ справедливости *). Объявить имъ, что духовное начальство не можетъ дать разрѣшеніе по прошенію неприличному; но если прошеніе будетъ скромное и приличное, то можетъ оказать снисхожденіе».

1831, марта 3. «Академической конференціи предлагаю рассмотретьъ, взявъ между прочимъ въ разсужденіе, полезно ли издавать отрывокъ словаря, приспособленнаго къ одной учебной книжкѣ (*Избранныя мѣста св. Писанія—изданіе протоіеря Павскаго на еврейскомъ языкѣ*), и грамматическій разборъ текста (*двухъ первыхъ главъ Бытія*). Не суть ли это слишкомъ дѣтскія пелены, въ коихъ ученіе можетъ только спать, а не расти и укрѣпляться?»

На представленіе тойже конференціи о порученіи бакалавру Ивану Богоявленскому составить, по образцу Розенмюллера, полный небольшой еврейско-россійскій словарь, — владыка, 23 мая 1831 г., написалъ: «согласенъ. А дѣлать надобно съ осторожностію противъ догматично принятыхъ новѣйшими значеній нѣкоторыхъ словъ».

1859, дек. 31. «Съ приложеніемъ книжки **) и списка съ мнѣнія цензурнаго комитета, отнестись отъ меня къ

*) „Разумъ справедливости требуетъ лучше воспретить лѣтомъ всенощное бдѣніе съ вечера, чѣмъ осенью и зимой“, такъ писали прихожане.

**) Нравственная философія Кума въ переводѣ съ греческаго на арабскій языкъ.

блаженнѣйшему патріарху (*антиохійскому Героею*), и отозваться съ моей стороны, что я не могу отвергнуть мнѣнія цензурнаго комитета и, на примѣръ, вмѣстѣ съ комитетомъ, недумаю, чтобы послужило къ основанію доброй нравственности ученіе, которое обязанности родителей и дѣтей производитъ не отъ закона Божія, въ самой природѣ напечатлѣннаго, а отъ мечтательнаго договора между родителями съ одной, и между раждаемымъ младенцемъ съ другой стороны».

1855, авг. 15. «Если верхній слой (*восковыхъ мѣстныхъ свѣчъ, найденныхъ подъ церковью одного монастыря*) *) отпадетъ: то почти пропадетъ и древность, а останется воск. Вѣтхія свѣчи передъ новымъ иконостасомъ не будутъ ли пятномъ вмѣсто украшенія? Кто нибудь толкнетъ и древность разрушится. Посему не совѣтуется ставить сіи свѣчи предъ главнымъ иконостасомъ. Можно одну поставить, гдѣ прилично, не въ главномъ иконостасѣ, а прочія хранить въ ризницѣ. Не спѣшитъ писать въ Археологическое общество, чтобы не оказалось незначительнымъ кажущееся значительнымъ. Вдова Никольская смотритъ не 1610 годомъ **). Нельзя ли снять вѣрный списокъ надписи и прислать ко мнѣ. Списокъ съ сей резолюціи послать къ архимандриту, а донесеніе между тѣмъ оставить въ моей канцеляріи».

1866, авг. 4. «Должно принять въ разсужденіе, 1) что добровольное собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство въ дѣлѣ: а купчиха (*Гатсальская*) Бекъ собственноручно написала въ метрической книгѣ признаніе, что дочь ея есть незаконнорожденная. 2) Что хотя она и показываетъ, что написала сіе по болѣзни, не помня, что писала; но о болѣзни никакого доказательства не представила и не объяснила, какая бы могла быть болѣзнь, въ которой она могла сдѣлать неправильную записъ, не помня, что пишетъ. 3) Что законъ, запрещающій матери объявлять младенца незаконнорожденнымъ, кромѣ судебного дѣла, безъ сомнѣнія, относится къ тѣмъ случаямъ,

*) Онѣ будто-бы сокрыты были въ 1610 г., по случаю нашествія ва Дмитровъ поляковъ.

***) На одной свѣчѣ надпись: „Свѣчу... слила... вдова Никольская“.

когда такое объявленіе дѣлается въ противорѣчіе мужу; но мужъ купчихи Бекъ также признаетъ младенца незаконнорожденнымъ. 4) Зачатіе младенца во время еще жительства въ домѣ мужа не есть рѣшительное доказательство законнорожденности, такъ какъ мужъ младенца законнымъ не признаетъ, и жена письменно объявила его незаконнорожденнымъ. При таковыхъ обстоятельствахъ дѣла не представляется достаточнаго основанія измѣнить метрическую запись».

1865, янв. 22 «Внушить священнику Л—ву, что стыдно священнику въ десять лѣтъ не заплатить небольшого долга; и еще стыднѣе оправдывать себя великодушіемъ заимодавца (*крестьянина*), что онъ не напоминалъ о долгѣ; для заимодавца похвально долготерпѣливо молчать о долгѣ, а для должника порицательно долго забывать свой долгъ предъ заимодавцемъ. Что священникъ десять рублей уплатилъ, на то доказательства не имѣеть. Если не заплатилъ: то тяжко виновать, показывая неправду. А если и заплатилъ, но не взял росписки, то лучше заплатить за свою оплошность, чтобы охранить достоинство священника отъ нареканія. Помню гражданина, который заплатилъ свой долгъ, но не имѣя доказательства, приговоренъ былъ къ очистительной присягѣ; онъ исполнилъ присягу и тутъ же въ другой разъ выдалъ деньги, въ доказательство того, что принялъ присягу по правдѣ, а не для того, чтобы удержать деньги».

1836, окт. 31. «Надобно знать officialный языкъ. *Сообщаютъ* равнымъ. Подчиненнымъ *предписываютъ*, а не сообщаютъ. *Предлагаетъ* предсѣдательствующій, или присутствующій, начальствующій, а подчиненное мѣсто вышнему *представляетъ*, а не предлагаетъ».

1844, окт. 10. «Хотя Селиверстовъ (*крестьянинъ, умершій отъ пьянства*) намѣреннымъ убійцею почитаться не можетъ: но какъ онъ самъ причиною своей безъ покаянія смерти, то по силѣ правила Тимоѳея (*епископа*) Александрійскаго *), а также и по неизвѣстности (*неозначенію*) мѣста погребенія, распоряженія о погребеніи его дѣлать (*Дух. правленію, по сообщенію уезднаго суда*) не слѣдуетъ».

Сообщилъ архим. Г—рій.

*) Капоническіе отвѣты его, отвѣтъ на 14-й вопросъ.

ТОЛКОВАНИЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ.

66) *Чему учить богатыхъ?* 6, 3—19.

Все это отдѣленіе,—3—19, содержитъ слѣдующее: α) внушается: *сія учи*,—и въ слѣдъ за тѣмъ пишется укоръ инако учащимъ, послѣднею недоброю чертою которыхъ ставится то, что они *нещуютъ приобрѣтеніе быти благочестіе*,—3 — 5. Это подало поводъ β) къ указанію αα) пагубныхъ послѣдствій отъ любоиманія для вѣры и жизни—6—10,—и внушенію: ββ) *сихъ бѣгай*, гони же благочестіе, вѣру и проч., съ заклинаніемъ соблюсти неотложно такую заповѣдь, до пришествія Господня,—11 — 16. Послѣ сего слѣдуетъ уже, γ) чему учить богатыхъ, — именно,—чтобъ не гордились, не уповали на богатство, а употребляли сго на добрыя дѣла, *сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее*,—17—19. — Такимъ образомъ тутъ все говорится о любоиманіи въ разныхъ отношеніяхъ. Почему сочтено умѣстнымъ озаглавить сіе отдѣленіе: *чему учить богатыхъ*, почитая указаніе вредныхъ послѣдствій отъ пристрастія къ богатству и внушеніе бѣгать сего, ревновать же о всякой добродѣтели, *введеніемъ* къ тому, а указаніе недобрыхъ качествъ инако учащихся—*поводомъ*.

а).

Поводъ этотъ устроился будто печаянно. Апостоль имѣлъ въ виду только внушать—держаться здраваго ученія и бѣгать всякой инаковости въ немъ и споровъ, какъ неоднократно дѣлаетъ въ семь посланіи. Но какъ для отклоненія отъ послѣдняго самымъ лучшимъ побужденіемъ служить знаніе недоброты инакоучащихъ, то се и изображаетъ Апостоль. А одною изъ выдававшихся тогда чертъ этихъ инакоучащихъ была та, что они дѣйствовали *сквернаго ради прибытка* (Тит. 1, 11). Поставивъ въ концѣ эту черту въ словахъ: *непщующихъ приобрѣтеніе быти благочестіе*, — Апостоль за тѣмъ ведетъ уже рѣчь все о страсти къ стяжаніямъ и богатству.

Ст. 3. *Аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здоровымъ словесемъ Господа нашего Иисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію, разгортъся.*

Св. Златоустъ, какъ замѣчено, читаетъ это въ связи съ *сія учи и мом.* Такъ учи, а отъ тѣхъ, которые инако учать, отступай. Чтобъ отступалъ отъ ученія ихъ, объ этомъ св. Тимоѳею нечего было напоминать. Отступай, говорить, отъ самыхъ инакоучителей,—не связывайся съ ними, «отвращайся отъ нихъ» (св. Злат.). Потому что связись съ ними,—и пойдетъ словопрѣніе, отъ котораго никогда никакой не бываетъ пользы, а одно раздраженіе и раздоръ. Уступить тебѣ они не могутъ, потому что по гордости и самомнѣнію думаютъ, что знаютъ истину и стоятъ въ ней, тогда какъ совсѣмъ не знаютъ ея. Это самопрельщеніе и держитъ ихъ въ упорствѣ и противленіи истинѣ. И ничего съ ними не подѣлаешь. Лучше всего не связываться съ ними. Возвѣщай одну истину, — и кто есть отъ истины, послушаетъ тебя (Іоан. 18, 37). Таково содержаніе подлежащаго апостольскаго урока.

Кто эти инакоучители, Апостоль не опредѣляетъ частно, а вообще говорить: инако учать, не приступаютъ къ здоровымъ словесамъ Господа и ученію, еже по благовѣрію.

Тутъ можно разумѣть все христіанское ученіе,—и догматы, и правила жизни, и освященіе таинствами. Кто хоть въ чемъ нибудь изъ сего отстуетъ отъ словесъ Господа и здраваго ученія, содержамаго сонмомъ благовѣрныхъ, тотъ есть ипакоучитель, гордый словопритель, педостойный общенія. Почему и: *сія учи и моли* — отвоцится не къ одной покорности рабовъ, но ко всему вышеизложенному, не исключая конечно и этого.

Здравыя словеса Господа тѣ суть, о коихъ Онъ свидѣтельствовалъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 15). Они тѣже, что и Духъ Святой внушалъ Апостоламъ: ибо и Онъ имѣлъ изрекать, *елика аще услышитъ* (Іоан. 16, 13), и конечно, что ни изрекалъ, изрекалъ, какъ слышалъ. Здравыя словеса Господа совмѣщаютъ, слѣдовательно, истину, въ тайнѣ тріупостаснаго Бога сокровенную и на землю принесенную Сыномъ Божиимъ воплотившимся и распространенную среди людей чрезъ Апостоловъ Духомъ Святымъ,—истин уздравую, т.-е. чистую, безпримѣсную, непреложную. Здравы они, какъ чистую истину содержащія, и какъ здравіе душъ, приѣмлющей ихъ, подающія. Ибо истина здравіе душъ приноситъ, а ложь, хотя бы и малая, расслабляетъ се и немощною дѣлаетъ.

Ученіе, еже по благовѣрію, составляется изъ здравыхъ словесъ Господа и откровеній Духа Святаго. Оно сводитъ во едино всѣ словеса и изъ всѣхъ истинъ, ими возвѣщаемыхъ, составляетъ одно цѣлое, одинъ образъ созерцанія дѣла спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа, по благоволенію Отца. Господь многое говорилъ, многое говорили и Апостолы отъ Духа Святаго. Слышавшіе и принимавшіе слагали все въ сердцѣ своемъ, которое, какъ архитекторъ нѣкій, благодатію руководимый, и устроило тотъ образъ созерцанія дѣла спасенія. Сей образъ и совмѣщаль ученіе еже по благовѣрію. Установившись подъ вліяніемъ Апостоловъ, образъ сей вынесепъ въ сердцахъ вѣрующихъ изъ вѣка апо-

стольскаго, обновляемый и хранимый преемниками ихъ, и преданъ послѣдующимъ родамъ вѣрныхъ, отъ которыхъ другъ - другопріимательно и до насъ дошелъ. Такъ что *ученіе, еже по благовѣрїю*, есть ученіе, церковію содержимое, — тогда при Апостолахъ и теперь по преемству отъ нихъ.

По-гречески стоитъ не *благовѣріе*, а благочестіе, — τὴ κατ' εὐσεβείαν διδασκαλία. Но это не отступление отъ подлиннаго слова апостольскаго, а точнѣйшее его выраженіе. Благочестіе есть сердечное отношеніе къ Богу. Жизнь по благочестію есть жизнь въ страхѣ Божіемъ, во славу всесвятаго имени Его; ученіе по благочестію есть ученіе, содержимое по несомнѣнной вѣрѣ слову Бога истины. Такое содержаніе истины есть воистину благовѣріе, — и оно только одно и есть таково.

Ст. 4. *Разгордѣся, ничтоже вѣдый, но недугуяй о стяжанїихъ и словопренїихъ: отъ нихже бываетъ зависть, рвеніе, хулы, нещеванїя лукава.*

Разгордѣся. Это тотъ, кто не приступаетъ къ словесамъ Господа, или криво толкуетъ ихъ. Богъ говоритъ и даетъ законоположенія, а тварь не слушаетъ или слушая толкуетъ слышанное не по Божіему, а по своему, подвергая Божіе осужденію, какъ неудобное себѣ. То и другое дѣйствіе выражаютъ: отойди, путей твоихъ вѣдать не хочу. Такъ говорятъ въ лице Богу не грѣшники только, но паче еретики, инакоучители. Не гордость ли это? Это верхъ гордыни, — сатанинская гордость, которою обычно и преисполнены всѣ инакоучители. И естественно; ибо, не внемля слову Божію, они уму только своему послѣдуютъ, а умъ кичить. Кичливы и всѣ инакоучители, хотя они прикрываются иногда очень смиреннымъ видомъ, — овечью одеждою, волцы суще. Τετοῦφωται, — надмился, говоритъ Апостоль, какъ мыльный пузырь. Мыльный пузырь кажется чѣмъ-то, а на дѣлѣ ничего прочнаго въ себѣ не имѣетъ. И инакоучитель, не сообразующійся ни съ прямымъ

словомъ Божіимъ, ни съ ученіемъ церкви, которая есть столпъ и утверженіе истины, построивъ умомъ своимъ свою систему ученія о спасеніи, носится съ нею, мечтая въ самопрельщеніи, что вотъ наконецъ онъ постигъ истину, которой другіе не знаютъ. И кичить. А между тѣмъ явно, что не знаетъ истины, а уклонился въ ложь. Ложь утверждаетъ, что есть то, чего нѣтъ. Почему хотя она выставляетъ себя знаніемъ и другимъ можетъ представляться такою, на дѣлѣ ничего не знаетъ,—пузырится только, будто знаетъ. Апостоль и отмѣчаетъ, что инакоучащій *разгордѣся, ничтоже вѣдытъ*. Положите, что кто нибудь отвелъ бы вамъ глаза, и кучу сора представилъ вамъ кучею золота. Видѣлась бы вамъ куча золота, а на дѣлѣ все же это куча сора. Такова всякая система инакоучителей; кажется блестящею, какъ золото, истиною,—на дѣлѣ же есть сборъ мечтаній, не содержащихъ истины. И можно положить за признакъ, что, коль скоро съ какими-либо умовыми построеніями вяжется кичливое самоиѣніе, знай, что тутъ ложь кроется, что это не есть постиженіе истины, а мечта, ничего-невѣдѣніе. Св. Златоустъ говоритъ: «слѣдовательно намъ случается воспаляться гордостію не отъ знанія (истины), а отъ незнанія (ея); потому что тотъ, кто знаетъ ученіе, согласное съ благочестіемъ, болѣе всѣхъ умѣетъ смиряться; тотъ, кто наставленъ въ здоровомъ ученіи, не бываетъ одержимъ сею болѣзнію (гордости). Слѣдовательно можно знающему что-нибудь (думающему, что знаетъ), не знать ничего (какъ должно); ибо тотъ, кто не знаетъ того, что должно, ничего не знаетъ».

Какъ инакоучитель, свою построивъ систему ученія, дмится ею, то не можетъ терпѣть несообразнаго съ нимъ, почитая то оскорбленіемъ для себя въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ и униженіемъ своего высокодержимаго учительства. Оттого всюду заводитъ совопросничества и словопренія; спорливость ярая сопровождаетъ его и идетъ

по слѣдамъ его. Это далѣе и выставляетъ на видъ свят. Павелъ: *и недугуяй о стязаніихъ и словопреніихъ. Стязанія*,—ζητησεις, изысканія,—расположеніе вопросовъ,—что это, отъ чего то, какъ есть вонъ то, и под. И пошли толки, коимъ конца не жди. *Словопренія*,—λογομαχιαи,—война изъ-за словъ. Такъ какъ инакоучитель предлагаетъ, какъ истину, что не есть таково, то-есть чему не отвѣчать дѣйствительность, то его рѣчь ничего существеннаго не содержитъ, а есть наборъ словъ,—и защищая себя, онъ не другое что дѣлаетъ, какъ прит-ся о словахъ,—словопреніемъ недугуетъ. Говоря: *недугуяй*, Апостоль даетъ мысль, что у инакоучителя царить въ душѣ неутолимый позывъ къ спорамъ. Эта спорливость у него сидитъ внутри, какъ болячка какая. И онъ все спорить. — У Апостоловъ же было правиломъ — не заводить споровъ: *мы*, говорить, *такого обычая не имѣемъ* (1 Кор. 11, 16). И св. Титу и св. Тимоѳею пишетъ св. Павелъ—не вдаваться въ споры. Скажи, или засвидѣтельствуй истину—и довольно. Кто отъ истины, послушаетъ. Кто же не отъ истины, съ тѣмъ сколько хочешь спорь, пичего съ нимъ не сдѣлаешь.—Споръ—отъ безпокойства за стойкость мысли; безпокойство же это отъ неубѣжденія во вседовлѣтельности основаній ея. Апостолы прямо отъ Бога получили истину, и упокоевались непоколебимо въ вѣрѣ ей. И доводовъ особыхъ къ утвержденію истины для нихъ не требовалось. И для другихъ они не изобрѣтали ихъ, а только излагали то, что внушалъ имъ Богъ Духъ Святый.—Этого недостаетъ инакоучителямъ; они и спѣшать восполнить то шумомъ словъ. — Что дѣлали Апостолы, тоже доселѣ дѣлается и въ церкви: предлагаетъ она *ученіе еже по благовѣрїю*, какое приняла отъ Бога чрезъ Апостоловъ и какое хранила и хранить. Кто отъ истины, слушаетъ; кто не отъ истины, идетъ прочь. Видитъ сіе церковь, но споровъ не поднимаетъ, а только молится. Свят. Златоустъ говоритъ: «слѣдовательно—со-стязаніе есть недугъ. И справедливо. Ибо душа тогда занимается изслѣдованіемъ, (ζητησεις,—стязаніемъ), когда

она разжигается (какъ огневицею) помыслами, когда они обуреваютъ ее (т.-е. когда она больна); а когда она находится въ здоровомъ состояніи, тогда не изслѣдуетъ, а почиваетъ въ вѣрѣ. Посредствомъ изслѣдованія и споровъ ничего нельзя найти. Ибо когда изслѣдованіе приступаетъ къ разъясненію того, что возвѣщается одною вѣрою, тогда оно и не открываетъ сего, и не даетъ его уразумѣть; подобно тому, какъ еслибы кто, смеживъ глаза, сталъ искать что-нибудь, что ему желательно найти, то не могъ бы (успѣть въ этомъ). Такъ безъ вѣры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны раздаться споры». «Гдѣ нѣтъ вѣры, продолжаетъ Теофилактъ, тамъ все больно, тамъ только разгорается война словесная (изъ-за словъ) и больше ничего,—при чемъ болѣе искусный въ препреніяхъ напрягается низвергнуть другаго. Вѣра есть око; не имѣющей очей ничего не находить, а только ищетъ».

Ничего не зная, думается, яко всезнающій, и недугуетъ спорливостію: такова характеристика инакоучителя. Какой теперь плодъ отъ этого? *Отъ нижже* (стязаній и словопреній) *бываетъ зависть, рвеніе, хулы, нещеванія лукава.* Все это видится во всякомъ словопревнн. *Зависть* завидуетъ, что другой взялъ верхъ. Она сопутствуется *рвеніемъ*,—*ερις*,—ретивостію, вызывающею напряженное усиліе не дать другому себя опередить или взять надъ собою верхъ, и взяшаго верхъ опять низвергнуть долу подъ себя. Отъ сей ретивости—жаръ спора; въ жару же спора невольно вырываются *хулы и нещеванія лукава.* *Хулы*: хулятъ другъ друга за обороты рѣчи, непослѣдовательность, за невѣдѣніе фактовъ и сторонъ дѣла, за неточное пониманіе свидѣтельствъ, и под. Это больше всего разгорячаетъ раздраженіе, и поселяя раздоръ и вражду, пресграждаетъ для истины всякій входъ въ душу. Но при этомъ простая хула не можетъ не отдаваться и богохульствомъ. Ибо спорящій инакоучитель идетъ противъ истины,—и истины Божіей, слѣдовательно противъ Бога. Почему, хуля истину Божію, Бога хулить. А то не-

дивно, что и прямо противъ Бога проторгнется какая либо хула, относительно, напимѣрь, устройства спасенія, св. таинствъ и вообще промышленности. *Непщеванія лукава*,—*υπονοιαι τουνηριαι*. *Υπονοιαι*—подозрѣнія, подбѣгающія и подкрадывающіяся мысли: и въ самомъ дѣлѣ не такъ ли? Инакоучитель не щадитъ совѣсти несогласнаго съ нимъ, а сыплетъ безщадно фразами, все болѣе и болѣе рѣзкими. Между ними недивно найтись и такимъ, которыя оставляютъ впечатлѣніе и породятъ колебаніе, не такъ ли. Это не такъ ли, какъ заноза, войдетъ въ сердце и омрачить покой вѣры и свѣтлость состоянія душевнаго. Вотъ случай. Молодой инокъ посланъ куда-то старцемъ. На дорогѣ присталъ къ нему еврей и завелъ споръ въ защиту еврейства, кончившійся тѣмъ, что инокъ сказалъ: можетъ быть и такъ. Когда онъ воротился домой, старецъ увидѣлъ его мрачнымъ, какъ сажа. Можетъ быть и такъ,—было у него непщеваніе лукавое, и вотъ что произвело. Какъ лукавое, отъ лукаваго, мрачнаго происходящее, мракомъ всю душу его и тѣло преисполнило, конечно потому, что привело внутрь и самаго лукаваго—мрачнаго.—Почивай въ вѣрѣ, бѣгая всякихъ споровъ, и избѣжишь отъ подобной бѣды. Непщеванія лукавыя будто ничего, какъ легкое движеніе воздуха. Такъ кажется; на дѣлѣ же это настоящая язва, требующая врачеванія. Они тоже въ дѣлѣ вѣры, что занявшіе сердце помыслы въ дѣлѣ жизни. Какъ послѣдніе или изгоняются борьбою, или ввергаютъ въ паденіе, такъ и въ отношенія къ первымъ или бороться надо спѣшно, возстановляя пунктъ вѣры, противъ котораго они направлены, или, не дѣлая этого, неизбѣжно подпасть ихъ власти и уклониться отъ истины. Такъ распространяются всѣ заблужденія и совершаются всѣ отпаденія отъ вѣры.

Ст. 5. *Бесѣды злыя растлѣнныхъ чловѣковъ умомъ и мшленныхъ истины, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе. Отступай отъ таковыхъ.*

Бесѣды злыя,—*παρὰδιδασκαλῆαι*.—*Διδασκαλῆαι*,—препровожденіе

времени, наполненіе его какимъ либо занятіемъ, отсюда бесѣды, разсужденія и рѣчи. *Παραδιатριβη*,—все это въ худомъ смыслѣ,—препровожденіе времени пустое, бесѣды не о добромъ и не къ добру ведущія, разсужденія и рѣчи, чуждая истины. *Бесѣды злыя* есть точное выраженіе сего слова. Здѣсь разумѣется не самый спортъ, а черта его, или слѣдствіе и соприкосновенность. Споръ ведомый инакоучителями—пустое и зловредное препровожденіе времени; зловредное потому, что, какъ предъ симъ сказано, онъ раждаетъ *непщеванія лукавая*. *Διατριβη* отъ *τριβω* — тру. Ведущіе бесѣду взаимно трутся. Но треніе отъ здороваго здоровье укрѣпляетъ, по крайней мѣрѣ не разстроиваетъ; а треніе отъ больнаго можетъ сообщить болѣзнь и заразить. Такъ и здѣсь, — потрись бесѣдою съ инакоучителемъ,—можешь заразиться его инакоученіемъ и заболѣть зловѣріемъ. По свят. Златоусту слова: *бесѣды злыя* имѣютъ у Апостола такой смыслъ: «подобно тому, какъ овцы, будучи заражены чешоткою, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ здоровыми, и имъ сообщаютъ свой недугъ; такъ и эти злые люди». У бл. Теодорита читаемъ: «отступившіе отъ истины (инакоучители) и послѣдующіе собственнымъ своимъ помысламъ покушаются учить ненадлежащему. — Отсюда рождаются *непщеванія лукавая*, а отъ нихъ происходитъ какая-то пагубная болѣзнь, заражающая ближнихъ. Сіе означаютъ слова: *бесѣды злы*. Ибо какъ больныя овцы, пасущіяся вмѣстѣ съ здоровыми, сообщаютъ имъ болѣзнь, такъ и эти люди ближнихъ своихъ наполняютъ заразою». Экуменій прямо выражается: «*бесѣды злыя*,—переданіе болѣзни злыхъ догматовъ,—метафора взятая отъ паршивыхъ овецъ». «Какъ паршивыя овцы, поясняетъ его Теофилактъ, трясъ между здоровыми, заражаютъ и ихъ своєю болѣзнію; такъ и инакоучители, потираясь бесѣдами своими, *παραδιатριβόμενοι*, — съ другими, растлѣваютъ ихъ (умы и сердца своимъ зловѣріемъ)».

Потому отъ нихъ такой плодъ, что они сами *растлѣны* умомъ. Таковы всѣ не приступающіе къ здоровымъ

(—не испорченнымъ кривотолкованіемъ) словесемъ Господа и ученію благовѣрно содержимому и хранимому церковію. Умъ ихъ, принявъ ложныя начала и положенія, или догматы, растлился и ихъ растлилъ. Сами виноваты. Зачѣмъ уму своему поблажили взяться за то, что ему не подѣ силу. Слѣдовало, подклонивъ его подѣ иго вѣры, заставить его покорно принять открытое и преданное, изучить то и усвоить; а они позволили ему изобрѣтать и сочинять самую вѣру. Опъ и напуталь; но принявъ за несомнѣнную истину свое изобрѣтеніе, онъ растлился самъ и ихъ растлилъ: и стали они *человѣки растлѣнные умомъ*, растлѣніемъ своимъ заражающіе и другихъ. Чего другаго и ожидать отъ нихъ? *Благій человѣкъ отъ благаго сокровища износитъ блага: и лукавій человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (Матѣ. 12, 35).

Растлѣнны они умомъ, потому что *лишены истины*. Въ этомъ причина растлѣнія ума. Какъ содержаніе истины есть здравіе ума, такъ лишеніе истины есть болѣзнь его и растлѣніе; подобно тому, какъ содержаніе и храненіе заповѣдей есть здравіе воли, а уклоненіе отъ нихъ болѣзнь и растлѣніе ея,—и какъ сочувствіе къ божественному и небесному, вкусъ въ томъ и услажденіе тѣмъ есть здравіе сердца, а лишеніе такого сочувствія, вкуса и услажденія есть болѣзнь его и растлѣніе. Тутъ бываетъ тоже, что напимѣрь съ ягодами. Оставь ихъ, какъ есть, онѣ скоро попортятся и истлѣютъ: но переполни ихъ сахаромъ, черезъ варку въ растворѣ его, онѣ приобрѣтаютъ силу противостоятъ растлѣнію. Такъ умъ, оставленный какъ есть, скоро портится, а переполни его истинною,—и истина сообщитъ ему крѣпость и силу противостоятъ всякому растлѣнію. Лишеніе истины пораждаеть въ умѣ два зла,—или мракъ невѣдѣнія, или растлѣніе зловѣріемъ. И то худо, а это еще хуже. Мракъ, лишеніе свѣта причиняеть замираніе и даже смерть: ибо ничто живое не можетъ жить безъ свѣта,—вещественное безъ вещественнаго, духовное безъ духовнаго. Уму свѣтъ —

истина; безъ ней онъ замираеть, или замороженнымъ бываетъ. Зло великое; но о замороженномъ можно имѣть надежду, что отойдетъ, очнется и оживеть. Раствлѣнный же зловѣремъ не подаетъ такой надежды. Онъ поврежденъ внутреннѣйше и существенно; потому можетъ быть возвращенъ къ здоровію, свойственному ему по естеству, только силою Божіею, сотворившею естества, то-есть только будучи перетворенъ особенною Божіею благодатію.

Непшующихъ приобрѣтеніе быти благочестіе.—*Приобрѣтеніе*,—*παιδαγωγία*. Παιδαγωγία — имѣнье вдоволь всѣхъ потребъ жизненныхъ; *παιδαγωγία*—приобрѣтеніе сихъ потребъ, и способы къ тому. Подъ *благочестіемъ* разумѣется вѣра вообще. Они, говорятъ, вѣру почитаютъ средствомъ къ приобрѣтенію, превращаютъ ее въ такое средство. Это верхъ растлѣнія умственного и нравственного. Вѣры тутъ уже нѣтъ, тѣмъ паче нѣтъ благочестія или сердечнаго настроенія въ духѣ вѣры. Между тѣмъ хлопоты у нихъ все о вѣрѣ,—и хлопоты усиленныя, такъ что дѣло сіе не обходится безъ споровъ. Не отсюда ли и споры?—Какъ торгаши спорятъ при продажѣ изъ желанія увеличить прибыль, такъ и эти инакоучители всюду заводятъ споры, потому что иначе нельзя имъ будетъ добыть что-либо, и имъ придется голодать. «Эти спорники, пишетъ бл. Теофилактъ, привлекая къ себѣ учениковъ, пользуются ими, и все больше и больше подвизаются въ спорахъ, чтобъ все болѣе и болѣе ихъ привлечь къ себѣ», — конечно чтобъ больше и приобрѣтать отъ нихъ.

Отступай отъ таковыхъ. «Не сказалъ: схватывайся съ ними и борись, но: *отступай*,—т.-е. *по первомъ и второмъ наказаніи* (Тит. 3, 10). Ибо тѣхъ, которые бьются изъ-за прибыли и денегъ, когда и чѣмъ можно убѣдить» (Теоф.)? «Иначе не убѣдишь ты таковыхъ, какъ если дашь имъ; но и этимъ не насытишь ихъ жажды приобрѣтенія. *Око михоимца*, говоритъ Писаніе, *не насытится части* (Сир. 14, 9). Поэтому отъ нихъ, какъ отъ неисправимыхъ, надобно отвращаться» (св. Злат.).

β).

Указаніе послѣдней недоброй черты въ ипакоучителяхъ дало свят. Павлу поводъ предложить нужныя внушенія противъ любостяжанія. Здѣсь онъ α) изображаетъ пагубныя послѣдствія отъ заботъ о стяжаніяхъ, опредѣливъ напередъ мѣру потребъ и указавъ источникъ довольства ею (—6 — 10); а затѣмъ ββ) дѣлаетъ соотвѣтственное сему предмету обращеніе къ св. Тимоѳею (—11—16).

αα).

Ст. 6. *Есть же снисканіе велие благочестіе съ довольствомъ.*

Снисканіе, — опять *πρόσθεσις*, — приобрѣтеніе, имѣніе потребнаго, обладаніе имъ. *Благочестіе* — истинная вѣра съ настроеніемъ сердца въ духѣ вѣры и соотвѣтственно тому жизнию. Такое, говоритъ, благочестіе само по себѣ есть уже снисканіе потребъ, или оно съ собою приноситъ обладаніе потребнымъ, не потому чтобы давало богатство, а потому что такъ настроиваетъ человѣка, что онъ чувствуетъ себя совершенно удовлетвореннымъ относительно тѣлесныхъ потребъ, довольствуясь тѣмъ, что имѣеть. Какъ благочестіе настроиваетъ его быть довольнымъ тѣмъ, что имѣеть, то этимъ самымъ погашаетъ всякій позывъ къ стяжаніямъ. Человѣкъ благочестивый богатъ потому, что доволенъ всѣмъ и нечувствуетъ ни въ чемъ недостатка, какъ напротивъ богача слѣдуетъ считать бѣднымъ, когда онъ чувствуетъ, что ему все еще многого недостаетъ. Слова: *благочестіе съ довольствомъ* не такую имѣютъ мысль: благочестіе съ имѣніемъ достаточнаго количества потребъ, хотя и ее можно допускать, но такую: благочестіе съ чувствомъ довольства, когда благочестіе до того исполняетъ сердце человѣка, что по духу его онъ чувствуетъ себя довольнымъ. «Тѣ (— ипакоучители, спорщики) злѣ *непещуютъ приобрѣтеніе быти благочестіе*» (Θσοφ.), — «потому что они притворно облакаются

въ одежду благочестія, чтобъ имѣть въ немъ средство къ стяжаніямъ» (Экум.). «И въ благочестіи есть снисканіе, но не такъ, какъ тѣ полагаютъ, а гораздо выше. Въ немъ снисканіе не тогда, когда имѣешь, а когда не имѣешь: ибо оно научаеъ доволъству. А доволъство есть великое и прочное богатство» (Теоф.). «Благочестіе такимъ образомъ само въ себѣ есть истинное стяжаніе; потому что доволъствуется тѣмъ что есть и не ищетъ избыточества. Или (такъ можно разумѣть) благочестіе есть снисканіе, потому что при немъ не ищутъ изобилія, а удовлетворяются имѣніемъ пужнаго вдоволь» (Экум.).

Такъ духъ благочестія, дѣлая доволънымъ и слѣдовательно богатымъ, погашаетъ жажду стяжаній. Но къ этому же можетъ приводить всякаго и естественное разсужденіе. Какой смыслъ иждивать на это заботу и труды, когда ничего съ собою не возьмешь отсюда?

Ст. 7. *Ничтоже бо внесохомъ въ міръ сей, явъ, яко ниже изнести что можемъ.*

«Это говорилъ и блаженный Іовъ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матери моей, нагъ и отыду,* — Іов. 1, 21» (Теоф.). «Такимъ образомъ если мы ничего не принесли и ничего не вынесемъ, то какая нужда заботиться имѣть больше чѣмъ нужно» (Экум.)? Инако учителя такъ болятъ любоиманіемъ, что даже благочестіе обращаютъ въ средство къ тому. И этимъ обличаютъ паче слабость и растлѣніе ума. Ибо еслибъ здравъ у нихъ былъ умъ, не стали бы они такъ заботиться о вещественныхъ стяжаніяхъ. Ибо «такого рода пріобрѣтеніе ничего не значить, какъ видно изъ того, что оно остается здѣсь и не переселяется вмѣстѣ съ нами (въ другой міръ) и не сопутствуетъ намъ туда. Мы пришли въ этотъ міръ не имѣя ничего и оставимъ его, тоже ничего не имѣя. Потому что твореніе раждается нагимъ и нагимъ отходить. Слѣдов. намъ не нужно ничего лишняго, если мы ничего не принесли съ собою и отойдемъ ничего неимѣя» (св. Злат.). «Напрасно смертные люди стараются копить имущества

и стремятся быть богатыми,—открытымъ гласомъ возвѣщаетъ Апостоль, когда знаютъ, что ничего (неотъемлемо) собственнаго не могутъ стяжать въ мірѣ семь. Къ чему служить человѣческая жадность, кромѣ развѣ что она сама себѣ вражествуетъ? Никѣмъ ничего не вносится въ міръ, и ничего вынесено быть не можетъ. Къ чему же навязывать себѣ бремя заботъ и искать собранія богатствъ? Такимъ же выйдешь, какимъ пришелъ. Чтѣ и Іовъ пишетъ, такое исповѣдуя убѣжденіе свое: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду тамо... буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21). Еслибъ скупцы не удерживали накопленнаго для себя однихъ на пагубу себѣ, то и немногіе изъ нихъ сколь многимъ могли бы доставить пользу, съ пользою вмѣстѣ и для себя самихъ» (Амвр.)!

Ст. 8. *Имуще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ.*

Скажетъ кто: хотя ничего не приносимъ сюда и ничего не вынесемъ отсюда; но жить однакожъ надо, пока мы здѣсь. А чтобы жить, надо имѣть пищу, имѣть одежду. Слѣдовательно нельзя обойтись безъ того, чтобы не имѣть.—Но только, говорить, Апостоль и нужно имѣть. Есть пища, есть одежда,—и довольно. «Онъ опредѣляетъ здѣсь, въ чемъ должно полагать довольство, о коемъ поминалъ» (Ософ.). «Надобно питаться тѣмъ и въ такой мѣрѣ, что и сколько нужно для насыщенія; надобно одѣваться тѣмъ, что можетъ только защитить насъ отъ непогоды и прикрыть наготу; а это исполнить можетъ и простая одежда. Лишняго ничего не должно быть» (св. Злат.). «Вкушай то, что питаетъ, а не гортань только услаждаетъ, и одѣвайся тѣмъ, что наготу прикрываетъ и защищаетъ, а не тѣмъ, что изнѣживаетъ и тщеславить. Таково значеніе словъ *пищи* и *одѣянія*» (Экум.). Впрочемъ *одѣяніе*—*σκαπασματα*, можетъ содержать подъ собою не одну одежду, но и кровь. Мысль Апостола: ограничиваться въ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей тѣлесныхъ самонужнѣйшимъ, чтобы забота о томъ не томила головы и сердца.

Указавъ такимъ образомъ естественность для христiанина, разумность и удобоисполнимость нестяжательности, Апостоль въобразаетъ ярко пагубныя для вѣры и добродѣтели послѣдствiя любостыжанiя.

Ст. 9. *А хотящiи богатитися, впадаютъ въ напасти и сѣть и въ похоти многи несмысленны и вреждающiя, яже погружаютъ чловѣчки во вселубительство и пагубу.*

Укоръ не вообще богатство имѣющимъ, по пристрастнымъ къ нему, жаждущимъ его, гоняющимся за нимъ и употребляющимъ его только въ свое собственное удовольствiе и удовлетворенiе своихъ пожеланiй и страстей. Возможно и обладанiе богатствомъ безукоризненно, и пользованiе имъ похвально, — относительно чего ниже и даетъ Апостоль уроки, — ст. 17 и д. Почему сказалъ: *хотящiи βουλομενοι*, — обладаемые желанiемъ, непрестанно имъ влекомые и свѣдаемые. «Не сказалъ просто: богатящiеся (обладающiе богатствомъ), но: *хотящiе богатитися*. Ибо если кто получивъ богатство отъ предковъ распоряжается имъ по божественнымъ законамъ, то онъ свободенъ отъ обвиненiя» (Θεοδ.). «Не тѣхъ, которые, имѣя стяжанiя, хорошо распоряжаются ими, не пристращаясь къ нимъ и раздавая ихъ бѣднымъ, обличаетъ Апостоль, а тѣхъ, которые жаждутъ приобрѣтенiя» (свят. Злат.). «Иждивать достоянiе на бѣдныхъ не есть дѣло хотящихъ богатиться» (Θεοφ.). «Такiе не стануть раздавать другимъ, боясь, что самимъ не достанетъ на удовлетворенiе своихъ пожеланiй» (Экум.).

Впадаютъ въ напасти и сѣть, — ες πειρασμον και παγιδα, — въ искушенiе и сѣть. Искушенiе есть такое стеченiе случайностей, которое сильно раздражаетъ позывъ на какой-либо грѣхъ и будто противъ воли влечетъ къ нему. Это же и сѣть есть. Но сѣть можетъ означать и осѣченiе или вплетенiе въ грѣшныя дѣла, такъ что хочешь-не хочешь, а грѣши: такъ дѣла настроились и сплелись. Гоняющiйся за богатствомъ того и другаго обо-

браться не можетъ. У него поминутно случаи — покрыть душою сквернаго ради прибытка и поправить законы правды и любви, внушаемыя совѣстію; когда привыкнетъ къ такому образу дѣйствованія, то дѣлается имъ опутанъ какъ сѣтью, выступить изъ которой не можетъ. «Кто родившись отъ бѣдныхъ и жадно домогаясь богатства, употребляетъ всякій способъ къ пріобрѣтенію, не зная сытости этому вождельнію,—тотъ идетъ по сѣтямъ грѣха» (Θеод.). Апостоль не сказалъ: подвергаются искушенію, а: *падаютъ*. Т.-е. искушеніе всегда одолеваетъ ихъ; какъ только представится иекусительный случай, они падаютъ подъ искушеніемъ, не могутъ противостать ему.

Но можно разумѣть здѣсь не одни нравственныя искушенія и сѣти, но и внѣшнія, житейскія,—разныя непріятности и затрудненія. И ихъ много у гоняющагося за богатствомъ:—дома опасности отъ воровъ и огня, въ дорогѣ—напасти отъ разбойниковъ, въ сдѣлкахъ—сопротивленія, въ теченіи дѣлъ непредвидѣнныя разстройства и под. Св. Златоустъ говоритъ: «въ какія кскушенія и сѣтипадаютъ хотящіе богатиться?—Въ такія,—что это удаляетъ ихъ отъ вѣры, приводитъ на путь заблужденія, окружаетъ опасностями и лишаетъ покоя». Такъ и бл. Теофилактъ: *падаютъ въ искушеніе и сѣть*, такъ какъ и противъ вѣры (и заповѣдей) погрѣшаютъ, и опасностями окружены бываютъ изъ-за богатства, и всѣхъ боятся». Эту же мысль выражаетъ и нашъ славянскій переводъ: *падаютъ въ напасти*.—И незаконно устранять такую мысль. Послѣдующія слова, служа объясненіемъ сихъ словъ, говорятъ и о внутреннихъ и о внѣшнихъ вредныхъ послѣдствіяхъ любостязанія,—кои суть искушенія и сѣти.

И въ похоти многи несмысленны и враждающія.—*Похоти*—всякаго рода пожеланія самоугодія, наперекоръ совѣсти и явнымъ заповѣдямъ Божиимъ. Потому онѣ, по природѣ своей, несмысленны и вредны. Похотей смысленныхъ и безвредныхъ нѣтъ. Всѣ онѣ безсмысленны и

пагубны и для души и для тѣла, только въ разныхъ степеняхъ. Когда Апостоль говоритъ: *впадаютъ въ похоти, разумѣть: подчиняются имъ, живутъ по нимъ, онѣ—законъ для нихъ.* «Текущее богатство ввергаетъ въ непотребныя похоти, потому что доставляетъ къ тому способны» (Экум.). Какія именно похоти, Апостоль не перечисляетъ; но онѣ сами собою естественно выказываются въ тѣхъ, кои, не какъ слѣдуетъ, пользуются богатствомъ: ѣсть, пить, валяться въ плотскихъ грѣхахъ, обижать, тщеславиться, властолюбовствовать, всегда на своемъ поставлять, хотъ и не правое, и под. Свят. Златоустъ такъ изображаетъ несмысленныя и вредныя похоти богатыхъ: «какъ не назвать безсмысленною страстію, когда эти люди (богатые) держатъ у себя дурачковъ и карликовъ, не изъ челоѡбколюбія, а для удовольствія,—когда въ своихъ дворцахъ устрояютъ водоемы для рыбъ, когда содержатъ дикихъ звѣрей, когда занимаются собаками, когда украшаютъ копей и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о дѣтяхъ? Все это безсмысленно и излишне, совершенно не нужно и бесполезно.—Какія страсти бываютъ вредны? Когда люди разжигаются безпутною любовію, когда ищутъ имущества своихъ ближнихъ, когда стремятся къ наслажденію, когда предаются пьянству, когда жаждутъ убійства и гибели другихъ».

Яже погружаютъ челоѡпки во всегубительство и пагубу. Это конецъ удовлетворенія несмысленныхъ и вредныхъ похотей. Любитель богатства, пока богатится, хотя тоже живетъ по похотямъ, но все еще умѣряетъ ихъ, чтобъ разливомъ ихъ не помѣшать притеченію богатства; но когда разбогатѣтъ, ужъ не можетъ совладать съ собою и вдается во всю широту похотѣній своихъ. Кончается это всегубительствомъ и пагубою.

Всегубительство,—ολεθρος,—всебѣдственность; *пагуба,—απολεια,*—погибель,—«и здѣшняя и будущая» (Θεοφ.),—и временная и вѣчная. «Хорошо сказалъ: *погружаютъ,* акъ что и подняться на верхъ становится для нихъ не-

возможнымъ» (Св. Злат.) Полное разстройство здѣсь и конечная пагуба тамъ. «Они кончаютъ жизнь, претерпѣвая тревоженія и крушенія» (Θεод.); и туда переходятъ не на лучшее, такъ что «любоиманіе здѣсь не безопасно, и въ будущемъ предается осужденію» (Амвр.).

Ст. 10. *Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, егже нѣцыи желающе заблудиша отъ вѣры, и себе привоздиша болѣзнемъ многимъ.*

Сребролюбіе — корень всѣхъ золъ; потому что даетъ способы жить по похотямъ, которыя недобры и не ведутъ къ добру, какъ сказано предъ симъ, и потому что для удовлетворенія сей страсти, обладаемый ею, не задумываясь, готовъ бываетъ «на всякое злодѣяніе, на всякое преступленіе и непотребство, и дѣйствительно совершаетъ ихъ» (Амвр.). «Изъ сего корня прозябаютъ убійства, чародѣянія, хищенія, ложь, нарушеніе, клятвы и всѣ роды преступленій» (Θεод.). «Не щадитъ оно живыхъ, не щадитъ и мертвыхъ, но и ихъ грабитъ; возстаетъ на родителей и братій, и Божіе достояніе святотатственно крадетъ. Изгони сребролюбіе—и не будетъ ни войны, ни вражды, ни блуда; ибо блудница изъ-за денегъ отдаетъ себя непотребству» (Θεοφ.).

Егже нѣцыи желающе,—*ορεγομενοι*,—такъ неудержимо, какъ неудержимо томимый жаждою жслаетъ воды,—*заблудиша отъ вѣры*,—*απεπλανηθησαν*,—соступили съ прямого пути вѣры и пошли иною дорогою,—не вооружаясь противъ вѣры и даже не отрекаясь отъ нея гласно, уклонились отъ ней, сами того не замѣчая. Все вниманіе ихъ было поглощено стяжаніями,—и они шли, куда вела сія страсть, не помышляя о вѣрѣ, и шедши такъ, прошли мимо вѣру и пришли туда, гдѣ и слѣда не осталось вѣры, ни въ образѣ возрѣній на вещи, ни въ образѣ чувствъ, настроеній и жизни. Свят. Златоустъ говоритъ: «хорошо сказалъ Апостоль: *απεπλανηθησαν*. Потому что сребролюбіе, привлекая къ себѣ ихъ глаза и понемногу закрывая ихъ, не позволяетъ имъ видѣть пути (вѣры). Какъ че-

ловѣкъ, который идетъ прямою дорогою, устремивъ мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается впередъ, однако, не замѣчая сего, проходитъ мимо того предмета, къ которому спѣшилъ, — потому что незамѣтно и безсознательно его увлекаютъ ноги его: такъ пѣчто подобное сему есть и сребролюбіе (причиняетъ сребролюбіе, когда привлекши къ себѣ очи душевныя, дѣлаетъ то, что обладаемый имъ мимоходить вѣру). Настроеніе сердечное у сребролюбца несообразно съ вѣрою: вѣра повелѣваетъ уповать на Бога, а онъ уповаетъ на богатство; вѣра запрещаетъ высокоумдрствовать, а онъ высокоумдрствуетъ (ниже ст. 17); вѣра не велитъ похотствовать, а онъ распложаетъ похоти, и проч. Такимъ образомъ сребролюбіе самымъ вселеніемъ своимъ въ сердце дѣлаетъ то, что любитель его мимоходить вѣру. «Ибо любитель стяжаній какъ будетъ вѣровать Евангелію, вводящему нищету (— любовь къ ничего-неимѣнію)? Невозможно это» (Теоф.).

Но отъ сребролюбія бываетъ не такое только сердечное уклоненіе отъ вѣры, но и видимое отступленіе отъ нея, или отреченіе, когда изъ-за вѣры приходится много терять въ производствѣ стяжаній. Любитель ихъ и отступаетъ отъ вѣры, чтобъ не лишиться ихъ. Вѣрно, въ многолюдномъ и нескудномъ богатыми Ефесѣ бывали такіе опыты. Апостоль ими и пользуется для очевиднѣйшаго представленія зловредности сребролюбія.

И себе привождиша болѣзнемъ многимъ. Болѣзнемъ, — обузденіемъ, — болѣзнованіямъ, прискорбностямъ, чувствительнымъ очень безпокойствамъ. «О двухъ вредныхъ слѣдствіяхъ (сребролюбія) упоминаетъ Апостоль (отступленіи отъ вѣры, и узавленіи себя болѣзнованіями); но то, которое казалось для нихъ болѣе тяжкимъ, онъ поставляетъ здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ, то-есть — привождиша себе болѣзнемъ. И этого нельзя иначе узнать никому, какъ только живя близъ богатыхъ. Сколько они плачутъ, сколько они рыдаютъ (св. Злат.)!» «Страсть къ обогащенію не только препятствуетъ соблюдать должныя отношенія къ

Богу въ вѣрѣ, но и самихъ любителей своихъ чувствительно уязвляетъ заботами, отнятіемъ сна, страхами» (Экум.). *Привоздиша, — περιεπειραν, —* уязвили, пронзили. Св. Златоустъ говоритъ посему: «видишь ли, на что онъ намекаетъ, говоря: *περιεπειραν*? То, что онъ хочетъ выразить этимъ оборотомъ рѣчи, имѣетъ такой смыслъ. Страсти суть терніе, и подобно тому, какъ терніемъ, съ какой бы стороны ни прикоснуться къ нему, всякій до крови уязвляетъ себѣ руки и причиняетъ на нихъ раны: такъ и отъ страстей будетъ терпѣть тоже самое всякій, кто подчинится ихъ власти, — онъ душу свою подвергнетъ страданію. Скажи мнѣ, сколько имѣютъ заботъ, сколько огорченій тѣ, которые бываютъ ими уязвлены! Того даже высказать нельзя».

Сдѣлаемъ небольшую выписку и изъ бесѣды св. Златоуста, держанной по истолкованіи предыдущихъ текстовъ. «Будемъ избѣгать сего корня золь (сребролюбія), — и избѣгнемъ всякаго зла. Ибо какое зло не отъ денегъ происходитъ, или правильнѣе говоря, не отъ денегъ, а отъ злаго произволенія тѣхъ, которые не умѣютъ пользоваться ими? Потому что деньгами можно пользоваться какъ слѣдуетъ, можно, при ихъ содѣйствіи, наслѣдовать царствіе. Но нынѣ то, что дано намъ для вспоможенія бѣднымъ, для прославленія Бога и благоугожденія Ему, мы обращаемъ не во благо сихъ несчастныхъ, а во вредъ душѣ своей, и чрезъ это оскорбляемъ Бога. — Итакъ какое зло не происходитъ отъ любоиманія? Не отсюда ли хищеніе, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые сею страстію развѣ не простираютъ своихъ рукъ даже на умершихъ, даже на отцевъ и братьевъ? Развѣ не ниспровергаютъ законовъ природы, заповѣдей Божіихъ, и вообще всего? Итакъ не будь любви къ деньгамъ, и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь къ спорамъ. Корыстолюбцевъ надлежало бы изгнать изъ вселенной, какъ губителей и волковъ. Люди, жадные къ деньгамъ, все при-

водятъ въ совершенное разстройство. Человѣкъ, жадный къ деньгамъ, не знаетъ ни одного друга. Что я говорю, друга? Онъ не знаетъ даже самого Бога. — Раскрой его душу,—и найдешь, что она вооружена не однимъ мечемъ и не двумя, а безчисленными; она никого не уважаетъ, но бѣсится на всѣхъ,—на всѣхъ нападаетъ и на всѣхъ лаетъ; она убиваетъ не собакъ, а человѣческія души и громко изрыгаетъ хулы на самое небо. Отъ неистовой любви къ деньгамъ все погибло. И не знаю, кого стану винить; до такой степени зло сіе овладѣло всѣми,—правда, одними въ большей, другими въ меньшей мѣрѣ, однако—всѣми. И подобно тому, какъ сильный огонь, будучи брошенъ въ лѣсъ, все испровергаетъ и опустошаетъ,—такъ и эта страсть губить вселенную: цари, правители, частные люди, нищіе, женщины, мужчины, дѣти,—всѣ въ равной мѣрѣ поработились злу сему. Какъ будто вслѣдствіе какого-то мрака, объявшаго вселенную, никто не выходитъ изъ опьянѣнія. Правда, противъ любостыжанія безчисленные выводятъ обвиненія и въ частномъ разговорѣ и среди народа; однако исправленія нигдѣ не видимъ. Что же? Уже ли нѣтъ возможности погасить сей пламень?—Есть, хотя бы онъ поднялся даже до самаго неба. Намъ стоитъ только захотѣть,—и мы безъ сомнѣнія погасимъ сей пламень. Ибо какъ онъ усилился вслѣдствіе нашего желанія, такъ отъ желанія и уничтожится. Развѣ не свободная наша воля зажгла его? Слѣдовательно свободная воля въ состояніи будетъ и погасить. Только пожелаемъ сего. Но какимъ образомъ можетъ породиться въ насъ такое желаніе?—Если обратимъ вниманіе на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не можетъ намъ туда сопутствовать, что и здѣсь оно оставляетъ насъ, что хотя оно здѣсь только имѣетъ мѣсто, однако язвы отъ него идутъ съ нами туда; если посмотримъ, какъ велики тамъ уготованныя богатства,—такъ что если сравнить съ ними земное богатство, то оно покажется ничтож-

нѣе грязи; если замѣтимъ, что оно подвергается безчисленнымъ опасностямъ, и самое удовольствіе отъ него мимолетное смѣшано съ горестями; если прикуемъ взоръ къ иному богатству, т.-е., тому, которое уготовано въ вѣчной жизни, и чрезъ то породимъ презрѣніе къ богатству земному; если разсудимъ, что послѣднее нисколько не умножая ни славы, ни здоровья, ни чего либо другаго, погружаетъ однакожъ насъ въ бездну пагубы; если примемъ въ чувство, что не смотря на то, что здѣсь бываетъ иной богатъ и имѣеть много слугъ, отходя туда, отходить онъ одинокимъ и нагимъ. Если мы будемъ часто повторять и слышать это отъ другихъ, то, можетъ быть, возвратится къ намъ здравіе и мы избавимся отъ этого тяжкаго наказанія».

Епископъ Теофанъ.

ПИСЬМА

въ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.

XLV.

Часто повторяете вы: «какъ я счастлива своею обстановкою!»—Благодареніе Господу, такъ устроившему. Но смотрите, опираясь на такую обстановку, не перейдите границы, и изъ-за орудій не просмотрите Дѣйствующаго. Мы всѣ такъ поставлены Господомъ, что можемъ кое-что дѣлать другъ для друга; но то несомнѣнно, что все дѣлаемое при семъ прямо на духовную пользу, непремѣнно исходить отъ самаго Господа и Имъ направляется по назначенію. Ему все и приписывать слѣдуетъ, отъ Него одинаго всего чаять и Имъ единымъ быть счастливо. Богъ называется ревнивымъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы Ему все сердце отдавали,—и Ему одному нераздѣльно,—и чтобъ мы на Немъ единомъ опирались. Почему когда видить, что мы склоняемся къ какой-либо твари, хоть и разумной, и на ней начинаемъ опираться, помимо Его вседѣтельной десницы; то начинаетъ на насъ смотрѣть неблаговолиительно.

Вы написали, что ищете сдѣлаться совершенною и къ тому стремитесь. Пришло мнѣ на мысль указать вамъ значекъ, по которому можете опредѣлить, идете ли вы къ совершенству или вертитесь на одномъ мѣстѣ. Значекъ этотъ есть отрѣзаніе отъ всего. Недавно слышалъ я рѣчь одной простой старушки., и она эту фразу употребила. «Теперь, говорить, ужь все отрѣзано; я какъ

птица ничѣмъ не связана». Какъ она дошла до этого?— Цѣлою жизнію направленною къ угожденію единому Богу. Съ семи лѣтъ запала ей зазноба, — болѣзненная забота, какъ бы Бога не прогнѣвить. Эта зазноба разжигала ее на всякаго рода труды, не жалѣя силъ. Такъ прошла она дѣвичество, замужество, вдовство. Дѣла все были обычныя, семейныя; но она всюду была первая и все дѣлала для Бога и по Божьему. Этимъ направленіемъ своихъ трудовъ она такъ выправила, вытерла и выбѣлила свою душу, что въ ней уже не осталось ничего земнаго, что бы занимало ее. «Теперь, говорить, у меня все Господь. Ни къ чему уже душа не лежитъ: и дѣлать ничего не могу,—руки отваливаются, и говорить ни о чемъ не хочу,—языкъ не поворачивается. Все бы Господь; отъ Него одного отстать не хочется».—Вотъ видите, въ чемъ существо дѣла! Къ сему и направьтесь.—И исполнится ваше желаніе: хочу совершенства, дѣвою мудрою желаю стать. Благослови Господи. *Ищите и обряцете.* А лучше: *просите и дастся вамъ.* Искать несотложно надобно; но сколько ни ищите, не найдете, если Господь не дастъ. Потому ища всеусердно, и просить слѣдуетъ немолчно. Совершенство, какъ и царствіе, не приходитъ съ усмотрѣніемъ. И лучше всего не на него устремлять очи, а о томъ заботу имѣть, какъ бы пребыть въ милости и благодати Божіей. Господь ужь знаетъ, когда, что и какъ дать.—И ждите, пребывая въ порядкѣ богоугодномъ.

Вы полагаете, что я считаю васъ никуда нежею.— Кто же это вамъ сказалъ?! Я только васъ учу, чтобъ вы сами себя считали такою; а какъ самъ о васъ думаю, я, кажется, не говорилъ вамъ. Да хоть бы и говорилъ и такъ сказалъ, вамъ оттого никакой убыли нѣтъ. Поставлю ли вамъ плюсь двѣнадцать (+12), или минусъ двѣнадцать (— 12),—для дѣла жизни вашей это ничто. Въ школахъ берутся въ счетъ баллы, которые люди ставятъ, — и по нимъ дается аттестация учащейся или учащемуся. А въ духовномъ дѣлѣ люди какіе бы баллы ни ставили, ничего

туть нѣтъ рѣшающаго. Настоящіе баллы ставятся на небѣ. Тамъ же будетъ сведенъ и общій итогъ, по окончаніи курса жизни,— и какую аттестацію тамъ положить, въ томъ *аминь* на вѣчные вѣки.

Что у васъ плачь на сердцѣ и сокрушеніе покаянное не отходятъ,—се добрѣ. Храните сей даръ Божій,—и все его подновляйте, какъ только начнетъ ослабѣвать. Это незаблудный путь.—И то, что часто созерцаете Господа на крестѣ и поражаетесь тѣмъ до глубины души, добрѣ. Сіе и все подобное, возбуждающее душу, почаще наводите на нее, чтобъ непрестанно была въ движеніи и жила; ибо жизнь—движеніе. Нѣтъ движенія, нѣтъ жизни.

XLVI.

Показалось вамъ что-то непріятное въ отношеніяхъ къ вамъ окружающихъ; вы не вытерпѣли и пустились въ самозащиту. Вы поступили по поговоркѣ: не замай, сдачи дамъ.—Иные не могутъ иначе дѣйствовать; а вы могли поступить иначе и не поступили. Кто-то внутри твердилъ вамъ: стерпи, стерпи. Вы и потерпѣли, но немножко; силъ не хватило дотянуть до конца.—Нитки, которыя рвутся, какъ зовутся?—Гнилыми, ни къ какому дѣлу негодными. Порвались тогда и у васъ нити, державшія въ порядкѣ вашъ внутренній строй. Плохи онѣ значить. Потрудитесь на будущее время заготовить крѣпкихъ.

Какъ это съ вами случилось? Вотъ какъ. Была въ васъ кающаяся послушница. Но пришла пружняя барыня знатная и, главное, ученая,—и прогнавши ту смиренницу, начала сама дѣйствовать — и нагородила. А какъ предотвратить такіе случаи? Очень просто. Совѣтую вамъ прекратить всякія сношенія съ этою недоброю госпожею (т.-е. ученою барынею) и не позволять ей распоряжаться въ вашемъ домѣ. Она ничего не умѣетъ дѣлать въ томъ порядкѣ жизни, какой вы у себя наладили.

Извольте потверже затвердить, что смиреніе приобрѣ-

тается не мыслями смиренными, а охотнымъ подчиненіемъ себя смирительнымъ случайностямъ и отношеніямъ. Надъ Спасителемъ издѣвались слуги безъ всякаго толку, шута; а Онъ—ни слова. Но ужь дѣло прошло. Случай къ дѣятельному обученію себя смиренію пропущенъ. Положите по крайней мѣрѣ впередъ не пропускать ихъ. Врагъ обыкновенно подбѣгаетъ и твердитъ: не спускай, иначе заключють.—Вреть онъ. Лучшее охраненіе отъ заклеванія— смиренная уступчивость.

На васъ нападаетъ лѣность, приходитъ желаніе льготъ поблажскъ, покоя плоти. Вы хорошо дѣлаете, что не уступаете; однакожь ваша неуступчивость неполна. Разумѣю то, что вы, несмотря на эти соблазнительные нападки, все же дѣлаете, что считаете должнымъ, но дѣлаете неохотно. «Хоть нехотя, говорите, но исполняю все». И это хорошо, какъ сказалъ я; есть тутъ борьба и одолѣніе. Но надо бы эту борьбу доводить до конца, чтобъ и одолѣніе было полное,—т.-е. доходить до того, чтобъ дѣлать *хотя*, прогнавъ безжалостно *нехотя*. Ибо это *нехотя* есть уступка лѣности и питаетъ ее, хоть не жирно. Извольте, когда прогоняете лѣность, возбуждать себя до ретивости, чтобъ живо, съ энергіею, дѣлать то, отъ чего оттягивала лѣность. И это только будетъ настоящею побѣдою и одолѣніемъ лѣности, а не то, какъ вы дѣлаете. Живодѣйственность есть настоящая черта духовной жизни настоящей.

Но вы, кажется, ужь и совсѣмъ разлѣниться хотите; ибо спрашиваете: «ужели до самой смерти тянуть это ярмо трудничества?!»—Стало вы тяготитесь имъ и желаете сбросить его поскорѣе?—Нѣтъ, его сбросить нельзя; а придетъ время, когда оно не станетъ тяготить, потому что свыкнется съ нимъ жизнь, и что теперь вамъ кажется трудомъ и лишеніемъ, тогда перестанетъ быть трудомъ и лишеніемъ, а обычнымъ, будто естественнымъ порядкомъ жизни. Тягота, соединенная съ симъ, которая и дѣлаетъ такой порядокъ трудничества ярмомъ, испарится отъ внутренняго

жара. Жаръ энергiи сожжетъ это ярмо, и вы, не бросая ярма, перестанете быть подъяремною. Условiе къ скорѣйшему достиженiю сего есть никогда ни въ большомъ, ни въ маломъ не позволять себѣ дѣйствовать, какъбы *нехотя*, но всегда возводить себя до живодѣйствованiя.

Что касается до молитвословiй и службъ,—то я уже писалъ вамъ объ этомъ. Надо имѣть правило,—и лучше всего то, которое идетъ постоянно въ церкви; но исполнять его надобно всегда съ живымъ чувствомъ. Если живости чувства мѣшаетъ поспѣшность исполненiя правила, а поспѣшность производится боязнiю длительности; то лучше назначить на каждую службу извѣстное время, въ часахъ и минутахъ, и потомъ молиться тѣми молитвами, которыя входятъ въ составъ службы, или въ частное ваше правило,—не спѣша, съ яснымъ сознаниемъ и прочувствованиемъ всего читаемаго, нимало не заботясь о томъ, чтобъ догнать до конца чинъ службы или правила, а лишь о томъ, чтобъ извѣстное время пребыть въ живомъ молитвенномъ устремленiи къ Богу. Вотъ главное! А что не успѣете иное прочесть или дочитать, бѣда не велика. Привыкли вы къ прочитыванiю опредѣленнаго, и совѣстно не прочесть. Беретесь читать и спѣшите, чтобъ не долго вышло. Оттого трудъ молитвенный не всю приноситъ пользу. Безъ правила нельзя; надо непременно его имѣть, но стараться исполнять его такъ, чтобъ это была молитва.

Что прочитываете полунощницу въ праздники и воскресенiе—хорошо. Хорошо все, что дѣлается въ этомъ родѣ, для продленiя и упорядоченiя молитвеннаго труда; только чтобъ все шло съ сознаниемъ и чувствомъ, безъ блужданiя мыслей.

Ваше пониманiе пострига,—что это не таинство, вѣрно. Это просто чинъ принятiя въ рангъ монашествующихъ. Однакожь онъ не бесполезенъ: ибо скрѣпляетъ внутренней правственный строй постригаемаго. Подобно тому, какъ мысли о какомъ-либо предметѣ, пока не изложатся на бу-

магѣ, бродятъ туда и сюда въ нѣкоторой безформности, а когда изложатся, принимаютъ устойчивую форму, — и постригаемый, пока непостриженъ, все еще будто ни то, ни се, а когда приметъ постриженіе, слагается въ единомъ, — и держитъ на сердцѣ, что ему ужь ни туда, ни сюда, — одна дорога. Какъ военнаго военная форма его чина обязываетъ дѣйствовать по-воински въ своемъ чинѣ: такъ и постриженнаго одежда обязываетъ жить и дѣйствовать по тому чину, къ которому сталъ принадлежать окончательно въ силу пострига.

 XLVII.

Въ тонѣ вашего письма чуется духъ унынія. Чего бы ради это? Вы — Божія; Господь васъ призвалъ къ Себѣ; вы идете къ Отцу своему небесному на вѣчныя утѣшенія въ Его домѣ, — и унывать?! Надо пѣть: свѣтися, свѣтися, душа обновляемая! А у васъ чуть слезки не падаютъ: будто напрасно протрудили себя всѣмъ, чѣмъ трудили. Ни одинъ шагъ вашъ не пропадетъ даромъ; все Господь возьметъ въ счетъ и воздастъ безмѣрно. Что здоровье не много умалилось, стоитъ ли на это обращать вниманіе предъ лицомъ того, что дано въ замѣнъ его? — Да иной бы горы золота за это отдалъ; а вы заплатились всего какими-нибудь унціями здоровья. Такъ не извольте малодушествовать.

Что вамъ жить тяжеловато, — слава Тебѣ, Господи! Се — тѣсный путь. Вѣдь тѣсный путь необходимъ. Помимо его никто не войдетъ въ царство небесное. Инымъ Господь оставляетъ самимъ устроить для себя такой путь; а для васъ Онъ устроилъ его Самъ. Ибо видѣлъ, что сами вы едва ли бы взялись за это дѣло, и еслибъ взялись, не сумѣли бы сдѣлать такъ, чтобъ это благотворно было для васъ. Онъ хочетъ васъ къ Себѣ привести, и любя васъ, дѣлаетъ вмѣсто васъ то, безъ чего дойти до Него нельзя. Благодушествуйте же ради Господа, любящаго васъ.

Видѣли сонъ, — гдѣ и бѣсы имѣли мѣсто, — и смутились.—Сны лучше пропускать безъ вниманія. Иные изъ нихъ, можетъ быть, и значать что-либо; но какъ намъ опредѣлять это точно, не дано, а догадки можно настроить обманчивыя и бесполезныя; то и лучше забывать ихъ. Они на это и приговорены естественно; ибо обычнѣе забываются. Къ свѣдѣнію примите, что сны бываютъ натуральныя, бываютъ отъ Ангеловъ и Святыхъ, бываютъ и отъ бѣсовъ. Которыя отъ Ангеловъ и Святыхъ, миръ душевный созидаютъ,—и надолго оставляютъ его въ душѣ; а которыя отъ бѣсовъ, миръ внутри разоряютъ; свои же сны—пустопорожни и безпорядочны. Бѣсы безсильны,—и ничего не могутъ намъ сдѣлать. Но имъ попускается иногда поближе подступить къ рабамъ Божиимъ и потревожить ихъ, частію для испытанія, частію для наученія, частію для показанія имъ самимъ, что такое они суть. Въ этихъ же видахъ попускается имъ и сны соплетать.—Вамъ же особенно попущено это за ваше прежнее невѣріе въ ихъ продѣлки.

 XLVIII.

Начинаете втягиваться въ молитвенный трудъ. Богъ благословить! Да будетъ душа ваша всегда бодренна, чужда всякаго саможалѣнія. Помогите вамъ Господи быть живыми и трезвыми. Но не забывайте главнаго, — того, чтобъ вниманіемъ и умомъ сочетаться съ сердцемъ, и неисходно быть тамъ предъ лицомъ Господа. Всѣ молитвенныя труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтобъ Онъ даровалъ вамъ это благо. Это—сокровище, сокрытое на селѣ; это—бисеръ многоцѣнный.

Но что вы при этомъ сказали: нарушается молитвенный порядокъ, когда кто приходитъ, — се не добръ. Вы такъ наладьтесь думать, что, когда кто приходитъ, то Господь посылаетъ его, чтобъ вы чрезъ него службу сослужили Господу. Чѣмъ? Сообщеніемъ пришедшему своего

благонастроенія, даннаго вамъ Господомъ. Если будете принимать приходящихъ въ этомъ духѣ; то тутъ не будетъ нарушенія молитвеннаго порядка, а продолженіе его, только въ иной формѣ. То и другое—служба Богу. Имѣя сіе въ цѣли, принимайте всѣхъ съ радостію, какъ посланцевъ Божіихъ, не смотря на ихъ внѣшность, и объ одномъ заботьтесь, какъ бы вамъ не уклониться отъ того, чего желаетъ отъ васъ Господь въ семъ случаѣ. Принявъ такъ, все вниманіе свое устремляйте въ сердце ихъ, чтобъ изъ словъ ихъ догадаться, что можете вы сдѣлать во благо душъ ихъ,—и затѣмъ всю рѣчь свою направляйте на это, такъ однакожь, чтобъ не казаться учительницею, а говорящую будто о стороннемъ. И главное, всячески старайтесь достигнуть того, чтобъ приходящій отходилъ съ умирнымъ сердцемъ.

Захотѣли въ затворъ. — Придетъ время, и въ затворъ можно. Надо прежде приготовить. И вообще мнѣ думается, что затворъ полный для васъ не удобенъ; а такъ— по временамъ — уединяться хорошо. Больше этого вамъ желать нечего. Когда огонекъ загорится въ сердцѣ, и вы тамъ станете жить вниманіемъ; тогда это будетъ внутренній затворъ. Онъ потребуетъ затвора внѣшняго; но мнѣ думается, что и тогда лучше уединяться только по временамъ.

«Когда же я о себѣ думаю?» — Мнѣ же думается, что вы много о себѣ думаете, и думаете высоко. Только при этомъ стараетесь принижать себя, нудите себя быть смиренною. Смирненіе ищется, но еще не найдено. — Ищите усерднѣе, и обращайтесь.

«Мнѣ кажется, я не жалѣю себя» — Если правда, то это очень хорошо. — Но вотъ докторъ наговорилъ вамъ, что и тамъ-то болитъ, и то-то нездорово, и вы чуть не заплакали, что ужъ слишкомъ безжалостны были къ себѣ. — Нѣтъ; лѣчиться лѣчитесь, а саможалѣнія все же не допускайте. — Несаможалѣніе есть внутренній актъ,—который умѣстенъ и при такихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ и по-

ложеніяхъ, которыя на видъ кажутся саможалительными. Есть нѣкая внутренняя бодренность, — тѣлесная же, — въ напряженіи мускуловъ состоящая. Она всегдашняя спутница несаможалѣнію.

Поминая о болѣзняхъ своихъ, прибавляете, что видите въ нихъ нѣчто о васъ промыслительное. И хорошо дѣлаете. Болѣзнями не рѣдко Богъ прикрываетъ своихъ отъ искушеній, которыхъ безъ этого не миновать бы имъ. А то — своимъ чередомъ, что онѣ сами по себѣ смирительны. Въ смирительныхъ же средствахъ едва ли кто не имѣеть нужды. Пребывайте въ сей вѣрѣ.

XLIX.

Причастившись св. Христовыхъ Таинъ, и, по милости Божіей, получили мирное и утѣшительное настроеніе духа. Затѣмъ прибавляете, что приготовляясь къ св. Причастію, довольно потрудили себя. — Се добрѣ! И никогда не забывайте сего дѣлать, по силѣ и сверхъ силы. За то и утѣшеніе дается участникамъ. Не будь труда и лишеній, и утѣшеніе не будетъ дано, развѣ по особой какой милости Божіей. Такъ Богъ устроилъ. Не забывайте однакожь, что не одинъ трудъ достигаетъ сего, но въ соединеніи съ истиннымъ духомъ, въ какомъ надлежитъ обращаться къ Богу. То и другое нужно.

Сказавъ это, жалѣніе изъясняете, что это райское состояніе не остается навсегда, и желаніе питаете, чтобъ оно пребывало неизмѣннымъ въ васъ. — Въ нынѣшнемъ состояніи вещей — измѣнчивомъ, — трудно достигнуть чего-либо неизмѣчиваго. Однакожь это не невозможно. Ибо Богъ неизмѣчивъ, и дѣлаетъ неизмѣчивыми всѣхъ, съ кѣмъ благоволитъ соединяться живымъ союзомъ. Сочетайтесь съ Господомъ, — и получите отъ Него многое въ неизмѣнчивомъ видѣ, что теперь подается и переходитъ. Поелику Господь благоподатливъ; то могу вамъ прописать: ищите и обращайтесь. Это будетъ, когда огонекъ

виспадетъ въ сердце и зажжетъ его. Вы идете къ этому всѣмъ порядкомъ вашей жизни. И конечно дойдете, если не разлѣнитесь и смиренія не потеряете.—Загорится и ваше сердце, и будетъ горѣть, какъ свѣча неугасимая. Но когда, — этого никто не можетъ вамъ сказать. Это дѣло Божіе. Ищите съ терпѣніемъ и упованіемъ. Состоянія того не описываютъ святые, говоря, что нельзя описать понятно. Когда придетъ, узнаете. Старецъ Кіевскій, о. Парѣеній называлъ его болячкою въ сердцѣ.—Извольте же терпѣть заведенные порядки, преутруждающіе васъ, безъ жалѣнія себя. Есть изъ-за чего.

«Наконецъ-то, говорите, поняла я, чтѣ есть радостотворный плачь, или радостопечаліе,—и рѣшаетесь развивать въ сердцѣ сильнѣйшее и сильнѣйшее сокрушеніе». Се добрѣ, и предобрѣ! — Богъ благословить. Однакожъ вѣдайте, что это радостопечаліе подается, а не приобрѣтается. Состояніе это похоже на то, какое испытываемъ, увидавшись съ родными послѣ долгой разлуки: и радостно и жалостливо,—слезы текутъ. Радостопечаліе бываетъ, когда Господь свидится съ душою и душа съ Господомъ. Отъ св. Причастія можно этого ожидать.—И бываетъ. Увидьте изъ сего, что сокрушеніе надо развивать, но оно не есть радостопечаліе, а пролагаетъ къ нему путь. Радостопечаліе подаетъ Господь душѣ; а Господь въ дѣйствіяхъ своихъ ничѣмъ не вяжется. Трудитесь однакожъ въ возбужденіи сокрушенія и доводите себя до плача, чтобъ плакать надъ собою, какъ по усопшемъ, на взрыдъ, съ причитаніями.

Пишете: «отъ чего бы иногда не похвалить иного?» — Бываетъ, что и хвалятъ. Хорошее неволью вызываетъ похвалу; похвала же оживляетъ похваленнаго, и крылышки ему придаетъ. Но дѣло это не безопасное. Оно можетъ засѣменить самолюбіе, и далѣе провести до высокоумія и гордости. Вотъ и бѣда: ибо гордость проклята Господомъ. Вы ожидаете, что похвала смиреніе родитъ, при мысли, что не стоишь ея.—Бываетъ, можетъ быть, и это;

но такого рода рожденіе, по рѣдкости своей и неестественности, надо назвать чудомъ. Кто-то изъ отцевъ сказалъ, что похвалить есть тоже, что ногу подставить снѣжно идущему. Этотъ падаетъ и носъ разшибаетъ до крови: Нѣчто подобное, надо полагать, производить и похвала въ душѣ добръ текущаго духовнымъ путемъ.—Потому признайте лучше, что мысль, будто похвала ведетъ къ смиренію, не небеснаго происхожденія. Это внушеніе того, кто имѣетъ обычай облекаться въ ангела свѣтла, но будучи такимъ.

Вы хотите дѣлать выписки изъ книгъ читаемыхъ. Хорошо. Но не все хорошее выписывайте, а только то, что возьметъ за сердце. Соберется тетрадка - другая. Когда потомъ нападеть уныніе или охлажденіе и сухость, берите эти тетрадки и перечитывайте. Сердце отзовется на чувствованное прежде и певельнется. Такъ отъ одной, другой, третьей выписки. Глядишь,—и совсѣмъ разшевелилось.

Л.

Вы опять подпустили къ себѣ барыню свою и подчинились ей; а она нагородила нелѣпостей. И забыли вы на этотъ разъ, что въ васъ двѣ osoby: одна — послушница смиренная, а другая — барыня ученая съ барствомъ. По настоящему вашему настроенію госпожею должна быть послушница съ послушаніемъ; барыня же съ барствомъ не должна имѣть никакой власти. Вы хоть и прогнали ее въ людскую; но она не забываетъ своего и всячески старается прокрасться къ вамъ и прогнавъ послушницу сдѣлаться распорядительницею. Вотъ и теперь успѣла она въ этомъ. Не касаюсь нелѣпыхъ ея распоряженій; какія бы они ни были, не слѣдовало вамъ ихъ слушать. Я уже писалъ вамъ объ этомъ. Вы кажется согласны всегда держать ее при себѣ. Нѣтъ; извольте теперь совсѣмъ убить ее и выбросить за окно на сѣденіе пти-

цямъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Иначе никогда не установится у васъ добрый порядокъ; и вы будете только созидать и разорять.

Спрашиваете: «откуда я взялъ, что вы совсѣмъ хотите разлѣниться?»—Изъ слѣдующихъ словъ вашихъ: «когда же наконецъ кончится это трудничество?»—Этотъ вопросъ означаетъ, что ноги ужъ подламываются и руки опускаются,—и въ душѣ появляется мысль о сброшеніи съ плечъ лежащаго на нихъ бремени. Поблажь только этому позыву хоть немного,—и онъ мало-по-малу доведетъ до того, что и все сбросите. Вотъ и надлежало вамъ напомнить объ этомъ концѣ, чтобъ не началось начало.—Теперь пишете, что хоть сказала такъ, но все же не блажала себя.—И добръ!—Но отъ того, что я помянулъ о худыхъ послѣдствіяхъ отъ поблажки чувству тяготы отъ трудничества, никакого не будетъ вреда вашему неoblажанію. И стойте въ этомъ, и гоните всегда всякій позывъ въ чемъ-либо поблажить себя. Надо при этомъ всегда возбуждать себя къ напряженной дѣятельности и тотчасъ же сдѣлать что-либо, требующее такого напряженія. Еще появится,—еще также поступить. И такъ далѣе. Перестанетъ наконецъ являться такой позывъ. И живая энергія возьметъ силу. Наше дѣло въ томъ особенно и есть, чтобъ держать себя постоянно въ такой энергіи, съ полнымъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ. Ради ея будетъ всегда подходить ко нашимъ благимъ начинаніямъ помощь Божія и совершать въ насъ дѣло свое.

Молитвенное правило, говорите, исправляете, какъ прописано. — И трудитесь такъ. Помогите вамъ Господи. Паче же навъкайте имѣть непрестанно память Божію, и къ Богу молитвенно себя держать, въ страхѣ и благоговѣнствѣ. Даруй вамъ, Господи, сіе! — Назначьте себѣ особое время вотъ на что: чтобъ, сидя бодренно и вниманіе собравши въ сердце, говорить молитву Іисусову, не отвлекаясь мыслями. Раза бы два-три такъ въ день. Хоть по разу при семь проходить четки; а охота при-

падетъ,—два и три раза можно. Этимъ путемъ можно произвести въ сердцѣ болячку, о коей говорилъ старецъ Пареевій, и дойти до того, что молитовка Иисусова сама будетъ журчать въ сердцѣ умными словами, какъ ручеекъ, съ соотвѣтственными движеніями чувства.

Книги отеческія, какія у васъ есть,—эти самыя и требуются. Св. Макарій—начальный; св. Исаакъ поведетъ дальше и глубже; св. Ефремъ будетъ оживлять сокрушеніе и умиленіе; свв. Варсаногій и Іоаннъ разрѣшать всѣ недоумѣнные случаи; св. Василій вел., св. Лѣствичникъ, св. Доросей и Нилъ ко всему приложить разумныя основанія. Не пропускайте ни одного дня безъ чтенія кого либо изъ нихъ.

Встрѣтились у васъ такія обстоятельства, что по необходимости входите въ сношеніе съ барамъ.—Смотрите, какъ бы этотъ воздухъ не поднялъ на ноги вашу собственную барыню,—главную вашу непріятельницу и враждебницу. Внимайте себѣ,—и никакой ей поблажки не давайте; а то послѣ придется долго съ нею бороться. Дѣло это—все есть внутреннее; виѣ же можете держать себя, какъ обычно барамъ. Когда кончится все и вы войдете въ обычную свою колею, посмотрите тогда повнимательнѣе въ душу свою, именно, какъ она встрѣтитъ это,—какъ майское утро или морозъ по кожѣ? Рѣшите же это безъ покривленія вѣсовъ,—и рѣшите для себя—въ познаніе себя и въ назиданіе себя. Ибо судя по происходящему въ васъ можете многое нагадать о себѣ на радость или на нерадость.

LI.

«Собираюсь съ духомъ». Помогите вамъ Господи! Но не выпускайте изъ вниманія главнаго,—того, чтобъ собраться умомъ въ сердцѣ. На сіе паче направляйте труды свои. Приемъ одинъ—стараться стоять вниманіемъ въ сердцѣ, съ памятію о вездѣсущи Божіемъ и о томъ, что око

Его смотреть въ сердце ваше. Позаботьтесь утвердиться въ томъ убѣжденіи, что, хоть вы одни бываете, всегда имѣете не близъ себя только, а внутри себя лице присутствующее вамъ, на васъ смотрящее и все въ васъ видящее. То, что я писалъ вамъ о нѣскольkokраткомъ въ день дѣлапіи молитвы Іисусовой, послужить средствомъ къ тому, очень сильнымъ. Дѣлайте такъ,—всякій разъ минутъ по десять-пятнадцать,—и лучше стоя въ молитвенномъ положеніи съ малыми поклонами, и безъ нихъ, какъ вамъ лучше. Трудитесь такъ и молитесь Господа, чтобъ далъ вамъ наконецъ ощутить и познать, что такое есть болячка въ сердцѣ, по слову старца Паренія. Вдругъ это не дается. Пройдетъ годъ усиленныхъ трудовъ, а можетъ быть и больше, пока начнутъ показываться нѣкіе сего слѣды. Благослови васъ, Господи, на трудъ и путь сей.—Но вы не считайте этого какимъ-либо придѣлкомъ, а поймѣйте главнымъ дѣломъ.

«Надобно работать и выработать изъ себя болѣе серьезную и сдержанную».—Это что такое?! Вы въ свѣтскую даму хотите нарядиться?! Но вы ужъ и безъ особыхъ стараній свѣтская барыня,—и еще ученая. Двѣ бѣды ужъ есть, и еще третью хотите себѣ навязать. Нѣтъ,—не годится. Если поставите себѣ цѣлю сіи качества, изъ васъ выйдетъ лицедѣйка, которая вниманіе обращаетъ на внѣшнюю выправку въ словѣ, въ позѣ, въ движеніяхъ. Серьезность и сдержанность—это добрыя качества житейскія. Не то я хочу сказать, чтобъ они не шли къ духовной жизни,—идутъ, но здѣсь они должны быть слѣдствиемъ другихъ качествъ, а не цѣлю, чтобъ быть, не бывая, замѣчаемы. У подвизающихся вмѣсто ихъ цѣлю должны быть вниманіе, бодренность, хожденіе въ присутствіи Божіемъ. Вотъ когда, Богъ дастъ, зародится болячка въ сердцѣ вашемъ, тогда само-собою придетъ и то, чего вы желаете, или нѣчто, гораздо высшее того,—водворится особый нѣкій тактъ, по которому все будетъ у васъ идти ладно, складно и умѣстно, безъ думанія о томъ. Тогда внутри себя будете носить учителя, премудрѣ котораго нѣтъ на землѣ.

«Боюсь не сдѣлать бы насилія природѣ».—А это еще что такое? — Природа наша повредилась чрезъ паденіе; Христіанство, во всемъ своемъ строѣ, есть возстановленіе сей природы въ первый чинъ. Слѣдовательно оно есть въ существѣ своемъ насиліе природѣ, какъ она въ насъ теперь есть. Самопротивленіе и самопринужденіе суть первыя формы проявленія жизни христіанской, спасительной, ведущей къ цѣли. *Нуждницы* т.-е. нудящіе, тоже что насилующіе природу, восхищаютъ царствіе Божіе. На природу никогда не слѣдуетъ ссылаться, или на ней опираться безусловно,—ибо она совмѣщаетъ въ себѣ смѣсь должнаго съ недолжнымъ. Почему, переработывая себя, надо не на природу смотрѣть, а на норму совершенства, предлагаемую христіанствомъ. Сличивъ съ сею нормою сущее въ насъ и бывающее, найдете, что многое надо исторгнуть совсѣмъ, многое надо перенастроить, многое привести вновь. Природу надо имѣть, какъ сырьевой матеріалъ, изъ котораго не все идетъ въ дѣло.

III.

«Какъ проводить Субботу и Воскресенье?»—Въ нихъ надобно допускать какую-либо льготку; но какую, сами придумайте. Одно держите правило—такъ вести дѣла свои и въ Субботу съ Воскресеньемъ (или наипаче въ нихъ), чтобъ всегда быть съ Господомъ и ни насколько не отступать отъ молитвеннаго къ Нему восхожденія въ сердцѣ.

Что вы, по указанію нѣкоей старицы, относите къ непосильнымъ трудамъ, которые и отмѣнить можно, то не все таково. Не таковы—келейныя подѣлья, черноработныя. Они—самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ прогнанію изъ васъ ученой барыни. Ничѣмъ такъ не можете ее доять, какъ этимъ. И не бросайте. Уйдетъ барыня,—и вамъ станетъ свободнѣй.—Прочія же непосильности пересмотрите, и если что слишкомъ истомляетъ, сократите. Но льготностей какъ можно избѣгайте.

Настоящій путь—тѣсный. И утѣсняйте себя. Это можно и должно дѣлать, не истощая себя до болѣзней.

Что вы отъ той же старицы приняли—во время шестопсалмія стоять, какъ на страшномъ судѣ, это очень доброе дѣло. Но не худо переносить его и на всякую молитву. Кто-то изъ старцевъ древнихъ говаривалъ, что самое лучшее положеніе для молящагося есть—стоять, какъ на страшномъ судѣ. Поставляйте себя въ такое положеніе, или въ положеніе умирающей и готовящейся предстать предъ Господа,—и невольно станете вопіять: Господи помилуй! О Господи! спаси же!

Просите молитвъ, чтобъ вамъ не развлекаться мыслями, кои неудержимо блуждаютъ и отвлекаютъ вниманіе отъ должнаго.—Въ первый разъ слышу отъ васъ рѣчь объ этомъ; между тѣмъ это главное нестроеніе, какое испытываемъ мы внутри. Прежде вѣрно это не такъ казалось нестройнымъ дѣломъ, а теперь видится въ иномъ свѣтѣ. Отъ чего? Приписываю это дѣйствию маленькаго правильца, какое вы стали исправлять, творя молитву Иисусову. Когда вы на молитвословіи все читали и читали, то при многомыслии, подаемомъ молитвами, мысли отходили и возвращались незамѣтно. Теперь же, когда слово молитвенное одно и одно помышленіе имъ подается, всякое иное помышленіе тотчасъ замѣтно, какъ чуждый посѣтитель. Предъ вами и открылось такимъ образомъ внутреннее нестроеніе.—Какъ же быть?—Продолжайте упражняться въ исполненіи тогоже правильца, и мысли все болѣе и болѣе станутъ успокоиваться, и немощь, замѣченная вами, врачеваться. Правильце то, если вы станете продолжать его какъ слѣдуетъ, заведетъ болячку въ сердцѣ, а болячка эта мысли прикуетъ къ Единому,—и блужданію мыслей конецъ. Съ этого момента, когда Господь сподобитъ васъ улучшить его, начнется новый перестрой всего внутренняго,—и хожденіе предъ Богомъ станетъ неотступное.

Кто-то въ давнее время называлъ васъ орломъ. Это въ свѣтской жизни. Будете и въ духовной жизни орломъ—настоящимъ. Но теперь вы похожи на птицу, которая сильно машеть крыльями, посматривая на небо; но отъ земли не подымается, а только прыгаетъ; ей же самой кажется, что она летитъ быстро и высоко. Трудитесь, и въ самомъ дѣлѣ будете высоко летать,—*безъ паренія*.

Старица та, что выше, назвала васъ пламенною.—И такую будете. Теперь есть жаръ, но не настоящій еще Покойный Игнатій преосвященный говаривалъ, что есть жаръ кровяной, разумѣя подъ симъ свой самодѣльный жаръ, который до времени служитъ добрѣ, но потомъ долженъ уступить мѣсто другому—не земному жару. Кто остается при этомъ одномъ (кровяномъ), тотъ попадаетъ въ прелесть, по коей начинаетъ думать о себѣ паче, нежели что есть на дѣлѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Преосвященнаго Платона, архіепископа Костромскаго *).

1856 года апрѣля 25 дня я избранъ св. Синодомъ первымъ кандидатомъ во епископа Старорусскаго, 30 апрѣля утверждень государемъ императоромъ. Первое ощущеніе было смущеніе о моемъ недостойнствѣ. Преосвященный Густинъ, поздравляя съ архіерействомъ, сказалъ: «ну отецъ ректоръ, теперь кончились всѣ ваши радости и утѣшенія. Кромѣ скорбей уже ничего не встрѣтите въ архіерейскомъ санѣ».

18 мая я прибылъ въ Петербургъ. Митрополитъ встрѣтилъ меня словами: «здравствуй, женихъ церковный». 21 мая было нареченіе меня въ санъ епископа. Нарочно для сего назначено засѣданіе въ Синодѣ. Рѣчь далъ мнѣ Господь произнести довольно хорошо. 24 мая въ Казанскомъ соборѣ, въ день Вознесенія Господня, Господь сподобилъ меня архіерейскаго сана чрезъ рукоположеніе святителей—митрополита Никанора, архіепископа Ярославскаго Нила, епископа Симбирскаго Θεодотія, Винницкаго Макарія, Саратовскаго Іоанникія. Предъ литургією и предъ посвященіемъ было душевное умиленіе, но послѣ посвященія не чувствовалъ ничего и совершалъ литургію какъ бы механически. Послѣ обѣдни былъ обѣдъ, которымъ всѣ остались довольны. Я такъ изнемогъ, что не въ состояніи былъ двинуться къ вечеру; заснулъ какъ убитый и спалъ дурно. На другой день служилъ литургію въ

*) Окончаніе. См. январскую книжку.

Федоровской церкви, гдѣ погребенъ преосвященный Кирилль. Ходилъ послѣ обѣдни къ митрополиту съ образомъ и просфорою. Потомъ ѣздилъ съ образами къ членамъ Синода и оберъ-прокурору.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1855 г. А. И. М. ходила къ юридическому въ Москвѣ Семену Дмитриевичу попросить помолиться о мнѣ, чтобы Господь далъ мнѣ монастырь какой либо. Лишь только взопла она къ нему, какъ онъ сказалъ гй: Платона, что былъ Павелъ, въ архіереи бы.

Мая 30-го я прибылъ въ Хутынской монастырь, а 2-го іюня въ Новгородъ. 31-го іюня мнѣ Высочайше повелѣно быть епископомъ Ревельскимъ, викаріемъ Петербургскимъ. Сентября 14-го я въ послѣдній разъ служилъ въ Новгородѣ, гдѣ провелъ три съ половиною мѣсяца тихо, мирно, отраднo. На 16-е въ ночь пріѣхалъ въ Петербургъ и утромъ я соборовалъ митрополита Никанора. Былъ еще въ памяти и очень замѣтно было, что онъ радъ былъ этому священнодѣйствію. Послѣ соборованія меня повелъ къ нему секретарь его и спросилъ: узнаетъ ли онъ меня? Онъ сдѣлалъ знакъ, что узналъ. Я сказалъ, что вся церковь молится объ его здоровьѣ. Онъ отвѣчалъ: «уже поздно». 17 утромъ въ три часа прочитали отходную, но онъ еще протомился до трехъ часовъ по полудни. Когда било три часа, то бой часовъ мнѣ и другимъ показался такимъ потрясающимъ, такимъ страшнымъ, что какъ будтобы всему насталъ конецъ. Я началъ читать «Богородице Дѣво» и молитву: «Буди благословенъ день и часъ». Едва я произнесъ аминь, какъ митрополитъ отдалъ Богу душу. При копчинѣ были намѣстникъ лавры, секретарь, исправляющій должность оберъ-прокурора Сербиновичъ, чиновникъ Лосскій, лекаръ. Всѣ мы въ безмолвіи молились, стояли на колѣнахъ и плакали. Св. Синодъ на меня возложилъ управление епархіей. Дѣлъ не конченныхъ не малое количество было.

1-го октября Царица небесная пожаловала намъ владыку, мужа апостольскаго, старца уважаемаго, преосвя-

щеннаго Григорія. Поутру 2-го числа мы получили указъ. Я тотчасъ съ намѣстникомъ отправился къ нему. Старецъ заплакалъ и сказалъ, что онъ болѣе всего боялся этого мѣста. 2-го числа онъ торжественно встрѣчалъ государя со всею фамиліею. Съ самаго пребыванія своего въ Петербургъ до Рождества я чувствовалъ крайнюю тягость, но послѣ сталъ свѣтлѣе смотрѣть на здѣшнюю жизнь. Самъ ты, Господи, сохрани и помилуй меня и огради своими святыми ангелами.— Вызываютъ на чреду ректоровъ Ярославскаго Антонія и Могилевскаго Іосафа. Первый мой товарищъ по академіи, а у другаго я жилъ въ Каменецкомъ Троицкомъ монастырѣ въ 1845 и 1846 году. Дивны пути Промысла о мнѣ. Могъ ли подумать и Іосафъ въ 1846 году, чтобы безъ всякой должности у него живущій и находящійся въ опалѣ у начальства сдѣлался архіереемъ прежде него?

1857 года февраля 17 дня я услышалъ отъ секретаря Синода, что я Высочайше назначенъ въ Кострому. Въ этотъ день я обѣдалъ у митрополита Григорія, но онъ мнѣ ни слова не сказалъ. 21 марта я оставилъ Петербургъ, и помолившись чудотворцамъ Московскимъ, Троицкимъ, Ростовскимъ и Ярославскимъ, вступилъ въ свою паству 29 марта. Черезъ Волгу переѣхалъ на санкахъ въ одну лошадь и прямо проѣхалъ въ Ипатьевскій монастырь. 31 я вступилъ въ каедральный соборъ и говорилъ слово о царствіи небесномъ. Не понравилась мнѣ нечистота въ соборѣ.

Мая 2 я отслужилъ литургію въ Борисоглѣбской церкви и въ три часа переѣхалъ въ Солонииковскій загородный домъ. Вскорѣ явились ко мнѣ четыре купца раскольники. Принесли хлѣбъ и соль. Я сказалъ, что не приму отъ нихъ хлѣбъ и соль. Они внѣ церкви, а съ находящимися внѣ церкви я не могу имѣть общенія. Они стали умолять принять хлѣбъ и соль, какъ начало общенія съ ними. Тутъ одинъ старикъ упалъ мнѣ въ ноги и со слезами просилъ разрѣшить ему причаститься свят.

тайнъ. «Какъ же ты просишь разрѣшенія, а чуждаешься общенія съ церковью?» «Нѣтъ, тебѣ отъ Господа дана власть вязать и рѣшить; разрѣши мою душу однимъ словомъ». Всѣ они зарыдали и пали мнѣ въ ноги. Я самъ прослезился и сказалъ: Господь благословитъ насъ. «Благослови, владыко, прими же хлѣбъ и соль». Всѣ съ благоговѣніемъ приняли благословеніе.

23 августа получилъ указъ св. Синода, которымъ предписано было мнѣ немедленно отправиться въ Нижній-Новгородъ для секретнаго разслѣдованія о беспорядкахъ, произведенныхъ тамошнимъ духовенствомъ на какомъ-то званомъ обѣдѣ. 26 я отправился въ Нижній, гдѣ пробылъ до 8-го сентября. По порученному дѣлу не узналъ ничего. Послѣ услышалъ, что меня послали въ Нижній за тѣмъ, что духовные будто произнесли анаѣему своему преосвященному.

1858 года. Что-то странное замѣчается въ журналахъ. Всѣ пишутъ только о революціяхъ и конституціяхъ. Нельзя ждать добраго отъ этого направленія.

1858 года августа 15 дня Господь далъ мнѣ встрѣтить въ Костромскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ государя императора съ государынею императрицею въ 7 часовъ вечера. Приложившись ко св. иконамъ, государь сказалъ о соборѣ: «прелесть соборъ, со вкусомъ отдѣланъ. По старому ли?» «По старому». «Онъ при императрицѣ Екатеринѣ II-й погорѣлъ и былъ возобновленъ?» «Точно такъ». Государыня съ благоговѣніемъ молилась также. Подносилъ имъ образа и для дѣтей надавалъ крестиковъ. 16 августа прибыли въ Ипатьевскій монастырь. Съ особеннымъ любопытствомъ разсматривали церковь, ризницу, комнаты царя Михаила Ѳеодоровича. По обзорѣни удостоили посѣтить мои келліи. Выкушали по чашкѣ чаю. Потомъ отправились въ церковь св. мучен. Хрусанеа и Даріи, гдѣ государь замѣтилъ, что иконостасъ въ одномъ стилѣ, а стѣнная живопись въ другомъ сдѣлана. Замѣтилъ, что солея узка, а надобно шире сдѣ-

латъ. Тогоже числа я приглашенъ былъ къ обѣду государя императора. Когда все собрались, государь прошелъ мимо и поклонился. Потомъ вдругъ меня зовутъ въ гостиную съ словами, что меня просить государыни императрица. Тамъ былъ и государь. Тутъ я поднесъ мое сочиненіе государю и государынѣ. Государь спросилъ меня о семинаріи, о ректорѣ, о томъ, что раскольниковъ много и особенно въ удѣльномъ вѣдомствѣ. При этомъ государь сказалъ, что расколъ въ удѣльномъ имѣніи уменьшится чрезъ умноженіе церквей. Во время обѣда государыня посадила меня подлѣ себя и почти весь обѣдъ только со мною проговорила. Говорила, что Е. П. Шипова передала ей, что я принимаю участіе живое въ судьбѣ ея Ярославскихъ воспитанницъ. Я поблагодарилъ ея величество за материнское участіе въ судьбѣ ихъ и сказалъ, что считаю за особенное удовольствіе устроить ихъ судьбу. Государыня сказала: «говорятъ, что мы даемъ слишкомъ хорошее воспитаніе дѣвѣцамъ?» Я отвѣчалъ, что отъ этого большее благо будетъ для духовенства. Высказалъ сожалѣніе, что недостаетъ воспитанія нашимъ духовнымъ воспитанникамъ, причина чего заключается въ томъ, что они живутъ по квартирамъ.

1859 года февраля 9-го я получилъ отношеніе оберъ-прокурора. Пишетъ: со времени послѣдняго преобразованія учебнаго курса нашихъ духовныхъ училищъ въ составъ семинарскаго преподаванія входитъ много новыхъ стороннихъ предметовъ, которые стѣсняють собою преподаваніе богословскихъ наукъ и древнихъ языковъ и, требуя отъ воспитанниковъ непомернаго напряженія силъ, лишаютъ ихъ времени для отдыха и движенія. Такому излишеству занятій приписывается и замѣчаемое въ выпускаемыхъ изъ семинарій молодыхъ людяхъ ослабленіе здоровья, столь необходимаго для всякаго служенія и труда. Съ другой стороны ощущается крайняя въ нынѣшнее время нужда усугубить мѣры духовнаго приготовленія воспитанниковъ къ пастырскому поприщу, что-

бы они являлись на немъ примѣромъ для паствы, глубоко проникнутые духомъ строгаго и дѣятельнаго благочестія. По всѣмъ симъ соображеніямъ высшее духовное правительство находитъ необходимымъ вскорѣ приступити къ преобразованію системы воспитанія и преподаванія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Желая собрать по столь важному предмету основанныя на опытѣ соображенія, оберъ-прокуроръ проситъ поручить ректору семинаріи представить мнѣ свое мнѣніе:—какія именно перемѣны въ нравственномъ, учебномъ, хозяйственномъ отношеніяхъ оказываются необходимыми для приведенія семинарій и вообще училищъ въ положеніе, болѣе соотвѣтственное ихъ прямой цѣли. Мнѣніе ректора просилъ оберъ-прокуроръ доставить ему съ своими замѣчаніями къ апрѣлю. По учебной части считаю необходимымъ: 1) уничтожить преподаваніе медицины, сельскаго хозяйства, теоріи естественныхъ наукъ, патристики, о богослужебныхъ книгахъ. 2) По всѣмъ предметамъ имѣть руководства печатныя или литографированныя, какъ бы ни были они слабы. 3) Уроки непременно заставлять учениковъ говорить своими словами. 4) Ввести въ среднее отдѣленіе вмѣсто патристики такъ называемое общее богословіе. По нравственной части: 1) имѣть особыхъ духовниковъ при семинаріи, повѣстныхъ своимъ духовнымъ разсужденіемъ. 2) Ученикамъ говѣть въ годъ не менѣе 12-ти разъ, а желающимъ и болѣе. 3) Сдѣлать неучебными всѣ дни, въ которые совершается бдѣніе. 4) Всѣмъ семинаристамъ жить въ заведеніи и не пускать никого на отпуски въ дома родителей и родственниковъ, гдѣ они обыкновенно теряютъ все, что соберутъ хорошаго въ семинаріи, съ рѣдкими исключеніями. 5) Не позволять никакихъ тѣлесныхъ наказаній, но дѣйствовать нравственными убѣжденіями чрезъ духовника. 6) По окончаніи курса воспитанникамъ жить подъ надзоромъ, а не шататься кое-гдѣ. Въ экономическомъ: 1) по крайней мѣрѣ утроить содержаніе. 2) Помѣщать семинаріи за городомъ и стараться приобрѣтать для

нихъ большее количество земель, чтобы было гдѣ погулять. 3) Непремѣнно всѣхъ надобно содержать на казенномъ кошту.

1860 года іюня 16-го въ пять часовъ вечера скончалась матушка Матрона Лукьяновна отъ холеры. Напутствована таинствами покаянія и причащенія и елеосвященія. Рука ея осталась сложенною для крестнаго знаменія. Братъ Михаилъ пишетъ, что на лицѣ почившей столько свѣтлости и какого-то тихаго спокойствія, что не оторвалъ бы глазъ отъ ея лица. Упокой ее Господи въ блаженной радости Твоего лицезрѣнія.

1860 года сентября 20-го. По милости Божіей я 19-го числа благополучно прибылъ въ Ипатьевскій изъ моихъ странствій по епархіи. При освященіи церкви въ селѣ Дебовѣ, гдѣ не бывало никогда архіереевъ, я видѣлъ столько благоговѣнія къ сану архіерейскому, что безъ умиленія и вспомнить не могу. Когда я сошелъ съ облачальнаго амвона и взошелъ съ крестомъ на предалтарный, то самъ видѣлъ, какъ обтирали прахъ отъ ногъ моихъ на коврѣ и терли имъ себѣ глаза. Я видѣлъ это въ первый разъ во всю жизнь.

1861 года января 20. Получилъ указъ о разрѣшеніи ежегодно носить чудотворную икону Феодоровскую въ Галичь. Счастливымъ себя считаю, что Царица небесная меня избрала въ орудіе къ большому прославленію Ея честной иконы. Дай Богъ, чтобы это хожденіе продолжилось въ роды и роды.

1860 года января 31. Нынѣ Богъ посѣтилъ насъ пожаромъ, но и помиловалъ. Во временной церкви сдѣлался пожаръ, сгорѣли полы въ придѣльномъ храмѣ. Есть надежда, что въ недѣлю все исправится и откроется богослуженіе.

1861 года марта 2 дня. Присланъ указъ, чтобы архіереи сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который, сверхъ обязанности преподаванія закона Божія, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ

училищнымъ начальствомъ, чтобы въ школахъ тѣхъ не допускалось ничего противнаго православной вѣрѣ. Слава Богу, что эти школы взяты въ руки.

Юля 22 читано было изъ 17 № Руководства для сельскихъ пастырей слово митрополита Кіевскаго Арсенія къ пастырямъ церкви. Московскій митрополитъ отозвался о немъ, что это слово есть помраченіе ума. Подлинно безъ глубокаго прискорбія нельзя читать его.

1862 года. Отъ января 15-го писалъ мнѣ изъ Бабаевскаго монастыря преосвященный Игнатій, бывший епископъ Кавказскій, слѣдующее: «никакое свѣтское возвышеніе не приводило въ восторгъ возвышеннаго, какъ назначеніе въ оберъ-прокурора. Въ первые моменты своего оберъ-прокурорства иные оберъ-прокуроры дѣлаются какъ бы изступленными. Когда графа Протасова сдѣлали оберъ-прокуроромъ, онъ пріѣхалъ къ своему знакомому генераль-адъютанту Чичерину и говоритъ ему: поздравь меня! я—министръ, я—архіерей, я — ч — ъ знаетъ что». Въ присутствіи моемъ эти слова были переданы Кіевскому митрополиту Филарету. «Одно послѣднее справедливо», печально отвѣтилъ старецъ».

22 ноября я перешелъ въ архіерейскій домъ, бывший въ запустѣніи лѣтъ двадцать. Отдѣланъ очень хорошо. Не постави сего, Господи, мнѣ во грѣхъ.

1863 года. Съ особеннымъ утѣшеніемъ и назиданіемъ для меня я прочелъ отвѣтъ митрополита Филарета Саввѣ при его нареченіи. Это слово мужа апостольскаго. Какой чудный, благодатный духъ вѣетъ въ немъ!

1863 года іюня 30-го я встрѣчалъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ государя наслѣдника и говорилъ ему рѣчь. 1 іюня служилъ паннихиду по императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ для государя наслѣдника въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Декабря 2-го. Прочиталъ объ Аeonѣ статьи. Очень горько было читать о разстроеномъ положеніи монастырей, а еще горчае глумленія надъ подвижничествомъ

въ общежительныхъ монастыряхъ. Но видно очень хороша въ нихъ жизнь, что, глумясь надъ духомъ монашества, авторъ не нашель чѣмъ монаховъ упрекнуть, кромѣ какъ лишеніями, трудностію и тягостію жизни, которую они проводятъ ради царства небеснаго.

1864 года 24-го октября на день празднества иконѣ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ Радости, я получилъ указъ объ утвержденіи Боголюбской Общины. Великая милость ко мнѣ съ Господа; да будетъ она пристанищемъ спасаемыхъ душъ.

Костромской женской гимназіи строитель выстроилъ церковь въ гимназіи самовольно, поставилъ въ ней иконостасъ, престолъ и жертвенникъ. При одномъ изъ свиданій я оказалъ ему, что по правиламъ вселенскихъ соборовъ церковь и монастырь, воздвигнутые безъ благословенія епископа, да разрушатся. Что же мнѣ 18 ноября сказали? Въ ночь на 17-е число церковь и иконостасъ сгорѣли; вынесли только нѣсколько иконъ и плащаницу. Дивны пути Промысла!

1865 года октября 21-го. Получилъ я донесеніе, что о. Іоаннъ, бывший инспекторъ и мой товарищъ, скончался съ христіанскимъ отсутствіемъ. Да помянетъ его Господь во царствіи. Самъ ли онъ, люди ли были причиною, но онъ много несъ скорбей. Да вмѣнитъ ему ихъ Господь Богъ во очищеніе грѣховъ его. Вотъ мои товарищи; по академіи почти всѣ перешли въ другую жизнь. Невольно приходитъ на мысль: когда-то Господь и меня воззоветъ отсюда? Дай Господи умереть съ покаяніемъ и въ надеждѣ на вѣчную жизнь.

Въ октябрьской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія», въ воспоминаніяхъ о митрополитѣ Филаретѣ, упоминается о Китаевскомъ пустынникѣ. Это — я. Но есть невѣрность: мнѣ никогда митрополитъ не говорилъ: вы, а всегда: ты

1866 года марта 31 я служилъ по случаю праздника св. священно-мученика Ипатія литургію, чего лишень былъ по моей тяжкой болѣзни съ октября мѣсяца. По

приходѣ изъ церкви я получилъ отъ оберъ-прокурора св. Синода увѣдомленіе, что 27 марта я Всемиловитѣйше пожалованъ орденомъ свят. Владиміра 2-й степени. 16 апрѣля получены мною и орденъ и Высочайшая грамота. Не меньшее утѣшеніе мнѣ доставила бумага оберъ-прокурора о томъ, что Синодъ по моему представленію разрѣшилъ болѣе чѣмъ удвоить содержаніе начальниковъ и наставниковъ семинарій и училищъ. Благодарю Господа, что Онъ далъ мнѣ быть орудіемъ милости для многихъ.

Мая 18-го я получилъ отъ преосвященнаго Нектарія извѣстіе, что государемъ утверждень докладъ Синода объ открытіи въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ на мѣстныхъ средства викаріатствъ. Это назначеніе викаріатства считаю особенною ко мнѣ милостію Божіею. Ибо изпемогаю въ силахъ очень. Въ тотъже день получено разрѣшеніе на покупку дома для семинаріи у купцовъ Стригалевыхъ съ благодарностію отъ государя мнѣ и духовенству. Дѣло о помѣщеніи семинаріи, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, стоило мнѣ много заботъ и скорбей. Слава Богу, что оно рѣшилось благополучно.

1866 года сентября 29-го я отправился въ Сергіеву Лавру для поклоненія святынѣ лаврской и митрополиту Филарету. Прибылъ въ Лавру 1-го октября вечеромъ, а 2-го былъ у митрополита; потомъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ректоромъ академіи А. В. Горскимъ и братомъ Петромъ. Митрополитъ преисполненъ благости. Говорилъ о нововведеніяхъ по семинаріи и духовенству. Болѣе всего опасается развитія въ духовенствѣ духа оппозиціи, тогда какъ духовенство должно сохранять духъ кротости и послушанія. Не ожидаетъ добра отъ участія духовенства по отношенію къ училищамъ. Добрые промолчатъ и уклонятся, а худые стануть говорить и кричать на вредъ. Говорилъ, что теперь трудная времена. Надобно намъ молиться. Я сказалъ: «Такъ. Но надобно дѣйствовать. Хорошо было бы, еслибы возобновились по древнему помѣстные соборы; мы бессильны потому, что одиноко дѣй-

ствуемъ». «Но могутъ быть несогласія?» — «Это неизбѣжно на первый разъ, сказалъ я, но впослѣдствіи, когда узнаютъ другъ друга, несогласія будутъ уничтожаться». — «Оберъ-прокуроръ иногда рѣзко дѣйствуетъ», сказалъ онъ. Онъ показалъ мнѣ портреты государей, пожалованные ему на 5 августа. Великолѣпный подарокъ! Благословилъ меня образомъ преподобнаго Сергія, который можно носить вмѣсто панагіи. Отецъ намѣстникъ Антоній благословилъ меня частицами мощей преп. Сергія. Давая мнѣ, сказалъ, что онъ скоро умретъ и передастъ мнѣ свое сокровище. На обратномъ пути изъ Лавры освящаль, съ дозволенія мѣстнаго архіерея, храмъ Похвалы Богоматери въ Переславскомъ Даниловѣ монастырѣ. Къ крайнему моему горю не могъ захватить въ Ростовъ и поклониться мощамъ Ростовскихъ святителей. Въ Ярославлѣ былъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Прекрасное помѣщеніе. У преосвященнаго Ярославскаго Нила пообѣдалъ и въ ночь отправился въ Кострому.

Ноября 19-го скончался ударомъ митрополитъ Филаретъ. Какъ будто Господь нарочно устроилъ мнѣ свиданіе съ нимъ за полтора мѣсяца до его смерти, чтобы съ нимъ проститься и дать ему послѣднее цѣлованіе.

Декабря 7 прочиталъ «Рѣчи и Слова» въ память усопшаго митрополита Филарета, и удивился, что эти проповѣдники мало знали его. Они не указали на отличительныя высокія качества его: 1) что ничего не дѣлалъ для блеска, для шума, для показа, для того, чтобы заговорили о немъ, да и другихъ удерживалъ отъ сего. 2) На твердость его любви. Если онъ кого полюбилъ, то ужъ не разлюбивалъ и защищаль любимыхъ отъ всѣхъ нападеній предъ кѣмъ бы то ни было. 3) На его воздержанность въ словѣ. Онъ не говорилъ ничего не подумавши, не лгалъ, не хвасталъ, не льстилъ. Въ этомъ отношеніи трудно найти людей ему подобныхъ. А только мудрый мужъ безмолвіе водить. 4) Онъ не обременялъ подчиненныхъ дѣлами выше силъ; напротивъ всегда старался самъ

сдѣлать все, что могъ сдѣлать, и работалъ, какъ послѣдній приказный не только за себя, но и за другихъ. 5) Отвѣтственность за дѣла никогда не сваливалъ на другихъ, но самъ на себѣ песь немощи немощныхъ, какъ апостоль Павель. 6) На глубоко сокровенную иноческую и благочестивую жизнь сго, на тайныя благодворенія. Онъ не старался выказать себя набожнымъ, ревнителемъ подвиговъ иноческихъ, но дѣйствительно былъ и молитвенникъ и подвижникъ.

1868 года февраля 15-го. Благодареніе Господу Богу совершившему нынѣ одиннадцатилѣтіе мнѣ, какъ я именованъ Костромскимъ. Да усмотритъ Его милосердіе въ моемъ служеніи что-либо благоугодное Ему и благопотребное для церкви.

Августа 29-го. Вопросъ о соборѣ, какъ я вчера услышалъ, уже рѣшенъ святыми прозорливцами. Исаія, возстановитель пли основатель Никифоровской пустыни въ пятидесятыхъ годахъ, изрекъ: будетъ слово о соборѣ, но, по духу времени, не допустятъ ему состояться. Онъ же предсказываетъ, что монашеству близокъ конецъ.

Окончился 1868 годъ. Благодареніе Господу Богу; сей годъ былъ для меня годомъ милости Божіей. 1) Возведенъ въ санъ архіепископа. 2) Удостоился увидѣть совершеніе и совершить освященіе теплаго Богоявленскаго собора. 3) Удвоено мое жалованье. 4) Значительно поправилось здоровье чрезъ электро-гальванизмъ. 5) Много было другихъ мнѣ только внутренно вѣдомыхъ знаменій Божіей милости. Съ 25 декабря слегъ въ постель и тяжело страдалъ отъ воспаленія печени, оставаясь безъ пищи до новаго года. Были приставляемы півки, отъ коихъ крайне ослабѣлъ въ силахъ. Слава Господу Богу и за сію болѣзнь, которая избавила меня отъ обязанности праздничныхъ посѣщеній и пріемовъ и обращала мое сердце къ Господу Богу.

1869 года 15 февраля совершилось двѣнадцать лѣтъ моему назначенію Костромскимъ. Число знаменательное

и въ писаніи, и въ церковномъ употребленіи, и въ общежитіи. Мнѣ теперь пять разъ 12 годъ. Да благословитъ Господь мое служеніе, да даруетъ мнѣ и разумъ и силы къ совершенію онаго.

1869 года 25 марта предъ литургіею во время благовѣста я получилъ указъ свят. Синода о переименованіи Вознесенской города Кинешмы богадѣльни въ общину. Да будетъ это для нея знаменіемъ покровя Божіей матери. Вотъ ужъ другая община въ Костромской епархіи открывается при мнѣ. Указъ объ открытіи Боголюбской общины я получилъ въ день Скорбящей Божіей Матери, а объ открытіи Вознесенской въ день Благовѣщенія. Уже ли это случайность? Вѣрую, что это дѣло Промысла Божія и знаменіе покровя пресв. Богородицы.

1870 года марта 19-го. Иркутскій владыка пишетъ мнѣ, что обрѣтено нетлѣнное тѣло епископа Иркутскаго Софронія. Погребено безъ склена. Руки бѣлы, какъ снѣгъ; все облаченіе цѣло. Были исцѣленія.

1871 года на 3 апрѣля въ 11 часовъ ночи скончался мой благодѣтель и искренній другъ Алексѣй Ивановичъ Полѣновъ, Кинешемскій почетный потомственный гражданинъ, напутствованный не разъ покаяніемъ и причащеніемъ св. таинъ. Онъ чтить меня какъ святителя, любилъ меня всею силою прямой и чистой души. Онъ благодѣтельствовалъ многимъ бѣднымъ, принималъ къ себѣ въ домъ монаховъ, священниковъ, жертвовалъ много на церкви и монастыри. Онъ подавалъ свою помощь въ самыя нужныя времена безъ всякой просьбы, безъ всякаго напоминанія, какъ будто ангель хранитель внушалъ ему. Подобнаго ему не встрѣчалъ въ жизни моей. Да помянетъ его Господь во царствіи своемъ. Тяжка, крайне тяжка для меня потеря эта.

1873 года 21 января получена мною слѣдующая телеграмма: архіепископъ Парѣеній отъ воспаленія легкихъ ночью на 21-е января скончался. Въ немъ я имѣлъ друга, съ которымъ откровенно дѣлилъ свои мысли. Никто такъ,

какъ преосвященный Пареній, не сочувствовалъ мнѣ, и ни одного архіерея понятія и дѣйствія такъ не были мнѣ по сердцу, какъ его.

1873 года августа 24-го на Костромскомъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства сдѣлано постановленіе отчислить двѣ тысячи рублей для учрежденія въ семинаріи стипендіи моего имени. 25 представленъ адресъ съ выраженіемъ ко мнѣ чувствъ любви и благодарности. Я плакалъ отъ умиленія. Замѣчательно то, что состоялось утѣшительное для меня постановленіе 24 августа, въ день пожара въ Казани, истребившаго семинарію. Чрезъ 31 годъ Господу угодно было меня утѣшить за этотъ день скорби. Ноября 27-го настоятели и настоятельница монастырей поднесли мнѣ 125 рублей для учрежденія стипендіи моего имени въ училищѣ. Воздай имъ Господи за меня грѣшнаго своею высокою и богатою милостію.

Въ концѣ 1874 и въ началѣ 1875 года находясь въ болѣзненномъ состояніи и испытывая много скорбей, также желая оплакать грѣхи прошедшей жизни моей, я пришелъ къ мысли: изъ чего мнѣ биться на службѣ? Не лучше ли укрыться отъ всего на покой и тамъ только плакать о своихъ грѣхахъ? Молилъ Господа Бога, чтобы Онъ мнѣ сказалъ объ этомъ свою волю. Съ этою мыслию я написалъ о моемъ намѣреніи митрополиту Кіевскому Арсенію и находящемуся на покой въ Вышенской пустыни Теофану, бывшему епископу Владимірскому. Въ одинъ разъ я получилъ отъ нихъ отвѣтъ. Митрополитъ Арсеній писалъ: «вы подумываете объ удаленіи на покой. Нѣтъ, нѣтъ, возлюбленный архипастырь, именемъ святой православной церкви и вмѣстѣ нашей дружбы и любви умоляю васъ эту думу свою отложить въ дальній ящикъ до послѣдней крайности. Подражайте въ этомъ дѣлѣ митрополиту Московскому, который и при полной слѣпотѣ не думаетъ отъ своей кафедры отказываться; и хорошо дѣлаетъ, желая служить Господу, дондеже есть. Прочитавъ двѣ книжки мнѣнній архіерейскихъ и консисторскихъ о

проектъ судебной реформы, неужели не убѣдились вы, что вы еще нужны и очень нужны для церкви на вашемъ мѣстѣ?—Е. Ософанъ пишетъ: «извольте работать въ вертоградъ Божию до заката солнечнаго и думать вамъ о покоѣ воспрещается. Надлежитъ вамъ каяться и духовнику своему исповѣдывать такіе помыслы, какъ грѣшныя, и эпитимію просить. Развѣ нельзя при занятіяхъ дѣлами улучать не только минуты, но и часы для совершеннаго уединенія? Можно. Кіевскій владыка имѣлъ комнату, куда, покончивъ дѣла, укрывался и тамъ одинъ съ единымъ Господомъ отдыхалъ во внутреннемъ покоѣ. Въ комнатѣ ничего не было, только треугольникъ съ большимъ Распятіемъ въ углу, предъ нимъ аналой и книга псалтирь и къ одному окну столикъ простой работы. На столикѣ большое Евангеліе. Тутъ онъ молился, читалъ и богомыслиствовалъ. Извольте себѣ устроить такую комнату и прячьтесь тамъ, какъ только бывастъ часъ свободный. А о покоѣ переставьте думать. Вражье искушеніе. Плюньте на него, когда будетъ приходиться».

21 декабря было совершенно освященіе дома, устроеннаго духовенствомъ для житья своекоштнымъ ученикамъ. По опредѣленію бывшаго въ августѣ съѣзда духовенства, особая коммиссія поднесла мнѣ адресъ, въ которомъ сдѣланъ обзоръ всей моей службы въ теченіи почти 19-ти лѣтъ.

1876 года. На 1-е марта скончалась сестра моя Екатерина Симоновна. Погребена въ Сергіевой Лаврѣ на съверной сторонѣ Успенскаго собора.

8 марта скончался въ восемь часовъ утра преосвященный Агаѳангелъ, архіепископъ Волынской. 16 февраля писалъ онъ мнѣ чужою рукою: «лѣчили меня и электричествомъ. Не только безъ пользы, но съ явнымъ вредомъ. Прежде ноги еще могли стоять и, хотя слабо, ходить съ помощію двухъ человѣкъ. А теперь когда становлюсь, то колѣна подгибаются. Два человѣка протащутъ иногда по комнатѣ, но дѣлается дурно отъ утомленія. Весьма буду

радъ, если отъ этихъ страданій свободить меня совершенное прекращеніе жизни». Вотъ и исполнилось желаніе его. Съ нимъ я сталъ знакомъ съ 1832 года. Вмѣстѣ служили въ академіи. Съ нимъ я могъ откровенно объясняться. Хотя онъ и не былъ согласенъ со мною нерѣдко, но умѣлъ хранить сообщенное ему.

Апрѣля 28 въ ночь въ два часа скончался въ С.-Петербургѣ Кіевскій митрополитъ Арсеній. Я получилъ телеграмму о смерти его въ соборѣ Богоявленскомъ во время литургіи. 30 числа получилъ отъ Арсенія письмо, писанное имъ 24 въ отвѣтъ на мое письмо. Я писалъ ему о тяжкомъ для насъ распоряженіи относительно постройки семинаріи, которое имѣлъ скорбь получить среди радостныхъ дней Пасхи. Митрополитъ пишетъ: «скорбь ваша справедлива и тяжка; я зналъ о ней и прежде, но не писалъ вамъ потому, что не видѣлъ и не вижу никакого противъ нея врачевства. Конечно, законъ даетъ вамъ право и сотрудникамъ вашимъ изыскивать средства для противодѣйствія такой вопіющей неправдѣ; но это будетъ уже зависѣть отъ васъ самихъ и отъ умѣнья вести дѣло; ручаться за послѣдствія въ пользу истины при нынѣшнемъ положеніи нашего общества и судопроизводства никому невозможно. Тайна беззаконія дѣется, умѣя искусно и юридически закрывать слѣды свои. Что же касается до предполагаемаго вами обвиненія васъ и сотрудниковъ вашихъ въ чемъ-либо неблагопріятномъ для васъ, то въ этомъ отношеніи будьте совершенно покойны,—и тѣни подозрѣнія ни малѣйшаго не имѣется. У насъ нынѣ дѣлоискусники слѣдуютъ другому порядку: вѣрятъ искренно вашей честности и добросовѣстности, а между тѣмъ дѣло ведутъ по своему, не колеблясь, не смущаясь, потому что ихъ собственные интересы того требуютъ. Что съ этимъ народомъ, въ хищничествѣ и козняхъ закаленнымъ, подѣлаешь,—мы безсильны; одинъ только Господь Богъ рано или поздно можетъ помочь намъ».

Ноября 2-го. Прочиталъ статью объ А. В. Горскомъ.

Въ дѣлности производитъ впечатлѣніе довольно благопріятное, но жизнь студенческая очерчена по отрывочнымъ запискамъ. Я два года былъ ея свидѣтелемъ. Его, равно какъ и Восторгова, бывшаго старшимъ въ 10 №, всѣ боялись, какъ наперсника инспектора Евлампія. Они почти ежедневно послѣ ужина ходили къ Евлампію для какого-то толкованія писанія и просиживали у него иногда до 12 часовъ. Къ А. В. Горскому въ комнату почти никто изъ товарищей не ходилъ; изрѣдка приходили земляки его. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ почти ничего. Всегда былъ за дѣломъ. Всѣ мы занимались за общимъ столомъ, по у комнатныхъ старшихъ былъ особый столикъ, на немъ они пили чай и занимались. Столикъ А. Васильевича былъ поставленъ между двумя окнами; онъ когда садился за него, то не видалъ никого. Когда онъ былъ за дѣломъ, то никто изъ насъ не позволялъ себѣ говорить громко, а говорили шепотомъ и никто не ходилъ по комнатѣ. Насъ было шесть человѣкъ въ комнатѣ, четверо ярославцевъ и двое виоанцевъ. Всѣ вели себя весьма скромно. Ярославцы по крайней своей бѣдности и чаю не пили никогда. Послѣ помѣщенъ былъ къ намъ еще ярославецъ. Этотъ иногда бурлилъ, но мы его стращали А. В. Горскимъ, и онъ стихалъ, хотя напередъ выругавшись. А. В. Горскій былъ у насъ уставщикомъ и очень громко читалъ и канонаршилъ. Это было ему самое пріятное занятіе. Когда онъ на праздники уѣзжалъ, то у насъ было ощутительно лишеніе его.

15 декабря я получилъ отъ Бабаевского архимандрита Густина, что въ монастырѣ нынѣ въ десятомъ часу скончался преосвященный Леонидъ Ярославскій. Онъ, обозрѣвая свою епархію, прибылъ на ночлегъ въ Бабаевскій монастырь съ 13 на 14 число. 14 обозрѣвалъ нѣсколько церквей своей епархіи и прибылъ опять въ Бабаевскій монастырь. 15 числа, отслушавъ утреню и раннюю литургію, почувствовалъ себя чрезвычайно слабымъ, а въ половинѣ 10 часа утра, пріобщившись св. таинъ, скон-

чался въ настоятельскихъ келліяхъ. Мною дано знать о семъ по телеграфу тогоже 15 числа митрополиту Исидору и оберъ-прокурору Синода.

23 декабря викарій преосвященный Геннадій возвратился изъ Ярославля, совершивъ вынось тѣла архіепископа Леонида изъ Бабаевского монастыря и предавъ его погребенію въ Ярославль. Запаха отъ тѣла, говоритъ онъ, нѣтъ никакого. Въ Бабаевскомъ онъ всѣхъ привлекъ къ себѣ своею любовію и ласковостію.

Этимъ годомъ оканчиваются записки преосвященнаго Платона. Съ начала 1877 года онъ сталъ сильно изнемогать. Въ февралѣ 1877 года онъ писалъ своему брату: «все я изнемогаю, лежу на постелѣ. По ночамъ бывасть нестерпимый ломъ и жаръ въ ногѣ. Мало я пользуюсь среди болѣзни временемъ для души своей. Не удастся почитать душеспасительныхъ «свято-отеческихъ твореній». Въ мартѣ 3 писалъ: «лекаръ объявилъ мнѣ, что онъ желалъ бы созвать консиліумъ. Конечно я охотно согласился. Но я подумалъ, что лекаръ исполняетъ свой долгъ, а я забылъ о своемъ, чтобы призвать пресвитеры церковныя, да сотворятъ молитву и помажутъ слезамъ, и рѣшился просить совершить надъ собою таинство. Вечеромъ 28 февраля оно и совершенно преосвященнымъ Геннадіемъ съ шестью старцами Ипатскими. Благодарю Господа, что Онъ сподобилъ меня сего таинства». Марта 16 писалъ: «здоровье мое не поправляется. И лекаръ говоритъ, что ничего со мною нельзя подѣлать до Пасхи, когда откроется возможность дать пищу питательную. Теперь я слабѣю отъ оскудѣнія пищи». 1 мая преосвященный Платонъ отправился въ любимый свой загородный домъ Солониково и 12-го числа въ 11 часовъ ночи мирно скончался.

А. Б.

СТЕПЕНИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

СЛОВО НА ПОВЫЙ ГОДЪ *).

„Не сообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего“. (Рим. 12, 12). „Сотворите себѣ сердце ново и духъ новъ“ (Езек. 18, 31).

Вотъ благожеланія, которыя въ настоящій день наиболѣе прилично произнести среди церкви служителю церкви. Это благожеланія апостольскія и пророческія. Это благожеланія самого Бога. Богатство, честь, здравіе тѣлесное и другія внѣшнія блага, которыхъ по преимуществу желаютъ нынѣ люди другъ другу, преходящи. *Какъ польза человеку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мѡ. 16, 26)? Итакъ обновленіе ума и сердца, главныхъ силъ безсмертнаго духа, а съ ними обновленіе и всего духа да будетъ нынѣ предметомъ нашего размышленія.

Весьма разнообразны виды и степени духовной жизни людей, принадлежащихъ къ обществу христіанъ. Мы остановимъ вниманіе на главнѣйшихъ изъ нихъ.

1) Есть люди, которые въ дѣтствѣ рождены въ духовную жизнь святымъ крещеніемъ, чрезъ помазаніе святымъ мѡромъ содѣлались храмами Духа Божія и многократно сподоблялись принимать въ себя Господа Иисуса въ святомъ причащеніи, но пришедши въ возрастъ потеряли вѣру не только въ Господа Иисуса, но и въ Бога Творца и Вседержителя міра. Такое состояніе ихъ, по Святому

*) Произнесено въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ 1 января 1882 года.

Писанію, не есть уже жизнь, но сонъ души, или смерть духовная. Они и сами увѣряютъ, что нѣтъ въ нихъ разумно-свободной безсмертной души, а всѣ мысли ума ихъ и чувствованія ихъ сердца суть только необходимыя проявленія силъ природы, какъ движенія вѣтра и волненія воды. Но и силы природы дѣйствуютъ по законамъ, даннымъ имъ отъ премудраго Бога живаго и по временамъ непосредственно и явно направляются Имъ Самимъ, какъ это видимъ въ знаменіяхъ и чудесахъ; а богоотступники возстаютъ противъ законовъ Жизнодавца и потому не только мертвы сами, но и вокругъ себя распространяютъ разрушеніе и смерть. Направимъ къ нимъ благожеланіе апостольское: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и осветитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14). На всѣхъ истинно вѣрующихъ христіанахъ лежитъ непремѣнный долгъ возбуждать сихъ несчастныхъ отъ сна смертнаго и словомъ и дѣломъ, насколько кому это возможно, и молиться Господу Богу о вразумленіи ихъ; ибо умноженіе ихъ угрожаетъ великими бѣдствіями обществамъ человѣческимъ. Страшенъ голодъ и ужасна чума; но они убиваютъ только тѣла, часто воскрешая души грѣшниковъ; а зараза невѣрія и нечестія убиваетъ самыя души людей.

2) На другой степени въ отношеніи къ духовной жизни стоятъ тѣ люди, которые произошли отъ христіанъ, но пришедши въ возрастъ, оставили вѣру отеческую и составили свою вѣру по своему складу мыслей и расположеній сердечныхъ. Большая часть изъ нихъ вѣруютъ въ единаго Бога Творца и Правителя міра и въ будущую жизнь; но воплощеніе на землѣ Сына Божія для спасенія рода человѣческаго и принесенное Имъ на землю ученіе о Богѣ, единомъ по существу и тронномъ въ лицахъ, представляются имъ столь великими тайнами, что они не могутъ вмѣститься въ ихъ умъ и сердце и превышаютъ мѣру ихъ вѣры. Двумя путями эти люди могутъ возвратиться въ лоно церкви Христовой,—путемъ внимательнаго изученія вѣры христіанской и путемъ доброй жизни.

Вѣра христіанская не есть вѣра безотчетная, но вѣра разумная. Господь Иисусъ Христосъ благоволилъ явиться въ міръ, когда образованность и письменность распространились между народами. Его жизнь, исполненная величайшихъ чудесъ, Его божественно-просвѣтительное и высокоправственное ученіе записаны учениками Его и слушателями учениковъ Его на языкѣ, наиболѣе распространенномъ между образованными народами. И кто внимательно и безпристрастно будетъ изучать исторію основанія церкви Христомъ, тотъ ясными доказательствами убѣдится, что святыя Евангелія дѣйствительно написаны апостолами самовидцами Господа (Іоан. 1, 14. 1 Іоан. 1, 1—4) и слушателями самовидцевъ Его (Лук. 1, 1—4). Онъ увидитъ, что самыя строгіе въ отношеніи къ Святому Писанію критики западныхъ странъ, предубѣжденные анти-христіанскою философіею противъ возможности чудесъ въ мірѣ, напрасно употребивъ всѣ усилія ума своего къ тому, чтобы какимъ бы то ни было образомъ заподозрить подлинность Евангелій и другихъ писаній апостольскихъ, ничего даже не могли сказать противъ подлинности самыхъ важнѣйшихъ посланій апостола Павла, несмотря на всю широту ихъ совѣсти въ этомъ дѣлѣ *). Но и изъ этихъ посланій несомнѣнно видно, что апостолы и современные имъ христіане всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ своимъ вѣровали въ чудеса Господа Иисуса и въ самое важнѣйшее изъ нихъ—воскресеніе Его изъ мертвыхъ (1 Кор. гл. 15) и исповѣдывали Его, какъ Единороднаго Сына Божія, сошедшаго на землю для спасенія людей (Гал. 4, 4). Но апостолы не только вѣровали въ истинныя, видѣнныя ими чудеса Господа, но и сами творили великія чудеса. Въ этомъ убѣждаетъ насъ книга Дѣяній апостольскихъ, написанная евангелистомъ Лукою, собесѣдникомъ самовидцевъ Господа и

*) Посланіе къ Римлянамъ, оба посланія къ Коринѳянамъ и посланіе къ Галатамъ.

сотрудникомъ апостола Павла, въ которой онъ ясно представляетъ себя очевидцемъ многихъ, описанныхъ имъ, чудесъ, совершенныхъ святымъ Павломъ (Дѣян. гл. 16, гл. 20 и 21; гл. 27 и 28). Самъ святой апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ, которыя, какъ мы сказали, признаютъ написанными имъ и самыя невѣрующіе во Христа, неоднократно говоритъ о томъ, что Самъ Христось помогаль ему распространять святое благовѣствованіе знаменіями и чудесами; такъ и въ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ онъ пишетъ о себѣ: *признаки апостола okazались предъ вами всякимъ терпѣніемъ, знаменіями, чудесами и силами* (2 Кор. 12, 12. Римл. 15, 19). Мало того: онъ пространно говоритъ Коринѳянамъ о великихъ чудесныхъ дарованіяхъ Святаго Духа, какъ-то: о дарахъ исцѣленій, пророчества, глаголанія иноземными языками и другихъ, которыхъ удостоивались современные ему христіане, и среди самыхъ Коринѳянъ находившіеся (1 Кор. 12—14).

Впрочемъ о божествѣ Господа Иисуса свидѣтельствуютъ не только писанія апостоловъ, но и всѣ послѣдующіе восемнадцать вѣковъ христіанской церкви. Имелемъ Его и вѣрою въ Него отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней совершены тмы темъ величайшихъ чудесъ и тысяча тысячъ записаны очевидцами, или тѣми, надъ которыми они совершились. Святые отцы и знаменитые писатели втораго и третьяго вѣковъ, защищая распространяющуюся святую вѣру противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ, многократно указывали имъ на эти важнѣйшія доказательства божественности вѣры христіанской. Святой Иринеи, епископъ Ліонскій, запечатлѣвшій свою вѣру во Христа мученическою смертію въ 202 году, во время жизни своей писалъ противъ еретиковъ о современныхъ ему христіанахъ: «Истинные ученики Иисуса Христа, получая отъ Него благодать, совершаютъ во имя Его чудеса во благодареніе другимъ людямъ сообразно съ тѣмъ, какъ каждый изъ нихъ получилъ отъ Него дарова-

ніе. Ибо одни истинно и несомнѣнно изгоняють демоновъ, такъ что сами освобожденные отъ злыхъ духовъ часто дѣлаются вѣрующими и обращаются къ Церкви. Иные имѣють предвѣдѣніе будущаго, видѣнія и пророческія рѣчи. Другіе исцѣляютъ больныхъ чрезъ возложеніе рукъ; даже и мертвые воскресали и пребывали съ нами довольно лѣтъ» *) Тертуліанъ, образованный и способнѣйшій римскій правовѣдъ въ Африкѣ, а по обращеніи въ святую вѣру чудесами христіанъ пресвитеръ христіанскій († около 220 года), писалъ къ правителю Африки Скапулѣ: «у кого изъ васъ нѣтъ родственника, дитяти, друга изъ значительнаго класса людей (не говорю о народѣ), которыхъ бы христіане не избавляли отъ демоновъ, или не исцѣляли отъ болѣзней? Самъ Северъ, отецъ Антониновъ, имѣлъ случай похвалиться христіанами. Онъ призвалъ къ себѣ нѣкоего Прокла, который вылечилъ его отъ болѣзни, помазавъ святымъ елеемъ. Онъ за то повелѣлъ кормить и держать его въ собственномъ своемъ дворцѣ». Извѣстнѣйшій по учености и свободному философскому уму мужъ третьяго вѣка Оригенъ, при императорѣ Декии мужественный исповѣдникъ вѣры Христовой († 254 г.), въ своемъ сочиненіи въ защиту божественности христіанской вѣры противъ языческаго философа Цельса говорить: «слѣды Святаго онаго Духа, явившагося въ видѣ голубя (при крещеніи Христовомъ) сохраняются доселѣ у христіанъ; ибо они изгоняють демоновъ, совершаютъ многія исцѣленія и видятъ нѣчто изъ будущаго, по изволенію Слова. Многое мы знаемъ въ этомъ отношеніи. И еслибы стали объ этомъ писать, то несмотря на то, что мы сами при этомъ присутствовали и это видѣли, дали бы невѣрнымъ поводъ къ смѣху; они подумали бы, что мы обманываемъ и сами это выдумали. Но Богъ свидѣтель нашей совѣсти: мы желаемъ утверждать божественное ученіе Христово не ложными сказками, но ясными разными доказательствами»

*) Противъ ерес. вл. II гл. 32. § 2 и 4.

(Кн. I. § 46). Подобное онъ много разъ повторяетъ въ этой книгѣ. Тоже говорятъ и другіе христіанскіе писатели того времени.

Отцы четвертаго вѣка, знаменитѣйшіе по образованности христіанской и внѣшней и по высотѣ духовной жизни, свѣтила всей вселенской церкви: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Ефремъ Сиринъ и другіе, въ своихъ писаніяхъ повѣствуютъ о разныхъ чудесахъ, совершившихся или надъ ними самими, или надъ членами ихъ семействъ, или надъ другими современными имъ лицами. Пусть колеблющійся въ вѣрѣ остановитъ свое вниманіе на этомъ вѣкѣ ожесточенныхъ споровъ о божествѣ Господа Иисуса. Онъ увидитъ, что первый вселенскій соборъ святителей всего христіанскаго міра, согласно съ святымъ Евангеліемъ (Мѣ. 16, 16. Іоан. 1, 1—4; 10, 30; 20, 28) и всѣмъ святымъ Писаніемъ, исповѣдалъ свою вѣру въ Господа Иисуса, какъ единосущнаго Отцу, и осудилъ Арія, низводившаго Его на степень твореній. На этомъ соборѣ были святые мужи, совершавшіе великія чудеса по вѣрѣ въ Сына Божія; таковы: Іаковъ Низивійскій, Спиридонъ Триміеунтскій, Пафлутій Оивайдскій исповѣдникъ, Ипатій Гангрскій, Николай Мврликійскій и другіе. И послѣ вселенскаго собора въ томъже четвертомъ столѣтіи споры о божествѣ Господа Иисуса продолжали волновать умы христіанъ. Императоры не разъ и на долгое время становились на сторону неправовѣрующихъ. Но самъ Господь дивными знаменіями даровалъ побѣду православію. Святой Василій Великій, память коего празднуетъ нынѣ Церковь, дважды подвергался великой опасности за исповѣданіе единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. Въ 372 году императоръ Валентъ, обозрѣвая восточныя страны, прибылъ въ Кесарію Каппадокійскую. Аріане убѣдили его осудить Василя на изгнаніе; ибо онъ былъ оплотомъ православія на Востокъ. Наступаетъ почъ, Василю уже приготовлена колесница. Но шестилѣтній сынъ императора

Галатъ поражается болѣзнію. Лучшіе врачи не подаютъ облегченія. Императоръ, сознавая свой грѣхъ, призываетъ Василия и просить молитвъ его о сынѣ. Съ приходомъ святителя болѣзнь облегчается. Святитель обѣщаетъ исцѣленіе, если болящій будетъ крещенъ въ православной вѣрѣ. Царь изъявляетъ согласіе. Сынъ выздоравливаетъ. Но аріане превозмогаютъ и крестятъ его своимъ крещеніемъ и онъ въ непродолжительномъ времени скончался. Василий остался на своемъ святительскомъ престолѣ. Въ другой разъ императоръ, находясь въ Антиохіи Сирской, возбужденъ былъ аріанскими епископами противъ Василия и рѣшилъ выдать его обвинителямъ. Но когда онъ началъ подписывать приговоръ, пишущая трость въ рукѣ его сокрушилась; онъ беретъ другую, но и съ нею тоже; когда же преломилась и третія трость, императоръ оставилъ намѣреніе. Объ этихъ знаменіяхъ повѣствуютъ святой Григорій Богословъ, бывший во время перваго событія въ Кесаріи при другѣ своемъ Василии, святой Ефремъ Сиринъ, лично знавшій святителя, и ближайшіе по времени историки.

Вскорѣ подобное и еще болѣе разительнымъ образомъ повторилось на Западѣ. Царица Іустина, мать юнаго императора Валентиніана II, зараженная ересію аріанскою, жестоко напала на святителя Медиоланскаго Амвросія, который съ великимъ успѣхомъ очищалъ Италію отъ этой ереси. Въ 386 году, среди разгорѣвшейся борьбы, Амвросію угрожала великая опасность. Въ это время онъ удостоивается откровенія свыше о мощахъ святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія, похороненныхъ подъ церковнымъ помостомъ. Мощи открыты съ сохранившеюся въ большомъ количествѣ свѣжею кровію. При этомъ исцѣлены многіе бѣсноватые и одержимые разными болѣзнями; но особенно обратило на себя вниманіе всѣхъ слѣдующее чудо. Северъ, извѣстный всему городу, какъ слѣпой, во время торжественнаго перенесенія мощей, касаясь платкомъ покрыва мучениковъ, подноситъ его къ сво

имъ глазамъ и прозрѣваетъ на глазахъ всѣхъ. Объ этомъ чудѣ повѣствуетъ Павлинъ, описавшій жизнь святаго Амвросія и лично знавшій исцѣленнаго, ибо прозрѣвшій Северъ остался и болѣе 25 лѣтъ служилъ при храмѣ мучениковъ. Объ этомъ и другихъ чудесахъ, при открытіи сихъ мощей бывшихъ, много разъ говорилъ въ поученіяхъ къ своей паствѣ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ блаженный Августинъ, епископъ Иппонскій, который во время обрѣтенія мощей находился въ Медиоланѣ и еще не былъ крещенъ, ибо онъ долго колебался въ отношеніи вѣры. Объ этомъ обрѣтеніи мощей, прозрѣніи слѣпца и другихъ чудесахъ отъ нихъ самъ святой Амвросій обстоятельно повѣствуетъ въ письмѣ къ сестрѣ своей Марцелинѣ, а въ письмѣ къ императору, который самъ въ то время также былъ въ Медиоланѣ, онъ по случаю чуда съ Северомъ укоряетъ арианъ за невѣріе. Эти дивныя событія, въ дѣйствительности которыхъ не могло быть никакого сомнѣнія, такъ подѣйствовали на царицу мать, что она прекратила преслѣдованіе Амвросія и православныхъ.

Великіе подвижники сего вѣка, прославленные дарованіями чудотворенія и пророчества, выходили изъ своихъ пустынь въ города, чтобы предъ всѣмъ народомъ засвидѣтельствовать свою вѣру въ Сына Божія, единосущнаго Богу Отцу. Для сей цѣли Антоній великій являлся въ Александрію, а преподобный Іуліанъ-Савва въ Антіохію Сирскую, и оба совершили при этомъ великія знаменія. Еслибы ученіе о божествѣ Господа Іисуса было чело-вѣческое, неправое, сталъ ли бы Богъ творить въ защиту его и исповѣдниковъ его знаменія и чудеса? Время не позволяетъ намъ говорить о многихъ великихъ чудесахъ, совершенныхъ въ церкви Христовой въ послѣдующіе вѣка. Скажемъ только, что, еслибы собрать сказанія о чудесахъ, сотворенныхъ въ одной русской церкви въ одинъ нашъ девятнадцатый вѣкъ, засвидѣтельствованныхъ достовѣрными лицами и описанныхъ въ разныхъ издані-

яхъ, то это собраніе составило бы не одну пространную книгу.

Есть люди, отпадшіе отъ церкви, или только внѣшно принадлежащіе къ ней, которые говорятъ, что они не могутъ вѣровать въ чудеса и въ божественность христіанской вѣры, доколѣ своими глазами не увидятъ явныхъ знаменій надъ собою или надъ другими. Какъ ни опасно состояніе ихъ, но, если они прилежно молятся Богу, въ котораго они вѣруютъ по уму своему естественному и усердно творятъ добро по врожденному имъ закону нравственному, то они не безнадежны къ возвращенію въ церковь Христову, особенно если молятся за нихъ другіе христіане, и тѣмъ болѣе, что въ нихъ обитаетъ еще Святой Духъ, воспріятый ими на всю жизнь въ таинствѣ муромазанія. Во дни святыхъ апостоловъ былъ въ Кесаріи палестинской Корвилій сотникъ язычникъ. Онъ не зналъ ни о Трїединомъ Богѣ, ни объ Господѣ Иисусѣ Христѣ; но много молился Богу, въ котораго вѣровалъ, и много творилъ добра. И вотъ является ему ангелъ и говоритъ: *молитвы твоя и молющныи твоя съидоша на память предъ Бога*, и повелѣваетъ ему послать за апостоломъ Петромъ въ Іоннію и когда святой апостолъ пришелъ къ нему въ сопровожденіи шести христіанъ изъ іудеевъ и сталъ проповѣдывать объ Иисусѣ Христѣ, Духъ Святой низошелъ на семейство Корвилія, и они стали говорить на разныхъ неизвѣстныхъ имъ языкахъ и получили крещеніе отъ апостола. Изъ вышесказаннаго легко понять, что не всѣ вѣры хороши, въ своемъ мѣстѣ, какъ нѣкоторые думаютъ. Въ такомъ случаѣ не послалъ бы Богъ на землю Единороднаго Сына своего для основанія на пей церкви и не сталъ бы призывать въ нее великими знаменіями даже лучшихъ людей изъ другихъ вѣръ (Дѣян. гл. 10 и 11). Итакъ помолимся о потерявшихъ вѣру въ Господа Иисуса Христа и святое ученіе Его и пожелаемъ имъ преобразиться обновленіемъ ума и сердца ихъ чрезъ изученіе святой вѣры христіан-

ской, или чрезъ усердную молитву и добрую жизнь открыть живущему еще въ нихъ Свят. Духу пути къ просвѣщенію ума ихъ святою вѣрою и къ сотворенію въ нихъ сердца новаго.

3) Есть цѣлыя общества христіанъ, которыя, хотя во многомъ отступили отъ ученія святой вселенской церкви, но вѣруютъ въ Пресвятую Троицу и другіе главные догматы христіанскаго вѣроученія *). Есть христіане, которые вѣруютъ и во все догматы согласно съ сынами православной церкви, разнясь отъ нихъ, повидимому, только одними обрядами, каковы многіе изъ нашихъ раскольниковъ (безпоповцы и поповцы). Но они не имѣютъ епископовъ, а слѣдовательно и законныхъ священниковъ, потому что, при отдѣленіи этихъ обществъ отъ своихъ церквей, къ сторонѣ ихъ не присталъ ни одинъ епископъ. Въ слѣдствіе этого у нихъ осталось только одно таинство крещенія, раждающее пріемлющихъ оное въ духовную жизнь, которое можетъ быть совершаемо и мірянами, но нѣтъ у нихъ ни муропомазанія, низводящаго Святаго Духа на крещенныхъ, ни покаянія, ни истиннаго причащенія, ни другихъ таинствъ, которыя могутъ быть совершаемы только епископами, или пресвитерами. Состояніе этихъ христіанъ подобно состоянію самарянъ, когда они крещены были святымъ Филиппомъ діакономъ. Они не могли получить отъ него, какъ діакона, даровъ Святаго Духа, хотя самъ онъ сотворилъ предъ ними много чудесъ, чѣмъ и обратилъ ихъ ко Христу. Когда же пришли къ нимъ изъ Іерусалима апостолы Петръ и Іоаннъ и, помолвившись, возложили на нихъ руки, тогда они пріяли Духа Святаго, Который открылся въ видимыхъ знаменіяхъ (Дѣян. гл. 8). Вскорѣ руковозложеніе для низведенія Духа Святаго на новокрещенныхъ замѣнено чрезъ помазаніе святымъ муромъ, освящать которое могутъ только пре-

*) Таковы протестантскія общества на западѣ и нѣкоторыя общества въ Россіи, напримѣръ, штундисты.

емники апостоловъ епископы. Такъ какъ члены обществъ христіанскихъ, не имѣющихъ епископовъ, не могутъ получать даровъ Святаго Духа; то у нихъ нѣтъ и чудесъ, и они дошли до того, что не вѣрують въ дѣйствительность и потребность чудесъ въ настоящія времена; между тѣмъ въ православной церкви люди даже необразованные и неграмотные, но получившіе дары Духа Святаго въ муропомазаніи и чистые сердцемъ, творятъ, по изволенію Духа, по мѣстамъ знаменія и пророчествуютъ. Не удостоиваются даровъ Святаго Духа и христіане тѣхъ обществъ, которыя имѣють епископовъ, не законно-рукоположенныхъ, каковы, на примѣръ, нѣкоторыя общества нашихъ раскольниковъ, равно и христіане тѣхъ церквей, которыя, хотя имѣють епископовъ, законно рукоположенныхъ, но заражены великими ересями; посему-то святою православною церковію положено принимать христіанъ отъ такихъ обществъ и церквей чрезъ муропомазаніе. Святая церковь, желая симъ христіанамъ обновленія ума и сердца Духомъ Святымъ чрезъ возвращеніе въ нѣдра ея, а равно и соединенія и другихъ всѣхъ христіанъ, отторгшихся отъ единства съ нею въ слѣдствіе погрѣшительныхъ мнѣній *) ихъ, каждодневно неоднократно возноситъ молитву Богу о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей *и соединеніи всѣхъ.*

4) Многого въ отношеніи къ духовной жизни слѣдуетъ пожелать и многимъ сынамъ православной церкви. Не многіе изъ нихъ знаютъ основанія православной вѣры и святая истины ея такъ, чтобы съ успѣхомъ отвѣчать вопрошающимъ о вѣрѣ; но и изъ этихъ немногихъ не всѣ приносятъ плоды, соотвѣтственные знанію. Какъ часто гордость, любостыжаніе, плотоугодіе и другія страсти омрачаютъ умъ, плѣняютъ сердце и подавляютъ добрыя желанія и намѣренія! Многіе же и совсѣмъ не заботятся

*) Римскіе католики и армяне, если они муропомазаны своими епископами, присоединяются къ православной церкви только чрезъ отреченіе отъ погрѣшительныхъ мнѣній ихъ церквей.

о просвѣщеніи ума своего основательнымъ изученіемъ святой вѣры, хотя имѣютъ и время и средства и достаточно подготовлены къ тому первоначальнымъ обученіемъ закону Божию и другими науками. Сколько написано пастырями и учителями нашей церкви по разнымъ отраслямъ духовной науки произведеній, доступныхъ не только для образованныхъ, но и для необразованныхъ! Сколько переведено на отечественный языкъ твореній святыхъ отцевъ вселенской церкви! Но не только сіи творенія и произведенія мало читаются, — самое святое Писаніе бываетъ рѣдко въ рукахъ тѣхъ, которые могутъ читать и понимать его; а между тѣмъ сколько времени и средствъ употребляется ими на приобрѣтеніе и чтеніе книгъ малополезныхъ и даже вредныхъ, на забавы и увеселенія и дѣла, христіанамъ несвойственныя!

Другая часть христіанъ, которые не получили никакого книжнаго образованія и сами называютъ себя людьми темными, думаютъ оправдать себя, или слышать подсказываемое имъ нѣкоторыми изъ людей болѣе развитыхъ оправданіе въ жизни ихъ небогоугодной тѣмъ, что пастыри ихъ не учатъ, или мало учатъ живымъ словомъ. Конечно, не избѣгнуть осужденія отъ Бога пастыри нерадивые; ибо они обязаны не только *проповѣдывать слово Божіе*, но и *настоять благовременно и безвременно, обличить, запретить, умолить со всякимъ долготерпѣніемъ* (2 Тим. 4, 2). Однако не оправдаются и люди темные неучительностію пастырей ихъ. Всѣ христіане обязаны ходить въ храмъ Божій въ воскресные и праздничные дни; а здѣсь имъ преподаются и многократно въ разныхъ видахъ повторяются всѣ правила истинно христіанской жизни въ чтеніяхъ святаго Евангелія и Апостола и другихъ священныхъ книгъ и въ разныхъ пѣснопѣніяхъ. И очень не трудны къ пониманію заповѣди Божіи. Понимать ихъ помогаютъ и врожденный всѣмъ намъ законодатель и судія — наша совѣсть, и самъ Святой Духъ Божій, Который преимущественнымъ образомъ обитаетъ и дѣйствуетъ въ серд-

цахъ православныхъ христіанъ со времени святаго мѣропомазанія ихъ (1 Іоан. 2, 27); и всѣ они болѣе или менѣе ясно понимаютъ, чего не слѣдуетъ и что слѣдуетъ дѣлать, чтобы благоугодить Богу. И какъ бы обновились они духомъ и тѣломъ, и не только они, но и кругомъ ихъ лице самой земли, еслибы они исполняли только то, что знаютъ! Будетъ время,—возстанутъ на судъ вмѣстѣ съ нами люди пекнижные, которые исполняли законъ Божій, имѣли вѣру чудодѣйствующую и много вразумляли другихъ знаменіями и пророчествами, и осудятъ не только подобныхъ имъ людей некижныхъ, но и тѣхъ, которые гордились высокимъ образованіемъ. Поистинѣ многого, очень многого слѣдуетъ пожелать намъ самимъ себѣ въ отношеніи духовной жизни.

Вознесемъ молитвы наши къ Творцу времянь и лѣтъ Господу и Начальнику нашея жизни, да продолжитъ Онъ жизнь благочестивѣйшаго Гесударя нашего Императора Александра Александровича на многая лѣта, да избавитъ отечество наше отъ гибельной крамолы, да даруетъ преспѣяніе святой православной вѣрѣ и обновитъ умы и сердца наши къ исполненію заповѣдей Его. Аминь.

Архимандритъ Серій.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ,

или жизнь въ удаленіи отъ Бога.

Въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, самымъ яснымъ образомъ Спаситель показалъ, какъ и съ чего начинается паденіе каждаго изъ насъ, до чего можетъ довести человѣка грѣхъ и наконецъ какъ можно возстать изъ бездны грѣховной. Для нашего пазидавія обратимъ вниманіе на эту притчу.

Отче, дайждь ми достойную часть имѣнія (Лук. 15, 12), говоритъ младшій сынъ отцу своему. По видимому въ этихъ словахъ ничего нѣтъ не только преступнаго, но даже хорошаго. Онъ проситъ не чужаго, но несомнѣнно ему принадлежащаго, проситъ не лишняго, но только слѣдующую ему часть имѣнія—не болѣе. Онъ хочетъ самъ распоряжаться собою, своими дѣйствіями, своимъ имѣніемъ. Похвальное, скажутъ, стремленіе къ самостоятельности, самодѣятельности. Правда, онъ молодецъ, однакоже и не дитя, не мальчикъ. Его умъ настолько уже созрѣлъ, что можетъ самъ распознавать добро и зло; зачѣмъ же стѣснять его разными наставленіями? Его воля настолько окрѣпла, что сама можетъ опредѣлять себя къ дѣятельности; къ чему же многоразличныя правила; можетъ быть неважныя, мелочныя? Кому они нужны? Зачѣмъ стѣснять молодаго человѣка, останавливать полеть его воображенія, благородныя порывы его сердца? *Отче, дайждь ми достойную часть имѣнія*; я самъ могу распоряжаться. Повторяемъ: кажется, ничего тутъ худаго нѣтъ. Послѣдствія однако показали, какъ много худаго произошло для

сына съ удаленіемъ изъ отеческаго дома. Это всякому извѣстно изъ притчи. Обратимся къ духовному смыслу ея.

Человѣкъ по самой природѣ, особенно же по благодати, есть сынъ Отца небеснаго. И вотъ этому сыну не хочется жить въ домѣ этого Отца, въ общеніи съ Нимъ, въ зависимости отъ Него; не хочетъ жить въ семействѣ Божіемъ, въ обществѣ дѣтей Божіихъ; онъ хочетъ отдѣлиться отъ него. Что же ему не нравится въ домѣ Отца, въ семействѣ Его, въ обществѣ вѣрныхъ Ему дѣтей? Чего недостаетъ ему? Чего онъ хочетъ? Богатства? Но и въ домѣ Отца онъ приобрѣтать можетъ блага земныя и сверхъ этого приобрѣтетъ такія блага, «ихъже око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша» (1 Кор. 2, 9), наслѣдуетъ царство небесное, получить тотъ *многочисленный бисеръ*, который дороже сокровищъ всего міра (Матѣ. 13, 46). Чести и славы? Но въ домѣ Отца онъ достигнетъ такой славы, въ сравненіи съ которой всякая земная слава—прахъ: Отецъ небесный «посадить его на престолѣ на небесахъ во Іисусѣ Христѣ» (Еф. 2, 6). Хорошаго знакомства, дружества? Но въ домѣ Отца онъ будетъ имѣть своими друзьями не кого-либо, а святыхъ Божіихъ, самихъ пророковъ и апостоловъ, самихъ ангеловъ и архангеловъ. Радости, веселія? Но гдѣ же истинная радость, истинное веселіе, какъ не въ домѣ Отца, *радость печали непрічастная, веселіе вѣчное?*—Знанія, мудрости? Но сверхъ обыкновенныхъ знаній, которыя доступны и въ домѣ Отца всякому, онъ научится «премудрости въ тайнѣ сокровенной, юже Богъ прежде вѣкъ предъстави въ славу нашу, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ» (1 Кор. 2, 7. 8). Свободы, простора дѣятельности? Но гдѣ же больше простора дѣятельности, какъ не въ домѣ Отца? Какое необозримое поле дѣятельности! *Жатвы много*, говоритъ Господь, *дѣлателей мало* (Матѣ. 9, 37). Посмотрите, сколько неправды въ мірѣ, какъ это терніе разрослось и покрыло чуть не

всю землю, какъ оно заглушаетъ всякое доброе сѣмя, давить всякое благое дѣло. Вырывай это терніе; этого одного дѣла станеть не на одну твою жизнь; а главное пока ты молодъ, учишь, прилежно учишь, чтобы современемъ явиться искуснымъ борцемъ противъ неправды, *нестыднымъ дѣлателемъ правды*. А то сыны вѣка часто бывають *мудрыя сыновъ свѣта* (Лук. 16, 8); отъ того и неправда цвѣтетъ. Посмотри, сколько неимущихъ, алчущихъ и жаждущихъ, вдовъ и сиротъ;—помогай имъ; а главное, пока еще молодъ, учишь, чтобы современемъ быть въ состояніи полезнымъ ближнему и большому числу людей. Въ землѣ всего много и для всѣхъ достанеть; но нужно умѣть взять у неся; посему учишь, тщательно изучай землю, чтобы не носить только титло *господина земли*, но чтобы дѣйствительно *владѣть ею*. Посмотри, сколько нечѣжества въ мірѣ, нечѣжества и въ предметахъ божественныхъ, и въ дѣлахъ обыкновенныхъ. Займись воздѣлываніемъ этого поля; воздѣлай хотя небольшой болѣе близкій къ тебѣ участокъ; но пока еще молодъ, самъ просвѣщай себя свѣтомъ познанія, чтобы въ свое время *право править слово истины*. А больные, страждущіе, обремененные, падшіе? Всѣ они требуютъ участія, ожидаютъ твоей дѣятельности, чають послѣ Бога отъ тебя *великой и богатой милости*. Словомъ: предметовъ для дѣятельности самой широкой, самой благотворной столько, что поистинѣ нельзя не удивляться, чего хочеть сынъ, удаляясь изъ дома Отца своего. На каждомъ изъ этихъ путей онъ много встрѣтитъ препятствій, искушеній, много враговъ и отъ плоти своей, и отъ міра, и отъ діавола; но доколѣ онъ въ домѣ Отца, онъ *подъ кровомъ Бога небеснаго*; ему не страшны никакія препятствія, никакія искушенія; упование его—Отець; прибѣжище его—Сынъ; покровъ—Духъ Святой; съ нимъ всѣ святые, и во главѣ ихъ заступница усердная матеръ Божія; ему во всякое время готова помощь его ангела хранителя и всѣхъ св. ангеловъ. Доколѣ онъ *подъ кровомъ Отца небеснаго*, онъ «не убоится ни

страха ношнаго, ни стрѣлы, летящей днемъ, ни язвы, ходящей во мракѣ, ни заразы, опустошающей въ полдень. Падеть близъ него тысяща и тьма одесную его; но его не коснется. Не придетъ къ нему зло и рана не приблизится тѣлеси его; яко ангеломъ своимъ заповѣсть о немъ сохранить его во всѣхъ путехъ его. На рукахъ возьмутъ его, да некогда преткнетъ о камень ногу свою; на асида и василиска пастушитъ и попереть льва и змія» (Ис. 90). Но ничему не внемлетъ юный сынъ. *Даждь ми, говорить, достойную часть имънія.*

Дай мнѣ слѣдующую часть имънія. Но что же тебѣ слѣдуетъ? *Что имашь, егужь нѣси пріялъ?* Все ты получилъ отъ Отца твоего—и умъ, которымъ хвалишься, и волю, на которую надѣешься, и другія блага—все это не твое, а Отца твоего, и слѣдовательно всѣмъ этимъ ты долженъ распоряжаться по волѣ Его. Воля же Его первѣе состоитъ въ томъ, чтобы ты былъ въ домѣ Его. Но какъ въ каждомъ домѣ не можетъ быть двухъ хозяевъ; то воля Его состоитъ въ томъ, чтобы ты слушался Его. Это самое главное, отъ чего зависитъ все, и безъ чего все—ничто. «Послушаніе, говорятъ св. отцы, паче поста и молитвы». «Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ», говоритъ слово Божіе (1 Цар. 15, 22) «Непослушаніе же—тоже, что чародѣйство, тоже, что идолопоклонство». Непослушный именно ставитъ особый алтарь въ своемъ сердцѣ, на которомъ кумирь—онъ самъ, его я, и этому я онъ служитъ какъ Богу. «Я самъ знаю, я—самъ большой, я—хозяинъ; я самъ могу распоряжаться». Видите: вездѣ и во всемъ я, да я. Себя онъ ставитъ на мѣсто своего Отца Бога. Въ его словахъ: «даждь ми» слышится древнее: «будете, яко бози» (Быт. 3, 5); «буду подобенъ Вышнему» (Исаи 14, 14). Пусть непослушаніе коснулось пока одной какой-либо заповѣди, даже малѣйшей; пусть алтарь своему я занялъ небольшой уголокъ въ нашемъ сердцѣ; важно уже то, что онъ появился въ немъ; значить нѣтъ уже черты, отдѣляющей насъ отъ

грѣха; значить въ любви къ Богу, этой крѣпости, защищающей насъ отъ грѣха, оказалась брешь; непріятель уже показался въ нашемъ сердцѣ; онъ пока одинъ, но онъ одинъ не останется; онъ скоро приведетъ съ собою цѣлую тьму и совсѣмъ завладѣетъ нашимъ сердцемъ, совсѣмъ вытѣснитъ оттуда алтарь истинному Богу.

Но не будемъ предупреждать притчи. Чего хотѣлъ младшій сынъ, то и получилъ. Богъ ничьей свободы не стѣсняетъ. Отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе. Младшій взялъ свое и пошелъ изъ дома отца своего. Теперь онъ свободенъ; его уже не стѣсняютъ наставленія отца; взоръ отеческой любви уже не тяготитъ его. Теперь-то онъ покажетъ свой умъ, осуществить свои завѣтныя мечты.. Какъ *въ домъ Отца обители многи* и разнообразны пути дѣятельности, такъ разнообразны пути жизни и внѣ дома Отца. Посмотримъ же, какъ проживаютъ дѣти, оставившіе домъ отца своего на каждомъ изъ этихъ путей,—на пути грубой чувственности, на пути свѣтскихъ приличій, на пути высокомудрія.

1).

Домъ Отца еще предъ глазами; отеческія наставленія еще довольно свѣжи въ памяти; не совсѣмъ покойна и совѣсть; не ловко чувствуетъ себя сынъ, оставившій своего Отца. Нужно оправдаться, оправдаться предъ самимъ собою; убѣдить себя, свою совѣсть, что онъ поступилъ разумно. Необходимость въ самооправданіи чувствуютъ всѣ сыны, оставившіе домъ Отца своего, на какой бы путь они ни вступили; и это-то болѣе всего должно бы убѣдить ихъ въ томъ, что они поступили неразумно. «Конечно, начинаешь нерѣшительно разсуждать сынъ, вступившій на первый изъ указанныхъ путей—путь плоти, въ домѣ Отца много хорошаго; но вѣдь много и ненужнаго, лишняго, мелочнаго. Къ чему напр. продолжительные посты? Развѣ пища поставляетъ насъ предъ Богомъ? Вѣдь не входящее въ уста оскверняетъ человѣка. Или еще,—продол-

жительныя молитвы? Для Господа вздоха единого довольно; вотъ разбойникъ за одно слово вошелъ въ рай». Чѣмъ дальше, тѣмъ мысль его становится смѣлѣе и смѣлѣе, выраженія рѣзче и рѣзче. «И странные обычаи тамъ, продолжастъ сыпъ; на молитву Богу непремѣнно нужно встать пораньше и главное—молиться натошакъ; тогда какъ напившись чаю несравненно покойнѣе стоять въ церкви... Но эти правила конечно для неразвитыхъ, а не для меня. Тамъ все говорятъ о самоотверженіи, о подвигахъ, тогда какъ много добра можно сдѣлать шутя и съ удовольствіемъ; можно напр. и повеселиться и вмѣстѣ съ тѣмъ поблаготворить чрезъ это же веселье бѣднымъ. Вѣдь можно же соединять пріятное съ полезнымъ». И вотъ подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей начинается мало-по-малу складываться жизнь чувственная, плотская; стремленія къ вышечувственному, духовному, небесному мало-по-малу заглушаются въ душѣ; наставленія отеческія съ каждымъ днемъ забываются все болѣе и болѣе и наконецъ совершенно исчезаютъ изъ головы и сердца: цѣлю жизни становится: «ѣшь, пей, веселись; всѣ труды человѣка для рта его, а душа его не насыщается» (Еккл. 6, 7), голодомъ гибнетъ; *кумиромъ*, которому служить, становится *чрево*, честью и славою—то, что въ домѣ отеческомъ считается стыдомъ; *ихъже слава въ стыдъ* (Фил. 3, 19). И какъ это скоро совершается!—*Не по мнозыхъ днехъ*. Юношу, который радовалъ васъ своею скромностію, часто чрезъ годъ узнать нельзя. Такъ поразить онъ васъ своею наглостію. Имѣніе свое, сокровище души своей, онъ уже расточилъ, *живя распутно*; нѣтъ у него уже стыдливости, этого лучшаго украшенія юности. Свергнувъ *благое и легкое иго Христово*, онъ надѣлъ на себя иго страстей. «Любый сребро не насытится сребра», говоритъ Премудрый (Еккл. 5, 9); такъ и любый чувственность «не престанетъ, доколѣ не умретъ» (Сир. 23, 23). Чувственность—это седмерицею разженная печь; чѣмъ болѣе подкладываютъ въ нее дровъ, тѣмъ болѣе она раскаляется. Чѣмъ

болѣе удовлетворяются чувственныя похотѣнія, тѣмъ болѣе они разжигаются, тѣмъ болѣе требуютъ себѣ удовлетворенія. Они ненасытны. И влачить человѣкъ свой безсмертный духъ въ тинѣ страстей; съ неудержимою жадностію онъ стремится отъ одного удовольствія къ другому, отъ другаго къ третьему и т. д. Но ни одно его не удовлетворяетъ; отъ каждаго угасшаго веселья остается лишь тяжелое похмѣлье; удовольствіе быстро отлетаетъ, а горестъ надолго остается. Тщетно онъ стремится заглушить эту горечь новымъ весельемъ; отъ новаго удовольствія новая горечь. Онъ освободился отъ власти Отца и подпалъ подъ власть діавола, который тирански распоряжается имъ. Посмотрите, онъ буквально пресмыкается у ногъ своей страсти; какъ вѣрннй пещъ, лижетъ руки и ноги своего идола; всякій капризъ, всякая прихоть этого идола для него законъ. И предъ кѣмъ же онъ такъ пресмыкается? Кому такъ раболѣпствуетъ?!.. И это человѣкъ, *образомъ Божиимъ* украшенный, *малымъ чимъ отъ ангеловъ умаленный!* А вѣдь было время—душа его горѣла ко всему высокому и прекрасному; въ глазахъ его свѣтилась искра божественной любви; при одномъ словѣ: правда, добро, ближній, сердце его радостно трепетало; и *слово Божій*, коснувшись его молодой души, никогда *не возвращался тощъ* (Ис. 55, 11). Самое слово его было живо и дѣйственно, какъ огнемъ, жгло сердца людей, и какъ громъ небесный карало неправду. Но это было тогда, когда онъ жилъ въ домѣ Отца. А теперь онъ на странѣ — *далече*. Увы! «потемнѣло злато; измѣнился сребро доброе; сосуды честніи, одѣяни златомъ чистымъ, измѣнишася въ сосуды глиняны» (Ил. Іер. 4, 1): лице его обрюзгло; въ глазахъ апатія; рѣчь сонная. Духовныхъ даровъ нѣтъ; душевныя силы ослабли. Сердце его, это любвеобильное прежде, золотое сердце, теперь, увы! радостно бьется только отъ лишняго стакана вина, или при мысли о вкусномъ обѣдѣ, или другомъ какомъ либо худшемъ плотскомъ удовольствіи. Умъ его, этотъ высокій

умъ, славившійся тонкимъ пониманіемъ всего высокаго и прекраснаго, различеніемъ истины отъ лжи, славится теперь развѣ только знаніемъ хорошихъ винъ и вкусныхъ яствъ... Идеалы его, когда-то восторгавшіе всѣхъ и уносившіе отъ земли на небо, — вотъ теперь эти высокіе его идеалы: «съ ранняго утра ищутъ сикеры и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ. И цитра и гусли, тимпанъ и свирѣль, и вино на пиршествахъ ихъ» (Ис. 5, 11. 12)! «Дай мнѣ этого краснаго, краснаго» (Быт. 25, 37)! Вотъ о чемъ мечтаетъ онъ теперь! Вотъ о чемъ съ удовольствіемъ говорить! И за это *красное* онъ готовъ продать всякое свое первородство. Рѣчь его, прежде такъ пазидавательная, теперь не умиляетъ, не возвышаетъ, а оскорбляетъ своимъ грубымъ цинизмомъ. «Гробъ отверсть гортань его» (Ис. 5, 10). «Ядъ аспидовъ въ устахъ его» (Ис. 139, 4)! И сколько мудрыхъ обьюродѣли отъ чувственности! «Многихъ повергла она ранеными, говоритъ Премудрый, и много сильныхъ убито ею, домъ ея—пути въ преисподнюю» (Притч. 8, 26. 27). Что пользы, если съ исчезновеніемъ даровъ духовныхъ и потемнѣніемъ силъ душевныхъ остались еще у него кое-какія блага вещественныя? Но какъ часто и этого не бываетъ! Какъ часто изъ-за чувственности «обнищаютъ даже до куска хлѣба» (Пр. 7, 26)? И тогда въ буквальномъ смыслѣ идутъ «пасти свинія и жаждутъ насытитися отъ рожець, яже ядятъ свинія». Что пользы, если, *отщетивъ душу*, сохраняютъ тѣло свое здоровымъ? Но не чаще ли бываетъ напротивъ? «Кто чѣмъ согрѣшаетъ, тѣмъ и наказывается» (Пр. Сол. 11, 17); согрѣшалъ любовію къ плоти, наказывается болѣзнями этой же плоти. Преждевременная старость, всеобщее расслабленіе тѣла—обыкновенныя послѣдствія чувственной жизни. И нерѣдко лежитъ чувственникъ, какъ трупъ поверженный, лишенный даже возможности движенія; и прежде огня вѣчнаго жгутъ его страстные помыслы, которымъ отказывается удовлетворять его полуразрушенное тѣло; и прежде червя неусы-

пающаго грызеть его тоска по невольнo оставленнымъ удовольствіямъ плоти. На этой развалинѣ человѣческаго духа и тѣла огненными словами всѣмъ намъ напишутъ урокъ: «плоти угодія ни творите въ похоти» (Римл. 13, 14). О! еслибы онъ въ это время обратился къ Отцу небесному съ молитвеннымъ воплемъ: «покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! студными бо окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности все житіе мое иждихъ. Помилуй мя, Боже, по величѣй Твоей милости».

Но увы! «Царство небесное силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его», говоритъ Господь (Мате. 11, 12). А употребить-то усиліе для борьбы съ своими чувственными помыслами такимъ людямъ и трудно. Энергіи-то и лишила ихъ волю чувственности. Они привыкли идти *широкимъ* путемъ и со страхомъ взираютъ на путь *узкій* и съ ужасомъ отвращаются отъ него. Одна только надежда на милосердіе Божіе: «возведи отъ тли, изъ бездны грѣховной, животь мой, Многомилостиве! Умертви плоти наша мудрованіе! Всего мя пригвозди страху Твоему! Силою креста Твоего утверди мое помышленіе, подвигшееся сердце мое!»

Люди грубо-чувственные, плотяные, проданы подъ грѣхъ; ихъ не уважаютъ, ихъ презираютъ даже люди міра сего. Кто уважаетъ чревоугодника? Кто не презираетъ развратника? Въ ихъ жизни грязь и нечистота являются въ своей отвратительной наготѣ. Перейдемъ въ область болѣе чистую; посмотримъ на людей съ утонченнымъ взглядомъ на жизнь, съ изящными манерами, съ мягкой, пріятною, ласкающею рѣчью, умѣнемъ всегда и вездѣ найтись, не теряя своего достоинства; посмотримъ, какъ они поживаютъ, удалившись отъ дома Отца своего; послушаемъ, что они говорятъ.

2.

«Конечно, разсуждаютъ одни изъ вступившихъ на этотъ путь, мы не совсѣмъ оставили домъ Отца; въ немъ много хорошаго: быть напримѣръ въ церкви, въ поздней обѣд-

нѣ, гдѣ хорошо пѣвчіе поютъ, пріятно,—это наслажденіе. Странно впрочемъ тамъ нѣкоторые молятся: крестъ напр. кладутъ сперва на лобъ, потомъ на грудь... и все такъ медленно; становятся на колѣна, плачутъ... Но это люди простые; въ свѣтѣ такъ не молятся». И дѣйствительно они ходятъ въ церковь не всегда, но ходятъ. Стоятъ тамъ не всегда прилично, мало молятся, часто разговариваютъ, но все же стоятъ, все же молятся. Однако міръ, которому они начали служить, и этого имъ позволить не можетъ. И вотъ къ одному изъ таковыхъ подходитъ служанка міра и съ ироніею спрашиваетъ его: «а, вы побожны? ходите въ церковь? Вы, значитъ, съ *Иисусомъ Галилеаниномъ*?» Какъ пойманный школьникъ, теряется міролюбецъ и начинаетъ бормотать что-то въ извиненіе. Ободренная его смущеніемъ подходитъ къ нему другая, третья,—уже смѣло на него указываютъ другіе: «смотрите, вотъ святоша, ханжа». И растерявшись отъ нападенія, бѣдный человѣкъ начинаетъ *ротиться и клятися*, что онъ *совсѣмъ не знаетъ человѣка сего*, и въ доказательство самъ начинаетъ подсмѣиваться и надъ домомъ своего Отца и надъ самимъ Отцемъ. Бѣдный человѣкъ! Съ этого времени вы его уже никогда не увидите въ церкви: онъ является туда только по гражданской необходимости и то только ко времени, когда поютъ: *многая мѣта*. Онъ уже *отъиде на страну далече*. Вспомнить ли онъ глаголь Христовъ? Выдетъ ли вонъ изъ двора *свѣта* въ домъ Отца? Будетъ ли горько оплакивать въ этой жизни свое отреченіе? Богъ вѣсть; но милосердіе Божіе уже давно ждетъ его. «Конечно, разсуждаютъ другіе на этомъ пути, умѣренность, воздержаніе, скромность, которыми украшаются въ домѣ Отца, прекрасныя добродѣтели; но вѣдь всему должна быть мѣра; не могу же я жить не такъ, какъ живутъ другіе порядочныя люди; не могу же я ронять себя во мнѣніи свѣта; не могу же не давать вечеровъ, баловъ, тѣмъ болѣе, что и самъ бываю у другихъ; не могу же я не бывать въ клубѣ и другихъ увесели-

тельныхъ мѣстахъ, не могу же я не играть, тѣмъ болѣе, что чрезъ это можно составить карьеру; не могутъ же моя жена, мои дѣти быть одѣты хуже другихъ». И вотъ подъ вліяніемъ такихъ мыслей начинаетъ мало-по-малу складываться жизнь, такъ называемая свѣтская. Свергнувъ съ себя благое и легкое иго св. церкви, человѣкъ мало-по-малу начинаетъ налагать на себя узы міра: попробуй-ка онъ теперь не исполнить какого-либо требованія свѣта,—презвѣстивъ визитомъ, явиться не по модѣ одѣтымъ, не сдѣлать въ извѣстное время вечера, не участвовать на обѣдѣ какой-либо знаменитости. Но онъ этого никогда не посмѣетъ: онъ рабъ свѣта. А вѣдь на все это нужны деньги. Много онъ получаетъ, а все недостаетъ; и вотъ несчастный мечется изъ стороны въ сторону, чтобы достать денегъ; занимаетъ у одного, занимаетъ у другаго; занимаетъ и часто не отдаетъ, особенно если лицо, у кого занялъ, не важное, отъ него зависящее. День и ночь у него одна дума: побольше денегъ; съ этою цѣлію онъ создаетъ разные планы, придумываетъ разные обороты, пускается въ рискованныя предпріятія. Посмотрите, какъ онъ унижается, чтобы удержать за собою выгодное мѣсто, или получить другое болѣе выгодное. Посмотрите, какъ онъ льститъ, чтобы получить какую нибудь награду, или прибавку къ своему содержанію. Посмотрите, какъ онъ старается обмануть какого-либо простака при продажѣ, или покупкѣ. Посмотрите, какъ онъ лжетъ, клеветаетъ и не краснѣетъ. Боже мой! Боже мой! И это тотъ, который такъ возвышенно толковалъ о Богѣ и Его правдѣ, и о человѣкѣ и его неправдѣ, который такъ горячо говорилъ о благородствѣ человѣка, о любви къ народу, о важности общественнаго мнѣнія, о бѣдствіяхъ человѣчества, который такъ громилъ коварство и лесть и отъ котораго такъ много было можно ожидать!? И этотъ-то пламенный когда-то защитникъ бѣдныхъ, жаркій ревнитель общественныхъ интересовъ обираетъ этотъ бѣдный народъ, беретъ взятки, обкрадываетъ казну!! Какъ мыльные пузыри, ис-

чезли его всѣ идеалы. Что теперь для него общественное мнѣніе, которое онъ когда-то уважалъ? Болтовня людей, которую слѣдуетъ презирать. Что такое теперь для него правда, за которую когда-то ратовалъ? Громкое слово, которымъ увлекаются неопытные юноши, или мужи, которымъ не посчастливилось въ жизни. Что такое теперь для него честь? Хорошее слово, которымъ легко отводить глаза простаковъ отъ сути дѣла. А люди? О! это хорошій матеріалъ, надъ которымъ онъ можетъ показывать свой умъ, свое умѣніе править ими,—прекрасный пьедесталъ для его славы; они годны только на то, чтобы удовлетворять его «благороднымъ» страстямъ и изящнымъ прихотямъ. Нужны они ему,—онъ обращаетъ на нихъ вниманіе. Непужны,—онъ оскорбительно забываетъ ихъ. Самые бѣдныя теперь для него не болѣе какъ туняццы, которыхъ нужно взять въ руки. Словомъ, онъ эгоистъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова: все существуетъ для него и всѣ должны существовать только для него; и если онъ сдерживаетъ свои хищническіе инстинкты, то не потому, что не хочетъ, а потому что не можетъ все захватить, потому что есть другіе, которые тоже хватаютъ. Широко живетъ онъ, весело смотритъ въ глаза міру, хотя часто и жутко у него на сердцѣ. Весело и міръ смотритъ на него и широко растворяетъ предъ нимъ свои двери, хотя втихомолку и жестоко ругаетъ его, а народъ прямо проклинаетъ. Но горе ему, если дѣла его станутъ явны правдѣ человѣческой; о! съ какимъ презрѣніемъ тогда отвернется отъ него этотъ глупый міръ, съ какимъ хохотомъ отправитъ его въ отдаленныя мѣста хуже, чѣмъ *пасты свинія*, и на другой же день забудетъ его, какъ ненужную вещь. Но «забудетъ ли жена грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? А еслибы и она забыла, говоритъ Господь, Я не забуду тебя» (Ис. 49, 15). О! еслибы онъ хоть въ это трудное время сумѣлъ сказать съ св. Давидомъ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси» (Пс. 118, 71). О! еслибы онъ возопилъ изъ глу-

бины души къ Отцу небесному: Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ парещися сынъ твой, сотвори мене, яко единого отъ наемникъ твоихъ» (Лук. 15, 21). Объятія Отца были бы для него отверсты.

Но увы! *Много званыхъ, мало же избранныхъ* (Лук. 14, 24). Будучи по внѣшности людьми весьма приличными, видя вокругъ себя подобныхъ, даже хуже ихъ, людей, многіе изъ таковыхъ чистосердечно считаютъ себя весьма порядочными людьми и, стоя надъ бездною, воображаютъ себя иногда недалекоими отъ царства небеснаго и нечувствуютъ нужды въ спасительномъ покаяніи. Увы! надъ многими изъ нихъ часто буквально исполняются слова Спасителя сказанныя книжникамъ и фариसेямъ, которые тоже по внѣшности были не только приличны, но и благочестивы: «аминь глаголю вамъ, яко мытари и любодѣйцы варяють вы въ царствіи Божіи» (Матѣ. 21, 31). И даже тогда, когда правосудіе Божіе грознымъ своимъ прещеніемъ зоветъ ихъ къ покаянію, большая часть изъ нихъ скорбитъ не о томъ, что *множествомъ содѣянныхъ лютыхъ* прогнѣвали Бога, а о томъ, что задуманное ими *лютое* другимъ удалось, а имъ нѣтъ. Въ душѣ ихъ не спасительная *печаль по Бозь*, которая *покаяніе нераскажно во спасеніе содѣловаетъ*, а *печаль міра сего*, которая *смерть содѣловаетъ* не только нравственную, но весьма часто, особенно въ наше время, и физическую (2 Кор. 7, 10).

Такимъ образомъ и на этомъ пути, который такъ плѣняется внѣшнимъ блескомъ, мы видимъ ту же грубую плоть, только прикрашенную. Міролюбцы—тѣ же плотоугодники; это *гробы пованленные*, отъ которыхъ, какъ и отъ обыкновенныхъ гробовъ, разить тѣмъже тлѣніемъ. Перейдемъ въ другую, высшую область; посмотримъ на людей, которые, оставивъ домъ Отца своего, думаютъ жить вышшими, умственными интересами.

3.

«Въ домѣ Отца моего все вѣра, да вѣра; нѣтъ свободы разуму. Знанію должно все подчиниться. Знаніе—сила. Что разумно, то только дѣйствительно». Отвергаютъ вѣру и начинаютъ слѣдовать одному разуму. Сначала знанія повидимому пріобрѣтается много: человѣкъ вступаетъ въ широкую область сравненій, наблюденій, обобщеній; остроуміе его изощряется; анализъ явленій поражаетъ своею тонкостію и точностію; критика слѣдуетъ за критикою; на основаніи этихъ критикъ старыя, отцовскія вѣрованія совсѣмъ уничтожаются; возникаютъ новыя понятія, дѣлаются новыя опредѣленія, которыя въ свою очередь разрушаются неумолимою критикою съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто новымъ понятіямъ, новымъ опредѣленіямъ, которыя также должны умереть подъ критическимъ ножомъ его разума и т. д. И вотъ оказывается, что человѣкъ вмѣсто опредѣленнаго точнаго знанія пріобрѣтаетъ массу понятій, которыя самъ же считаетъ несостоятельными; оказывается, что онъ только отрицалъ, критиковалъ, что *умъ* его только *кичитъ*, а не *созидаетъ*. Старое разрушилъ, а новаго прочнаго ничего не создалъ. Вмѣсто твердой опоры, которую прежде имѣлъ онъ въ вѣрѣ, онъ стоитъ теперь на самой зыбкой почвѣ, колеблющейся отъ всякаго прикосновенія къ ней мысли. Вмѣсто твердой увѣренности въ истинѣ, въ душѣ его—сомнѣніе. Нужно *повторить* свои выводы съ выводами другихъ людей. Но тутъ еще хуже: одинъ предлагаетъ одно и представляетъ на это очень вѣскія доказательства; другой не менѣе сильно доказываетъ совсѣмъ другое; третій не менѣе основательно доказываетъ обоимъ противоположное и т. д. и далѣе... Море сомнѣній! Умъ человѣческій утопаетъ въ этомъ морѣ. Да гдѣ же истина? *Что такое истина?* съ отчаяніемъ вопрошаетъ онъ. О! еслибы онъ могъ слышать голосъ Спасителя: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). О! еслибы онъ, подобно Апостолу

Петру, возопилъ: *Господи, спаси мя* (Мѡ. 14, 30); утопаю среди сомнѣній, какъ среди волнъ: еслибы съ другими умолялъ: *Помози моему невѣрiю* (Марк. 9, 24)! *Приложи ми вѣру* (Лук. 17, 5)! Научи меня вѣровать! Но увы! онъ слишкомъ удалился отъ дома Отца, чтобы слушать голосъ Его, — онъ отвыкъ Его слушать. Гораздо слышнѣе ему другіе голоса; чаще бываетъ то, что человѣкъ въ отчаяніи восклицаетъ: «долой истину! долой всякія теорiи, всякія обобщенiя; то только истинно, что подлежитъ моимъ чувствамъ; то только и нравственно, что полезно; нѣтъ ни чистой истины, ни безусловной нравственности». Счастье жизни начинается видѣть онъ въ вещахъ, во внѣшнихъ явленiяхъ, во внѣшнихъ удобствахъ жизни. Но увы! вещей человѣкъ набираетъ много, а радостей все становится меньше и меньше. Удобства жизни съ каждымъ днемъ все увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается недовольство. И сбывается слово Писанiя: «погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну» (Ис. 29, 14). «Глаголющеса быти мудри объюродѣша» (Римл. 1, 22). Но и на этомъ паденiе не останавливается.

«А если не можешь удовлетворить своимъ потребностямъ (мы знаемъ, онѣ ненасытны), имѣй мужество умереть». Это уже ниже животнаго, ниже плоти; ибо всякая плоть *питаеть* и *грѣеть* себя.

Но гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно, говоритъ пословица. Не замушитъ человѣку въ себѣ стремленiя къ сверхчувственному, духовному, божественному! Явленiя предъ глазами человѣка, а причины ихъ скрыты отъ него... «Что же тамъ за предѣлами явленiй? Что движетъ ихъ? Что за предѣлами могилы? Эти вопросы замираютъ въ душѣ человѣка, но никогда не умираютъ и не могутъ умереть. И человѣкъ невольно стремится разгадать неразгаданное, постигнуть непостижимое. Смотрите: вотъ онъ съ сосредоточеннымъ, благоговѣйнымъ вниманiемъ стоитъ, согнувшись надъ столомъ, разставивъ надъ нимъ руки и вперивъ въ него свои очи. Что это?

Нашъ умникъ занимается столоверченіемъ. Не вѣровалъ въ Бога, а повѣровалъ въ то, что скажетъ ему бездушное древо! «Спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ?» говоритъ пророкъ Исаія (8, 19). Очевидно, нѣтъ. А вотъ смотрите, съ какимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидаетъ, что скажетъ ему вызванный духъ умершаго человѣка. Не вѣровалъ въ Бога, а повѣровалъ... и самъ не знаетъ кому и чему... Свергнувъ благое и спасительное иго Вѣры Христовой, человѣкъ надѣваетъ на себя мертвящее иго суевѣрія. Невольно съ ужасомъ спросишь: и это можетъ быть съ человѣкомъ? Все можетъ быть съ человѣкомъ, оставившимъ домъ Отца своего небеснаго. Снявшись съ якоря вѣры Христовой, потерявъ надежду на Бога и утративъ любовь къ Нему, человѣкъ дѣлается игралищемъ своихъ страстей, жертвою сомнѣній всякаго рода и то возвышаетъ себя до небесъ и ставитъ «выше всего, называемаго Богомъ, или святынею» (2 Сол. 2, 4), то унижаетъ себя до животнаго, съ благоговѣніемъ «говоритъ древу: ты мой отецъ; и камню: ты меня родилъ» (Іер. 2, 27). Поистинѣ за человѣка страшно, за человѣческое достоинство, за человѣческую мысль страшно!

Говорить ли о тѣхъ блудныхъ сынахъ, которые, оставивъ домъ Отца небеснаго, а часто и отечество земное, и удалясь на страну далече и живя тамъ распутно, строить ковы на гибель Церкви, ихъ духовно возродившей и отечества ихъ воспитавшаго? *Живыи на небесахъ посылается имъ и Господь поругается имъ* (Іс. 2, 4). Мрачная исторія ихъ дѣяній слишкомъ извѣстна; но и ихъ глубокое паденіе началось съ пренебреженія заповѣдей, уставовъ и обычаевъ церковныхъ, продолжалось отверженіемъ заповѣдей Божіихъ, закончилось же страшнымъ озлобленіемъ противъ законовъ гражданскихъ. О! еслибы Господь послалъ миръ въ ихъ озлобленную душу и возвратилъ ихъ въ лоно матери ихъ—Церкви и отечества!

Мы изобразили различные пути, которыми идутъ люди, оставившіе домъ Отца своего небеснаго и матери

своей Церкви. Ни на одномъ изъ нихъ человѣкъ не находитъ себѣ истиннаго счастья, истинной радости, и не только *мира, превосходящаго всякъ умъ* (Фил. 4, 7), во часто и обыкновеннаго душевнаго мира. Въ домѣ Отца небеснаго обыкновенно ищетъ человѣкъ свободы, а находитъ тяжелое рабство. Истинная свобода, какъ «и всякъ даръ совершенъ, свыше есть, нисходитъ отъ Отца свѣтовъ» (Іак. 1, 17). «Аще Сынъ вы свободитъ, говоритъ Спаситель, воистинну свободни будете» (Іоан. 8, 36). Богъ наша радость, наше счастье, наше спасеніе. Всѣ сокровища Своей благодати Онъ положилъ въ своемъ домѣ—Св. Церкви. Въ Церкви найдете все необходимое для васъ: истину для просвѣщенія вашего ума, благодать для утѣшенія вашего сердца, силу для укрѣпленія воли. Она имѣетъ *путь жизни. Она есть дверь жизни* (св. Ириней). Съ нею и въ ней до скончанія вѣка Христось, Который *есть путь, истина и животъ* (Мѣ. 28, 20; Іоан. 14, 6).

Оглянемся на самихъ себя, на тотъ путь, которымъ мы идемъ. Не идемъ ли однимъ изъ указанныхъ путей, путемъ погибельнымъ? Не будемъ прельщаться тою мыслию, что мы не далеко уклонились отъ истиннаго пути. Спаситься можно только въ домѣ Отца небеснаго, только на истинномъ пути, а погибнуть можно и вблизи его подобно тому, какъ путникъ, застигнутый мятежью, замерзаетъ иногда у порога своего жилища. Переплыть *море житейское* и достигнуть *тихаго пристанища* можно только на корабль, кормчій котораго — Христось, а утонуть можно и у борта корабля. Путь въ адъ—путь съ горы, дорога торная, широкая; и не замѣтишь, какъ очутишься на самомъ днѣ ада.

Но да не смущаемся, если и слишкомъ удалились отъ дома Отца небеснаго, далеко сбились съ истиннаго пути. Мать не чуждается и блуднаго сына; Отецъ небесный съ радостію принимаетъ «и въ единонадесятый часъ пришедшаго къ Нему». Чѣмъ долѣе мы не были въ домѣ Отца, тѣмъ болѣе радоваться Онъ будетъ нашему возвращенію.

«Радость бываетъ въ домѣ Отца, у Ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся» (Лук. 15, 10).

Ходите, говоритъ Спаситель, *дондеже свѣтъ имате* (Іоан. 12, 35). Теперь Господь свѣтитъ намъ своею любовію; «се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія» (2 Кор. 6, 2). Объятія Отца небснаго отверсты для всѣхъ. Вечеря приготовлена. Агнець закланъ. Новая одежда, омытая кровію Агнца, готова. Дары благодати, обрученіе Св. Духа не замедлятъ *обильно измѣтсь въ сердца наши* (Тит. 3, 6). «Приидите, объдуйте (Іоан. 21, 12); примите, ядите» (Мѡ. 26, 26), зоветъ cadaго изъ насъ Отець небсннй. «Приидите, божественныя вечера насладимся», вопіетъ св. Церковь. На вечера «есть еще мѣсто» (Лук. 14, 22) для cadaго желающаго. Дверь еще не затворена...

Но скоро настанетъ время, когда это солнце взойдетъ надъ нашею главою въ послѣдній разъ; закроются глаза наши на вѣки и засыплются сырою землею. А вмѣстѣ съ этимъ закроются и объятія Отца небснаго; затворится дверь въ царство небсное (Мѡ. 25, 10). Тщетно будемъ стучать въ эту дверь; тщетно будемъ взывать: «Господи! Господи! отверзи намъ! Не вѣмъ васъ», скажетъ Господь (Мѡ. 25, 11. 12); «отступите отъ Мене вси дѣлающіи беззаконіе» (Псал. 8, 9);—и широко адъ разверзетъ свою огненную утробу...

«Помилуй мя, Боже, по величїи Твоей милости! Объятія ми отверсти потщися, Спасе! Согрѣшихъ на небо и предъ Тобою».

Протоіерей Михаилъ Некрасовъ.

ВЫСОКОУМІЕ ОТТОРГШИХСЯ ОТЪ ЦЕРКВИ.

СЛОВО ВЪ ДЕВЯТУЮ ГОДОВЩИНУ БРАТСТВА СВ. ПЕТРА МИТРОПОЛИТА. 21 декабря 1881 года.

„Тоже другъ къ другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, по смиренными ведущая (*послѣдуйте смиреннымъ*). Не бывайте мудры о себѣ“. Рим. 12, 16.

Въ сихъ словахъ Апостоль учить христіанъ соблюдать единомысліе и предостерегаетъ отъ високоумія, какъ главной причины розни между людьми во всякомъ дѣлѣ и особенно въ дѣлахъ вѣры. Всѣ мы, какъ христіане, призваны къ единенію вѣры, ибо всѣмъ намъ Христосъ возвѣстилъ одну истину, а не двѣ-три одна другой противоположныхъ. Всѣмъ намъ заповѣдано вѣровать во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Всѣмъ намъ напоминается, что Церковь есть тѣло Христово, что истинно вѣрующіе суть члены этого тѣла и потому должны находиться въ такомъ же тѣсномъ общеніи между собою, какъ члены органическаго тѣла. Это общеніе должно выражаться въ томъ, чтобы они, по слову Апостола, не только любили другъ друга, но и были единомысленны (Филип. 2, 2). И горе тѣмъ, которые отдаляются и другихъ отдаляютъ отъ единомыслія въ вѣрѣ, увлекаются и другихъ увлекаютъ ученіями, противными ей! Апостоль грозитъ анаѳемой всякому, кто сталъ бы благовѣствовать, и слѣдственно всякому, кто сталъ бы исповѣдывать, не то ученіе, какое принято отъ Апостола, хотя бы благовѣствовалъ ангель (Гал. 1, 8. 9). Анаѳема значитъ отлученіе отъ Церкви. Но быть отлученнымъ

отъ Церкви, значить быть отлученнымъ отъ спасенія. Кто внѣ Церкви, тотъ внѣ указанныхъ Христомъ путей спасенія, потому что только въ ней обрѣтаются средства спасенія, ей даны таинства, вводящія насъ въ общеніе съ Спасителемъ, въ ней существуютъ священноначаліе, членамъ котораго, епископамъ и пресвитерамъ, дана власть совершать таинства, благодатію ихъ освящать вѣрующихъ и руководить ихъ ко спасенію. Кто внѣ Церкви, тотъ внѣ Христа, потому что Христосъ есть глава тѣла Церкви; тотъ похожъ на вѣтвь, отрубленную отъ дерева, увядающую и изсыхающую. Вина людей, заслуживающихъ отлученіе отъ церкви, или добровольно отлучившихся отъ ней, столь велика, столь тяжка и непрощительна, что не можетъ быть омыта даже мученическою кровію. Посему, говоритъ св. Кипріанъ («О единствѣ Церкви»), «умреть ли схизматикъ среди дикихъ звѣрей, или окончить жизнь въ пламени костра, смерть его вовсе не есть вѣнецъ вѣры мученичества, а лишь наказаніе за вѣроломство. Даже падшіе (т.-е. отрекшіеся отъ Христовой вѣры по страху гоненій), по словамъ Кипріана, должны быть поставлены выше, чѣмъ схизматыки, ибо первые чрезъ покаяніе испрашиваютъ у Бога прощеніе за свои грѣхи, послѣдніе же поступаютъ такъ, какъ будто они совершенно правы; первые ищутъ Церкви, послѣдніе сопротивляются ей. Первые могутъ быть доводимы до паденія внѣшними обстоятельствами, послѣдніе согрѣшаютъ добровольно. Первые наносятъ вредъ только себѣ, послѣдніе же и другихъ увлекаютъ за собою на претупленіе».

Такъ преступно, такъ пагубно уклоненіе отъ единенія вѣры и отторженіе отъ церковнаго союза. И отъ сего-то бѣдствія предостерегаетъ Апостоль, когда говоритъ: «тожде другъ ко другу мудрствуйте: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся. Не бывайте мудри о себѣ». Сила предостереженія заключается въ словахъ увѣщанія—не мудрствовать высоко, не быть мудрыми о

себѣ. Этими словами дается понятъ христіанамъ, отъ чего происходитъ разномысліе, и чѣго потому надобно всячески избѣгать, чтобы не впасть въ преступное и душепагубное разномысліе. Именно Апостоль предостерегаетъ отъ высокоумія, горделивости, соединеннаго съ самоуслажденіемъ и презрѣніемъ другихъ, убѣжденія въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ предъ другими, въ своей даже непогрѣшительности.

Разномысліе въ какихъ бы ни было дѣлахъ, въ житейскихъ, въ научныхъ, даже въ религіозныхъ—явленіе обыкновенное, естественное и даже, говорятъ, полезно, служа къ уясненію истины, къ всестороннему обсужденію ея. Это, пожалуй, справедливо, если разномыслящіе одушевлены искреннимъ желаніемъ достигнуть убѣжденія въ истинѣ и безпристрастно относятся къ предмету пререканій. Изъ столкновенія мнѣній и возрѣній истина выясняется и является во всемъ своемъ величіи. Но какъ много препятствуетъ достиженію сей благой цѣли высокоуміе, гордость! Высокоуміе не уничтожаетъ разномыслія, а только усиливаетъ его, ведетъ не къ уясненію истины, а къ большому затемненію ея, иногда къ совершенному отверженію ея. Говоря сіе, мы имѣемъ въ виду нашихъ мнимыхъ старообрядцевъ. Вотъ уже два столѣтія продолжаются пререканія съ ними православныхъ, усилія пастырей церкви вразумить ихъ. Сколько бесѣдъ ведено было и ведется съ ними, сколько книгъ написано и пишется для обличенія ихъ и примиренія съ Церковію!—И бесѣдами и книгами многіе обращены на путь истины,—это безпристрастные ревнители вѣры, безпристрастные цѣнители истины. Чтѣ же держитъ прочихъ въ отчужденіи отъ Церкви, въ упорномъ противленіи ей, столь упорномъ, что какъ бы ни были ясны и сильны доказательства правоты св. Церкви, они не убѣждаются ими, даже закрываютъ отъ нихъ глаза, затыкаютъ уши, видя не видятъ, слыша не слышатъ, какъ поступали въ отношеніи къ Христу современные Ему фарисеи и книжники? Въ чемъ

причина такого печальнаго явленія?—Главнымъ образомъ въ високоуміи, обладаемые которымъ однихъ себя почти-таютъ обладателями истины, однихъ себя умниками,—прочіе всѣ недобросовѣстны и глупы. Прежде всего недугомъ високоумія страдаютъ вожди и учителя раскола. Исправленіе богослужебныхъ книгъ, видоизмѣненіе нѣкоторыхъ обрядовъ показалось имъ дѣломъ незаконнымъ, противоцерковнымъ, неправославнымъ. Явилось сомнѣніе въ правотѣ самой Церкви. Сомнѣнія могутъ возникать въ душѣ всякаго размышляющаго, желающаго вѣровать не безотчетно, а сознательно. Но если въ немъ есть искренняя и безпристрастная любовь къ истинѣ, онъ не спѣшитъ отвергать то, въ чемъ усомнился, не спѣшитъ свое личное мнѣніе провозглашать непогрѣшительнымъ и распространять его повсюду,—особенно когда сомнѣніе его касается правоты Церкви. Дѣло это столь важно, что поспѣшность въ рѣшеніи сомнѣнія тутъ всего менѣе допустима. Онъ одушевленъ ревностію по вѣрѣ, но опасается, не заслужитъ бы упрека въ ревности неразумной; онъ боится, не сдѣлается бы, по неразумной ревности, изъ послушнаго сына Церкви врагомъ ея, противникомъ ея власти, боится, не навлечъ бы на себя справедливый приговоръ объ отлученіи отъ Церкви, не очутится бы внѣ ея. Чѣмъ сильнѣе и искреннѣе его вѣра въ едину святую, соборную и апостольскую Церковь, тѣмъ осторожнѣе его сужденія о той Церкви, къ которой онъ принадлежитъ. Свои сомнѣнія онъ сообщаетъ другимъ, но не для того, чтобы навязать ихъ, по съ цѣлію получить отъ нихъ разъясненіе, вразумленіе. Ближайшими совѣтниками ему въ этомъ случаѣ должны быть пастыри церковные, которымъ ввѣрено священнодѣйствіе слова истины, охраненіе и защищеніе ея. Онъ прежде всего къ нимъ и обращается. Въ то же время онъ тщательно изучаетъ книги, начиная съ св. Писанія, руководствующія къ познанію истины и утвержденію въ ней. Наипаче же онъ умоляетъ Духа истины, да просвѣтитъ его свѣтомъ ея. Если гдѣ,

то преимущественно въ отношеніи къ дѣламъ вѣры и Церкви должна быть соблюдаема такая осторожность, съ смиреннымъ недоувѣріемъ къ одному личному своему мнѣнію. Не такъ поступаетъ высокоумный. Свое личное мнѣніе о предметахъ вѣры почитая непогрѣшительнымъ, онъ не допускаетъ противорѣчія ни съ чьей стороны. Пусть его мнѣніе идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ и постановленіями Церкви, пусть оно отвергается всѣмъ священноначаліемъ церковнымъ,—онъ скорѣе готовъ провозгласить неправою всю Церковь, похулить ея священноначаліе, чѣмъ отказаться отъ своего мнѣнія. Такъ и поступили расколоучители. Они возстали не только противъ русской Церкви, ни вселенскимъ, ни помѣстнымъ соборами не осужденной, строгой блюстительницы догматовъ вѣры и древлеотеческихъ постановленій, но провозгласили еретическою всю православную Церковь. Суда церковнаго противъ нихъ не утрашили, но сами дерзнули осудить Церковь, ея священноначаліе, ея относящіяся до богослуженія постановленія. По высокоумію и гордости они поставили себя выше церковной власти, она потеряла для нихъ всякій авторитетъ, — единственнымъ авторитетомъ осталось для нихъ свое я. Они возмнили, что никого нѣтъ умнѣе ихъ. «Азъ одинъ искуснѣе въ божественныхъ писаніяхъ, неже вси архіереи», сказалъ одинъ изъ нихъ (Никита пустосвятъ) на соборѣ въ присутствіи всего высшаго въ Россіи духовенства и мпожества вельможъ и сановниковъ.—Разорвавъ союзъ съ Церковію, раскольники лишились священноначалія и благодати таинствъ; но по высокоумію и гордости они не почли невознаградимымъ это лишеніе. Гдѣ висоуміе, тамъ и своеволіе. И вотъ плоды своеволія: вмѣсто законныхъ священниковъ они завели незаконныхъ; вмѣсто дѣйствительныхъ таинствъ явилось у нихъ одно подобіе ихъ, ибо нельзя же, кромѣ крещенія, называть таинствами тѣ дѣйствія, которыя подъ именемъ ихъ совершаются незаконными священнослужителями, къ числу которыхъ относятся

безъ сомнѣнія и новоизмышленныя ими архіереи, ведущіе свое начало отъ бѣглаго греческаго митрополита. Своеволюе другихъ раскольниковъ пошло далѣе. Они всеѣмъ отвергли священство, возмнили, что можно спастись безъ него и безъ таинствъ, удержавъ одно крещеніе и подобіе исповѣди, и раздробились на множество сектъ, одна другой враждебныхъ, — каковая вражда была неизбѣжна при непомѣрной гордости и самомнѣніи основателей этихъ сектъ.

Высокоуміе отторгшихся отъ церкви братій нашихъ сказывается не въ томъ только, что они однихъ себя провозглашаютъ православными, но еще въ томъ, что они похваляются своею жизнію. Всѣ они, сравнивая себя въ этомъ отношеніи съ церковными людьми, однихъ себя считаютъ честными, истинно благочестивыми и добродѣтельными. Каждый изъ нихъ если не вслухъ, то про себя повторяетъ съ фарисеемъ: «Нѣсмь, якоже прочіи чловѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи, или якоже мой такой-то знакомый никоніанинъ». Порицая православныхъ за ихъ жизнь, они въ ихъ порокахъ находятъ новый поводъ порицать самую вѣру ихъ и Церковь, какъ будто вѣра и Церковь въ этомъ виноваты. Еслибы по жизни вѣрующихъ позволено было судить о достоинствѣ ихъ вѣры и Церкви, въ такомъ случаѣ и магометанская вѣра заслуживала бы всякой похвалы, судя по тому на примѣръ, что исповѣдующіе ее татары извѣстны честностію и трезвостію, ради чего многіе, извѣрившись въ честность и трезвость русскаго чловѣка, предпочтительно предъ русскими берутъ въ служеніе татаръ и ихъ выбираютъ для исполненія разныхъ порученій. Особенно возмутительна гордость и высокоумнѣніе тѣхъ раскольниковъ, которые, однихъ себя признавая святыми людьми, почитаютъ оскверненіемъ для себя и непростительнымъ грѣхомъ пить и ѣсть изъ одной посуды съ православными, и даже съ раскольниками, не во всѣхъ отношеніяхъ съ ними единомысленными. Любуясь подвигами своего благочестія и набожно-

сти, строгаго соблюденіи постовъ, долгой молитвы, многіе изъ нихъ воображаютъ что этихъ однихъ подвиговъ достаточно для спасенія, забывая слова Апостола: «благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ Божій даръ, ни отъ дѣлъ (какими бы высокими они ни казались), да никтоже похвалится». Любимая поговорка у раскольниковъ: «Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ», свидѣтельствуеть только о ихъ непростительномъ высокоуміи. Имъ, видите, не нужна внѣшняя церковь съ ея таинствами и священноначаліемъ; въ каждомъ изъ нихъ Христосъ непосредственно, какъ въ церкви, обитаетъ. Оле самопрельщенія и гордыни!

Гордость и высокоуміе есть преимущественно діавольскій грѣхъ, ибо діаволь палъ отъ гордости. Въ сѣти гордости онъ старается запутать и людей. Высокоумствующіе братія наши не подозрѣваютъ, въ чьи сѣти они попали. Вражду свою противъ св. Церкви они оправдываютъ ревностію по вѣрѣ, по истинѣ. Но какъ самъ діаволь претворяется иногда въ ангела свѣтла, такъ и обольщаемыхъ имъ людей онъ непримѣтнымъ для нихъ образомъ подбиваетъ на зло подъ благовидными предлогами. Ревностію по истинѣ, по вѣрѣ, прикрывается только высокоуміе враждующихъ противъ церкви раскольниковъ. Высокоуміе и гордость такъ ослѣпили ихъ, что они не замѣчаютъ неразумности своей ревности. Помолимся, братія, Христу, Свѣту истинному, да своею просвѣщающею и вразумляющею благодатію исцѣлитъ ихъ душевную слѣпоту, да дастъ имъ узрѣть свое заблужденіе, увидѣть, въ чьихъ тенетахъ они запутались, отложить свое высокоуміе, смириться предъ святою Церковію и въ примиреніи съ нею обрѣсти миръ и спасеніе для себя.

Прот. В. Нечаевъ.

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО

ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ
НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Расположенъ въ порядкѣ чтенія въ первую седмицу Великаго поста.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый опытъ новаго перевода Великаго Канона на церковно-славянскій языкъ сдѣланъ въ виду неудовлетворительности существующаго стараго перевода. Этотъ послѣдній вообще *слишкомъ букваленъ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ *неправиленъ*, что много затрудняетъ разумное чтеніе и надлежащее пониманіе великаго произведенія св. Андрея Критскаго. Нашъ переводъ имѣлъ своею цѣлью устранить указанные недостатки стараго перевода, и чрезъ это сдѣлать Канонъ легче для чтенія и доступнѣе для пониманія. Ничего въ собственномъ смыслѣ *новаго* переводъ нашъ не вноситъ въ это покаянное твореніе св. пѣснопѣвца, и отъ начала до конца есть именно персводъ, а отнюдь не свободный перифразъ этого творенія. Только въ нѣсколькихъ, весьма немногихъ случаяхъ, указанныхъ ниже, въ своемъ мѣстѣ (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), переводчикъ счелъ за необходимое—не просто только перевести, но и нѣсколько перефразировать слова переводимаго текста, для лучшаго уразумѣнія мысли свящ. пѣвца. Любители разумнаго церковнаго чтенія, надѣемся, не постыдуютъ на насъ за это, равно какъ и вообще за сдѣланный нами переводъ.

Е. А.

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ НА ПОВЕЧЕРІИ.

ПѢСНЬ 1-я.

Ирмосъ. Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе. Онъ мой Богъ, и прославлю Его, Богъ отца моего, и превознесу Его: славно бо прославися.

Тропари. Откуда начну оплакивати окаяннаго моего житія дѣянія? Кое положу начало нынѣшнему рыданію? Но даждь ми, Христе, яко благоутробенъ, прегрѣшеній оставленіе.

Гряди, окаянная душе, съ плотію твоею, Зиждителю всѣхъ исповѣждься, и воздержися уже отъ прежняго неразумія, и принеси Богу въ покаяніи слезы.

Первозданному Адаму поревновавъ въ преступленіи, познахъ себе удаленна отъ Бога и вѣчнаго царствія и блаженства, грѣхъ ради моихъ.

Увы мнѣ, окаянная душе! Почто уподобилася еси первозданній Евѣ? Возрѣла бо еси злѣ, и уязвилася еси горцѣ, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно обольстительныя снѣди.

Вмѣсто Евы чувствєнныя возста во мнѣ Ева мыслєнная—плотскій страстный помысль, иже показываетъ сладкая, вкушати же подаетъ присно горькое питіе *).

Достойно изгнанъ бысть изъ Едема Адамъ, яко не сохранивый едину заповѣдь твою, Спасе: азъ же что постражду, всегда отметаю животворная твоя повелѣнія?

Троиченъ. Пресущественная Троице, во единицѣ поклоняемая! возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко благоутробна, даждь ми слезы умилєнія.

Богородиченъ. Богородице, надеждо и предстательство воспѣвающихъ тя! возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко Владычица чистая, пріими мя кающагося.

*) Здѣсь легкій перифразъ. Буквально слѣдуетъ перевести такъ: „страстный помысль, показующій сладкая и вкушающій присно горькое напоеніе.“

ПѢСНЬ 2-я.

Ирмосъ. Вонми небо, и возглаголю, и воспою Христа, отъ Дѣвы во плоти пришедшаго.

Тропарі. Вонми небо и возглаголю; слыши земле гласъ, кающійся Богу и воспѣвающей Его.

Воззри на мя, Боже Спасе мой, милостивымъ твоимъ окомъ и пріими мое теплое исповѣданіе.

Согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ, единъ согрѣшихъ Тебѣ; но ущедри, Спасе, яко Богъ, твореніе твое.

Отобразивъ во мнѣ безобразіе страстей, сластолюбивыми стремленьми исказихъ ума красоту.

Буря золь обдержитъ мя, благоутробне Господи; но яко Петру, и мнѣ руку прости.

Осквернихъ ризу плоти моя и окаляхъ, Спасе, твой образъ и подобіе.

Омрачихъ красоту души сладострастіемъ, и весь умъ всецѣло въ персть превратихъ.

Раздрахъ нынѣ первую одежду мою, юже истка мнѣ Создатель въ началѣ, и сего ради лежу нагъ.

Облекохся въ раздранную ризу, юже истка мнѣ змій коварствомъ, и стыждуся.

Слезы блудницы и азъ проливаю, Милосерде: буди милостивъ мнѣ, Спасе, по благоутробию твоему.

Воззрѣхъ на красоту древа и прельстихся умомъ; сего ради лежу нагъ и срамляюся.

Дѣлаша на хребтѣ моемъ вси начальницы страстей, проводяще на мнѣ беззаконіе свое.

Троиченъ. Единаго Тя въ тріехъ лицѣхъ Бога всѣхъ воспѣваю, Отца и Сына и Святаго Духа.

Богородиченъ. Пречистая Богородице Дѣво, едина всѣми воспѣваемая! моли усердно о спасеніи нашемъ.

ПѢСНЬ 3-я.

Ирмосъ. На недвижимомъ камени заповѣдей твоихъ, Христе, утверди мое помышленіе.

Тропари. Огнь отъ Господа одождивъ, Господь землю содомскую пѣкогда попали.

На гору спасайся, душе, якоже Лоть онній, и въ Сигоръ потщися укрытися.

Бѣжи пламене, о душе, бѣжи горящаго Содома, бѣжи истребленія огнемъ божественнымъ.

Согрѣшихъ Тебѣ единъ азъ, согрѣшихъ паче всѣхъ: Христе Спасе, да не презриши мене.

Ты еси пастырь добрый: взыщи мене агнца, и заблуждшаго да не презриши мене.

Ты еси сладкій Исусъ, Ты еси Создатель мой: Тобою, Спасе, оправдаюся.

Исповѣдуюся Тебѣ, Спасе: согрѣшихъ, согрѣшихъ предъ Тобою; но ослаби, остави мнѣ, яко благоутробенъ.

Троицкы. О Троице - Единице Боже! спаси насъ отъ прельщенія и искушеній и опасностей.

Богородичкы. Радуйся утробо, вмѣстившая Бога; радуйся престоле Господень; радуйся мати Жизни наша.

ПѢСНЬ 4-я.

Ирмосъ. Услыша пророкъ пришествіе твое, Господи, и убоися, яко хочещи отъ Дѣвы родитися и человѣкомъ явитися, и глаголаше: услышахъ слухъ твой и убояхся; слава силѣ твоей, Господи.

Тропари. Да не презриши творенія твоего, да не оставиши созданія твоего, Судіе праведный. Аще и единъ согрѣшихъ, яко человѣкъ, паче всякаго человѣка, Человѣколюбче; но, яко Господь всѣхъ, имаши власть оставляти грѣхи.

Приближается, душе, конецъ, приближается и нерадиши, ни готовиши; время сокращается, востани; Судія близъ, при дверехъ; яко сновидѣніе, яко цвѣтъ, время житія переходитъ: почто всеу мятемся?

Воспряни, душе моя, помысли дѣянія твоя, яже содѣлала еси, и принеси я предъ лице твое, и капли пролей

слезъ твоихъ; рцы со дерзновеніемъ дѣянія и помышленія твоя Христу, и оправдайся.

Не бысть въ жизни грѣха, ни дѣянія, ни зла, имже азъ, Спасе, не согрѣшихъ, умою и словомъ и произволеніемъ, согрѣшивъ и намѣреніемъ и мыслию и дѣломъ, яко инъ никтоже когда.

Отсюда обвиненъ быхъ, отсюда и осужденъ быхъ азъ окаянный отъ своя совѣсти, еяже ничтоже въ мірѣ страшнѣйше. Судіе, Избавителю и Вѣдче мой! пощади, избави и спаси мя раба твоего.

Лѣствица, юже видѣ древле великій въ патріарсѣхъ, указаніе есть, душе моя, восхожденія дѣлы и возвышенія разумомъ: аще убо хочещи дѣятельностію и разумѣніемъ и созерцаніемъ пожити, обновися.

Зной дневный претерпѣ и хладъ ночный понесе, нужды ради, патріархъ, на всякъ день прибытокъ творя, пастыи стадо, боряся, работая, да двѣ жены приобращеть.

Жены двѣ разумѣй, душе, дѣятельность и разумное созерцаніе: Люю убо—дѣятельность, яко многочадную, Рахиль же—созерцаніе, яко многотрудную, ибо безъ трудовъ ни дѣятельность, ни созерцаніе совершится.

Троицень. Нераздѣльное существомъ, неслитное лицами богословлю Тя, троическое едино Божество, яко единоцарственное и сопрестольное; вопію Тебѣ пѣснь великую, въ вышнихъ селеніихъ трикратно воспѣваемую.

Богородичень. И раждаеши, и дѣвствуеши, и во обою пребываеши дѣва по естеству. Рожейся отъ Тебе обновляетъ законы естества, и утроба дѣвственная зачинаетъ. Богъ идѣже хочеть, побѣждается естества чинъ: творить бо, елика хочеть.

Пѣснь 5-я.

Ирмосъ. Отъ нощи утреннююща, Человѣколюбче, просвѣти, молюся, и настави и мене на повелѣнія твоя и научи мя, Спасе, творити волю твою.

Тропари. Въ нощи житіе мое провождахъ присно: тма

бо и глубока мгла бысть мнѣ нощь грѣха; но яко сына дне покажи мя, Спасе.

Рувиму подражая окаянный азъ, содѣяхъ преступный и беззаконный совѣтъ на Бога вышняго, осквернивъ ложе мое, якоже онъ отчее.

Исповѣдуюся Тебѣ, Христе Царю: согрѣшихъ, согрѣшихъ, якоже братія нѣкогда продавши Иосифа, плодъ чистоты и цѣломудрія.

Отъ сродникъ праведная душа связася, продася въ рабство прекрасный, во образъ Господень: ты же, душе, вся продася еси злымъ дѣломъ твоимъ.

Иосифу, уму праведному и цѣломудренному, подражай, окаянная и непотребная душе, и не оскверняйся безразсудными стремленьми, присно беззаконующи.

Аще и въ ровѣ пребысть нѣкогда Иосифъ, Владыко Господи, но во образъ погребенія и востанія твоего: азъ же что когда такое принесу Тебѣ?

Троиченъ. Тя, Троице, славимъ единого Бога: святъ, святъ, святъ еси Отче, Сыне и Душе, простое Существо, единица приснопоклоняемая!

Богородиченъ. Изъ Тебе, нетлѣнная, безмужная Мати Дѣво, облечеса въ мой составъ Богъ, создавый вѣки, и соедини съ Собою человѣческое естество.

ПѢСНЬ 6-я.

Ирмосъ. Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ къ щедрому Богу, и услыша мя отъ ада преисподняго, и избави отъ тли животъ мой.

Тропари. Слезы очей моихъ и изъ глубины въздыханія искреннѣ приношу Тебѣ, Спасе, вопіюще сердцу: Боже, согрѣшихъ Тебѣ, буди милостивъ мнѣ!

Уклонилася еси, душе, отъ Господа твоего, якоже Даѳанъ и Авиронъ; но воззови изъ ада преисподняго: пощади! да не покрѣтъ ты пропасть земная.

Разсвирѣпѣвши яко юница, душе, уподобилася еси Ефрему; яко серна, отъ тенеть спасай жизнь, окрыливши умъ дѣятельностію и созерцаніемъ.

Рука Моисеева да уѣрить насъ, душе, како кожетъ Богъ убѣлити и очистити прокаженное житіе, и не отчаявайся о себѣ, аще и прокаженна еси.

Троицень. Троица есмь проста, нераздѣльна, раздѣльна въ Лицахъ и Единица есмь по естеству соединенна: Отець глаголетъ, Сынъ и Божественный Духъ.

Богородицень. Утроба твоя, Богородице, роди намъ Бога, пріавшаго нашъ образъ, егоже, яко Создателя всѣхъ, моли, да молитвами твоими оправдимся.

К о н д а к ъ .

Душе моя, душе моя! востани, что спиши? Конецъ приближается и имаша смутитися. Воспрями убо, да пощадить тя Христосъ Богъ, вездѣ сый и вся исполняй.

П ѣ с н ь 7-я.

Ирмосъ. Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою, ниже соблюдохомъ, ниже сотворихомъ, якоже заповѣдалъ еси намъ; но не предаждь насъ до конца, отцевъ Боже!

Тропари. Согрѣшихъ, беззаконновахъ и нарушихъ заповѣдь твою, яко во грѣсѣхъ родихся и приложихъ раны къ язvamъ моимъ; но Самъ помилуй мя, яко благоутробень, отцевъ Боже!

Тайны сердца моего исповѣдахъ Тебѣ, Судии моему: виждь смиреніе мое, виждь и скорбь мою, вонми осужденію моему нынѣ, и Самъ помилуй мя, отцевъ Боже!

Сауль нѣкогда, егда погуби ослыта отца своего, внезапу съ вѣстію о нихъ обрѣте царство; но блюди, душе, не забывай себе, скотскія похоти твоя предпочитая царству Христову.

Богоотець Давидъ аще и согрѣши нѣкогда сугубо, устрѣленъ бывъ стрѣлою прелюбодѣйства и пораженъ копіемъ жестокаго убійства, но сама ты, душе моя, недугуеши тягчайшими сихъ дѣлъ произвольными стремленьми.

Совокупи нѣкогда Давидъ съ беззаконіемъ беззаконіе:

съ убійствомъ бо соедини прелюбодѣйство; но и покаянiе сугубое показа абiе. Ты же, душе, лукавнѣйшая содѣлавши, не покаялася еси Богу.

Давидъ нѣкогда, аки на иконѣ изображая, написа пѣснь, еюже обличаетъ содѣянное имъ дѣянiе, зовый: помилуй мя, Тебѣ бо единому согрѣшихъ, всѣхъ Богу; Самъ очисти мя!

Троицень. Троица простая, нераздѣльная, единосущная, и едино естество, свѣты и свѣтъ, и три свята и едино свято, Богъ—Троица—воспѣвается въ пѣсняхъ. Воспой убо и ты, душе, прослави животъ и животы—всѣхъ Бога.

Богородичень. Поемъ Тя, благословимъ Тя, поклоняемся Тебѣ, Богородительнице, яко родила еси намъ единого отъ нераздѣльныхъ Троицы, Христа Бога, и сама отверзла еси намъ земнымъ небесная.

ПѢСНЬ 8-я.

Ирмосъ. Егоже воинства небесная славятъ и трепещутъ херувими и серафими, всякое дыханiе и тварь пойте, благословите и превозносите во вся вѣки.

Тропари. Согрѣшивша, Спасе, помилуй, возбуди мой умъ ко обращенiю, приими мя кающагося, умиласердися къ вопiющему: согрѣшихъ Тебѣ, спаси; беззаконновахъ, помилуй мя.

Колесничникъ Илія, на колесницѣ добродѣтелей вшедъ яко на небеса, ношашеся нѣкогда превыше земныхъ: сего убо восходъ помышлай, душе моя.

Елисей нѣкогда, приѣмъ милоть Иліи, прiятъ сугубую благодать отъ Господа: ты же, о душе моя, не получила еси сея благодати за невоздержанiе.

Елисей нѣкогда милотию Иліиною раздѣли потокъ Іордана сюду и сюду: ты же, о душе моя, не получила еси сея благодати за невоздержанiе.

Соманитяныня прiятъ нѣкогда праведника въ домъ свой съ усердiемъ благимъ: ты же, о душе, не ввела еси въ домъ твой ни странника, ни пѣтника; тѣмже изринута будеши вонъ изъ чертога брачнаго, рыдаючи.

Гіезіеву праву скверному подражала еси всегда, окаянная душе: отложи его сребролюбіе понè въ старости; убѣжи огня геенскаго, отступивши отъ злыхъ твоихъ.

Троицень. Безначальне Отче, собезначальне Сыне, Утѣшителю благій Душе правый, Слова Божія Родителю, Отца безначальна Слове, Душе живый и зиждущій, Троице Единице, помилуй мя!

Богородичень. Яко отъ окрашенія багряницы, внутрь чрева твоего, Пречистая, уготовася мысленная порфіра—плоть Еммануилева: тѣмже воистину Богородицу Тя почитаемъ.

ПѢСНЬ 9-я.

Ирмосъ. Отъ безсѣменна зачатія рожденіе несказанно, безмужныя матере плодъ неглѣбень: ибо рождество Бога обновляетъ естества. Тѣмже Тя вси роди, яко Богоневѣсту—Матерь, православно величаемъ.

Тропари. Умъ уязвися, тѣло разслабѣ, духъ болѣзнуеть, слово изнеможе, жизнь умертвися, конецъ при дверехъ: что убо сотвориши, окаянная душе моя, егда придетъ Судія испытати дѣянія твоя?

Моисеево сказаніе о міробытіи приведохъ тебѣ, душе, и оттолѣ все завѣтное писаніе, повѣдающее тебѣ о праведныхъ и неправедныхъ, отъ нихъже вторымъ, а не первымъ подражала еси, о душе, въ Бога согрѣшая.

Законъ изнеможе, не дѣйствуетъ Евангеліе, все писаніе пренебрежено бысть тобою, пророцы и всяко слово праведнаго явшася безсильни; раны твои, о душе, умножишася, и нѣсть врача исцѣляющаго тя.

Новаго писанія привожу тебѣ указанія, душе, возбуждающія тя ко умиленію: праведнымъ убо поревнуй, грѣшныхъ же отвращайся, и умилостави Христа молитвами и пощеньми, чистотою и непорочностію.

Христось вочеловѣчився призва къ покаянію разбойники и блудвицы: покайся, душе! дверь царствія отверзеса уже, и предвосхищаютъ è фарисеи и мытари и прелюбодѣи кающіися.

Христорь вочеловѣчися, пріобщився мнѣ плотію, и вся естеству свойственная волею своею испита, кромѣ грѣха, показуя тебѣ, душе, подобіе и образъ своего снисхожденія.

Христорь волхвы спасе, пастыри созва, множество младенецъ показа мученики, прослави старца и старую вдовицу, ихже ни дѣянїемъ, ни житію не поревновала еси, душе; но горе тебѣ, внигда будещи судитися!

Постився Господь днїи чотыредесять въ пустыни, послѣди взалка, показуя въ Себѣ челоуѣческое естество: не унывай, душе, егда устремится на тя врагъ; молитвою же и постомъ отъ ногъ твоихъ да отразится.

Троицень. Прославимъ Отца, превознесемъ Сына; съ вѣрою почтимъ поклоненіемъ Божественнаго Духа, Троицу нераздѣльную, Единицу по существу, яко свѣтъ и свѣты, животь и животы, животворящую и просвѣщающую концы вселенныя.

Богородичень. Градъ твой сохраняй, Богородительнице пречистая: о Тебѣ бо сей вѣрою царствуй, Тобою и укрѣпляется, Тобою побѣждаая, одолѣваетъ всякое искушеніе, емлетъ добычи у враговъ и устрояетъ подчиненіе.

ВО ВТОРНИКЪ НА ПОВЕЧЕРІИ.

Пѣснь 1-я.

Ирмосъ. Помощникъ и покровитель....

Тропарь. Каиново превзыдохъ убійство: ожививъ бо плоть, произволеніемъ сознательнымъ убійца быхъ души, воевавъ на ню лукавыми моими дѣяньми.

Авслевѣй праведности не уподобихся, Исусе: даровъ прїятныхъ никогдаже принесохъ Тебѣ, ни дѣяній богоугодныхъ, ни жертвы чистыя, ни житія непорочнаго.

Яко Каинъ, и мы съ тобою, окаянная душе, Содѣтелю всѣхъ принесохомъ дѣянія скверная и жертву порочную и житіе непотребное; тѣмже и осудихомся.

Бреніе, аки скудельникъ, оживотворивъ, даровалъ еси мнѣ плоть и кости, дыханіе и жизнь; но, о Творче мой и Искупителю мой и Судіе, кающагося прими мя.

Извѣщаю Тебѣ, Спасе, грѣхи, яже содѣяхъ, и души и тѣла моего язвы, яже внутренніи убійственніи помыслы разбойнически на мя возложиша.

Аще и согрѣшихъ, Спасе, но вѣмъ, яко человекѣколюбецъ еси: наказуеши сострадательнѣ и милосердствуеши теплѣ, призираеши на плачущаго и притскаеши яко отецъ, призывая блуднаго сына.

Троицень } тѣже, что вчера.
Богородицень }

Пѣснь 2-я.

Ирмосъ. Вонми небо...

Тропари. Кожаныя ризы содѣла и мнѣ грѣхъ, обнаживый мя первыя, Богомъ истканныя одежды.

Облекохся одѣяніемъ студа, яко листвіемъ смоковницы, во обличеніе моихъ самовольныхъ страстей.

Одѣяхся въ ризу запятнанную и окровавленную постыдно, нечистотою страстной и сластолюбивой жизни.

Подпадохъ мученію страстей и вещественнѣй тли, и сего ради врагъ мнѣ нынѣ досаждаеть.

Любовещное и любостыжательное житіе предпочеть убожеству, Спасе, тяжкимъ бременемъ нынѣ обложень есмь.

Украсихъ кумирь плоти разноцвѣтнымъ одѣяніемъ студныхъ помышлений, и осуждаюся.

О внѣшнемъ благоукрашеніи единомъ прилѣжно попокохся, презрѣвъ внутреннюю, по образу Божію созданную скинію.

Исказихъ красоту первобытнаго образа страстьми, егже, Спасе, яко драхму нѣкогда, взыщи и обрящи.

Согрѣшихъ (яко блудница вопію Ти), единъ согрѣшихъ Тебѣ: яко мѣро, прими, Спасе, и моя слезы.

Буди милостивъ (яко мытарь вопію Ти, Спасе), буди

милостивъ мнѣ! согрѣшихъ бо Тебѣ, яко никтоже отъ чадъ Адамовыхъ.

Троицень } тѣже, что вчера.
Богородицень }

ПѢСНЬ 3-я.

Ирмосъ. Утверди, Господи, на камени заповѣдей твоихъ поколебавшеся сердце мое, яко единъ святъ еси и Господь.

Тропари. Источника жизни стяжахъ Тя, смерти разрушителя, и вопію Ти отъ сердца моего прежде кончины: согрѣшихъ, умилосердися и спаси мя!

Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ предъ Тобою, буди милостивъ мнѣ. Нѣсть бо грѣшника въ чловѣцѣхъ, егоже не превзыдохъ прегрѣшеньми.

При Нои распутствовавшимъ, Спасе, подражавъ, оныхъ наслѣдовахъ осужденіе на утопление въ потопѣ.

Хаму оному отцеубійцѣ подражавши, душе, не покрыла еси срамоты ближняго, обратившия вспять.

Якоже Лотъ, бѣжи, душе моя, пламене грѣха; бѣжи Содома и Гоморры; бѣжи огня всякаго безразсуднаго пожеланія.

Помилуй, Господи, вопію Ти, помилуй мя, егда приидеши со ангелы твоими воздати всѣмъ по достоинству дѣяній.

Троицень. Троице простая, несозданная, Существо безначальное, въ трехъ вѣпостасѣхъ воспѣваемое! спаси насъ, съ вѣрою поклоняющихся державѣ твоей.

Богородицень. Иже отъ Отца Сына безлѣтнаго, во времени, Богородительнице, безмужно родила еси, и странное чудо! пребыла еси дѣва млекою питающи.

ПѢСНЬ 4-я.

Ирмосъ. Услыша пророкъ...

Тропари. Бди, о душе моя, мужайся, якоже древле великій въ патриарсѣхъ, да стяжеша дѣятельность съ ра-

зумѣніемъ, да будещи умъ зряй Бога въ созерцаніи, и проникнеши въ непреступный мракъ и обратиши великая сокровища *).

Дванадцать патріарховъ великій въ патріарсѣхъ родивъ, утверди тебѣ, душе моя, таинственную лѣствицу дѣятельнаго восхожденія, дѣти яко ступени, шествіе же свое яко восхожденіе премудро предложивъ.

Исаву возненавидѣнному поревновавши, душе, отдала еси обольстителю твоему первозданная красоты перво-родство, и отеческаго благословенія лишилася еси, и дважды преткнулася еси, окаянная, дѣятельностію и разумѣніемъ: тѣмже нынѣ покаяся.

Едомъ Исавъ наречеса, крайняго ради женонействства: невоздержаніемъ бо присно разжигаемъ и сластями оскверняемъ, Едомъ наименовася, еже глаголется разженіе души грѣхолюбивыя.

Іова слышавши, душе моя, на гноищи сидѣвша и оправдавшагося, того мужеству не поревновала еси; не имѣла еси твердыя воли во всѣхъ, аже уразумѣла, увидѣла и испытала еси, но явилася еси нетерпѣлива.

Иже прежде на престолѣ, на гноищи нынѣ нагъ и изъязвленъ; многочадный и славный безчаденъ и безпріютенъ внезапно явися; гноище яко палату, и язвы яко бисеры имѣаше.

Троиченъ } тѣже, что вчера.
Богородиченъ }

ПѢСНЬ 5-я.

Ирмосъ. Отъ нощи утреннююща...

Тропари. Моисея слышала еси, душе, въ ковчегѣ древле, яко въ чертозѣ, носима по водамъ волнами рѣч-

*) Слова „обратиши великая сокровища“—перифразъ греческаго $\tau\epsilon\upsilon\eta\ \mu\epsilon\tau\alpha\lambda\epsilon\mu\tau\omicron\sigma\omicron\varsigma$, которое переведено въ старомъ славянскомъ сло-
вами: „будещи великій купецъ“.

ными и избѣжавша горькаго дѣйствія замысла Фараонитска *).

Слышали ли еси, окаянная душе, бабы убивавшія **) нѣкогда младенцы мужеска пола, плодъ цѣломудрія? Нынѣ, яко великій Моисей, буди младенецъ сосущъ премудрость.

Яко великій Моисей египтянина, високоумія ***) уязвивши не убила еси, окаянная душе: како же, глаголи ми, вселишися въ пустыню страстей поканіемъ?

Въ пустыни вселися великій Моисей: гряди убо, душе, подражай того житію, да и въ купинѣ явленіе Бога узриши.

Моисеевъ жезлъ, ударяющій въ море и огустѣвающій пучину, изображай, душе, знаменіемъ креста божественнаго, имже можеша и ты великая совершити.

Ааронъ приношаше Богу огонь чистый, безпримѣсный, но Офни и Финеесъ, яко ты, душе, принесоша чуждее Богу скверненное житіе.

Троиченъ } тѣже, что вчера.
Богородиченъ }

ПѢСНЬ 6-я.

Ирмосъ. Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ...

Тропари. Волны прегрѣшеній моихъ, Спасе, яко въ мори Чермнѣмъ, обратившеса покрыша мя внезапно, яко египтянъ нѣкогда и всадниковъ.

Неразумное произволеніе имѣла еси, душе, якоже Израиль древле: божественнѣй бо маинѣ предпочла еси безумно сластолюбивое страстей пресыщеніе.

Кладязи хананейскихъ мыслей предпочла еси, душе,

*) Здѣсь легкій перифразъ. Буквально слѣдовало бы: „Моисеевъ ковчежець слышала еси, душе“. Но тогда вышло бы что ковчежець собственно (а не Моисей) и избѣгъ горькаго замысла Фараонова.

**) Т.-е. ты не слышала, чтобы бабки убивали.

***) Въмѣсто „высокоумія“ буквально слѣдовало бы перевести: *ума*. Но подъ умомъ здѣсь разумѣется умъ не вообще, но впадшій въ высокоумдіе.

паче каменныя жилы, изъ неже рѣка премудрости, яко чаша, изливаетъ потоки богословія.

Свинная мясà и котлы и египетскую пищу небеснѣй предпочла еси, душе моя, якоже древній неразумный народъ въ пустыни.

Яко удари рабъ твой, Спасе, Моисей жезломъ въ камень, таинственно прообрази животворная ребра твоя, изъ нихже питіе жизни вси почерпашемъ.

Испытай и согляддай, душе, якоже Иисусъ Навинъ, землю обѣтованную, какова есть, и вселися въ ней благозаконіемъ.

Троицень } тѣже, что вчера.
Богородицень }

К о н д а в ъ.

Душе моя, душе моя! востани, что спиши?...

П ѣ с н ь 7-я.

Ирмосъ. Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ...

Тропари. Кивотъ егда везомъ бѣ на колесницѣ, Озà оный точію прикоснулся ему, при совращеніи тельца, и Божіимъ гнѣвомъ пораженъ бысть; но того дерзости убѣжавши, душе, почитай божественная честнѣ.

Слышала еси Авессалома, како на естество возста; увѣдала еси его гнусная дѣянія, имиже оскверни ложе Давида отца; но ты сама подражала еси того страстнымъ и сластолюбивымъ стремленіямъ.

Покорила еси нерабственное достоинство твое тѣлу твоему, душе: иного бо Ахитофела обрѣтши—врага, склонилася еси къ его совѣтомъ, но сія разрушилъ есть Самъ Христось, да ты совершенно спасешися.

Соломонъ чудный, иже и дара премудрости исполненъ, сей лукавое нѣкогда сотворивъ предъ Богомъ, отступи отъ Него: емуже ты сама уподобилася еси, душе, проклятымъ житіемъ твоимъ.

Сластьми страстей своихъ влекомъ, увь мнѣ! осквер-

нися любитель премудрости, любитель бывъ блудныхъ женъ и отчужденъ отъ Бога: емуже ты сама, о душе, подражала еси во умѣ, постыднымъ сладострастіемъ.

Ровоаму поревновала еси, душе, не послушавшему совѣта отча, купно же и злѣйшему рабу Іеровоаму, древнему мятежнику; но бѣжи сего подражанія и зови Богу: согрѣшихъ, ущедри мя!

Троиченъ } тѣже, что вчера.
Богородиченъ }

Пѣснь 8-я.

Ирмосъ. Егоже воинства небесная славятъ...

Тропари. Озіи поревновавши, душе, того проказу стяжала еси, себѣ сугубо, безмѣтная бо мыслиши, беззаконная же дѣши; остави яже имаши, и притецы къ покаянію.

Ниневитяны слышала еси, душе, кающыяся Богу во вретищи и пещѣ: опѣмъ не подражала еси, но явилася еси упорнѣйша всѣхъ, до закона и по законѣ прегрѣшившихъ.

Іеремію въ ровѣ тинномъ слышала еси, душе, съ рыданьи зывающа къ граду Сіону и слезъ ищуща: подражай его плачевному житію, и спасешися.

Іона въ Фарсисъ побѣже, предвидяй обращеніе ниневитянь: вѣдяше бо, яко пророкъ, Божіе благоутробіе; тѣмже ревноваше пророчеству не солгаться.

Даніила въ ровѣ слышала еси, о душе, како загради уста звѣрей; увѣдала еси, како отроцы, иже съ Азаріею, угасиша вѣрою горящій пламень пещи.

Ветхаго завѣта всѣхъ приведохъ тебѣ, душе, въ примѣръ: подражай боголюбивымъ дѣваніямъ праведныхъ, избѣгай же паки грѣховъ нечестивыхъ.

Троиченъ } тѣже, что вчера.
Богородиченъ }

ПѢСНЬ 9-я.

Ирмосъ. Отъ безсѣменна зачатія...

Тропари. Христось искушаемь бѣ, діаволь искушаше, показуя каменіе, да хлѣбы будутъ; на гору возведе видѣти вся царствія міра во мгновеніи: убойся сего дѣйствія, душе, трезвися, молися на всякій часъ Богу.

Горлица пустыннолюбивая, гласъ вопіющаго, Христовъ свѣтильникъ взываше, проповѣдуя покаяніе; Иродъ же беззаконнова со Иродіадою: зри, душе моя, да не увязнеши въ сѣти беззаконныхъ, но возлюби покаяніе.

Въ пустыни обиташе предтеча благодати, и слышавше вся Іудея и Самарія течаху и крещахуся усердно, исповѣдающе грѣхи своя: но ты, душе, симъ не подражала еси.

Бракъ убо честенъ и ложе нескверно: обоя бо Христось благослови, плотію ядый на брацѣ въ Канѣ и воду въ вино претворяяй, показуя первое сіе чудо, да ты измѣнишися, о душе.

Христось укрѣпи разслабленнаго, вземшаго одръ свой, и юношу умершаго воскреси, сына вдовицы, и сотникова отрока исцѣли, и самарянинѣ открывся изобрази тебѣ, душе, служеніе Богу духомъ.

Кровоточивую исцѣли Господь прикосновеніемъ края ризъ, прокаженныя очисти, слѣпца просвѣти, хромяя исправи, глухія же и нѣмыя и сляченную уврачева словомъ, да ты спасешися, окаянная душе.

Троицень } тѣже, что вчера.
Богородичень }

ВЪ СРЕДУ НА ПОВЕЧЕРІИ.

ПѢСНЬ 1-я.

Ирмосъ. Помощникъ и покровитель...

Тропари. Отъ юности, Христе, заповѣди твоя преступихъ; все житіе преидохъ во страстехъ, небреженіи и

безпечности; тѣмже зову Ти, Спасе: поне при кончинѣ спаси мя.

Повержена мя, Спасе, предъ вратами твоими, поне въ старости не отрини мене во адъ, яко непотребна; но прежде конца, яко Человѣколюбецъ, даждь ми прегрѣшеній оставленіе.

Имѣніе мое, Спасе, расточивъ въ распутствѣ, чуждъ есмь плодовъ благочестивыхъ; истаеая же гладомъ, зову: Отче щедротъ, поспѣши и уцѣдри мя.

Азъ есмь иже въ разбойники впадый, помышленіи моими, весь уязвихся отъ нихъ пынѣ и исполнихся ранъ; но Самъ мнѣ представъ, Христе Спасе, исцѣли.

Священникъ видѣвъ мя мимоиде, и левить зря мя въ бѣдахъ, обнаженна, презрѣ; но изъ Маріи возсіявый Исусе, Ты представъ умилосердися надо мною.

Маріи (египетской). Ты ми даждь свѣтозарную благодать, Маріе, отъ божественнаго вышняго промысленія, избѣжати мрака страстей и воспѣти усердно твоего житія славные подвиги.

Троицень
Богородицень } прежніе.

ПѢСНЬ 2-я.

Ирмосъ. Вонми небо...

Тропари. Падохъ, яко Давидъ, блудно и осквернихся; но омый, Спасе, и мене слезами.

Не имамъ слезъ, ни покаянія, нижѣ умиленія. Самъ ми сія, Спасе, яко Богъ, даруй.

Погубихъ первозданную красоту и благолѣпіе мое, и нынѣ лежу нагъ и стыждуся.

Дверь твою не затвори мнѣ тогда, Господи, Господи; но отверзи мнѣ сію, кающемуся Тебѣ.

Внемли воздыханіямъ души моея, Спасе, и приими слезы очей моихъ, и спаси мя.

Человѣколюбче, хотяй всѣмъ спастися! Ты мя призови и приими, яко благъ, кающагося.

Богородицень. Пречистая Богородице Дѣво, едина всѣми воспѣваемая! моли усердно о спасеніи нашемъ.

Вторый ирмосъ. Видите, видите, яко Азь есмь Богъ, манну одождивый и воду изъ камене источивый древле въ пустыни людемъ моимъ единою десницею и силою моею.

Тропари. Видите, видите, яко Азь есмь Богъ: слыши, душе моя, Господа вопіюща, и удалися прежняго грѣха, и убойся, яко Праведнаго, и яко Судии и Бога.

Кому уподобилася еси, многогрѣшная душе, аще не первому Каину и Ламеху оному, аки каменіемъ поразившая тѣло злодѣйствы, и убившая умъ безразсудными стремленьми?

Всѣхъ, иже прежде закона, мимошедши, душе, Сию не уподобилася еси, ни Еносу подражала еси, ни Еноху въ предложеніи, ни Ною, но явилася еси чужда жизни праведныхъ.

Едина отверзла еси потоки грѣва Бога твоего, душе моя, и потопила еси, якоже землю, всю плоть и дѣянiя и жизнь, и осталася еси внѣ спасительнаго ковчега.

Марти. Со всѣмъ усердіемъ и любовію притекла еси ко Христу, прежній путь грѣха оставльши, и въ пустыняхъ непроходимыхъ живущи, и исполняющи въ чистотѣ божественныя Его заповѣди.

Троицень. Безначальная, несозданная Троице, нераздѣльная Единице! приими мя кающагося, спаси согрѣшившаго; твое есмь созданіе, не презри, но пощади и избави мя огненнаго осужденія.

Богородицень. Пречистая Владычице, Богородительнице, надеждо къ Тебѣ притекающихъ и пристанище обуреваемыхъ! Милостиваго и Создателя и Сына твоего умиловитви и мнѣ молитвами твоими.

Пѣснь 3-я.

Ирмосъ. Утверди Господи...

Тропари. Благословенія Симова не наслѣдовала еси, душе окаянная, ни пространное владѣніе, якоже Іафетъ, получила еси на земли прощенія.

Отъ земли Харранъ, отъ грѣха изыди, душе моя; гряди въ землю, источающую вѣчно-живое нетлѣніе, юже Авраамъ наслѣдствова.

Авраама слышала еси, душе моя, оставльша древле

землю отеческую и бывша пресельника: подражай его произволенію.

У дуба мамврійскаго страннопріавъ патріархъ ангелы, наслѣдствова въ старости обѣтованія ловитву.

Исаака увѣдѣвши, окаянная душе моя, необычную жертву, таинственно принесенную Господеву во всеожженіе: подражай его произволенію.

Исмаила слышала еси, душе моя, изгнанна яко порожденіе рабыни: буди трезвенна, блюди, да не како подобно что постраждеши за любострастіе.

Маріи. Содержимъ есмь бурю и тревоженіемъ прегрѣшеній; но сама мя, мати, нынѣ спаси и приведи ко пристанищу божественнаго покаянія.

Маріи. Усердное моленіе и нынѣ принесши, преподобная, ко благоутробнѣй Богородицѣ, отверзи мнѣ молитвами твоими божественныя входы.

Троиченъ } тѣ, что вчера.
Богородиченъ }

ПѢСНЬ 4-я.

Ирмосъ. Услыша пророкъ...

Тропаріи. Тѣло окаляся, духъ осквернися, весь уязвихся; но яко врачъ, Христе, обою покаяніемъ ми уврачуй, омый, очисти, убѣли; паче снѣга чистѣйша мя покажи, Спасе мой.

Тѣло твое и кровь, Слове, распинаемый, за всѣхъ положилъ еси: тѣло, да возсоздаси мя, кровь, да омыеши мя; духъ же предалъ еси, да мя приведеши, Христе, твоему Родителю.

Содѣлалъ еси спасеніе посредѣ земли, Милосерде, да спасемся. На древѣ волею распялся еси. Едемъ затворенный отверзся; горняя и дольная, тварь и языцы вси спасени поклоняются Тебѣ.

Кровь изъ ребръ твоихъ, Слове, вкупѣ же и вода, источившая оставленіе, да будутъ ми купѣль и питіе, да обоюду очищаюся, помазуйся и напаяйся, яко мастію и питіемъ, животочными твоими словесы *).

Чашу Церковь стяжа—ребра твоя живоносная, Спасе нашъ, изъ нихже сугубый изліяся намъ источникъ — от-

*) Тропарь этотъ въ греч. подлинникѣ представляет не мало трудностей къ правильному переводу: онъ можетъ быть переведенъ и нѣсколько иначе...

пущенія и разумѣнія, во образъ двоихъ вкупѣ завѣтовъ, ветхаго и новаго.

Чуждъ есмь брачнаго чертога, лишень есмь купно и брачныя вечера; свѣтильникъ угасе, яко безъелейный; чертогъ заключися, мнѣ спящу; вечера снѣдесе; азъ же, по руку и ногу связанъ, вонъ изверженъ есмь.

Троицень
Богородицень } прежніе.

Пѣснь 5-я.

Ирмосъ. Отъ ноци утреннююща...

Тропари. Яко лютый нравомъ и помраченъ умомъ, уподобихся Іанни и Іамври, душею и тѣломъ—Фараону горькому: но помози ми, Владыко! *).

Съ блатомъ смѣсихся, окаянный, умомъ: омый мя, Владыко, въ купѣли моихъ слезъ, молю Тя, и убѣли одежду плоти моя, яко снѣгъ.

Аще испытаю моя дѣла, Спасе, зрю себе всякаго челоуѣка превозшедша грѣхами, зане разумомъ мудрствуюй грѣшихъ, не по невѣдѣнію.

Пощади, пощади, Господи, созданіе твое; согрѣшихъ, прости ми. Самъ бо Ты единъ чистъ еси естествомъ, и ивъ никтоже, кромѣ Тебе, чуждъ естъ скверны.

Богъ сый, мене ради пріялъ еси мой образъ, Спасе; совершилъ еси чудеса, исцѣливъ прокаженныя и разслабленныя укрѣпивъ, кровоточивыя теченіе крове оставивъ прикосновеніемъ края одежды.

Маріи. Потокъ Іорданскій прешедши, обрѣла еси покой безболѣзненный, избѣжавши плотскія страсти, еяже и насъ избави молитвами твоими, прещодобная.

Троицень
Богородицень } прежніе.

Пѣснь 6-я.

Ирмосъ. Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ...

Тропари. Возстани и побори, яко Іисусъ Амалика, плотскія страсти, побѣждающи присно и Гаваониты—обольстительныя помыслы.

Преиди, душе, потокъ скоротечнаго времени, якоже иѣкогда кивотъ Іорданъ, и овладѣй землею оною обѣтованною: Богъ повелѣваетъ.

*) И этотъ тропарь также весьма труденъ и для пониманія и для перевода, и можетъ быть переводимъ различно.

Яко спаслъ еси Петра возопивша, поспѣши спасти и мене, Спасе: избави мя отъ звѣря, простиру руку твою, и возведи изъ глубины грѣховныя.

Пристанище безопасное вѣмъ Тя, Владыко, Владыко Христе! Отъ непроходимыхъ убо пучинъ грѣха и отчаянія поспѣши избавити мя.

Троиценъ
Богородиченъ } прежніе.

К о н д а к ъ .

Душе моя, душе моя! востани, что спиши?...

П ѣ с н ь 7-я.

Ирмосъ. Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ...

Тропари. Манассіева преступленія собрала еси вкупѣ, душе, произволеніемъ, поставльши, яко идолы, страсти и умноживши мерзости; но того покаянiю ревнующи усердѣ, стяжи умиленіе.

Ахааву поревновала еси въ сквернахъ, душе моя: увы мнѣ! была еси плотскихъ нечистотъ жилище и сосудъ постыдѣнъ страстей; но воздохни изъ глубины твоя и глаголи Богу грѣха твоя.

Заключися небо тебѣ, душе, и гладъ отъ Бога постиже тя, якоже нѣкогда, егда Ахаавъ не покорися словесемъ Іліи Освятяпина; но Сарептстѣй вдовицѣ уподобися, напитай душу пророка.

Сожже нѣкогда Ілія дващи пятьдесятъ мужей, и пророки студныя Іезавелины закла, во обличеніе Ахаава: по бѣжи, душе, подражанія двоимъ симъ и укрѣпляйся *).

Троиценъ
Богородиченъ } прежніе.

П ѣ с н ь 8-я.

Ирмосъ. Егоже воинства небесная славятъ...

Тропари. Праведный Судіе, Спасе! помилуй и избави мя огня и мученія, еже имамъ на судѣ праведно претерпѣти; прости мя прежде кончины, даровавъ мнѣ добродѣтель и поканіе.

Яко разбойникъ, вопію Ти: помани мя; яко Петръ, плачу горько; прости мя Спасе, зову яко мытарь; проливаю

*) Въ подлинникѣ и существующемъ славянскомъ переводѣ этотъ тропарь читается такъ: „Попали Ілія дващи пятьдесятъ *Іезавелиныхъ*, егда студныя пророки погуби“. Но такое чтеніе не согласуется съ показаніями свящ. исторiи. См. 4 Цар. 1, 10—15; см. 3 Цар. 18, 40.

слезы яко блудница; пріими мое рыданіе, якоже нѣкогда жены хананейскія.

Гноеніе смиренныя моея души исцѣли, Спасе, едине Врачу; наложи мнѣ пластырь и елей и вино — дѣла покаянія, умиленіе и слезы.

Женѣ хананейстѣй и азъ подражая, вопію Сыну Давидову: помилуй мя; касаюся края ризъ Его, яко кровоточивая; плачу, яко Марѳа и Марія надъ Лазаремъ.

Троицень
Богородицень } прежніе.

ПѢСНЬ 9-я.

Ирмосъ. Отъ безсѣменна зачатія...

Тропари. Недуги исцѣляя, Христось Слово нищимъ благовѣствоваше, увѣчныя уврачева, съ мытари ядыше, со грѣшники бесѣдоваше, Іаиры дщере душу отшедшую возврати прикосновеніемъ руки.

Мытарь спасеза и блудница уцѣломудрися, а фарисей хваляся осудися. Овъ бо взываше: буди милостивъ! ова же: помилуй мя! Сей же величашеся, вопія: Боже, благодарю Тя, и по семъ безумныя глаголы.

Закхей мытарь бѣ, обаче спасеза; фарисей Симонъ соблазняшеся, а блудница пріимаше оставительная разрѣшенія отъ Имущаго власть оставляти грѣхи: ей убо, душе, потщися подражати.

Не поревновала еси, окаянная душе моя, блудницѣ, яже пріимши алавастръ мѣра, со слезами мазаше и власы отираше нозѣ Спасителя, раздравшаго рукописаніе прежнихъ согрѣшеній ея.

Увѣдала еси, душе моя, како прокляти быша грады, имже благовѣсти Христось Евангеліе: убойся сего примѣра, да не будеши якоже оны; ибо Владыка, градѣмъ Содомскимъ угодобивъ ихъ, даже до ада осуди.

Да не явишися, о душе моя, горшая жены хананейскія отчаяніемъ; слышала еси вѣру, еяже ради дщерь ея словомъ Божиимъ исцѣлися; воззови убо изъ глубины сердца, якоже она, Христу: Сыне Давидовъ, спаси и мене.

Троицень
Богородицень } прежніе.

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ НА ПОВЕЧЕРІИ.

ПѢСНЬ 1-я.

Ирмосъ. Помощникъ и покровитель...

Тропари. Агнче Божій, вземлай грѣхи всѣхъ! возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко благоутробенъ, даждь ми слезы умиленія.

Къ Тебѣ припадаю, Исусе: согрѣшихъ Ти, буди милостивъ мнѣ. Возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко благоутробенъ, даждь ми слезы умиленія.

Не види со мною въ судъ, обнажая моя дѣянія, изслѣдуя словеса и обличая стремленія; но въ щедротахъ твоихъ презирая моя злодѣянія, спаси мя Всесильне!

Покаянія время; прихожду къ Тебѣ, Создателю моему: возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко благоутробенъ, даждь ми слезы умиленія.

Богатство душевное иждивъ во грѣсѣхъ, чуждъ есмь добродѣтелей благочестивыхъ; претерпѣвая же гладъ, взываю: милости Источниче, Господи, спаси мя.

Маріи. Покоршися божественнымъ заповѣдемъ Христа, къ Нему приступила еси, сластолюбія необузданная стремленія оставивши, и всѣ добродѣтели, яко едину, всеблагоговѣйно исполнила еси.

Троиченъ } Какъ здѣсь, такъ и въ концѣ всѣхъ про-
Богородиченъ } чихъ пѣсней—вчерашніе.

ПѢСНЬ 2-я.

Ирмосъ. Видите, видите, яко Азъ есмь Богъ...

Тропари. Мужа убихъ въ язву мнѣ и юношу въ струпь, Ламехъ вопіяше рыдая; ты же, о душе моя, не трепещеши, окалявши плоть и умъ оскверпивши.

Столпъ умыслила еси создати, о душе, и твердыню водрузити похотемъ твоимъ, аще не бы Творецъ смѣсилъ замыслы твоя и низвергъ на землю ухипренія твоя.

О како поревновахъ Ламеху, древнему убійцѣ, убивъ душу, яко мужа, умъ, яко юношу, и подобно Каину убійцѣ—тѣло мое, яко брата, любострастными стремленьми!

Одожди нѣкогда Господь огонь отъ Господа, да сожжетъ беззаконіе неистовое Содомлянъ; ты же, о душе, огонь геенскій вжегда еси, въ немже имаши сожещися.

Уязвихся, уранихся; се стрѣлы врага, пронзившія мою душу и тѣло; се струпы, раны, язвы воиютьъ объ удахахъ самовольныхъ моихъ страстей.

Маріи. Въ безднѣ золь погружаемая, Маріе, простерла еси руцѣ твои къ щедрому Богу, и якоже Петру, простре тебѣ человекѣлюбно руку божественную, ищяй всячески твоего обращенія.

Пѣснь 3-я.

Ирмось. Утверди Господи...

Тропари. Агари древней египтянынѣ уподобилася еси, душе, поработившиися волею и родивши новаго Исмаила—дерзость.

Лѣствицу отъ земли къ небесемъ, Іакову явленную, увѣдала еси, душе моя: почто не возымѣла еси восхода тверда—благочестія?

Подражай священнику Божію и царю уединенному, Христову образу житія въ мірѣ, въ человекѣцѣхъ *).

Обратися, постени, душе окаянная, прежде даже торжество житія не приметъ конецъ, прежде даже не заключитъ Господь дверь брачнаго чертога.

Не буди столпъ славный, душе, обратившиися вспять; примѣръ Содомлянъ да устрашитъ тя: горѣ, въ Сигорѣ спасайся.

Не отвержи, Владыко, моленія поющихъ Тя; но умилосердися, Человѣколюбче, и подаждь съ вѣрою просящимъ прощеніе.

Пѣснь 4-я.

Ирмось. Услыша пророкъ...

Тропари. Время живота моего мало и исполнено бѣдствій и золь; но въ покаяніи прими и въ признаніи возстанови мя, да не буду стяжаніе ни брашно врагу: Самъ умилосердися на мя, Спасе.

Царскимъ достоинствомъ, вѣнцемъ и порфирію облеченный, человекъ многа стяжанія имѣвшій и праведный, богатствомъ обилуяй и стады, внезапно богатства, славы, царства, обнищавъ лишился **).

Аще праведенъ и непороченъ бѣше онъ паче всѣхъ и не убѣже навѣтовъ и сѣтей обольстителя; ты же, грѣхѣлюбива сущи, окаянная душе, что сотвориши, аще чему отъ нежданныхъ случится найти тебѣ?

*| Мелхисседеку. ***) Іовл.

Велерѣчивъ нынѣ есмь, дерзокъ же и сердцемъ, вотще и всуе: да не осудиши мя съ фарисеемъ, паче же смиреніе мытаря подаждь ми, едине Милосерде, праведный Судіе, и къ нему мя сопричти.

Согрѣшихъ, досадивъ сосуду плоти моея; вѣмъ, Милосерде! Но въ покаяніи пріими и въ признаніи возстанови мя, да не буду стяжаніе ни брашно врагу. Самъ умилосердися на мя, Спасе.

Кумиръ быхъ самому себѣ, Милосерде, растлѣвая душу мою страстьми; но въ покаяніи пріими и въ признаніи возстанови мя, да не буду стяжаніе ни брашно врагу. Самъ умилосердися на мя, Спасе.

Не послушахъ гласа твоего, прѣслушахъ писаніе твое, Законоположнице! Но въ покаяніи пріими и въ признаніи возстанови мя, да не буду стяжаніе ни брашно врагу. Самъ умилосердися на мя, Спасе!

Маріи. Во глубину безмѣстїи великихъ низвергшися, не погрязла еси въ ней, Маріе, но востекла еси лучшимъ помысломъ и дѣянїями къ высочайшей явѣ добродѣтели, естество ангеловъ чудно удививши.

ПѢСНЬ 5-я.

Ирмосъ. Отъ пощи утреннююща....

Тропари. Женѣ сляченнѣй подражай, душе: пріиди, припади къ ногамъ Іисуса, да исправитъ тя и да ходиши прямо по стезямъ Господнимъ.

Аще и кладязь еси глубокий, Владыко, источи мнѣ струи изъ пречистыхъ твоихъ жилъ, да яко Самаряныня пїяя не вжаждуся паки; Ты бо источаеши потоки жизни.

Силоамъ да будутъ мнѣ слезы моя, Владыко Господи, да умю и азъ зѣницы сердца и вижду Тя мысленно, Свѣта пресвѣчнаго.

Маріи. Несравненною любовію возжелѣвши поклонитися древу жизни, всеблаженная, сподобилася еси желаемаго: сподоби убо и мене получитьи вышнюю славу.

ПѢСНЬ 6-я.

Ирмосъ. Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ...

Тропари. Азъ есмь, Спасе, царская драхма, яже погубленъ бысть у Тебе древле *): но вжегъ свѣтильникъ—Предтечу твоего, Слове **), взыци и обряци твой образъ.

*) Буквально: юже погубилъ еси древле.

**) По нѣкоторымъ греч. изданїямъ: *но вжесъ свѣтильникъ твой, Боже и Слове.*

Востани и побори, яко Иисусъ Амалика, плотскія страсти, побѣждаючи присно и Гаваониты—обольстительныя помыслы.

Маріи. Да угасиши пламень страстей, Маріе, душею распалема присно источала еси капли слезъ, ихже благодать подаждь и мнѣ, рабу твоему.

Маріи. Безстрастіе небесное стяжала еси, мати, возвышеннѣйшимъ на земли житіемъ: тѣмже молися восцѣвующимъ тя отъ страстей избавитися молитвами твоими.

К о н д а в ъ.

Душе моя, душе моя! востани, что спиши?

П ѣ с н ь 7-я.

Ирмосъ. Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ....

Тропари. Исчезоша дніе мои, яко сновидѣніе пробуждающагося; тѣмже, яко Езекиа, плачу на ложи моемъ, да приложатся мнѣ лѣта живота; но кій Исаія представетъ тебѣ, душе, аще не Богъ всѣхъ?

Припадаю Ти и приношу Тебѣ, яко слезы, глаголы моя: согрѣшихъ, яко не согрѣши блудница, и беззаконновахъ, яко инъ никтоже на земли; но умилисердися, Владыко, о созданіи твоемъ и возстанови мя.

Затмихъ образъ твой и нарушихъ заповѣдь твою; вся красота помрачися и свѣтильникъ угасе отъ страстей; но умилисердився, Спасе, воздаждь ми, якоже поетъ Давидъ, радованіе.

Обратися, покайся, открий сокровенная, рцы Богови вся вѣдущему: Ты вѣси тайная моя, едине Спасе, но Самъ мя помилуй, якоже поетъ Давидъ, по милости твоей.

Маріи. Возопивши къ Пречистѣй Богоматери, отринула еси неистовство страстей, прежде усиленно стужавшихъ, и посрамила еси врага запеншаго; но даждь нынѣ помощь въ скорби и мнѣ, рабу твоему.

Маріи. Егоже возлюбила еси, егоже возжелѣла еси, егоже ради плоть изнурила еси, преподобная, Христа моли нынѣ о рабѣхъ, яко да милостивъ бывъ всѣмъ намъ, мирное состояніе даруетъ почитающимъ Его.

П ѣ с н ь 8-я.

Ирмосъ. Егоже воинства небесная славять....

Тропари. Стклянницу слезъ, яко муро на главу изливая, зову Тебѣ, Спасе, якоже блудница милости ищущая, мольбу приношу и прощеніе прошу пріяти.

Аще и никтоже согрѣши Тебѣ, якоже азъ, но обаче

пріими и мене, благоутробне Спасе, кающагося со страхомъ и вопіющаго съ любовію: согрѣшихъ Тебѣ единому, помилуй мя Милостиве.

Пощади, Спасе, твое созданіе, и яко пастырь, взыщи погибшее, предохрани заблуждшаго, исхити отъ волка, сотвори мя овча на паствѣ овецъ твоихъ.

Егда сядеши яко Судія, благоутробне Спасе, и покажеши страшную славу твою, о, каковый страхъ тогда, печи горящей, всѣмъ ужасающимся нестерпимаго судища твоего!

Маріи. Мати незаходимаго свѣта, просвѣтивши тя, Маріе, отъ мрака страстей свободы: тѣмже, приими благодать Духа, просвѣти вѣрно восхваляющихъ тя.

Маріи. Чудо новое воистину видѣвъ въ тебѣ, мати, божественный Зосима удивися: ангела бо узрѣ во плоти и ужасомъ весь исполняшеса, Христа воспѣвая во вѣки.

ПѢСНЬ 9-я.

Ирмосъ. Отъ безсѣменна зачатія...

Тропаріи. Умилосердися, спаси, помилуй мя, Сыне Давидовъ, бѣснующагося словомъ исцѣливый; гласъ же благоутробный, яко разбойнику, рцы мнѣ: аминь глаголю тебѣ, со Мною будеши въ рай, егда прииду во славу моею.

Разбойникъ хуляше Тя, разбойникъ Бога исповѣдаше Тя, оба бо на крестѣ свисяста: но, о Благоутробне, яко вѣрному разбойнику твоему, познавшему Тя Бога, отверзи и мнѣ дверь славнаго царствія твоего.

Тварь содрогашеся, видящи Тя распинаема, горы и каменіе страхомъ распадахуся, земля колебашеся и адъ упраздняшеся, и омрачашеся свѣтъ во дни, зря Тебе, Исусе, пригвожденна ко кресту.

Плодовъ достойныхъ покаянія не истяжи отъ мене, ибо крѣпость моя во мнѣ оскудѣ; даруй мнѣ присно сердце сокрушенное и нищету духовную, да сія Тебѣ принесу, яко пріятную жертву, едине Спасе.

Судіе мой и Вѣдче мой! егда приидеши наки со ангелы судити всему міру, милостивнымъ твоимъ окомъ возврѣвъ тогда на мя, Исусе, пощади и помилуй мя, паче всего естества человѣческаго согрѣшивша.

Маріи. Удивила еси всѣхъ необычнымъ житіемъ твоимъ, ангеловъ чины и человѣковъ соборы, невещественно поживши и естество пренобѣдивши, тѣмже, аки безплотная, Маріе, ногама твоима Іорданъ прешла еси.

Маріи. Умилостиви Создателя о хвалящихъ тя, препод-

добная мати, избавитися озлобленій и скорбей, отвсюду нападающихъ, да избавившеса отъ искушеній, непрестанно возвеличимъ прославльшаго тя Господа.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ четвертокъ 5-й седмицы великаго поста, когда снова читается этотъ канонъ, на утрени (не по частямъ уже, какъ въ первую седмицу на повечеріяхъ, а сразу въ полномъ видѣ), въ немъ встрѣчаются еще слѣдующіе тропари.

Въ *пѣсни 1-й*. Не возгнушайся мене, Спасе, не отрини отъ твоего лица; возми отъ мене тяжкое бремя грѣховъ, и яко благоутробенъ, даждь ми грѣхопаденій оставленіе.

Вольная и невольная прегрѣшенія моя, Спасе, явленная и сокровенная, вѣдомая и не вѣдомая, вся простивь яко Богъ, умилосердися и спаси мя.

Въ *пѣсни 2-й*. Разумѣйте и видите, яко Азъ есмь Богъ, испытуяй сердца и истязуяй мысли, обличаяй дѣянія и поपालаяй грѣхи, и судай сиру и смиренну и нищу.

Въ *пѣсни 4-й. Маріи*. Безплотныхъ жительство во плоти прешедши, преподобная, благодать велію воистину отъ Бога пріяла еси—предстательствовати о чтущихъ тя вѣрно: тѣмже молимъ тя, отъ всякихъ напастей избави и насъ молитвами твоими.

Въ *пѣсни 5-й*. Кровоточивѣй подражай, окаянная душе: притецы, смлися за ометы одежды Христовы, да исцѣлишися отъ ранъ и услышиши отъ Него: вѣра твоя спасе тя.

Эти пять тропарей не вошли въ составъ чтеній на первой седмицѣ, неизвѣстно почему.

Кромѣ того, *Троицень 9-й пѣсни* великаго канона въ четвертокъ 5-й седмицы читается нѣсколько иначе, чѣмъ тотъ же Троицень въ первую седмицу, и именно такъ:

Отца славяще, Сына величающе и Духу поклоняющеса, воспѣваемъ Тя, Троице единосущная, Единице триипостасная, единого естествомъ истиннаго Бога, Жизнь и Жизни, царство безконечное.

Между тропарями великаго канона, читаемыми въ первую седмицу, тропарь 6-й пѣсни „Востани и побори, яко Іисусъ Амалика“, встрѣчается два раза, въ среду и четвертокъ. А тропарь „Богатство душевное иждивъ“, читающійся въ четвертокъ на первой пѣсни, есть, ка-

жется, не болѣе, какъ вариантъ тропаря: „Имѣніе мое, Спасе, расточивъ“, читающагося въ среду, на первой же пѣсни. По крайней мѣрѣ, въ великомъ канонѣ 5-й седмицы читается только одипѣ этотъ послѣдній тропарь, а перваго вовсе нѣтъ.

Наконецъ, въ первую седмицу послѣ cadaго чтенія канона прибавляется еще тропарь св. Андрею Критскому, а въ четвертокъ 5-й седмицы тропари св. Андрею прилагаются послѣ каждой пѣсни канона (всего 9 тропарей). Тропари эти оставлены нами безъ перевода, такъ какъ они, понятно, не составляютъ собою части великаго канона св. Андрея, а составлены и приложены къ его канону кѣмъ-то впоследствии, какъ бы въ благодарность ему за составленіе этого великаго, умилятельнаго и назидательнаго произведенія.

Е. А.

ДОНЕСЕНІЕ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Во исполненіе указа св. Синода отъ 10 октября № 13873, рассмотрѣвъ сочиненіе: «Увѣщательное посланіе къ поморцамъ» и возвращая оное, долгомъ поставляю донести, что какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи сего сочиненія усматривается не мало такого, почему неудобно допустить оное до напечатанія. Напримѣръ:

1) Посланіе само признаетъ, что высказать нелѣпныя начала поморскаго ученія «оскорбительно и несносно для благочестиваго духа и уха». Но оно вдругъ на одной страницѣ высказываетъ, что поморцы почитаютъ церкви (*тѣмъ-то*), поповъ (*тѣмъ-то*), крещеніе..., причащеніе..., бракъ..., рожденныхъ отъ брака (*тѣмъ-то*). Поморцы могутъ обрадоваться, увидѣвъ хулы свои напечатанными, и притомъ безъ удовлетворительнаго опроверженія.

2) Посланіе винитъ поморцевъ въ томъ, что они «о здравіи государей хотя и молятся, но не называютъ ихъ императорами, поелику де имя сіе не русское». Дѣло совсѣмъ не въ томъ, будто поморцамъ не правится иностранное имя.

3) Сочинитель посланія говоритъ: «знаю, что вы не будете читать его». Если въ семъ случаѣ увѣренность сочинителя основательна; то нѣтъ цѣли печатать посланіе, ибо если не стануть его читать, то и пользы отъ него не получатъ *).

*) Первоначальное изложеніе митрополита было слѣдующее: „Итакъ неужели надобно писать и печатать для того, чтобы не читали? А какъ сочиненіе полнѣе укоризнами, нежели доводами; то по спра-

4) Посланіе обличаетъ поморцевъ между прочимъ такъ: «вы не знаете, что означаютъ, и отъ какихъ нарѣчій *) происходятъ (такое-то имя) и Иванъ».

5) И еще: «тѣло церкви представляется для васъ лукавымъ».

6) Посланіе говоритъ, что поморяне напрасно порицаютъ церковь, и между прочимъ доказываетъ сіе тѣмъ, что «къ ней принадлежатъ три академіи съ семинаріями». Существованіе академій и семинарій не ведетъ ни къ какому заключенію противъ поморцевъ.

7) Посланіе говоритъ: «все ваше поморское сословіе есть стадо волковъ». И далѣе: «вы насъ пастырей духовныхъ называете волками: гдѣ же у васъ любовь?»

Чтеніе посланія представитъ и другія мѣста неудобныя къ напечатанію. Октября 23-го 1839.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

къ синодальному оберъ-прокурору А. П. Ахматову.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Возвращаю копію депеши посланника Россійскаго въ Константинополь № 64, по вопросу о назначеніи митрополитовъ и епископовъ въ Соединенныхъ Княжествахъ.

Не посовѣтился ли бы князь Сединенныхъ Княжествъ (*Куза*), еслибы ему представлено было, что онъ предпринимаетъ дѣло безпримѣрное—опредѣлять епископовъ и первенствующаго между ими одною свѣтскою властію? Французскій императоръ имѣетъ право наименовать епископа; но потомъ достоинство его разсматриваетъ независимая духовная власть—папа.

Свѣтская власть произведетъ свѣтскихъ епископовъ, которые не будутъ имѣть духовнаго вліянія на народъ. Разстройство религіознаго духа народа не обойдется безъ разстройства духа народно-государственнаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Мая 3-го 1865.

Сообщилъ архим. Г—рій.

ведливости опасаться можно, что его или не станутъ читать, или что оно произведетъ раздраженіе, а не назиданіе“.

*) Отъ одного еврейскаго.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1833, фев. 28. «Св. Синодъ велѣлъ преподавать въ церквахъ катихизисъ, а не богословію. Народу нуженъ катихизисъ, а не богословія. Народъ способенъ понимать катихизисъ, а не классическую богословію. Дѣло учащаго въ церкви не то, чтобы пересказывать народу, что говорено въ школѣ, а поучать народъ благочестію сообразно съ его понятіемъ и потребностію. Принаровленіе систематически расположенныхъ бесѣдъ къ каждому воскресному евангелію не можетъ быть безъ затрудненія и принужденности для проповѣдника, и безъ запутанности для слушателей. По симъ уваженіямъ нельзя одобрить представленнаго при семъ плана бесѣдъ *). Пусть лучше говорятся проповѣди, когда о чемъ нужно, для назиданія слушающихъ. Надобно учащему тщательно самому въ духовной жизни упражняться. Въ комъ возбуждена внутренняя жизнь, у того сердце отыскаетъ удобно слово благое, которое и въ другихъ возбуждаетъ внутреннюю духовную жизнь. Совѣтую читать бесѣды св. Макарія Египетскаго, гдѣ въ словѣ младенца лежатъ глубины духа».

Волоколамскій архимандритъ Гедеонъ испрашивалъ разрѣшенія послушнику тогоже монастыря, студенту Тверской семинаріи Алексѣю Кардовскому говорить проповѣди своего сочиненія, и Его высокопреосвященству благоудбно было словесно приказать: «пусть Кардовскій произнесетъ проповѣдь, а настоятель представитъ (и представилъ) оную». Владыка, 28 февраля 1864 года, написалъ: «Опытъ подающій надежду. — Съ пользою для себя и другихъ можетъ продолжать сіе занятіе, примѣняя слово къ потребности и разумѣнію слушающихъ, предпочитая краткость слова продолжительности, не довольно привычной для народа».

1857, янв. 3. «Какъ изъ донесенія благочиннаго и дополнительнаго свѣдѣнія открылось, что пѣвческій хоръ князя Голицына въ церкви святыя Екатерины (на Большой

*) Представилъ Скорбященскій, на Ордынѣ, діаконъ Александръ Уаровъ, кандидатъ академіи.

Ордынкъ) въ храмовый праздникъ на вечерни стихиры пѣлъ неисправно, стихъ: *Нынѣ отпущаеши* пѣлъ наивомъ новымъ и неодобреннымъ начальствомъ; на литургіи одинъ голосъ пѣлъ: «Господи помилуй» съ неприличнымъ въ церкви завываніемъ; а среди литургіи значительная часть хора, въ слѣдствіе скромнаго замѣчанія священника противъ завыванія, вышла изъ церкви, что не могло быть безъ нѣкотораго неприятнаго впечатлѣнія предстоящихъ: то консисторіи предписать благочиннымъ въ Москвѣ, чтобы хоръ сей былъ допускаемъ до пѣнія въ церквахъ не иначе, какъ по взятіи отъ регента честнаго слова, что пѣніе будетъ принятое и узаконенное въ церкви, безъ всякихъ нововведеній; если же и за симъ окажутся неправильности, подобныя оказавшимся въ Екатерининской церкви, то священникъ обязанъ немедленно донести, для принятія дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ охраненію законнаго въ Богослуженіи порядка».

1862, фев. 5. «Установленіе новаго праздника не бываетъ по распоряженію епархіальнаго начальства. И нельзя учредить новый церковный праздникъ (*въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости*) по желанію одного крестьянина».

Андрей Гаччеладзе, грузинъ, сынъ священника, 10 лѣтъ служившій причетникомъ и по клеветѣ якобы недоброжелателей посланный на три года въ г. Грязовець Вологодской губ. подъ надзоръ полиціи, просилъ митрополита пожаловать ему Евангеліе, молитвенникъ съ служебникомъ и словарь для переводовъ съ русскаго на грузинскій церковный языкъ.—Резолюція отъ 8 ноября 1861 года: «Просьба неудобноисполнима и не убѣждаетъ въ добромъ намѣреніи. На что служебникъ не-священнику?—Оставить безъ дѣйствія».

1865, ноября 24. «По силѣ церковныхъ правилъ и христіанскаго человеколюбія отказать въ сей просьбѣ (*крестьянина о расторженіи брака*). Христіанская любовь чуждыхъ больныхъ посѣщаетъ и призираетъ: не-христіански поступаетъ мужъ, который хочетъ бросить больную жену».

Сообщилъ архим. Г—рій

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

ββ).

Изображеніе худыхъ послѣдствій отъ любоиманія уже само отталкивало отъ него; несмотря однакожь на то св. Павелъ счелъ нелишнимъ прибавить α²) прямое внушеніе: *сикъ бггай*,—и въ противовѣсъ заботамъ о суетныхъ стяжаніяхъ, β²) указать неустанную (*юни*) заботу о стяжаніи всякой добродѣтели въ надеждѣ блаженной вѣчности, присовокупивъ γ²) заклипаніе именемъ Божиимъ исполнить сію заповѣдь незазорно до пришествія Господня. Эти уроки даются Св. Тимофею не въ томъ конечно смыслѣ, чтобъ онъ имѣлъ въ нихъ нужду, но въ томъ, чтобъ дать ему руководство, какъ пасомыхъ отклонять отъ любоиманія и куда ихъ вмѣсто того направлять. Можно и такъ думать, что въ лицѣ св. Тимофея уроки сіи даются всѣмъ христіанамъ, и наипаче пастырямъ и архиереямъ.

α²)

Гл. 6. ст. 11 (первая половина). *Ты же, о челоуѣчѣ Божій, сикъ бггай.*

Челоуѣчѣ Божій. «Великое достоинство! Правда, всѣ люди—Божіи, но преимущественно праведные,—не по той причинѣ только, что они созданія Божіи, но и по при-

чинѣ своей близости къ Богу» (свят. Злат.). «Человѣкъ Божій — великая похвала. Такъ названъ былъ и великій Ілія, такъ названы и многіе изъ пророковъ, не потому что иные—не Божіи человѣки (ибо всѣ Божіи твари), но сохранившіе въ себѣ (или возстановившіе) первоначальныя черты созданія поистинѣ называются человѣками Божіими. Такъ всѣ—рабы Божіи, какъ твари; ибо и злочестивый Навуходоносоръ—Божій рабъ; но онъ рабъ по естеству, а Авраамъ, и Давидъ, и Павелъ, и подобные имъ — рабы по приверженности. Ибо сказано: *Авраама ради раба твоего, и: Давида ради раба моего* (3 Цар. 11, 12). и: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ*» (Рим. 1, 1) (Θеод.).

Человѣкъ Божій страхомъ Божіимъ водится и всячески угождать Богу старается. Изъ числа такихъ особенно суть Божіи человѣки—тѣ, которымъ ввѣряются отъ Бога особыя нѣкоторыя дѣла, которые не только къ дому Божію принадлежать, свои суть Богу, но и поставляются правителями по дому. Къ такимъ принадлежалъ и свят. Тимоѣей. Почему и названъ Божіимъ человѣкомъ.

Въ этомъ наименованіи сокрыто уже побужденіе къ: *сикъ бѣгай*,—къ бѣганію любоиманія и соединенныхъ съ нимъ неправостей и тревогъ. Поелику ты—Божій человѣкъ, то тебѣ совѣмъ не пристало гоняться за стяжаніями. Имѣешь Владыку—богатаго всѣмъ, и въ Немъ Отца многопопечительнаго. Если станешь гоняться за стяжаніями, то подвергнешь хулѣ Владыку своего и Отца. И некогда тебѣ этимъ заниматься. Есть у тебя дѣло, которое должно поглощать все твое вниманіе и наполнять все твое время. «Если ты — человѣкъ Божій, то не ищи излишняго и неведущаго къ Богу, а напротивъ бѣгай сего» (св. Злат.). «Если ты человѣкъ Божій, то не ищи того, что отвращаетъ отъ Бога (и дѣла Божія), но что?—Бѣгай сего» (Θеод.). «Бѣгать любостяжанія внушаетъ и заповѣдуетъ человѣку Божію, чтобъ и здѣсь быть ему безопасу, и въ будущемъ получить богатое воздаяніе. Ибо не несправедливо увѣнчать презирающаго то, къ чему очень

многіе льнутъ и влекутся» (Амвр.). Такъ тебѣ, человѣкъ Божій, неумѣстно обременять себя любостыжаніемъ, еслибъ даже это было дѣломъ позволительнымъ. Но когда знаешь, что оно противно Богу, что Богъ отвращается отъ него, какъ отъ идолослуженія, то тебѣ слѣдуетъ не тихо отступать, а бѣжать отъ него. Говоря объ инакоучителяхъ, написалъ: *отступай* (— 6, 5). Помянувъ о *бабихъ басняхъ*, приложилъ: *отрицайся*, (—4, 7). Отъ любостыжанія же и сребролюбія, говоритъ, *бѣгай*, какъ отъ огня, какъ отъ вѣрпой пагубы.

β²).

Ст. 11 (вторая половина). *Гони же правду, благочестіе, веру, любовь, терпѣніе, кротость.*

Бѣгай, не въ пустоту направляясь, но устремляясь на противоположное тому, отъ чего бѣжишь: *они же правду*, и проч. Тамъ—*бѣгай*, здѣсь—*они*. «То и другое дѣлай съ напряженнымъ усердіемъ» (св. Злат.). «Не сказалъ: отступи и приступи, но: *бѣгай* и *они*» (Феоф.).

Гони, говоритъ, и указываетъ разныя добродѣтели, какъ цѣль гнанія. Поелику это—*они* противоположно—*бѣгай*, а бѣгать заповѣдуетъ любостыжанія: то всѣ сіи добродѣтели надобно здѣсь понимать, поелику онѣ противоположны любостыжанію, или поелику нестыжательность даетъ ихъ проявленію и упражненію пространное поприще, или поелику стяжаніе ихъ ведетъ къ нестыжательности и утверждаетъ въ ней. «Повелѣваетъ Апостоль челоуѣку Божію бѣгать любостыжанія и теши въ слѣдъ правды, благочестія и прочаго, о чемъ поминаетъ, потому что его пельзя избѣгать, не прилѣпившись къ тому, что ему противоположно» (Амвр.).

Гони правду. Будь алчущъ и жаждущъ правды, какъ и Спаситель заповѣдалъ (Матѣ. 5, 6). Строго соблюдай законы справедливости во всемъ,—въ помышленіяхъ о другихъ, въ отношеніяхъ къ нимъ словомъ, въ сдѣлкахъ съ ними, и въ столкновеніяхъ, — и тѣмъ паче въ судахъ.

Всякому воздавай свое. На милость нѣтъ закона; а правда свою опредѣленную имѣеть мѣру, отступленіе отъ которой, и небольшое, вводитъ въ неправду. Соблюсти тебѣ такой образъ дѣйствованія нельзя при любостязаніи. Оно на всякомъ шагу будетъ вязать тебѣ руки и путать ноги. При немъ вѣсы твоей правды не могутъ стоять право, а все будутъ клониться на кривду. Только нестяжательность дастъ тебѣ полную свободу дѣйствія; только при ней двѣсти можетъ правда твоя, и дѣла твои безпрепятственно будутъ теби путемъ ея. «Правду внушаетъ, — чтобъ никого не олихоимствовать, какъ дѣлають хотящіе богатиться» (Θеоф.).

Благочестіе—гони. Благочестіе—настроеніе сердца въ отношеніи къ Богу въ духѣ вѣры. Поелику оно направленіе свое получаетъ отъ вѣры, то въ немъ заключается и «догматовъ содержаніе» (св. Злат., Экум., Θеоф.). Но само по себѣ оно собѣственно слагается изъ чувствъ и расположеній къ Богу, возникающихъ и зрѣющихъ подъ вліяніемъ искренней сердечной вѣры. Такое настроеніе у нестяжательнаго естественно, а у любостязательнаго ему быть нельзя, какъ нельзя птицѣ летать съ оледенѣвшими крыльями. У нестяжательнаго сердце отрѣшено отъ вещественнаго и тварнаго и духъ свободенъ. Какъ онъ по природѣ своей ищетъ жить въ Богѣ, то получивъ свободу, къ Богу устремляется и Имъ жить начинаетъ, и съ сей высоты приникая къ сердцу, преисполняетъ его благоговѣйными чувствами къ Богу, въ многообразныхъ отѣнкахъ, зависящихъ то отъ возрѣній къ Богу въ разныхъ отношеніяхъ (существо Божіе, свойства, дѣйствія), то отъ разныхъ своихъ ему состояній. Совокупность всѣхъ ихъ и есть благочестіе, котораго и признакомъ служить не иное что какъ присутствіе и движеніе тѣхъ чувствъ. Любостязаніе напротивъ отягчаетъ сердце печальми житейскими (Лук. 21, 34) и обременяетъ умъ многопопечительностію (Прем. 9, 15). Вниманіе къ требованіямъ духа отходить, и онъ глохнетъ. Вмѣстѣ съ нимъ заглушаются

и всё чувства къ Богу, и благочестіе остается только въ видимыхъ проявленіяхъ его заведенными къ тому порядками въ церкви. Весь строй внутренней тогда у человѣка бываетъ земень: грудью пресмыкается онъ по землѣ и питается землею.

Гони *тру*. Вѣра здѣсь—не исповѣданіе догматовъ, а увѣренность въ Богѣ, кою исполненный вѣруетъ, что Богъ не оставитъ раба своего, вседушно Ему работающаго. Почему и не томитъ себя заботою объ утрешнемъ, какъ и Спаситель повелѣлъ (Матѣ. 6, 25—34). Приступающій работать Богу, какъ слѣдуетъ, жизнь свою отдаетъ въ руки Божіи, и уже не возвращается къ заботѣ о себѣ. Онъ не лежитъ праздно; но заботы не имѣетъ, а покоится въ Богѣ, доволенъ бывая, что подаетъ Богъ,— и кускомъ хлѣба, и даже ничѣмъ. Забота о себѣ есть болѣзнь невѣрующаго сердца. Она раскрывается изъ чувства необходимыхъ потребностей, неруководимаго вѣрою. Начинается съ малаго, но не стоитъ на одномъ, а растетъ, и быстро выростаетъ въ многозаботливость. Какъ растетъ забота, такъ вмѣстѣ же растетъ и любостыжаніе. Когда простая забота станетъ многозаботливостію, тогда въ основѣ ея есть уже и любостыжаніе полное. По мѣрѣ многозаботливости и любостыжанія гаснетъ вѣра. Въ послѣднихъ степеняхъ ихъ и слѣда ея уже не остается. Вѣра не отнимаетъ труда и снисканія потребнаго, но освящаетъ ихъ и руководитъ, держа сердце свободнымъ отъ пристрастія и привязанности къ снисканію и снискиваемому, и вмѣстѣ съ тѣмъ прогоняя лѣность и праздность. При этомъ настроеніи пусть и богатство потечетъ, вѣра не дастъ сердцу приложиться къ нему. Она сохранитъ сердце богатаго въ чувствахъ приставника Божія, Божія прикащика. Въ этомъ духѣ ниже дается и заповѣдь богатымъ (— — 17—19).

Гони *любовь*. Любовь *не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 5); почему не станетъ перетягивать на свою сторону того, что должно принадлежать другому, и на просьбу нужда-

ющагося не скажетъ: себѣ нужно. Ея природа совершенно противоположна любоиманію и любостыжанію: ибо она не любитъ собирать и удерживать для себя, а расточать и раздавать. Почему любовь ли стыжешь, погасишь любостыжаніе, или любостыжаніе прогонишь, проложишь дорогу любви. Стань помогать другимъ изъ своего и благотворить,—разслабишь узы любоиманія и воспримешь зачатки любви. Продолжай богатиться добрыми дѣлами (ниже—18),—узы любоиманія совсѣмъ спадутъ и воцарится любовь. Какъ напротивъ станешь скупиться,—туже стянешь себя узами любоиманія и воспримешь ожестѣніе сердца. Продолжи такую жизнь,—сердце ко всѣмъ окаменѣетъ, а узы тѣ и самого тебя душить станутъ, доведши тебя до того, что тебѣ жаль будетъ и на себя что-либо истратить. А откуда зависть, вражда, подыскиванія, суды, смертельная ненависть, убійства и всякія нестроенія? Все иначе отъ любоиманія. Гдѣ любовь, тамъ всему этому нѣтъ мѣста. Растапливая узы любоиманія, она и всѣ худыя послѣдствія отстраняетъ.

Гони *терпѣніе*. Не ищущій многого естественно довольствуется малымъ; а это требуетъ терпѣнія. Почему положившій быть нестяжательнымъ долженъ запастись терпѣніемъ, положивъ его въ основу своей доброй рѣшимости. Отъ чего ищутъ многого? Отъ саможалѣнія, отъ того, что жаль себѣ отказать; а себѣ жаль отказать, потому что отказъ скорбь причиняетъ; скорбь же при отказѣ бываетъ отъ неумѣнья, неготовности и нехотѣнія терпѣть. Положившій не гоняться за многимъ напередъ просмотрѣлъ уже всѣ сіи скорбности, лишенія, тяготы,—и имѣющіе возникать по поводу ихъ припадки саможалѣнія,—и все рѣшилъ терпѣть. Отъ того никакія случайности скорбныя, зависящія отъ неимѣнія многого, не смущаютъ его, но благодушно и легко переносимы бываютъ. Почему и сказалъ Апостоль: гони терпѣніе, въ той мысли, что если догонишь его и овладѣешь имъ, то подсѣчешь всѣ зародыши саможалѣнія, а съ этимъ от-

вратишь всякое возбужденіе позывовъ къ многоимѣнію.— Но требованіе нестяжательности не есть требованіе ничегоимѣнія, а только непристрастія къ имѣнію и способамъ стяжанія его. И многое имѣющій можетъ быть нестяжательнымъ. Но такому для удержанія въ себѣ нестяжательности и для дѣйствованія въ духѣ ея еще болѣе нужно терпѣніе. И тутъ руку помощи самую сильную подаетъ ему любовь, которая все терпитъ (1 Кор. 13, 7).

Гони *кротостъ*. Кротость противоположна гнѣву, серчанію и всякимъ чувствамъ неудовольствія на другихъ за что бы то ни было. Это чувство возникаетъ отъ всего, что какимъ-нибудь образомъ тревожитъ наше самолюбіе; но самое широкое поле для распложенія сего зелія представляетъ любоиманіе. Не тропь, это мое. Таковъ законъ любостяжанія. Тронетъ кто, — и пошли неудовольствія, серчаніе, гнѣвъ, вражда, ненависть. Кто же непристрастенъ къ стяжаніямъ, тотъ свободенъ отъ всѣхъ такихъ тревогъ, хотя проходитъ тѣже случайности житейскія, которыя крайне возмущаютъ другихъ. Видимо посему, что съ нестяжательностію естественно сочетана кротость. Почему въ словахъ: гони кротость надо видѣть вмѣстѣ урокъ: будь нестяжателемъ, потому что иначе нельзя тебѣ быть кроткимъ. Но кротость можетъ имѣть и другіе источники,—любовь, преданность въ волю Божию и под.—Вошедши же въ сердце, она вмѣстѣ съ своими родителями подсѣкаетъ и любостяжаніе. Почему въ кротости можно видѣть и средство противъ сеіи страсти. Гони кротость, и она, водворившись въ сердцѣ, поможетъ тебѣ невозмутимо блюсти нестяжательность.

Ст. 12. *Подвизайся добрымъ подвигомъ стѣры, емися за вѣчную жизнь, въ нюже и заваъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели.*

Урокъ продолжается. Потому и эти слова надлежитъ разсматривать въ томъже паправленіи, какъ и предыдущія, т. е., въ ихъ отношеніи къ нестяжательности или

любостяжанію.—*Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры.* Подвигъ предполагаетъ не только усиленный трудъ, но и борьбу для преодоленія препятствій внутреннихъ и внѣшнихъ, когда требуется не съ дѣломъ только какимъ слаждать, но при этомъ себя одолѣть и все, что въ себѣ возстаётъ противъ него, и противъ другихъ устоять, и надъ теченіемъ обстоятельствъ взять верхъ. Въ отношеніи къ вѣрѣ подвигъ есть увѣрованіе, потому что надо и свой умъ и волю подклонить подъ иго вѣры, и отъ прежней вѣры отстать, и съ прежними единовѣрцами разойтись; еще большій подвигъ есть и свое внутреннее и свое внѣшнее наладить по духу вѣры, что всегда требуетъ немалой перестройки порядковъ установившейся жизни своей; затѣмъ подвигъ есть стоять твердо и въ увѣрованіи и въ жизни по вѣрѣ,—какой подвигъ наипаче труденъ и высокъ во время гоненія и нападковъ на вѣру и вѣрующихъ. Все это общіе всѣмъ вѣрующимъ подвиги; но есть и особыя, на нѣкоторыхъ только лицахъ лежащія подвиги вѣры, именно распространеніе вѣры и руководство другихъ въ дѣлѣ вѣры,—подвигъ апостольскій и пастырскій. Какой въ настоящемъ мѣстѣ разумѣть подвигъ вѣры?—Всѣ, исключая подвига увѣрованія; но особенно послѣдній—апостольскій и пастырскій. Св. Тимоѳею давно уже увѣровалъ и позналъ вѣру во всей широтѣ; объ этомъ и поминать нечего. Но подвигъ храненія вѣры и жизни въ духѣ вѣры, подвигъ перенесенія искушеній по причинѣ вѣры, у пастыря же подвигъ наученія и руководства пасомыхъ никогда не прекращается. Ихъ всѣ и можно разумѣть въ настоящемъ мѣстѣ, какъ и дѣлаютъ наши толковники. Свят. Златоустъ говоритъ при семъ о подвигѣ храненія вѣры и жизни въ духѣ ея. «Требуется не только исповѣданіе (принятіе вѣры, увѣрованіе), но и стояніе въ немъ, дабы постоянно пребывать въ принятомъ исповѣданіи; а для сего по всей справедливости нужны великіе подвиги и немалые труды, чтобъ не уклониться съ праваго пути; потому что много предстоитъ соблаз-

новъ, много препятствій. Вслѣдствіе сего тѣсенъ и прискорбенъ путь сей. Поэтому надо отовсюду оградить себя, надо со всѣхъ сторонъ надлежащимъ образомъ вооружить себя. Отовсюду появляются безчисленныя приманки, которыя привлекаютъ къ себѣ душевныя очи, именно,—утѣхи, деньги, прельщеніе, лѣнность, слава, гордость, власть, любоначалие,—и появляются со свѣтлымъ и пріятнымъ лицомъ, способнымъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые подчиняются ихъ вліянію и не очень любятъ истину, ибо она жестка и не содержитъ въ себѣ ничего пріятнаго. Почему? Потому что она всевозможныя утѣшенія обѣщаетъ только въ будущемъ, между тѣмъ какъ эти предметы уже теперь обѣщаютъ почести, удовольствія, покой, конечно не истинный, но имѣющій только наружный его видъ. Вслѣдствіе сего всякій сластолюбивый, изнѣженный и слабодушный прилѣпляется къ нимъ, бѣжа отъ трудовъ, сопряженныхъ съ добродѣтелію.—Экуменій пишетъ о претерпѣнннхъ искушеніяхъ за вѣру: «подвигъ вѣры есть и все сказанное (въ ст. 11-мъ: правда, благочестіе, и проч.), и мужество въ искушеніяхъ за вѣру». Блаж. Теофілактъ поминаетъ и о трудахъ пастырства: *«подвизайся, говоритъ, добрымъ подвигомъ вѣры, — т.-е. стой за вѣру твердо и непоколебимо, и ревнуй о ней и силою слова и чистотою жизни».*

Какъ такого рода подвиги служатъ противоядіемъ любостыжанію и крѣпкою основою нестяжательности, очевидно само собою. Духъ жизни по вѣрѣ есть отъ всего отрѣшенный, и слѣдовательно нелюбоимательный; искушенія за вѣру, подобно огню переплавленіемъ очищающему металлы отъ стороннихъ примѣсей, выжигаютъ всякія пристрастія къ земному; пастырскія же заботы, кромѣ сего, и времени не оставляютъ занятыя стяжаніями. Почему Апостоль и написалъ о подвигахъ: *подвизайся отъ вѣсхъ воздержитъся* (1 Кор. 9, 25), и:—*никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими* (2 Тим. 2, 4).

Емліся за вѣчную жизнь. Это прямо отрицаетъ любо-

стяжаніе. Взятъся за вѣчную жизнь значить всею душою и всеѣмъ сердцемъ въискать ее. Въискивать при семъ стяжанія уже не-чѣмъ: и мысли и желанія—все переселены въ область вѣчной жизни; для стяжанія чего-либо временнаго не остается уже силъ. И Спаситель сказалъ, что нельзя Богу работать и мамонѣ. Работы сіи взаимно себя исключаютъ. Почему возмись за вѣчную жизнь,—и погасишь любостяжаніе, воспріявъ вмѣсто его нестяжательность. Ктому же, взявшись за вѣчную жизнь, надо ужъ и дѣла направить исключительно къ стяжанію ея, — а они все держатся на самоотверженіи и любви—дѣлательныхъ,—кои обѣ суть для любостяжанія огонь поядающій.

Въ ноще и званъ былъ еси. Обѣтованіе жизни вѣчной входило въ предметы перваго оглашенія приходящихъ къ вѣрѣ. Проповѣдники съ одной стороны представляли уму: *открывается нощъ Божій съ небеси* (Рим. 1, 18),—съ другой: *жизнотъ вѣчный возвѣщаемъ вамъ* (1 Іоан. 1, 2). Оттуда страхъ, отсюда сладкая надежда и влекли къ вѣрѣ, предлагая въ ней средство заразъ и отъ гнѣва избавиться и вѣчнаго блаженства сдѣлаться наслѣдниками. И во все времена эти два побужденія привлекали и привлекаютъ къ вѣрѣ, держали и держатъ въ ней не холодными, а воодушевленными любителями ея. Апостоль напоминать св. Тимофею: помнишь, что привлекло тебя къ вѣрѣ? Сладкая надежда вѣчныхъ благъ. Они и обѣщаны были тебѣ отъ лица Божія, такъ что ты прямо въ жизнь вѣчную и званъ, и окрестившись записанъ въ наслѣдники сей жизни, — въ наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христовы (Рим. 8, 17). Такъ тебѣ, такому существу, непристало любостяжательничать: ибо это значило бы золото и каменіе драгоцѣнное промѣнять на соръ и плевелы.—Это и всеѣмъ можно напоминать. Ибо «всякій приступающій ко крещенію въ жизнь вѣчную зовется» (Экумен.).

И исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свѣдѣтели. Исповѣданіе разумѣется вѣры, которое *добро* есть, когда совершается небоязненно, съ дерзповеніемъ, безъ

всякихъ колебаній, съ полною увѣренностію въ истинѣ. Про какое поминается исповѣданіе? — Исповѣданіе бывасть при крещеніи; провозглашается исповѣданіе предъ учителями; дастся оно и предъ рукоположеніемъ. Какое здѣсь? Меньше всего послѣднее. Умѣстно первое; на него наводитъ предыдущее—*званъ былъ еси*, и то обстоятельство, что свят. Тимоосей рекомендованъ былъ Апостолу Павлу отъ всѣхъ вѣрующихъ на своей ему родинѣ, какъ жаркій ревнитель вѣры (Дѣян. 16, 2). И еще болѣе умѣстно второе. Сопутствуя Апостолу, св. Тимооей всюду являлъ исповѣданіе вѣры; такъ что свидѣтельницаю его исповѣданія была вся вселенная. Св. Златоустъ говоритъ: «Апостоль хвалить здѣсь дерзновеніе и мужество св. Тимооея; ты, говоритъ, на всѣхъ мѣстахъ являлъ свое доброе исповѣданіе». Бл. Теофилактъ пишетъ: «хвалить его дерзновеніе и мужество, какъ исповѣдаваго Христа среди опасностей. Или говоритъ объ исповѣданіи, бывающемъ при крещеніи, когда мы исповѣдуемъ, что отрицаемся отъ сатаны и сочетаваемся Христу».

Что есть такое исповѣданіе для любостыжанія и нестыжательности?—Тоже, что и добрый подвигъ вѣры. Ктому же исповѣдающій Христа предъ лицомъ смерти, внутреннѣйше и существенно отъ всего отрѣшается; но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполняется неописанно убажжающими чувствами отъ дѣйственаго при семъ общенія съ Господомъ, который близъ есть. Память о семъ потомъ не отходить; намѣренное же воспоминапіе о томъ возстановляетъ всякій разъ въ силѣ и полное отрѣшеніе и всеблаженное вкушеніе Господа. Таковому гдѣ взять вкуса для тлѣнныхъ стяжаній?!

γ³).

Ст. 13. *Звѣщаваю ти предъ Богомъ, оживляющимъ всяческая, и Христомъ Исусомъ свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатъ доброе исповѣданіе: соблести заповѣдь...*

Дастся завѣщаніе предъ лицомъ Бога вездѣсущаго и всеоживляющаго. Это равносильно заклинанію именемъ

Бога, которое вяжетъ совѣсть и обязываетъ къ точному исполненію завѣщаемаго. Въ настоящемъ мѣстѣ оно усиливается еще напомианіемъ о второмъ пришествіи Христовомъ и объ особенно впечатлительныхъ свойствахъ Божіихъ — вседержительствѣ, неприступности и невидимости всевидящей. Св. Тимоѳею едвали нужно было такое напряженное внушеніе. Дѣлается оно въ показаніе важности предмета, — нестяжательности пастырей, при чемъ въ лицѣ св. Тимоѳея апостольскій духъ обнималъ всѣхъ пастырей до скончанія вѣка и въ средѣ ихъ очень многихъ, которымъ крайне необходимо такое внушеніе. Амвросіастъ пишетъ: «съ большою внушительностію и прозрѣніемъ въ далекое даетъ Апостоль наставленія пастырю церкви; ибо въ его лицѣ—спасеніе всей паствы. Не о св. Тимоѳеѣ беспокоясь, онъ такъ сильно выражается, но о преемникахъ его, чтобъ они, примѣромъ св. Тимоѳея руководясь, вѣрно соблюдали, къ чему обязывало ихъ рукоположеніе, въ себѣ самихъ передавая примѣръ сей и послѣдующимъ за ними преемникамъ».

Завѣщаваю ти предъ Богомъ. «Опять призываетъ во свидѣтели Бога, подобно тому, какъ незадолго предъ этимъ дѣлалъ сіе (—5, 21),—въ одно время и умножая страхъ, и содѣлывая ученика своего непоколебимымъ, и открывая, что это не человѣческія распоряженія, дабы св. Тимоѳею, приѣмля заповѣдь сію какъбы онъ самаго Господа, и дабы всегда имѣя въ мысли свидѣтеля, отъ котораго онъ слышалъ ее, воспоминаніемъ объ этомъ приводилъ въ сотрясеніе душу свою» (св. Злат.).

Предъ Богомъ оживляющимъ всяческая. Мысль о Богѣ вездѣсущемъ, всесодержащемъ, всему дающемъ бытіе и жизнь, самое сильное даетъ возбужденіе нравственной энергіи; ибо оживляетъ чувство, всесторонней зависимости отъ Бога, на коемъ утверждается и коимъ живится страхъ Божій—источникъ дѣятельной премудрости. Если предметомъ завѣщанія признаемъ нестяжательность, то можемъ положить, что напомианіе о Богѣ всеоживляю-

щемъ дается съ тѣмъ, чтобъ возставить убѣжденіе, что не *о хлѣбъ единомъ живѣ бываетъ человекъ* (Матѳ. 4, 4), и тѣмъ отнять самую крѣпкую опору и заботы о стяжаніяхъ; ибо она поддерживается наипаче опасеніями за жизнь при ничегонеимѣннн. «Апостоль говоритъ здѣсь, какъ бы такъ выражаясь: не бойся смерти, ибо ты рабъ Бога, который можетъ все оживотворить» (свят. Злат.). Если предметомъ завѣщанія признаемъ вообще вѣру Христову и ревность о ея распространеніи и поддержаніи, то напоминаніе о Богѣ всеоживляющемъ дано, «какъ ободреніе въ опасностяхъ сопряженныхъ съ тѣмъ: ибо если Богъ все животворитъ, то чего намъ бояться подвиговъ за вѣру» (Экум.)? Можетъ быть имѣлось въ виду навести мысль и на будущее воскресеніе (св. Злат., Теоф.) и напомнить слово Господа: *втруяй въ Мя аще и умретъ оживетъ* (Іоан. 11, 25). Не неумѣстно сіе допустить, какъ предначатіе послѣдующей рѣчи, гдѣ говорится о второмъ пришествіи Господнемъ.

И (предъ) Христомъ Іисусомъ, свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе. Это второе напоминаніе къ возбужденію и укрѣпленію нравственной энергіи. Христіане живутъ и дышатъ Христомъ Господомъ. Почему напоминаніе о Господѣ Спасителѣ всегда вызываетъ помышленіе самое возбудительное и оживительное. Съ этою цѣлію оно и здѣсь сдѣлано. «Еще и отъ примѣра Учителя беретъ онъ руководительное наставленіе. Сказанное имъ имѣетъ такой смыслъ: какъ Онъ дѣлалъ, такъ, говоритъ, и вы должны дѣлать. Ибо Онъ для того свидѣтельствовалъ (доброе исповѣданіе), чтобы мы по слѣдамъ Его шли въ (семъ) добромъ исповѣданіи. Тоже самое внушаетъ Апостоль и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто подлежащія Ему радости, претерпѣвъ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде* (Евр. 12, 2); и опять: *помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ ни себѣ прекословіе, да не стужаете душами своими* (Евр. 12, 3)». (св. Злат.).

Но къ чему возбуждаетъ и что подражанію представляеть здѣсь такое напоминаніе? Самое ли доброе исповѣданіе, т. е. содержаніе его, или непоколебимое мужество, съ какимъ оно дано предъ лицомъ смѣрти?—И то и другое. Предметъ добраго исповѣданія Господня есть увѣреніе, что Онъ есть Сынъ Божій, воплотившійся, чтобъ водворить среди людей истину. Св. Златоустъ спрашиваетъ: «Что называетъ здѣсь Апостоль добрымъ исповѣданіемъ Господа?» И отвѣчаетъ: «То, что будучи вопрошенъ отъ Пилата: *убо царь ли еси Ты?* Онъ отвѣчалъ: *Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. 18, 37). Или для сего такъ говорить, или для того, что будучи вопрошенъ: сынъ ли Онъ Божій? сказалъ: *вы глаголете, яко Азъ есмь* (Лук. 22, 70). Такое свидѣтельство дано и предъ Пилатомъ,—только не словомъ, а неотвѣчаніемъ на вопросъ или молчаніемъ, и сказанными затѣмъ словами (Іоан. 19, 7—11). Экуменій прямо и разумѣеть здѣсь подъ исповѣданіемъ то, что Господь «засвидѣтельствовалъ, что Онъ есть Христось, Сынъ Божій». Но въ этомъ существо нашей вѣры, совершающей спасеніе людей. Почему бл. Теодоритъ пишетъ: «Добрымъ исповѣданіемъ Господа назвалъ Апостоль спасеніе вселенной. Ибо за спасеніе оной претерпѣлъ Господь страданіе». Отсюда Амвросіастъ наводитъ: «о страданіи Христа Господа напоминаетъ, чтобъ страхъ навѣсть, внушая, что тотъ по справедливости долженъ и быть признанъ виновнымъ въ сѣмъ страданіи, кто презираеть то, для чего пострадалъ Христось». Послѣ сего намѣренія Апостола въ напоминаніи и добромъ исповѣданіи Христа Иисуса предъ Пилатомъ можно выразить такъ: исповѣдуя Христа Иисуса Сыномъ Божиимъ воплотившимся и пострадавшимъ нашего ради спасенія, будь и самъ готовъ все, даже смерть претерпѣть за вѣру въ Него и за жизнь по Духу Его. Это тоже, что пишетъ и св. Петръ: *Христу убо пострадавшему за ны плотию, и вы въ ту же мысль вооружитесь* (1 Петр. 4, 1).

Примѣняя это къ предмету рѣчи, видимъ здѣсь сильнѣйшее побужденіе и къ вестяжательности, и къ небызненному исповѣданію вѣры словомъ и дѣломъ, и къ доброму пастырствованію. Послѣднее видитъ здѣсь бл. Θεодоритъ, — пиша: «такое свидѣтельство (Христово) Апостоль представляетъ ученику своему (въ примѣръ), чтобъ и онъ съ большимъ усердіемъ настраивалъ своихъ учениковъ», небызненно и неутомимо свидѣтельствуя предъ ними и предъ всѣми, въ чемъ истина о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ.

. Ст. 14. *Соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну и незазорну, даже до явленія Господа нашего Иисуса Христа.*

Какую заповѣдь? Сію, т.-е. заповѣдь о нестяжательности. Такъ заставляеть разумѣть теченіе рѣчи. Можно такой смыслъ дать и слову бл. Θεодорита, который пишетъ: «*соблюсти тебѣ заповѣдь*, т.-е. сіе самое, о чемъ пишу», Пишется же—впереди предостереженіе отъ любостыжанія въ заповѣди: сего бѣгай, а гонись за всякою добродѣтелию,—а послѣ даются уроки о спасительномъ употребленіи богатства. Слѣд. совершенно умѣстно подъ заповѣдію разумѣть здѣсь внушеніе—сохранить себя непричастнымъ этой губельной страсти любоиманія.

Но всѣ другіе наши толковники подъ заповѣдію разумѣютъ здѣсь вѣру и жизнь по вѣрѣ. И бл. Θεодоритъ въ обязательствѣ соблюсти заповѣдь нескверную и незазорною видитъ урокъ: «къ Божественному ученію не примѣшивай чуждаго», т.-е. блюди христіанское ученіе чистымъ. Другіе же къ вѣрованію чистому прилагаютъ и жизнь непорочную. Св. Златоустъ говоритъ: «*Соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну* значить: чтобъ ни за вѣрованія, ни за жизнь не навлекалъ ты ни малѣйшаго укора». Экуменій и Θεофилактъ: «чтобъ ни въ догматахъ, ни въ жизни ты ничѣмъ не пятналъ себя».

Принимая такую мысль, падо будеть все сіе завѣщаніе Апостола,—13—16,—признать заключительнымъ словомъ

посланія; послѣдующую же за симъ рѣчь Апостола—припискою, съ отношеніемъ однакожь ея къ предыдущему слову противъ любостяжанія. Кончивъ завѣщаніе съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, Апостоль припомнилъ, что относительно стяжаній не все сказано,—и именно, что не стяжанія виноваты въ пагубности ихъ, а недолжное ихъ употребленіе, и прибавилъ, какъ должно употреблять богатство не на вредъ спасенію, а въ пособствованіе къ нему. Сказавъ же это, повторяетъ будто завѣщаніе, говоря вмѣстѣ: соблюди заповѣдь, преданіе сохрани,—которое слово можно признать и истолкованіемъ предыдущаго: *соблюсти заповѣдь*.

Заповѣдь нескверну и незазорну. Заповѣдь всегда чиста, нескверна и незазорна, сколько ее ни нарушай кто. Но кто нарушаетъ ее, тотъ себя сквернитъ тѣмъ, что противоположно заповѣди, и дѣлается чрезъ то зазорнымъ.

Даже до явленія Господа. Не то значитъ, чтобъ предсказывалось св. Тимоѳею продолженіе жизни до пришествія Господа, а выражается лишь: навсегда, до скончанія жизни своей; ибо для каждаго переходъ изъ сей жизни въ другую есть моментъ предстанія Господу, и слѣдовательно явленія ему Господа,—*επιφανεα*. Св. Златоустъ говоритъ: *«до явленія Господа, т.-е. до твоей кончины, до исхода твоего. Не сказалъ онъ такъ (буквально), но сказалъ: даже до явленія Господа, чтобы больше ободрить его»*,—чтобъ *«больше оживить и возбудить его ревность напоминаніемъ о явленіи Господа, напоминая и о страшной оной славѣ»* (Экум., Теоф.),—и той, которая имѣетъ сопровождать являющагося на судъ Господа, и той, которая, по сулѣ, сдѣлается наслѣдіемъ вѣрующихъ, блаженной жизни удостоенныхъ.—Или въ такомъ же смыслѣ сказалъ такъ Апостоль, въ какомъ Господь сказалъ Апостоламъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѡ. 28, 20). Въ лицѣ Апостоловъ Господь видѣлъ всѣхъ вѣрующихъ и ихъ ублажилъ такимъ обѣтованіемъ. И здѣсь Апостоль въ лицѣ св. Тимоѳея ви-

дѣлъ всѣхъ архипастырей и пастырей и въ законъ имъ поставилъ другъ-друго-примательно блюсти заповѣдь сію (вѣру ли Христову разумѣть здѣсь, или только нестяжательность) до явленія Господа, до втораго Его пришествія, всеобщаго воскресенія, суда и окончательнаго рѣшенія участи всѣхъ, внушая имъ сіе предостереженіе: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь самъ придетъ* (Мѡ. 24, 42).

Ст. 15. *Еже во своя времена явитъ блаженный и единъ сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ*

Помянувъ о явленіи Господа и тѣмъ приведши на память и прочее, соприкосновенное съ нимъ,—воскресеніе, судъ, вѣчное блаженство и вѣчныя муки,—для возбужденія бодренности и бдительности въ соблюденіи заповѣданнаго,—Апостоль, для тойже цѣли, живописуетъ теперь свойства Бога, имѣющаго произвести все сіе, углубляя вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе, что такъ точно будетъ. Для чего это дѣлаетъ Апостоль, св. Златоустъ объясняетъ такъ: «хорошо сдѣлалъ Апостоль, предложивъ такое богословіе. Это и нужно было. Ибо такъ какъ онъ призвалъ Бога во свидѣтели, то говоритъ много о семъ свидѣтелѣ, чтобы глубже напечатлѣть помышленіе о Немъ»,—и тѣмъ усилить бдительность и ревность. А бл. Феодоритъ пишетъ, что Апостоль изображеніемъ того, «что свойственно и принадлежитъ Богу, имѣлъ намѣреніе подтвердить ученіе о воскресеніи, судѣ и воздаяніи»,—оживить и усилить убѣжденіе въ томъ съ тоюже цѣлію,—т.-е. чтобы оживить ревность; ибо ничто столько не сильно поддерживать нравственную энергію, какъ память о послѣднихъ.

Явленіе Господа явитъ Богъ,—Богъ трипостасный. Явится Сынъ воплотившійся, по волѣ и благоволенію Отца въ общеніи съ Духомъ Святымъ, какъ было и первое явленіе для устроенія спасенія. *Во своя времена*,—въ то время, которое держится въ тайнѣ Божества и

Ему единому вѣдомо,—«т.-е. во время приличное, должное» (св. Злат.),—«предопредѣленное» (Экум., Теоф.). Сказалъ сіе Апостоль, чтобъ пресѣчь столь свойственное немощи человѣческой покушеніе опредѣлять моментъ явленія Господа, и вмѣсто того настроить—ожидать его каждую минуту. Явится Господь несомнѣнно, и рѣшить участь твою навсегда. Чтò тебѣ нужды знать, нынѣ или завтра явится? Будь готовъ,—вотъ что нужно!

За симъ живописуются наиболѣе впечатлительныя свойства Божества. На первомъ мѣстѣ поставляется блаженство Божіе. Блаженъ Богъ самъ въ себѣ и достоинъ ублаженія отъ всѣхъ различныхъ тварей, т.-е. вседовольнъ, всесовершенъ, полнота всего, почему и всехвалный. «Онъ есть самоблаженство». (св. Злат.). Если Онъ всеблаженство, то ничего болѣе не желаетъ, какъ того, чтобы всѣхъ ублажить, всѣхъ сдѣлать блаженными. Страшно явленіе Господа, ибо сопровождаться будетъ страшнымъ судомъ; но оно и безмѣрно обрадовательно, ибо положить начало всеблаженной жизни, «гдѣ не будетъ уже ни печали, ни воздыханія» (св. Злат.). Только будь готовъ,—«не смотри на кажуціяся ублажительными здѣшнія блага, но къ тому Единому прилѣпи взоръ, который есть самоблаженство» (Теоф.), «отъ лица Котораго бѣжить всякая скорбь и печаль» (Экум.), такъ что ты еще здѣсь начнешь вкушать блаженство, которое во всей силѣ откроется лишь по явленіи Господа.

И единъ сильный,—*δυναστης*, — одинъ Властитель. Все въ Его десницѣ. Слѣдовательно Онъ не только хочетъ, но и силенъ всѣхъ ублажить. Если взять во вниманіе все напоминаемое явленіемъ Господа, будетъ: силенъ всѣхъ воскресить, собрать во едино, произвести судъ, раздѣлить одесную и ошуюю, и однихъ ублажить, а другихъ предать вѣчнымъ мукамъ,—и все сіе запечатлѣть на вѣчные вѣки неизмѣннымъ рѣшеніемъ и опредѣленіемъ своимъ. Ибо волѣ Его кто противиться можетъ? Есть и между тварями такія, которыя являются облеченными

царственною и господственною силою; но и онъ всѣ въ Его власти. Ибо Онъ одинъ есть *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ*. Такъ благонадеженъ будь, что всякое обѣтованіе Божіе исполнено будетъ неотложно. Какъ обѣтовацій никто не вынуждалъ, а они суть дѣло свободного Божія благоволенія, такъ и исполненію ихъ никто помѣшать не можетъ; и опредѣленіе Божіе о нихъ измѣниться не измѣнится, ибо Богъ неизмѣненъ. Такъ будь благонадеженъ; но вмѣстѣ и страшись. Ибо если все во власти Его, то тебѣ некуда ускользнуть и укрыться отъ Него, если по несчастію прогнѣваешь Его и заслужишь осужденіе. Обрати же всю ревность свою на то, чтобы дѣлать одно благоугодное предъ Нимъ, и въ концѣ явиться благопріятнымъ Ему. «Земныхъ же какихъ-либо властителей и царей не бойся» (Θеоф.), если стануть съ угрозами отклонять тебя отъ угоднаго Богу.

Ст. 16. *Единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтъ живыи непреступнымъ, сложе никтоже видѣлъ есть отъ человекъ, ниже видѣти можетъ: ему же честь и держава вѣчная. Аминь.*

«*Бессмертіемъ* называетъ непрестасмость» (Θеоод.),—или полнѣе—то, что Онъ есть Сый, присносый, источникъ жизни имѣющій въ себѣ, ничево отънуды не заимствуя и никогда ничѣмъ неистощаясь. Отъ Него и все прочее имѣетъ бытіе и жизнь. Онъ есть *дайи всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25). Экуменій задаетъ при этомъ вопросъ: «какъ говоритъ онъ о Богѣ, что Онъ одинъ имѣетъ безсмертіе, когда и Ангелы, и души, и демоны имѣютъ безсмертіе»? И отвѣчаетъ: «эти не имѣютъ безсмертія сами по себѣ, но причастны суть безсмертію по благодати Того, Кто одинъ есть безсмертенъ по естеству. Ибо сіе,—быть безсмертными,—отъ Бога имъ дано. Богъ есть, изъ Коего мы причащаемся, какъ всего другаго, наилучшимъ представляемаго, такъ и безсмертія». Помянулъ же о семъ свойствѣ Апостоль, по бл. Θεодориту

для того, чтобъ вмѣстѣ съ указаніемъ на всемогущество, углубить убѣжденіе, что Таковъй силенъ совершить какъ явленіе Господа, такъ и все соприкосновенное съ нимъ. Но если возведемъ при семъ мысль къ общему содержанию рѣчи Апостола,—къ нестяжательности; то можемъ сказать, что онъ помянулъ о семъ свойствѣ, чтобъ внушить: вотъ къ Кому прилѣпился, или Кого стяжать поревнуй, оставляя позади все тлѣнное.

Во свѣтъ живой неприступнѣмъ. «Неприступенъ сей свѣтъ, потому что, по причинѣ безмѣрнаго его блистанія, никто приступить къ нему не можетъ» (Θеоф.),—приступить и взглянуть; ибо отъ силы свѣта зрѣніе омрачается. Не на вещественный свѣтъ симъ указывается,—хотя возможно представлять, что Богъ гдѣ либо во вселенной, являя тварямъ въ возможномъ для нея величїи свое божеское присутствіе, являетъ его въ безмѣрномъ блистанїи свѣта,—но это есть образное выраженіе непостижимости божескаго естества: «по невозможности изслѣдовать самое естество Божїе, указавъ на неприступный свѣтъ окрестъ сего естества» (Θеод.). Св. Пророкъ Давидъ тоже самое выражаетъ словомъ—тма: *положи тму за кровъ свой* (Пс. 17, 12). Св. Златоустъ говорить: «иной ли свѣтъ Онъ самъ, и иной тотъ, въ которомъ Онъ живетъ? («Но сіе неприложимо къ Богу; естество Его неопишимо, а если Онъ живетъ во свѣтѣ, то описуется свѣтомъ»—Θеод.). Неужели и мѣстомъ Онъ опредѣляется? Нисколько. Не съ тою цѣлю, чтобы мы думали сіе, но чтобы показать намъ непостижимость Божескаго естества, сказалъ Апостоль, что Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ,—настолько изъясняя ученіе о Богѣ, насколько это было для него возможно. Видишь ли, до какой степени бываетъ немощенъ языкъ нашъ, когда хочетъ провѣщать что либо великое? «Апостоль, сколько возможно, пѣснословить Бога, и простираетъ взоръ, сколько онъ можетъ достигать» (Θеод.).

«Если окрестъ Его свѣтъ непреступный, то какъ возможно увидѣть Его? Почему присовокупилъ: *Егоже никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ*» (Θеод.). Не чловѣки только, но и всѣ чины Ангельскіе,— и Архангелы, и Престолы, и Херувимы, и Серафимы,—не видятъ Божескаго естества. Видятъ и они явленіе только Божескаго величія, сколько снести могутъ, но не естество, которое сокровенно есть. Вездѣ есть Богъ естествомъ, и вездѣ сокровень. Когда Спаситель говоритъ, что Ангелы видятъ лице Отца небеснаго, то лицемъ означаетъ близкое и впечатлительное явленіе Ангеламъ Божескаго присутствія, сколько вмѣстимо для нихъ,—и умное неотрываемое созерцаніе Ангелами Божества, сколько достижимо сіе для нихъ. Естество же Его ни для кого незримо. *Бога никтоже видѣти нигдѣже* (Іп. 1, 18). Для всѣхъ тварей *положилъ Онъ тму за кровь Свой*. Св. Златоустъ прилагаетъ: «И Сына никто не видѣлъ и видѣть не можетъ». — «То-есть, по Божеству, поясняетъ бл. Θεофилактъ; Онъ виденъ былъ (и есть) только по чловѣчеству». «И Духа Святаго Божество никто не видѣлъ,— какъ Отцаго и Сынвняго», дополняетъ Экуменій. У Апостола рѣчь о свойствахъ Божескаго естества, или Бога тріупостаснаго, Единого нераздѣльнаго.

Емуже честь и держава вѣчная,—да будетъ отъ насъ воздаваема и восписуема. «Честь Его всегда, держава Его всегда пребываетъ» (св. Злат.). Нашъ долгъ благоговѣнно чествовать Его и цѣснословить, предаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло Его вседержительству,—непостижимому, но всегда благодѣтельному. «Слава Ему! мы можемъ это только говорить, это только дѣлать, не испытывая, что Онъ есть въ себѣ» (св. Злат.). «Безукоризненно мы можемъ это только дѣлать,—т.-с. славить Его, а не любопытно изслѣдовать Его» (Θеоф.). Можно и то подумать, что Апостоль сими словами переводитъ вниманіе отъ мрака, покрывающаго естество Божіе, во мракъ, скры-

вающій пути Божественнаго промысленія. Онъ какъбы говоритъ: не смущайся, что не всѣ чтутъ Бога тріипостаснаго, и еще болѣе Сына Божія воплотившагося. Это не умаляетъ ни Божеской чести, ни славы воплощеннаго домостроительства. Тамъ и здѣсь честь Божія пребываетъ неизмѣнною. Не смущайся также, если во вселенскихъ явленіяхъ и въ теченіи дѣлъ и положеній человѣческихъ иныя не видятъ Божія вседержительства, а можетъ быть, и для тебя самого неясно виденъ перстъ Божій, все движущій и всѣмъ правящій. Держава Божія не пресѣкается. Вѣрь и упокоивайся въ Бога, не располагая нерѣшимыхъ вопросовъ, для чего то, отъ чего это. «Положимъ, что что-либо въ настоящее время не исполняется,—держава Его вѣчная тѣмъ не менѣе пребываетъ» (св. Злат.).

Епископъ Теофанъ.

ПИСЬМА

**къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.**

ЛIII.

Просите начертать вамъ великопостный уставъ. — Да на что же это?! Общій уставъ вамъ извѣстенъ, а частный, келейный мнѣ нѣтъ возможности написать; потому что не знаю вашихъ особенностей. Извольте сами это сдѣлать, примѣняясь къ общему. Скажу только: положите въ сердце общій законъ постническаго дѣйствования, — и онъ будетъ двигать руками, и ногами, и всѣми членами вашими, какъ требуется. И будетъ у васъ въ дѣйствиіи неписанный уставъ. Законъ постничества такой: въ Богѣ умомъ и сердцемъ пребывать съ отрѣшеніемъ отъ всего, всякое себѣ угодіе отсѣкая, не въ тѣлесномъ только, но и въ духовномъ, творя все во славу Божию и благо ближнихъ, неся охотно и съ любовію труды и лишенія постническія, въ пищѣ, снѣ, отдыхахъ, въ утѣшеніяхъ взаимно-общенія,—все въ мѣрѣ скромной, чтобъ это въ глаза не бросалось и не лишало силъ исполнять молитвенныя правила. Имѣя сіе въ виду, вамъ нетрудно будетъ опредѣлить, какъ, когда и въ какой мѣрѣ что дѣлать.

Службы церковныя лучше въ церкви слушать, всячески напрягаясь не отходить отъ Господа умомъ, какъ бы долго она ни тянулась. Дома же вычитывать ихъ только въ случаѣ крѣпкой болѣзни.

Причаститься можно раза три—на первой недѣлѣ, крестопоклонной и страстной. А если придетъ сильное желаніе, можно еще прибавить. Можно и каждую недѣлю причащаться. Объ этомъ вамъ слѣдуетъ поговорить съ своимъ духовникомъ.

Занимайтесь дома болѣе чтеніемъ, богомысліемъ и молитвою, а рукодѣльемъ поменьше. Впрочемъ смотрите сами: иногда и порукодѣльничать надо побольше, когда душа насытится духовнымъ.

Что касается невольныхъ туженій и скорбѣній сердца, внезапно нападающихъ, то я ничего не умѣю объ нихъ сказать. Потрудитесь записывать бывающее при семъ; тогда можетъ быть окажется, откуда они. Мнѣ думается, что они у васъ не Божіи. Божіи—умиленіе и слезы приносятъ; а эти, скребуція сердце безъ явныхъ причинъ, только разстроивающія и ни на что доброе не наводящія, надо прямо производить отъ врага. Серчаетъ онъ на васъ, и скребетъ когтями своими. Обращайтесь къ молитвѣ. Господь пошлетъ Ангела, который и отгонитъ томящаго васъ духа.

Трудитесь въ навывковеніи молитвѣ Иисусовой. Благослови Господи! Вѣровать надобно, что Господь Иисусъ Христосъ внутри насъ есть,—въ силу крещенія и причащенія, по обѣтованіямъ самого Его, соединеннымъ съ сими таинствами. Ибо крещенные облакаются во Христа, а причащающіеся приемятъ Господа. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ,* говоритъ Господь. Только смертные грѣхи лишаютъ насъ сей великой къ намъ милости. Но кающіеся и по исповѣди причащающіеся опять возвращаютъ ее себѣ. Такъ вѣруйте. Если недостаетъ вѣры, молитесь, чтобъ Господь приложилъ ее вамъ и утвердилъ въ васъ крѣпко и непоколебимо.

Внимайте себѣ, и со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте. Замѣчайте помыслы, находящіе и отходящіе,—и состоянія духа, неподвижно стоящія, или для-

щіяся часы и дни. Все сіе будетъ служить для васъ документами для опредѣленія,—что въ васъ?

Держите подъ руками тетрадь, и записывайте, если какія мысли, догматическаго или нравственнаго содержанія, родятся сами собою—особенно во время молитвы,—и завладѣютъ всѣмъ у васъ внутри, и умомъ и сердцемъ, и будутъ держаться долго. Это ангельскія мысли. Послѣ прочитывайте по временамъ, чтобъ оживлять свое внутреннее. Записывайте также въ особую тетрадь и стихи псаломскіе, съ которыми на устахъ, какъ пишете, вы просыпаетесь, и которые не отходятъ, а твердятся сами собою. Записывайте и мысли, первыя по пробужденіи, если онѣ не отходятъ. Этимъ всѣмъ исполняется то, что обѣтовано христіанамъ чрезъ пророковъ,—что они всѣ будутъ научены Богомъ.

То, что водитесь чувствомъ, или что вообще имѣете духовныя чувства, не значитъ еще, что стоите твердо вниманіемъ въ сердцѣ. Когда это послѣднее есть, тогда умъ стоитъ въ сердцѣ неискходно, и стоитъ предъ Господомъ, въ страхѣ и благоговѣнствѣ, и исходитъ оттуда не хочетъ. Состояніе это похоже на то, какъ дитя въ объятіяхъ матери покоится. Даруй вамъ Господи сего достигнуть.

Что Иисусовою молитвою дополняете правило своего домашняго молитвословія, добрѣ дѣлаете. Можете четверть, половину, три четверти своего правила, и даже все правило замѣнять сею молитвою. Только времени не умаляйте, и въ страхѣ и благоговѣнствѣ себя держите. Всячески трите себя,—и читаніемъ молитвословій, и своими моленіями, и умною молитвою, заботясь объ одномъ, чтобъ отъ души не отходило молитвенное настроеніе.

LIV.

Первое слово у васъ о добромъ состояніи послѣ св. Причастія. Слава Богу! Даруй вамъ Господи больше и больше сродняться съ Нимъ. Но не забывайте, что до-

брыя сіи дѣйствія святаго Причастія всегда суть дѣло милости Божіей. Есть? — и слава Богу! Благодарите Господа, и паче и паче смиряйтесь. Съ нашей стороны необходимы — труды приготовленія, затѣмъ вѣра, страхъ и трепеть при приступаніи къ Таинству. Но какъ ни будь все сіе исправно, — ощущеніе благаго дѣйствія отъ св. Причастія не есть необходимый плодъ ихъ. Это всегда въ рукѣ Божіей. И какъ ни милостивъ Господь, но перѣдко сокращаетъ руку свою, или въ наученіе, или въ наказаніе, особенно за недостатокъ смиренныхъ чувствъ, и еще особеннѣе за такое помышленіе: то и то сдѣлаю, и будетъ мнѣ то и то отъ припятаія свят. Таинъ. Такія пророчества всегда суть вражьи, — и никогда не сбываются. Ибо тутъ творится грѣхъ чуждоприсвоенія, — себѣ и своимъ трудамъ приписываніе того, чтó прямо есть милость Божія.

Коротенько упоминаете о томъ, какъ въ жизни пришлось вамъ пройти огонь и воду. Благодарите Господа. Онъ навелъ васъ на эту дорогу, и провелъ ею и привелъ къ тому, чтó вы теперь. Благодарите, что не допустилъ вамъ выступить изъ той колесы, какая Имъ намѣчена для васъ и для вашей жизни.

Опять у васъ съ утра оказался на языкѣ стишекъ псаломскій, и твердился цѣлый день: *взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу.* — Записывайте ихъ, какъ я говорилъ, — и иногда прочитывайте. Выйдетъ Божія книжка, въ душѣ вашей писанная, и вами оттуда въ тетрадку переписанная.

Уставъ свой постнической наладили. Смотрите, не слишкомъ ли трудновато будетъ. Поблажать себя и льготы позволять не должно; но и тяготы большія вдругъ налагать на себя не надо. Тяготы и трудности лучше начавъ съ малаго понемногу прибавлять. Такъ дѣйствуя незамѣтно можно дойти до такихъ себя преутружденій, которыя будутъ гораздо значительнѣе вами намѣченныхъ, но которыя не будутъ подарлять. Почему думаю, что

вамъ лучше нѣкоторые труды умѣрить теперь, и потомъ понемногу подбавлять ихъ. Устройтесь впрочемъ, какъ находите для себя лучшимъ, — и съ духовникомъ потолкуйте.—Еще одно не забудьте: не вязать себя уставомъ своимъ, сохраняя за собою всегда свободу дѣйствованія,— и объ одномъ заботясь, чтобъ всегда быть съ Господомъ. Поменьше механизма и формы. Жизнь въ движеніи, — а не въ формѣ закаленной.

Пишете: «думается, что у меня все идетъ гадко». — Лучшаго думанія, и вѣрнѣйшаго, и придумать нельзя. Такъ оно и есть. Чего же дѣбраго вы отъ себя ждете?— Слава Богу, что хоть замѣчаете это. То еще дурнѣе будетъ, если станете все въ себѣ видѣть хорошимъ.—Милости Божіи только исповѣдать надо, что несмотря на недобротность нашу Онъ не отвращаетъ отъ насъ очей своихъ, и не забываетъ иногда малую какую крупинку перебросить и намъ отъ обильной трапезы истинныхъ чадъ своихъ.

Пришло мнѣ на мысль передать вамъ, какъ одна монахиня ретивая, вездѣ у себя въ келліи на тѣхъ мѣстахъ, которыя невольно встрѣчаются глазамъ, понаклеила бумажекъ съ изреченіями слова Божія или св. отцевъ. Они содержаніемъ своимъ возобновляли въ ней мысли и чувства, которыя почаще имѣть во вниманіи она считала для себя душеполезнымъ. Это сдѣлать и вамъ, полагаю, будетъ не бесполезно.

LV.

Что не вплетались въ споръ, хорошо сдѣлали. И никогда не беритесь за это дѣло. Споръ рѣдко проходитъ безъ внутренняго нѣкоего разстройства.—А что потомъ договорились до худаго и осудили, это очень дурно. Хорошо хоть, что замѣтили вину осужденія. Навыкайте замѣчать самыя подступы сего злаго чувства. Это врагъ поднимаетъ его въ сердцѣ. Какимъ красивымъ оно ка-

жется! А всегда оставляет по себѣ густую мутность и черноту. Хорошо сдѣлаете, если поскорѣе скажете его на духу, и попросите епитиміи. Ничего нѣтъ легче, какъ осудить. Но это дѣло никогда не остается безъ наказанія у тѣхъ, кои начали внимать себѣ.—Что вы въ слѣдъ за симъ написали, и было наказаніемъ.

«И все вычитываю, но сознаюсь, что молитвы нѣтъ». — У васъ, выходитъ, есть только трудъ стоянія на молитвѣ. Хоть это лучше, чѣмъ совсѣмъ не стоять на молитвѣ, однакожь молитва такая есть тоже, что подать Господу сухую корку.—Бѣгите скорѣе къ духовнику и кайтесь въ осужденіи, съ сокрушеніемъ и плачемъ. Господь и возвратитъ вамъ свое милостивое на васъ воззрѣніе. Господь близъ. Ему одно мановеніе сдѣлать, и все пойдетъ добрѣ! Онъ и всегда готовъ обливаетъ насъ милостями своими; но мы не всегда оказываемся достойными и способными приимать ихъ. Оттого какъ только прекратится притокъ сей, мы чувствуемъ въ себѣ оскудѣніе всего духовнаго, ни мыслей, ни чувствъ нѣтъ добрыхъ, пустьемъ.—Заслужили наказаніе, и наказываемся. Но вотъ поплачете, покаетесь, получите разрѣшеніе,—и оживитесь.

Еще слова съ просонку: *на престолъ огнезрачиль*, и проч.—Къ покаянію васъ призываетъ Ангель Хранитель.—Если эти слова вы записали, то добрѣ!

Что страхъ Божій обнимаетъ душу, это очень хорошо.—И это туда же направляется. Тутъ ужъ самъ Господь васъ потревоживаетъ. Поспѣшите же сдѣлать, что я написалъ.—Вмѣстѣ молитесь, чтобы сей страхъ не отходилъ, или Господь не бралъ его отъ васъ, а все болѣе и болѣе углублялъ его. При немъ все у васъ будетъ въ порядкѣ,—и мысли и слова. Это ангельское чувство. Ибо ангелы со страхомъ и трепетомъ всегда предстоятъ Богу,—и чѣмъ выше они, тѣмъ сіи чувства живѣе. Это на васъ пахнуло небеснымъ воздухомъ.

LVI.

Постъ пришелъ,—трудиться бы надо попустнически, а къ вамъ болѣзнь подступила. — Утѣштесь! И это тоже трудъ,—и, можетъ быть тѣмъ болѣе цѣнный, что не отъ произвола зависитъ. Господь его наложилъ. Извольте же такъ нести его, какъ прямо отъ руки Господней пріятшая его. Благодушіе, съ какимъ будете переносить болѣзнь, сдѣлаетъ претерпѣніе ея подвигомъ, высшимъ всякаго пощенія.

Вотъ загадывали уставы на постъ. А Господь предписалъ вамъ свой, не писменемъ, а дѣломъ. Вѣруйте, что онъ пригожѣе для васъ всѣхъ другихъ, какіе бы вы ни придумали.—По сей же причинѣ, намѣченная вами мѣра поста уже не должна быть выполняема,—чтобъ иначе не попасть изъ убивателей страстей въ убиватели тѣла. — Дни текутъ и къ концу приближаютъ жизнь. А въ концѣ томъ что?—Судъ Божій, который не тоже есть, что нашъ собственный и людской. Мудрено ли случиться, что онъ будетъ противоположенъ здѣшнему?! Поминайте о семъ.

Пишете: «будто шевельнулся маленькій въ сердцѣ человѣчекъ». — Какъ вы никакою чертою этого движенія не опредѣляете, то не могу ничего сказать вамъ на это. Замѣчу только, что потаенный сердца человѣкъ когда зачинается, то это чувствуется сердцемъ. Зачавшись, онъ растеть уже самъ собою, питаясь тѣми же элементами, изъ которыхъ породился. Забота потомъ вся должна быть обращена на то, чтобъ потребная мѣра сихъ элементовъ никогда вокругъ его не оскудѣвала. Таковы всѣ духовныя подвиги и занятія.

LVII.

На первомъ мѣстѣ, прописана у васъ жалоба на свое нерадѣніе и лѣность, по которымъ иногда не дочитываете положеннаго.—Если вы оправились отъ немощи, то за

это стоит себя бранить.—Но отъ чего бы вамъ остав-
ляемаго читанія не дополнить другимъ чѣмъ?—Я уже не
разъ писалъ вамъ, что правило можно исполнять разнo.
Самое лучшее есть опредѣлить правило временемъ, и по-
томъ въ сіе время то читать молитвы, то такъ молиться.
Начинать читаніемъ начальныхъ молитвъ, углубляясь въ
нихъ, съ протяжною разстановкою. Всего лучше читать
на память. За тѣмъ, когда разшевелится сердце, кладите
поклоны, говоря по движенію чувства отъ себя простое
слово Господу. Можно выучить на память нѣсколько
псалмовъ,—и во время правила читать ихъ, изъ всякаго
стиха составляя молитвенное къ Богу обращеніе. Можно
прочитавши псаломъ, класть поклоны съ краткою мо-
литовкою; потомъ читать другой псаломъ или другую мо-
литву, а послѣ опять поклоны класть. Можно все время
только поклоны класть, — малые и большіе, съ краткою
какою молитовкою. Всяко можно. Изгнать надо изъ пра-
вила всякій механизмъ и форму. Пусть все идетъ изъ
сердца свободно.

Зачѣмъ вы считаете себя подстрѣленною птицею?
Васъ Господь посадилъ въ золотую клѣтку (пужды и ли-
шенія), и всячески холить васъ (духовнымъ питаніемъ),—
чтобъ вы пѣли Ему пріятныя пѣнія, покаянныя, благо-
дарныя, хвалебныя, просительныя. Если при мысли о сво-
ей подстрѣленности и чувство было горькое, то, какъ оно
ни естественно въ терпящемъ особенно напраслипу, оно
не можетъ быть пріятно Богу. Коль скоро вы дошли до
увѣренности, что все бывшее съ вами Богомъ устроя-
лось, именно для вашего блага; то стоитъ только вамъ
оживить такое убѣжденіе, чтобъ всякая горечь тотчасъ
исчезла, какъ дымъ отъ вѣтра, въ богопреданности и
замѣнилась благодареніемъ Богу за все,—искреннимъ.

LVIII.

Пишете: «нѣкто писалъ, что опъ считаетъ грѣхомъ дѣлать добро ближнему царствія ради небеснаго», — и спрашиваете, можно ли такъ разсуждать? — Не должно такъ разсуждать. Писавшій къ вамъ вѣрно принадлежитъ къ числу модныхъ философовъ, у которыхъ на языкѣ — творить добро ради самаго добра. Слово Божіе не знаетъ такого побужденія. Въ немъ указываются только три побужденія, заправляющія дѣятельною христіанскою жизнію: страха ради мученій вѣчныхъ, царствія ради небеснаго, любви ради къ Богу. Первое ведетъ къ покаянію и полагаетъ начало доброй жизни; второе — поддерживаетъ труды добродѣланія и подвижничества; третье — возводитъ на верхъ совершенства и вѣнчаетъ дѣло. Начинать надо съ первой ступени, и чрезъ вторую стремиться къ первой; а вдругъ на третью нельзя. Укорнымъ является страхъ, — рабскій, когда имъ однимъ руководятся и на немъ останавливаются, не двигаясь далѣе. Для жизни дѣйственъ и такой страхъ; ибо остепеняетъ и упорядочиваетъ ее, отклоняя отъ всего худаго. Но при немъ остается возможность ограничиться одною вѣншею несправностию безъ исправленія сердца—что есть главное. Почему необходимо другое побужденіе, чтобъ жизнь подвинулась далѣе и выше. Это дѣлаетъ надежда царствія небеснаго—вѣчно блаженнаго. Слово Божіе говоритъ, что въ царствіе Божіе не войдетъ ничто нечистое, и вмѣстѣ учитъ, что страсти дѣлаютъ сердце нечистымъ и слѣдовательно негодимъ для царствія. Отсюда слѣдуетъ: хочешь царствія—очисти сердце. Очищеніе сердца требуетъ трудовъ и лишеній болѣзненныхъ. Къ подытію и перенесенію ихъ ничто такъ не воодушевляетъ, какъ несомнѣнная надежда полученія благъ вѣчныхъ, по неложному обѣтованію Господа. И видимъ, на примѣръ, что св. мучениковъ наипаче поддерживала въ рѣшеніи терпѣть на-

дежда, что въ этотъ часъ немного пострадаю, а тамъ рай и вѣчное блаженство. И Господь говоритъ: вѣрный раба!... былъ ты вѣренъ, вниди въ радость Господа твоего. И на страшномъ судѣ, сказалъ, буду такія полагать рѣшенія: потрудился ты,—прииди, наслѣдуй царствіе. Изъ сего осязательно видно, какъ и это побужденіе пригодно къ теченію доброй жизни. Но и оно бываетъ укорно, когда на немъ останавливаются. Оно дѣлаетъ тогда дѣлателя наемникомъ. Наемникъ—чужой въ домѣ; а царство Божіе есть домъ Божій, въ коемъ никого не будетъ, кромѣ своихъ Богу,—кромѣ Его сыновъ и дочерей. И дѣти работаютъ по дому, иногда даже болѣе работниковъ, но совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ работники. Тѣ работаютъ, чтобъ угодить отцу, и о домашнихъ дѣлахъ пекутся, какъ о своихъ, блага же, какія вкушаютъ живя въ домѣ, считаютъ не наградою, а естественною нѣкоею принадлежностію своею, и въ виду не имѣя полученія ихъ, а считая себя обладателями ихъ по порядку домостройства. Работники же, какъ ни хороши бываютъ, никакъ не могутъ освободиться отъ чувства, что они чужіе, и отъ того помышленія, что работая, работаютъ не для своего дома. Это у добросовѣстныхъ работниковъ не ослабляетъ усердія къ работамъ, въ мѣру найма; но и не сильно возвестъ ихъ усердіе въ такую силу напряженія, чтобъ они, не жалѣя себя, рѣшались на труды болѣе определеннаго въ условіяхъ найма. Подобное нѣчто происходитъ въ душѣ и тѣхъ, кои въ жизни доброй руководятся однимъ только чаяніемъ воздаянія. Они не восходятъ въ полную мѣру доброты, а останавливаются на исполненіи долга, хотя не по одной внѣшней, но и по внутренней его сторонѣ. Почему не могутъ имѣть чувства, что свои суть въ домѣ, а только приняты въ домъ, хотя и прочно къ нему причислены. Чего имъ недостаетъ? Той преданности Господу,—Владыкѣ дома царства,—по которой они держали бы въ сердцѣ: всего себя предаю Тебѣ, Господи, и работать Тебѣ работаю всѣми силами души и тѣла и

всѣмъ достояніемъ моимъ, единственно того ради, да славится всесвятое имя Твое, которое для меня дороже самой жизни. Это есть настроеніе сердца, въ которомъ царствуетъ любовь къ Богу, располагающая Бога въ чувствѣ имѣть своимъ, и себя—Божимъ, равно какъ все Божіе своимъ и все свое Божимъ. И такой чаесть благъ вѣчныхъ, но не какъ воздаянія, а какъ прямой принадлежности того отношенія къ Богу, въ коемъ Бога имѣютъ своимъ и себя—Божимъ, т.-е. принадлежности сыновства. Кто востекаетъ на сію степень, тотъ сынъ въ дому, дышащій одною любовію къ Отцу. И эта послѣдняя степень—въ ряду побужденій къ доброй жизни.

Въ дѣятельной жизни всѣ три побужденія надо держать неослабно, только въ настоящемъ ихъ видѣ. Когда кто востечетъ до сыновней къ Богу любви, тогда у него и страхъ бываетъ сыновній, и чаяніе царствія сыновнее. Пока же кто не достигъ сего, то у него и страхъ и чаяніе царствія еще не въ настоящемъ бывають видѣ. Страхъ въ началѣ пробужденія у всѣхъ почти бываетъ рабскій; но потомъ у однихъ онъ, вслѣдъ за рѣшеніемъ жить богоугодно, начинаетъ переходить въ сыновній, а у другихъ остается рабскимъ. Также и чаяніе царствія заражается послѣ больше или меньше долгихъ трудовъ въ добродѣланіи; но и оно у однихъ постепенно переражается въ сыновнее, а у другихъ остается рабоческимъ.

Больше объ этомъ я не имѣю что сказать. Представить пояснѣе различіе въ этихъ побужденіяхъ, кои очень тонки, затрудняюсь. Кто возьмется за жизнь, какъ слѣдуетъ, и въ теченіи ея направленія предастъ себя Господу, того самъ Господь настроитъ на должныя побужденія и незаблудно проведетъ къ сыновству. Мы всѣ сыны по назначенію; но настоящими сынами становимся не тотчасъ.

LIX.

Спрашиваєте: «что отвѣчать тѣмъ, которые укоряютъ меня, зачѣмъ оставила полезную дѣятельность и стала жить только для себя?»

Спрашивайте ихъ самихъ,—что такое жизнь для себя? Дѣятельно заботиться о спасеніи своей души есть ли жить для себя? Если есть, то я живу для себя. Но такая жизнь не можетъ подлежать укору людскому, потому что одобрена Господомъ, Который спасеніе души поставилъ столь желаемымъ предметомъ, что выше его нѣтъ другаго болѣе желаннаго. Послѣ сего вамъ можно укорять меня развѣ только по той мысли, что жизнь мною избранная не ведетъ ко спасенію. Но и такъ вамъ думать не должно, если вы православны. Ибо жизнь такая Господомъ Спасителемъ предъуказана, и Апостолами установлена, не только какъ спасительная, но и какъ прямѣе и удобнѣе ведущая ко спасенію. Въ Церкви Божіей, съ самаго начала ся основанія, практикуется два пути жизни: одинъ брачный среди житейскихъ и гражданскихъ дѣлъ, связей и отношеній, другой—безбрачный, отъ всего отрѣшенный. И тотъ и другой представили уже премножество спасенныхъ, ннѣ на небесахъ съ Господомъ водворяющихся. Изъ насъ кто хочетъ подражай первымъ, и кто хочетъ, подражай вторымъ,—всякій по силамъ и настроенію.—Послѣ сего вамъ можно еще меня потѣснить развѣ такимъ нападкомъ, что я не по силамъ своимъ взялась за отрѣшенную жизнь.—На это скажу: гожа ли я для этой жизни, дѣло покажетъ. Что касается силъ, то ихъ не менѣе нужно и въ общей жизни, чтобъ вести ее истинно по-христіански, чѣмъ въ жизни мною избранной. Настроеніе же мое болѣе идетъ къ этой, чѣмъ къ той. Не предъ оставленіемъ только общественной дѣятельности я надумала вступить въ чинъ жизни, какую теперь веду. Позывы къ ней—у меня издавна,—могу

сказать, съ дѣтства. Судя по сему я часто думаю, что пройденная мною жизнь въ обществѣ была скорѣе уклоненіемъ отъ Божескаго о мнѣ предназначенія, и что только настоящая моя жизнь попала на слѣдъ воли Божіей о мнѣ.

Вы полагаете, что общественная дѣятельность моя была полезная, а теперешняя бесполезна.—О прежней скажу, что совѣсть не упрекаетъ меня въ томъ, чтобъ я нерадиво исполняла возложенное на меня. Но насколько пользы было отъ меня, объ этомъ не мнѣ судить. Замѣчу только, что теперь, обращаясь назадъ, я ясно вижу, что многое слѣдовало бы дѣлать иначе—и оно было бы полезнѣе; не дѣлано же такъ, какъ теперь кажется лучшимъ, потому, что я незнакома была съ порядками настоящей моей жизни и съ тѣмъ, что она даетъ.

Этимъ послѣднимъ я уже намекаю вамъ, что настоящая моя жизнь не бесполезна, по крайней мѣрѣ для меня. И точно: на первыхъ еще порахъ ея вижу, какъ она полезна. Она уже переладвила весь мой внутренній строй и направила на лучшее. Вы этого знать не можете и судить о семъ не можете. Вамъ надо положиться на свидѣтельство моей совѣсти и свидѣтельство всѣхъ проходящихъ такую жизнь. Всего, что она даетъ, вамъ и растолковать нѣтъ возможности. Потому что наибольшая часть проявленій сей жизни касается совѣмъ другой области, нежели та, въ которой вращается ваша жизнь. Я еще малое нѣчто вкусила отъ сей жизни. Но и по этимъ начаткамъ судя должна по совѣсти заявить, что даемое ею несравненно выше всего, что можетъ дать общая жизнь, даже въ порядкѣ спасительнаго ея препроявленія.

Пусть, скажете, для тебя полезно; но для другихъ отъ этого какая польза?—Теперь еще рано мнѣ объ этомъ думать. Я только начатки полагаю новой сей жизни. Но когда Богъ поможетъ мнѣ установиться въ ней и обогатиться ея опытами, тогда, надо ожидать, будетъ отъ

ней пользы для другихъ болѣе, чѣмъ я могла принести ея въ прежней моей дѣятельности, взявшей наибольшую половину моей жизни. Хотя я не могу еще теперь приносить никакой пользы, но въ чемъ она можетъ быть послѣ, могу и теперь сказать, именно, въ показаніи другимъ путей духовной жизни по собственнымъ опытамъ, пополняемымъ и опытами другихъ. Меня теперь учать сей жизни другіе,—и простые и ученые, которые однакоже увѣряютъ, что то, что они показываютъ, не наука имъ дала, а жизнь. Я усердно внимаю ихъ показаніямъ и изучаю то дѣломъ. Кое-что уже изучила. Буду продолжать и прилагать вѣдѣніе къ вѣдѣнію,—все дѣятельно, а не условно лишь. Вслѣдствіе того стану богата симъ вѣдѣніемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ,—и почувствую потребность подѣлиться имъ съ другими. Когда мнѣ можно будетъ удовлетворять сей потребности, скажутъ мои учителя. Тогда то, что они теперь для меня дѣлаютъ, я стану дѣлать для другихъ, сначала подъ ихъ надзоромъ, а потомъ и одна. И пойдетъ отъ меня польза,—польза для духовной жизни сестеръ и братій.

Теперь, чтобъ избавить меня совсѣмъ отъ укора въ бесполезности принятой жизни, вамъ остается только расширить кругъ полезнаго,—именно отнести къ пользамъ существеннымъ и пользы духовныя. Я не предлагаю ужъ вамъ ставить ихъ выше другихъ, какъ слѣдуетъ. Признайте по крайней мѣрѣ ихъ существенными наряду съ другими. Отсюда выйдетъ, что если я принесу кому либо духовную пользу, то настоящая моя жизнь не бесполезна. Я не утверждаю, что принесу ее; но по порядку дѣла, если буду держать себя какъ должно, то дойду до того, что могу приносить ее. Слѣдовательно у васъ уже не остается никакого стоющаго основанія укорять меня, будто я взялась за такую жизнь, отъ которой не будетъ для другихъ никакой пользы.

Какія это духовныя пользы, я не стану вамъ пространно объяснять. Скажу обще: это тѣ, которыя доставляютъ

ся человѣку въ его трудахъ по устроению: должнаго отношенія своего къ Богу и спасенія души.

Скажите все сіе,—и довольно. Вотъ еще что развѣ прибавьте: скажите мнѣ,—кто не имѣеть вдоволь ни пищи, ни сна, ни покоя; тотъ въ свою ли пользу живетъ? Кто воли своей не имѣеть, и на свои желанія всегда почти получаетъ отказъ, въ свою ли пользу живетъ? Кто трудится трудится, а плодами трудовъ не самъ пользуется, въ свою ли пользу живетъ? Кто и въ возрѣніяхъ своихъ на сущее и бывающее не имѣеть свободы, а долженъ на все смотрѣть, какъ прикажутъ, въ свою ли пользу живетъ? Сказать: да, не можете; ибо во всемъ сказанномъ очевидно своя польза не имѣется въ виду. А скажавши: нѣтъ, сами обличите неправость вашего мнѣ укора: ибо такова жизнь моя. Міряне всѣ для себя живутъ и за всякую другимъ пользу получаютъ тѣмъ или другимъ путемъ отплату; изъ оставляющихъ же міръ никто для себя не живетъ, а несутъ поношеніе, яко для себя только живущіе.

Вотъ и Благовѣщеніе пришло, въ коемъ положено начало исполненію воплощеннаго домостроительства о спасеніи нашемъ. Тогда никому ничего не видно было. Только смиренномудро изрекшая: *буди мнѣ по глаголу твоему*, возчаяла чего-то необычайнаго, и стала объята божественнымъ нѣкимъ свѣтомъ, который разгаданъ и старицею Елисаветою, сотаинницею ея, имѣвшею родить св. Предтечу, сотаинника Господня. Къ нимъ надо причислить только еще св. Захарію. Прочіе всѣ ничего еще не вѣдали. Намъ теперь легко въ началѣ видѣть, какъ въ сѣмени, продолженіе и конецъ. И вотъ занятіе уму въ день Благовѣщенія! Потрудитесь изострѣть ваше умное зрѣніе и обзрите все теченіе нашего возстановленія отъ начала до конца его въ вѣчности. И благословите Господа.

Вы опять больны; но терпите благодушно и Господа благодарите. Се добръ! Даруй Господи вамъ и всегда такъ

держатъ себя въ болѣзняхъ и, прибавлю, въ скорбяхъ,— по искренней вѣрѣ, что все бывающее съ нами идетъ прямо отъ Господа и служить ко благу намъ, душевному. Какую отраду вливаетъ въ сердце это убѣжденіе, и какую крѣпость придастъ нравственному настроенію!

Что прогоняете тотчасъ нахожденія нечувствія и безпечности, добръ творите. И средство — укореніе себя,— идетъ. Прибавьте устрашеніе. Лѣнивцу сказано: связавше ему рудѣ и нозѣ, ввергните во тму кромѣшнюю. И затѣмъ Господа молитѣ ниспослать вамъ живительную струю свѣта отъ престола Своего.

Опять, Богъ далъ, хорошо себя чувствовали въ день св. Причастія. Исповѣдуйте въ семъ великую милость Божію. И размышленіемъ можно дойти до обрадованія сердца, но это обрадованіе какъбы пахнетъ только на душу и пройдетъ. Состояніе же обрадованное прямо есть даръ Божій. Сего ради, чувствуя себя такъ, благодарите Господа, и паче смиряйтесь, боясь, какъ огня, присвоенія себѣ въ семъ какой-либо части: ибо какъ только взойдетъ въ душу, хоть въ малой степени, подобное чуждоприсвоеніе, тотчасъ отойдетъ осѣняющій ее облакъ сей.—Какъ часто вамъ причащаться, порѣшите съ своимъ духовнымъ отцемъ. Я скажу только: можно.

Ваши чувства при воспоминаніи страданій Господа,— что и себя лично въ нихъ укоряете,—настоящія. Такъ есть. Мы всѣ въ нихъ виновны, и по причинѣ виновности въ первородномъ грѣхѣ, и особенно по причинѣ личныхъ нашихъ грѣховъ по крещеніи. Вы смотрите, какъ на примѣръ, на преблагословенную Матерь Божію.— Она была введена въ тайну креста,—и это давало ей мужество стоять у креста, хотя материнское сердце горѣло отъ скорби. Художники не умѣютъ изображать страданіе Божіей Матери при крестѣ, чтобъ оно было и глубоко-скорбно, и вмѣстѣ осіявалось мужествомъ. Сильны ли къ сему мысль и слово, извольте попытать.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ *).

Въ древнія времена Палестина изобиловала пчелами, и о ней безъ преувеличенія можно было говорить какъ о землѣ, текущей медомъ. Пчелы жили въ Палестинѣ на свободѣ, въ дикомъ состояніи, не пользуясь уходомъ со стороны человѣка. Онѣ гнѣздились въ лѣсахъ въ дуплистыхъ деревьяхъ, затѣмъ въ землѣ, особенно же въ разсѣлинахъ скалъ. Обилію пчель благопріятствовало съ одной стороны не малое количество пустынныхъ и скалистыхъ мѣстностей, гдѣ пчелы безпрепятственно могли жить и размножаться, съ другой—необыкновенное множество цвѣтовъ въ обширныхъ фруктовыхъ садахъ и лугахъ, благодаря чему эти полезныя насѣкомыя могли весной и лѣтомъ всюду находить для себя пищу и имѣли возможность дѣлать большіе запасы на осеннее и зимнее время. Въ библейскихъ книгахъ нѣтъ прямыхъ указаній на домашнихъ пчель и на занятіе Евреевъ пчеловодствомъ. Но можно думать, что эта полезная отрасль хозяйства не была чужда древнимъ обитателямъ Палестины. По крайней мѣрѣ Филонъ говоритъ о пчеловодствѣ древнихъ Евреевъ и указываетъ на Ессеевъ, какъ на искусныхъ пчеловодовъ. Затѣмъ о пчеловодствѣ въ древней Палестинѣ свидѣтельствуетъ Мишна. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что главный продуктъ, доставляемый пчелами, медъ Евреи получали отъ дикихъ пчель.

Пчелиный медъ былъ очень любимъ Евреями; они постоянно употребляли его, нерѣдко до пресыщенія (Прит. 25,

*) Начало см. въ январской книжкѣ.

16. 27), и считали однимъ изъ главныхъ средствъ для поддержанія жизни. «Главное изъ всѣхъ потребностей для жизни человѣка, говоритъ древній еврейскій мудрецъ,— вода, огонь, желѣзо, соль, пшеничная мука, медь, молоко, виноградный сокъ, масло и одежда» (Сир. 39, 32; ср. Іезек. 16, 13. 19). Поэтому, если Евреямъ приходилось снабжать кого-либо съѣстными припасами, они въ число этихъ припасовъ почти всегда включали медь. Такъ когда Давидъ, спасаясь бѣгствомъ отъ Авессалома, остановился со своими утомленными и голодными спутниками за Іорданомъ въ Галаадъ, то жители Галаадскіе принесли ему, вмѣстѣ съ мукою, масломъ и другими продуктами, необходимыми для утоленія голода, также и меду (2 Цар. 17, 29). Больной Авія, отправляя къ пр. Ахія свою супругу, прислалъ съ нею къ человѣку Божію десять хлѣбовъ, лепешекъ и кувшинъ меду (3 Цар. 14, 3). — Медь дикихъ пчелъ Евреи собирали въ опредѣленное время и начатки его приносили, согласно съ предписаніемъ закона, въ даръ Господу (Лев. 2, 12; 2 Паралип. 31, 5). Впрочемъ медь не должно было возлагать на жертвенникъ, потому что законъ воспрещалъ что-либо квасное сжигать въ жертву; между тѣмъ медь очень скоро и самъ собою закипаетъ (Лев. 2, 11). Собранные запасы меда Евреи хранили въ особыхъ кладовыхъ, вмѣстѣ съ пшеницею и елемъ (Іер. 41, 8).—Медь употребляли въ пищу или въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей, или же ѣли съ хлѣбомъ (Исх. 16, 31).—Такъ какъ древніе Евреи очень любили медь за его сладость, за пріятное физическое ощущеніе, доставляемое имъ, то они нерѣдко сравнивали съ нимъ все то, что было для нихъ любезно и усладительно въ духовномъ отношеніи. Такъ, по словамъ Приточника, «пріятная рѣчь—сотовый медь» (Притч. 16, 24). «Сотовый медь каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, говоритъ женихъ Пѣсни Пѣсней своей возлюбленной, медь и молоко подъ языкомъ твоимъ» (Пѣсн. П. 4, 11). «Суды Господни истинны, взываетъ псалмопѣвецъ, всѣ праведны.

Они слаще меда и капель сота» (Ис. 18, 10. 11). «Ѣшь, сынь мой, медъ, учитъ Премудрый, потому что пріятенъ, и сотъ, который пріятенъ для гортани твоей: таково и познаніе мудрости для души твоей» (Притч. 24, 13. 14). И сами пчелы, доставлявшія медъ, служили предметомъ для сравненій; но при этомъ принимались во вниманіе не трудолюбіе и предусмотрительность пчель, а инныя ихъ свойства. Именно библейскіе писатели сравнивали съ пчелами непріятельскія войска и вообще враговъ. Въ подобныхъ случаяхъ имѣли въ виду многочисленность пчель, составляющихъ рои, ярость, съ какою онѣ нападаютъ на своихъ недруговъ и преслѣдуютъ ихъ, настойчивость въ преслѣдованіи и ихъ мучительныя, а въ теплыхъ странахъ и опасныя для жизни, укулы (Второз. 1, 44 Иса. 7, 18. 19).

Много дикихъ пчель въ Палестинѣ и въ настоящее время. Какъ въ древности, такъ и теперь, онѣ живутъ въ дуплистыхъ деревьяхъ и, главнымъ образомъ, въ расщелинахъ скалъ, въ мѣстахъ пустынныхъ. Медъ дикихъ пчель собираютъ и доселѣ и продаютъ на мѣстныхъ рынкахъ. Современные обитатели Палестины имѣютъ также домашнихъ пчель и занимаются, по мѣстамъ, пчеловодствомъ. Пчелиныя рои они содержатъ въ ульяхъ, имѣющихъ цилиндрическую форму и выдѣланныхъ изъ глины и рубленой соломы.

Саранча—этотъ страшный бичъ древней и современной Палестины—по своимъ особенностямъ, по тѣмъ страшнымъ опустошеніямъ, которыми сопровождается ея нашествіе, занимаетъ выдающееся мѣсто между насѣкомыми св. Земли и невольно останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе.

Саранча принадлежитъ къ семейству прямокрылыхъ насѣкомыхъ, имѣющему въ Палестинѣ многочисленныхъ представителей. Къ признакамъ, характеризующимъ саранчу, относятся прежде всего заднія ноги насѣкомаго, которыя гораздо длиннѣе четырехъ переднихъ; длина ихъ

равняется длинѣ всего туловища. Заднія ноги саранчи обладают сильными бедрами, которыя, въ соединеніи съ длинными голеними, даютъ насѣкомому возможность перепрыгивать на очень значительныя разстоянія. Кромѣ заднихъ ногъ, саранчу характеризуетъ особымъ образомъ устроенная голова. Голова ея имѣетъ отвѣсное положеніе (ртомъ направлена прямо къ землѣ) и снабжена большими и крѣпкими челюстями, изъ коихъ верхняя усажена зубами. Дальнѣйшіе характерные признаки саранчи суть слѣдующіе: большіе глаза, многочленные щупальца, большой шейный щитокъ, состоящее изъ девяти колець туловище, трехсуставныя ноги и четыре, по большей части одинаковой длины, крыла. Заднія крылья саранчи значительно шире переднихъ и, когда насѣкомое находится въ спокойномъ состояніи, складываются на подобіе вѣера; они нерѣдко имѣютъ необыкновенно красивую и самую разнообразную окраску (у такъ называемой странствующей саранчи они, напримѣръ, яркожелтаго цвѣта). Болѣе узкія, подобныя тонкой кожѣ или пергаменту, переднія крылья служатъ покрывкою для заднихъ и также имѣютъ различную окраску, а нерѣдко и очень красивые узоры.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Палестинѣ, сѣверной зимѣ соотвѣтствуетъ періодъ дождей, самки саранчи кладутъ яички въ началѣ этого періода. Передъ кладкою яичекъ самка вырываетъ въ разрыхленной дождемъ землѣ ямку съ помощью четырехъ роговыхъ крючковидныхъ вилецъ, которыми заканчивается послѣднее кольцо ея туловища, и затѣмъ приготовленное помѣщеніе наполняетъ яичками; сложенные яички заключаются въ мѣшечкахъ или коконахъ. Каждая самка кладетъ, по большей части въ нѣсколько пріемовъ, до ста и болѣе яичекъ. Дитеныши саранчи выходятъ изъ яичекъ весною. Въ Палестинѣ это происходитъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Полнаго своего развитія саранча достигаетъ приблизительно чрезъ шесть недѣль; въ этотъ періодъ времени она четыре раза мѣняетъ свою кожицу. Принад-

лежа къ насѣкомымъ съ неполнымъ превращеніемъ, она, при каждомъ сбрасываніи, является постоянно въ однообразной формѣ. Впрочемъ крылья саранчи вполнѣ сформировываются лишь послѣ четвертой перемѣны кожицы, и только съ этого времени она получаетъ способность летать, а до тѣхъ поръ она ползаетъ или прыгаетъ и обыкновенно называется пѣшею.

Саранча обладаетъ способностію размножаться въ громадномъ количествѣ. Ея необычайному размноженію содѣйствуютъ — прежде всего обиліе яичекъ, складываемыхъ каждою самкою насѣкомаго, а затѣмъ главнымъ образомъ внѣшнія обстоятельства, и именно теплая и сухая весна и жаркое лѣто. При этихъ благопріятныхъ условіяхъ не пропадаетъ ни одного яичка саранчи, и ни одна самка не погибаетъ сама по себѣ, не сложивши яичекъ.

Саранча принадлежитъ, можно сказать, ко всеяднымъ насѣкомымъ и отличается необыкновенною прожорливостію. Она питается всевозможными растеніями: злаками, травами и зеленью деревьевъ. Но она рѣшительно предпочитаетъ злаки, и изъ нихъ, въ особенности, тростникъ, кукурузу, просо; всѣ прочія хлѣбныя растенія составляютъ также ея любимую пищу. Гречиху она поѣдаетъ уже послѣ другихъ хлѣбныхъ растеній. На ленъ и коноплю она нападаетъ рѣдко и, вѣроятно, при недостаткѣ другой болѣе лакомой пищи; нѣкоторыя кормовыя травы, какъ на примѣръ клеверъ, ѣстъ неохотно. При недостаткѣ пищи на поляхъ, саранча переходитъ въ огороды, сады, а также въ лѣса. Саранча съѣдаетъ лишь извѣстныя части растеній. Ея нападенію подвергаются преимущественно листья какъ злаковъ и травъ, такъ и лѣсныхъ породъ. Если ей листья не по вкусу, какъ на примѣръ у виноградныхъ лозъ, то она обгрызаетъ черешки листьевъ. Въ деревьяхъ саранча поѣдаетъ всего охотнѣе самыя нѣжныя части растеній, такъ на примѣръ у сосны сѣмянодоли, еще до сбрасыванія сѣменной оболочки; но потомъ она переходитъ и къ болѣе твердымъ частямъ, въ край-

нихъ случаяхъ къ корѣ и даже древесинѣ. Нападая на рожь или другое хлѣбное растеніе, саранча обыкновенно перекусываетъ первоначально стебель немного ниже колоса, который и падаетъ на землю; затѣмъ, становясь на обѣ заднія пары ногъ, она переднею парю держитъ предъ собою стебель, который обгрызаетъ сверху внизъ; пододвигая голову подъ грудь, она откусываетъ въ одинъ разъ довольно значительный кусокъ, насколько можетъ достать челюстями. Съ хлѣбными колосьями саранча справляется очень быстро; такъ проголодавшееся насекомое истребляетъ, въ четверть часа, отъ осьми до десяти колосевъ ржи. Въ случаяхъ сильнаго голода, саранча бросается на всякіе растительные предметы, какъ-то: на соломенные крыши, на паруса кораблей; такъ нѣкто Оузелей (Ouseley) сообщаетъ, что саранча однажды напала на судно, при переѣздѣ изъ Бомбея въ Абушеръ, и въ самое короткое время настолько испортила паруса, что они сдѣлались совершенно негодными къ употребленію. Добычею голодной саранчи становятся даже вещества животныя: съ голоду она обгрызаетъ на примѣръ шерстяныя платья. Въ крайней нуждѣ саранча нападаетъ другъ на друга и вырываетъ одна у другой куски тѣла. Съ другой стороны, саранча крайне вынослива относительно голода: она можетъ существовать безъ пищи отъ 11 до 16 дней.

Къ наиболѣе выдающимся свойствамъ, характеризующимъ саранчу, принадлежитъ ея оклонность соединяться въ общества, жить въ массахъ. По выходѣ изъ яичекъ, дигеныши саранчи, принадлежащія одному гнѣзду, не расплзаются въ разныя стороны, но остаются жить въ кучкѣ. Эти первичныя кучки мало-по-малу соединяются съ другими подобными имъ общинами и образуютъ довольно многочисленныя группы, напоминающія собою муравейникъ по живости и непрерывности движеній молодыхъ насекомыхъ. Группы молодой саранчи, по мѣрѣ возрастанія ихъ членовъ, все болѣе и болѣе расширяются

и, смѣшиваясь на своемъ пути съ другими встрѣчными группами, разрастаются въ большія общества. Эта наклонность саранчи жить въ массѣ не оставляетъ ее и послѣ окрылѣнія. Получивъ возможность летать, саранча однакоже не разлетается, но продолжаетъ жить въ тойже массѣ, въ какую соединилась, находясь еще въ пѣшемъ состояніи. При своей склонности соединяться въ общества и при способности къ необычному размноженію, саранча въ тѣ годы, которые особенно благопріятствуютъ ея развитію и жизни, появляется въ несмѣтныхъ количествахъ. Случается, что колонны пѣшей саранчи покрываютъ густымъ слоемъ пространство земли въ двадцать верстъ длины и болѣе чѣмъ на версту ширины; случается, что колонны эти, начиная двигаться въ извѣстномъ направленіи, проходятъ мимо извѣстнаго пункта въ продолженіе цѣлыхъ семи и даже девяти дней. Что касается саранчи окрылившейся, то она перелетаетъ съ мѣста на мѣсто нерѣдко громадными тучами въ нѣсколько верстъ и настолько густыми, что онѣ помрачаютъ собою солнце. Эти тучи нѣсколько похожи на мятель съ крупными снѣжинками, особенно въ то время, когда крыльями насѣкомыхъ отражаются солнечные лучи; издали они кажутся желтоватыми клубами дыма. При перелетѣ въ громадныхъ массахъ саранча издаетъ шумъ, который сравнивали и сравниваютъ то съ журчаніемъ ручьевъ, то съ шумомъ мельничнаго колеса или водопада, то съ шорохомъ падающаго въ воду проливнаго дождя, то съ бушеваніемъ вѣтра и т. п.

Способность къ необычному размноженію, прожорливость и склонность жить въ обществахъ дѣлаютъ саранчу грознымъ бичемъ природы и чловѣка. Съ появленіемъ массъ саранчи въ той или другой мѣстности, здѣсь погибаютъ поля, луга сады, и молодыя рощи. Въ сто хлѣбныхъ растений и густой луговой травы, саранча оставляетъ послѣ себя почти одну голую землю; деревья лишаются листьевъ и коры на молодыхъ побѣгахъ; ихъ

вѣтви обламываются подѣ тяжестью великаго множества насѣкомыхъ; и цвѣтущій край въ самое короткое время превращается въ печальную безжизненную пустыню. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого опустошенія являются безкормица и безхлѣбца: скотъ начинаеть падать, населеніе—страдать отъ голода. Не менѣе вредны и дальнѣйшія слѣдствія пребыванія саранчи въ извѣстной мѣстности. Уходя изъ опустошеннаго края, массы саранчи оставляють послѣ себя отвратительныя слѣды, именно множество помета и труповъ погибшихъ насѣкомыхъ. Эти остатки, разлагаясь мало-по-малу, дѣлають воздухъ смраднымъ, заражаютъ его, что производитъ болѣзни, отъ которыхъ гибнуть какъ люди, такъ и животныя.

Къ числу выдающихся особенностей, характеризующихъ саранчу, слѣдуетъ также отнести ея стремленіе къ передвиженію съ мѣста на мѣсто или къ странствованіямъ. Въ періодъ времени между вторымъ сбрасываніемъ кожицы и кладкою яицъ саранча не остается на одномъ мѣстѣ, но подвигается все впередъ и впередъ въ опредѣленномъ направленіи, дѣлая лишь краткія, сравнительно, остановки для питанія и отдыха. Саранча трогается въ путь обыкновенно утромъ, послѣ того какъ солнце высушитъ ночную росу и обогрѣеть землю; при этомъ пѣшая саранча ползеть (не прыгаетъ), окрылившаяся дѣлаеть перелеты. Стремленіе саранчи подвигаться впередъ—стремленіе неудержимое. Такъ колонны пѣшей саранчи, двинувшіяся въ путь, ничѣмъ не могутъ быть остановлены. Ни рѣки, какъ бы онѣ ни были велики, ни овраги, ни селенія не составляютъ препятствія для этихъ колоннъ, не могутъ отклонить ихъ отъ однажды взятаго направленія: колонны идутъ прямо. Приблизившись къ рѣкѣ, передовые отряды саранчи немедленно входятъ въ воду, нѣкоторое время плывутъ впередъ и затѣмъ, выбившись изъ силъ, погибають. Но на погибшіе передовые отряды безостановочно надвигаются слѣдующіе задніе и вскорѣ образуютъ на поверхности

воды довольно густой слой. Слой этотъ мало-по-малу становится все шире и плотнѣе и несмотря на то, что вода относить его внизъ по теченію, онъ постепенно удлинняется по направленію къ противоположному берегу, а наконецъ и достигаетъ его. Такимъ образомъ появляется живой мостъ, перекинутый наискось съ одного берега рѣки на другой. По этому мосту оставшая часть колонны переправляется уже безъ значительныхъ потерь. Нѣчто подобное совершается при встрѣчѣ съ оврагами. Передовые отряды саранчи падаютъ въ оврагъ до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ его и не приготовятъ удобнаго пути для прочихъ своихъ товарищей, слѣдующихъ позади. Достигнувъ какого либо населеннаго мѣста, саранча не останавливается и въ этомъ случаѣ: она переползаетъ черезъ заборы, стѣны и строенія, стоящія на ея пути. Точно также безостановочно и прямо держитъ свой путь и окрылившаяся саранча; она не прекращаетъ своего полета и не сворачиваетъ въ сторону даже тогда, когда предъ нею встаютъ высокія снѣжныя горы или открывается безбрежное море, гдѣ ее ждетъ неминуемая гибель. Временныя краткія остановки саранча дѣлаетъ въ ночную пору, начиная съ захода солнца и появленія росы. Впрочемъ въ лунныя и сухія ночи ея движеніе впередъ не прекращается до полуночи. Періодъ спариванія и кладки яицъ полагаетъ предѣлъ передвиженію странствующаго насѣкомаго. Саранча въ это время останавливается на одномъ мѣстѣ; ея густыя массы начинаютъ рѣдѣть, разбиваться на мелкія кучки и съ окончаніемъ кладки яицъ вымирать.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ странствующая или перелетная саранча постоянно гнѣздится и нерѣдко появляется въ громадныхъ массахъ, населеніе ведетъ энергическую борьбу съ этимъ страшнымъ врагомъ, прибѣгая къ различнымъ мѣрамъ для его истребленія или по крайней мѣрѣ для его удаленія отъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, и садовъ. Къ числу наиболѣе употребительныхъ мѣръ при-

надлежать—приготовленіе глубокихъ канавъ и устройство костровъ на пути слѣдованія пѣшей саранчи. Заползшую или загнанную въ канавы саранчу такъ или иначе истребляютъ; съ помощью горящихъ костровъ также сжигаютъ немало саранчи, а главное—заставляютъ ее хотя нѣскольکو измѣнить направленіе пути. Что касается саранчи уже окрылившейся, то съ цѣлю согнать ее съ полей, на которыя она опустилась, производятъ сильный шумъ; этотъ шумъ пугаетъ саранчу: она поднимается, не успѣвши нанести полямъ существеннаго вреда, и летитъ далѣе.

На помощь человѣку въ его вообще малоуспѣшной борьбѣ съ саранчею является, по временамъ, природа. Саранча не можетъ выносить чрезмѣрной влаги, и потому дожди губельно дѣйствуютъ на нее. Если весною идутъ дожди, то яички саранчи обыкновенно гнивають, а молодые дитеныши, успѣвшіе выйти изъ гнѣздъ, не въ состояніи бываютъ развиваться и скоро пропадаютъ. Дожди осенніе, особенно если они сопровождаются холодомъ, скоро доводятъ саранчу до болѣзненнаго состоянія: она крайне ослабѣваетъ и гибнетъ во множествѣ, прежде чѣмъ успѣетъ сложить яички. Окрыленная саранча не въ силахъ противиться вѣтру, летѣтъ противъ него; поэтому сильный вѣтеръ при встрѣчѣ съ тучами саранчи, во время ихъ передета, или относитъ ихъ въ сторону, или поворачиваетъ назадъ и такимъ образомъ избавляетъ отъ опустошенія мѣстности, лежавшія на пути первоначальнаго слѣдованія страшныхъ насѣкомыхъ. Случается, что вѣтеръ, подхваченную имъ тучу саранчи уноситъ въ близлежащее море, гдѣ она и тонетъ. Впрочемъ услуга, которую въ послѣднемъ случаѣ оказываетъ вѣтеръ прибрежнымъ жителямъ, обращается по большей части во вредъ послѣднимъ. Правда, поля ихъ освобождаются отъ опустошенія; но за то массы погибшей саранчи, выброшенная волнами на берегъ и подвергшіяся разложенію, портятъ воздухъ и служатъ источникомъ многихъ болѣзней.

Самыми полезными союзниками людей въ борьбѣ съ саранчею должны быть признаны нѣкоторыя породы птицъ; въ особенности это слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ розовыхъ или каменныхъ скворцахъ. Эти птицы—естественные, непримиримые враги саранчи и истребляютъ ее въ несмѣтномъ количествѣ. Первымъ побужденіемъ для розовыхъ скворцовъ истреблять саранчу служитъ голодъ: они питаются ею. Но и совершенно сытые, они продолжаютъ охотиться за саранчею и при этомъ обнаруживаютъ неимовѣрное усердіе. Съ быстротою молніи носятся они въ тучахъ непамятныхъ имъ насѣкомыхъ и убиваютъ ихъ крыльями и клювомъ; они даже не даютъ себѣ времени вполне убить свою жертву, но только обкусываютъ у ней или ноги или крылья. Это дѣлается съ такимъ проворствомъ, что падающіе трупы саранчи представляются хлопьями густо падающаго снѣга. Еще съ большою энергіей и еще въ большемъ количествѣ истребляютъ скворцы саранчу пѣшую, отыскивая ее въ утренніе часы и подъ вечеръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, въ первыхъ стадіяхъ развитія, собирается на ночь группами.

Для Евреевъ, какъ народа по преимуществу земледѣльческаго и притомъ обладавшаго обширными стадами, саранча должна была казаться особенно страшнымъ врагомъ. И не напрасно Моисей указывалъ на нее, какъ на великую кару со стороны разгнѣваннаго Господа—кару, которая можетъ быть отклонена лишь точнымъ исполненіемъ божественнаго закона (Второз. 28, 15. 38). Дѣйствительно, время отъ времени саранча дѣлала свои опустошительныя нашествія на Обѣтованную землю, и землю эту, красовавшуюся какъ садъ Едемскій, обращала въ безжизненную пустыню. Она безъ пощады уничтожала все: хлѣбныя злаки и луговныя травы, фруктовыя сады и виноградники, такъ что народъ оставался безъ хлѣба и пастбищъ, безъ плодовъ, вина и селя. Всеистребляющее насѣкомое, являвшееся притомъ въ несмѣтныхъ массахъ, представлялось древнимъ Евреямъ столь могущественнымъ

непріятелемъ, что они считали себя предъ нимъ совершенно безсильными и ничтожными (Амос. 7, 1—3) и не помышляли о возможности борьбы съ нимъ. Единственное средство спастись отъ него они видѣли въ обращеніи къ Господу, въ покаяніи, постѣ и молитвѣ (Іоил. 2, 12—27). Вслѣдствіе того, что саранча была въ древней Палестинѣ нерѣдкимъ, хотя и крайне нежеланнымъ гостемъ, мы встрѣчаемъ въ библейскихъ книгахъ сравнительно очень частыя упоминанія о ней; а пр. Іоиль кромѣ того даетъ въ своей книгѣ подробное, полное поэтическаго одушевленія изображеніе тѣхъ горестныхъ слѣдствій, которыми сопровождается нашествіе саранчи, и самаго ея нашествія, при чемъ пророкомъ указаны отчасти характерныя особенности въ строеніи страшнаго насѣкомаго.

«Пришелъ на землю мою народъ сильный и безчисленный; зубы у него—зубы львиные, и челюсти у него какъ у львицы. Опустошилъ онъ виноградную лозу мою, и смоковницу мою обломалъ, ободралъ ее догола и бросилъ; сдѣлались бѣлыми вѣтви ея. Прекратилось хлѣбное приношеніе и возліаніе въ домѣ Господнемъ. Опустошено поле, сѣтуетъ земля; ибо истребленъ хлѣбъ, высохъ виноградный сокъ, завяла маслина. День тьмы и мрака, день облачный и туманный; какъ утренняя заря, распространяется по горамъ народъ многочисленный и сильный, какого не бывало отъ вѣка, и послѣ того не будетъ въ роды родовъ. Предъ нимъ пожираетъ огонь, а за нимъ палитъ пламя; передъ нимъ земля какъ садъ Едемскій, а позади его будетъ опустошенная степь, и никому не будетъ спасенія отъ него. Видъ его какъ видъ коней, и скачутъ они какъ всадники; скачутъ по вершинамъ горъ какъбы со стукомъ колесницъ, какъбы съ трескомъ огненнаго пламени, пожирающаго солому, какъ сильный народъ, выстроенный къ битвѣ. При видѣ его затрепещутъ народы, у всѣхъ лица поблѣднѣютъ. Какъ борцы, бѣгутъ они, и какъ храбрые воины, влѣзаютъ на стѣну,

и каждый идетъ своею дорогою' и не сбивается съ путей своихъ. Не давятъ другъ друга, каждый идетъ своею стезею, и падаютъ на копыя, но остаются невредимы. Бѣгають по городу, поднимаются на стѣны, влѣзають на дома, входятъ въ окна какъ воръ. Предъ ними потрясется земля, поколеблется небо; солнце и луна помрачатся, и звѣзды потеряють свой свѣтъ» (Иоил. 1, 6. 7. 9. 10; 2, 2—10).

Нельзя не замѣтить, что это пророческое изображение, несмотря на свой поэтический языкъ, отличается строгимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности и многое изъ того, что изслѣдователи нашихъ дней подмѣтили въ саранчѣ, какъ нѣчто новое, доселѣ неизвѣстное, было уже наблюдаемо древнимъ пророкомъ и было хорошо ему извѣстно.

Древніе Евреи, руководствуясь закономъ Моисеевымъ (Лев. 11, 22), употребляли саранчу въ пищу и, въ случаяхъ нужды, питались почти ею одною. Такъ извѣстно, что для Иоанна Крестителя, во время его пребыванія въ пустынѣ, пищею служили лишь саранча и медъ дикихъ пчель (Мѡ. 3, 4; Марк. 1, 6). Впрочемъ саранчу ѣли въ древности не одни Евреи. Употребленіе въ пищу этого насѣкомаго было распространено и въ соседнихъ съ Палестиною странахъ, между прочимъ въ Ассиріи, гдѣ саранча считалась очень вкуснымъ блюдомъ и употреблялась даже за царскимъ столомъ. Въ развалинахъ дворца Санхериба, открытыхъ въ Куянджикѣ, на стѣнѣ одной изъ сохранившихся галлерей, недавно найдена картина, на которой изображены служители, несущіе для царскаго стола фрукты, дичь и другую провизію. Въ числѣ этихъ служителей находятся и такіе, которые несутъ засушенную и папизанную на тонкихъ палочкахъ саранчу.

Палестина и въ настоящее время, какъ въ древности, много терпитъ отъ нашествій саранчи. Саранча появляется здѣсь, время отъ времени, цѣлыми тучами и уничтожаетъ растительность на очень значительныхъ простран-

ствахъ. Такъ Робинзонъ, во время путешествія по Палестинѣ въ 1838 году, встрѣтилъ на пути къ Назарету молодую еще не окрылившуюся саранчу, которая покрывала собою, между прочимъ, всѣ окрестности города на далекое разстояніе и истребляла сады, виноградники и вообще всякую зелень. Съ цѣлю ся истребленія Арабы, по мѣстамъ, зажигали костры; мѣра эта, однако, оказывалась малоуспѣшною. Правда, у горящихъ костровъ саранча гибла въ большомъ количествѣ; но ея было такъ много, что эта убыль оставалась незамѣтной и разрушительная дѣятельность прожорливыхъ насѣкомыхъ продолжалась неослабно (Robinson, Palästina, III, s. 432. 33). Особенно сильно пострадала Палестина отъ саранчи въ 1865 г. На этотъ разъ она шла по странѣ сплошными массами и, несмотря ни на какія препятствія, не измѣняла однажды принятаго направленія. Такъ напр. всѣ постройки Назарета не могли принудить ее уклониться отъ прямого пути. Насѣкомыя, какъ въ дни прор. Іоила, перебирались чрезъ стѣны, чрезъ зданія, проникали чрезъ окна и двери въ жилища и наполняли ихъ, такъ что нѣкоторые изъ жителей города принуждены были на время выселиться въ другія мѣста (Richm, 611 *).

*) Въ подлинномъ текстѣ въ Библии содержится цѣлый рядъ именъ, которыя употреблялись Евреями для обозначенія саранчи. Имена эти слѣдующія: *арбе*, *соламъ*, *харюль*, *хагабъ*, *іелекъ*, *хасиль*, *гасамъ*, *юбъ*, *юбай*, *юбимъ*. Одни изъ этихъ именъ указывали на саранчу въ той или другой стадіи ея развитія; такъ словомъ *арбе* называлась саранча окрыленная, словомъ *іелекъ* — саранча пѣшая. Другими именами, каковы *саламъ*, *харюль*, *хагабъ* обозначались различныя виды саранчи, но какіе именно, неизвѣстно. Опредѣлить специальное значеніе прочихъ наименованій современные гербрансты затрудняются. — Въ русскомъ (синодскомъ) переводѣ Библии названіе *арбе* всюду переведено словомъ „саранча“; прочія наименованія или оставлены безъ перевода, или же въ различныхъ мѣстахъ переведены различно. Такъ *хагабъ* въ Лев. 11, 22 оставлено безъ перевода; въ Числ. 13, 34; 2 Парал. 7, 13; Иса. 40, 22 переведено словомъ „саравча“; въ Еккл. 12, 5 — словомъ „кузпечикъ“; *іелекъ* въ Пс. 104.

Палестина въ древности изобиловала влагою, особенно по сравненіи съ настоящимъ временемъ. Въ страпѣ было много потоковъ, почти никогда не пересыхавшихъ, много болотистыхъ мѣстностей и очень много прудовъ и цистернъ. Такое обиліе влажныхъ мѣстъ должно было способствовать чрезмѣрному размноженію мелкихъ жалящихъ насѣкомыхъ, каковы комары, москиты, слѣпни и многіе другіе, такъ какъ влажныя мѣста представляютъ, въ теплое время года, наиболѣе благоприятныя условія для развитія молодыхъ поколѣній названныхъ насѣкомыхъ. И дѣйствительно эти насѣкомыя, которыя были обозначены у Евреевъ однимъ общимъ названіемъ «зевувъ», водились въ св. Землѣ въ чрезмѣрномъ количествѣ и причиняли не мало мучительнаго безпокойства какъ людямъ, такъ и животнымъ. Чтобы укрыться, насколько возможно, отъ нападенія мелкихъ назойливыхъ тварей въ ночное время, обитатели Палестины ограждали свои постели особеннаго рода занавѣсами. Указаніе на эти занавѣсы мы находимъ въ кн. Юдиѣ (Юд. 13, 6. 15)*. Особенно много этихъ тварей водилось на равнинахъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, гдѣ паслись многочисленныя стада Евреевъ и Филистимлянъ. Для стадъ они составляли истинное мученіе и не было никакой возможности освободиться отъ нихъ. Поэтому Филистимляне находили себя вынужденными обращаться къ своимъ богамъ съ просьбами о защитѣ отъ ничтожныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныхъ по своему количеству, враговъ. Съ просьбами подобнаго рода Филистимляне пре-

34; Наум. 3, 15 переведено словомъ „гусеница“; въ Іер. 51, 27; Наум. 3, 16—словомъ „саранча“; въ Іоил. 1, 4; 2, 25—словомъ „черви“; *хасиль* въ Пс. 77, 46—словомъ „гусеница“, въ 3 Цар. 8, 37—словомъ „червь“, въ Іоил. 1, 4—словомъ „жуки“, и т. д.

*) Въ русскомъ переводѣ Библии Юдиѣ. 13, 6. 15 говорится о занавѣсѣ, который былъ прикрѣпленъ къ столбамъ кругомъ постели. Словомъ „занавѣсъ“ здѣсь переведено греческое слово κωυψησιον (отъ κωυψη комаръ), что собственно значитъ занавѣсъ отъ комаровъ.

имущественно прибѣгали къ идолу Ваала, находившемуся въ Аккаронѣ; отсюда идолъ этотъ назывался *Веельзевуъ*, что значитъ богъ, господинъ мухъ (4 Цар., 1, 2. 3. 6) *).

И въ настоящее время Палестина не избавлена отъ комаровъ, слѣпней и вообще отъ разнаго рода жалящихъ мухъ. Въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ, гдѣ во дворѣ каждаго дома находится цистерна, мелкія безпокойныя насѣкомыя въ лѣтнее время отравляютъ жизнь обитателей, такъ какъ ихъ непріятное и непрерывное жужжанье и очень чувствительные и болѣзненныя уколы дѣлаютъ невозможнымъ по почамъ спокойный сонъ. Въ Іорданской равнинѣ довольно крупныя и кровожадныя мухи причиняютъ много страданій стадамъ, которыя тамъ пасутся. Бываютъ случаи, что черныя мелкія мушки, заползающія въ ротъ и ноздри людей и животныхъ, цѣлыми тучами нападаютъ на лагеря бедуиновъ, кочующихъ въ Палестинѣ, и избавиться отъ нихъ, и то съ трудомъ, можно лишь съ помощью костровъ, которые раскладываются кругомъ лагеря. Дымъ отъ костровъ обыкновенно разгоняетъ непрошенныхъ и крайне безпокойныхъ посѣтителей.

*) Не одни Филистимляне обращались къ своимъ богамъ съ просьбами о защитѣ отъ жалящихъ мошекъ и мухъ; то же было въ древности у Грековъ и Римлянъ. Такъ напр. греческіе пастухи въ Элидѣ приносили жертвы Зевсу, называвшемуся *απομύος* (т. е. Зевсу, мухъ прогоняющему).

Наименованіе „Веельзевуъ“ находилось, во времена Христа Спасителя, во всеобщемъ употребленіи между Іудеями для обозначенія сатаны, какъ верховнаго начальника злыхъ духовъ. При этомъ впрочемъ Іудеи нѣсколько измѣнили древнее наименованіе аккаронскаго идола: говорили не Веельзевуъ, а—Веельзевулъ. Но это незначительное, повидимому, измѣненіе въ одномъ звукѣ совершенно измѣняетъ смыслъ слова: Веельзевуъ значитъ богъ, или господинъ мухъ, „Веельзевулъ“ же, на арамейскомъ нарѣчій, значитъ господинъ, или начальникъ грязи, нечистоты. Изъ этого названія видно, что у Іудеевъ время Христово сложилось опредѣленное представленіе о сатанѣ, какъ виновникѣ всего печальнаго и злаго въ мірѣ.

Значительную долю богатства древних зажиточных Евреевъ составляли запасы одежды (Іов. 27, 16; Лук. 15, 22). Запасы эти, на ряду съ запасами другихъ цѣнныхъ вещей, постоянно пополнялись и передавались по наслѣдству, такъ какъ, при простотѣ и неизмѣнности покроя восточныхъ одеждъ, онѣ были одинаково пригодными какъ для отцовъ, такъ и для дѣтей. Но при обилии различнаго рода одѣяній, трудно было беречь ихъ надлежащимъ образомъ, слѣдить за ихъ сохранностію. Поэтому, въ кладовыхъ для одежды нерѣдко развивалась, отъ недосмотра владѣльцевъ, сырость, что, въ свою очередь, способствовало размноженію *моли*, которая, въ видѣ личинокъ, быстро приводила въ негодность наиболѣе цѣнныя шерстяныя одѣянія и такимъ образомъ уничтожала крупную часть имущества. Вслѣдствіе-то этого, въ числѣ враговъ, наиболѣе опасныхъ для накапливаемыхъ сокровищъ, моль у Евреевъ всегда занимала видное мѣсто, вмѣстѣ съ ржавчиною и ворами (Мѡ. 7, 19. 20; Лук. 12, 23; Іак. 5, 2; Вар. 6, 11. 71). Отсюда же въ Библии нерѣдко встрѣчаются образы, заимствованные отъ одеждъ, разрушенныхъ молью, и отъ самой моли, при чемъ извѣденная молью одежда служить обыкновенно образомъ крайней хрупкости и неустойчивости (Іов. 13, 28; Пс. 38, 12; Иса. 50, 9; 51, 8), моль—образомъ причиняющей вредъ, а также разрушительной силы (Спр. 42, 13; Ос. 5, 12). Извѣстно, что личинки моли, гнѣздящіяся въ одеждѣ, устраиваютъ вокругъ себя тонкую, легкоразрушимую оболочку изъ того матеріала которымъ хищнически питаются. Въ кн. Іова 27, 18 такая оболочка называется «домомъ моли» и ей уподобляется домъ беззаконнаго чловѣка. Это потому, что беззаконникъ устраиваетъ свой домъ и вообще пріобрѣтаетъ благосостояніе путемъ неправды и хищеній; но благосостояніе, такимъ образомъ пріобрѣтенное, обыкновенно, бываетъ непрочно и, подобно «дому моли», скоро разрушается (Іов. 27, 13—22).

Шершни—одинъ изъ видовъ осъ, отличающійся отъ другихъ сходныхъ съ нимъ видовъ своею величиною. Раздраженные кѣмъ или чѣмънибудь, шершни съ яростию бросаются на людей и животныхъ и своими уколами причиняютъ очень сильную и крайне мучительную боль. Поэтому иногда бываетъ, что нападеніе незначительнаго роя шершней приводитъ въ ужасъ цѣлое стадо, при чемъ животныя, спасаясь отъ мучительныхъ укуловъ, обращаются въ безпорядочное и дикое бѣгство. О шершняхъ упоминается въ Исх. 23, 28; Второз. 7, 20; 1. Нав. 24, 12; Прем. 12, 8. Именно, во всѣхъ этихъ мѣстахъ говорится, что Господь, при посредствѣ шершней опредѣлилъ изгнать и дѣйствительно изгналъ Хананесвъ предъ лицомъ Израиля. Вѣроятно же всего, что во всѣхъ указанныхъ цитатахъ—рѣчь образная и соотвѣтственный ей смыслъ тотъ, что не оружіемъ Израиля побѣждены Хананеи, но что самъ Господь положилъ навести и дѣйствительно навелъ на нихъ ужасъ, привелъ ихъ въ великое смятеніе (Второз. 7, 23), и они слышавъ о приближеніи народа Божія, обратились въ бѣгство, подобно тому какъ животныя приходятъ въ ужасъ и въ изступленіи бѣгутъ, замѣтивъ приближеніе разъяренныхъ шершней. Возможно впрочемъ и буквальное пониманіе указанныхъ мѣстъ, такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ писателей (Эліанъ), бывали случаи, что цѣлыя племена оставляли свои жилища вслѣдствіе размноженія въ занимаемой ими мѣстности дикихъ пчелъ и осъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападений этихъ насѣкомыхъ. Очень могло быть то, что во время завоеванія Ханаана Израильтянами Хананеи страдали, по Божественному опредѣленію, отъ различныхъ естественныхъ бѣдствій, между прочимъ отъ чрезмѣрнаго размноженія осъ, шершней и тому подобныхъ насѣкомыхъ, что, понятно, смущало ихъ, лишало ихъ мужества и такимъ образомъ облегчало побѣду надъ ними завоевателей.

Шершни водятся въ св. Землѣ и въ настоящее время. Ученый изслѣдователь Палестины, Англичанинъ Тристрамъ (Tristram), нашелъ здѣсь четыре вида этихъ насѣ-

комыхъ. Изъ нихъ два устраиваютъ свои гнѣзда на деревьяхъ, другіе два живутъ въ расщелинахъ скаль и въ землѣ, гдѣ они наполняютъ свои помѣщенія большими, горизонтально расположенными медовыми сотами (Rehm, 642—643; Kurzgefasstes exeg. Handbuch. 12 Lief. 2 Aufl. S. 253).

Муравьи своими замѣчательными особенностями съ древнѣйшихъ временъ обращали на себя вниманіе всѣхъ наблюдателей природы. Они также служили предметомъ наблюденія и для сврейскихъ мудрецовъ, и эти послѣдніе, называя муравьевъ мудрыми (Притч. 30, 24. 25), преимущественно удивлялись неусыпному трудолюбію этихъ насѣкомыхъ, ихъ предусмотрительности и тому строгому порядку, въ какомъ они производятъ свои работы, не нуждаясь при этомъ въ какихъ-либо стороннихъ понужденіяхъ и указаніяхъ (6, 6—8).

Священникъ Николай Елеонскій.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

По поводу годовщины событія 1-го марта 1881 года.

„И выстрѣлили стрѣльцы въ царя Іосію; и сказалъ царь слугамъ своимъ: уведите меня, потому что я тяжело раненъ.

„И свели его слуги его съ колесницы, и посадили его въ другую повозку, которая была у него, и отвезли его въ Іерусалимъ. И умеръ онъ, и похороненъ въ гробницахъ отцевъ своихъ. И вся Іудея и Іерусалимъ оплакали Іосію.

„Оплакалъ Іосію и Іеремія въ пѣсни плачевной; и говорили всѣ пѣвцы и пѣвицы объ Іосіи въ плачевныхъ пѣсняхъ своихъ, извѣстныхъ до сего дня, и передали ихъ въ употребленіе у Израіля; и вотъ онѣ вписаны въ книгу плачевныхъ пѣсней.

„Прочія дѣянія Іосіи и добродѣтели его, согласныя съ предписаннымъ въ законѣ Господнемъ, и дѣянія его, первыя и послѣднія, описаны въ книгѣ царей Израильскихъ и Іудейскихъ“.

(2-я Паралип. 35, 23—27).

Нѣтъ на землѣ сана, выше сана царскаго. Царь—это перстень на правой рукѣ Іеговы, по высоко-поэтичному слову пророка (Іер. 22, 24); это—земной богъ и преимущественный сынъ Всевышняго, которому Богъ неба дастъ самыя широкія полномочія (Ісал. 2, 7—9). Но и онъ умираетъ, какъ всякій человѣкъ (Іс. 81, 6—7), и смерть уравниваетъ его съ послѣднѣйшимъ рабомъ. И подъ тѣмъ и подъ другимъ одинаково подстилается червь, и черви—общій покровъ тому и другому (Ісаіи 14, 11). Только по высотѣ земнаго служенія имя перваго можетъ сдѣлаться памятнымъ въ родъ и родъ (Ісал. 44, 18); тогда какъ удѣлъ послѣдняго, большею частію, полнос забвеніе.

Но и память, и забвеніе — есть своего рода судъ, въ той или иной мѣрѣ строгости. Умирать рабъ,—и судъ

надъ нимъ такъ снисходителенъ, что и дѣла его и имя самое быстро всѣми забываются: умираетъ царь — всѣмъ иное къ нему отношеніе.

А то ли при жизни? Живъ «исполинь» и что бы онъ ни дѣлалъ, никто не пошевелитъ крыломъ, не откроетъ рта и не пискнетъ (Исаи 10, 14). Все предъ нимъ какъ сосудъ горшечника, который такъ легко сокрушить желѣзнымъ жезломъ въ рукѣ его. Разбился объ землю «сыпь зари», и сталъ самъ черепкомъ изъ черепковъ земныхъ (45, 9),—все приходитъ въ движеніе, всѣ всматриваются, размышляютъ и судятъ (14, 9 — 20); судятъ тотчасъ же у смертнаго одра. Глина начинаетъ спрашивать горшечника: что ты сдѣлалъ? потому что у горшечника нѣтъ болѣе рукъ (45, 9).

Одръ одного наполняютъ благовоніями и разными искусственными мастями и сжигаютъ ихъ великое множество (2 Пар. 16, 14); около одра другою не слышно сердечнаго вопля, этого драгоцѣннѣйшаго изъ оиміамовъ: увы, государь! увы, его величіе! Его погребаютъ погребеніемъ ослинымъ (Иер. 22, 18—19). Смерть одного оплакиваютъ всѣ, рыдаютъ сильно и печалются много дней; всюду настаетъ великая скорбь (1 Макк. 9, 20. 27); другой—лишь только сталъ попираемымъ трупомъ—и вся земля отдыхаетъ, покоится, восклицаетъ отъ радости; и кипарисы радуются, и кедры ливанскіе, говоря: съ тѣхъ поръ какъ ты уснулъ, никто не приходитъ рубить насъ (Иса. 14, 7—8).

Такъ самый одръ умершаго царя, церемонія его погребенія, говоръ народный — все это есть уже и судъ надъ нимъ. Уже чрезъ этотъ предварительный общій судъ, какъ бы каждый судящій въ отдѣльности ни былъ — жожь, по пристрастію или по близости къ дѣламъ и лицу судимаго,— Богъ зоветъ на судъ земнаго бога. Чѣмъ далѣе, тѣмъ строже становится судъ; время открываетъ послѣ смерти все сокровенное, хорошо ли то, или худо (Ек. 11, 9; 12, 14), и судъ уже изречается не измѣнчивою людскою молвою, а записывается въ книги царей. Одному въ эти книги

исторія записываетъ всѣ дѣянія, первыя и послѣднія, и добродѣтели его, согласныя съ предписаннымъ въ законѣ Господнемъ, какъ Іосіи (2 Пар. 35, 27); другому — какъ Іоакиму — дѣла его и мерзости его, какія онъ дѣлалъ и какія найдены въ немъ (2 Пар. 36, 8); записываетъ, чтобъ осталось на будущее время, навсегда, на вѣки (Ис. 30, 8). Этотъ судъ уже судъ вѣчный, пока не сгоритъ земля и всѣ дѣла и книги царей (2 Петра 3, 10). Такъ имя ихъ дѣлается памятнымъ—такъ или иначе—въ родъ и родъ. Далѣе этого суда судъ человѣческой не можетъ прости- раться. Конечно, нашъ судъ человѣческой никогда не можетъ быть до послѣдней степени правдивымъ; и о праведникѣ возможна худая молва (Псал. 111, 6—7); окончательной и полной оцѣнки человѣка—этого на бѣломъ камнѣ написаннаго новаго имени никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ его (Апокал. 2, 17). Однакожь между памятною книгою, которая пишется предъ лицомъ Іеговы о боящихся Господа и чтущихъ имя Его (Малахіи 3, 16), и книгами царей Израильскихъ и Іудейскихъ, написанными богодухновенными историками, нельзя предполагать большаго и притомъ существеннаго различія, предполагать напр. ложнымъ судъ историка, произнесенный надъ царемъ Іосіею. Въ этомъ смыслѣ судящій гласъ народа есть судящій гласъ Божій, ибо судъ опирается на неизмѣнныя законы правды и добра, какъ они даны неизмѣннымъ Богомъ въ законѣ писанномъ и въ законѣ совѣсти человѣческой (Римл. 2, 14—15).

Точка отправленія для произнесенія суда, болѣе или менѣе правдиваго, поэтому очень проста и несложна, хотя бы судъ произносился и надъ сыномъ Всевышняго—земнымъ богомъ—царемъ. «Думашь ли ты быть царемъ, потому что заключилъ себя въ кедръ? Отецъ твой ѣлъ и пилъ, но производилъ судъ и правду, и потому ему было хорошо. Онъ разбиралъ дѣло бѣднаго и нищаго, и потому ему хорошо было. Не это ли значитъ знать Меня? говоритъ Іегова. Но твои глаза и твое сердце обращены

только къ твоей корысти и къ пролитію невинной крови, къ тому чтобы дѣлать притѣсненіе и зло. Посему такъ говорить Господь о Іоакимѣ, сынѣ Іосіи, царѣ Іудейскомъ: не будутъ оплакивать его: увы государь! увы, его величіе!» (Іер. 22, 15—18).

Такъ совпадаетъ судъ человѣческой и судъ божественный.

Много разъ конечно еврейскому народу въ теченіе его исторической жизни приходилось оплакивать своихъ помазанныхъ царей; много разъ священному историку приходилось заносить тростію книжника-скорписца печальную пѣснь о смерти того или иного царя (Іс. 44, 2); но ни объ одномъ изъ царей трость книжника-скорписца не написала такихъ сочувственно-сердечныхъ словъ, какъ о смерти царя Іосіи; не дала намъ возможности оцѣнить и почувствовать силу впечатлѣнія, какое производила смерть того или иного царя на народъ, какъ только по случаю смерти Іосіи.

Ни на одинъ мигъ не можетъ возбудиться мысли о томъ, будто этой тростію водила личная только скорбь скорписца-историка; она — только единичная капля въ скорби общей; съ трости единицы вылилась на свитокъ общая скорбь. Что скорбь была велика, даже безпримѣрна, этому свидѣтели всѣ пѣвцы и пѣвицы, вся плачущая страна и столица (2 Пар. 35, 24—25). О немъ, произennomъ, рыдали какъ рыдаютъ объ единородномъ сынѣ, и скорбѣли какъ скорбятъ о первенцѣ. Въ большомъ плачѣ—плачѣ Гададриммона въ долинѣ Мегиддонской—принимала живое участіе и вся земля, и каждое племя особо: племя дома Давидова особо, и жены ихъ особо; племя дома Наѳанова особо, и жены ихъ особо; племя дома Левіина особо, и жены ихъ особо; племя дома Симеонова особо, и жены ихъ особо. Всѣ остальные племена—каждое племя особо, и жены ихъ особо (Зах. 12, 10—14). Это уже говоритъ писатель позднѣйшій, который не былъ подъ давленіемъ скорбной минуты и слѣдовательно не

могъ преувеличить ни значенія факта смерти царя, ни впечатлѣнія произведеннаго этою смертію, ни напряженія скорби и слезъ о потерѣ. Достаточно сравнить слова Захаріи съ тѣмъ, что сказалъ писатель 2-ой книги Паралипоменонъ. Одно сказаніе есть пополненіе къ другому; и то и другое вмѣстѣ есть высоко-художественная и искренно-сердечная и правдивая иллюстрація Мегиддонскаго дня.

Цѣлыми столѣтіями позднѣе этого дня еще пѣлись — значить дѣйствительно были переданы пѣвцами и пѣвицами, взошли въ дѣйствительное употребленіе (чего безъ нужды, безъ симпатій не бываетъ) у Израиля—пѣсни, составленныя въ память этого дня (Древн. Флав. 10 кн. 5 гл.).

Значить, стѣбилъ этихъ слезъ, которыхъ такъ много было пролито, этихъ плачевныхъ пѣсней—тотъ, въ честь кого онѣ были составлены пѣвцами и пѣвицами, взошли въ употребленіе и сохранились даже до того времени, когда нація, имѣвшая такого оплакааннаго и воспѣтаго царя, была уже наканунѣ своей политической смерти. Конечно стѣбилъ, — иначе скоро высохли бы слезы, забылись бы пѣсни. Но не были слезы осушены до́суха, не были пѣсни забыты до послѣднихъ дней бытія народа,—значить стѣбилъ ихъ тотъ, о комъ проливаемы были слезы націею, въ чью честь слагались пѣсни пѣвцами и пѣвицами.

Съ теченіемъ времени въ памяти народа земли частности многаго памятованнаго ранѣе блѣднѣютъ и ступшевываются; но это еще не значить, чтобы исчезала вообще память въ родъ и родъ. Нѣтъ, она сохраняется... Когда писалъ свою пѣснь отцамъ Исусъ, сынъ Сираховъ, онъ говорилъ: «память Іосіи—это составъ оиміама, приготовленный искусствомъ варящаго благовонныя мази: во всякихъ устахъ она будетъ сладка, какъ медъ, и какъ музыка въ пиру за вѣпомъ»... Правда, этотъ любозпательный мудрецъ, весьма много занимавшійся чтеніемъ отеческихъ книгъ и списавшій чрезъ то довольною опытность (предисловіе къ книгѣ Сир.), такъ поэтически приступившій

къ изображенію великаго историческаго лица время для него довольно давнихъ, долженъ былъ спуститься до простой прозы, до общихъ фразъ: онъ—Іосія—успѣшно дѣйствовалъ въ обращеніи народа и истребилъ мерзости беззаконія; онъ направилъ къ Господу сердце свое; во дни беззаконныхъ утвердилъ благочестіе (Сир. 49, 1—3). Но и въ этихъ общихъ чертахъ память Іосіи осталась до позднѣйшихъ времени для всего народа составомъ оміама, приготовленнымъ искусствомъ варящаго благовонныхъ мазей; во всякихъ устахъ она была сладка какъ медъ, и какъ музыка на пиру за виномъ.

Этотъ составъ оміама для насъ можетъ быть совершенно понятенъ; достаточно со вниманіемъ прочесть четвертой книги Царствъ 22-ю и 23-й гл. ст. 1—30; второй Паралипоменонъ 34-ю и 35-ю главы и второй книги Ездры 1 гл. 1—33 ст., чтобы видѣть, изъ какихъ благовонныхъ мазей онъ состоялъ и почему была такъ цѣнна память Іосіи для потомковъ.—Какъ отсюда видно, съ именемъ Іосіи неразрывно связано воспоминаніе о величайшихъ реформахъ, какія когда либо имѣли мѣсто въ исторіи еврейскаго народа, предпринятыхъ съ цѣлію устранить изъ жизни разнообразное зло, накопившееся и питавшееся цѣлыми вѣками. По Флавію, онъ пересмотрѣлъ всѣ учрежденія своихъ предковъ и въ которыхъ изъ нихъ усматривалъ недостатки, оныя исправлялъ съ великою мудростію, а что было установлено отъ нихъ благоразумно, то оставлялъ по прежнему и въ томъ имъ старался подражать... Учредилъ извѣстное число судей и надзирателей для сохраненія имѣній каждого гражданина и для оказанія всякому правосудія, о наблюденіи котораго не иначе повелѣлъ имъ стараться, какъ о сохраненіи собственной ихъ жизни (Древн. 10 кв. 4 гл. 1). Съ его же именемъ неразрывно связано воспоминаніе о дѣятельной защитѣ родственныхъ Іудѣ еврейскихъ колѣнъ отъ порабощенія чужеземному игу, о сплоченіи всѣхъ ихъ подъ властію дома Давидова. Въ борьбѣ за эту національную идею и палъ славно Іосія.

Прибавимъ къ этому то, чѣмъ отмѣтилъ его царственную дѣятельность и пророкъ - современникъ: онъ производилъ судъ и правду,... онъ разбиралъ дѣло бѣднаго и нищаго (Іер. 22, 15—16).

Но эта разнообразная, широкая и плодотворнѣйшая дѣятельность Іосіа пресѣклась для всѣхъ неожиданно въ ту самую пору, когда народу можно было справедливо ожидать еще много славнаго отъ такого царя, каковымъ былъ Іосіа, величайшій изъ реформаторовъ — государей.

«Выстрѣлили стрѣльцы въ царя Іосіа; и сказалъ царь слугамъ своимъ: уведите меня, потому что я тяжело раненъ. И свели его слуги его съ колесницы и посадили его въ другую повозку, которая была у него, и отвезли его въ Іерусалимъ. И умеръ онъ, и похороненъ въ гробницахъ отцовъ своихъ. И вся Іудея и Іерусалимъ оплакали Іосіа. Оплакалъ Іосіа и Іеремія въ пѣсни плачевной; и говорили всѣ пѣвцы объ Іосіа въ плачевныхъ пѣсняхъ своихъ, извѣстныхъ до сего дня, и передали ихъ въ употребленіе у Израиля; и вотъ онъ вписаны въ книгу плачевныхъ пѣсней. Прочія дѣянія Іосіа и добродѣтели его, согласныя съ предписаннымъ въ законѣ Господнемъ, и дѣянія его первыя и послѣднія описаны въ книгѣ царей Израильскихъ и Іудейскихъ» (2 Парал. 35, 23—27).

Достаточно прочесть эти слова древняго священнаго историка, чтобы мысль наша невольно обратилась отъ образа Іосіа Іудейскаго къ мученическому образу нашего славнаго царя, падшаго 1-го марта. И совершенно не нужно особенно напрягать вниманіе, дѣлать натяжки—для того, чтобы видѣть, какъ много общаго между жизнію, дѣлами и смертью Іосіа и — жизнію, дѣлами и смертью нашего царя - реформатора. Эти реформы того и другаго изъ царей съ цѣлію устранить вѣковое зло, эта забота о судѣ и правдѣ, эти попеченія о бѣдныхъ и нищихъ, эти неожиданныя выстрѣлы, эти обращенія къ слугамъ сво-

имъ, это пересаживанье раненныхъ изъ царскихъ колесницъ въ простыя повозки, эти погребенія въ родовыхъ гробницахъ, этотъ плачь всею землею и сословіями отдѣльно, эти плачевныя пѣсни, пѣвцовъ и пѣвицъ, — все это ясно говоритъ, что не одна Иудейская, но и Русская исторія несомнѣнно имѣетъ свой Мегиддонскій день, — но безславный и потому тѣмъ болѣе достойный общаго оплакиванія.

Воспомявая въ первый разъ Мегиддонскій день нашей исторіи, мы конечно будемъ оплакивать надшаго царя; можетъ быть будемъ оплакивать и еще не разъ и не два... Дѣло похвальное — чтить теплыми слезами память того, кому мы такъ много обязаны, — тѣмъ болѣе, что обычай сѣтованія въ урочные дни о лицахъ, такимъ или инымъ образомъ связанныхъ съ какими-либо великими событіями, имѣющими историческое значеніе, есть обычай очень древній. Такъ мы знаемъ, что вошло въ обычай у Израиля, что ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Іефѳаа Галаадитянина четыре дня въ году (Суд. 11, 39—40). Этотъ обычай тѣсно вязался съ однимъ изъ важныхъ моментовъ гражданской жизни народа.

Но что же бы означалъ собою нашъ плачь, еслибы даже онъ сталъ такимъ ежегоднымъ явленіемъ, какимъ былъ плачь объ Іосіи (Іер. 22, 10)? Къ чему бы онъ насъ обязывалъ? Обычай есть только обычай, форма часто безъ всякаго почти внутренняго содержанія. Иногда все оно изчерпывается въ разумнѣи слѣдующаго обычая словами: такъ было прежде, такъ принято, такъ слѣдуетъ, таковъ обычай. Но сказывается ли—въ обычай наприм. плача въ Мегиддонскій день—дѣйствительная скорбь, дѣйствительное сожалѣніе, или же въ немъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ только сухое, оффиціальное держаніе себя по принятому? Виѣшность очень удачно умѣетъ скрывать отъ посторонняго взгляда внутреннее. Но наши слезы, — развѣ онѣ не свидѣтельство внутреннихъ движеній души? Увы! и слезы иныхъ людей давно уже названы крокодило-

выми слезами. Гораздо чаще слезы дѣйствительно—плодъ минутнаго теплаго движенія души, но движенія именно минутнаго, скоропреходящаго. «Унизилъ Іуда святыню Господню, которую прежде любилъ, и женился на дочери чужаго бога». Затѣмъ въ минуты посѣщеній и бѣдствій онъ обливалъ слезами жертвенникъ Господа съ рыданіемъ и воплемъ,—но Господь не принималъ этой умиловительной жертвы изъ рукъ его. Вы скажете: за что? За то, что «Господь и былъ и есть свидѣтель между нимъ и женою юности его, противъ которой онъ поступилъ и не прочь впредь поступать вѣроломно, хотя она подруга его и законная жена его» (Мал. 2, 11—14). Значитъ, измѣна, минутное раскаяніе и слезы, затѣмъ снова тайное вѣроломство и явная измѣна—въ порядкѣ вещей въ мірѣ человѣческомъ, въ жизни народовъ. Съ ними случается по вѣрной пословицѣ: «песъ возвращается на свою блевотину,—и: вымытая свинья идетъ валяться въ грязи» (2 Петра 2, 22).

Еслибы день памяти, съ обычаемъ сѣтованія, только на минуту разжалобивалъ насъ, а прошелъ онъ—и мы оставались бы тѣмъ же готовыми на вѣроломство и измѣну той святынь, которую прежде любили,—это было бы не уваженіемъ къ памяти великаго человѣка, а крайнимъ оскорбленіемъ его памяти. При подобномъ отношеніи не будетъ удивительнымъ, если обычай не только превратится на самомъ дѣлѣ въ «дѣйствіе по принятому», безъ всякаго внутренняго содержанія, но если онъ очень скоро перестанетъ существовать и, какъ таковой, выйдетъ совсѣмъ изъ употребленія. Но было бы не желательно, потому что позорно, оставаться намъ,—такъ строгимъ и такъ требовательнымъ по отношенію къ царямъ,—позади древнихъ Евреевъ. Невинные ни прямо ни косвенно въ смерти своего царя, Евреи очень долго оплакивали Іосію и это передано *навсегда* всему роду Израилеву (2 Ездры 1, 32); мы—виновными оказались и прямо и косвенно. Поэтому должно бы войти въ обычай у насъ оплакиваніе падшаго

по нашей винѣ великаго царя — реформатора. Но этотъ обычай долженъ не разжалобивать насъ только, не вызывать объ умершемъ слезы сожалѣнія, но будучи напоминаніемъ нашей вины въ его смерти, пробуждать въ нашемъ сознаніи каждый разъ эти вины и этимъ путемъ возбуждать всѣ наши духовныя силы, чтобъ смыть ихъ; поддерживать нашу энергію въ обновленіи себя, въ слѣдованіи тѣмъ началамъ добра и правды, видѣть которыя дѣятельными въ нашей общей жизни стремился царь-реформаторъ. Нашъ Мегиддонскій день, вызывая представленія о его реформахъ, насъ долженъ побуждать къ обновленію самихъ себя, насъ долженъ побуждать, насколько отъ насъ зависитъ, содѣйствовать искорененію изъ жизни всякаго зла, съ которымъ царь боролся, и укорененію въ жизни добрыхъ началъ имъ положенныхъ, проведенію ихъ въ жизнь и полному дѣйствию. Онъ успѣшно дѣйствовалъ въ обращеніи народа и истреблялъ мерзости беззаконія (Сир. 49, 2),— вотъ что напоминаетъ всѣмъ и каждому этотъ день, къ чему всѣхъ обязываетъ.

Провожая въ могилу отходящихъ, всѣмъ мы поемъ «вѣчную память». Но время показываетъ, что если въ ряду знаменитыхъ мужей есть такіе, которые оставили по себѣ имя на возвѣщеніе хвалы ихъ,—то есть и такіе, о которыхъ не осталось памяти, которые исчезли, какъ будто не существовали и сдѣлались какъ бы небывшими (Сир. 44, 8 — 9); или же—что еще хуже — оставили по себѣ память не добрую (Іер. 15, 4). Страшно послѣднее, ни для кого нежелательно быть забытымъ, какъ бы не былъ, блаженна доля первыхъ. Тѣла ихъ погребены въ мирѣ, а имя ихъ живо въ потомствѣ. Народы будутъ рассказывать о ихъ мудрости, а церковь возвѣщаетъ ихъ хвалу (Сир. 44, 14—15). Разгадка такихъ или иныхъ отношеній, такой или иной памяти и забвенія и слѣдовательно такого или иного суда надъ почившею знаменитостію также проста и несложна какъ проста и несложна точка отправленія для сужденій и суда надъ че

ловѣкомъ вообще, хотя бы былъ онъ сыномъ Всевышняго, перстнемъ на правой рукѣ Иеговы: тѣ были мужи милостивые, коихъ дѣла правды не забываются (Сир. 44, 10). Милость—въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ она ни выражалась въ дѣйствіяхъ знаменитыхъ, облеченныхъ властію поражать народы, данные во владѣніе имъ, жезломъ желѣзнымъ и сокрушать ихъ, какъ сосудъ горшечника (Псал. 2, 8—9), милость — первый и едва ли не единственный залогъ вѣчной памяти ихъ въ потомствѣ, жизни по смерти. Не даромъ же говорятъ: судъ безъ милости не творящему милости. Не даромъ при народномъ судѣ надъ знаменитыми срѣтаются милость однихъ и истина другихъ и лобызаются миръ и правда (Псал. 84, 11). А не милостью ли, какъ составомъ ѳиміама, приготовленнаго искусствомъ варящаго благовонныя мази, дышетъ вся дѣятельность почившаго и поминаемаго царя? Не она ли была свѣточемъ и печатью его четвертьвѣковой царственной дѣятельности? Милость и правда да царствуютъ!... Вездѣ предполагалась и милость и правда! А съ ними и миръ въ нашемъ мірѣ.

За эти царственныя милости, не оказавъ ему милости при жизни, хотя по смерти мы должны уплатить истинною, то-есть справедливымъ признаніемъ его великихъ трудовъ и дѣлъ и за нихъ—благодарною памятію о немъ. И эта память, если она хочетъ быть поистинѣ благодарною, должна быть не холоднымъ затверженнымъ урокомъ изъ исторіи, не сухимъ хотя бы и полнымъ перечнемъ его милостей—реформъ, а живымъ усвоеніемъ духа, въ нихъ вложеннаго и выражающагося въ нашей собственной дѣятельности. Дѣянія его первыя и послѣднія, и добродѣтели его будутъ записаны въ книги царей, въ исторію; но духъ этихъ дѣяній первыхъ и послѣднихъ,—если бы онъ былъ вполне понятъ и усвоенъ нами,—начала имъ положенныя въ нашу жизнь,—еслибы они были восприняты нами и развиваясь въ томъже данномъ направленіи все шире и полнѣе выражались въ нашей собственной дѣятельности,—это была бы дѣйствительная вѣчная

ему память, вѣчно курящійся въ честь его ѳиміамъ, составленный искусствомъ варящаго благовонныя мази.

Значить, чтобы достойно судить и по требованію совѣсти и разума достойно памятовать знаменитыхъ мужей, господствовавшихъ въ царствахъ своихъ (Сир. 44, 3),— тѣхъ мужей милостивыхъ, коихъ дѣла правды не забываются (ст. 10), нужно *искусство*...

А обладаемъ ли мы таковымъ, хотя бы въ тойже мѣрѣ, въ какой обладали имъ древніе Евреи, памятуя своихъ великихъ царей?

Вѣѣшность часто можетъ обманывать насъ. Въ нашу же недověрчивый вѣкъ ко всему особенно недověрчиво относятся. Скорбитъ человекъ въ сердцѣ своемъ,—уста только двигаются, а голоса не слышно; ему не довѣряютъ, подозрѣвая, что онъ находится въ состояніи возбужденія, вызваннаго искусственно и потому скоро проходящаго (1 Цар. 1, 12—16). Говорятъ другіе громко, каждый не собственнымъ нарѣчіемъ, въ которомъ родился, и опять встрѣчаютъ изумленіе и недоумѣніе: что это значить? И опять объясненія явленія только предположеніемъ того, что здѣсь есть вліянія постороннія, что эти громкія выраженія не болѣе, какъ нѣчто мимолетное, напускное (Дѣян. 2, 8—12). Нѣтъ нужды говорить, что о многихъ и многихъ явленіяхъ въ нашей жизни судятъ съ такимъ недověріемъ, съ подозрѣніемъ. Но какъ же въ нихъ разобраться, чему вѣрить, чего ждаты?

Все заставляетъ вѣрить, безъ боязни ошибиться, что во многихъ, если не во всякихъ устахъ еще долго-долго память о немъ будетъ сладка, какъ медъ, и какъ музыка въ пиру за виномъ. Все даетъ основаніе надѣяться, что долго-долго въ честь его будетъ куриться ѳиміамъ, если и не приготовленный искусствомъ варящаго благовонныя мази, — то несомнѣнно принесенный отъ искренняго въ простотѣ и благодарнаго сердца нашего народа.

Прошелъ цѣлый годъ,—а мы слишкомъ быстро живемъ и еще быстрѣе многое забываемъ,—но его могила еще

для всякаго истинно-русскаго свѣжа и тепла, какъ и въ первые дни; и какъ въ первые дни она все болѣе и болѣе устилается новыми вѣнками. Это не плодъ минуты, не слѣдствіе давленія свѣжаго потрясающаго событія; это плодъ тихой, но прочной памяти.

Да и вся наша жизнь, перестраивающаяся съ 19 февраля 1861 года и имѣющая устраиваться на началахъ, этимъ днемъ положенныхъ,—развѣ она не есть на самомъ дѣлѣ «вѣчная память» ему же?

Сыновья наши, смутно помнящіе недавнее прошлое, или слышавшіе только рассказы о немъ и теперь сознательно относящіеся къ настоящему, уже спрашиваютъ насъ: что это? Какой бы отвѣтъ на этотъ вопросъ дали имъ мы отцы, какъ не единственный отвѣтъ (и очень старый и вмѣстѣ очень новый): рукою крѣпкою вывелъ насъ Господь изъ дома рабства (Исх. 13, 14). И какой бы отецъ, отвѣчая на вопросы сыновей, не счелъ своею обязанностію прибавить къ своему объясненію: помните сей день, въ который вышли вы изъ дома рабства... и да будетъ это памятникомъ предъ глазами твоими и знакомъ на рукѣ твоей и вмѣсто повязки надъ глазами твоими (ст. 3. 9. 16).

Сыны вырастятъ своихъ сыновей, внуковъ, правнуковъ и т. д., если суждено существовать долго нашему народу. Будутъ конечно между ними любознательные люди; будутъ заиваться чтеніемъ отеческихъ книгъ и, пріобрѣтши доволѣную опытность, сами предпримутъ написать нѣчто, относящееся къ знанію и мудрости, чтобы люди, поучаясь, болѣе и болѣе утверждались въ жизни, согласной съ закономъ (Предисловіе къ Сир.). Но и они по необходимости въ своихъ писаніяхъ придутъ къ тому же великому дню выведенія изъ рабства; а этотъ день—по ассоціаціи необходимо напомнить и о другомъ днѣ,—о безславномъ Мегиддонскомъ днѣ нашей исторіи...

И трудно обозначить временный предѣлъ, когда бы могли перестать взирать на того, котораго пронзили; ког-

да бы были забыты рубцы на рукахъ того, кого били и избивали въ домѣ любящихъ (Зах. 12, 10; 13, 6). Если исторія не можетъ, хотя бы даже и захотѣла, забыть первыхъ его дѣяній—19-го февраля 1861 года, то конечно она не можетъ забыть и послѣдняго дня, 1-го марта 1881 года. День дню передаетъ рѣчь (Псал. 18, 3). Воспоминаніе объ одномъ дѣѣ неизбѣжно будетъ вызывать воспоминаніе о дѣѣ другомъ.

Мегиддонскій день еврейской исторіи, день слезъ каждаго племени особо и женъ ихъ особо; день слезъ начальствующихъ съ женами; день слезъ Іуды и Іерусалима,—плачевныхъ пѣсней Іереміи, пѣвицъ и пѣвцовъ,—все это передано *навсегда* всему роду Израилеву (2 Ездры 1, 32).

Да будетъ же и Мегиддонскій день нашей исторіи памятнымъ для всѣхъ насъ *навсегда!*

Вѣчная память! Вѣчная память! Вѣчная память!

А. С—ъ.

СВЯТОСТЬ БРАЧНАГО СОЮЗА.

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ *).

Вступленіе.—Дикость и одичаніе. — Созданіе жены и установленіе брака, какъ духовно-нравственнаго союза.—Браки ветхозавѣтныхъ патриарховъ.—Законы Моисеевы, ограждающіе святость брака.—Бракъ по ученію Христа и апостола Павла.—Законы новозавѣтной церкви, возникшіе изъ понятія о святости брака.—Бракоборцы во времена ближайшія къ Апостольскимъ.—Американскія бракоборческія секты.—Бракоборство Оедосѣвцевъ, пигилистовъ и социалистовъ.—Уклоненіе отъ брака по склонности къ безпорядочной жизни.—Оскорбленіе святости брака со стороны супруговъ.—Современныя толки о разводахъ и гражданскихъ бракахъ.

Святѣйшій Синодъ православной русской церкви, по поводу горестнаго событія 1-го марта минувшаго года, обратился къ чадамъ церкви съ пастырскимъ посланіемъ, въ которомъ, исповѣдуя грозное посѣщеніе гнѣва Божія за наши грѣхи, призываетъ всѣхъ къ покаянію. Между грѣхами, навлекшими гнѣвъ Божій, св. Синодъ указываетъ на пестроенія въ семейной жизни. Обязанность противодѣйствовать имъ, равно какъ и всякимъ другимъ нестроеніямъ въ жизни нравственной, господствующимъ въ обществѣ, лежитъ преимущественно на служителяхъ церкви. Принимая къ сердцу эту святую обязанность, мы въ настоящій разъ беремъ на себя трудъ занять вниманіе досточтимаго собранія чтеніемъ о святости брачнаго союза, въ виду фальшивыхъ ходячихъ воззрѣній на этотъ предметъ и грубыхъ грѣховъ, имѣющихъ связь съ ними.

*) Происходило 17 января въ залѣ Московской городской Думы.

Есть теорія, которая утверждаетъ, что человѣческій родъ началъ исторію своего существованія съ дикаго состоянія, близкаго къ жизни безсловесныхъ, и что онъ сталъ выходить изъ этого состоянія медленнымъ путемъ постепенности. Промѣло нѣсколько тысячелѣтій прежде чѣмъ животныя инстинкты смѣнились въ людяхъ разумными и нравственными потребностями, прежде чѣмъ они дошли до состоянія, которое принято называть культурнымъ или цивилизаціею. Само собою разумѣется, что по смыслу этой теоріи у первобытныхъ людей не было понятія о бракѣ, какъ о союзѣ не физическомъ только, но и нравственномъ. Возможно было одно дикое половое совокушеніе съ кѣмъ попало. Сношенія половъ были чисто случайныя, непрочныя и кратковременныя,—въ основаніи ихъ не лежало никакого нравственнаго обязательства. Дѣти, рождавшіяся отъ такихъ родителей, не знали, кто у нихъ отецъ,—знали одну мать и то до тѣхъ только поръ, пока находились на ея рукахъ, пока питались ея молокомъ. Какъ только они становились на ноги и начинали жить сами по себѣ, у нихъ, какъ и у безсловесныхъ, порывалась всякая связь съ матерью.—Такъ проповѣдуетъ теорія, опираясь на томъ, что и въ настоящее время у нѣкоторыхъ племенъ, не вышедшихъ изъ дикаго состоянія, брака тоже нѣтъ. Но такъ ли говоритъ исторія, не та исторія, которая создается на основаніи данныхъ, допускающихъ разнообразное до противорѣчія толкованіе, на основаніи археологическихъ открытій и геологическихъ изслѣдованій, доказывающихъ якобы неоспоримо, будто дикость была первоначальнымъ состояніемъ человѣчества, — но исторія подлинная, сообщающая свѣдѣнія о началѣ человѣческаго рода не догадочныя, не предположительныя, но твердыя и положительныя? Къ счастью, мы имѣемъ такую исторію, до насъ изъ глубины тысячелѣтій дошелъ письменный историческій памятникъ, значенія котораго можно не цѣнить только подъ вліяніемъ предвзятыхъ мнѣній не въ пользу его. Что же открываст-

ся при знакомствѣ съ этимъ памятникомъ? Открывается, что дикость, которую почитаютъ первоначальнымъ состояніемъ людей, отнюдь не есть первоначальное состояніе, что ей предшествовало высокое духовное совершенство. Человѣкъ ниспалъ съ этой высоты и падая, глубже и глубже, дошелъ до дикости, точнѣе — до одичанія, въ которомъ утрачены были первоначальныя воззрѣнія на бракъ, какъ на союзъ нравственный, и смѣнились владычествомъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ. — Раскрываемъ книгу Бытія, и вотъ что узнаемъ на первыхъ страницахъ ея.

Человѣкъ является на свѣтъ Божій вѣнцемъ земныхъ твореній. Самымъ образомъ сотворенія онъ поставляется на неизмѣримую высоту предъ ними. Прочія земныя существа получаютъ бытіе по единому божественному повелѣнію, и души животныхъ вмѣстѣ съ тѣлами въ одно и то же мгновеніе творятся и притомъ изъ одного и того же вещества, — изъ земли и воды. Но въ созданіи человѣка видно многосложное дѣйствіе Божескаго всемогущества. Созданію человѣка предшествуетъ совѣщаніе между лицами св. Троицы. Потомъ тѣло человѣка образуется изъ земной персти, но душа творится чрезъ непосредственное дыханіе устъ Божіихъ. Въ отличіе отъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ украшается образомъ и подобіемъ Божіимъ, т.-е. получаетъ начатки духовныхъ совершенствъ Божіихъ и способность къ нескончаемому духовному развитію, — и вмѣстѣ съ тѣмъ даруется ему владычество надъ земными тварями, которое онъ вскорѣ проявилъ въ нареченіи именъ животнымъ. Какъ все это не похоже на воображаемое нѣкоторыми первоначальное сходство человѣка съ животными! — Въ созданіи жены для Адама и въ установленіи брака усматривается новое не менѣе разительное свидѣтельство о превосходствѣ человѣка предъ животными. Животныя мужскаго пола творятся въ одно мгновеніе съ животнымъ женскаго пола и притомъ творятся вдругъ въ огромномъ количествѣ. Надлежало сотворить и для человѣка парное ему существо.

Самъ Господь, когда сотворилъ Адама и водворилъ его въ раю, сказалъ: «не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтствующаго ему» (Быт. 2, 18). Сколько времени прошло между сотвореніемъ мужа и сотвореніемъ жены, неизвѣстно; но важно то, что былъ промежутокъ, большой или малый—все равно. Это обстоятельство весьма знаменательно въ устроеніи супружескаго сожитія. Мужу потому не вдругъ дается жена, какъ это было въ мірѣ животныхъ, — что мужъ, прежде чѣмъ получить жену, долженъ былъ додуматься до необходимости имѣть ее, самъ возчувствовать потребность въ ней. Творецъ готовъ былъ дать ему жену, но Онъ ожидалъ запроса, чтобы сдѣлать предложеніе. Дару предшествовало свободное желаніе получить его. Господь не навязываетъ Адаму даръ, являя уваженіе къ нравственной свободѣ существа, которое Онъ же одарилъ разумомъ и свободою. Такимъ образомъ предполагалось присутствіе въ человѣкѣ нравственнаго начала, когда его свободному усмотрѣнію предоставлено было рѣшить, нужна ли ему жена. Если подобное право не дано было животнымъ, то это потому, что они лишены начала нравственной свободы. — Посмотримъ теперь, какъ Адамъ воспользуется предоставленнымъ ему правомъ рѣшить вопросъ о женѣ. По манію Творца являются къ нему, какъ своему владыкѣ, представители разныхъ породъ животнаго царства, — звѣрей и птицъ. Адамъ уже пользуется даромъ слова и соотвѣтственно отличительнымъ ихъ свойствамъ вслухъ нарекаетъ имъ имена. Но *не обрѣтется* между ними *помощникъ подобный ему* (Быт. 2, 20). Это значитъ, что между неразумными онъ не нашелъ ни одного разумнаго существа, съ которымъ бы онъ могъ раздѣлить владычество надъ земными тварями, предстоявшіе ему труды, мысли и чувства. Членораздѣльные звуки, въ которые онъ облакалъ свои мысли и сужденія, замирали въ воздухѣ безъ разумнаго на нихъ отзыва, мысли оставались безъ обмѣна. Окруженный многочисленными животными, Адамъ

не могъ не почувствовать своего одиночества. Силою свободного разсужденія онъ пришелъ къ мысли о неполнотѣ своего существа, о нуждѣ для восполненія себя въ подобномъ ему существѣ. А подѣ влияніемъ наблюденія, что окружающія его животныя сотворены четами, съ этою мыслию соединилось въ немъ желаніе сожитія съ существомъ не только подобнымъ ему по природѣ, но и парнымъ ему. Это въ высшей степени знаменательно. Здѣсь заранѣе предуказано свойство отношеній мужа и жены: въ мысли Адама это отношеніе чуждо животнаго характера,—ему нужна была *помощница подобная ему*, слѣдственно помощница не въ однихъ тѣлесныхъ трудахъ, но наипаче въ нравственномъ смыслѣ. Какъ хорошо было бы, разсуждалъ онъ про себя, имѣть подлѣ себя существо, которое бы меня понимало, принимало участіе въ моемъ господствѣ надъ міромъ неразумнымъ и заодно со мною стремилось къ достиженію высокихъ цѣлей, указанныхъ мнѣ Творцемъ! — Идея помощницы въ этомъ смыслѣ могла возникнуть въ головѣ только человѣка, а отнюдь ничего подобного этой идеѣ не могло зародиться въ душѣ бессловесной твари. И только потребность помощницы въ указанномъ смыслѣ могла послужить основаніемъ сожитія мужа и жены, могла возвысить это сожитіе до нравственного достоинства. — Пойдемъ далѣе. Господь созидаетъ Адаму жену изъ ребра его. Этимъ способомъ сотворенія жены Господь даетъ уразумѣть, что мужъ и жена въ человѣческомъ родѣ предназначаются для сожитія болѣе тѣснаго, чѣмъ четы животныхъ (самки и самцы). Животныя женскаго пола произошли не отъ животныхъ мужскаго пола, а отдѣльно, изъ одинаковаго съ ними вещества. Это значило, что тѣ и другія не связаны закономъ неразрывнаго сожитія. Единственная цѣль созданія животныхъ по четамъ состояла въ распространеніи рода а для достиженія этой цѣли четами животныхъ нѣтъ необходимости въ неразрывномъ сожительствѣ. Не такія отношенія предназначены мужу

и женѣ въ человѣческомъ родѣ. Происхожденіе жены отъ мужа знаменуетъ, что они сотворены для неразрывнаго единенія не только физическаго, но и нравственнаго; что они должны блюсти супружескую вѣрность, принадлежать другъ другу нераздѣльно и сожителствовать не для рожденія только дѣтей, а вмѣстѣ для воспитанія ихъ общими усиліями. Долгъ неразрывнаго сожитія можетъ быть исполненъ только въ единобрачіи. Мысль о единобрачіи вытекаетъ также изъ сотворенія одной только жены для мужа. «Еслибы Богъ хотѣлъ, говорить святой Златоустъ, чтобы жену оставляли и брали другую, то сотворилъ бы одного мужчину и много женщинъ». Еслибы, прибавимъ, Богу угодно было мужу въ одно время имѣть нѣсколько женъ, то Онъ далъ бы Адаму нѣсколько женъ. Единобрачіе подтверждено словами Господа, которыя изрекъ Онъ (Мат. 19, 4. 5), чрезъ Моисея или чрезъ Адама, по поводу созданія Адаму жены изъ ребра его: *сею ради* (т.-е. вслѣдствіе того, что жена отъ мужа взята бысть) *оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ жень своей: и будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). Къ многоженству непримѣнимы ясныя слова: *будутъ два*,—именно двое, не больше,—единою плотію, какъ однимъ лицомъ. Само собою разумѣется, что плотское единство въ семь случаѣ основывается на нравственномъ началѣ, на сознаніи нравственнаго закона или долга супружеской вѣрности, нераздѣльнаго сожитія: ибо только это сознаніе можетъ удерживать человѣка отъ увлеченій чисто животныхъ, обуздывать чувственные инстинкты, не разбирающіе, что законно, что пѣтъ. Мысль о нравственномъ характерѣ отношеній вытекаетъ также изъ словъ Адама, увидѣвшаго въ первый разъ жену: «се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея. Сія наречется жена (*ишд*, то-есть *мужиня*), яко отъ мужа (*ишъ*) взята бысть сія» (Быт. 2, 23). Ближайшимъ образомъ Адамъ, произнося сіи слова, имѣлъ въ виду физическое единство съ женою, отъ него происшедшею съ одинаковою съ нимъ

природою, и отличающеюся отъ него только поломъ; но нельзя не признать, что въ тоже время онъ, хоть и не вполне ясно, сознавалъ обязанность жить съ нею душа въ душу, какъ съ существомъ, обладающимъ одинаковыми духовными, человѣческими, ибо она такой же чело-вѣкъ (*иша*) какъ и онъ (*ишъ*),—достоинствами,—сознавалъ, что онъ не можетъ отдѣлять интересовъ своей жизни отъ ея интересовъ,—не можетъ напримѣръ унижить жены не унижая себя самого;—сознавалъ, что онъ долженъ заботиться о женѣ, любить ее, какъ самого себя,—ибо «никто же когда плоть свою воспевавидѣ, но питаетъ и грѣтъ ю» (Еф. 5, 29). — Весьма далѣе знаменательно то, что Богъ не только создалъ Адаму жену, но *и привелъ ее къ нему* (Быт. 2, 22). Если Господь не предоставилъ одному инстинкту соединеніе мужа и жены, а счелъ нужнымъ явить свое непосредственное участіе въ устроеніи ихъ супружескихъ отношеній, если Онъ самъ привелъ жену къ мужу,—то что это значить, какъ не то, что Господь сообщилъ особенное благословеніе и освященіе ихъ супружескому союзу? Въ актѣ приведенія самимъ Богомъ жены къ мужу, заключается первообразъ тѣхъ религіозныхъ дѣйствій, которыми впослѣдствіи принято освящать брачные союзы.—Созданіе жены отъ мужа указываетъ наконецъ на зависимость ея отъ мужа.—По слову Апостола «мужъ есть глава жены (1 Кор. 11, 8), и на женѣ отражается слава мужа (— 7), ибо не мужъ отъ жены, но жена отъ мужа, и не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа» (— 8, 9). Эта зависимость жены отъ мужа должна была увеличиться послѣ грѣхопаденія. «И той тобою обладати будетъ» (Быт. 3, 16), сказалъ Господь женѣ, изрекая ей свой приговоръ въ наказаніе за то, что она не только сама преступила заповѣдь Божию, но и вовлекла въ преступленіе мужа. Эта зависимость жены отъ мужа была тяжела особенно въ язычествѣ, — язычество смотрѣло на нее, какъ на невольницу. Христіанство утвердило равноправность жены и мужа; ибо во

Христѣ Иеусѣ нѣтъ мужскаго пола и женскаго (Гал. 3, 28. Еф. 5, 22). Но и христіанская вѣра внушаетъ женѣ, что она, равноправная съ мужемъ въ религіозномъ отношеніи,—не должна забывать своего подчиненія ему, какъ своему главѣ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, должна повиноваться мужу, какъ Господу (Еф. 5, 22). — Такимъ образомъ женскій вопросъ, поднятый съ особенною настойчивостію въ наше время,—съ самаго начала исторіи человѣчества, рѣшенъ не такъ, какъ хотѣлось бы современнымъ ревнителямъ женской эманципаціи.

Изъ сдѣланнаго нами анализа обстоятельствъ установленія брака открылось, что бракъ есть не физическій только, но и нравственный союзъ,—неразрывный, исключаящій многоженство союзъ,—благословенный Богомъ союзъ, слѣдственно святой союзъ.

Обратимся къ дальнѣйшимъ временамъ. Законъ о единобрачїи былъ свято соблюдаемъ допотопными патриархами. Отступленіе отъ этого закона представляетъ одинъ примѣръ—Каинита Ламеха (Быт. 4, 19—22). Что послѣ потопа до Моисея господствовало единобрачїе, это открывается изъ того, что Авраамъ думалъ передать права наслѣдованія на свое имущество постороннему лицу, потому что не имѣлъ дѣтей отъ законной жены (Быт. 15, 2, 3), тогда какъ, еслибы въ обычаѣ было многобрачїе, онъ могъ бы взять другую жену и прижить отъ ней желаннаго наслѣдника — сына. Сынъ Авраама Исаакъ имѣлъ одну жену — Ревекку. Іаковъ былъ женатъ на двухъ женахъ; но это, какъ извѣстно, произошло не отъ доброй его воли, а отъ того, что онъ былъ обманутъ своимъ тестемъ и принужденъ былъ жениться на нелюбимой имъ Ліи единственно потому, что иначе могъ лишиться руки Рахили. Если братъ Іакова Исавъ женатъ былъ на двухъ хананеянкахъ и сверхъ того на одной единоплеменницѣ (Быт. 28, 9; 36. 2), на это надо смотрѣть, какъ на проявленіе чувственной необузданности Исава; по этой причинѣ онъ пренебрегъ правомъ первородства, — она же увлекла

его къ пренебреженію обычая единобрачія.—Женитьба Исава на двухъ ханапейнкахъ причинила много горя родителямъ его не потому только, что была нарушеніемъ этого обычая, но также потому, что хананеи были нечестивымъ племенемъ. Вотъ почему Исаакъ заповѣдалъ Иакову не брать жены изъ дочерей ханапейскихъ (Быт. 28, 1. 6). Только уваженіемъ къ нравственно-религіозному значенію брака можно объяснить то, что во дни патріарховъ нетерпимы были брачныя союзы съ иноплеменницами. — Наложничество существовало даже въ средѣ благочестивыхъ патріарховъ, какъ показываютъ примѣры Авраама и Иакова; но оно было слѣдствіемъ ревности ихъ законныхъ женъ имѣть дѣтей по крайней мѣрѣ чрезъ своихъ рабынь: оно навязывасмо было мужьямъ женами.—О разводахъ во дни патріарховъ нѣтъ извѣстій.—Были ли какіе религіозные обряды при заключеніи брака, нѣтъ извѣстій въ библейскихъ сказаніяхъ до Моисея и послѣ Моисея. Но въ позднѣйшее время былъ употребляемъ слѣдующій обрядъ, вѣроятно сохранившійся отъ древнѣйшихъ временъ: отецъ жениха бралъ невѣсту за руку, подводилъ ее къ сыну и сложивши ихъ правыя руки, благословлялъ ихъ, говоря: «да будетъ Богъ Авраама и Иакова съ вами, да содѣлаетъ Онъ. васъ счастливыми: живите честно, я васъ благословляю» (Брачное право древняго Востока. А. Осипова 1, 186).

Послѣ патріарховъ святость брачнаго союза была ограждена законами Моисея. Порча нравовъ, проникавшая въ среду народа Божія отъ язычниковъ, могла бы самымъ пагубнымъ образомъ отозваться на супружескихъ отношеніяхъ, еслибы ея вліяніе на нихъ не ослаблено было законами Моисея. Правда, Моисей не возбранилъ двоеженства и вообще полигаміи, имѣя въ виду любовь Евреевъ къ многочадію и возрѣніе ихъ на него, какъ на дѣйствіе благословенія Божія (Исх. 21, 9; Лев. 18, 18. Второз. 21, 15 — 17); но при этомъ онъ далъ предписанія, которыя въ значительной мѣрѣ должны были препятствовать рас-

прострапенію полигаміи. Такъ царямъ, которые болѣе другихъ имѣли бы средствъ къ содержанію многихъ женъ, законъ Моисеевъ запрещаетъ умноженіе ихъ (Втор. 17, 17). Стало-быть подданные еще больше должны были ограничивать себя въ этомъ отношеніи.—Далѣе: законъ Моисеевъ не позволяетъ быть скопцамъ въ сонмѣ Господнемъ (Второз. 23, 1), и чтобы внушить отвращеніе къ скопчеству, даже оскопленныхъ скотовъ признаетъ нечистыми, негодными для жертвоприношенія (Лев. 22, 24). Но безъ свнуховъ не могутъ существовать гаремы. Отсутствіе скопцевъ въ народѣ избранномъ было причиною, что цари Израильскіе, которые, въ противность закону Моисееву, не желая стоять ниже иноземныхъ восточныхъ царей, имѣли многолюдные гаремы, вынуждены бывали выписывать стражей для нихъ изъ-заграницы (Археол. Яна).—Законы тѣлесной чистоты въ соединеніи съ супружескими обязанностями (Лев. 15, 18), представляли новыя затрудненія для многоженцевъ.—Запрещеніе вступать въ супружества съ ханапаянами, какъ опасныя для благочестія народа Божія (Второз. 7, 3. Исх. 34, 16), имѣло также связь съ уваженіемъ къ святости брака. Свидѣтельствомъ тогоже уваженія служило запрещеніе вступать въ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства, какъ это было въ обычаѣ у большей части языческихъ народовъ, въ особенности у племенъ хананейскихъ *). Открывать наготу ближнихъ родственниковъ значило осквернить себя и святую землю: пусть скверняютъ себя этимъ другіе народы, отвергнутые Господомъ (Лев. 18, 6—2). Кто возьметъ себѣ жену и мать ея, тотъ долженъ быть сожженъ вмѣстѣ съ ними (Лев. 20, 13—16).—Для обуздавія чувственности законъ требуетъ умѣренности въ супружескихъ наслаж-

*) Исключеніе было допущено только въ пользу древняго права ужичества (*левирата*), по которому братъ, или другой ближній родственникъ долженъ былъ жениться на вдовѣ его, чтобы возстановить сѣмя своему умершему бездѣтнымъ брату или родственнику.

деніяхъ. Въ иное время они даже совершенно запрещались. «Къ женѣ въ отлученіи нечистоты да не внидеши», и въ случаѣ неповиновенія узаконяется: «да истребятся оба отъ рода ихъ» (Лев. 18, 19; 20, 18). — Въ тѣхъже правственныхъ цѣляхъ законъ строго каралъ за прелюбодѣяніе и потерю дѣвства. За нарушеніе супружеской вѣрности подвергались смертной казни не женщины только, какъ это было въ законодательствѣ древнихъ народовъ и позднѣе у Римлянъ, — но и мужчины (Лев. 20, 16. Втор. 22, 22).

Къ поддержанію уваженія къ святости брачнаго союза направлены были также Моисеевы законы о разводѣ. По снисхожденію къ жестокосердію, къ грубости Евреевъ, хотя имъ дозволенъ былъ разводъ съ женами, по при условіяхъ довольно стѣснительныхъ. Право искать развода предоставлено было одному мужу, онъ былъ единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, — но это право отнималось у мужа, если онъ вынужденъ былъ жениться на обольщенной имъ дѣвицѣ (Втор. 22, 2), или если онъ, въ первый день брака оклеветаетъ молодую жену въ несохраненіи дѣвства до брака. Въ послѣднемъ случаѣ, когда клевета обнаружится, клеветникъ въ наказаніе за оскорбленіе нанесенное имъ женѣ, не только не могъ развестись съ нею во всю жизнь, но еще подвергался тѣлесному наказанію и денежному штрафу (Втор. 22, 13—21). Свободѣ развода не благопріятствовало также то, что разводъ долженъ былъ происходить не по своенравію мужа, но вслѣдствіе преступленія, за женою имъ замѣченнаго, — вслѣдствіе того, если онъ найдетъ въ ней «нѣчто срамное» (Втор. 24, 1). Нѣчто срамное могло относиться и къ супружеской невѣрности. Но законъ не требовалъ отъ мужа формальныхъ доказательствъ этого преступленія, конечно по челоѣколюбію, ибо такія доказательства могли бы имѣть слѣдствіемъ осужденіе виновной на смерть — Притомъ по какой бы причинѣ ни происходилъ разводъ, онъ долженъ былъ происходить не словесно, а письменно. Для составленія письменнаго акта надобно было обратиться къ леви-

тамъ, какъ общественнымъ лицамъ; для подписанія его надобно было подыскать свидѣтелей. Эти формальности требовали немало времени и хлопотъ. Это способствовало къ охлажденію первыхъ порывовъ негодованія на жену и къ безпристрастному обсужденію дѣла, тѣмъ паче что и постороннія лица, которыхъ надлежало вводить въ дѣло, особенно левиты, какъ блюстители и толкователи закона, могли дѣлать попытки къ примиренію супруговъ.—Наконецъ законъ Моисеевъ съ цѣлю огражденія святости брака запрещаетъ возстановленіе расторгнутаго супружества, какъ скоро отпущенная жена нашла себѣ новаго мужа,—даже въ томъ случаѣ, когда бы новый бракъ ея прекратился смертію ея послѣдняго мужа или разводомъ съ нимъ. Вторичное принятіе такой жены было бы, по словамъ закона, мерзостію предъ Господомъ и оскверненіемъ святой земли (Второз. 24, 4). Жены въ такихъ случаяхъ мѣнялись бы какъ имущество и обращались бы въ вещь, которая по прихоти стала бы переходить отъ одного къ другому и снова возвращаться къ своему прежнему владѣльцу. Бракъ утратилъ бы тогда нравственное значеніе. Вотъ почему свосвольные разводы были строго обличаемы пророкомъ Малахією, какъ противныя духу Моисеева закона (Мал. 12, 14—16).

Нравственно-религіозное значеніе брака еще болѣе возвышено со времени пришествія Христова. Въ семь отиошеніи уже то знаменательно, что самъ Господь Иисусъ удостоилъ своимъ присутвіемъ бракъ въ Канѣ Галилейской и совершилъ здѣсь первое извѣстное чудо. На присутвіе Христа на брачномъ канскомъ торжествѣ церковь взираетъ, какъ на изъявленіе благословенія законному браку. Въ чинѣ вѣнчанія она исповѣдуетъ, что Христосъ «пришелъ въ Кану Галилейскую и тамошній бракъ благословилъ, да явить, яко Его воля есть законное супружество и еже изъ него чадотвореніе, что Онъ сподобилъ въ Канѣ Галилейской явить досточестность брака»,—и умоляетъ Его, чтобы Онъ «благословилъ совер-

шаемое бракосочетаніе невидимымъ своимъ присутствіемъ, какъ Опъ благословилъ бракъ въ Канѣ своимъ пришествіемъ» (1-ая молитва въ чинѣ вѣнчанія и молитва по Евангеліи). Бракъ есть основа семейной жизни. Нельзя поэтому не видѣть особеннаго благоволенія Божія къ ней въ томъ, что какъ первымъ дѣломъ Творца по созданіи мужа и жены было благословеніе имъ плодиться и размножаться, такъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ Обновителя человечества было благословеніе брачнаго сожитія и чадородія, съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, чтобы члены семьи были вмѣстѣ членами Его церкви. Но Христось не ограничился тѣмъ, что подтвердилъ изначальное благословеніе брачной жизни. Опъ еще возстановилъ въ первоначальной силѣ законъ о бракѣ. Вопреки Моисееву закону, позволявшему, хотя и затруднявшему расторгеніе брака, и особенно вопреки мнѣнію фарисеевъ, допускавшихъ безусловную свободу развода, новый законодатель Христось рѣшительно воспрещаетъ разводъ. На вопросъ фарисеевъ: «по всякой ли причинѣ позволительно разводиться съ женою»? Опъ указалъ на первоначальный законъ единства и неразрывности брака, установленный при самомъ сотвореніи первой четы, и прибавилъ: «же Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ». Но фарисеи не удовлетворились Его отвѣтомъ и сказали Ему: «какъ же Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо?» Иисусъ, не подрывая авторитета Моисеевой заповѣди, объяснилъ ея происхожденіе жестокосердіемъ, т.-е. грубостію Евреевъ. Указывая на эту грубость, Христось, по словамъ Златоуста, имѣлъ въ виду то, что Евреи неспособны были съ кротостію, терпѣніемъ и самоотверженіемъ переносить недостатки жсны; потому Моисей съ намѣреніемъ предотвратилъ одно зло—большее—допущеніемъ другаго меньшаго, позволялъ имъ разводъ, — не дай имъ этого дозволенія, они пожалуй стали бы убивать женъ. «Изначала не такъ было», — сказалъ Христось фарисеямъ, и продолжалъ: «кто разведется съ жсною своею не за пре-

любодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ (Мат. 19, 3 — 9. Марк. 10, 2 — 12). А въ другой разъ Онъ сказалъ, что даже разведенной женѣ, хотя бы она была безвинно оставлена мужемъ, дается поводъ прелюбодѣйствовать (Мат. 5, 32).—Само-собою разумѣется, что слова Христовы, не благопріятствуя разводу, вмѣстѣ съ тѣмъ исключаютъ мысль о дозволительности многоженства.

Св. апостоль Павелъ не только повторяетъ ученіе Христа о нерасторжимости брака вообще (1 Кор. 7, 10), но еще проповѣдуетъ о нерасторжимости смѣшанныхъ браковъ, т.-е. браковъ лицъ, изъ которыхъ одно по вступленіи въ бракъ приняло христіанскую вѣру, другое же осталось въ язычествѣ. Апостоль утверждаетъ, что невѣрующей мужъ освящается вѣрующею женою, и можетъ быть спасенъ ею, равно какъ и невѣрующая жена освящается и можетъ быть спасена вѣрующимъ мужемъ. Расторженіе такихъ браковъ можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ невѣрующее лице (1 Кор. 7, 12—16). Но если не лишенъ святости бракъ христіанина съ язычницей или христіанки съ язычникомъ, то не паче ли святъ бракъ чисто христіанскій? И эту-то святость христіанскаго брака имѣетъ въ виду Апостоль, когда говоритъ, что вдова можетъ вступить во второй бракъ *точно о Господѣ* (1 Кор. 7, 39). Выраженіе: *о Господѣ*, даетъ видѣть, что брачный союзъ христіанъ долженъ совершаться съ мыслию о Господѣ, во имя, во славу Его, слѣдственно имѣть религиозное освященіе. Разумѣется ли въ семъ случаѣ освященіе брака чрезъ особое священнодѣйствіе, именно таинство,—невидно. За то Апостоль довольно ясно говоритъ о таинствѣ брака въ другомъ мѣстѣ. Ученіе о семъ таинствѣ содержитсяъ въ слѣдующихъ его словахъ: *тайна сія*,—то-есть тайна отношеній мужа и жены, какъ единой плоти (о чемъ была у него предъ симъ рѣчь),—*велика есть. Азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 31. 32). Сими словами Апостоль возвышаетъ

христіанскій бракъ до значенія союза Христа съ церковію. Союзъ Христа съ церковію, какъ главы съ тѣломъ, есть союзъ таинственный, ибо непостижимый. На эту таинственность указываетъ союзъ мужа съ женою—физическій и нравственный, ибо, по словамъ св. Златоуста, также представляется нѣчто непостижимое въ томъ, какъ это человѣкъ для жены бросаетъ самыя кровныя связи съ отцемъ и матерью, и сливается съ существомъ, до толѣ ему чужимъ.—Далѣе,—что главнѣе всего въ ученіи о бракѣ, какъ таинствѣ, — союзъ Христа съ церковію есть союзъ благодатный, устрояемый посредствомъ таинства крещенія, чрезъ которое члены церкви облакаются во Христа, т.-е. вступаютъ въ такое близкое общеніе съ Нимъ, какъ рубашка близка къ тѣлу. Соотвѣтственно сему и христіанскому браку потребна благодать, которая и сообщается ему въ таинствѣ, — безъ нея онъ не можетъ быть образомъ союза Христа съ церковью. Ибо что требуется для того, чтобы бракъ былъ достойнымъ образомъ этого таинственнаго союза? Требуется, по слову Апостола, слѣдующее: «якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ. Мужіе любите своя жены, якоже Христосъ возлюбилъ церковь и себе предаде за ню» (Еф. 5, 24. 25). Здѣсь Апостоль установляетъ такое отношеніе между мужемъ и женою, которое можетъ быть соблюдаемо не иначе, какъ при содѣйствіи всесильной благодати. И эта благодать сообщается въ таинствѣ брака. Должно думать, что самъ Христосъ установилъ это таинство, тогда ли, когда Онъ изрекъ: «яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ»,—или въ промежутокъ времени между своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо, когда Онъ преподавалъ Апостоламъ наставленія объ устроеніи царствія Божія, т.-е. своей церкви (Дѣян. 1, 3).

Чинъ священнодѣйствія брака, какъ таинства, не вдругъ, безъ сомнѣнія, принялъ настоящій видъ, но постепенно развивался, какъ и всѣ церковныя службы. Что церков-

ное благословеніе и освященіе для брака во всѣ вѣка существованія Христовой церкви признаваемо было необходимымъ, это видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви и въ правилахъ соборныхъ. Намъ недостало бы времени перечислить всѣ эти свидѣтельства (см. ихъ въ Догматическихкихъ Богословіяхъ преосвященныхъ Макарія и Филарета черниговскаго). Замѣтимъ только, что въ греко-римской имперіи церковныя правила относительно брака долго не находили поддержки въ гражданскихъ законахъ, сохранившихся отъ временъ язычества. Уже со временъ Іустиніана законодательство гражданское по отношенію къ бракамъ начало приближаться къ церковному. Іустиніанъ по крайней мѣрѣ требовалъ, чтобы бракъ заключался при свидѣтеляхъ духовныхъ и при церковномъ чиновникѣ (екдикѣ). Императоръ Левъ Мудрый около 900 года издалъ законъ о томъ, чтобы браки, заключаемые безъ священническаго благословенія, не считались дѣйствительными,—и дозволенное до сего времени гражданскими законами наложничество запретилъ. Императоръ Алексѣй Комнинъ (1081 — 1118) издалъ постановленіе о церковномъ вѣнчаніи браковъ, еще болѣе строгое и рѣшительное. До сего времени вступали въ бракъ съ церковнымъ благословеніемъ только свободные граждане, рабы же лишены были сего благословенія произволомъ господъ. По законамъ римской имперіи рабъ былъ собственностію господина, какъ вещь. Права, принадлежавшія свободному гражданину во всѣхъ его состояніяхъ, даже въ жизни семейной, для раба были чужды и потому рабы не могли состоять въ дѣйствительномъ брачномъ союзѣ, а могли находиться только въ незаконномъ сожителствѣ съ женами. При распространеніи христіанства языческой взглядъ на рабство не вдругъ могъ примириться съ новымъ ученіемъ о равенствѣ рабовъ и господъ предъ лицомъ Вѣры. Этотъ взглядъ удержался и въ брачныхъ дѣлахъ рабовъ-христіанъ: господа не позволяли имъ вѣнчаться по

церковному изъ опасенія, что рабы, пользуясь съ ними одинаковыми правами въ вѣдрахъ церкви, сдѣлаются свободными. Алексѣй Комнинъ объявилъ, что господа, сочетающіе своихъ рабовъ безъ священнословія, утверждаютъ блудное сожитіе, и что если они по прежнему будутъ поступать такъ съ рабами, то не только повинны будутъ Божію гнѣву, но и лишены будутъ власти надъ рабами.—На Руси въ первыя времена христіанства церковный бракъ былъ тоже преимуществомъ лицъ высшаго сословія, а люди низшаго класса жили съ женами безъ вѣнчанія. Но противъ этого беззаконія возставали пастыри русской церкви и непокорныхъ церковнымъ постановленіямъ, вчипя съ блудниками, отлучали отъ церкви.

Мысль о святости христіанскаго брака сказалась въ церковныхъ законахъ о недозволениі брака въ извѣстныхъ близкихъ степеняхъ родства кровнаго и свойства, въ родствѣ отъ святаго крещенія.—Не только вѣнчаніе, но и предшествующее ему обрученіе, которое въ древности совершалось иногда за нѣсколько лѣтъ предъ бракомъ, почитаемо было столь священнымъ, что съ обрученной уже не могъ другой вступать въ бракъ при жизни жениха (Шест. соб. 98). — Соотвѣтственно попятію о святости христіанскаго брака вѣнчаніе въ древности соединялось съ причащеніемъ св. Тайнъ, а потому совершалось за литургіею. Когда оно совершалось послѣ литургіи, то женихъ и невѣста во время самаго вѣнчанія причащались преждеосвященныхъ Даровъ, при чемъ священникъ возглашалъ: «святая святымъ». — По правилу Кароагенскаго собора (13) новобрачные, ради благоговѣнія къ совершенному надъ ними таинству, должны пребывать первую почъ въ дѣвствѣ.—Строгія церковныя наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности (отлученіе отъ причащенія св. Тайнъ на 7—15 лѣтъ) также свидѣтельствуютъ, какъ высоко церковь смотритъ на святость брака. О томъ же свидѣтельствуетъ воззрѣніе церкви на вторичныя браки. Церковь никогда не запрещала вторич-

ныхъ браковъ, напротивъ отвергала, какъ ложное, мнѣніе нѣкоторыхъ еретиковъ (Монтанистовъ и Новатіанъ), которые хотѣли за двосбрачіе отлучать отъ церкви; впрочемъ, согласно съ ученіемъ ап. Павла, церковь всегда воспрещала поставлять въ священныя степени двоеженцевъ. Кромѣ того, двоеженцамъ запрещалось причащаться св. Таинъ на одинъ годъ, троеженцу—на три года, въ наказаніе за недостатокъ терпѣнія, самообладанія и преданности въ волю Божию. Въ чинѣ вѣнчанія второбрачныхъ пресобладаютъ молитвы о прощеніи имъ грѣха плотской немощи, побудившей ихъ вступить въ новый бракъ. По Василію великому, третій бракъ только лучше распутства. Даже язычники въ этомъ отношеніи были строги. Солонъ опредѣлилъ тяжкое наказаніе тому изъ аѳинскихъ гражданъ, кто рѣшился бы дать своимъ дѣтямъ мачиху. — О несомвѣстности полигаміи съ христіанствомъ и говорить нечего. Мармоны за ученіе о полигаміи лишены покровительства законовъ даже въ такой либеральной странѣ, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты.

Ограждая святость брака, церковь подвергла анаѳемѣ бракоборцевъ (Прав. Апост. 5. 51. Гангр. 19. 14). О появленіи ихъ предрекъ ап. Павелъ (1 Тим. 4, 2. 5). По ученію евангельскому и апостольскому дѣвство одобряется, даже предпочитается браку, но оно никому не вмѣняется въ непремѣнную обязанность, а предоставляется только хотящимъ и могущимъ вмѣстить. По слову Апостола, «бракъ (самъ по себѣ) честенъ и ложе (*супружеское*) нескверно» (Евр. 13, 4). Не такъ смотрѣли на бракъ появившіеся послѣ апостоловъ лжеучители. Они гнушались бракомъ, какъ дѣломъ грѣховнымъ, и старались распространить свое гнушеніе повсюду, такъ что еслибы восторжествовало ихъ лжеученіе, родъ человѣческой скоро исчезъ бы съ лица земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церковь. Апостоль называетъ бракоборцевъ, имѣющихъ появиться между христіанами, лицемѣрными лжесловесниками, сожженными совѣстію. Это значить, что они будутъ возвра-

нять бракъ во имя благочестія, почитая брачную жизнь препятствіемъ къ спасенію; но благочестіе ихъ будетъ лицемѣрно, ибо недобросовѣстно, — т.-е. гнушаясь бракомъ, они будутъ вести жизнь распутную, каковыми и были многіе изъ бракоборцевъ, появившихся вскорѣ послѣ временъ апостольскихъ. Бракоборство господствовало въ сектахъ Есеевъ, Сатурнина, Василида, Маркіона, потомъ у энкратитовъ, манихеевъ, евстаѳіанъ и друг. По ученію этихъ сектантовъ, заимствованному изъ восточной философіи, бракъ произошелъ отъ злаго начала. Потому нѣкоторые изъ нихъ, осуждая бракъ, предавались необузданному разврату, оправдывая себя тѣмъ, что тѣло есть произведеніе діавола и потому на зло ему надобно измощать тѣло посредствомъ распутства.

Бракоборцы по убѣжденію существуютъ и въ наше время. Ихъ не мало въ Америкѣ, обильной всякаго рода сектами. Тамъ есть такъ называемые *библейскіе коммунисты*, которые проповѣдуютъ всеобщій бракъ, — пантагамію. Они признаютъ нездоровою и гибельною исключительную привязанность двухъ особъ другъ къ другу. Въ домашнемъ быту у нихъ господствуетъ кровосмѣшеніе, такъ что одна и таже женщина бываетъ и сестрою и женою своего мужа. — *Шэкеры*, тоже американскіе сектанты, называютъ себя сынами благодати, вѣрятъ что наступило воскресеніе мертвыхъ, и согласно словамъ Спасителя, что по воскресеніи люди ни женятся ни посягаютъ, но живутъ какъ ангелы, — отрицаютъ бракъ, какъ не нужный для ангеловъ. — *Тункеры* же презираютъ бракъ какъ зло, отвергаютъ его, какъ одно изъ такихъ учрежденій, которыя исполнили свое назначеніе и теперь исчезли, по крайней мѣрѣ насколько это касается избранныхъ дѣтей благодати *).

Обратимся къ русскимъ бракоборцамъ. Главные между

*) Свѣдѣнія объ американскихъ бракоборцахъ сообщаются въ книгѣ А. Надеждина: „Права и значеніе женщины въ христіанствѣ“. 1877 г. стр. 65—67.

ними — безпоповцы Ѳедосѣвскаго толка. По ихъ ученію, брака со времени патріарха Никона нѣтъ, потому что некому вѣнчать. Наступило царство антихриста. Не только священники, но и гражданскія власти, начиная съ царя, суть слуги антихриста. Государственные гербы на монетахъ и на документахъ — печати антихриста. — Ѳедосѣвцы проповѣдуютъ безбрачіе; но это не значить, что они проводятъ дѣвственную жизнь. Ихъ секта позволяетъ своимъ послѣдователямъ какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвизающимся въ общинахъ или монастыряхъ блудное сожитіе, къ общему соблазну согражданъ и крайнему несчастію незаконнорожденныхъ дѣтей. Блудное сожитіе они хоть и почитаютъ грѣхомъ, но, при отсутствіи благодати таинства брака въ антихристово время, грѣхомъ извинительнымъ и легко очищаемымъ. «Женатые грѣшатъ, да не каются, а мы грѣшимъ, да каемся», — говорятъ они. Вражда къ браку выражается у нихъ и въ другихъ болѣе грубыхъ поговоркахъ *). Дѣтей отъ блуднаго сожитія они не всегда держатъ при себѣ, но сбываютъ ихъ въ воспитательные дома, а прежде даже убивали и топили ихъ въ знаменитомъ Хапиловскомъ прудѣ. Почитая бракъ непростительнымъ грѣхомъ, Ѳедосѣвцы поступающихъ въ ихъ общество женатыхъ людей разлучаютъ съ женами. Тѣ же которые по переходѣ въ ихъ секту вступаютъ въ бракъ совершаемый чрезъ родительское благословеніе, называются у нихъ новоженами и, какъ величайшіе грѣшники, не допускаются въ общеніе съ ними въ молитвахъ, пока не разведутся. Дѣтей, рожденныхъ отъ новоженъ, Ѳедосѣвцы или не крестятъ, или если окрестятъ, то съ тѣмъ, чтобы матери не кормили ихъ грудью и своимъ молокомъ не оскверняли ихъ. — Такова бракоборная секта, уничтожающая въ корнѣ семейную жизнь, враждебная церкви и вредная государству. Между тѣмъ, какъ ни дико, какъ ни безнравственно ученіе этой секты,

*) Напримѣръ: „лучше семерыхъ родить, чѣмъ замужъ выходить“.

за нее, какъ и вообще за расколъ, стоять многіе органы гласности. Раздаются громкія жалобы на стѣснительные для раскола законы, на неуваженіе къ свободѣ совѣсти. Противъ свободы совѣсти никто конечно не думаетъ возставать, запрещается только оказательство раскола, стѣсняется свобода его распространенія. Но защитники раскола требуютъ для него безусловной свободы въ богослуженіи и въ распространеніи его ученія даже путемъ печати. Насъ возмущаетъ сквернословіе на улицахъ и на площадяхъ; но въ случаѣ, еслибы расколу разрѣшено было защищать себя и распространяться посредствомъ печатной гласности, — это было бы ничѣмъ не лучше сквернословія: не только противъ церкви, но и противъ гражданской власти посыпались бы тогда въ печати омерзительныя выраженія, какія только можетъ придумать заклятой врагъ церкви и государства. Защитники раскола не боятся торжественнаго поруганія церкви, лишь бы господствовала свобода выраженія мнѣній. И пусть бы требовали этой свободы ни во что невѣрующіе, и вмѣстѣ враждебно относящіеся къ существующему государственному строю: они вступаются за расколъ потому, что стоятъ на одной съ нимъ почвѣ вражды къ церкви и иногда государству. Къ сожалѣнію и между ревнителями православія есть многіе, которые тоже стоятъ за свободу раскола, но которыхъ ревность къ православію омрачается враждою къ православному духовенству. Духовенство, по ихъ словамъ, ничего будто (!) не дѣлаетъ для противо-дѣйствія расколу путемъ убѣжденій, но оно пробудилось бы отъ постыдной спячки, еслибы стало лицомъ къ лицу предъ расколомъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Справедливъ или нѣтъ разсчетъ такихъ защитниковъ свободы раскола, но во всякомъ случаѣ сочувствіемъ къ свободѣ раскола, и ожесточенными нападеніями на духовенство они сильно поддерживаютъ расколъ въ его упорствѣ противъ истины. Предоставляя одному духовенству обличать и обращать раскольниковъ, они ни однимъ словомъ не проговариваются для вразумленія ихъ.

Всѣ исчисленные бракоборцы возстають противъ брака по религіознымъ побужденіямъ. Но есть и такіе, которые отвергаютъ бракъ во имя чисто-животныхъ побужденій. Разумѣемъ нашихъ социалистовъ и пигилистовъ. вмѣсто брака они проповѣдуютъ проституцію. «Нельзя считать паденіемъ, говорятъ и пишутъ они, если женщина предается съ полвѣйшею свободою половому наслажденію любовію. Дѣйствительное паденіе—бракъ. Проституція выше брака и противъ публичныхъ женщинъ могутъ возставать только чопорные пуристы формальнаго цѣломудрія» (см. изложеніе ихъ ученія въ Русскомъ Вѣстникѣ 1881 г. ноябрь, стр. 99). Дай волю этимъ бракоборцамъ, они весь міръ готовы были бы обратить въ непотребный домъ.

Къ бракоборцамъ должно отнести наконецъ тѣхъ, которые уклоняются отъ брака затѣмъ только, чтобы пожить въ свое удовольствіе. Брачная жизнь пугаетъ ихъ сопряженными съ нею тяжкими заботами и обязанностями. То ли дѣло разсуждаютъ они, не отказывать себѣ ни въ чемъ, и всѣми удовольствіями наслаждаться спокойно, зная, что за вами не слѣдятъ ревнивые глаза жены, не тревожатъ дѣти. Бракъ они иначе не называютъ, какъ цѣпями, которыя опутываютъ мужа и жену такъ, что они лишены свободы ни идти, куда бы каждому изъ нихъ хотѣлось, ни разойтись. Они ненавидятъ бракъ, потому что ненавидятъ обязанности, которыя онъ налагаетъ. И слѣдуя сами такому воззрѣнію на бракъ, они стараются навязать его другимъ, особенно тѣмъ, на кого простираютъ незаконные виды. И кому не извѣстно, какія печальныя послѣдствія проистекають отъ того! Тамъ дѣвица, радость и утѣшеніе отца съ матерью, дѣлается легкою жертвою соблазна; здѣсь жена нарушаетъ супружескую вѣрность,—и счастье благословеннаго дотолѣ семейства на вѣки пропадаетъ.

Нарушеніе супружеской вѣрности есть одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ, которыми оскорбляется святость брачна-

го союза. О тяжести его можно судить по строгости епитимій, за него налагаемыхъ. Оно есть поруганіе благословенія Божія, освятившаго супружескій союзъ. Прелюбодѣй дасть отвѣтъ передъ Богомъ не только за униженіе дара благодати, преподанной ему въ таинствѣ брака, но и за горе, которое онъ причиняетъ своимъ поведеніемъ вѣрной женѣ, за соблазнъ для дѣтей и ближнихъ, за тѣхъ лицъ, съ которыми онъ беззаконничаетъ. Къ сожалѣнію этотъ грѣхъ — обыкновенное явленіе въ наше время. Въ низшихъ слояхъ общества онъ усиливается отъ распространенія пьянства, отъ фабричной жизни, отвлекающей рабочаго человѣка отъ семьи; въ среднихъ и высшихъ кругахъ — отъ легкаго воззрѣнія на брачныя обязательства. Многіе не даютъ имъ никакого значенія, потому что не придають значенія самому таинству брака: въ ихъ глазахъ это одна формальность, которой должно волей-неволей подчиняться для законности брака. Нарушеніе супружеской вѣрности они почти и грѣхомъ не почитаютъ. Развѣ я не могу отобѣдать въ ресторанѣ потому только, что у меня дома есть своя кухня? говорятъ они въ оправданіе своего беззаконія, не обращая вниманія на то, что ресторанъ самъ по себѣ не предосудителенъ, слѣдственно не можетъ быть сравниваемъ съ пріютомъ разврата. — Ходячія повсюду идеи о женской эманципаціи пагубно отзываются на супружеской вѣрности. Иная жена, пропитанная этими идеями, до того увлекается мечтами о своихъ правахъ, что не хочетъ знать объ обязанностяхъ. Она имѣетъ общаго съ мужемъ только то, что живетъ подъ одною съ нимъ кровлею, но не признаетъ для себя обязательнымъ нераздѣльно принадлежать тому, съ кѣмъ должна составлять одну плоть. Напрасно мужъ сталъ бы напоминать ей о долгѣ, о приличіи; она назоветъ его требованія смѣшными, устарѣлыми, дикими, заговоритъ ему о сердечномъ влеченіи, какъ о единственномъ законѣ, которому она должна подчиняться въ выборѣ предмета личной привя-

занности. Напрасно мужъ сталъ бы указывать ей на дѣтей, данныхъ имъ отъ Бога; напрасно сталъ бы говорить ей, что дѣти должны быть предметомъ общей ихъ привязанности и любви, слѣдственно хоть ради дѣтей ей не слѣдуетъ пренебрегать мужемъ: эманципированная жена всегда бываетъ дурная мать. Она тяготится дѣтьми, они ей мѣшаютъ пользоваться свободою жизни, а потому заботу о нихъ она сваливаетъ на однихъ нянекъ, кормилицъ, гувернеровъ. Понятно послѣ этого, каковы могутъ быть отношенія между супругами, изъ которыхъ одинъ признаетъ священными узы брака, а другая ни во что ставить ихъ. Впрочемъ есть и такіе браки, гдѣ мужъ совершенно согласенъ съ ложнымъ мнѣніемъ жены объ эманципаціи и сквозь пальцы смотритъ на ея распущенное поведеніе, лишь бы только она не мѣшала ему самому жить такъ, какъ ему хочется, не стѣсняла его спонсией съ женщинами, которыя ему нравятся. Въ одной изъ нашихъ столицъ за пѣсколько лѣтъ была оригинальная свадьба. Женихъ и невѣста запаслись обручальными кольцами, на которыхъ вырѣзано было слово: *свобода*. Отъ чего свобода? Отъ супружескаго долга. Будемъ жить вмѣстѣ, разсуждали они, пока это удобно для насъ и пока не надоѣли другъ другу. Въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ воленъ поступать какъ захочетъ,—даже выбрать для себя какое угодно знакомство, и т. далѣе. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и вступать въ бракъ? Бракъ есть обязательство, а отнюдь не свобода. Зачѣмъ было обручаться, зачѣмъ мѣняться обручальными кольцами? Эти кольца—залогъ супружеской вѣрности,—залогъ священный, ибо прежде чѣмъ священникъ вручаетъ ихъ жениху и невѣстѣ, онъ полагаетъ ихъ на престолъ, освящаетъ ихъ прикосновеніемъ къ нему, и потомъ уже съ молитвою соединяетъ ими жениха и невѣсту во имя святаго Троицы. Какое поруганіе святыни—знаки обязательства обращать въ знаки свободы отъ него! Какое возмутительное кощунство надъ церковнымъ священнодѣйствіемъ!

Святость брачнаго союза оскорбляется не одною супружескою невѣрностію, но и другими грѣхами, особенно раздорами между мужемъ и женой и вообще семейными неурядицами. Исчислять ихъ не имѣемъ времени. Скажемъ только, что семейныя неурядицы, ослабляя узы брачной жизни, бывають причиною исковъ о разводѣ. Разводъ возможенъ, по слову Христа Спасителя, въ случаѣ прелюбодѣвія, также, по слову ап. Павла, въ случаѣ оставленія супругомъ нехристіаниномъ другаго супруга, принявшаго христіанство. Кромѣ того, не въ противорѣчіе словамъ Христа и Апостола, а отчасти съ примѣненіемъ къ разводу ученія о свободѣ отъ брачныхъ узъ въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ,—по дѣйствующимъ у насъ законамъ бракъ можетъ быть расторгаетъ по причинѣ ссылки одного изъ супруговъ съ лишеніемъ правъ состоянія, если другой не послѣдуетъ за нимъ, — по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, продолжающемся болѣе 5 лѣтъ. — Дозволеніе развода по природной неспособности къ супружескому сожитію,—также въ случаѣ взаимнаго согласія обоихъ супруговъ поступить въ монашество, можетъ быть разсматриваемо какъ дѣйствіе особеннаго снисхожденія къ желающимъ разлученія, какъ исключеніе изъ общаго строгаго правила о разводахъ *). Но людямъ вѣка этихъ причинъ къ разводу недостаточно,—они хотятъ или добиться неограниченной свободы разводовъ, или расширить кругъ причинъ къ разводу. Въ послѣднемъ отношеніи многимъ хотѣлось бы достигнуть того же, что существуетъ въ протестантскихъ государствахъ. Такъ въ прусскихъ законахъ разводъ дозволяется по поводу жестокаго обращенія съ женою, зазорнаго

*) Подобное разширеніе поводовъ къ разводу существовало въ старинныхъ, давно не дѣйствующихъ, законахъ византійскихъ императоровъ. Такъ мужу позволялось просить развода, если жена знаетъ заговоръ на жизнь царя и не откроетъ о томъ мужу,—и др. См. „Записки по церковному законодѣвію“, прот. Скворцева. 1861. стр. 229.

промысла того или другаго изъ супруговъ, упорнаго пьянства, развратнаго поведенія, мотовства, вслѣдствіе явнаго отвращенія супруговъ другъ къ другу, когда нѣтъ надежды на примиреніе. Даже дозволяется искать развода безъ воли супруга, вслѣдствіе отвратительныхъ и тяжкихъ болѣзней его, затрудняющихъ исполненіе супружескихъ обязанностей. Прусскіе законы предоставляютъ суду расторгать бракъ въ случаѣ бездѣтства, если рѣшеніе супруговъ можно будетъ признать въ семъ случаѣ обдуманнѣйшимъ.—Такое легкое отношеніе къ дѣлу о разводахъ понятно въ государствахъ протестантскихъ. Протестанты, хотя не отвергаютъ важности церковнаго благословенія для брака, не признаютъ бракъ за таинство, запечатлѣвающее особенную благодатію неразрывной супружеской союзъ. Если бракъ есть простое обрядовое дѣйствіе, то конечно уничтожить силу брака есть дѣло менѣе противное благочестію, чѣмъ рѣшиться на это при возрѣніи на него, какъ на таинство. Строгіе протестанты не одобряютъ разводовъ, но примиряются съ ними потому, что видятъ въ нихъ и въ слѣдующихъ за ними новыхъ бракосочетаніяхъ лучшей исходъ изъ неправильнаго положенія въ несчастномъ бракѣ. Но съ христіанской точки зрѣнія не хорошо то, что въ виду легкой возможности освободиться отъ нелюбимаго лица посредствомъ развода съ нимъ ослабляются христіанскія отношенія къ нему, не принимается никакихъ мѣръ къ тому, чтобы при помощи христіанской любви и терпѣнія сдѣлать скольконибудь сноснымъ продолженіе сожитія съ нимъ. Уклоненіе отъ этого христіанскаго долга—дѣло не нравственное и нехристіанское. Если и чужіе должны носить немощи ближнихъ, не паче ли должно такъ поступать въ отношеніи къ своему мужу и женѣ. Какъ ни тяжело жить вмѣстѣ съ тѣмъ, къ кому не только не лежитъ сердце, но еще чувствуется положительное отвращеніе,—чувство долга должно превозмогать. Христіанинъ ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни не долженъ забывать заповѣди Христа о кре-

стѣ и самоотверженіи. Скажутъ ли, что эта заповѣдь требуетъ отъ человѣка непосильной жертвы и неудобноисполнима? Но Христосъ не далъ бы заповѣди неудобноисполнимой и невозможнаго не потребовалъ бы отъ насъ. Онъ знаетъ нашу немощь для борьбы съ искушеніями,—Онъ даже одинъ вѣдаетъ человѣческаго существа немощь. Онъ при томъ не только всевѣдущъ, Онъ еще всемогущъ, — Онъ всегда готовъ дать помощь для исполненія заповѣди, которую Онъ же далъ. Вашъ мужъ буенъ, развратенъ, — жить съ нимъ сущій адъ. Но лучше здѣсь пережить адское состояніе, чѣмъ подвергнуться опасности попасть въ загробный адъ въ наказаніе за нетерпѣніе, за своевольное и дерзкое презрѣніе заповѣдей Господнихъ. Особенно безыравственно искать развода съ мужемъ или женою по причинѣ ихъ тяжелой болѣзни. Болѣзнь—несчастье. Несчастному надобно помогать, а не бѣжать отъ него. Такъ должно поступать не въ отношеніи только къ своимъ, но и къ чужимъ.—Причиною иска разводовъ нерѣдко служитъ желаніе узаконить свои нечистыя отношенія къ другому лицу, ставшему между мужемъ и женою. Случается, что знакомство съ этимъ лицомъ переходитъ въ грѣшное пристрастіе и сопровождается нарушеніемъ супружеской вѣрности, и мирныя дотолѣ супружескія отношенія разстраиваются, а немирныя еще больше ухудшаются и является мысль о разводѣ съ надеждою счастливо зажить въ законномъ бракѣ съ любимымъ лицомъ. «Говорятъ: другаго исхода нѣтъ. Человѣкъ не властенъ надъ своимъ сердцемъ. Положеніе человѣка, закономъ связаннаго съ однимъ, а сердцемъ преданнаго другому,—фальшивое положеніе,—лучше прекратить его». Такъ выходитъ съ плотской точки зрѣнія. Но не такъ долженъ разсуждать христіанинъ. «Если око твое правое соблазняетъ, вырви его; если правая рука или нога соблазняетъ тебя,—отруби ихъ»,—вотъ заповѣдь Христова. Это значить, что христіанинъ долженъ пресѣчь соблазнительное для него знакомство съ такимъ же самоотвержені-

емъ, съ какимъ рѣшаются на операцію отсѣченія больныхъ членовъ тѣла. Пусть лице, къ которому ты привязался, для тебя дорого, какъ правый глазъ, сдѣлалось для тебя необходимымъ, какъ правая рука или нога,—прерви во что бы ни стало общеніе съ нимъ, не жалѣй себя здѣсь, чтобы въ наказаніе за продолженіе этого пагубнаго общенія не попасть въ геенну огненную.—Требуютъ измѣненія законовъ о разводѣ на болѣе льготные въ виду помянутыхъ поводовъ къ разводу. Но уступать этимъ требованіямъ несогласно съ достоинствомъ законодательства. Эти требованія суть слѣдствія нравственнаго упадка въ обществѣ,—освящать ихъ закономъ значитъ узаконять беззаконіе. Законодательство должно противодѣйствовать нравственному упадку общества, а не малодушно подчиняться заявляемымъ жизнію легкомысленнымъ требованіямъ. Это было бы не законодательство, а контрактъ побѣдителя съ побѣжденными,—оно очутилось бы въ положеніи побѣжденной стороны, самомъ унижительномъ. Либералы отъ самой церкви требуютъ льготныхъ узаконеній для облегченія разводовъ. Но церковь не вправѣ отступать отъ древнихъ вселенскихъ каноновъ. Пусть такъ, говорятъ; но нельзя ли, не измѣняя законовъ, дѣлать снисхожденіе въ примѣненіи ихъ? Нельзя ли пустить въ ходъ теорію усмотрѣнія, которая, говорятъ, въ обширныхъ размѣрахъ практикуется въ единовѣрныхъ намъ церквахъ Востока, когда находятъ нужнымъ обойти законъ?—Но подобныя примѣры для насъ необязательны, особенно въ наше время, не удовлетворяющееся никакими уступками. Не дай Богъ, чтобы въ этомъ случаѣ законъ остался мертвою буквою и принято было въ нарушеніе его руководствоваться теоріею усмотрѣній. Сдѣлай на основаніи этой теоріи одному снисхожденіе, нельзя было бы отказать въ немъ другому, чтобы не навлечь упрека въ пристрастіи къ однимъ и въ несправедливости къ другимъ.—Недовольные нашими законами о разводахъ желали бы изъять судъ по этимъ дѣламъ изъ церковнаго вѣдомства и передать

въ свѣтскіе суды. Но, повторимъ слова митрополита Платона, если бракъ есть таинство, а власть совершать таинства принадлежитъ церкви, то и уничтожать силу таинства, расторгать бракъ, можетъ одна церковь. Если свѣтскіе присвоятъ себѣ власть расторгать бракъ, то слѣдуетъ имъ и благословлять бракъ (Мнѣніе митрополита Платона, см. въ книгѣ: Предполагаемая реформа дух. суда. Часть 1. § 85). Передать церковное дѣло свѣтскимъ судамъ и предоставить церкви только исполненіе ихъ рѣшеній, уничтоженіе силы таинства, значить подвергать крайнему униженію церковь. Благодаря извѣстному искусству адвокатовъ бѣлое дѣлать чернымъ и черное бѣлымъ, легко торжествовала бы на свѣтскихъ судахъ по этимъ дѣламъ самая вопіющая неправда: сообразно ли было бы съ достоинствомъ церкви закрѣплять ее своимъ утвержденіемъ? — Жалуются на крайнюю неудовлетворительность приказныхъ формъ консисторскаго суда по дѣламъ бракоразводнымъ. Это правда, но дѣло поправимое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ разсматриваемъ въ особомъ комитетѣ проектъ реформы духовнаго суда. Проектомъ предположено было изъять бракоразводныя дѣла изъ дух. вѣдомства. Предположеніе не было принято, но необходимость улучшенія консисторскаго судопроизводства была признана всѣми, и надобно думать, что реформа въ этомъ смыслѣ современнымъ осуществится и для жалобъ на епархіальный судъ не будетъ справедливаго повода.

Съ бракоразводнымъ вопросомъ имѣетъ связь вопросъ о гражданскихъ бракахъ. Брачный разводъ несомнѣтеленъ съ заповѣдію Христовою: *яже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*. Но если сочетаваетъ человекъ, то человекъ же и разлучать можетъ, — дѣло человеческое можетъ быть разрушаемо человекомъ же. — Гражданская форма брака явилась сначала въ Голландіи, потомъ, со времени революціи, во Франціи, позже въ Бельгіи, въ Австріи и другихъ странахъ. Изъ православныхъ государствъ она существуетъ только въ Румыніи, гдѣ въ 1864 году, по

настоянію господаря князя Кузы, стремившагося повсюду вводить французскіе обычаи вопреки желанію и нравамъ народа, приняты въ законъ постановленія французскаго кодекса о бракахъ. Нужно ли желать, чтобы и у насъ появился подобный законъ? Нужно ли желать, чтобы бракъ православныхъ русскихъ заключался не въ церкви, при посредничествѣ священнослужителя, а въ камерѣ мирового судьи, нотариуса, въ кварти! участковаго пристава, въ волостномъ правленіи? Нужно ли намъ въ этомъ отношеніи брать за образецъ иностранныя государства? Избави Богъ. Тамъ гражданская форма брака введена вслѣдствіе условій, совершенно чуждыхъ нашей жизни. Прежде всего она появилась въ странахъ съ господствующимъ римскокатолическимъ вѣроисповѣданіемъ. Римская церковь рѣдко уживается мирно съ государствомъ вслѣдствіе притязаній на политическое преобладаніе, вслѣдствіе стремленій къ достиженію отдѣльныхъ отъ государства политическихъ цѣлей. Въ видахъ противодѣйствія этимъ стремленіямъ, для государства на западѣ стало потребностію провозгласить теорію отдѣленія церкви отъ государства. Эта теорія должна была коснуться и брака по поводу непрерывныхъ пререканій о бракъ между церковію и государствомъ, на примѣръ по поводу пререканій о смѣшанныхъ бракахъ и о степеняхъ родства дозволительныхъ для брака. Бракъ взятъ государственною властію въ свое завѣдываніе и гражданская форма брака явилась въ смыслѣ или общеобязательной, или дозволенной и произвольной формы, съ предоставленіемъ впрочемъ, и въ первомъ случаѣ послѣ гражданскаго заключенія брака обращаться желающимъ къ благословенію церкви. Въ государствахъ протестантскихъ еще легче было дать мірской характеръ заключенію браковъ при отрицаніи таинства брака.—Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ ничего похожаго на борьбу церкви съ государствомъ. Наша церковь уважаетъ законы государства, и государство всегда соображаетъ свои узаконенія съ церковными. При

такомъ единеніи церкви и государства есть ли какая надобность сочинять и вводить въ дѣйствіе гражданскую форму браковъ? *). Для кого она нужна? Для вѣрующихъ? Напротивъ, это только возмутило бы ихъ совѣсть, оскорбило бы ихъ религиозное чувство. Для невѣрующихъ, число которыхъ возрастаетъ значительно въ наше несчастное время?—Но измѣнять въ угоду имъ вѣковые законы о бракѣ значило бы только поощрять ихъ печестіе къ соблазну вѣрующихъ душъ. Но съ другой стороны нельзя же вѣнчать ихъ въ церкви, когда всѣмъ извѣстно ихъ невѣріе и пренебреженіе къ церкви. Какъ тутъ быть?—Ничего тутъ не остается дѣлать, какъ предать ихъ дѣйствію ихъ злой воли: *скверный да сквернится еще, неправедный да творитъ неправду еще*,—и молить Господа о вразумленіи ихъ. Но какъ быть съ дѣтьми отъ незаконныхъ сожитій этихъ людей? — Дѣтей надо пожалѣть. Они невиновны, что имѣютъ невѣрующихъ и нечестивыхъ родителей. Не беремся здѣсь рѣшать вопросъ о гражданскихъ и имущественныхъ правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей. По крайней мѣрѣ надобно позаботиться о религиозно-нравственномъ ихъ воспитаніи. Этихъ несчастныхъ дѣтей непременно надобно оградить отъ нечестія ихъ родителей, отъ ихъ пагубнаго воспитанія. Можно ли это сдѣлать не разлучая ихъ съ родителями? Можно. У насъ есть институтъ воспріемниковъ или поручителей за вѣру крещаемыхъ. Дѣло воспріемниковъ не въ томъ только состоитъ, чтобы постоять при купели, прочесть за крещаемого символъ вѣры, принять на себя извѣстные расходы, но главнымъ образомъ въ попеченіи о воспитаніи крестныхъ дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія, въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи св. Церкви. Устранять воспріемника отъ этого попеченія не виравъ плотскіе родители. Ихъ дѣти суть вмѣстѣ дѣти Церкви. Она имѣетъ

*) Подробную критику гражданскихъ браковъ см. въ сочиненіи К. П. Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права, ч. 2. 1875 г., стр. 61 и д.

надъ ними непререкаемую духовную власть,—она ихъ мать. Но такъ какъ всей церковной общинѣ неудобно слѣдить за каждымъ изъ своихъ членовъ, то ближайшее попеченіе о дѣтяхъ возлагается на ихъ воспріимниковъ, которые въ семь случаѣ являются представителями церковнаго общества и обязаны наблюдать за отношеніями къ своимъ крестникамъ плотскихъ родителей ихъ, не вредять ли эти отношенія вѣрѣ и благочестію дѣтей, не препятствуютъ ли имъ быть истинными чадами Церкви. Особенно зорко должно слѣдить за воспитаніемъ дѣтей родителей невѣрующихъ и нечестивыхъ. Не дай Богъ дѣтямъ имѣть такихъ родителей. Отъ незаконныхъ сожитій рождающіяся дѣти вообще подвергаются опасности или совсѣмъ не получить воспитанія, или получить худое. Но эта опасность увеличивается, если незаконно-сожительствующіе родители недугуютъ невѣріемъ и нечестіемъ. Ни церковь, ни государство не въ силахъ пресѣчь незаконныя сожитія,—по крайней мѣрѣ они могутъ и должны принимать мѣры къ спасенію отъ нравственнаго растлѣнія незаконнорожденныхъ дѣтей. Церковь не должна терять въ нихъ послушныхъ чадъ, государство — благонадежныхъ гражданъ.

Прот. В. Нечаевъ.

ОТЧЕТЪ

по Братству св. Петра митрополита за
1881 годъ,

читанный въ общемъ собраніи членовъ, 21 декабря секретаремъ
Совѣта.

1. Нынѣшній отчетъ по Братству слѣдуетъ начать извѣстіемъ о благополучно совершившемся окончаніи давняго Братскаго дѣла. Изъ отчетовъ за два прошедшіе года вамъ извѣстно, какое близкое участіе было принимаемо Братствомъ въ изданіи по подлинному списку Дѣяній собора 1667 года, чрезъ составленіе предисловія къ этому изданію и наблюденіе за исправностію печатанія, производившагося въ Синодальной типографіи. Въ истекшемъ году печатаніе книги было совсѣмъ окончено, и отношеніемъ отъ 4-го августа контора Синодальной типографіи спрашивала Совѣтъ, не желаетъ ли Братство приобрести въ собственность все изданіе книги съ уплатою израсходованной на бумагу, печать и литографическія таблицы суммы 1957 р. 75 к. и какимъ количествомъ экземпляровъ книги слѣдуетъ вознаградить тѣхъ членовъ Братства, которые принимали ближайшее участіе въ ея изданіи. Совѣтъ на отношеніе типографіи отвѣтилъ, что Братство не имѣетъ средствъ приобрести книгу, изданіе которой, требовавшее такихъ значительныхъ расходовъ, и не рѣшилось бы предпринять на собственный счетъ, что оно также не находитъ удобнымъ опредѣлять размѣръ вознагражденія за труды своихъ членовъ, въ полной увѣренности, что всякое вознагражденіе будетъ принято ими съ благодарностію. Тогда послѣдовало опредѣленіе св. Синода—выдать по 100 экз. книги двумъ членамъ Братства, принимавшимъ ближайшее участіе въ ея изданіи, потребное для возмѣщенія типографскихъ расходовъ количество экз. пустить въ продажу въ синодальныхъ лав-

кахъ, а остальные разослать по епархіямъ для приходоу, зараженныхъ расколомъ. Упомянувъ съ особеннымъ утѣшеніемъ объ этомъ послѣднемъ распоряженіи, мы теперь можемъ сказать, что цѣль, которую имѣло Братство, начиная это, такъ долго тянувшееся, дѣло объ изданіи Дѣяній собора 1667 г. по подлинному списку, достигнута: книгою будутъ пользоваться именно тѣ, для кого она всего болѣе необходима, и при этомъ въ предисловіи къ книгѣ будутъ имѣть достаточное руководство къ правильному разумѣнію соборныхъ постановленій. Что изложенное въ предисловіи возрѣніе на эти постановленія и особенно на такъ называемыя клятвы собора правильно, что такъ именно разумѣть ихъ и св. Синодъ, подтвержденіе этому мы съ особеннымъ удовольствіемъ находимъ въ недавнемъ синодальномъ указѣ «о дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ въ правилахъ Единовѣрія», гдѣ съ настойчивостію высказана мысль, что «клятвы собора положены не на обряды (такъ называемые старыя), а на тѣхъ, которые по неразумному пристрастію къ симъ обрядамъ, вопреки любви христіанской и послушанію, отдѣлились и отдѣляются отъ православной церкви, почитая оную еретицествующею».

Переходя за симъ къ отчету о собственной издательской дѣятельности Братства въ минувшемъ году, прежде всего съ прискорбіемъ вынуждаюсь сказать, что крайне печальныя семейныя обстоятельства, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поглощавшія все мое вниманіе и всѣ мои заботы, лишили меня возможности принимать близкое участіе и въ этомъ и въ другихъ дѣлахъ Братства, какое я всегда принималъ и желалъ принимать, такъ что и самый желанный для меня трудъ, которымъ всегда занимался я съ особенной любовью,—трудъ изданія «Матеріаловъ для исторіи раскола» былъ вынужденъ прекратить: VII-й томъ этого изданія, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ я долженъ былъ бы представить теперь вашему вниманію, не только не началъ печатаніемъ, но даже и не вполне приготовленъ къ изданію. Питаю надежду, что эта невольная съ моей стороны неисправность не будетъ поставлена мнѣ въ вину. И хотя чувствую, что мои нравственныя силы не настолькоъ еще возстановлены послѣ нанесеннаго мнѣ удара тяжелой семейной потерей, чтобы можно было спокойно заниматься учеными рабо-

тами, однакоже, уповая на помощь Божію, рѣшаюсь немедленно приступить къ продолженію нежданно прерваннаго изданія. Ободряюсь и тѣмъ, что теперь имѣю для этого дѣла новаго, надежнаго сотрудника въ достоуважаемомъ Х. К. Максимовѣ, котораго, какъ человѣка съ свѣжими силами, уже достаточно знакомаго съ расколомъ и, что особенно дорого, всей душой преданнаго дѣлу служенія церкви, дозволяю себѣ при этомъ случаѣ рекомендовать особенному вниманію Братства: отъ его участія въ Братскихъ трудахъ мы можемъ съ увѣренностію ожидать несомнѣнной пользы.

Дѣятельность Братства по изданію противураскольническихъ сочиненій въ минувшемъ году, говоря вообще, не представляется богатою, особенно въ сравненіи съ 1880 годомъ, очень примѣчательнымъ въ этомъ отношеніи. Но и теперь мы можемъ назвать нѣсколько новоизданныхъ книжекъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Между ними первое мѣсто принадлежитъ «Бесѣдамъ о архимандрита Павла о свидѣтельствахъ и сватоподобіяхъ, приводимыхъ поповцами въ защиту ихъ глаголемаго священства». Бесѣды печатались первоначально въ «Душеполезномъ Чтеніи», и потомъ, будучи вновь пересмотрѣны и приведены въ порядокъ, составили настоящую книжку. Въ ней съ достаточной полнотою и твердой основательностію, но кратко и въ общедоступной формѣ бесѣдъ, изложены тѣ основанія, заимствованныя изъ церковныхъ правилъ, отеческихъ писаній и церковной исторіи, которыми поповцы тщились и тщатся оправдать свое «бѣгствующее» священство и священство австрійское, ведущее начало отъ бѣглаго же митрополита Амвросія. Въ такомъ разсмотрѣннн одного изъ очень важныхъ вопросовъ полемики противъ раскола давно чувствовалась нужда,—и Братство, издавъ почтенный трудъ о. архим. Павла, сдѣлало дѣло поистинѣ полезное. Книжка напечатана въ количествѣ 6000 экз. Другое изданное Братствомъ сочиненіе есть «Записка» о бесѣдѣ сызранскаго священника—миссіонера Кирилла Онуфріева съ хорошо извѣстнымъ вамъ безпоповскимъ проповѣдникомъ Иваномъ Зыковымъ. Объ этой бесѣдѣ, не безъ участія, конечно, самого Зыкова, одною изъ расколочувобивыхъ газетъ *), которыхъ развелось теперь такъ много, были со-

*) Русскія Вѣдомости 1881 г. № 105.

общены самия лживыя извѣстія, неволью обратившія на себя вниманіе даже лицъ высокопоставленныхъ: въ опроверженіе этой наглой злонамѣренной лжи и составлена упомянутая «Записка», правдивость которой удостовѣрена присутствовавшими на бесѣдѣ, достойными довѣрія свидѣтелями. Въ уваженіе къ такой ея цѣли и къ самому содержанию, представляющему дѣльныя замѣчанія противъ безпоповства, Братство и нашло нужнымъ напечатать «Записку» особою книжкою въ количествѣ 2400 экз. Еще напечатанъ въ количествѣ 6000 экз. отдѣльный листокъ, содержащій выписку изъ лицеваго древленисьменнаго Апокалипсиса бібліотеки А. И. Хлудова, съ соответствующимъ рисункомъ, — именно же выписку изъ толкованія на 1-й и 7-й стихи 20 главы Апокалипсиса о связаніи сатаны на тысячу лѣтъ, превратно объясняемые безпоповцами примѣнительно къ ихъ ученію объ антихристѣ: для обличенія этихъ безпоповскихъ лжетолкованій и найдено полезнымъ напечатать упомянутый листокъ. Кромѣ того явилась надобность повторить нѣкоторыя изъ прежнихъ Братскихъ изданій. Такъ напечатано вторымъ изданіемъ въ количествѣ 5000 экз. весьма важное по своему содержанию и съ большимъ знаніемъ дѣла составленное сочиненіе о іером. Филарета: «Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ, изданныхъ первыми пятью російскими патріархами»: книжки этой оставалось уже самое незначительное количество и въ новомъ ея изданіи чувствовалась настоятельная нужда. Сдѣлано также новое, уже третье по счету, изданіе составленныхъ тѣмъ же авторомъ извѣстныхъ 8 вопросовъ, поданныхъ въ раскольнической духовной совѣтъ присоединившимися къ церкви членами Бѣлокриницкой іерархіи. Извѣстно, что эти вопросы, доселѣ остающіеся безъ надлежащаго отвѣта, послужили образцомъ для нѣсколькихъ другихъ, впоследствии также поданныхъ раскольническимъ властямъ присоединившимися изъ раскола и всегда ставившихъ раскольническія власти въ большое затрудненіе: вотъ почему нельзя не радоваться столь значительному распространенію 8 вопросовъ, доказательствомъ котораго именно служатъ настоящее третье изданіе ихъ. Печатаніе всѣхъ упомянутыхъ сочиненій производилось подъ надзоромъ столь опытнаго въ этомъ дѣлѣ сочлена нашего о. іером.

Филарета. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о поступившемъ въ Братскій книжный складъ пожертвованіи отъ покровителя Братства Высокопреосвященнаго митрополита Макарія. По распоряженію Его Высокопреосвященства въ собственность Братства предоставлены 1200 экз. отдѣльныхъ оттисковъ статьи: «Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ», долженствующей войти въ составъ первой книжки академическаго журнала за 1882-й годъ и потомъ въ составъ XII-го тома «Исторіи русской церкви». Совѣтъ немедленно принесъ благодарность Его Высокопреосвященству за столь лестное вниманіе къ Братству и новое ему вспоможеніе. Книжка поступила уже въ продажу. Итакъ и въ истекшемъ году Братство обогатилось новыми изданіями,—и въ книжный складъ его поступило болѣе 25.000 экз. новыхъ книжекъ и листовъ.

2. Распространеніе Братскихъ изданій и другихъ сочиненій о расколѣ въ отчетномъ году шло съ большимъ успѣхомъ, такъ что немного уступаетъ бывшему въ 1880 г., особенно счастливымъ и въ этомъ отношеніи. Продано Братскихъ и постороннихъ изданій 22.094 экз.; роздано бесплатно 8.954 экз.; всего же и посредствомъ продажи и чрезъ безмездную раздачу распространено 31.048 экз. разныхъ книгъ, книжекъ и листовъ. Изъ подробной вѣдомости, которая будетъ приложена къ печатному отчету, вы будете имѣть возможность видѣть точную цифру распространенія каждаго изъ находящихся въ Братскомъ складѣ сочиненій *); теперь же считаю не излишнимъ упомянуть, что въ наибольшемъ количествѣ распространены, и притомъ посредствомъ продажи, маленькія дешевыя книжки и листы (наприм. листовъ и книжекъ «О вѣчности церкви Христовой и ея таинствъ» продано 2697 эк., листовъ и книжекъ «О древности перстосложенія именовсловаго и трисперстнаго» 1624 экзем., листовъ «О пророкахъ Іліи и Энохѣ» 1009 экз.): обстоятельство это заслуживаетъ вниманія, какъ новое подтвержденіе того, что именно изданія такого рода болѣе требуются народомъ и что Братство поэтому справедливо обращаетъ особенное вниманіе на изданіе такихъ книжекъ и листовъ. Распространеніе книгъ производилось попрежнему изъ Братской книжной лавки и непосредственно изъ склада Братскихъ изданій, а также частію при средствѣ по-

*) См. Прилож. № 2.

стороннихъ и иногородныхъ соревнователей Братства. Книжная лавка продолжала приносить Братству большую пользу, благодаря усердію и опытности завѣдующаго оною Егора Антонова: въ ней собственнo продано 8.505 экз. разныхъ книгъ и листовъ. Разсылкою же книгъ въ разныя мѣста по просьбамъ и порученіямъ нѣкоторыхъ Братствъ, священниковъ, миссіонеровъ и проч., также безмездною раздачею попрежнему съ неутомимымъ усердіемъ завѣдывалъ о. іеромонахъ Филаретъ при содѣйствіи іеромонаха Ипполита.

Находя, что написанныя въ обличеніе раскола книги и сочиненія все же однако весьма недостаточно распространены между старообрядцами и православными, особенно же имѣя въ виду то прискорбное обстоятельство, что въ книгахъ такого рода весьма нуждаются наши священники даже въ тѣхъ приходахъ, гдѣ расколъ распространенъ въ значительной степени, что не имѣя поѣтому возможности получить надлежащія свѣдѣнія о расколѣ и приготовить себя къ проповѣди противъ раскола, даже ревностные изъ нихъ не рѣшаются выступить на это святое дѣло, составляющее ихъ прямую пастырскую обязанность, а нерадивые готовы даже видѣть здѣсь оправданіе, или извиненіе своего непростительнаго равнодушія къ распространенію раскола въ ихъ паствѣ,—принимая все это во вниманіе, Совѣтъ Братства рѣшился приступить къ осуществленію своего давняго желанія—ходатайствовать предъ св. Синодомъ о разсылкѣ по епархіямъ, во всѣ приходы, гдѣ есть расколъ, книгъ и сочиненій, изъ которыхъ священники могли бы въ достаточной степени познакомиться съ исторіей и ученіемъ раскола, также съ способами веденія бесѣдъ о расколѣ, и такимъ образомъ получали бы возможность къ неуклонному исполненію своего долга — вразумлять заблудившихъ въ расколъ и особенно предохранять духовныхъ дѣтей своихъ отъ уклоненія на кривые пути раскола. Совѣтъ вошелъ по сему предмету особымъ представленіемъ къ Его Высокопреосвященству отъ 5 числа минувшаго ноября мѣсяца, приложивъ къ своему представленію и списокъ сочиненій, какія, по его мнѣнію, было бы полезно разослать отъ св. Синода въ зараженные расколомъ приходы, съ краткими объясненіями относительно каждаго изъ сихъ сочиненій, почему оно признается соотвѣтствующимъ указанному

назначенію. Совѣтъ рекомендовалъ именно слѣдующія книги: 1) «Увѣщаніе м. Платона», которое, по представленію же Совѣта, печатается теперь новымъ изданіемъ въ Синодальной типографіи; 2) «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу» мит. Филарета, которыхъ совсѣмъ уже не имѣется въ продажѣ и настоятельно требуется новое изданіе; 3) «Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь», соч. м. Григорія; 4) «Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ» А. И. Озерскаго, новое изданіе которыхъ, даже отъ свят. Синода, но при участіи Братства, представляется весьма нужнымъ и желательнымъ; 5) «Собраніе сочиненій архим. Павла», и 6) «Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію старопечатныхъ книгъ», іером. Филарета. Резолюціей отъ 10 ноября Высокопреосвященный митрополитъ, выразивъ свое согласіе съ изложеннымъ въ представленіи Совѣта, предписалъ заготовить отъ его имени представленіе въ св. Синодъ, что и было немедленно исполнено. Если начатое такимъ образомъ дѣло Богъ благословитъ успѣхомъ, это будетъ поистинѣ дѣло великой важности и можетъ принести церкви обильную пользу.

Здѣсь же рѣшаюсь упомянуть и о другомъ не менѣе и даже болѣе важномъ дѣлѣ, уже совершившемся, и также не безъ участія со стороны Братства: разумѣю учрежденіе въ Московской семинаріи, а затѣмъ по ея примѣру и въ нѣкоторыхъ другихъ, каѳедры для ученія о расколѣ, на основаніяхъ вполнѣ правильныхъ и твердыхъ, достаточно обезпечивающихъ успѣхъ преподаванія. Дѣло начато было Высокопреосвященнымъ митрополитомъ по ходатайству отъ нѣкоторыхъ членовъ Братства. Отнесшись къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ, Владыка употребилъ все стараніе къ благополучному его окончанію, назначивъ и средства, обезпечивающія существованіе каѳедры; при этомъ Его Высокопреосвященству угодно было пригласить и насъ къ участію въ веденіи дѣла составленіемъ нужныхъ бумагъ и указаніемъ лица наиболѣе способнаго занять каѳедру. Съ нынѣшняго учебнаго года въ Московской семинаріи уже открыто преподаваніе ученія о расколѣ назначеннымъ на эту каѳедру наставникомъ г-мъ Максимовымъ, о которомъ я имѣлъ случай упомянуть выше. Тогда же по примѣру Московской семинаріи и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ открыта каѳедра ученія о

расколѣ въ семинаріи Саратовской, а въ настоящее время приготовляются къ открытію и въ нѣкоторыхъ другихъ, между прочимъ въ Виѣанской, для которой, по благосклонному предложенію Его Высокопреосвященства, уже рекомендованъ мною воспитанникъ академіи, подающій надежды на успѣшное веденіе преподаванія. Такимъ образомъ благополучно начатое дѣло распространяется, и дай Богъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ болѣе или менѣе значительно респостраненъ расколъ, было введено въ семинаріяхъ, по примѣру Московской, преподаваніе ученія о расколѣ. Какъ важно и желательно это дѣло, считаю излишнимъ объяснять. Можно только выразить удивленіе и сожалѣніе, что такъ давно въ православныхъ русскихъ семинаріяхъ оставалось забытымъ и оставленнымъ въ пренебреженіи преподаваніе предмета, имѣющаго перво-степенную важность для молодыхъ людей, приготовляемыхъ къ священническому званію, что столько времени выходили изъ семинарій священники, ни мало не приготовленные къ неизбѣжнымъ для нихъ большею частію столкновеніямъ съ расколомъ, не умѣвшіе, а затѣмъ и не хотѣвшіе предохранять и оберегать даже своихъ собственныхъ овецъ отъ зараженія этою проказою... Утѣшительно надѣяться, что такіа прискорбныя явленія въ средѣ нашего духовенства будутъ теперь рѣже и рѣже: конечно, нельзя ожидать, чтобы прямо изъ семинаріи, выслушавъ курсъ ученія о расколѣ, молодой священникъ выходилъ во всеоружіи на борьбу съ расколомъ; но весьма важно, что въ немъ положены будутъ главныя основы и зачатки того, чтобы современемъ явиться въ этомъ всеоружіи; при доброй волѣ, посредствомъ чтенія и практическихъ упражненій въ собесѣдованіяхъ, недостающее легко пріобрѣтется. О, да изведетъ Господь усердныхъ и искусныхъ дѣлателей на ниву свою! Жатва многа, дѣлателей же мало...

3. Теперь надлежало бы сказать о проповѣдническихъ и миссіонерскихъ трудахъ этихъ «немногихъ дѣлателей» изъ членовъ нашего Братства. Но говорить о ихъ неустанной дѣятельности значило бы повторять то, что хорошо вамъ извѣстно. Упомяну только, что самый ревностный изъ нихъ, досточтимый архимандритъ Павелъ, совершилъ далекое и продолжительное, почти четыре мѣсяца длившееся путешествіе на востокъ по приглаше-

нію новоприсоединившихся старообрядцевъ Майноса для освященія у нихъ церкви и проповѣди православія среди майносцевъ, еще остающихся въ расколѣ. Правда, большую часть времени онъ посвятилъ на исполненіе своего давняго благочестиваго желанія — поклониться святымъ мѣстамъ; но и здѣсь не забывалъ оъ своего миссіонерскаго дѣла, всюду отыскивая и изучая памятники древности; а самымъ важнымъ и для нашего Братскаго дѣла послѣдствіемъ его паломничества по св. мѣстамъ я почитаю отсюда почерпнутое имъ обновленіе духовныхъ силъ, столь необходимое при его неутомимыхъ трудахъ. О самомъ же пребываніи у майносцевъ, на что было испрошено имъ лично благословеніе отъ вселенскаго патріарха, мы еще не имѣемъ отъ него свѣдѣній, такъ какъ нашъ дорогой паломникъ только три дня тому назадъ возвратился въ Москву, поспѣвая раздѣлить съ нами нашъ Братскій праздникъ.

Наконецъ упомяну, какъ о благихъ плодахъ пожатыхъ нашимъ Братствомъ, о присоединеніи къ церкви двухъ лицъ, прежде бывшихъ замѣтными дѣятелями въ расколѣ—Леонтія Трофимова, служившаго въ канцеляріи раскольническаго архіепископа Антонія Шутова, и Ермила Яковлича Ершова, долгое время бывшаго священникомъ въ Петербургѣ у тамошнихъ раскольниковъ. Входить въ подробности о ихъ обращеніи къ церкви и самомъ присоединеніи считаю излишнимъ, такъ какъ въ свое время были напечатаны о всемъ этомъ обстоятельныя извѣстія; слѣдуетъ только упомянуть съ утѣшеніемъ, что оба эти обращенія и присоединенія совершились при ближайшемъ участіи Братства, или, что тоже, его главныхъ дѣателей. Прибавлю еще, что Леонтій Трофимовъ и остался при Братствѣ, которому, какъ владѣющій искусствомъ писать по уставному, оказалъ уже услугу, исполнивъ, по порученію Совѣта, одну работу въ Императорской публичной библиотекѣ. Совѣтъ озабоченъ теперь назначеніемъ ему какого-либо постояннаго занятія при Братствѣ и приличнаго содержанія.

4. Экономическій отчетъ по Братству за истекшій годъ могу начать пріятнымъ извѣстіемъ, что указомъ св. Синода отъ 15 марта, по дѣлу о Троицкой Единовѣрческой типографіи, между прочимъ опредѣлено выдавать ежегодно изъ типографскихъ доходовъ по 1000 руб. въ вспоможе-

ніе Братству св. Петра. На основаніи этого указа, въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ послано было отъ Совѣта въ контору типографіи отношеніе о выдачѣ слѣдующей Братству суммы за истекшее отъ изданія указа время,—и конторою доставлены 333 р. 33 к., причитающіеся за треть года по расчету съ 1 сентября (?). Отъ продажи Братскихъ изданій и другихъ принадлежащихъ Братству книгъ поступило въ приходъ 1346 р. 94 коп., членскихъ взносов *) и другихъ пожертвованій на Братство 415 руб. 82 к.; изъ кружки 15 р. 75 к.; два пожертвованные въ 1880 г. билета (Моск. Кред. Общ. и непрерывно-доход.) по номинальной стоимости 200 р. Всего въ приходѣ 2311 р. 84 к. Исчисленнаго дохода было достаточно, чтобы покрыть годичный расходъ. Уплачено за бумагу и въ типографію 1003 р. 61 к.; на жалованье и въ вознагражденіе за труды по Братству и на разные мелкіе расходы употреблено 800 р. 47 к. Всего же израсходовано 1804 р. 13 к. Въ остаткѣ состоитъ 502 р. 71 к.

Такъ наше Братство тихими, незамѣтными шагами подошло къ десятому году своего существованія: да подастъ Богъ намъ, первымъ начинателямъ Братскаго дѣла, свидѣтелямъ и непосредственнымъ участникамъ первыхъ Братскихъ трудовъ, отпраздновать достойнымъ образомъ десятилѣтіе Братства, и осѣняемое Божиимъ благословеніемъ да живетъ оно и трудится неустанно на пользу св. церкви!

Н. Субботинъ.

1881 года
21 декабря.

Адресъ Н. И. Субботину.

Приведенный отчетъ, составленный секретаремъ Братства профессоромъ Н. И. Субботинымъ, читанъ былъ имъ въ домѣ казначея Братства А. И. Хлудова, предъ собравшимися здѣсь послѣ литургіи членами Братства. Затѣмъ члены Братства обратились къ досточтимому секретарю Братства съ слѣдующимъ адресомъ:

«Высокочтимый Николай Ивановичъ! Сегодня, въ праздникъ свят. Петра митрополита всероссійскаго, исполни-

*) См. Прилож. № 1.

лось три трехлѣтія со времени открытія Братства, поручившаго себя покровительству сего святаго, и вмѣстѣ со времени вступленія вашего въ служеніе Братству въ должности секретаря его Совѣта. Срокъ времени, вполне достаточный для надлежащей оцѣнки вашихъ заслугъ Братству и, прибавимъ, святой православной Церкви. Самая мысль учредить Братство для противоудѣйствія расколу старообрядства принадлежитъ вамъ вмѣстѣ съ немногими ревнителями православія, вами преимущественно поддержана и при вашемъ наипаче соудѣйствіи осуществлена. Вашею рукою начертанъ уставъ Братства съ такою предусмотрительностію, что въ теченіе девяти лѣтъ не оказалось нужнымъ сдѣлать какія нибудь измѣненія въ немъ. Въ качествѣ секретаря Братскаго Совѣта вы всегда принимали преобладающее участіе не только въ совѣщаніяхъ его, но и въ руководствованіи ими. Составляемые вами ежегодные отчеты о дѣятельности Братства изображаютъ ее полно и всесторонне, но вмѣстѣ изящно и потому въ высшей степени занимательно.—Одну изъ задачъ Братства составляетъ изданіе сочиненій, направленныхъ къ ослабленію раскола. Вы стоите во главѣ издательской дѣятельности Братства. Ни одно сочиненіе не прошло безъ вашей тщательной редакціи. Дѣянія московскихъ соборовъ 1654, 1666 — 1667 годовъ изданы Братствомъ съ присовокупленіемъ вашихъ изслѣдованій о значеніи ихъ въ отношеніи къ расколу, и послѣ тщательнаго, сдѣланнаго вами, пересмотра ихъ текста по первоначальнымъ спискамъ. Сочиненія первыхъ расколотыхъ учителей издаются вами отъ имени Братства по лучшимъ спискамъ съ вашими многочисленными подстрочными примѣчаніями и предварительными обширными библиографическими изслѣдованіями.—Такъ обширно и плодотворно ваше участіе въ дѣятельности Братства; но и независимо отъ этого участія, ваши труды на пользу науки и церкви пользуются заслуженною почетною извѣстностію. Вы занимаете самое видное мѣсто въ ряду специалистовъ по расколовѣдѣнію. Вы посвятили себя изученію раскола старообрядства въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи и уясненію способовъ борьбы съ нимъ. Немало вами сдѣлано для освѣщенія первыхъ временъ старообрядческаго раскола: ваши критико-историческія изслѣдованія о патріархѣ Никонѣ и подобныя составляютъ цѣнный

вкладъ въ науку о расколѣ. Но преимущественно вами много сдѣлано для современной исторіи раскола. Вы съ неутомимымъ усердіемъ слѣдили и продолжаете слѣдить за современными движеніями въ расколѣ. Свѣдѣнія о нихъ вы собираете изъ первыхъ рукъ, изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ, и излагаете въ художественной, для всѣхъ привлекательной, формѣ. Неприглядныя явленія изъ жизни современнаго раскола, отражающіяся въ вашихъ сообщеніяхъ, какъ въ зеркалѣ, но конечно не зеркало въ томъ виновато. Вѣнцемъ вашихъ трудовъ по современной исторіи раскола служитъ обширное сочиненіе о происхожденіи Вѣлокрипидской епископской архіепископской епархіи, доставившее вамъ вполне заслуженную высшую ученую степень. Обилію, документальной точности, обстоятельности, безпристрастной, строго научной оцѣнкѣ содержащихся въ немъ свѣдѣній отдають справедливость даже многіе изъ глаголемыхъ старообрядцевъ. Чьи-либо попытки сказать что нибудь новое о началѣ Вѣлокрипидской епископской архіепископской епархіи едва ли могутъ быть осуществимы послѣ вашего учено-литературнаго труда, составляющаго вѣковѣчный памятникъ вашихъ заслугъ наукѣ и церкви.—Вашъ авторитетный голосъ по дѣламъ раскола уважается въ правительственныхъ сферахъ и принимается въ вниманіе при сужденіи о притязаніяхъ раскольниковъ на новыя льготы.— Вы смѣло и твердо высказывали въ печати слово правды противъ защитниковъ раскола, которыхъ въ наше время такъ много не только между ни во что невѣрующими и индифферентистами, но и между искренно и православно вѣрующими, но мало знающими сущность и значеніе раскола. Въ пользу раскола пишутся нынѣ даже повѣсти, въ которыхъ заклятые враги церкви—расколоучители являются героями вѣры и добродѣтели, а поборники церкви—изувѣрами, безчеловѣчными гонителями невинныхъ, несчастивыми и безп्राветными. Вы съ христіанскимъ мужествомъ, во всеоружіи истины, разоблачаете возмутительную ложь и злонамѣренность подобныхъ писателей. Васъ не жалуютъ защитники раскола, всячески поносятъ и злословятъ васъ, и понятно, почему: правда колеть имъ глаза. Къ счастью, васъ не смущаютъ враждебныя противъ васъ толки. Честь быть исповѣдникомъ истины для васъ дороже всего на свѣтѣ.— Не малую наконецъ, заслугу съ вашей стороны составляетъ ваше тѣсное сбли-

женіе съ людьми, которые были вождями раскола, начавшееся съ тѣхъ поръ, когда они рѣшились вступить въ единеніе съ православною церковію, съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ ея. Вы простерли къ нимъ братскую руку и своимъ участіемъ поддержали ихъ святую рѣшимость. Вы первый оцѣнили важность ихъ обращенія къ истинѣ въ виду той пользы для церкви, какой справедливо можно было ожидать отъ ихъ ревности къ защитѣ и распространенію между заблуждающими здравыхъ понятій о православной Церкви. Вы не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, и вашимъ поощреніемъ содѣйствовали имъ засвидѣтельствовать искренность своего обращенія подвигами ревности къ обращенію другихъ заблуждающихъ.

Братство св. Петра митрополита почитаетъ себя счастливымъ, имѣя въ своей средѣ столь неутомимаго и полезнаго въ лицѣ вашемъ дѣятеля. Оно глубоко чтитъ и благодаритъ васъ за ваши великіе труды ко благу науки и св. Церкви и проситъ васъ принять отъ него, какъ осязаемое доказательство своей признательности, икону святителя Николая чудотворца, имя котораго носите и ревности котораго по вѣрѣ подражаете. Возрѣніе на Его изображеніе да возбуждаетъ васъ къ новымъ подвигамъ ревности за истину. Усердно молимъ Господа Иисуса, Главу Церкви, да молитвами святителя укрѣпляетъ вашу руку въ борьбѣ съ заблужденіями, да продолжаетъ она мечемъ истины защищать св. Церковь и поражать враговъ ея съ такою же силою, съ какою она доселѣ дѣйствовала».

21 декабря
1881 года.

Сей адресъ покрыть многочисленными подписями членовъ Братства, начиная съ подписи предсѣдателя, архимандрита Веніамина.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОСК. МИТРОПОЛИТЪ ФИЛАРЕТЪ.

1. На одной изъ печатей Его высокопреосвященства изображены колосья въ прямомъ и частью въ наклонномъ положеніи, а по краямъ и вокругъ ея вырѣзаны слова: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущесе* (Рим. 12, 16).

2. На экзаменѣ младшимъ студентамъ академіи предложилъ онъ вопросъ: «можно ли отъ частей заключать къ цѣлому?» и самъ рѣшилъ: «можно, когда части однородны».

3. Начальству академіи владыка-митрополитъ говорилъ: «что вы не понуждасте лучшихъ студентовъ идти въ монахи? Вамъ же будетъ плохо съ неучеными архіереями».

4. «Можно ли молиться съ иновѣрцемъ?» спросилъ двоихъ кандидатовъ на священство владыка въ 1838 г.— «Можно», отвѣчалъ П—въ. «Нельзя», сказалъ З—кій *). Обратясь къ первому, митрополитъ говорилъ: «можешь ты быть православнымъ священникомъ, утверждая это?»— «Я не понималъ вопроса вашего (первоначальнаго), сказалъ, нѣсколько смѣшавшись, П—въ. — «Тѣмъ хуже, что не понималъ. Ты что имѣлъ въ виду?» — «Въ плѣну, въ темницѣ можно». — Затѣмъ владыка спросилъ его: «можно ли православному принимать помощь отъ иновѣрца?»— «Нельзя». — «А вотъ за него (другаго кандидата) такой-то иновѣрецъ просить», сказалъ высокопреосвященный и отдалъ преимущество первому.

5. «*Боссюэтъ* — истинный проповѣдникъ, *Бурдалу* — школьникъ, *Массильонъ* болѣе говорунъ».

6. Въ проповѣди Деятинскаго священника Л — мова написано было, что «въ Богѣ *милость и истина срѣтостся* (Исая. 64, 11)». Владыка, прочитавъ это вслухъ, спросилъ его: «гдѣ здѣсь ошибка, и очень важная?» Со-

*) Апостольское правило 45-е гласитъ: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, съ еретиками молившійся токмо, да будетъ отлученъ“.

чинитель отвѣчалъ, что кромѣ священнаго текста ничего здѣсь болѣе не видить. Митрополитъ сказалъ: «тутъ не всѣ слова свящ. Писанія. Есть одно слово, тобой прибавленное, и оно-то невѣрно. Не въ Богѣ, а въ дѣйствіяхъ Божіихъ. Въ Богѣ онѣ (правда и милость) никогда не расходятся, а въ дѣйствіяхъ Его иногда какъ бы расходятся».

7. Другой священникъ назвалъ (*отъ себя*) святыхъ друзьями Божіими, въ своей проповѣди. Владыка замѣтилъ ему: «отъ Бога это наименованіе есть милосердіе къ людямъ, а со стороны человѣка дерзость».

8. По освященіи въ Спасо-Преображенской (*въ Намвкахъ*), церкви придѣльнаго храма (14 янв. 1841 г.), владыка посѣтилъ церковнаго старосту купца Сологубова. Передъ завтракомъ угощали его ликеромъ, а молодой купецъ С—нковъ сказалъ, указывая на воду: «эта лучше». — «А я тебѣ скажу, возразилъ митрополитъ, вино лучше, потому что его пьютъ люди, а воду люди и скоты».

9. Зосимова пустынь (*отъ Голыцкой станицы (Моленской желѣзной дороги верстахъ въ 25)*) еще не была монастыремъ, а только общиной, но въ ней бывали тайные постриги сестеръ, и владыкѣ кто-то лично донесъ о томъ. Онъ отвѣчалъ: «слышу, но не знаю».

10. «Для меня легче поставить троихъ игуменовъ, чѣмъ одну игуменью».

11. Новодѣвичьяго монастыря протоіерей Введенскаго спросилъ митрополитъ въ 1852 году: «сколько вамъ лѣтъ?» — «Девяносто». — «Желаю жить до ста». — «Ностараюсь», молвилъ старецъ.

12. «*Доселъ*—предѣлъ мѣста, *донинѣ*—предѣлъ времени. Какъ не различаютъ этихъ двухъ словъ?»..

Собщи́лъ архим. Г—рій.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

Къ Е. И. В. герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому *).

Ваше Императорское Высочество! Впявъ конечно слову Апостольскому, которое совѣтуетъ *любить не словомъ, но дѣломъ* (1 Иоан. 3. 18), В. И. В. дѣломъ являетесь вашу любовь къ Россіи. Еще не такъ давно избрали вы ее себѣ новымъ отечествомъ; но вы нашли способъ усвоить ее себѣ съ ся вѣками и имѣть ее вашимъ древнимъ отечествомъ, принявъ подъ свое высокое покровительство и дѣятельное руководство Императорское Археологическое общество **).

Не пренебрегая и слабыми средствами къ усиленію дѣятельности на семъ поприщѣ, В. В. благоволили утвердить мысль общества имѣть меня въ числѣ своихъ сотрудниковъ, и удостоили меня непосредственно извѣстительнаго слова ***) , въ такое время, которому не подлежало для васъ быть временемъ труда, но единственно временемъ попеченія о вашемъ драгоценномъ здравіи.

Радуюсь, что глубочайшею благодарностію моею за оказанное мнѣ снисхожденіе срътаю возвращеніе В. И. Высочества въ отечество, съ возобновленнымъ здоровьемъ. Молю всеблагаго Бога, да сохранитъ оное непоколебимымъ, къ радости нашего высокаго семейства, ко благу отечества.

Если немощь моя не будетъ избрѣтательна и дѣятельна въ званіи члена Императорскаго Археологическаго общества: то усердно прошу В. В. и Общество давать мнѣ возможныя для исполненія моего приказанія; и почту себя счастливымъ, если исполненіемъ оныхъ возмогу сколько нибудь оправдать надшее на меня избраніе.

Юля 22-го 1852 г.

(общилъ) Архим. Григорій.

*) Скопч. 20^и окт. 1852 г.

**) Въ С.-Петербургѣ.

***) Отъ 21 марта 1851 г. владыка Филаретъ былъ увѣдомленъ что Общество въ засѣданіи 12 марта единогласно причислило его къ своимъ почетнымъ членамъ, во уваженіе заслугъ, церковной археологій оказанныхъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1851, сент. 30. «1) Комитету (*нотному*) предписывается св. Синодомъ исполнить немедленно и представить. 2) Какъ представленныя на замѣчанія комитета (*относительно переложенія на ноты ирмолога и антифоновъ греческаго пѣтвѣ*) возраженія (*директора придворной пѣвческой капеллы г-на Львова*) показываютъ, что разсмотрѣнiе переходитъ въ состязанiе, которое можетъ чрезмѣрно продолжиться, потому что въ возраженiяхъ выступлено изъ предѣловъ разсматриваемаго вопроса и предложенъ споръ о формахъ славенскаго языка, употребленныхъ въ церковныхъ книгахъ (*распалаемы*): то, дабы, если можно, достигнуть болѣе опредѣлительнаго и окончательнаго рѣшенiя дѣла, комитету разсудить, не можно ли, не нужно ли прослушать всю книгу и означить достоинство каждаго стиха, предположивъ слѣдующiе разряды: 1) стихи удовлетворительно сходные съ древнимъ церковнымъ пѣнiемъ, и способные къ употребленiю. 2) Стихи, не вполне сходные съ древнимъ, однако допустимые къ употребленiю. 3) Стихи по отступленiю отъ древняго, или по трудности искусственнаго положенiя неусобные къ исполненiю обыкновенными церковными пѣвцами, и потому требующiе инаковаго преложенiя».

1866, мая 28. «Программа (*педагогикки для духовныхъ семинарiй*) одобрительна. Только обширна для предположеннаго преподаванiя.—Къ положенiю: *цѣль воспитанiя есть образованiе христiанина по духу православной церкви*,—не нужно ли прибавить: *съ приспособленiемъ къ предполагаемымъ требованiямъ и обстоятельствамъ*?»

Валахскiе подданные, обучающiеся въ Московской семинарiи, Дмитрiй Перiанъ и Иродiонъ Митранъ, просили о дозволенiи имъ занять изъ кассы архiерейскаго дома 100 р. сер. на два мѣсяца, подъ какими бы то ни было обязательствами, какъ на уплату долга, въ который вошли они для поддержанiя своего здоровья и на прочiя нужды, такъ и для поддержанiя въ настоящее время ихъ физическаго благосостоянiя: посылку семинарское правленiе отозвалось, что оно не можетъ помочь имъ теперь и

проч.—Резолюція 5 марта 1851 г.: «Архіерейскій домъ не можетъ давать въ долгъ. И просители правильнѣе поступили бы, еслибы при открывшейся нуждѣ, не входя въ долгъ, просили пособія съ изъясненіемъ нужды. Семинарскому правленію спросить ихъ, на какія нужды сдѣлали долгъ, и на что еще нужны деньги,—и дать мнѣніе, уважительна ли просьба».

1860, марта 21. «Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій давно скончался (*въ 1845 г.*), и слѣдовательно книга, якобы за подписью его, есть подложная. Другая въ семъ случаѣ незаконность есть та, что никакая иностранная іерархія не имѣетъ права посылать въ Россію отъ себя съ сборными книгами: на сіе разрѣшеніе для иностранцевъ дается только по опредѣленію св. Синода съ Высочайшаго разрѣшенія. Третій признакъ незаконнаго положенія книги и представителя ея состоитъ въ томъ, что онъ объявилъ себя принадлежащимъ къ русской духовной миссіи: еслибы сіе было справедливо, то онъ не могъ бы имѣть книги отъ имени патріарха; ибо члены Русской дух. миссіи отъ патріарха не зависятъ. О подлинности мощей (*отъ преп. отецъ, въ Синаи и Раионъ избіенныхъ, память коихъ 14 янв.*), которыя оказалъ именующій себя монахомъ Іоною, доказательства нѣтъ. Посему учинить слѣдующее: 1) представленный при семъ (*священникомъ села Ярополча, волоколамскаго уѣзда*) ковчежець въ видѣ гроба съ частицею кости внутри, препроводить для храненія въ ризницу каѳедральнаго монастыря до дальнѣйшаго усмотрѣнія. 2) Священнику С—ву, который неразсудительно принявъ (*на ночлегъ*) называющаго себя монахомъ Іоною, подалъ ему поводъ выставить называемыя имъ мощи въ церкви народу и собирать деньги, сдѣлать строгое замѣчаніе, съ подтвержденіемъ быть въ подобныхъ случаяхъ осторожнымъ. 3) Отнестись отъ меня къ начальнику губерніи, чтобы взятый (*приставомъ*) съ подложнымъ документомъ называющій себя монахомъ Іоною, подвергнуть былъ законному сужденію, и чтобы о послѣдующемъ благоволено было увѣдомить. 4) Св. Синоду донести о семъ во извѣстіе».

Градской Троицкой церкви священникъ Н, присутствующій духовнаго правленія, предъ отпускомъ вечерни въ великій пятокъ, ставъ передъ св. плащаницею, находив-

шеюся среди храма, началъ говорить краткое поученіе и произнесъ лишь нѣсколько строкъ упалъ и тутъ же скончался. На рапортѣ благочиннаго написалъ владыка 24 апрѣля, 1861 года: «1) въ консисторію. 2) О случаѣ довольно примѣчательномъ какое холодное донесеніе! Какъ будто листъ упалъ съ дерева. Врачъ былъ подлѣ протоіерея (*на мѣстѣ событія*): и какъ было не спросить, что онъ думаетъ о причинѣ внезапной кончины? По вопрошеніямъ семейства и по своимъ наблюденіямъ протоіерей могъ и долженъ былъ сколько вѣзбудь опредѣлить, не предшествовало ли кончинѣ священника какое болѣзненное состояніе, или особенное утомленіе отъ трудовъ, и не могъ ли быть отдаленною причиною сего образъ жизни священника *). О всемъ этомъ должно было упомянуть въ донесеніи. Замѣтивъ сіе благочинному, требовать дополненія».

1848, октябр. 9. «Богъ благословитъ благое намѣреніе (*Гевсиманскаго скита іеромонаха N и монаха Марка принять на себя схиму великаго образа, дабы въ семь огорженій остатокъ дней своихъ посвятить Господу*), и благодатию своею да поможетъ благодушно и неослабно совершить подвигъ, не смотряющимъ имъ видимыхъ, но невидимыхъ (2 Кор. 4, 18), отгращающимъ очи, еже не видѣти суеты, но выну окомъ вѣры и любви взирающимъ на образъ явившаго намъ образъ крестнаго подвига, начальника и совершителя вѣры Господа Иисуда».

1864, марта 19. «Съ приложеніемъ списка съ сего прошенія отнести къ г-ну Моск. военному ген.-губернатору. Какъ по слову Апостольскому, Богу подобаетъ повиноватися паче, нежели человекъ (Дѣян. 5, 22), и потому сынъ не обязанъ изъ повиненія матери оставить православную вѣру, припятую имъ по убѣжденію въ истинѣ; то и обратно мать (*расколница*) не имѣетъ права стѣснять сына за то, что онъ присоединился къ православной церкви. Посему долгомъ поставляю просить о распоряженіи, чтобы мать Сухова (*мѣщанина*), за его присоединеніе къ православной церкви, не дѣлала ему притѣсненій въ отношеніи семейномъ и гражданскомъ (*жаловаться на него полиціи*)».

Сообщилъ архим. Г'—рій.

*) Умеръ отъ легочнаго удара.

№	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Пропа- но.	Розда- но.	Остает- ся.
	<i>рядцами ученія о мнимомъ неправославіи Греческой церкви. Н. Субботина</i>	206	50	4187
20	Свидѣтельства древности о правильномъ на- чертаніи и произношеніи имени Христа Спасителя „Иисусъ“	178	30	1326
21	Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдова- ній по старопечатнымъ церк. книгамъ . . .	301	50	4930
22	Чинъ литургій св. Златоуста по изложенію старопечатныхъ, новоисправленнаго и дре- влеписменныхъ служебниковъ	171	20	811
23	<i>Старопечатный Помоканонъ и его свидѣ- тельство о числѣ просфоръ на проскомидіи.</i>	178	20	4667
24	Такъ называемое Феодоритово слово въ раз- ныхъ его редакціяхъ	167	50	1027
25	О брадобритіи. Сочин. іером. Филарета . . .	357	30	3263
26	<i>Объ осмомъ вѣкѣ, противъ ученія безпопов- цевъ о времени явленія антихриста</i>	373	50	3684
27	<i>Разборъ отвѣтовъ на вопросы, поданные въ старообрядческой „духовной совѣтъ“</i>	296	25	4496
28	<i>Быль ли и остался ли преданъ старообряд- честву митр. Аверосій</i>	526	25	4249
29	<i>О безпоповщинской исповѣди.</i> Соч. проф. Н. Ивановскаго	365	50	4203
30	О причащеніи, противъ безпоповцевъ. Его же.	304	50	1580
31	Повѣствованіе о обращеніи къ св. церкви отъ поморскаго согласія Евдокіи Брониной.	467	15	1674
32	Современныя лѣтониси раск. выпуск. первый. второй.	17 35	— —	— 27
33	Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ собы- тій за 1871 г.	36	—	16
34	Лѣтопись раскола за 1876—1879 г	42	—	2383
35	Раскольнический соборъ въ Москвѣ въ 1879 г.	310	2000	3890
36	<i>О вѣчности церкви Христовой и ея таинствахъ (на листѣ и книжкой)</i>	2697	100	9227
37	<i>О прор. Ілии и Энхъ и о послѣднемъ ан- тихристѣ (на листѣ)</i>	1009	100	5861
38	Вопросы къ глаг. старообрядцамъ-поповцамъ (на листѣ)	268	50	5374
39	<i>Тринадцать вопросовъ о церк. и священствѣ, поданныхъ Епаромъ Антоновымъ глагол. арх. Антонию Шутову (на листѣ и книжкой).</i>	646	50	6838
40	<i>Свидѣтельства о древности перстосложенія именословнаго и троеперстнаго (на ли- стѣ и книжкой)</i>	1624	200	14585
41	<i>Записка о сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, пода- нная нѣсколькими лицами изъ старообряд- цевъ въ соборъ изъ именуемыхъ епископовъ (на листѣ и книжкой)</i>	645	100	2333

№	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Права- но.	Розда- но.	Остает- ся.
72	Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 г.	33	—	—
73	Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія цер- ковныхъ книгъ и обрядовъ. Сочин. высо- копрѣосвящ. митр. Макарія.	83	—	1117
74	Бесѣды о свидѣтельствахъ и святоподобіяхъ, приводимыхъ поповцами въ защиту глаго- лемаго ихъ священства. Архим. Павла...	300	—	5700
75	Обращеніе съ вопрошеніями отъ лица старо- обрядца къ обществу старообрядцевъ. Со- чин. крестьян. М. И. Куренкова.	15	—	—
76	Толкованіе блаж. Андрея архіеп. Кесарій- скаго о продолжительности упоминаемаго въ Апокалипсисѣ тысячелѣтняго времени (листъ).....	25	—	4925
77	Записка о бесѣдѣ единовѣрскаго священ- ника Кирилла Опуфріева съ безпоповцемъ Иваномъ Зыковымъ.....	—	—	2400
78	О сущности и значеніи раскола въ Россіи Н.С.	187	—	—
79	Нѣчто о притязаніяхъ раскольнич. духовен- ства на полноправность.....	6	—	—
80	Разныя сочиненія, касающіяся раскола....	1287	—	—
81	Старопечатныя книги, нужныя для бесѣдъ.	12	—	—
82	Единовѣрсскія книги " " "	125	—	—

**2. Списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертваніе на Братство
въ 1881 году.**

	Руб.
1. Александровъ И. А.....	3
Аванасьевъ И. П.....	3
Бабуришъ Д. Н.....	25
Белчаствовъ Н. П.....	3
5. Боткинъ П. П.....	5
Брянцевъ Н. И. прот. въ Сиб.....	11
Булочкинъ А. М.....	10
Васильковскій, А. С.....	3
Варадиновъ Н. В. въ Спб.....	5
10. Веніаминъ архимандритъ.....	25
Виноградовъ І. Г. пр.....	3
Викторинъ епископъ Полоцкій.....	3
Вишняковъ С. Г. свящ.....	3
Востряковъ Д. Р.....	5
15. Горбачевъ В. Н.....	3
Горшковъ Я. Н.....	3
Григорій архіеп. Калужскій.....	10
Громовъ Е. М.....	5
Даниловичъ Г. Г.....	3
20. Добрадинъ прот. ректоръ Полоцкой сем.....	8
Дрожалинъ С. Т.....	5
Дрябинъ И. Е.....	3
Дрябинъ Н. И.....	3
Дрябинъ А. И.....	3
25. Дрябинъ М. И.....	3
Дрябинъ К. И.....	3
Ерошеевъ М. Е.....	10
Зворыкинъ К. А.....	3
Зиновьевъ В. В.....	3
30. Зотовъ М. С.....	5
Игнатъева С. В.....	3
Игнатъевъ В. Е.....	3
Игнатъевъ Е. И.....	11
Іустинъ преосвящ. епископъ Харьковскій.....	25
35. Камменскій С. прот. въ Вяткѣ.....	3
Кротковъ П. И. свящ.....	3
Кудрявцевы бр.....	3
Кузнецовъ Е. Ѡ.....	3
Ланшинъ Е. Г.....	3
40. Лебедевъ С. И. свящ.....	3
Леонидъ архим. намѣст. Тр. Лавры.....	5
Лосевъ Л. В.....	5
Лупина П. Н.....	3
Лупинъ В.....	3
45. Лушинъ Е.....	3

	Руб.
Максимовъ Я. И.....	3
Матвѣевъ С. М.....	3
Можяевъ В. Ѳ.....	3
Нечаевъ В. П. протоіерей.....	3
50. Никитскій П. І. протоіерей въ Спб.....	5
Новиковъ В. И.....	3
Остроглазовъ В. М.....	3
Павель архимандритъ	3
Петровъ Е.....	3
55. Петровъ І. свящ.....	3
Пладинъ Г.....	3
Поповъ П. М.....	5
Протопоповъ С. А.....	25
Потаповъ В. Н.....	3
60. Розановъ И. К.....	3
Сергіевскій Ф. А. прот., рект. Виѣанской сем... ..	5
Синицынъ В. Ѳ.....	5
Смирнова Т. Я.....	5
Смирновъ А. В.....	5
65. Смирновъ Е. Т.....	10
Сорокинъ А. Е.....	10
Стариченковъ В. И.....	5
Субботинъ Н. И.....	3
Третьяковъ П. М.....	5
70. Утеинъ Л. П.....	3
Чечуринъ Н. В.....	3
Шишковъ П. А.....	3
Ѳедоровъ П. свящ. на Дону.....	5
Александровъ П.....	2 р. 16 к.
75. Борисовъ А. П.....	2 р. 16 к.
Комаровъ Д. М.....	2
Копоплевъ А. И.....	2 р. 50 к.
Остолоповъ Е. В.....	2
Остолопова М. А.....	1
80. Покровскій І. Г. прот.....	1
Покровская Т. Г.....	1
Пядышевъ П. М.....	1
Соколовъ Н. М.....	1
Соловьевъ Ѳ. діак.....	1
85. Суворовъ И. П.....	2

Итого..... 415 р. 82

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

γ).

Чему же собственно учить богатыхъ,—6, 17—19?

Коротко о семь слово Апостола, но полно. Учи, говорить, чтобъ богатые αх) не высокоумствовали, чтобъ ββ) не уповали на богатство, а на Бога, и чтобъ γγ) богателись добрыми дѣлами, сокровиществуя чрезъ то себѣ основаніе добро въ будущее.

αх).

Ст. 17 (первая половина). *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокоумствовати.*

Запрещай,—παράγγελλε,—сказывай, приказывай, повелѣвай,—т.-е. не одно убѣжденіе употребляй, но и власть. Потому что ничто такъ не противно духу Христову, какъ тѣ недобрыя расположенія, какія внѣдряетъ богатство при неразумномъ къ нему отношеніи. А по Апостолу въ сонмѣ христіанъ всѣ должны быть святы и полны духа Христова. Неимѣющій сего изгонялся воцѣ. Чтобъ этого не было необходимости дѣлать и надъ богатыми, какъ дѣлалось надъ блудниками, Апостоль велить предупреждать сіе, заповѣдуя богатымъ не допускать того худа въ сердце, которое пораждается богатствомъ у не внимающихъ себѣ.

Запрещай не высокоумствовати. «Это заповѣдуетъ онъ, зная, что ничто такъ не возбуждаетъ надменности, гордости и высокоумія, какъ деньги» (св. Злат.). Высокоумдіе есть первое порожденіе неразумнаго отношенія къ богатству. Богатство Богъ даетъ и если Онъ не благоволяетъ дать, не станешь богатъ, сколько ни усиливайся. Между тѣмъ то, какъ Богъ подаетъ, невидимо, свои же усилія видны, осязаемы и чувствительны. Упираясь вниманіемъ на послѣднемъ своемъ, и забывая прозрѣвать подъ нимъ первое—Божіе, иной и все уже себѣ приписываетъ, и естественно высоко о себѣ думать начинать. — Еще — богатство даетъ способы окружать себя довольствомъ и пышною видимостію, въ домѣ, одеждѣ, содержаніи и во всемъ. Эта мишурная представительность, ничего существеннаго въ себѣ не имѣющая, набиваетъ однакожь мысль, что какъ это виѣшнее все хорошо, такъ и обладающій имъ хорошъ самъ въ себѣ. Помышленіе сіе переходитъ потомъ въ чувство хорошества личнаго, или въ самочувствіе, отъ котораго тотчасъ дается повый отпрыскъ высокаго о себѣ мнѣнія, а отъ этого и все проявленія гордости. — Къ тому же ведетъ и честь, всеѣми невольно изъявляемая богатству. Ибо когда другіе чтутъ, какъ самому себя не почитать? Иной и начинаетъ себя чтить, какъ высокодостоянную какую особу, и на другихъ свысока посматривать. Вотъ и высокоумдіе. Такимъ образомъ богатство очень скользкій путь, и само въ себѣ представляетъ много препятствій къ удержанію духа Христова, какъ и Спаситель опредѣлилъ: *не удобъ богатый видетъ въ царствіе* (Матѣ. 19, 23). Не удобъ, — а — не не можетъ. — Апостоль и руководитъ его къ сему, — прочищаетъ ему путь къ царствію. Первое — не высокоумствуй. Богатство — не твое; оно — текуче, нынѣ есть, а завтра уже его нѣтъ; оно — виѣ тебя и не есть твое личное достоинство. Почему крайнее неразуміе есть — высокоумствовать изъ-за богатства, когда оно ничто. Какъ самому богатому трудно удерживать такіа мудрша помышленія; то

долгъ пастыря есть чаще напоминать ему о семъ. Труби, добрый пастырь, *богатымъ не высокомудрствовать*. Тѣмъ богатымъ, которые богаты въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то-есть, благами тлѣнными, только въ настоящемъ вѣкѣ имѣющими мѣсто. Но прибавивъ это слово, Апостоль сдѣлалъ намекъ на богатство, имѣющее мѣсто и внѣ нынѣшняго вѣка, цѣнное и за предѣлами его, стяжеваемое однакожъ въ семъ вѣкѣ. Свят. Златоустъ говоритъ: «хорошо сказалъ Апостоль: *въ нынѣшнемъ вѣкѣ*; ибо есть и иные богатые въ вѣкѣ будущемъ». Бл. Теодоритъ прибавляетъ: «ибо есть богатые будущаго вѣка, обладающіе пребывающимъ и постояннымъ богатствомъ». Это «праведные, дополняютъ блаж. Теофилактъ и Экуменій. Какъ стяжать такое богатство и богатымъ, Апостоль указываетъ немного ниже, именно: посредствомъ тлѣннаго богатства, обращая его на благотворенія.

ββ).

Ст. 17 (вторая половина). *Ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе.*

Второе порожденіе неразумнаго отношенія къ богатству есть упованіе на него. Богатство силу даетъ богатому и вообще среди людей и предъ властями, не по своему существу, а по тойже немощи любоиманія; и богатый, успѣвъ обдѣлать одно - другое дѣло посредствомъ богатства, начинаетъ чувствовать, что богатство — сила, что съ нимъ все можно обдѣлывать и всего достигать; неоднократно повторенный успѣхъ располагаетъ его опираться на богатство, а потомъ — и вполне возуповать на него. И стало богатство для него — богъ. Вотъ и пагуба. Ибо такимъ отношеніемъ къ богатству внутренней, естествомъ человѣческимъ требуемый и опредѣляемый, строй извращается: становится во главу, чему слѣдовало быть въ ногахъ. По естеству человѣку надлежитъ въ Богѣ жить и Ему предавъ себя, всецѣло на Него уповать; все же тварное имѣть подъ собою, или около себя, то

какъ совѣмъ ненужное, то какъ средство побочное, подспорье. А у богатаго это ненужное, ничтожное, подножное стало тамъ, гдѣ подобаетъ имѣть единого Бога.— И сталъ онъ похожъ на ходящаго на головѣ вверху ногами.

Это внутренній вредъ отъ упованія на богатство, мысль о которомъ подается словомъ — *уповати*. Но Апостоль въ отклоненіе отъ него представляетъ далѣе и болѣе осязательное побужденіе, — невѣрность и непрочность богатства: *Ниже уповати на богатство погибающее*, — *μηδε ηλπικενα επι πλουτου αδελωτητι*, — и невозлагать всецѣло упованія своего на невѣрность богатства, или на невѣрное богатство. *Ηλπικενα*, — возуповать, всемъ упованіемъ опереться. *Αδελωτης* -- безвѣстность, невидность, неясность. Ясно ли видно, что будетъ съ богатствомъ чрезъ день и даже часъ? — Никому это неизвѣстно, никто навѣрное сказать сего не можетъ. Но въ такомъ случаѣ есть ли смыслъ полагаться на него? Что оно непрочно и непостоянно, видишь кругомъ: «то приходитъ оно къ одному, то переходитъ къ другому» (Θεод.), а у двери гроба и всѣхъ оставляетъ. «Зачѣмъ же надѣешься ты на вещь, которая непрочна? Зачѣмъ уповаешь на то, на что нельзя возлагать упованія» (св. Злат.)? — «Видишь, какъ онъ обличаетъ уповающихъ на богатство, какъ бессмысленныхъ? Ибо кто изъ смысленныхъ станетъ уповать на невѣрное» (Экум.)? — Хорошо выразилъ мысль Апостола нашъ славянскій переводъ: *на богатство погибающее*. Оно уже гибнетъ, хоть кажется стоящимъ: вотъ - вотъ рушится. Такъ и чувствууй богатый, что ты будто по трясинѣ идешь, или по хрупкому льду, или по слабой жерди надъ бездною. Того и гляди, что обрушишься и поглощенъ будешь. Богатство — крайне хрупкая опора, «невѣрная, легкорушимая, нестойкая» (Θεοφ.). — Но у богатаго богатство запорашиваетъ глаза, и онъ не видитъ сего, — наводитъ его на узрѣніе сего — дѣло пастыря. Толкуй, говоритъ, ему почаще, чтобъ не уповалъ на богатство.

Но какъ человѣку безъ упованія жить нельзя, ибо глабоко лежитъ въ немъ чувство немощности своей; то Апостоль и не оставляетъ богатаго безъопорнымъ и безпомощнымъ; но изгнавъ упованіе на богатство гибнущее, велитъ перенести его туда, гдѣ его слѣдуетъ полагать,— на Бога жива. Душа естественно богоуповательна, и если страсти, особенно пристрастіе къ богатству, не разстроиваютъ ее, то она всегда проявляетъ свое упованіе на Бога. Пробуждаетъ, поддерживаеъ и оживляетъ такое упованіе, вниманіе къ тому, какъ течетъ жизнь наша. На опыты сіи и наводитъ Апостоль мысль, чтобъ убѣдить, что онъ ничего трудно-вѣримаго не предлагаетъ, говоря: *на Бога жива* пусть уповаютъ,—когда Онъ *дастъ намъ вся обильно въ наслажденіе*. «Хорошо сказалъ: *вся обильно*, указывая на небо, воду, воздухъ, свѣтъ, разныя произрастенія, и все прочее. Видишь ли, какъ обильно и съ какою щедростію доставляетъ Онъ намъ все это» (св. Злат., Теоф., Экум.)? Отъ этого даннаго и полученнаго и о прочемъ разумѣвай. Св. Павелъ не разъ обращался въ своихъ рѣчахъ къ симъ естественнымъ щедротамъ Божиимъ, чтобъ въ слышащихъ оживлять вѣру въ Бога и упованіе на него. Такъ, убѣждая Листрианъ обращаться къ Богу живу, онъ говорилъ, — что Богъ *не свидѣтельствована себе остави, благодворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищу и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. 14, 17). Такъ и Аѳинянамъ онъ толковалъ, что Богъ, хотя невидимъ, но *всѣмъ даеъ животъ и дыханіе и вся*,—что Онъ *недалече отъ единого когюждо насъ естъ* и Его нельзя *неосязать* въ естественныхъ щедротахъ, отъ Него изливающихся на насъ. *О Немъ бо живемъ, движемся и есмь* (Дѣян. 17, 25—28). Являясь въ міръ на житіе временное, мы походимъ на странника, который заходитъ въ домъ богатаго владѣльца, гдѣ находитъ кровь, пищу, покой, услугу и все потребное, и гдѣ, на случай особой какой нужды, его извѣщаютъ: если еще что нужно, обращайся къ владѣльцу; онъ все доставитъ. Видя такое о

себѣ попеченіе, какой странникъ, въ здоровомъ умѣ находясь, не расположится полное возымѣть упованіе на такого владѣльца? Такъ и мы, входя въ міръ, находимъ уже напередъ приготовленнымъ для насъ все, потребное для жизни, и обѣтованіе имѣемъ отъ самаго Владыки міра, что Онъ все готовъ исполнить, чего ни попросимъ. Разумно ли послѣ сего будетъ, если мы станемъ не на сего Владыку, многомилостиваго и всещедрого, уповать, а на другое что?

γγ).

Ст. 18. 19. *Благое дѣлати, богатитися въ дѣлахъ добрыхъ, благоподатливимъ быти, общителнымъ, сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примутъ вѣчную жизнь.*

Возставая такъ противъ неразумнаго отношенія къ богатству, Апостоль однакожъ не говоритъ, чтобъ бросали богатство, а только внушаетъ обращать его на доброе употребленіе, чтобъ такимъ образомъ самому навыку много имѣть и богатымъ быть дать другое душеспасительное направленіе. Если ты привыкъ, говорить, богатымъ быть и имѣть сокровищницы свои наполненными, богатись, но добрыми дѣлами, — сокровиществууй, но на небесахъ для будущаго вѣка. «Если хочешь богатиться, богатись въ благотвореніи» (Θеоф.). «Если ты ищешь богатства, ищи того, которое остается твердымъ и неизмѣннымъ, которое происходитъ отъ дѣланія добрыхъ дѣлъ» (св. Злат.). То и другое совершишь ты, обративъ богатство свое на благотвореніе ближнимъ своимъ. Все сіе внушать богатымъ дѣло пастыря.

Внушай, говорить, *благое дѣлати*, — ἀγαθοεργεῖν, — благотворить. Пусть готовъ будетъ на всякое дѣло благое, и какъ только представится случай, творить его. Какъ голодный о томъ только и думаетъ, какъ бы достать что поѣсть, и увидѣвъ съѣстное неудержимо бросается на него: такъ и богатый пусть только и думъ имѣетъ, что о томъ, какъ бы кому и гдѣ добро сдѣлать, и какъ только

надумасть, пусть снѣшить на дѣло сіе. Такой образъ дѣйствования сдѣласть то, что онъ будетъ непрестанно *богатиться въ дѣлахъ добрыхъ*. Богатиться добрыми дѣлами и благотворить — одно и тоже означаетъ, — увеличивать сумму благихъ дѣлъ видимо являемыхъ. Но какъ подъ этою видимостію благою могутъ укрываться неблагія расположенія, то Апостоль и добавляетъ: *благородливѣе быти, общительнымъ*. «Первое относится къ деньгамъ, а послѣднее къ любви» (свят. Злат.). Пусть дѣлаютъ все сіе отъ души, пусть не руки только и ноги благотворятъ, но паче и сердце. Благородливъ — тотъ, кто охотно даетъ и въ мѣру нужды нуждающагося. Сердце у него отрѣшено отъ богатства и не сжимается, когда онъ изживаетъ его, а радъ бываетъ. Если онъ не все сразу и одному отдастъ, заставляеть его такъ поступить не сжиганіе сердца, а благоразуміе, благими цѣлями руководимое. Созпавая себя Божіимъ приставникомъ, всякому даетъ онъ свое житомѣріе, то-есть, выкинувъ въ нужду удовлетворяетъ ей охотно, съ радостію. У Апостола и стоитъ: *εὐμεταδότου*, — благопередавательнымъ быть, будто чужое передають, не цѣпляясь за передаваемое сердцемъ, чтобъ удержать его. *Общительнымъ*, — *κοινωνικός*, — т.-е, «разговорчивымъ, привѣтливымъ» (свят. Злат.). «Снисходительнымъ, сердечноучастливымъ» (Экум.). Общительный не только все свое считаетъ общимъ, но и всѣхъ вообще своими, не особитися ни отъ кого, никого не чуждается, всѣ ему какъ родные, со всѣми радушень и привѣтливъ и всѣмъ даетъ не вещи только и деньги, но и сердце, и объ этомъ свидѣтельствуютъ и тонъ рѣчи его, и взоръ очей, и мина, и всякое движеніе. За то и всѣ считаютъ его своимъ и обращаются къ нему, какъ къ своему родному, съ теплымъ довѣріемъ и увѣренностію, что встрѣтятъ сердечное участіе.

Сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее. — *Сокровиществующе*, — *ἀποθησαυρίζουτες*, отлагая какъ въ сокровищницу. Кто полагаетъ что въ сокровищни-

цу, тотъ увѣренъ бываетъ, что положенное будетъ цѣло и сохранно. Эту безопасность и прочность положеннаго и имѣлъ въ виду святой Павелъ, употребивъ сіе слово. Благотворители сокровиществуютъ себѣ, прочно и благонадежно полагаютъ доброе основаніе въ будущее, — εἰς τὸ μέλλον, — для будущаго, для будущей своей участи. «Гдѣ есть твердое основаніе, тамъ ничего нѣтъ неустойчиваго, но все твердо, неподвижно, несокруσιμο, пребывающе» (св. Злат.). Поелику дѣла добродѣтели несомнѣнно упрочиваютъ будущее, то Апостоль и помянулъ при семъ объ основаніи» (Феоф.). «Сокровиществующе основаніе, то же, что прочное полагая основаніе» (Экум.).

Да примутъ жизнь вѣчную. Вотъ что есть то будущее, которому прочное основаніе полагаютъ добрыя дѣла благотворенія,—полученіе жизни вѣчной, блаженной. Дѣланіе добрыхъ дѣлъ, въ духѣ вѣры Христовой, обезпечиваетъ наслѣдіе блаженства вѣчнаго. А въ этомъ должна состоять послѣдняя цѣль нашихъ стремленій и трудовъ. «Къ тому всячески должно стремиться, чтобы положить прочное основаніе будущей блаженной жизни. Какъ же можетъ сіе состояться? Если и основаніе сіе заложимъ благотвореніемъ здѣсь, въ сей жизни. Ибо Апостоль дѣланіе добрыхъ дѣлъ назвалъ основаніемъ будущей жизни, и оно сильно доставитъ намъ наслажденіе оною жизнію» (Экум.). «Истинная жизнь есть та, которую чаемъ въ будущемъ вѣкѣ, которая не знаетъ запада и не опредѣляется временемъ, ибо вѣчна, почему справедливо и истинною называется. Настоящая жизнь есть только образъ жизни, а не истина ея. Но потому самому, что она есть образъ истинной жизни, не есть совсѣмъ ничто (inanitas—призракъ), а напротивъ есть то, что даетъ возможность приобрести жизнь истинную. Сею временною стяжевается та вѣчная, когда путемъ сей спѣшимъ въ ту. Какъ же это бываетъ? Когда не привязываемся къ здѣшнимъ благамъ, а посредствомъ ихъ стараемся обогащаться добрыми дѣ-

лами. Сего ради поставимъ себѣ цѣлю стать богатыми въ добрыхъ дѣлахъ и посредствомъ земныхъ сокровищъ стяжать себѣ сокровища духовныя; будемъ сѣять на землѣ, чтобъ пожать на небѣ, гдѣ изъ сѣемаго на землѣ добра слагается вѣчное сокровище» (Амвр.).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

6, 20. 21.

Коротко; ничего сторонняго не касается, только напоминаетъ главнѣйшее—храни преданіе, уклоняясь отъ суесловій, опасныхъ для вѣры,—и отечески преподааетъ апостольское благословеніе. Въ началѣ посланія это для всѣхъ поставлено главнымъ дѣломъ.

Ст. 20. *О Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняясь скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума.*

Преданіе,—*παρηχάταθηκη*,—то, что съ довѣріемъ положено у кого-либо (*παρα*) для храненія. Какъ въ настоящемъ мѣстѣ идетъ рѣчь о вѣрѣ, то подъ симъ словомъ,—преданіе,—разумѣется все ученіе о вѣрѣ, преданное св. Тимоѳею. Апостоль заповѣдуетъ ему: храни сіе ученіе, какъ оно тебѣ предано. «Не уменьшай его: оно не твое; тебѣ ввѣрено чужое: не убавляй его» (свят. Злат.). «Все, мною тебѣ заповѣданное, храни, такъ какъ это Господнія суть заповѣди» (Теоф.). «Храни же заповѣдь Божию, которую Богъ ввѣрилъ тебѣ чрезъ меня» (Экум.).—Это законъ и для всѣхъ пастырей всѣхъ вѣковъ—усвоивъ преданное, хранить его, какъ предано, чтобъ и преемникамъ своимъ предать его такимъ же, безъ прибавленія своихъ измышлений. Викентій Лирийскій пишетъ на сіе мѣсто: «кто нынѣ *Тимоѳей*, если не вся вообще церковь, или частіе не все общество предстоятелей, которые и сами должны имѣть, и другимъ должны сообщать неповрежденнымъ вѣдѣніе божественной вѣры?—Что значить: *преданіе сохрани*? Значить: сторожи, потому что есть воры,

есть враги, чтобы между добрымъ сѣменемъ пшеницы, которое посѣялъ на полѣ своимъ Сынъ человѣческой, не посѣяли они, когда спятъ люди, плевелъ (Мат. 13, 37—39). *Преданіе*, говоритъ, *сохрани*. Что такое *преданіе*? То, что тебѣ ввѣрено, а не то, чтѣ тобою изобрѣтено, то, чтѣ ты принялъ, а не то, чтѣ ты измыслилъ, дѣло не ума, а ученія, дѣло къ тебѣ переведенное, а не отъ тебя получившее начало, въ коемъ ты не производитель (autor), но стражъ, не учредитель, но послѣдователь, не ведущій, но въ слѣдъ идущій. *Преданіе*, говоритъ, *сохрани*, — то-есть, талантъ вѣры вселенской сбереги цѣлымъ и непочатымъ. Что тебѣ ввѣрено, то у тебя да пребудеть, то да предано будетъ тобою (и другимъ послѣ тебя). Золото получилъ ты, золото отдай. Не подкидывай мнѣ одно вмѣсто другаго, вмѣсто золота не подавай мнѣ безстыдно свинца, или обманно мѣди; не хочу золота на видъ, но золота по природѣ *О Тимоѳее!* *О священникъ!* *О бесѣдовникъ!* *О учитель!* Если милость Божія признала тебя годнымъ къ сему, по способности, трудамъ и ученію; то будь Веселиломъ духовной скиини, обдѣлывай маргариты божественнаго ученія, принаровляй ихъ вѣрно, украшай мудро, придавай имъ блеска, граціи, привлекательности. Да будетъ, по твоему изложенію, уразумѣваемо яснѣе то, чему прежде вѣровали менѣе ясно. Пусть чрезъ тебя потомство помѣетъ радость и утѣшеніе, что ясно разумѣетъ то, чтѣ прежде древность чтила, неразумѣя. Однакожь учи тому-же, чему самъ наученъ, чтобы говоря ново не учить новому».

Уклоняясь скверныхъ суетсловій и прекословій лжеименнаго разума.—*Разума*,—*γνοσεως*,—знанія; — знанія, которое хвалится, что знаетъ, тогда какъ не знаетъ, почему ложно носить такое наименованіе, — лжеименно есть. Знаніе стало лжеименно, потому что разумъ пошелъ ложною дорогою и заблудился, полагая однакожь, что идетъ вѣрно, вѣрно смотритъ и вѣрно видитъ; почему сталъ не тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, сталъ неразу-

момъ, и именуясь разумомъ ложно именуется такъ, — лжеимененъ есть. Отъ чего это случилось съ разумомъ? Отъ того, что онъ не за свое дѣло берется. Житейскія дѣла разумѣть ему дано, а постигать божеское не дано. Это онъ долженъ принять вѣрою такъ, какъ откроеть Богъ. Богъ открылъ; прими то вѣрою, стараясь только уразумѣть сіе открытое, какъ оно открыто. Когда разумъ и въ откровеніи все берется разумѣть по своему, а не по тому, какъ открыто; то обыкновенно путаетъ и заблуждается, какъ и тогда, когда берется за постиженіе божескаго безъ откровенія. Но между тѣмъ, и въ семь случаѣ, онъ свои постиженія считаетъ безпрекословными и усиленно прекословить не тѣмъ только, которые, подобно ему, по своему смысленію толкуютъ откровенное, но несогласно съ нимъ, но наипаче тѣмъ, которые разумѣютъ откровенное, какъ оно открыто. Прекословіе составляетъ потому его неотъемлемую черту. Но прекословить онъ попусту, ибо какъ не стоитъ онъ въ истинѣ, то и прекословить не истинною, а ложью же, и выходитъ у него все одно пусторѣчіе, суесловіе. Тѣ же, которые содержатъ истину, какъ она открыта, не любятъ прекословить, а говорятъ только: такъ Богъ открылъ и мы такъ содержимъ; хочешь покориться Богу, послушай насъ, не хочешь, Богъ тебѣ судья. *Мы же такового обычая*,—т.-е. спорить,—*не имѣемъ* (1 Кор. 11, 16). Вотъ это и напоминаетъ Апостоль свят. Тимоѳею: уклоняйся отъ этихъ суесловій и прекословій. Какія это суесловія и прекословія, онъ не различаетъ, какія бы ни были, но коль скоро они несогласны съ тѣмъ, что явно Богъ открылъ намъ, уклоняйся отъ нихъ. Учи паству истинѣ Божіей, и истина сія сдѣлаетъ ее способною отражать всѣхъ суесловцевъ. Св. Златоустъ говоритъ: «видишь ли, какъ опять онъ повелѣваетъ даже не сходиться съ таковыми. *Уклоняйся*, говоритъ, *прекословій*. Слѣдовательно есть прекословія, на которыя даже отвѣчать не должно. Почему? Потому что они удаляютъ отъ вѣры; потому что не поз-

воляють стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживатся сего, а вѣры, которая есть незыблемый камень. Ибо тогда ни рѣки, ни вѣтры, устремляясь на насъ, не будутъ въ состояніи причинить намъ никакого вреда, потому что мы незыблемо утвердились на камнѣ. Суесловія и прекословія назвалъ онъ произведеніями лжеименнаго разума. И хорошо сказалъ онъ такимъ образомъ. Ибо гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ знанія (божественныхъ вещей). Когда что поражается (въ семъ отношеніи) отъ собственныхъ нашихъ соображеній, то это не есть знаніе».

Суесловіи, — *κευρωφονιας*, — пустословіи. Если вмѣсто ϵ поставить α , то будетъ: новословіи. Экуменій и Теофилактъ говорятъ, что св. Златоустъ такъ и читалъ (вѣрно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ толкованія), разумѣя подъ симъ новизны въ ученіи. Въ Вулгатѣ и въ текстѣ такъ стоятъ: *vos cum novitates*. Викентій преподобный изъ этихъ словъ дѣлаетъ свои наведенія въ знаменитомъ своемъ трактатѣ о храненіи преданнаго, какъ видно и изъ послѣднихъ словъ приведеннаго выше изъ него мѣста.

Ст. 21. *О немже нѣцыи хвалящися, о вѣрѣ погрѣшиша. Благодать съ тобою. Аминь.*

О немже хвалящися, — о знаніи, знаніемъ хвалясь. Люди многоспособные, приобрѣтши много познаній о вещахъ тварныхъ, изучившіе исторію, физическія науки, математику, медицину, правовѣдѣніе, филологію, приходятъ нерѣдко къ ложному убѣжденію, что для нихъ и предметы вѣры не непостижимы, и начинаютъ толковать ихъ такъ, чтобъ это было разумно, чтобъ вѣра ихъ была разумная, т.-е. ничего неразумѣемаго не содержала, и все въ ней понимаемо было естественно. Но какъ вѣра, исходя отъ Бога преестественнаго и ведя вѣрующихъ преестественнымъ путемъ къ преестественному общенію съ Богомъ преестественнымъ, естественно понимаема и истолковываема быть не можетъ; то умники, задумывающіе такъ относиться къ ней, неизбѣжно уклоняются отъ ней, криво толкуютъ ея положенія, и выдавая такія толкованія за

истину, погрѣшаютъ. Это было всегда и нынѣ есть, — что хвалящіеся знаніемъ, — επαγγελλομενοι, — по профессіи знальщики, когда берутся уразумѣть вѣру, погрѣшаютъ въ вѣрѣ. *Πστοχησαν*, говоритъ Апостоль, — не попали на слѣды вѣры, не туда направилась, куда она указывала. «Тому, кто слѣдуетъ однимъ человѣческимъ разумѣніемъ, неизбѣжно *αστοχειν*, не попадать въ тактъ и въ цѣль вѣры. Ибо вѣра не допускаетъ умопостиженій» (Θеофил.). Св. Златоустъ говоритъ: «Апостоль говоритъ такъ, можетъ быть, потому, что тогда нѣкоторые называли себя гностиками (знальщиками), т.-е. знающими больше другихъ». Къ сему бл. Теодоритъ прибавляетъ: «они отъ Симона называли себя гностиками, говорили о себѣ: о чемъ умолчало божественное Писаніе, то намъ открылъ Богъ. Исполнено же сіе всякаго злочестія и непотребства. Сіе-то вѣдѣніе Апостоль справедливо назвалъ *лжеименнымъ*. Они имѣютъ мракъ невѣдѣнія, а не свѣтъ боговѣдѣнія». Гностики въ силѣ раскрылись во второмъ вѣкѣ; но не дивно, что начатки ихъ проявлялись и при Апостолахъ.

Благодать съ тобою. «Апостоль присовокупилъ обычное благословеніе» (Θеод.). «Въ запечатлѣніе всего благожелаетъ ему благодати, коею подается и хранится всякое благо. Ея да будемъ богато причастными и мы всѣ, не погубляя полученныхъ отъ нея благъ, но ея сохраняя ихъ и славя Христа, благодатей Подателя, со Отцемъ и Св. Духомъ» (Θеоф.).

Приведемъ и заключительное на все посланіе слово бл. Теодорита: «ученіе сіе надлежитъ съ точностію сохранять всѣмъ сподобившимся священства; и какъ нѣкое правило всегда имѣть предъ собою, и съ нимъ соображать и что имъ говорить, и что дѣлать слѣдуетъ. Такъ возможно сподобиться части блаженнаго Тимоея, и даже самаго пребожественнаго Павла, по благодати и человѣколюбію Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, — съ Коимъ Отцу со Святымъ Духомъ подобаетъ слава и великолѣпіе нынѣ, и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ ВТОРАГО ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

1, 1—6.

1) Надпись и привѣтствіе, 1, 1. 2.

Ст. 1. *Павелъ Апостолъ Иисусъ Христовъ волею Божіею по обѣтованію жизни, яже о Христъ Иисусъ.*

Надписаніе сходно со всѣми другими, указываетъ, къ кому пишеть и, какъ обычно св. Павлу, содержитъ нѣкоторые термины, къ которымъ поводъ подало содержаніе посланія и которые внесены, чтобъ предуказать его.

Апостолъ Иисусъ Христовъ волею Божіею. Волею Бога Отца, Апостолъ Сына Божія воплощеннаго, по единству воли Ихъ. Не иная воля у Отца и иная у Сына, но одна и та же. Почему, чего хочетъ Отець, того же хочетъ и Сынъ. «Апостоломъ меня предположилъ (προεβαλετο) Владыка Богъ; съ Нимъ свосхотѣлъ (συμφιψισαμενον) сего и Христость Иисусъ» (Экум.).

По обѣтованію жизни, яже о Христъ Иисусъ. Въ сихъ словахъ предуказаніе содержанія посланія, которое и подало поводъ ко внесенію ихъ въ сіе надписаніе. Цѣль посланія—воодушевить св. Тимофею на мужественную проповѣдь о вѣрѣ и блюденіе вѣрныхъ въ вѣрѣ, предъ

лицемъ опасностей и смертей. Но въ такихъ обстоятель-ствахъ, что могло столько воодушевлять, какъ не объ-тованіе жизни, которой самая смерть не отъемлетъ, а дверь въ нее отверзаетъ. Указаніе на это и дѣлаетъ Апо-столь въ самомъ началѣ. *Апостоль я*, говоритъ, *по объ-тованію жизни*,—по дѣлу обътованія жизни. «Владыка Богъ съ единоволеніемъ и Сына поставилъ меня Апо-столомъ, чтобы я проповѣдывалъ людямъ обътованную жизнь вѣчную» (Θεод.). Онъ поставленъ Апостоломъ возвѣщать сію жизнь всѣмъ людямъ, но конечно съ увѣ-ренностію, что она прежде всего несомнѣнное есть до-стояніе самыхъ возвѣщателей, слѣдовательно и св. Ти-моѳея, какъ одинаго отъ таковыхъ. «Мысль объ этомъ не могла не послужить ему въ утѣшеніе и ободреніе. Такъ св. Павелъ въ самомъ началѣ (посланія) ободряетъ душу его. Не напоминай мнѣ, говоритъ, о здѣшнихъ бѣд-ствіяхъ: они доставляютъ намъ вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ничего такого, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и въздыханія» (Св. Злат.). Не опасности только—наша доля, но и всю-ду готовая смерть; но «умираемъ мы, чтобы жить вѣчно» (Θеоф.). Хотя это только обътовано, но обътованіе такъ несомнѣнно, что мы все одно какъ бы уже имѣли ее. При всемъ томъ однакожь она все же есть впереди. «Если же она—обътованіе, то не ищи ея здѣсь; *ибо упо-ваніе видимое нѣсть упованіе* (Рим. 8, 24)» (св. Злат.).

Яже о Христѣ Иисусѣ. «Жизни, которая о Христѣ Иисусѣ есть, т.-е. со Христомъ, потому что Онъ намъ ее дастъ и ее содержитъ. Тѣлесная жизнь—въ яствахъ и питіяхъ, а духовная во Христѣ Иисусѣ содержится. Онъ для насъ есть все» (Θеоф.). Жизнь сія здѣсь вос-пріемлется, развивается и крѣпнетъ; общается же ея яв-леніе во всей свѣтлости своей и славы.—*Κατ' ἐπαγγέλων*,—*по обътованію*,—можно, потому, перевести и: по возвѣще-нію, по дѣлу возвѣщенія жизни, которая во Христѣ Иису-сѣ,—жизни, которая тотчасъ по вѣрѣ и принятіи таин-ства и получается, и которой жизнь вѣчная составляетъ неотъемлемую часть.

Ст. 2. *Тимоею возлюбленному чаду: благодать, милость, миръ отъ Бога Отца, и Христа Иисуса Господа нашего.*

Тимоею возлюбленному чаду. «Не просто—чаду, но—возлюбленному; ибо могутъ быть дѣти и нелюбимыя. Но ты не таковъ, говорить; и потому не просто *чадомъ* я называю тебя, но *чадомъ возлюбленнымъ*. И Галатійцевъ онъ называетъ чадами, однако скорбитъ о нихъ: *чадца моя*, говорить, *имиже паки болѣзную* (—4, 49). Называя его возлюбленнымъ, онъ свидѣтельствуешь о великой его добродѣтели. Какимъ образомъ? Когда любовь не отъ природы, то она—отъ добродѣтели; родившіеся отъ насъ бываютъ любезны намъ не по добродѣтели своей только, но и по требованію природы; а возлюбленные по вѣрѣ бываютъ такими не по чему иному, какъ по добродѣтели. И какъ можетъ быть иначе, особенно у Павла, который ничего не дѣлалъ по пристрастію» (св. Злат.)? «Доблестнаго во всемъ Тимоея не естество, но сердце сдѣлало и сыномъ, и возлюбленнымъ» (Еод.).

Благодать, милость, миръ. «Чего желалъ прежде, того же и теперь желаетъ ему» (св. Злат.). *Благодать*—сила во спасеніе свое и другихъ; *милость*—источникъ, изливающей и преизливающей благодать; *миръ*—благій плодъ благодати, тотчасъ по полученіи сей милости вкушаемый,—миръ съ Богомъ и небожителями, миръ въ себѣ съ совѣстію и со всеми земными жителями, невозмущасмый никакими немирными случайностями, но питаемый во всей своей силѣ и среди ихъ.

Отъ Бога Отца и Христа Иисуса Господа нашего, какъ единаго изъ обоихъ источника. «Благодати ему желаетъ, да присущи спомоществуетъ ему,—желаетъ отъ милости Отца и Христа Иисуса Господа нашего; ибо Богъ благодать свою щедро подастъ намъ чрезъ Христа, да единая благодать будетъ обоихъ» (Амвр.). Господь Иисусъ Христосъ, по страданіи, крестной смерти и воскресеніи, вознесшись на небеса и сѣдши одесную Бога Отца, открылъ путь Пресвятому Духу для низшествія на зем-

лю,—и Онъ низшедши всѣхъ облагодатствовалъ и благодатствуетъ доселѣ, по благоволенію Отца, въ силу воплощеннаго домостроительства Сына.

2) Начало посланія—3—6.

а) Изъявивъ сильную любовь ко св. Тимоѳею,—3. 4,— и б) похваливъ его и родъ его за вѣру,—5,—св. Павелъ напоминаетъ ему в) возгрѣвать живущій въ немъ даръ апостольскаго преемства, — что и составляетъ главный предметъ посланія,—6.

а).

Ст. 3. Благодарю Бога, емуже служу отъ прародителей чистою совѣстію, яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ день и ночь.

Св. Павелъ, какъ всѣхъ училъ о всемъ благодарить (1 Сол. 5, 18), такъ и самъ всегда за все благодарилъ Бога, и за радостное и за скорбное, и за внѣшнее и за внутреннее, за всякое доброе движеніе мысли и чувства. Такъ здѣсь благодарить Бога за то, что непрестанную имѣеть память о св. Тимоѳеѣ въ молитвахъ своихъ. Мысль такая: память непрестанная о комъ-либо есть вѣрное свидѣтельство любви; св. Павелъ, благодаря за память о св. Тимоѳеѣ, благодарить за любовь къ нему. Такъ св. Златоустъ: «благодарю Бога, говоритъ, за то, что я помню о тебѣ,—такъ я люблю тебя. Это—знакъ чрезвычайной любви, когда кто любить такъ, что самъ восхищается сею любовію»,—«когда кто въ любви къ кому-либо видитъ великую для себя похвалу, прекрасное себѣ украшеніе» (Феоф., Экум.). Но подъ этимъ скрывается и другая мысль: Апостоль непрестанно о св. Тимоѳеѣ помнить, потому что онъ достоинъ памяти, и благодаря Бога за сію память, благодарить за то, что св. Тимоѳей достоинъ того, что онъ таковъ, что объ немъ нельзя не вспоминать, и притомъ такъ, что память о немъ благодарность Богу порождаетъ. Бываютъ лица, память о коихъ тоже неотходить,

но томить сердце, а память о св. Тимоѳеѣ возбуждала въ шѣ св. Павла радостныя и Богу благодарныя чувства. Такъ съ нѣкимъ особымъ оттѣнкомъ Амвросіастъ: «поелику достойно вспоминать о добрыхъ, то Апостоль благодарить Бога, что помнилъ о св. Тимоѳеѣ, мужѣ дивномъ, сознавая, что и это есть даръ Божій: ибо не беззаслужно, если кто помышляетъ о добрыхъ мужахъ».

Емуже служу отъ прародителей. Какъ отъ прародителей, когда тѣ не такъ служили Богу, какъ онъ теперь служить, и когда онъ не отъ нихъ научился сему новому служенію? — Образъ служенія новъ; но Богъ служимый одинъ и тотъже есть, равно какъ и духъ служенія. То служеніе, которое онъ принялъ отъ прародителей, онъ держалъ вседушно, Богу покорствуя. Когда сейже Богъ повелѣлъ ему оставить то и усвоить новое, онъ началъ такъ же вседушно держать и это новое, какъ держалъ прежнее, и опять по тойже вседушной покорности Богу, какою былъ исполненъ, служа Ему прежнимъ образомъ. Такъ и Богъ и духъ служенія Ему у св. Павла пребывалъ одинъ и тотъже. Весь родъ мой, свидѣтельствуешь онъ, вседушно вѣровалъ въ единого истиннаго Бога и вседушно покорствовалъ Ему въ служеніи, Имъ заповѣданномъ. Тоже самое блюду и я: единого истиннаго исповѣдую Бога и служу Ему, какъ Онъ заповѣдалъ. Такое настроеніе и выражаетъ въ словахъ: чистою совѣстію, — *εν καθαρᾳ συνείδησι*, — въ чистой или по чистой совѣсти. Совѣсть чиста, когда въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ не допускается ничего въ противность тому, что сознается истиннымъ, добрымъ и должнымъ, — ничего противнаго убѣжденіямъ. Св. Павелъ, какъ прежде поіудейски служилъ Богу по убѣжденію, что такъ хочетъ единый истинный Богъ, такъ и теперь, похристіански служить, по тому же убѣжденію, не обманно навѣянному, а осязательно самимъ Богомъ явльшимся впечатлѣнію. Почему относительно служенія у него ни малѣйшей тѣни нѣтъ колебанія: убѣжденіе его свѣтло-

сіянно, какъ солнце при безоблачномъ небѣ среди дня; таковаже и совѣсть его.

Амвросіастъ пишетъ: «поелику Богъ христіанъ тотъже есть, который былъ Богомъ Іудеевъ, то Апостоль не-ложно свидѣтельствуеть, что тому же Богу возноситъ благодареніе, Коему служилъ отъ прародителей. Если онъ исповѣдуетъ и проповѣдуетъ то самое, чего чаяли прародители его, то вѣра ихъ одна и таже. Такимъ образомъ, поелику онъ вступилъ въ наслѣдіе прародительскаго служенія Богу и поелику оно было уже въ нихъ, когда они служили Богу, то праведно говоритъ: Ему же служу отъ прародителей. Но какъ говоритъ онъ: *чистою совѣстію*, когда преслѣдовалъ церковь?—Онъ преслѣдовалъ церковь, но такъ, что дѣлалъ это по любви къ Богу, а не по зловолюю». Тоже читаемъ и у бл. Теофилакта: «какъ *чистою совѣстію*, когда въ началѣ не зналъ онъ Христа? Такъ, говоритъ онъ,—или подъ совѣстію разумѣя жизнь: ибо хотя іудействовалъ, но по жизни былъ безукоризненъ,—или потому что, когда гналъ церковь, гналъ по ревности, а не по человѣческимъ какимъ побужденіямъ, какъ иные стоятъ за ересь славы ради, вполне сознавая ея гнилость. Говоритъ же онъ о всемъ этомъ, какъбы внушая: не подозрѣвай, что у меня одно на умѣ, а другое на словахъ; чиста у меня совѣсть, какъ всегда, такъ и нынѣ. Такъ я не лгу, говоря, что люблю тебя и всегда о тебѣ номинаю» (Это сокращено изъ св. Злат., то же и Экум.).

Яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ. «Говоритъ: *непрестанную имѣю память*,—и не просто, но *въ молитвахъ моихъ*; т.-е. это входитъ въ молитву мою; во всякое время, непрестанно исполняю это: ибо это выражаютъ слова: *день и ночь*» (Св. Злат.). Въ молитвѣ память—память священная, Богомъ освящаемою почитаемая, и слѣдовательно въ дѣло содѣванія спасенія входящая. Истинные богочтецы ничего несогласнаго съ благоговѣнствомъ предъ Богомъ не допускаютъ, пи-

чего такого, съ чѣмъ въ чистой совѣсти не могли бы они предстать Богу въ молитвахъ своихъ. Такова была и Апостолова память о св. Тимоѳеѣ,—чистая, святая, ничего плотскаго не имѣвшая.

Ст. 4. *Желая видѣти тя, помня слезы твоя, да радости исполнюся.*

Предметъ молитвы—увидѣть св. Тимоѳея, потому что это было очень желательно,—*επιποθων*,—пламенно сего желая. «День и ночь, говорить, молю Бога, да исполнить Онъ мое пламенное желаніе увидѣть тебя» (Теоф.). «Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли избытокъ любви» (св. Злат.)? Можетъ быть это желаніе видѣть выставлено здѣсь въ удостовѣреніе, что если онъ не возвратился въ Ефесъ къ нему, то причина этому не охлажденіе любви, а теченіе обстоятельствъ, независящихъ отъ его воли. Св. Златоустъ говоритъ: «Замѣть, какъ онъ въ самомъ началѣ оправдывается предъ нимъ, что самъ не пришелъ видѣться съ нимъ; ибо слова: *дондеже прииду*, и еще: *уповаю притти къ тебѣ скоро* (1 Тим. 4, 13; 3, 14), заставляли ожидать скораго его прибытія. Посему онъ тотчасъ же и оправдывается. Впрочемъ не говоритъ вдругъ о причинѣ, почему не пришелъ, дабы не слишкомъ опечалить его,—причиною же было то, что онъ задержанъ былъ кесаремъ,—но уже въ концѣ, когда приглашалъ его къ себѣ, открылъ ее. Въ началѣ же не опечаливаетъ его, а высказываетъ желаніе видѣть его». Словами: *желая видѣти тя* онъ наводитъ его на помышленіе: «могъ ли бы я самъ себя произвольно лишитъ себя удовольствія видѣть тебя, елибъ я имѣлъ возможность притти къ тебѣ» (Теоф.)?

Поминая слезы твоя. Желательно было Апостолу видѣть его не по своей только любви къ нему, но и по его любви къ себѣ, которую онъ явилъ тѣмъ, что проливалъ слезы, вѣроятно, когда, оставляя его, Апостоль прощался съ нимъ. «Апостоль показываетъ здѣсь, что дѣлаетъ это (молится увидѣть его) не просто, и не безъ причи-

ны, а поминая, говорить, слезы твоя. Разлучаясь съ Павломъ, онъ вѣроятно плакалъ и рыдалъ больше дитяти, отнимаемаго отъ сосцевъ кормилицы и отъ молока» (св. Злат.). Поминая объ этомъ Апостоль какъбы говорить ему: желаю видѣть тебя, любя тебя. «Но еслибъ я былъ и крайне безчувственъ, жестокъ и безчеловѣченъ, и тогда не могъ бы не имѣть такого желанія; ибо припоминаемая мною слезы твои могли бы смягчить меня» (св. Злат.).

Почему когда въ слѣдъ за симъ говорить Апостоль: *да радости исполнятся*, вмѣстѣ подаетъ мысль: чтобъ и твои осушить слезы. Слезы св. Тимоѳея не могли не отозваться глубокою печалію о разлученіи и въ сердцѣ св. Павла. Отсюда естественно какъ желаніе свидѣться, такъ и предчувствіе радости отъ того въ обоихъ. Амвросіастъ пишетъ: «Апостоль увѣряетъ, что много помянуть о Тимоѳеѣ и жаждетъ видѣть его по причинѣ воспоминавія о слезахъ его, которыя онъ по любви къ Апостолу проливалъ, когда тотъ, какъ само собою разумѣется, отходилъ отъ него. Не безъ причины потому желаетъ онъ видѣть того, кто столько любитъ его, чтобъ исполниться радостію отъ обоюднаго обрадованія».

Всѣмъ этимъ Апостоль засвидѣтельствовалъ свою къ св. Тимоѳею претеплую отеческую любовь.

б).

Ст. 5 *Воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрной вѣрѣ, яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ мать твою Евникію: извѣстенъ же есмь, яко и въ тебе.*

Изъявленіемъ своей любви къ Тимоѳею св. Павелъ обновилъ и его любовь къ себѣ, и тѣмъ разогрѣвъ сердце его, сдѣлалъ его готовымъ ко вмѣщенію уроковъ, какъ разогрѣтый воскъ готовъ бываетъ къ принятію печатей. Теперь готовитъ руку для принятія сихъ уроковъ, возставляя силу вѣры его напоминаніемъ о ней, какъ она есть въ немъ и въ родѣ его.

*Помня, сказалъ, слезы твои, желаю увидѣть тебя еще и молюсь о томъ. Но слезы естественное дѣло; все же оственное въ духовныхъ отношеніяхъ теряетъ силу, если неосвящается вѣрою; и только это освященіе облекаетъ его условнымъ нѣкимъ значеніемъ. Посему Апостоль тотчасъ и прибавляетъ: *воспоминаніе пріема о сущей въ тебѣ нелицемѣрной вѣрѣ.* «Не за слезы только (желаю видѣть тебя), но и за вѣру, такъ какъ ты служитель истины, и нѣтъ въ тебѣ лицемѣрія» (св. Злат.). «И веселитъ меня преимущественно искренность твоей вѣры» (Θеод.). Предыдущія слова оживляли въ душѣ св. Тимоѳея чувства и расположенія, обычныя у долго жившихъ вмѣстѣ и сроднившихся; напоминаніе о вѣрѣ даетъ имъ другой тонъ и переноситъ въ другую область,—отрѣшенную, трезвенствующую; а похвала вѣрѣ,—яко искренней и нелицемѣрной,—не могла не воставить ревности по вѣрѣ, изъ желанія выдержать себя именно такимъ, какимъ похваленъ.*

Чтобы въ сильнѣйшее еще напряженіе привести эту ревность, Апостоль напоминаетъ и о вѣрѣ рода Тимоѳея. Въ тебѣ, говоритъ, живетъ вѣра, *яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ мать твою Евникію.* «Ты, говоритъ, изъ такого дома, который издавна служитъ Христу. Издавна ты имѣешь это благо; отъ прародителей ты принялъ нелицемѣрную вѣру» (св. Злат.). Напоминаніе о духѣ и характерѣ рода обязательно располагаетъ родичей выдерживать сей духъ и характеръ. Это и имѣлъ въ виду Апостоль, говоря такъ. «Похвальнымъ напоминаніемъ о предкахъ онъ усиливаетъ вѣру въ своемъ ученикѣ» (Θеод.). Такъ какъ «доблести предковъ, если мы подражаемъ имъ, принадлежатъ и намъ, а если не подражаемъ, не имѣютъ никакой силы, но еще служатъ къ нашему осужденію» (св. Злат.); то опасеніе, не отстать бы отъ рода и не посрамиться, естественно раздражали въ св. Тимоѳеѣ ревность о его доблести, т.-е. вѣрѣ; особенно когда при этомъ выставляются такія ли-

ца, какъ бабушка и мать, одно имя которыхъ слышимое разогрѣваетъ сердце. Если вообще «ничто такъ не дѣйствительно какъ домашній примѣръ» (Θεοδ.), то примѣръ бабушки и матери тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ нѣжнѣе влечетъ.

Извѣстенъ же есмь, яко и въ тебѣ. И ты не оготалъ отъ нихъ, и въ тебѣ давно вселилась вѣра. *Извѣстенъ*, — *πεπιστάμαι*, — «не догадываюсь, но убѣжденъ и совершенно увѣренъ» (св. Злат.). Новое побужденіе ревновать о вѣрѣ. Ибо выходило, что если ты, послѣ сего, ослабѣешь въ сей ревности, то будешь идти противъ себя, себѣ самому будешь измѣнникомъ. Апостоль и о своихъ прародителяхъ помянулъ выше и теперь поминаетъ о прародителяхъ св. Тимоѳея, чтобъ внушить: корень нашъ освященъ вѣрою; намъ потому слѣдуетъ, принимая здравые соки изъ сего корня, цвѣсти по роду сихъ соковъ. Или можетъ быть слова сего имѣютъ такую же силу, какую въ устахъ воиновъ такая рѣчь: мы съ тобою старые служаки.

в).

Ст. 6. *Еяже ради вины воспоминаю тебѣ възрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ руку мою.*

Подготовивъ такъ св. Тимоѳея, св. Павелъ уже благонадежно заповѣдуетъ ему ревностно исполнять возложенное на него дѣло, то дѣло, къ которому онъ призванъ рукоположеніемъ, — дѣло пастырства или Апостольскаго преемства. Дѣятельное исполненіе сего Апостольскаго званія называлъ възрѣваніемъ дара Божія, который сталъ жить въ немъ въ силу рукоположенія. Пастырство или апостольское преемство не есть дѣло внѣшняго опредѣленія, какъ бываетъ въ гражданскихъ должностяхъ, но есть слѣдствіе внутренняго благодатнаго сдѣланія пастыремъ, въ силу котораго избранный дѣлается способнымъ къ пастырству и печатлѣтся пастыремъ, такъ что исполняй или не исполняй онъ своего дѣла, все онъ пастырь, по дару благодати, живущему въ немъ. Исполняющій дѣло пастырства, какъ должно, възрѣваетъ, раздуваетъ его; не

исполняющій—погашаетъ. Тутъ тоже бываетъ, что и у получившихъ, по притчѣ, таланты: одинъ пускаетъ полученный талантъ въ оборотъ, другой зарываетъ въ землю. Оба приточныя выраженія означаютъ одно и тоже: не довольно получить даръ благодати; надобно и возгрѣвать его, или развивать,—трудясь въ дѣланіи того дѣла, на которое онъ данъ. Апостолъ выразилъ это словомъ: *κυχίζομενοι*,—раздувать,—давать довольно вентиляціи,—или теченія воздуха, чтобъ огонь не погасъ, а болѣе и болѣе разгорался. Чтò теченіе воздуха для огня, то труды по дару благодати для сего дара. Вотъ о чемъ напоминаетъ Апостолъ св. Тимоѳею, говоря: *еяже ради вины воспоминаю тебѣ возрѣвати даръ Божій*. Но какой это ради вины?—ради вѣры, которая живетъ въ немъ и родъ его. Вѣра сія обязываетъ его возгрѣвать даръ Божій. По вѣрѣ данъ даръ, вѣрою и принять; но вѣра же представляетъ и сильнѣйшія побужденія къ ревностному дѣйствованію по дару. Апостолъ и говоритъ какъбы: послѣ того, какъ я оживилъ въ тебѣ вѣру предыдущими воспоминаніями, мнѣ нѣтъ нужды долго убѣждать тебя, а стоитъ только напомнить, чтобъ ты возгрѣвала даръ свой. Но тутъ же доразумѣтъ можно: поелику ты вѣруешь искренно, то потому самому усердїе трудись въ возгрѣваніи дара своего; смотри, не вознеради; при вѣрѣ невозгрѣвать дара—невообразимая несообразность. Св. Златоустъ говоритъ: «я знаю, что ты имѣешь неліцемерную вѣру и потому напоминаю тебѣ: нужно имѣть ревность, чтобы возгрѣвать даръ Божій. Какъ огонь требуетъ дровъ, такъ и благодать—нашего усердія, чтобы она воспламенялась. *Даръ Божій*,—т.-е. благодать Духа, которую ты принялъ для предстоятельства въ церкви, для знаменій и всякаго служенія. *Возрѣвати*: ибо отъ насъ зависить и погашать и воспламенять ее. Посему и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Отъ безпечности и лѣности онъ угасаетъ, отъ вниманія и усердія воспламеняется».

Епископъ Теофанъ.

ПИСЬМА

**къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.**

LXI.

Пишете: «я положила себѣ и всячески стараюсь ничего не дѣлать по самоугодію». Потомъ поминаете, что однажды въ церкви задремали и проспали сколько-то: это же кому въ угожденіе допущено? Пусть это немощь; однакожъ и совсѣмъ себя обезвинять нельзя. Вы же такъ рассказываете, какъ будто позволительное что сдѣлано. Еслибъ вы пришли къ царю съ прошеніемъ, и сказавъ ему нѣсколько словъ, смѣжили очи и заснули, чтѣ бы вамъ было? — Что нибудь строгое, изъ рода такихъ переговоровъ: *связавше вверните въ...* А вы предъ небеснымъ Царемъ, въ рукахъ котораго и временный и вѣчный вашъ животъ, заснули, — и ни страху, ни стыда. Пусть — немощь; но сокрушаться все же надо. Просите врачевства противъ сна. — Какое же тутъ врачество? — Не давайте себѣ спать, и не заснете. — Если будете держать въ мысли и чувствѣ, за чѣмъ пришли въ церковь, и къ Кому, и внимать читаемому и поемому, то не испытаете и подступа дреманія. Распустили мысли блуждать туда и сюда, дреманіе и подкралось, а отъ него до сна — черта едина. Если крѣпко одолѣваетъ дреманіе, свят. Исаакъ

совѣтуетъ пройтись немного. Дѣлайте такъ, когда не сильны бываете одолѣть дреманіе обычнымъ порядкомъ.— Только ужъ всячески не допускайте этого впередъ, потому что и это можетъ обратиться въ навикъ.

Чувствуя обрадованное состояніе послѣ св. причастія, не забывайте оградить его страхомъ Божиимъ, чтобъ не подкрался врагъ и не увлекъ къ вольности въ рѣчахъ и движеніяхъ. А это, какъ буря, все развѣетъ. Бдите! Врагъ, вѣдь, никогда не возстаетъ противъ должнаго, а всегда обходы употребляетъ или выдумываетъ предлоги къ поблажкамъ. На радостяхъ, скажетъ, можно поговорить,— или надо и другихъ сдѣлать участниками радости своей; потомъ словоохотливость раздражить; далѣе — ввести въ пустоболтаніе. Вотъ и вѣтеръ! Вѣдь и грѣшить врагъ учитъ, не узаконя грѣха, а только наущая поблажать себѣ на одинъ подлежащій случай, оправдывая то всякими изворотами. — Человѣкъ и грѣшить. Въ этомъ вся его прелесть и сѣть.

Пишете: «царить во мнѣ сознаніе своей грѣшности и того, что я хуже всѣхъ». А чрезъ нѣсколько строкъ прибавляете: «за эготъ годъ я больше сдѣлала (успѣха), чѣмъ во всѣ предшествовавшіе пять». Сличите сіи показанія, и смотрите, что получится. Тамъ смиренныя слова и только, а здѣсь чувство самодовольства. Противъ чувства гдѣ устоять словамъ?! И выйдетъ: грѣшность на языкѣ, а въ сердцѣ самооправедность. Въ этомъ смыслѣ конечно надо понимать и еще нижепрописанную замѣтку: «я никогда не высокоумдрствую». Т.-е. что вы всегда смиренны на словахъ, а сердце полно сознанія своего достоинства и заслуженности; тамъ царить самочувствіе и самоцѣненіе,—скрытнѣйшій врагъ, но который не рѣдко проторгается и наружу. Извольте заняться этимъ положеніемъ дѣла и вникнуть въ себя, боясь образовать изъ себя личность, которая одно есть снаружи, а другое внутри. Я не то здѣсь разумѣю, чтобъ вы этого желали, а что—это

само собою устроится, если не будете внимать себѣ. — Смиреніе не вдругъ приходитъ. Оно идетъ въ содружествѣ съ любовію, рука объ руку. Только совершенная любовь совершенно смиренна. А до того изъ сердца — нѣтъ-нѣтъ и прорвется высокоуміе.

Пишете: «были припадки серчанія и нетерпѣнія». Вотъ и это свидѣтельствуешь, что смиреніе у васъ еще неглубоко. Хорошо, что замѣчаете, каетесь и сказываете духовнику. Но попросите его, чтобъ онъ былъ къ вамъ строже, и нисколько не поблажалъ вамъ, и не стыдился назначать вамъ должныя эпитиміи.

Спрашиваете: всегда ли ходить въ церковь? Оставляю вамъ на свободу, — когда ходите, когда дома молитесь, — только бы не было поблажки лѣности. Одно имѣйте въ виду, чтобъ быть въ молитвенномъ настроеніи, дома ли молитесь, или въ церкви стоите на богослуженіи.

І.ХІІ.

Очень много набралось у васъ пунктовъ, требующихъ замѣчанія. Буду о всемъ говорить коротко.

«Какая я неисправная?—Но все-таки скажу, что я невиновата». Причислите и эту невиноватость къ сознаннымъ неисправностямъ; ибо такъ говорить есть неисправность. Мало что можно найти, въ чемъ бы мы не нашли себя виноватыми, если поусерднѣе вникнешь въ дѣло. Сказать: виновата, не сознавая того, конечно неудобно; но еслибъ присмотрѣлись, нашли бы себя виноватою.—Впрочемъ, почему бы не принять на себя вину и безвинно?

Опять вопросъ: «таинство ли постригъ?» Не таинство, — какъ уже и писалъ. Благодать поновляетъ постригаемаго; но не въ силу пострига, а въ силу таинствъ исповѣди и св. причастія, всегда съ нимъ соединяемыхъ. — Однакожь постригъ — не ничто. Онъ много значитъ для по-

стригаемаго; ибо приводитъ въ большее напряженіе его нравственную энергію, и на будущее время даетъ способъ къ поддержанію ея чрезъ воспоминаніе объ изреченныхъ при постригѣ обѣтахъ.

«Какъ узнать, въ благодати ли кто»? Сами же вы и указали вѣрный признакъ къ опредѣленію сего, именно: отвращеніе отъ всего грѣшнаго и страстнаго. Прибавьте къ сему: и ревность о богоугожденіи по вѣрѣ и въ духѣ вѣры. Въ комъ жива такая ревность, тотъ въ благодатномъ состояніи. Въ таинствахъ, достойно пріемлемыхъ, благодать подается всѣмъ, — и начинается дѣйствовать. Но чувство благодатнаго осѣненія, не всѣмъ вдругъ дается, а наиболѣе, послѣ довольныхъ надъ собою трудовъ. Блаженна душа, ощущающая благоволеніе Отца, очистительное кропленіе кровію Сына и животворное вѣяніе Духа. Извольте нераздѣльно сіе созерцать, и, какъ къ верховному благу, молитвенно къ тому стремиться. Придетъ, Богъ дастъ, и чувство благодатнаго состоянія.

«Хотѣлось бы мнѣ дойти до пониманія глубины сердца, и внимательно слѣдить за каждымъ его біеніемъ». — Доброе и предоброе хотѣніе! Надобно установиться вниманіемъ въ сердцѣ и стоять тамъ неисходно предъ Господомъ. Я объ этомъ не разъ уже писалъ вамъ. Тогда всякую порошинку будете замѣчать. Молитесь; дастъ Богъ.

Говорите: «чувство своего достоинства, можетъ быть, и есть во мнѣ; но что тутъ худаго?» — То худо, что вы говорите, что тутъ ничего нѣтъ худаго. Если впрочемъ хотите, чтобъ чувство своего достоинства не было худо, научитесь такъ опредѣлять свое достоинство, какъ это дѣлали св. Авраамъ и пророкъ Давидъ: *Азъ есмь земля и пепелъ* (Быг. 18, 27); *азъ есмь червь, а не человекъ, поношеніе человекъвъ и уничиженіе людей* (Псал. 21, 7). Потрудитесь возчувствовать такое достоинство. И тогда при самомъ живомъ чувствѣ его, будете безопасны отъ худыхъ послѣдствій обычнаго чувства достоинства.

«Тоска камнемъ ложится на сердце... и сны... быть

бѣдѣ». Такъ и хочется вамъ въ пророчицы попасть. Не извольте никогда гадать о себѣ, предавъ себя и участь свою въ руки Божіи однажды навсегда. Это состояніе и сны ничего не предвѣщаютъ. Мнѣ же видится тутъ вражья уловка. Наводить онъ это, чтобъ вызвать на льготы, а во время льготъ подставить ногу, или навестить на засаду. Съ вами ужъ это было. Извольте на это плевать, и не обращая вниманія, продолжать свои обычные труды и занятія.

«Молитва Иисусова, говорите, начинается журчать, какъ ручеекъ». Слава Богу! Но старайтесь при семъ держать и соотвѣтственныя чувства. И скоро, Богъ дастъ, загорится и огонекъ въ сердцѣ.

«Что нужно для жизни въ духѣ»?—Какъ вы направили свою жизнь, такъ и теките; и притечете въ область жизни духовной. Только не прерывайте теченія. Напередъ опредѣлять ничего нельзя, говоря въ себѣ: то и то сдѣлаю, или такъ и такъ потружусь,—и придетъ нѣкое духовное движеніе.—Все отъ Бога и благодати Его, а она приходитъ невзначай. Трудитесь, терпите, молитесь, предавая себя Богу, безъ всякихъ гаданій о томъ, что будетъ, внѣшно ли что, или внутренно. Богъ необидливъ; не задѣлитъ, когда придетъ срокъ надѣлить чѣмъ.

Пишете: «міряне терпятъ, но не вѣнчаются». Да; но когда терпятъ изъ-за суетнаго и ради суетнаго, или на поприщѣ самоугодія. Если же терпятъ, стоя на пути заповѣдей, и изъ-за заповѣдей, то и они вѣнчаются. Тоже и монахи съ монахинями, когда терпятъ по причинѣ строгой жизни, добрѣ, а когда—по другому чему, ничто.

Начинаете входить во вкусъ духовныхъ вашихъ занятій и уединеннаго пребыванія; блаженствуете и восхищаетесь! Добрѣ, добрѣ! Только не мечтайте о себѣ и не собирайтесь летѣть на небо. Бога благодарите, и въ смиренныя о себѣ помышленія и чувства углубляйтесь.

LXIII.

Много васъ теребятъ по поводу частаго причащенія. Не смущайтесь. Присмотрятся, — перестанутъ. И всѣмъ слѣдовало бы такъ дѣлать; но не вошло это у насъ въ обычай. На Востокѣ христіане часто причащаются, не въ одни великіе посты, но и кромѣ ихъ. Первоначально же въ церкви Христовой за всякою литургіею всѣ причащались. Еще во время св. Василия Великаго, одна барыня спрашивала его, можно ли часто причащаться, и какъ часто? Онъ отвѣчалъ, что не только можно, но и должно; а на то, какъ часто, сказалъ: мы причащаемся четыре раза въ недѣлю,—въ среду, пятницу, субботу и воскресенье.—*Мы*—это разумѣются всѣ кесарійцы: ибо вопросъ касался не священнодѣйствующихъ, а мірянъ. Сказавъ такъ той вопрошавшей, онъ не опредѣлилъ ей числа, сколько разъ причащаться, а только примѣръ показалъ, оставивъ ей на свободу — дѣлать, какъ сможетъ, оставивъ однакожь въ силѣ внушеніе, что причащаться надо часто. — Да и сама литургія, смотрите, что требуетъ. На всякой литургіи священнослужитель приглашаетъ: со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите. Слѣдственно на всякой литургіи и можно приступать. Тѣмъ болѣе можно приступать часто. — У насъ иные говорятъ даже, что грѣхъ — часто причащаться; иные толкуютъ, что нельзя раньше шести недѣль причащаться. Можетъ быть, кромѣ этихъ, и другія есть въ семъ отношеніи неправости. Не обращайтесь на эти толки,—и причащайтесь такъ часто, какъ потребность будетъ, ничтоже сомнясь. Старайтесь только всячески приготовляться, какъ должно, и приступать со страхомъ и трепетомъ, съ вѣрою, съ сокрушеніемъ и покаянными чувствами. Докучающимъ же рѣчами объ этомъ отвѣчайте: вѣдь я не инудѣ прележу ко св. причащенію, всякой разъ имѣю разрѣшеніе отъ духовнаго отца моего.—И довольно.—О томъ, какъ это благотворно для

васъ, лучше не говорить. Знайте это для себя и благодарите Господа. Опасность для васъ возможна одна,—какъ бы не возмечтать о себѣ высоко. Этого бойтесь. Ибо тогда лишены будете всякаго плода отъ св. причастія, и самое причащеніе будетъ не безгрѣшно, Боже упаси васъ!

Мнѣ думается, что вы очень способны на то, чтобъ поскользаться въ самомнѣніи, самоцѣненіи, въ чувствѣ своего достоинства и стоимости, не только предъ людьми но и предъ Богомъ. Умомъ вы конечно знаете, что всего этого не должно держать на сердцѣ; но бываетъ внутри пѣкое лукавство, по которому тѣ недобрыя чувства запрятываемы бывають въ сердцѣ смиреннорѣчіемъ, и даже сознаниемъ своего недостоинства, которое (сознаніе) и само вмѣняется тогда себѣ въ достоинство. Умудрайтесь перехитрить это лукавство, и открывая Господу свое сердце, молитесь Ему, Сердцевѣдцу, научить васъ замѣчать эту лесь въ себѣ, изгонять ее и подавлять. И Господь поможетъ. Придетъ моментъ, когда узритесь въ душѣ все, какъ есть,—и внушеніе придетъ, какъ сдѣлать, чтобъ все тамъ было, какъ подобаешь быть.

«Говорить ли, спрашиваете, съ другими о духовной жизни»? Говорите; только о своей не сказывайте, а вообще разсуждайте, примѣняясь однакожъ къ состоянію спрашивающихъ. Бываетъ, что иные заводять о семъ рѣчь, чтобъ только поговорить. И это лучше, чѣмъ говорить о чемъ-либо житейскомъ или пустомъ. Молчаніе, какъ вамъ желательно, можно держать, когда вы не вдвоемъ съ кѣмъ, или не съ вами ведется рѣчь. Что, идя къ кому-либо по нуждѣ, молитесь Господа положить храненіе устамъ, добрѣ дѣласте. Лучше всего всегда съ Господомъ быть. — Но можно и говорить и съ Господомъ быть. Навыкайте сему.

Когда ведете рѣчь, больше всего опасайтесь растревожить покой другаго какимъ-либо задоромъ, или высказываніемъ своихъ мыслей на перекоръ ему, съ явнымъ желаніемъ поставить на своемъ. Врагъ на это наводитъ,

чтобъ завязать споръ, а отъ спора довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовномъ, чтобъ выказать свою въ этомъ отношеніи мудрость. И это вражье внушеніе, за послѣдованіе которому непременно подвергнетесь посмѣху отъ людей и Божію неблаговоленію.

LXIV.

Наконецъ-то вы умудрились, и сознали, что есть вражескія искушенія, которыми врагъ никого не задѣляетъ, — даже и вашей учености не стыдится. — Да, да; онъ около всякаго и всякой хлопочетъ. Но этого нечего бояться. Вниманіе къ себѣ въ сердцѣ съ молитвою къ Господу разстроиваетъ всѣ его козни. Читайте у Исихія и учитесь, какъ тутъ дѣйствовать.

Врагъ не тотчасъ худо внушаетъ. Первый его пріемъ есть—всѣвать помыслы, кажущіеся добрыми, и увлекать на дѣла, повидимости добрыя, или на дѣла добрыя, съ цѣлю недоброю—себя показать. Лица, не очень разборчивыя на помыслы и дѣла и не задумывающіеся надъ ними, лишь бы они не были явно худы, поддаются на эту уловку, — и онъ начинаетъ ихъ гонять отъ помысла къ помыслу и отъ дѣла къ дѣлу, все будто добрымъ, но или неумѣстнымъ, или неблаговременнымъ, или ненужнымъ, или не въ своей мѣрѣ дѣлаемымъ. Цѣль его тутъ та, чтобъ испортить вкусъ духовный въ различеніи истиннаго добра отъ мнимаго, пріучить къ принятію своихъ внушеній и породить высокое о себѣ мечтаніе: сколько надѣлано! — Между тѣмъ какъ все то-есть пустодѣліе и суета.—Грѣшныхъ дѣлъ пока еще невидно; но грѣхи словомъ нерѣдко прорываются; а помысловъ недолжныхъ и еще больше бываетъ. Се—первая вражья прелесть!

Когда успѣетъ онъ кого запутать въ этомъ, и кто втянется въ такой родъ дѣйствованія, тому онъ начинаетъ предлагать грѣшки, кажущіеся безгрѣшными. Кто под-

дается на это, того доводитъ онъ до грѣховъ, хоть не кажущихся безгрѣшными, но извиняемыхъ по обстоятельствамъ разнымъ, какъбы позволительныхъ. Кто до этого дойдетъ, тому внушаетъ онъ согрѣшить какимъ либо грѣхомъ, завѣдомо грѣшнымъ, которому и совѣсть поперечить,—внушаетъ не всегда согрѣшить такимъ грѣхомъ, а только однажды согрѣшить. Кто поддастся этому, тотъ попался совсѣмъ въ когти вражьи... и сталъ его рабомъ чрезъ рабство грѣху. Ибо чрезъ это *однажды согрѣшить* онъ уже не перестанетъ его гнать все дальше и дальше по тому же направленію.

Эту исторію вамъ знать не столько нужно, сколько ту, которая устроится, когда кто не слушаетъ врага. Тутъ у него свои приемы. Укажу главнѣйшіе. Когда кто, умудрясь, не даетъ хода помысламъ и позывамъ на добро, кажущимся добрыми, а тотчасъ, или по собственному разсужденію, или по указанію опытнѣйшихъ, отсѣкаетъ ихъ, какъ бы они ни казались красными, и дѣйствуетъ въ семь родѣ съ такою рѣшительностію, что не предвидится возможности уловить его симъ приемомъ: тогда врагъ бросаетъ эту уловку, и начинаетъ дѣйствовать со внѣ,—чрезъ людей, ему подручныхъ. Тутъ пойдутъ льстивыя похвалы, клеветы, осужденія, притѣсненія и всякаго рода непріятности. Вотъ это и вамъ надо знать и ждать,—и смотрѣть въ оба. Отвратить это не въ нашей власти, но въ нашей власти перехитрить врага. Главное—переносить все, не нарушая любви и мира. Помощникъ Господь. Его надо молить умиротворять наше сердце, и, если благоволитъ, улаживать все и внѣ. Съ своей стороны намъ надо не выпускать изъ вида, откуда и кѣмъ воздвигается буря,—и непріязнь вмѣсто людей направлять на того, кто, стоя позади, поджигаетъ ихъ и заправляетъ всѣмъ ходомъ.

Когда и этотъ приемъ не дастъ чаемыхъ плодовъ, тогда врагъ начинаетъ дѣйствовать своею персоною, тоже со внѣ,—строя разныя причуды, то страшныя, то обольстительныя.

Когда и эти уловки останутся тщетными; тогда врагъ наконецъ отступаетъ, не смѣя приблизиться. Поодаль ходить и издали подсматриваетъ, не допустится ли какая оплошность, и не откроется ли такимъ образомъ ему возможность — сдѣлать снова нападеніе по какому либо приему.—Но совсѣмъ онъ ни отъ кого не отступаетъ до самой смерти. Даже по смерти порывается что нибудь сгородить,—на мытарствахъ.

Прочитавши это, не подумайте: вотъ какіе страхи! Но страшиться тутъ совсѣмъ нечего, ибо врагъ никакой силы не имѣетъ противъ воли столкнуть насъ на зло. Онъ только разными уловки употребляетъ, чтобъ мы, обманувшись его призрачными представленіями и внушеніями, почли худое хорошимъ и учинили худое, полагая, что дѣлаемъ доброе. Вниманіе и молитва, какъ я сказалъ, дѣлаютъ всѣ его козни бездѣльными. Господь своихъ никогда не оставляетъ,—и Ангель Хранитель близъ, который,—какъ только увидитъ, что соблазненный изъясняетъ несогласіе на соблазнъ и противится ему,—тотчасъ немилостиво прогоняетъ врага.

LXV.

У васъ слезы. Добрѣ. Се благодать Божія. Вы ихъ не размноживайте, а поддерживайте. Отъ слезъ душа мягкою становится, какъ земля рыхлою отъ дождя. Читайте слово св. Лѣствичника о плачѣ. Тамъ разъяснено, какого рода бываютъ слезы и какъ держать настоящія слезы,—въ чемъ и для себя найдете уроки.

Дѣло жизни вашей при монастырѣ течетъ добрѣ. Такъ Богъ устроилъ. Благодареніе Ему! Монахини въ монастырѣ васъ зовутъ, потому что думаютъ, что вы не имѣете того внѣ монастыря, чтó имъ дастся въ монастырѣ;— между тѣмъ какъ вы то имѣете. И выходитъ у васъ разнорѣчіе. Вы спрашиваете: какъ монастырѣ дастъ то, чтó я имѣю внѣ его? А онѣ спрашиваютъ: какъ можно внѣ

монастыря получить то, что мы имѣемъ? Кто правъ и кто виноватъ?—Обѣ стороны и правы и виноваты. Иной рабѣ Божіей въ монастырѣ лучше, иной—въ монастыря. Кому какой образъ жизни пригожѣе, тотъ и пусть его себѣ избираетъ. Но избравъ его для себя, какъ лучший, не должно думать, что онъ и для всѣхъ лучший, и что кто его не избираетъ, тотъ находится въ худшемъ положеніи. Обсудивъ такъ дѣло, спокойно оставайтесь, какъ есть. А тѣ пусть въ монастырѣ подвизаются. Богъ да направитъ и васъ и тѣхъ ко спасенію.

Что писала вамъ Пашковка какая-то, будто Христось въ ней, и что она ничего не боится; то вѣдайте, что нѣтъ истины въ словахъ сихъ. Эти сектанты и сектантки всѣ присвояютъ себѣ такое преимущество; но они его не имѣютъ и имѣть не могутъ. Христось Господь въ тѣхъ есть, которые истинно вѣруютъ и таинства благодатныя приемятъ во св. церкви. А Пашковцы истинной вѣры не содержатъ, какую она должна быть по символу вѣры и опредѣленіямъ вселенской церкви на соборахъ,—св. таинства, благодать Божію, по учрежденію самого Господа, сообщающія, отвергають,—отъ церкви Божіей православной отпали: какъ же въ нихъ быть Господу?—Господь—глава церкви, а церковь,—совокупность всѣхъ истинно вѣрующихъ и по вѣрѣ дѣйствующихъ,— есть тѣло Его. Исполняя церковь—тѣло свое, Господь исполняетъ и каждый членъ тѣла церкви, т.-е. всякаго вѣрующаго. А тѣхъ, кои въ церкви, Христось Господь не исполняетъ. Слѣдовательно Его нѣтъ въ нихъ. Нѣтъ Его и въ Пашковцахъ.

Пашковцы мечтаютъ, что Христось въ нихъ, присвоая себѣ чуждое имъ. Они не только не имѣютъ Христа, но состоятъ подъ проклятіемъ Его. Христось Господь устами св. церкви вселенской положилъ проклятіе на еретически умствующихъ. Это по случаю появленія еретиковъ. Но клятва сія, поражающая появлявшихся тогда еретиковъ, простирается и на имѣющихъ появиться. Для вновь

появляющихся еретиковъ, которые мудрствуютъ подобно древнимъ проклятымъ, нѣтъ нужды собирать новые соборы, для проклятiя ихъ и отлученiя отъ церкви. Они сами подходятъ подъ сію готовую уже клятву, и новой не требуется.

Есть ли Христосъ въ нихъ, всего бы рѣшительнѣе показала сила Христова, присущая въ нихъ. Еслибъ она была проявляема, нечего бы и спорить. Но гдѣ она въ нихъ? Никто не видитъ. На языкѣ у нихъ только и слышится, что: Христосъ въ насъ, Христосъ въ насъ, а на дѣлѣ никакихъ слѣдовъ присутствiя Его въ нихъ не видно. Пашковъ, говорятъ, такъ говоритъ, какъ никто,—задушевно, сердечно, убѣдительно. Другіе же приходили его послушать и нашли, что онъ говоритъ вяло, водяно, безсодержательно, одно и тоже твердитъ въ разныхъ изворотахъ. Мало ли въ С.-Петербургѣ есть священниковъ, которые говорятъ и умнѣе, и сердечнѣе, и убѣдительнѣе?—А это ужъ духъ прелести и лукавства обуялъ нѣкоторыхъ, что они видятъ въ немъ что-то особенное. Иные толкуютъ: посмотри, они,—Пашковцы,—то и то дѣлаютъ. Слышу, слышу. А Пашковъ и деньги раздаетъ, чтобъ его слушали. Все же, что онъ и обманутые имъ дѣлаютъ хорошаго и благодѣтельнаго для другихъ—ничего особеннаго не представляетъ. И всѣ, православные, имѣющіе возможность, тоже дѣлаютъ. Разница та, что у православныхъ при семъ правое сердце, а у тѣхъ—неправое. Они дѣлаютъ показное въ видахъ привлеченiя къ себѣ. Коноводъ ихъ множество денегъ тратитъ, въ тѣхъже видахъ.

Скажутъ Пашковцы: «покажи и ты намъ слѣды присутствiя Христа у твоихъ православныхъ». Православные,—не мои, а Христовы сыны и дочери,—вотъ что въ себѣ имѣютъ и являютъ: во св. Крещеніи они облакаются во Христа, и въ силу причастiя св. Христовыхъ Таинъ имѣютъ въ себѣ пребывающимъ Христа, по необходимому обѣтованію самого Христа Господа. (Въ силу

сего и Пашковцы имѣли въ себѣ Христа, но когда уклонились въ сектантство и отпали отъ церкви, Христость оставилъ ихъ пустыми). Присутствіе свое въ нихъ Господь являетъ тѣмъ, что мысли ихъ просвѣщаетъ, поги ихъ на путь добра направляетъ и силы на совершеніе его подаетъ; тѣхъ, кои впадаютъ въ грѣхъ, влечетъ къ покаянію, покаявшихся руководитъ къ исправленію и очищенію сердца чрезъ подвиги самоотверженія, добродѣланія и молитвъ. Таково общее теченіе жизни православныхъ, подъ дѣйствіемъ Христа Господа. Осязаютъ при семъ присутствіе въ себѣ Господа удостовѣрительно вначалѣ только сами православные и тѣ, съ которыми они въ ближайшемъ находятся общеніи, особенно духовные ихъ отцы. (Спросите священниковъ. Сколько насчитаютъ они вамъ лицъ, въ которыхъ осязаютъ присутствіе Христа Господа, не для всѣхъ однакоже видное?). Но когда потомъ сказанными выше трудами надъ собою очиститъ кто сердце свое, тогда присутствіе въ нихъ Христа Господа является видимымъ и для всѣхъ, въ проявленіи всѣхъ тѣхъ благодатныхъ даровъ, какіе проявляли христіане первенствующей церкви и всѣхъ послѣдующихъ родовъ, до нашего времени. Больше этого ничего не скажу на прописанный вопросъ. Имѣющіе очи все сіе видятъ.

Пашковцы, потерявъ присутствіе въ себѣ Христа Господа въ первомъ его видѣ, по причинѣ своего еретичества, ужъ всеконечно не могутъ имѣть его въ второмъ. А кричатъ о себѣ они могутъ, что хотятъ.

LXVI.

Толковали съ нѣкою старицею о козняхъ вражескихъ. Се добръ! Внимайте себѣ, по Исихію, и молитву Иисусову держите,—и научитесь различать, что отъ врага. Онъ и внѣшно искушаетъ, но мало тѣмъ дорожитъ. Все вниманіе его устремлено на душу съ помыслами, чувствами и намѣреніями. Онъ сидитъ неотходно съ боку

души и подмѣчаетъ, въ какіе образы облекается она, чтобъ примѣнительно къ нимъ дѣйствовать на нее. Какъ только замѣтитъ тѣ или другіе образы, тотчасъ начинается развивать и расплывать ихъ въ томъ же родѣ, имѣя въ цѣли посредствомъ ихъ навестить на худое, въ чемъ и успѣваетъ, переводя вниманіе души отъ помысловъ добрыхъ къ пустымъ, отъ пустыхъ къ страстнымъ,—а далѣе, доводя страстные помыслы до страстныхъ движеній, и изъ нихъ пораждая страстныя намѣренія,—отъ намѣреній же до дѣлъ не далеко. Врагъ пользуется при семъ естественными законами движенія образовъ въ воображеніи и памяти. Законы сіи суть: современность, одновременность, сходство и противоположность, связь причины и дѣйствія, средствъ и цѣлей, всякихъ вообще соприкосновенностей въ бывающемъ. Напримѣръ: вы вспомнили о мѣстѣ, въ коемъ были и гдѣ вамъ сдѣлана небольшая непріятность. Вы объ этой непріятности ужъ забыли, но врагъ не забылъ, и поспѣшитъ теперь воспользоваться случаемъ поновить и въ васъ чувство забытой непріятности, чтобъ на основаніи его построить что-либо и болѣе худое. Какъ только проходя воспоминаніемъ по всему бывшему тамъ, вы дойдете до непріятнаго случая, онъ тотчасъ подбѣжитъ и станетъ за васъ заступаться, какъ они смѣли,—чувство непріятности и оживетъ. Когда оживетъ чувство, онъ внушитъ: «можно ли оставить»,—и засѣменитъ желаніе отплатить,—желаніе это разовьетъ въ намѣреніе, и далѣе начнетъ поджигать и къ рѣшимости такъ сдѣлать,—и сейчасъ же, поскорѣй, поскорѣй. Бѣдная душа и не опомнится, какъ дойдетъ до этого пункта,—и тутъ развѣ ужъ встрепенется. Какъ только встрепенется душа, врагъ тотчасъ отскакиваетъ и опять смотритъ, чѣмъ снова займется душа. Иногда и самъ начинаетъ занимать ее, принимая разные образы и рисуясь предъ душею. У души есть свои глаза кромѣ тѣлесныхъ; она видитъ эти образы, и иные пропускаетъ безъ вниманія, а иными и займется. Какъ только

занялась, врагъ тотчасъ опять начинаетъ тѣмъ же путемъ вести ее къ страстнымъ чувствамъ, чтобъ чрезъ нихъ довести до страстныхъ намѣреній и рѣшимостей. Вотъ какую забаву врагъ постоянно ведетъ съ нашею душою, чтобъ навести ее на зло. Авва Исаія, по сему поводу, говорилъ о себѣ: я похожъ на коня, который вольно пастется на лугу. Подходить чужой кто, садится и ѣздитъ. Когда паѣздившись бросаетъ, подходитъ другой и тоже дѣлаетъ,—и т. д. А другой старецъ уподоблялъ себя кудели; подсядетъ, говоритъ, врагъ, и ну прядеть, и все прядеть, пока не отгопишь. Пряденіе есть теченіе помысловъ, которые идутъ одни за другими, одни изъ другихъ выражаясь, пока не дойдутъ до чего либо грѣшнаго, отъ котораго опомнившись душа пресѣкаетъ теченіе помысловъ и отгоняетъ врага. Врагъ водить, пока не доведетъ до пропасти. Видъ пропасти приводитъ душу въ себя.

Я думаю, что все это вы знаете по опыту. Пишу же о семъ, чтобъ дать вамъ знать, что это такое,—именно что это врагъ забавляетъ насъ,—и забавляетъ не съ добрымъ намѣреніемъ. Почему намъ слѣдуетъ серьезно отнестись къ сему положенію дѣла. Какъ быть, прочитайте, какъ я уже сказалъ, у Исихія.

Съ другою старицею шла у васъ рѣчь о трудахъ дѣятельныхъ. Обѣ вы согласны, что надо не жалѣя себя трудиться по установленному порядку. И добрѣ! Поминаю объ этомъ, чтобъ только довести вашу рѣчь до конца. Одною дѣятельною жизнію ограничиваться нельзя; надо при семъ вести и умозрительныя занятія, чтобъ ими держать неослабно въ своемъ чинѣ и внутренній строй. Надо непремѣнно соединять съ дѣяніемъ умозрѣніе, и съ умозрѣніемъ дѣяніе. То и другое въ связи быстро двигаетъ душу впередъ, очищая ее отъ худаго и укрѣпляя въ добромъ. Посмотрите въ Достопамятныхъ сказанійхъ—Авву Іоанна Колова и Авву Пимена. Да объ этомъ и во всѣхъ подвижническихъ писаніяхъ найдете.

САМОУПРАВСТВО.

Слово въ великій пятокъ высокопреосвященнѣйшаго Сергія,
архіепископа Казанскаго.

*Вси бо, прїимийи ножь, ножемъ по-
убнутъ. Мато. 26, 52.*

Судебное дѣло, которое окончилось крестною смертію Иисуса Христа, начато было взятіемъ Его подъ стражу, по указанію Іуды предателя. Онъ привелъ въ садъ Геосиманскій, гдѣ Христосъ молился, немалый отрядъ воиновъ римскихъ и служителей іудейскихъ. Когда они приступили къ Спасителю, чтобы связать Его и вести, пламенный въ своей ревности апостолъ Петръ ударилъ пожемя одного изъ служителей, Малха, и отсѣкъ ему ухо. Быть можетъ этимъ пожемя онъ закалалъ пасхальнаго агнца; по крайней мѣрѣ, когда Христосъ и ученики Его послѣ вечера шли въ садъ, говорили Ему, что у нихъ есть два ножа. Но дѣло не въ томъ, откуда ножъ взялся, а въ томъ, что Спаситель не похвалилъ Петра за его отважный поступокъ. Онъ объяснилъ ученику, что ревность его была неумѣстная, и что еслибъ пужна была защита, явились бы съ неба болѣе ста тысячъ ангеловъ. *Како убо сбдутся писанія?*—Исцѣливъ отрѣзанное ухо Малха, Христосъ показалъ и свое всемогущество, и то, что Онъ идетъ на смерть добровольно, по реченному, по писаніямъ. А въ предостереженіе не только ученикамъ, но и грядущимъ поколѣніямъ припомаянулъ эту извѣстную евреямъ въ видѣ присловія угрозу: «всѣ, подпявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ».

Присловіе это есть выраженіе того древняго закона, который объявилъ Богъ Ною и его сыновьямъ: «кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка» (Быт. 9, 6). Это бываетъ такъ даже по естественному, хотя вполне животному, влеченію природы. Обида вызываетъ чувство самосохраненія, обороны и защиты. Въ древности обиженный уполномоченъ былъ самъ защищать себя, почему и данъ былъ законъ: *око за око, и зубъ за зубъ* (Исх. 21, 24). Хотя суровый законъ этотъ Христосъ замѣнилъ своею заповѣдію о терпѣливости и кротости,—«не противься обижакъшему» (Матѳ. 5, 39); но замѣнилъ не для поощренія людямъ дерзкимъ, а потому, что самъ есть защитникъ гонимыхъ и слабыхъ. Соотвѣтственно сему и апостолъ намъ совѣтуетъ: «не мстите за себя, возлюбленные, но предоставьте это гнѣву Божію» (Римл. 12, 19).—Однако не всё, взявшіе ножъ, отъ ножа погибаютъ? — На это надобно замѣтить, что гнѣвъ Бога-отмстителя открывается не всегда и не вездѣ одинаковымъ образомъ; не было предсказано, что каждаго преступника, по совершеніи имъ преступленія, тотчасъ покараетъ видимое дѣйствіе Божія суда. Но ни одинъ злодѣй не избѣжитъ его. Погибель Іуды извѣстна; не остались безнаказанными и тѣ, которые купили его предательство, и всё, возставшіе на безгрѣшнаго Страдальца. Какъ поразительно исполнился надъ ними приговоръ, который они сами противъ себя произнесли: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. 27, 25)! Иерусалимъ былъ разрушенъ; многіе пали подъ его развалинами; другіе погибли отъ римскихъ мечей.

Почему же Господь воспретилъ преслѣдовать обижающаго?—Потому что это было бы самоуправство; а самоуправство въ обществѣ—величайшее зло. Посмотрите вы на уличныхъ, худо воспитываемыхъ дѣтей. Нѣтъ у нихъ ни сираведливости, ни уступки; тотъ между ними правѣе и страшнѣе, кто сильнѣе. И ходятъ они, покрытые ранами и синими пятнами, которыя взаимно другъ—

другу наносятъ. Нѣчто болѣе печальное происходило бы и въ обществѣ, еслибы сила замѣняла законъ и каждый увлекался чувствомъ личнаго мщенія. Не безопасно жить тамъ, гдѣ начинаютъ господствовать страсти. Необходимое условіе спокойствія въ обществѣ есть уваженіе къ власти и закону. Изъ уваженія къ нимъ и Спаситель, предавая себя на страданія, воспретилъ ученикамъ самоуправство. «Вѣдѣше бо, яко архіерее рекутъ: не добръ законъ слышаше и учаше. Возбраняетъ убо Петру, яко не добро есть послушнику сущу духовнаго мужа, меча употребляти» *). Тоже возбранено и намъ, Его послѣдователямъ. Еслибъ сами исполнители закона потребовали чего незаконнаго, всякій можетъ прибѣгать съ жалобой къ установленному суду. Если же не всегда и не во всемъ удовлетворителенъ ненепогрѣшимый судъ человѣческій; то не должно забывать, что есть надъ нами Судія всевѣдущій, праведный и всемогущій. «Мое отмщеніе. Я воздамъ, говоритъ Господь». Аминь.

*) Синакс.—на вел. четв.

ДРЕВНІЯ ПАЛЕСТИНСКІЯ ЛАВРЫ И КИНОВІИ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТІЯ, ВЪ НИХЪ ПРОЦВѢТАВШІЕ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Первыя иноческія обители, процвѣтавшія въ Палестинѣ и извѣстныя уже во второй половинѣ IV-го вѣка, были: лавры *Фаранская* и *Суккійская*, лавра преп. *Иларіона великаго*, *Іерусалимская обитель*, *Іерарская киновія преп. Сильвана*, *киновія преп. Павлы римлянки* и обитель преп. *Меланіи римлянки*.

Фаранская лавра.

Лавра *Фаранская* — первая иноческая обитель въ св. Землѣ. Она находилась между Іерусалимомъ и Іерихономъ, почти на половинѣ разстояніи между ними и влѣво отъ большой іерихонской дороги, въ пустынѣ *Фара* или *Фаранъ*, и расположена была по лѣвому берегу Кучилійскаго потока, протскавшаго по глубокому руслу среди скаль и дикихъ ущелій **). Мѣсто это и до сихъ поръ у туземцевъ называется *Фара* и считается самымъ дикимъ и опаснымъ; и до сихъ поръ здѣсь — притонъ разбойниковъ ***). Изъ того, что до настоящаго времени

*) Первую статью см. въ январской книжкѣ.

**) Изъ жизнеописанія Евѳимія великаго видно, что Фаранская лавра находилась въ сосѣдствѣ съ лаврами Евѳиміевыми, а лавры св. Евѳимія находились въ окрестностяхъ Іерихона. См. Жизнь и дѣла св. отца нашего Евѳимія вел., 14. 15, въ Христ. Чт. 1824 г. ч. XV, также письма съ Востока А. Н. Муравьева, ч. II, стр. 196, въ Приб. къ тв. св. отц. въ русс. пер. 1850.

***) Письма съ Востока А. Муравьева въ указан. мѣстѣ.

удѣляли здѣсь остатки водопровода и мельницъ и на большое пространство разбросаны груды камней *), можно заключить, что Фаранская лавра была весьма обширна. Прославленная именемъ великаго Харитона, ея основателя, освященная его св. останками, она скоро достигла цвѣтущаго состоянія и сдѣлалась матерью прочихъ обителей св. Земли. Многіе великіе отшельники, основавшіе обители, сдѣлавшіяся впоследствии знаменитыми, въ ней положили начало иноческой жизни, каковы, напр., Евѳимій великій, Теокистъ, споствикъ его, бывшій игуменомъ одной изъ лавръ его; въ ней почерпнули они уставъ, который дали основаннымъ ими обителямъ. Она считалась въ числѣ первенствующихъ обителей палестинскихъ, каковы были: лавра Евѳимія великаго, лавра Саввы Освященнаго и киновія Θεодосія великаго. Время цвѣтущаго состоянія лавры Фаранской — шестой и седьмой вѣка. Въ VIII-мъ вѣкѣ она еще существовала: имя ея встрѣчается то въ лѣтописяхъ церковныхъ, то въ посланіи того или другаго епископа или аввы **). Въ началѣ IX вѣка, когда по причинѣ междоусобій между дѣтьми Гарунъ-аль-Рашида настало для палестинской церкви бѣдственное время, лавра Фаранская, подобно другимъ обителямъ, была на время оставлена иноками ***). Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Изъ подвижниковъ Фаранской лавры, кромѣ основателя ея преп. *Харитона*, знамениты: *Косма скопецъ*, *Павелъ*, *Теодоръ Эліотскій*, *Θαλαλлей Киликійскій* и *Григорій* игумень.

Преп. Харитонъ Исповѣдникъ.

Преп. *Харитонъ* родомъ былъ изъ Малой Азіи и жилъ въ ликаонскомъ городѣ Иконіи, между жителями котораго славился благочестіемъ и добродѣтельною жизнью. Въ

*) Письма съ Востока А. Муравьева, тамъ же.

***) Исторія св. града Іерусалима, соч. А. Муравьева, ч. I. стран. 331. 1844?

***) Тамъ же, стр. 340.

гоненіе на христіанъ при императорѣ Авреліанѣ *), онъ обнаружилъ необыкновенную твердость вѣры и пріобрѣлъ славу Христова исповѣдника. Когда указъ императорскій о преслѣдованіи христіанъ пришелъ въ Иконію, св. Харитонъ, какъ извѣстный и славный въ городѣ христіанинъ, первый изъ христіанъ былъ представленъ на судъ къ пачальнику области.

— Почему ты не поклавяешься богамъ, предъ которыми смиряются царь и всѣ народы? спросилъ св. Харитона областеначальникъ.

— Языческіе боги, смѣло отвѣчалъ Харитонъ, суть бѣсы, которые нѣкогда за гордость свою, за то, что хотѣли уподобиться Всевышнему, низвержены съ неба въ адъ, пылѣ же безумными и прельщенными людьми почитаются за боговъ. Но и они сами и покланяющіеся имъ скоро погибнуть и какъ дымъ исчезнуть. А я имѣю истиннаго Бога, Который есть Создатель всяческихъ, Спаситель міра, пребывающій во вѣки.

— Уже по первому твоему дерзкому отвѣту, сказалъ областеначальникъ, ты достоинъ смерти, ибо осмѣлился хулить безсмертныхъ боговъ и насъ, имъ поклапяющихся, называть безумными и прельщенными, и потому должно *злоглаголивую* главу твою отсѣчь мечемъ. Но поелику боги наши долготерпѣливы и медлятъ мстить за наносимое имъ оскорбленіе, то и я потерплю и не хочу тотчасъ погубить тебя: можетъ быть, ты придешь въ чувство и принесешь вмѣстѣ съ нами жертву тѣмъ, коихъ теперь хулишь, и испросишь у нихъ прощеніе въ своемъ грѣхѣ.

Св. Харитонъ отвѣчалъ, что никакія муки не въ силахъ отторгнуть его отъ истиннаго Бога и преклонить къ почитанію скверныхъ идоловъ; ибо онъ ученикъ блаженной первомученицы Феклы, въ семьъ городѣ увѣнчавшейся вѣнцомъ мученичества.

— Еслибы наши боги не были въ самомъ дѣлѣ боги,

*) Авреліанъ царствовалъ съ 270—275 г. по Р. X.

возразилъ правитель, то не даровали бы намъ счастливой жизни, богатства, славы, здоровья.

— Напрасно ты думаешь, отвѣчалъ на эти слова правителя Харитонъ, что все это у васъ—отъ вашихъ ложныхъ боговъ, которые сами ничего не имѣютъ, кромѣ своей гибели. Какъ въ самомъ дѣлѣ могутъ дать что-нибудь идолы, когда они сами ничего не имѣютъ? Они не могутъ ни простереть рукъ своихъ, ни услышать ушами, ибо они бездушны. И если ты хочешь узнать истину, испытай на самомъ дѣлѣ, и увидишь ихъ ничтожность: приложи зажженную свѣчу къ устамъ идола, почувствуетъ ли онъ боль? Возьми сѣкиру и подсеки ему ноги, закричитъ ли? Принеси молотъ и сокруши ему ребра, будетъ ли стелать? Подлипно, ничего ты отъ него не услышишь, потому что онъ не имѣетъ жизни и дыханія.

Услышавъ это, областеначальникъ сильно разгнѣвался и повелѣлъ мучить смѣлаго и твердаго исповѣдника Христова. Его обнажили и, распростерши крестообразно на землѣ, били воловьими жилами до того, что плоть отпала отъ костей и кровь лилась по землѣ.

— Пожрешь ли ты безсмертнымъ богамъ, спрашивалъ св. мученика правитель въ то время, когда подвергали его жестокимъ ударамъ,—или хочешь подвергнуть свое тѣло еще бѣльшимъ ранамъ?

— Я лучше бы согласился, отвѣчалъ св. мученикъ, тысячу разъ умереть за Спасителя моего, нежели поклониться вашимъ богамъ.

Когда мучитель увидѣлъ, что доблестный страдалецъ едва живъ, то приказалъ отнести его, истерзаннаго и изъязвленнаго, въ темницу. Господь же для бѣльшаго прославленія имени своего ниспослалъ чудесную помощь страдалцу, исцѣливъ совершенно его раны и язвы. Когда св. Харитонъ приведенъ былъ опять на судъ и выказалъ въ этотъ разъ еще большее дерзновеніе, мучитель велѣлъ жечь тѣло его зажженными свѣчами,—и жгли честное тѣло страдалца до того, что оно почти испеклось. Среди

жестокихъ страданій мученикъ Христовъ радовался и славиль Господа, сподобившаго его терпѣть за имя Христово такія муки. Потомъ онъ опять брошенъ былъ въ темницу. Но не суждено было св. Харитону совершить мученическаго подвига. Въ это время императоръ Авреліанъ былъ убитъ своими приближенными. Новый императоръ, опасаясь такой же участи, которая постигла его предшественника, повелѣлъ прекратить гоненіе на христіанъ,—и узники Христовы получили свободу. Тогда и Харитонъ былъ освобожденъ изъ темницы, хотя и желалъ страдать до конца и сдѣлаться мученикомъ за св. вѣру. Промыслъ благоволилъ продолжить жизнь раба своего для пользы другихъ. И св. Харитонъ, не успѣвши довершить страдальческаго подвига и увѣнчаться вѣнцемъ мученическимъ, сдѣлался мученикомъ произвольнымъ: изъ любви къ Господу онъ отвергся міра и всего, что въ мірѣ, и рѣшился въ уединеніи служить и благоугождать единому Господу.

Чтобы живѣе воображать распятаго Христа-Спасителя, сильнѣе чувствовать крестныя страданія Его, преп. Харитонъ отправился въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ. Но не суждено было ему видѣть св. града. Въ дикой пустынѣ, лежащей между Іерусалимомъ и Іерихономъ, онъ схваченъ былъ разбойниками и отведенъ въ пещеру, служившую имъ притономъ. Здѣсь они оставили благочестиваго путника, напередъ крѣпко связавши его, а сами отправились на разбой и грабежи, намѣреваясь по возвращеніи лишить его жизни. Св. Харитонъ радовался и благодарилъ Бога, что за имя Христово опять находится въ узакъ, и готовился принять мученическую смерть. Но Господь, предъизбравшій раба своего для великаго дѣла—спасенія чрезъ него другихъ, чудесно избавилъ его отъ гибели. Гнѣздившійся въ пещерѣ змѣй вползъ въ сосудъ съ виномъ, оставленный разбойниками, и, утоливъ изъ него жажду свою, отравилъ напитокъ,—и всѣ разбойники, выпивши отравленнаго вина, погибли.

Тронутый чудеснымъ избавленіемъ своимъ отъ яввой смерти, Харитонъ рѣшился въ этомъ самомъ дикомъ вертепѣ остаться, чтобы служить и благоугождать Господу, столь явно о немъ промышляющему. И дѣйствительно, онъ поселился здѣсь и началъ проводить жизнь въ самыхъ строгихъ иноческихъ подвигахъ,—въ подвигахъ молитвы, поста, злостраданія и терпѣнія.

Въ глубинѣ Египетской пустыни преп. Антоній великій собиралъ уже къ себѣ ревнителей благочестія и подвиговъ ради Господа. Распространилась молва и о великомъ труженикѣ Креста Христова, подвизавшемся въ мрачной пещерѣ Іерихонской пустыни, — и къ нему съ разныхъ сторонъ стали стекаться люди—одни, ища пріюта и защиты отъ гоненій, другіе — спасенія отъ суеты мірской, третьи — жаждая нравственного совершенства. Съ любовью принималъ всѣхъ великій подвижникъ, заповѣдая безмолвствовать и подвизаться уединенно, — и явилось общество подвижниковъ благочестія, первая и знаменитѣйшая въ Палестинѣ лавра *Фаранская*. Заботясь объ устройствѣ своего общества, преп. Харитонъ далъ ему и уставъ. Онъ заповѣдалъ подвижникамъ однажды въ день, вечеромъ, вкушать пищу — хлѣбъ и воду, и то въ мѣру, чтобы не потерять способности къ полунощной молитвѣ и бдѣнію, и по молитвѣ упражняться въ рукодѣльѣ; при чемъ съ опасеніемъ они должны наблюдать, чтобы ни одинъ часъ не прошелъ въ праздности, дабы діаволь, заставши инока въ праздности, не уловилъ его грѣховною сѣтью, ибо лѣность и праздность — начало грѣхопаденія. Также заповѣдалъ братіямъ хранить совѣсть въ чистотѣ, какъ зѣницу ока, нищету любить болѣе золота и серебра, и послушаніе имѣть, какъ помощника, содѣйствующаго спасенію, пріобрѣтать смиреніе, любовь, терпѣніе, незлобіе и всѣ прочія иноческія добродѣтели, какъ многоцѣнное сокровище; постоянно пребывать въ кельѣ и безмолвствовать, не переходить съ мѣста на мѣсто, не собираться на праздныя бесѣды, ибо много прет-

кновенія бываетъ добродѣтели отъ суесловія, какъ говоритъ Писаніе: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы.*—Такія правила далъ своимъ подвижникамъ преп. Харитонъ. Видно отсюда, что онъ съ самаго начала ввелъ въ своей лаврѣ образъ жизни келсійный или отшельнической, который въ то время уже извѣстенъ былъ въ Египтѣ *).

По любви къ безмолвію преп. Харитонъ не захотѣлъ самъ управлять своею обителью, но избравъ одного подвижника, превосходившаго прочихъ иноческими добродѣтелями, поставилъ его пастыремъ и руководителемъ иноковъ; а самъ, благословивъ свою обитель, удалился въ дальнюю пустыню для высшихъ подвиговъ. Близъ Іерихонскихъ предѣловъ старецъ нашелъ одну пещеру, которая ему понравилась: онъ поселился въ ней и сталъ подвизаться о Господѣ, подобно Ангеламъ славословя Его день и ночь. Пищею служили подвижнику растущія въ тѣхъ мѣстахъ травы; но больше онъ питался духовною пищею—словомъ Божіимъ, непрестанною молитвою и горячими, отъ пламенной любви его къ Богу лившимися день и ночь слезами; онъ говорилъ съ пророкомъ Давидомъ: слезы были миѣ день и почъ хлѣбомъ. Но и въ новомъ уединеніи онъ не долго наслаждался безмолвіемъ: скоро узнали о сокровенномъ мѣстѣ раба Христова и въ лаврѣ, и по окрестнымъ весямъ и городамъ,—и вотъ къ нему опять стали собираться ревнители подвижничества и высшаго нравственнаго совершенства, чтобы около него поселиться и подъ его мудрымъ руководствомъ жить и работать о Господѣ. Видя волю Божію, чтобы и эта дикая пустыня, въ которой преп. Харитонъ думалъ безмолвствовать одинъ, населилась отшельниками и огласилась ихъ священными пѣснями и молитвословіями, онъ принималъ къ себѣ всѣхъ,—и образовалось новое общество тружениковъ Креста Христова, новая лавра

*) Такого рода обители назывались въ Египтѣ *келсійными*.

Иерихонская *). Въ новой лаврѣ св. Харитонъ ввелъ такой же уставъ, какой былъ данъ первой—Фаранской. Но любовь къ уединенію и безмолвію не позволила великому отшельнику и здѣсь долго оставаться: онъ скрылся въ пустыню, лежавшую въ окрестностяхъ Мертваго моря, и тамъ долгое время подвизался одинъ, никому невѣдомый, переходя съ мѣста на мѣсто. Разъ проходили эту пустыню нѣкоторые подвижники и въ одномъ мѣстѣ встрѣтили дивнаго отшельника и узнали его. Павши старцу въ ноги, умоляли его позволить имъ жить съ нимъ, чтобы соревновать его высокимъ подвигамъ: старецъ на это согласился. Снова разнеслась молва о мѣстѣ подвиговъ преп. Харитона, и снова собралось около него много лицъ, желавшихъ подъ его руководствомъ безмолвствовать: образовалось новое общество отшельниковъ, третья лавра — *Суккійская*. Новая лавра расположена была при подошвѣ одной высокой горы, на которой находилась пещера. Старецъ поселился въ этой пещерѣ и пребылъ въ ней до глубокой старости. На горѣ не было воды. Не желая, чтобы кто изъ братіи трудился носить ему наверхъ воду, рабъ Христовъ обратился съ молитвою къ Богу,—и изъ камня потекъ источникъ, изъ котораго онъ и бралъ себѣ воду.

Достигши высокой степени нравственного совершенства, созрѣвши въ добродѣтеляхъ, какъ спѣлый гроздь, преп. Харитонъ приблизился къ исходу изъ сей временной жизни. Предъизвѣщенный Богомъ о близости своей кончины, старецъ призвалъ настоятелей и братію трехъ своихъ лавръ. «Я отхожу отъ васъ, сказалъ онъ имъ, какъ велитъ Господь; ибо пришло время, котораго я съ радостью ожидалъ, чтобы, разрѣшившись отъ плотскихъ узъ, идти и явиться предъ лице Бога моего. Вы же, чада мои, пеки́тесь о своемъ спасеніи, чтобы каждый изъ васъ,

*) Объ *Иерихонской* лаврѣ не сохранилось свѣдѣній въ историческихъ письменныхъ памятникахъ христіанской церкви.

избѣгши вражыхъ сѣтей, удостоился по исшествіи изъ тѣла, придти ко Господу и получить отъ Него милость». Услышавъ это, всѣ горько заплакали. «Оставляешь ты насъ, чадъ своихъ, отецъ и учитель нашъ, говорили они, оставляешь насъ, пастырь нашъ, угасаешь, свѣтильникъ и вождь пути нашего». Старецъ утѣшалъ ихъ и говорилъ: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ обѣщаль быть съ нами неразлучно до скончанія вѣка; Онъ не оставитъ васъ. Если я обрѣту у Него дерзновеніе, то буду молить Его благостыню, чтобы на страшномъ судѣ своемъ не различилъ васъ другъ отъ друга, какъ овецъ отъ козлищъ, но поставилъ одесную Себя вмѣстѣ съ благословенными своими и собралъ васъ въ одну ограду въ царствѣ своемъ». Братія спросили старца, гдѣ онъ заповѣдуетъ похоронить его. Старецъ отвѣчалъ: «отдайте персть персти, гдѣ хотите, ибо Господня земля и исполненіе ея». Братія сказали: «пѣтъ, отче: ты устроилъ три обители и три собралъ стада; каждому хотѣлось бы имѣть у себя честныя твои мощи. Посему, чтобы не было между нами распри, нынѣ завѣщай, гдѣ положить честное твое тѣло». Исполняя просьбу учениковъ своихъ, старецъ пожелалъ, чтобы положили его тѣло въ первой лаврѣ и въ той пещерѣ, гдѣ онъ чудесно спасенъ былъ отъ смерти, которую готовили ему разбойники. Приведенный въ Фаранскую лавру, старецъ преподавалъ собравшейся вокругъ него многочисленной братіи послѣднее благословеніе и мирно предалъ святую душу свою въ руки Божіи. Блаженная кончина его послѣдовала 28 сентября 340 года. Въ день кончины, то-есть 28 сентября, совершается въ православной церкви и память преп. Харигона *).

Преп. Косма скопецъ.

Преп. *Косма*, по прозванію *скопецъ*, жилъ въ VI вѣкѣ и подвизался въ лаврѣ Фаранской. Въ этой же лаврѣ

*) Четь-Мин. сент. 28.

онъ безмолвствовалъ, когда ея управлялъ Григорій, пресвѣщенныи и благочестивый мужъ, бывшій потомъ патріархомъ Антиохійскимъ.

Дивный подвижникъ былъ преп. Косма. «Пришелъ я однажды къ аввѣ Космѣ въ лавру Фаранскую, рассказывалъ Василій, инокъ — пресвитеръ монастыря Византійскаго, Іоанну Мосху и Софронію *), странствовавшимъ по св. мѣстамъ въ концѣ VI и въ первой четверти VII вѣка и оставившимъ описаніе своего странствованія въ книгѣ Лимонарь или Лугъ **),—и сказалъ мнѣ старецъ: «пришелъ мнѣ нѣкогда помысль: что значитъ изреченіе Господа ученикамъ Его: *имѣй ризу да продастъ ю и купитъ ножъ*, и проч. (Лук. 22, 36. 37). Будучи не въ состояніи понять этого изреченія Господня, я отправился въ лавру Пирги къ аввѣ Теофілу спросить его о смыслѣ изреченія. Это было въ самый полдень. Когда я шелъ по пустынѣ и находился близъ лавры Каламони; то увидѣлъ огромнаго змѣя, спускавшагося съ горы въ Каламони. Змѣй былъ такъ великъ, что извившійся длинный хвостъ его представлялъ собою огромную комнату, и я, идя по дорогѣ, вдругъ очутился какъ бы въ какой комнатѣ и прошелъ чрезъ нее безъ всякаго для себя вреда. Тотчасъ же я понялъ, что это діаволь хотѣлъ преградить мой путь и воспрепятствовать моеи благочестивой ревности; но молитвы старца помогли мнѣ. Я пришелъ къ аввѣ Теофілу и спросилъ его о сказанномъ изреченіи. Онъ сказалъ мнѣ: «два ножа означаютъ дѣланіе и видѣніе—дѣятельность и созерцаніе; если кто это исполнитъ, тотъ совершенъ».

*) Іоаннъ Мосхъ и Софроній, иноки киновіи Оеодосія великаго, странствовали вмѣстѣ по св. мѣстамъ и обителямъ Палестины, Сиріи и Египта. Іоаннъ Мосхъ скончался въ Римѣ въ 620 г., а Софроній—въ 644 въ санѣ патріарха Іерусалимскаго.

***) Лимонарь или Лугъ духовный говоритъ о знаменитыхъ подвижникахъ Востока, ихъ подвигахъ, чудесахъ, замѣчательныхъ изреченіяхъ.

Пришелъ я въ другой разъ къ аввѣ Космѣ въ лавру Фаранскую, рассказывалъ тотъ же пресвитеръ Василій Іоанну Мосху и Софронію, и пробылъ у него десять дней. Старецъ говорилъ о спасеніи души. Приведши одно мѣсто изъ сочиненій св. Аѳанасія, патріарха александрійскаго, онъ сказалъ: «если ты встрѣтишь гдѣ изреченіе св. Аѳанасія и не имѣешь бумаги, напиши его на своей одеждѣ». Такое уваженіе имѣлъ старецъ къ отцамъ нашимъ и учителямъ.

Тотъ же пресвитеръ Василій рассказывалъ еще о аввѣ Космѣ, что онъ каждую ночь съ вечера до утра стоялъ въ своей кельѣ и читалъ и пѣлъ, а въ церкви никакъ не позволялъ себѣ сидѣти, и когда кончалъ канонъ, садился и читалъ Евангеліе, пока всѣ братія соберутся на вѣніе.

Преп. Косма глубоко уважалъ и любилъ настоятеля своей лавры Григорія. Когда Григорій за свои высокія качества ума и сердца возведенъ былъ на святительскую кафедру антиохійской церкви, Косма пожелалъ видѣться съ нимъ, и для этого, не смотря на свою старость, предпринялъ далекій и трудный путь въ Антиохію. Прибывъ сюда, онъ утѣшился свиданіемъ съ патріархомъ и наслаждался духовною съ нимъ бесѣдою. Но блаженному старцу не суждено было видѣть болѣе своей лавры: онъ мирно скончался въ Антиохіи и былъ погребенъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

«Когда я былъ въ Антиохіи, рассказывалъ пресвитеръ Василій Іоанну Мосху и Софронію, въ одинъ день пошелъ я въ церковь поклониться мощамъ старца Космы и увидѣлъ, что около гроба его стоитъ одинъ нищій, который прежде былъ разслабленъ, лежалъ при церковныхъ дверяхъ и просилъ отъ входящихъ въ церковь милостыни. Когда нищій увидѣлъ, что я совершилъ пресвитерскую молитву, то сказалъ мнѣ: «господинъ авва! великъ былъ сей старецъ, котораго похоронили здѣсь два мѣсяца тому». Я сказалъ ему: почему ты знаешь?— «Я былъ разслабленъ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ нищій, и ради сего

старца исцѣлили меня Богъ, и когда я бываю въ скорби, старецъ приходитъ утѣшить меня и подаетъ мнѣ успокоеніе. И вотъ что еще удивительнѣе выслушай о немъ: съ того самаго времени, какъ похоронили его, я каждую ночь слышу голосъ старца къ епископу: «не приближайся и не прикасайся ко мнѣ, еретикъ; ибо ты—врагъ Бога и Соборной и Апостольской церкви». Я повѣдалъ объ этомъ патріарху и просилъ его положить тѣло святаго старца въ другомъ мѣстѣ. Патріархъ сказалъ: «повѣрь мнѣ, сынъ мой, авва Косма нисколько не страдаетъ отъ еретика; но это случилось для того, чтобы мы узнали добродѣтельную жизнь и ревность старца о благочестіи и чтобы обличилось зловѣріе епископа, котораго мы не будемъ теперь считать православнымъ» *).

Память преп. Космы скопца совершается въ церкви 3 августа **).

Преп. Павелъ.

Преп. *Павелъ* подвизался въ лаврѣ Фаранской также въ VI вѣкѣ и былъ мужъ святой, богоугодной жизни. Онъ былъ великій постникъ и ни съ кѣмъ не вступалъ въ разговоръ, будучи постоянно погруженъ въ богомысліе, непрерывно предаваясь внутренней молитвѣ; умиленіе же имѣлъ такое, что и день и ночь плакалъ. Такъ провелъ великій подвижникъ пятьдесятъ лѣтъ и мирно почилъ о Господѣ ***).

Преп. Феодоръ Еліотскій.

Преп. *Феодоръ Еліотскій* подвизался въ лаврѣ Фаранской въ VI-мъ же вѣкѣ. Онъ достигъ своими подвигамъ высокой степени нравственнаго совершенства и далеко славился даромъ вразумленія и поученія.

На горѣ Елеонской подвизался нѣкоторый затворникъ. На него вооружился бѣсъ блуда и возбудилъ въ немъ

*) Лимонарь, гл. 40. Четь-Мин. авг. 3.

***) Мѣсяц. прот. Вершин. авг. 3.

***) Лимон. гл. 41.

сильную плотскую страсть. Всѣми силами боролся затворникъ съ плотскимъ вождельніемъ. Въ одинъ день бѣсъ напалъ на него съ ожесточеніемъ и сильнѣе прежняго мучилъ его плотскими мыслями, такъ что борьба съ страстью становилась почти невыносимою. Затворникъ сталъ горько плакать, и говорилъ бѣсу: «когда ты перестанешь бороться со мной и меня мучить? Отойди отъ меня: пора; и ты уже состарѣлся!» И вотъ явился ему бѣсъ видимо и сказалъ: «поклонись мнѣ, что ты не повѣдаешь того, что я скажу тебѣ, и я потомъ перестану бороться съ тобой». Старець поклялся, говоря: «клявусь Живущимъ въ вышнихъ, что я никому не открою того, что ты мнѣ скажешь». Бѣсъ сказалъ ему: «не кланяйся этому образу, и я не буду больше мучить тебя». Образъ же этотъ былъ Владычицы Богородицы, держащей на рукахъ младенца Господа Иисуса Христа. Затворникъ сказалъ бѣсу: «позволь мнѣ нѣсколько подумать». Бѣсъ позволилъ. На другой день затворникъ отправился въ лавру Фаранскую къ аввѣ Θεодору Еліотскому и рассказалъ ему обо всемъ, что произошло между нимъ и бѣсомъ. Выслушавъ рассказъ затворника, авва Θεодоръ сказалъ ему: «ты весьма поруганъ, поелику даль клятву демону; но хорошо сдѣлалъ, что открылся. Гораздо легче тебѣ посѣтить въ городѣ всѣ мѣста зазорныя, нежели отвергнуться Господа и перестать поклоняться Его образу и образу Пречистой Богородицы». Поучивъ его довольно, авва Θεодоръ отпустилъ его съ миромъ, и затворникъ возвратился въ свою келью съ новою рѣшимостью продолжать борьбу съ бѣсомъ. Скоро бѣсъ опять явился къ затворнику и сказалъ ему съ укоризною: «что-жь ты, старецъ, сдѣлалъ? Поклялся мнѣ, что не откроешь никому, что я тебѣ сказалъ, а ты повѣдалъ другому! Какъ клятвopреступникъ, ты осужденъ будешь за это въ день судный». Затворникъ отвѣчалъ ему: «знаю, что я клялся, но клялся моимъ Владыкою, Которому, какъ Творцу моему, кланяться не перестану,

тебя же никогда не послушаю». Бѣсъ блуда оставилъ затворника въ покоѣ *).

Преп. Фалалей Киликійскій.

Преп. *Фалалей Киликійскій* жилъ также въ VI-мъ вѣкѣ. Шестьдесятъ лѣтъ провелъ онъ въ лаврѣ Фаранской въ подвигахъ поста, молитвы, злостраданія, и во все это время никогда не переставалъ плакать. Онъ говорилъ: «время настоящее далъ Богъ на покаяніе, и если мы погубимъ его, то за это сильно будемъ истязаны» **).

Преп. Григорій игумень.

Преп. *Григорій* былъ настоятелемъ Фаранской лавры и славился великими подвигами и высокимъ просвѣщеніемъ. За эти качества онъ избранъ былъ на святительскую кафедру Антиохійской церкви и скончался въ санѣ Антиохійскаго патріарха въ 584 году ***). Въ Лимонарѣ о немъ разсказывается слѣдующее:

Въ то время въ Палестинѣ славится отшельникъ Сергій, подвизавшійся въ пустынѣ близъ Мертваго моря. «Авва Григорій много упрасивалъ меня—разсказывалъ Георгій, ученикъ аввы Сергія, Іоанну Мосху и Софронію — привести его къ аввѣ Сергію. Я пошелъ съ нимъ къ старцу. Старецъ пребывалъ въ то время въ пустынѣ у Мертваго моря. Когда увидѣлъ его старецъ, то очень ласково привѣтствовалъ его и, принесши воды, умылъ ему ноги и весь день бесѣдовалъ съ нимъ о пользѣ душевной, а на другой день отпустилъ его. Когда авва Григорій ушелъ, я сказалъ старцу: «знаешь ли, отче, я вѣдь соблазнился. Приводилъ я къ тебѣ многихъ епископовъ, пресвитеровъ, и другихъ отцевъ, и никому изъ нихъ ты не умылъ ногъ, кромѣ аввы Григорія». Тогда старецъ сказалъ мнѣ: «я

*) Лимон. гл. 45.

**) Лимон. гл. 59.

***) Григорій управлялъ Антиохійскою церковію 24 года, именно съ 569 по 584 г.

не знаю, кто это—Григорій; знаю только, что я въ пещерѣ своей принялъ патріарха. Ибо я видѣлъ на немъ омофоръ, и онъ держалъ въ рукѣ своей евангеліе». По пророчеству старца, спустя пять лѣтъ, авва Григорій поставленъ былъ патріархомъ града Божія Антиохіи *)).

Суккійская лавра.

Лавра *Суккійская* находилась къ юго-востоку отъ Внолеема, въ трехъ часахъ пути отъ него по направленію къ Мертвому морю, въ пустынѣ Зифъ, въ горахъ **). Она называлась еще *Ветхою* или Древцею, какъ старшая изъ обителей Палестинскихъ. Подобно лаврѣ Фаранской, и Суккійская лавра достигла цвѣтущаго состоянія и пользовалась въ свое время большою славою. Много въ ней было дивныхъ старцевъ, славою своихъ подвиговъ и добродѣтелей наполнившихъ всю Палестину и окрестныя страны. Нерѣдко и великіе подвижники удалялись въ нее изъ другихъ обителей, чтобы совершить здѣсь свое подвижничество Христа ради. Время цвѣтущаго состоянія ея—пятый, шестой и седьмой вѣка. (Дальнѣйшая судьба лавры Суккійской мало извѣстна. Въ 12-мъ столѣтіи она еще существовала и была извѣстна подъ именемъ обители св. Харитона, какъ это видно изъ сказанія игумена Даніила, ходившаго въ концѣ этого столѣтія въ св. Землю на поклоненіе свят. мѣстамъ. Игуменъ Даніиль говоритъ, что монастырь св. Харитона лежитъ къ югу отъ Внолеема въ разстояніи *яко пять верстъ*, близъ моря Содомскаго, въ пустынѣ *вельми великой и страшной* и совершенно безводной, между горами; подъ нимъ страшная дѣбрь. Въ монастырѣ двѣ церкви, въ главной гробъ св. Харитона; внѣ монастыря усыпальница, въ которой лежатъ тѣла св. отцевъ; тамъ же лежатъ свят. Киріакъ и

*) Лимон. гл. 139.

**) Письма съ Востока А. Н. Муравьева въ Твор. св. отц. въ русс. пер. 1850 стр. 264—265.

два сына Ксенофонта Іоаннъ и Аркадій; отъ нихъ исходятъ многое благоуханіе *). Въ 17-мъ столѣтіи лавра представляется раззоренною и въ заустѣнни, какъ видно это изъ путешествія въ Іерусалимъ іеродіакона Іоны въ 1651 году **); въ такомъ состояніи она находится и до сихъ поръ ***).

Изъ подвижниковъ лавры Суккійской извѣстны и знамениты два мужа: отшельникъ *Кириакъ* и *Іоаннъ Ветхонещерникъ*.

Преп. Кирианъ отшельникъ.

Преп. *Кириакъ* родился въ Кареагенѣ около половины 5 вѣка и былъ сродникомъ епископу Кареагенскому Петру. Выросши и выучившись читать, Кириакъ былъ поставленъ чтецомъ соборной церкви. Частое посѣщеніе храма Божія, чтеніе Божественныхъ книгъ, повѣствованія о подвигахъ св. мужей—все это воспитало въ немъ страхъ Божій, воспламенило его сердце и возбудило въ немъ желаніе подражать подвижникамъ, — и Кириакъ 18-ти лѣтъ отъ роду оставилъ все, что его привязывало къ міру, и отправился въ Палестину, чтобы тамъ въ кругу труженниковъ Христовыхъ служить и работать единому Господу. Поклонившись святынѣ въ Іерусалимѣ и окрестныхъ мѣстахъ, Кириакъ остался въ монастырѣ Евсторгія, находившемся въ самомъ Іерусалимѣ близъ Сіонской горы, и положилъ здѣсь начало подвижнической жизни. Жажда безмолвія и высшихъ подвиговъ, онъ удалился къ великому Евѣимію, который поручилъ его сперва преп. Θεоктисту, а по кончинѣ его преп. Герасиму Іорданскому. Скоро Кириакъ снискалъ любовь преп. Герасима, и великій подвижникъ бралъ его съ собою въ пустыню Рува,

*) Сказанія русс. народа, изд. И. Сахаровымъ, т. II. 1849. Путеш. Иг. Данила.

***) Тамъ же, путеш. іеродіакона Іоны.

***) Письма съ Востока А. Муравьева въ Приб. къ т. вор. св. отц. въ русс. перев. 1850, стр. 264—266.

когда сопутствовалъ преп. Евѳимію, обыкновенно удалявшемуся туда на всѣ дни св. Четырехдесятицы. По кончинѣ преп. Герасима Кириакъ переселился въ лавру св. Евѳимія, гдѣ, затворившись въ кельѣ, пребывалъ въ ней какъбы погребенный въ гробѣ, бесѣдуя только съ единымъ Господомъ. Въ этой лаврѣ онъ пробылъ десять лѣтъ. Когда между иноками обителей Евѳимія и Теокиста возникли несогласія, Кириакъ удалился въ Суккійскую лавру. Тамъ онъ принятъ былъ какъ новоначальный, и снова проходилъ всѣ нисшія послушанія. Осьмнадцать лѣтъ исполнялъ онъ должность канонарха. Наконецъ онъ возведенъ былъ на степень пресвитера. Ревнуя о высшихъ иноческихъ подвигахъ, [Кириакъ съ однимъ ученикомъ своимъ удалился въ сосѣдную пустыню Натуфъ, въ которой провелъ пять лѣтъ; пять лѣтъ онъ подвизался въ другой пустынѣ Рува, куда переселился, бѣгая славы человѣческой, быстро распространявшейся о немъ повсюду; наконецъ, когда и здѣсь стали беспокоить его посѣтители, ушелъ въ самую сокровенную пустыню Сусакимъ, въ которой не подвизался дотолѣ ни одинъ отшельникъ. Пробывъ въ этой пустынѣ семь лѣтъ, великій отшельникъ возвратился въ лавру Суккійскую по просьбѣ ея иноковъ, которые вѣрили, что съ возвращеніемъ великаго старца (ему было въ это время уже 70 лѣтъ) низойдетъ на ихъ обитель благословеніе Божіе. Еще разъ старецъ удалялся въ любимую пустыню свою, будучи уже девяноста девяти лѣтъ, и прожилъ въ ней восемь лѣтъ. Скончался онъ ста девяти лѣтъ отъ роду въ 557 году по Рождествѣ Христовѣ.

Необыкновенный мужъ былъ отшельникъ Кириакъ, — высокой степени духовнаго просвѣщенія и нравственнаго совершенства онъ достигъ!

Преп. Кириакъ самъ говорилъ о себѣ, что во все время, какъ онъ былъ канонархомъ, солнце не видѣло его ядущимъ или гнѣвающимся на кого. Говорилъ еще, что онъ каждый вечеръ, ставши на молитву, начиналъ читать

псалтирь и продолжалъ это до ударенія въ било къ полуночному пѣнію.

Жилъ старецъ съ ученикомъ своимъ въ пустынѣ На-туфѣ. Имъ псчѣмъ было здѣсь питаться, потому что росшія въ этой пустынѣ травы были весьма горьки и ядовиты. Старецъ молился Богу, и потомъ сказалъ ученику своему: «пойди, набери травъ и сварь ихъ: благословенъ Богъ всемогущій! Онъ пропитаетъ насъ этими травами». Ученикъ исполнилъ это повелѣніе. Богъ сотворилъ по молитвѣ старца: горькія растенія перемѣнились въ сладкія, и старецъ питался ими съ ученикомъ своимъ четыре года. Нѣкоторый благочестивый человѣкъ, старѣйшина изъ Оекуи, прибывъ къ старцу, чтобы получить отъ него благословіе, привезъ съ собою нѣсколько хлѣбовъ и оставилъ ихъ старцу. Старецъ и ученикъ его стали питаться этими хлѣбами. Сварилъ однажды ученикъ горькія травы безъ повелѣнія старца и, когда попробовалъ кушанья, ощутилъ такую горечь и остроту, что совсѣмъ потерялъ голосъ. Старецъ, узнавъ причину нѣмоты его, помолился надъ его головою, причастилъ св. животворящихъ Таинъ, и онъ сдѣлался совершенно здоровъ и сталъ говорить по прежнему. Наставляя ученика своего при этомъ случаѣ, старецъ говорилъ: «Богъ не всегда хочетъ творить чудеса, но только во время нашей нужды. Когда мы не имѣли хлѣба, Богъ горькое зеліе усладилъ намъ въ пищу; теперь у насъ есть хлѣбъ: зачѣмъ же опять требовать чуда, чтобы усладить горькія травы?»—Когда хлѣбы всѣ вышли, старецъ говоритъ своему ученику: «благословенъ Богъ, сынъ мой! иди и навари травъ». Ученикъ сдѣлалъ это, но боялся прикоснуться къ кушанью, чтобы опять не пострадать. Старецъ, благословивъ пищу, вкусилъ самъ первый, за нимъ вкусилъ и ученикъ, и вреда отъ ней не испытали они никакого: горькія травы опять сдѣлались сладкими и годными къ употребленію.

Когда преп. Киріакъ жилъ и подвпзался въ пустынѣ Сусакимъ, ему служилъ тамъ левъ, который и охранялъ

его отъ нападенія враговъ. Подъ охраненіемъ этой дивной стражи увидѣлъ однажды старца Кирилль Скиѳопольскій, жизнеописатель Евоимія Великаго, Саввы Освященнаго и самого Кириака, пришедшій въ пустыню Сусакима по сѣтити великаго отшельника съ однимъ ученикомъ его. «Когда мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ жилъ Кириакъ, рассказываетъ Кирилль въ жизнеописаніи Кириака, встрѣтилъ насъ пребольшой и престашный левъ; увидѣвъ его, я сильно испугался. Іоаннъ, ученикъ старца, увидѣвъ меня въ сильномъ испугѣ, сказалъ: «не бойся, братъ Кирилль: левъ этотъ послушникъ отца нашего; онъ не дѣлаетъ вреда никому, кто приходитъ къ старцу. Левъ, увидѣвъ насъ, сошелъ съ мѣста и уступилъ намъ дорогу, видя, что мы идемъ къ старцу. Старецъ былъ очень радъ мнѣ и, когда услышалъ отъ ученика своего, что я, увидѣвъ льва, весьма испугался, сказалъ мнѣ: «не бойся, сынъ мой, этого льва: онъ со мною живетъ и стережетъ малый огородъ мой отъ дикихъ козъ». Бесѣдуя съ нами, старецъ много говорилъ о великомъ Евоиміи и другихъ отцахъ-пустынножителяхъ; потомъ сѣли мы за скромный столъ. Когда мы вкушали пищу, подошелъ къ намъ левъ. Старецъ бросилъ ему кусокъ хлѣба и послалъ стеречь свой огородъ, мнѣ же сказалъ при этомъ: «левъ не только стережетъ мой огородъ, но и прогоняетъ разбойниковъ, которые много разъ нападали на убогое мѣсто сіе». Я подивился, услышавъ объ этомъ, и прославилъ Бога, покорившаго угоднику своему дикихъ звѣрей, какъ овецъ. На другой день старецъ, благословивъ меня, отпустилъ съ миромъ и велѣлъ ученику своему провести меня. Когда мы пошли отъ старца, опять встрѣтили на дорогѣ льва. Не смѣя идти мимо звѣря, мы остановились; тогда левъ сошелъ съ дороги, и мы спокойно прошли».

Мѣсто, гдѣ жилъ преп. Кириакъ, въ Сусакимской пустынѣ, было дикое и безводное; старецъ зимою запасалъ на весь годъ извѣстное количество воды. Въ одно лѣто, въ іюнѣ мѣсяцѣ, былъ въ той странѣ чрезвычайный жаръ,

и вода у старца вся высохла. Скорбя о недостаткѣ воды, старецъ помолился Богу, и едва только произнесъ: «Боже, напоившій въ пустынь жаждущаго Израиля! подай мнѣ въ пустынь сей немного воды для удовлетворенія потребностей убогаго тѣла моего»,—тотчасъ явилось надъ Сусакимомъ небольшое облако, полился дождь, и всѣ рвы и ямы, находившіеся вокругъ кельи старца, наполнились водою. Такъ скоро услышалъ Богъ молитву раба своего!—Память преп. Кириака совершается 29 сентября *).

Преп. Іоаннъ Ветхопещерникъ.

Между подвижниками Суккійской лавры славился преп. *Іоаннъ Ветхопещерникъ*. Историческихъ свѣдѣній о немъ въ памятникахъ церковной письменности находится весьма мало, также какъ свидѣтельствъ и опытовъ духовной его жизни. Извѣстно только, что преп. Іоаннъ еще въ молодыхъ лѣтахъ изъ любви къ Богу оставилъ отечество (откуда онъ происходилъ, неизвѣстно), и прибывъ въ св. Землю, удалился для совершенія подвижничества въ Лавру преп. Харитона Исповѣдника, находившуюся въ пустынь Сукка. Въ этой лаврѣ онъ и провелъ всю свою жизнь въ аскетическихъ трудахъ, достигъ высокой степени нравственнаго совершенства и чистоты. Жилъ преп. Іоаннъ въ 6—7 вѣкѣ. Память его совершается въ Православной Церкви 19 апрѣля **).

*) Четь-Мин. изъ жизнеописанія Кириака, составленнаго Кирилломъ Скивопольскимъ 29 сент.—Мѣсяцесловъ Православно-Каеодлической Восточной Церкви прот. Вершин. 29 сент.

**) Четь-Мин. 19 апрѣля. Мѣсяцесловъ прот. Вершин. 19 апрѣля. Преп. Іоаннъ названъ Ветхопещерникомъ вмѣсто ветхолаврита, такъ какъ Суккійская лавра называлась Ветхою и устроена была при той пещерѣ, въ которой проводилъ послѣдніе годы своей жизни основатель лавры преп. Харитонъ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Лавра преп. Иларіона великаго.

Въ то время, когда въ восточной части Палестины явились труженики Креста Христова, руководимые препод. Харитономъ Исповѣдникомъ, когда пустыни и ущелья горъ Іудеи наполнились отшельниками, и югозападная часть св. Земли процвѣла пустыножителями и наполнилась обителями подвижниковъ благочестія, — во главѣ иноческихъ обителей на югозападѣ Палестины въ половинѣ IV столѣтія по Рожд. Хр. стояла *лавра преп. Иларіона великаго*.

Лавра преп. Иларіона великаго находилась въ окрестностяхъ филистимскаго города Газы, въ пустынѣ, между Газою и ея пристанью Маіумою *). Она основана въ концѣ первой половинѣ IV вѣка **) и, прославленная именемъ великаго Иларіона, еще при жизни своего основателя достигла цвѣтущаго состоянія и сдѣлалась славною въ исторіи христіанской церкви. На далекое пространство расселялись въ уединенныхъ кельяхъ и кущахъ ея отшельники въ обширной пустынѣ, во всѣ стороны простиравшейся отъ Газы и соприкасавшейся съ пустынной Идумею. Не Харитону Исповѣднику, не Фаранской лаврѣ, первой по времени иноческой обители въ святой Землѣ, а преп. Иларіону и его лаврѣ суждено было положить здѣсь прочное начало иночества, распространить и утвердить въ Палестинѣ подвижничество: изъ лавры преп. Иларіона расходились по разнымъ мѣстамъ свят. Земли ученики его и основывали новыя обители, каковъ напримѣръ, былъ Епифаній, основавшій обитель иноческую въ Елевферополѣ и бывшій впоследствии епископомъ

*) Histoire Ecclesiastique par l'Abbè Fleury, tom. I. Paris 1841. Liv. X. ch. IX.—Путеш. по Св. Землѣ въ 1835 г. Авр. Норова ч. I. стр. 55. изд. 2-е Церк. ист. Евагрія въ русс. пер. 1853 г. стр. 170.

**) Именно между 335—341 г. Hist. Eccl. Fleury. Liv. XII. ch. XVII.

Кипрскимъ *); въ ней полагали начало подвижнической жизни мужи, являвшіеся потомъ предстоятелями церкви и на епископскихъ кафедрахъ отличавшіеся высокими аскетическими трудами и святостью жизни; таковы, напр., были Аврелій апендоскій, Алафіонъ асалеійскій, Алексіонъ виавагонскій **). Великую услугу оказала Христовой церкви лавра преп. Иларіона, когда трудами и дѣятельностью своихъ подвижниковъ внесла свѣтъ истинной вѣры въ густой мракъ язычества, покрывавшій дотолѣ южную часть св. Земли: быстро распространилось здѣсь христіанство, и уже въ половинѣ IV вѣка въ городахъ и селеніяхъ явились христіанскіе храмы. Незабвенны въ этомъ отношеніи имена учениковъ преп. Иларіона: Исихія, любимѣйшаго его ученика, выше упомянутыхъ Аврелія, Алафіона и Алексіона, Зенона, въ послѣдствіи епископа Маіумскаго, Алафіона, предка церковнаго историка Созомена, и внуковъ Алафіона: Саламана, Малхіона, Фускона и Криспіона; они особенно ревностно трудились въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанской вѣры въ обширной Газской номѣ (округѣ), силою молитвъ и слова дѣйствуя на простыя души поселянъ, коснѣвшихъ въ грубомъ идолопоклонствѣ ***). Дѣдъ историка Созомена и Алафіонъ, родственникъ его обратили въ христіанскую вѣру все многолюдное селеніе Вевилю, въ которомъ сами жили, и городъ Газу; какъ люди благочестивые и состоятельные, они строили церкви и монастыри, учреждали больницы; богадѣльни и странноприимные дома ****). Процвѣтала лавра преп. Иларіона и въ V и VI вѣкахъ. Историкъ Созоменъ, жившій во второй половинѣ V-го вѣка, свидѣтельствуетъ, что день памяти преп. Иларіона праздновался въ его лаврѣ ежегодно и

*) Церков. ист. Ермія Созомена Саламинскаго въ русс. пер. Спб. 1851. кн. 6. гл. 32.

**) Тамъ же, кн. 3. гл. 14.

***) Тамъ же, кн. 3. гл. 14; кн. 5, гл. 9. 15; кн. 7, гл. 28.

****) Созом. кн. 5. гл. 15.

весьма торжественно и что къ этому дню во множествѣ стекались жители окрестныхъ городовъ и селеній *). Северь, патріархъ антиохійскій, жившій въ первой половинѣ VI вѣка, былъ инокъ Иларіоновой лавры **). Судьба лавры въ слѣдующихъ вѣкахъ неизвѣстна.

Изъ подвижниковъ лавры преп. Иларіона, кромѣ самого основателя ея, знамениты ученики его: Исихій, Малхіонъ, Зенонъ и Аякъсъ.

Препод. Иларіонъ великій.

Славный въ отцахъ, знаменитый въ подвижникахъ, преп. *Иларіонъ великій* родился въ 292 году по Р. Х. въ мѣстечкѣ *Таваонъ* близъ Газы, отъ языческихъ родителей, какъ *роза отъ терній*, по словамъ блаж. Иеронима, описавшаго жизнь сего великаго подвижника. Въ Александріи, куда родители отправили его для пріобрѣтенія образованія и гдѣ сдѣлалъ онъ большіе успѣхи въ наукахъ, онъ просвѣтился свѣтомъ Христовой вѣры. Ученіе христіанское глубоко проникло въ его душу: любимымъ занятіемъ его въ Александріи сдѣлалось находиться въ собраніи вѣрныхъ. Слава о подвигахъ Антонія великаго, повсюду въ то время распространившаяся, расположила Иларіона идти въ пустыню, въ которой подвизался Антоній, чтобы научиться духовной жизни подъ руководствомъ сего славнаго подвижника. «Добро пожаловать, денница, восходящая заутра!» привѣтствовалъ Иларіона Антоній.— «Миръ тебѣ, столпъ свѣта, просвѣщающій вселенную!» отвѣчалъ онъ. Два мѣсяца пробылъ у Антонія юный Иларіонъ. Образъ жизни великаго египетскаго отшельника глубоко подѣйствовалъ на впечатлительную душу Иларіона: онъ воспламенился желаніемъ вести такой же родъ подвижнической жизни, какой велъ преп. Антоній и, принявъ отъ него благословеніе на жизнь подвижническую, возвратился въ Палестину.

*) Тамъ же кн. 3. гл. 14.

***) Hist. Eccles. Fleury. tom. II. liv. XXI. ch. 13.

Слѣдую заповѣди Христовой: *кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть моимъ ученикомъ* (Лук. 14, 33), преп. Иларіонъ роздалъ все свое имущество (доставшееся отъ родителей, которыхъ онъ не засталъ въ живыхъ) своимъ братьямъ и бѣднымъ, не оставилъ себѣ ничего и удалился въ обширную пустыню, во всѣ стороны простиравшуюся отъ Газы. Напрасно удерживали его родные и знакомые, представляя ему на видъ юный возрастъ его, нѣжность тѣлосложенія, трудность жизни въ пустынѣ, оголенной и опаленной, опасность отъ разбойниковъ: юный подвижникъ былъ непоколебимъ. «Что ты сдѣлаешь, когда нападуть на тебя разбойники?» спрашивали Иларіона. «Кто ничего не имѣетъ, отвѣчалъ онъ, тому нечего ихъ бояться». — «Они могутъ тебя убить», устрашали его. «Правда это, спокойно отвѣчалъ онъ: но потому-то я не боюсь ихъ: я готовъ умереть». Поселился Иларіонъ сначала близъ моря въ разстояніи двадцати стадій *) отъ роднаго селенія, а потомъ углубился въ пустыню далѣе. Пятнадцать лѣтъ только ему минуло, когда онъ вступилъ въ пустыню. Это было въ 307 году.

И начались подвиги преп. Иларіона, изумившіе христіанскій и языческій міръ своею необычайностью; подвиги самага строгаго поста и воздержанія, непрестанной молитвы и богомыслія, тѣлесныхъ и духовныхъ трудовъ, терпѣвія и злостраданія,—подвиги, которымъ удивлялся бл. Іеронимъ, самъ великій подвижникъ.

Сначала Иларіонъ сталъ жить въ шалашѣ, устроенномъ изъ древесныхъ вѣтвей и болотныхъ растений; потомъ устроилъ себѣ хижину изъ кирпича, хворосту и разбитыхъ черепиць, имѣвшую 4 фута ширины, 5 футовъ длины и столько же высоты. Хижина вовсе не соотвѣтствовала его росту, и онъ долженъ былъ, говоритъ Созоменъ, стоя наклонять голову, а лежа подгибать ноги. Въ такой хижинѣ онъ жилъ очень долго. Власяница, кожаное по-

*) Около 3½ верстѣ.

крывало, подаренное ему Антоніемъ великимъ, и грубый плащъ, какой носили тогда поселяне — была постоянная его одежда. Одежды онъ не перемѣнялъ, а носилъ ее до тѣхъ поръ, пока она совершенно изнашивалась и необходимость заставляла его взять новую. Пищу принималъ Иларіонъ въ самомъ маломъ количествѣ, вовсе не заботясь о ея качествѣ. Сначала онъ питался фіговыми плодами; но потомъ, ощущая отъ этой пищи нѣкоторое удовольствіе, оставилъ ее и до 27 лѣтъ употреблялъ только чечевицу, размоченную въ холодной водѣ; три слѣдующіе года вкушалъ хлѣбъ съ водою и солью, прибавляя къ этому дикихъ травъ и жесткихъ кореньевъ. Въ слѣдующія пять лѣтъ бралъ въ пищу ежедневно шесть унцій ячменнаго хлѣба и варенныя травы; но замѣчая, что лицо его стало имѣть болѣзненный видъ, а на тѣлѣ появились лишай, началъ прибавлять къ травамъ немного масла. Такъ питался онъ до 63 лѣтъ. Въ это время чувствуя слабость въ тѣлѣ и не желая, однакоже, ослаблять строгости поста и воздержанія, великій подвижникъ оставилъ совсѣмъ употреблять хлѣбъ, а вмѣсто того сталъ питаться похлебкой, приготовленной изъ дикихъ травъ съ небольшимъ количествомъ муки. Такая похlebка служила ему пищею уже до самой смерти. Пищу принималъ онъ разъ въ день и всегда по захожденіи солнца; и такого правила онъ не нарушалъ ни въ праздничные дни, ни во время сильной болѣзни. Нерѣдко дивный подвижникъ три-четыре дня оставался совсѣмъ безъ пищи; это онъ дѣлалъ особенно въ то время, когда съ особенною яростью нападалъ на него діаволь—врагъ добра и спасенія чело-вѣческаго: въ такихъ случаяхъ для восстановленія истощенныхъ силъ употреблялъ фіговые плоды и сосалъ нѣкоторыя травы. Спалъ преп. Иларіонъ на голой землѣ, подложивъ подъ голову пучекъ вѣтвей, и сонъ его былъ самый короткій. Одинъ разъ въ году, именно наканунѣ Пасхи, онъ обрѣзывалъ свои волосы. При такомъ суровомъ образѣ жизни, среди такого злостраданія и само-

умерщвленія, подвижникъ Христовъ, слѣдуя словамъ Спасителя: бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе, находился въ непрерывныхъ трудахъ и занятіяхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, старался хранить трезвеніе ума, имѣть вниманіе къ своему внутреннему состоянію. Въ одно время онъ молился и пѣлъ псалмы, или читалъ слово Божіе, насыщая имъ свою душу, углубляясь въ разумѣніе его смысла; въ другое, по примѣру египетскихъ пустынниковъ, плелъ корзины изъ тростника, или копалъ заступомъ землю. Но и тѣлесный трудъ онъ соединялъ съ духовнымъ дѣланіемъ: сидя за корзиною, копая землю, онъ въ тоже время пѣлъ псалмы, или говорилъ наизусть цѣлыя мѣста изъ Библии. Отъ постояннаго чтенія слова Божія Иларіонъ зналъ все свят. Писаніе на память. Такой образъ жизни велъ преп. Иларіонъ, такіе труды и подвиги совершалъ во всю жизнь и въ самой старости.

Поселившись одинъ въ пустынь, подвизаясь здѣсь ради угожденія Богу и спасенія души, преп. Иларіонъ долженъ былъ выдержать жестокую борьбу съ діаволомъ. Духъ злобы, исконный врагъ рода человѣческаго, не терпитъ, когда человѣкъ заботится о своемъ спасеніи, когда ревнуетъ о Богѣ и добродѣтели. Съ ожесточеніемъ вступилъ онъ въ борьбу съ юнымъ подвижникомъ, усиливаясь остановить его рвеніе къ подвигамъ, смутить его, поколебать, удалить изъ пустыни и возвратить въ міръ, и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ всѣми мѣрами. Послѣдовали для подвижника Христова страшныя искушенія. Хитрый врагъ то возбуждалъ въ его душѣ чувственныя пожеланія, разжигая въ немъ плотскую страсть, то волновалъ умъ его сомнѣніями, сердце нечистыми помыслами, то представлялъ взору его соблазнительныя картины и образы, то наконецъ устрашалъ мрачными видѣніями; но ратоборець Христовъ мужественно противостоялъ всѣмъ его усиліямъ, постомъ и молитвою отражалъ его нападенія, силою крестнаго знаменія прогонялъ всѣ вражьи

козни и навѣты. Подвижникъ усиливаль постъ и молитву, когда нападенія духа тьмы были особенно сильны и ожесточенны: нѣсколько дней онъ оставался вовсе безъ пищи и все стоялъ на молитвѣ, устремивъ всѣ силы души горѣ, къ Богу, Отцу щедротъ и всякія утѣхи. Видя, что всѣ усилія его напрасны, врагъ дѣйствовалъ противъ подвижника и чрезъ людей: многократно нападали на него разбойники, жизнь его бывала въ опасности, и онъ долженъ былъ въ бѣгствѣ искать спасенія. И устоялъ ратоборець Христовъ въ этой неравной борьбѣ, одолѣлъ и посрамилъ злобнаго врага.

Прошло двадцать два года суровыхъ подвиговъ преп. Иларіона, тяжелой борьбы его съ духомъ тьмы. Высокой степени нравственнаго совершенства онъ достигъ теперь: духъ его возвысился надъ грѣховными влеченіями, укрѣпился въ добрѣ и просвѣтлѣлъ. Окомъ благоволенія возрѣлъ Господь на раба своего, ниспослалъ ему небесное утѣшеніе и преисполнилъ его своими благодатными дарами: открылась въ немъ чудодѣйственная сила, проявился даръ исцѣленія болѣзней и прозрѣнія въ будущее. Узнали о великомъ подвижникѣ люди, — и не только христіане, коихъ еще въ то время въ окрестности Газы было мало, но и іудей и самые язычники спѣшили къ нему въ пустыню съ своими нуждами и скорбями: рабъ Божій, пламенѣвшій любовью къ Богу и ближнимъ — братьямъ по плоти, изъ сокровищницы благодати, въ немъ обитавшей, неоскудно подавалъ всѣмъ потребное. Послѣдовалъ рядъ чудесъ преп. Иларіона, началась его извѣстность. Это было въ 329 году.

Разнообразны чудеса, совершенныя въ это время преп. Иларіономъ. Жизнеописатели его помѣстили въ описаніи его житія и дѣлъ такія чудесныя дѣйствія, которыя ясно свидѣтельствовали о высокой степени его нравственнаго совершенства и о богатствѣ въ немъ благодатныхъ даровъ, или представлялись особенно назидательными. Представимъ и мы нѣсколько такихъ чудесныхъ дѣйствій.

Первое чудо, совершенное преп. Иларіономъ, было исцѣленіе сыновей Елпидія, бывшаго впослѣдствіи начальникомъ преторіи *). Съ тремя дѣтьми и женой Аристенетой, благочестивой и добродѣтельной христіанкой, Елпидій отправился въ Египетъ видѣть Антонія великаго, наполнившаго міръ славою своихъ подвиговъ и высокихъ нравственныхъ совершенствъ. Въ Газѣ дѣти заболѣли горячкой; болѣзнь была столь жестока и упорна, что врачи признали жизнь ихъ въ опасности. Въ отчаяніи и не зная что дѣлать, бѣдная мать услышала объ отшельникѣ Иларіонѣ, подвизавшемся въ окрестной пустынѣ; движимая вѣрой въ силу молитвъ подвижниковъ Христовыхъ, она рѣшилась прибѣгнуть къ газскому подвижнику. На ослѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ и рабовъ, Аристенета отправилась въ пустыню, отыскала великаго отшельника и просила его помочь ея горю—спасти ея дѣтей. Иларіонъ отказывался, говорилъ, что онъ самъ немощенъ и грѣшенъ; говорилъ еще, что, какъ ушелъ въ пустыню, онъ положилъ себѣ правиломъ — не входитъ ни въ одно населенное мѣсто. Несчастливая мать въ слезахъ припала къ его ногамъ и умоляла скалиться надъ ней. Уступилъ слезной мольбѣ матери строгій подвижникъ и отправился въ городъ. Прибывъ въ домъ, гдѣ остановились путешественники, и приблизившись къ дѣтямъ, находившимся въ страшномъ жару, безъ всякаго чувства и сознанія, онъ призвалъ имя Господа Іисуса Христа: тотчасъ выступилъ на нихъ обильнѣйшій потъ, жаръ сталъ уменьшаться, дѣти очнулись, узнали отца, мать, приняли пищи и благодарили своего спасителя, цѣлуя руки св. подвижника. Въ чувствѣ живѣйшей радости всѣ прославили Бога и благодарили Его св. раба. Слухъ объ этомъ чудѣ быстро разнесся повсюду и проникъ въ отдаленныя страны,—и вотъ не только изъ Палестины, но и изъ Сиріи и Египта направились въ Газскую пустыню разнаго рода люди, хри-

*) Преторія—судебное мѣсто.

стіане и іудеи, даже язычники, направились видѣть дивнаго пустытника. Многіе іудеи и язычники обратились при этомъ въ христіанскую вѣру.

Изъ селенія Факидіи, находившагося близъ египетскаго города Ринокоруры, прибыла къ препод. Иларіону одна слѣпая женщина, не видѣвшая свѣта съ десяти лѣтъ. Все свое имѣніе истратила она на излеченіе своей слѣпоты; но пользы никакой не получила. Увидѣвъ несчастную, Иларіонъ жжалился надъ ней. «Еслибы ты подавала бѣднымъ, Иисусъ Христосъ, истинный врачъ, давно бы тебя исцѣлилъ», сказалъ онъ слѣпой. Потомъ плюнулъ ей на глаза, они прозрѣли и стали видѣть ясно, какъ прежде.

Маіумскій житель, по имени Италикъ, христіанинъ, готовился состязаться въ циркѣ съ дуумвиромъ *) газскимъ, чтителемъ языческаго бога Марны **). Италикъ, зная, что его противникъ силою чарованій и волшебства можетъ задержать и смѣшать его коней, обратился къ св. Иларіону и просилъ у него себѣ помощи. Странною представилась подвижнику его просьба, смѣшнымъ показалось обращаться съ молитвою къ Богу въ такомъ суетномъ дѣлѣ; смѣясь онъ сказалъ Италику: «не лучше ли бы тебѣ для блага души твоей продать коней и деньги, за нихъ вырученныя, отдать бѣднымъ?» Италикъ выставилъ на видъ, что это—общественное дѣло, въ которомъ онъ по необходимости долженъ принять участіе, какъ житель города, членъ городского общества, что какъ христіанинъ, онъ хотѣлъ бы взять верхъ надъ гордымъ дуумвиромъ, посрамить его и жителей Газы—язычниковъ, оскорбляющихъ христіанскаго Бога, издѣвающихся надъ Его св. церковію, и что, какъ христіанинъ, онъ не можетъ употребить волшебства и чарованій, и потому-то за лучшее счелъ обратиться къ помощи Иларіона, раба Божія, служителя Иисуса Христа. Подумавъ немного, Ила-

*) Дуумвиръ—одинъ изъ городскихъ начальниковъ.

***) Марна—сирійскій богъ, почитавшійся особенно въ Газѣ.

ріонъ наполнилъ водою чашу, изъ которой пилъ, благословилъ ее и отдалъ Италику. Прибывъ домой, Италикъ окропилъ этой водою конюшню, лошадей, кучера, экипажъ и наконецъ барьеръ или загородку, окружавшую мѣсто ристалища. Насталъ часъ состязанія. Массы собравшагося народа были въ напряженномъ ожиданіи. Поданъ условный знакъ къ началу состязанія. Кони Италика понеслись и, казалось, летѣли; кони же его противника сразу смѣшались. Громкій крикъ раздался изъ груди дуумвира, язычники заговорили: «Марна побѣжденъ Исусомъ Христомъ». Произошло въ народѣ сильное волненіе: язычники пришли въ ярость, приписали проигранное состязаніе Иларіону, считая его христіанскимъ чародѣемъ, и требовали его наказанія. Много невѣрныхъ обратились при этомъ въ христіанство.

Необычайные подвиги препод. Иларіона, его высокія нравственныя совершенства, богатые дары, коими онъ былъ преисполненъ, чудеса, кои совершилъ—все это привлекло къ нему ревнителей благочестія и добродѣтели, желавшихъ жить и подвизаться о Господѣ подъ его руководствомъ и богатнымъ осѣненіемъ;—и Газская пустыня наполнилась отшельниками, огласилась ихъ священными пѣснями и славословіями Богу, и явилась *лавра преп. Иларіона*, славная въ исторіи христіанской церкви. Основаніе ея относится къ 335—341 годамъ. Подражая въ подвигахъ преп. Иларіону и руководимые его духовными совѣтами и наставленіями, отшельники быстро достигали нравственнаго совершенства; созрѣвшіе въ духовной жизни расходились въ разныя мѣста Палестины и Сиріи и основывали новыя обители подвижниковъ благочестія. Такихъ обителей много явилось и въ южной Палестинѣ; къ сожалѣнію, и имена ихъ, и мѣста, гдѣ онѣ находились, остались неизвѣстны. Такимъ образомъ, преп. Иларіонъ поистинѣ является отцомъ подвижничества въ Палестинѣ и Сиріи.

Проникнутый отеческою любовью къ лицамъ; вступив-

шимъ на трудный путь подвижничества и заботясь о ихъ духовномъ благѣ, преп. Иларіонъ ежегодно въ опредѣленное время, именно предъ собираніемъ винограда, дѣлалъ обзорѣніе иноческихъ обителей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ южной Палестины. Обзорѣніе это имѣло необыкновенный видъ. Преп. Иларіона сопровождали подвижники его лавры; къ нимъ присоединялись братія другихъ обителей; такимъ образомъ собиралось иногда до 2000 человекъ. На все время путешествія иноки брали съ собой съѣстные припасы, которые и несли на себѣ. Со временемъ жители селеній, чрезъ которыя проходили иноки, доставляли въ сосѣдную обитель необходимые для путниковъ жизненные припасы. По распоряженію препод. Иларіона составлялась предварительно подорожная роспись; въ ней обозначались мѣста, чрезъ которыя должно было проходить, или въ которыхъ требовалось остановиться. Прибывъ въ ту или другую обитель, препод. Иларіонъ съ участіемъ входилъ въ ея внутреннюю жизнь, давалъ инокамъ необходимые совѣты и наставленія, дѣлалъ внушенія, посѣщалъ каждого брата, какъ бы онъ ни былъ по своему положенію среди подвижниковъ незначителенъ.

Пошелъ преп. Иларіону 65 годъ отъ рожденія. Слава его возросла до высшей степени. Повсюду говорили о великомъ палестинскомъ подвижникѣ; вездѣ удивлялись его необыкновенному образу жизни, его высокимъ нравственнымъ совершенствамъ и добродѣтелямъ; въ изумленіе приводила всѣхъ чудодѣйственная сила, въ немъ дѣйствовавшая; его знали въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. И текли въ Газу всякаго званія и состоянія люди: епископы и священники, клирики и монахи, горожане и поселяне, простые и благородныя жены, судьи и правители спѣшили въ Газскую пустыню, сгарая желаніемъ видѣть дивнаго подвижника, принять его благословеніе, послушать его сладкой бесѣды, получить отъ него священный даръ— благословеннаго хлѣба или масла. Но не по душѣ св.

старцу была такая слава, не по сердцу ему было такое всеобщее къ нему уваженіе: всегда присущее ему чувство смиренія смущалось, сознание своего недостойнства глубоко страдало; его безмолвіе нарушено; среди многочисленныхъ посѣтителей онъ находится какъбы снова въ мірѣ. Крайне тяготился старецъ такимъ положеніемъ и сталъ печалень и озабочень. Наступилъ 356 годъ. Явилась однажды къ преп. Иларіюву извѣстная своимъ благочестіемъ Аристенета принять благословеніе старца, при чемъ высказала, что она хочетъ еще разъ видѣть преп. Антонія. «Желалъ бы и самъ я идти къ нему, печально сказалъ старецъ, еслибы я не былъ какъ плѣнникъ въ обители, или еслибы это путешествіе было полезно; уже два дня, какъ міръ лишился этого великаго мужа». Св. старецъ, по откровенію, уже зналъ о кончинѣ преп. Антонія. Аристенета остановилась; чрезъ два дня пришло извѣстіе, что великій египетскій пустынножитель дѣйствительно скончался. Мѣсто препод. Антонія заступилъ теперь въ христіанскомъ мірѣ палестинскій подвижникъ: еще большимъ уваженіемъ, бѣльшимъ почтеніемъ окружали посѣтители преп. Иларіона; уваженіе это переходило у нѣкоторыхъ въ благоговѣніе къ нему. Но еще печальнѣе, еще озабоченнѣе сталъ старецъ. Инокіи, давно замѣчавшіе въ своемъ духовномъ отцѣ перемѣну, теперь особенно были поражены его скорбнымъ состояніемъ. Недоумѣвая, что бы это значило, они однажды съ искреннимъ участіемъ обратились къ старцу и спросили его, отчего онъ все такой печальный, что его огорчило и разстроило. «Ахъ, братія мои возлюбленная! отвѣчалъ старецъ, вздохнувши: я возвратился въ міръ и пріемлю мзду въ этой жизни. Вся Палестина и отдаленныя страны находятъ во мнѣ что-то хорошее, называютъ своимъ господиномъ, славятъ меня!... Наконецъ старецъ рѣшилъ положить конецъ своему душевному томленію: рѣшилъ оставить и мѣсто своихъ подвиговъ—свою любимую пустыню, въ которой онъ безвыходно провелъ въ подвигахъ цѣлыхъ пятьде-

сять лѣтъ, и свою лавру съ сонмомъ ея насельниковъ, нуждавшихся въ его отеческомъ руководствѣ и попеченіи, и бѣжать отъ славы, скрыться въ какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы онъ снова могъ быть наединѣ съ Богомъ и самимъ собою. Рѣшилъ такъ—и начались странствованія преп. Иларіона, продолжавшіяся цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ,—странствованія, среди коихъ онъ кончилъ и земную жизнь, и чужая страна приняла въ свои нѣдра и труженическое его тѣло. И дивны судьбы Божіи! смиренный старецъ хотѣлъ скрыться отъ славы, а слава шла по слѣдамъ его: Господь всюду открывалъ раба своего ради славы своей, во благо и на пользу ближнихъ.

Рѣшивъ удалиться изъ лавры, преп. Иларіонъ объявилъ о своемъ рѣшеніи довѣреннѣйшимъ своимъ ученикамъ и велѣлъ приготовить для себя осла. Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разнеслась между подвижниками и по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ, и вотъ болѣе десяти тысячъ человекъ всякаго званія, пола и возраста собралось въ лавру: въ одинъ голосъ всѣ просили старца не покидать своего мѣста, не оставлять ихъ сирыми и безпомощными. Онъ оставался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи; для успокоенія же собравшагося народа говорилъ, что такъ необходимо ему поступить. Новыя просьбы, новыя мольбы народа болѣе сильныя: не тронулся и тутъ старецъ, но стоя среди густой массы народа и переворачивая посохомъ песокъ, произнесъ: «оставьте меня, дѣти мои, пустите: такъ нужно. Господь не обманываетъ меня. Могу ли я спокойно смотрѣть на низверженные храмы, на погранные алтари, на пролитую кровь сыновъ моихъ?» Поняли всѣ, что великому старцу открыта тайна, которой онъ не хотѣлъ объявить, и, получивъ его благословеніе, разошлись. Но въ лаврѣ все-таки рѣшено было не пускать старца слабого, изможденнаго отъ подвиговъ: у него отъ строгаго поста и воздержанія оставалась на костяхъ только кожа. За нимъ стали бдительно наблюдать, боясь, какъ-бы онъ тайно не ушелъ изъ

лавры. Замѣтилъ это старецъ и прибѣгъ къ рѣшительной мѣрѣ. «Не буду ни ѣсть, ни пить до тѣхъ поръ, пока вы меня не отпустите, твердо сказалъ преп. Иларіонъ окружающимъ его братіямъ; и семь дней пробылъ безъ пищи. Уступили, наконецъ, братія твердому рѣшенію старца и оставили его въ покоѣ. Сдѣлавъ послѣднія распоряженія касательно оставляемой имъ лавры и преподавъ благословіе подвижникамъ ея, въ слезахъ окружавшимъ своего отца, преп. Иларіонъ простился съ ними и въ сопровожденіи 40 монаховъ, отправился по дорогѣ въ Египетъ. Тамъ, въ Египтѣ съ его обширными пустынями, въ странѣ, гдѣ началось подвижничество ради Господа, Иларіонъ надѣялся обрѣсти для себя уединенное мѣсто, въ которомъ онъ укрестся отъ свѣта и славы. Но прежде всего онъ положилъ посѣтить мѣсто подвиговъ своего учителя въ подвижничествѣ, преп. Антонія великаго.

Шестнадцать дней продолжался трудный и утомительный путь до Антоніевой горы по песчаной пустынѣ. Старецъ ѣхалъ на ослѣ, спутники его шли; дорожные запасы несли они на себѣ. Изъ Пелузія преп. Иларіонъ посѣтилъ отшельниковъ, подвизавшихся въ окрестной пустынѣ; въ Тебарѣ видѣлся съ епископомъ Драконтіемъ, жившимъ тамъ въ ссылкѣ, доставивъ ему этимъ свиданіемъ несказанное утѣшеніе *); въ Вавилонѣ **) посѣтилъ епископа Филона ***), находившагося здѣсь также въ ссылкѣ, и утѣшилъ его своимъ свиданіемъ. Наконецъ путники достигли Антоніевой горы и прибыли на нее къ самому дню памяти великаго подвижника. Съ радостью вступилъ Иларіонъ на это мѣсто, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ тому внималъ онъ наставленіямъ Антонія великаго. Въ день кончины преп. Антонія Иларіонъ цѣлую ночь провелъ въ

*) Драконтій—епископъ египетскій; ему писалъ посланія Аеанасій Великій.

**) Вавилонъ этотъ назывался Египетскимъ и лежалъ на Нилѣ къ сѣверу отъ Мемфиса.

***) Ф илонъ—епископъ одного египетскаго города.

бдѣніи и молитвѣ. Потомъ онъ осматривалъ мѣсто подвиговъ своего великаго учителя—знаменитую Антоніеву гору. Руководителями его при этомъ осмотрѣ были два ученика Антонія, жившіе на горѣ, Исаакъ и Пелузіанъ. «Здѣсь пѣлъ псалмы отецъ нашъ, говорили ученики, показывая Иларіону замѣчательныя мѣста: здѣсь молился; тутъ онъ трудился, а тутъ отдыхалъ, когда чувствовалъ утомленіе. Эти виноградники и деревья онъ самъ насадилъ; этотъ водоемъ самъ же выкопалъ съ большимъ трудомъ для орошенія сада; а заступъ этотъ долго ему служилъ при его трудѣ». Взошли въ келью Антонія, находившуюся при подошвѣ горы: она была такъ мала, что лежа едва можно было протянуть ноги. Увидѣвъ въ ней ложе, Иларіонъ легъ на него, лобызалъ его и чувствовалъ, что оно еще теплое. По грубому винтообразному всходу поднялись затѣмъ на самую вершину горы, гдѣ были двѣ кельи преп. Антонія, изсѣченныя въ скалѣ; къ нимъ придѣланы были только двери; сюда обыкновенно удалялся великій подвижникъ, когда хотѣлъ остаться наединѣ, предаться уединенной молитвѣ и богомыслию. Осмотрѣвъ эти кельи, Иларіонъ пожелалъ видѣть и мѣсто, гдѣ погребенъ Антоній. Исаакъ и Пелузіанъ отошли съ нимъ на нѣкоторое разстояніе отъ горы и сказали, что здѣсь отецъ и наставникъ ихъ погребенъ, но гдѣ именно, не могли указать, такъ какъ сами не знали. Св. Антоній, прибавили они, боясь, чтобы Пергамій, искренній почитатель его и богатый человекъ, не взялъ его тѣла и не воздвигъ надъ нимъ храма, завѣщалъ скрыть мѣсто, гдѣ будетъ оно положено.

Съ чувствомъ радости и душевнаго утѣшенія оставилъ преп. Иларіонъ Антоніеву гору и, отпустивъ въ Палестину всѣхъ спутниковъ своихъ, кромѣ одного, Газана или Занана, съ этимъ ученикомъ удалился въ *Афродиту*, городъ, лежавшій на Нилѣ *), и поселился въ пустынѣ,

*) Къ югу отъ Мемфиса. Въ Афродитѣ обыкновенно желавшіе посѣтить Антонія в. брали ословъ и верблюдовъ, чтобы на нихъ

простиравшейся отъ него къ востоку, надѣясь жить здѣсь въ полномъ уединеніи и неизвѣстности. Но не сбылись ожиданія старца. Принильская долина страдала въ то время отъ необыкновенной засухи: уже три года не было капли дождя; жители томились и изнывали. Страданія ихъ нашли доступъ къ сердцу преп. Иларіона, возбудили въ немъ жалость,—онъ обратился съ молитвою къ Богу: обильный дождь напоилъ жаждущую землю—и все ожило и зазеленѣло. Узнали раба Божія жители, и толпами стали приходять къ нему въ пустыню—одни за исцѣленіемъ своихъ недуговъ, другіе—получить отъ него благословеніе и назиданіе. Не могъ здѣсь жить смиренный старецъ, оставилъ Афродитскую пустыню и переселился на сѣверъ въ *Брутіонъ*, мѣстечко лежавшее въ окрестностяхъ Александріи; но и здѣсь не нашелъ покоя. Изъ Палестины дошли до него печальныя вѣсти: тамъ открылось жестокое гоненіе на христіанъ отъ богоотступника Юліана; жители Газы, помня оскорбленіе, причиненное имъ богу Маріѣ во время состязанія Италика, съ ожесточеніемъ напали на Иларіонову лавру и разрушили ее, избили множество пустынниковъ и уже искали самого Иларіона. Старецъ рѣшился скрыться въ пустынѣ Оазиса. И вотъ съ ученикомъ своимъ опять онъ двинулся на югъ, опять начался для нихъ трудный и отдаленный путь: избранная пустыня лежала въ Среднемъ Египтѣ, много южнѣ Афродиты, и разстилалась между Ниломъ и Малымъ Оазисомъ, къ западу. Желанная пустыня дружелюбно приняла смѣлыхъ пришельцевъ; нѣсколько времени старецъ и ученикъ его наслаждались здѣсь полнымъ спокойствіемъ. Но вотъ и въ эту пустыню явился изъ лавры братъ Адріанъ, посланный Исихіемъ: много труда стоило ему отыскать убѣжище Иларіона. Адріанъ извѣстилъ старца о смерти Юліана и воцареніи православнаго императора и отъ лица Исихія и братіи просилъ его

перейти пустыню и достигнуть ближайшей и отдаленной горы великаго пустытника.

возвратиться въ лавру. Иларіонъ не согласился на просьбу Адріана, не остался и въ Оазійской пустынѣ и рѣшился искать болѣе отдаленнаго и болѣе сокровеннаго мѣста. Снова старецъ съ Газаномъ пустились на сѣверъ и снова должны были испытать всѣ трудности отдаленнаго путешествія. Прибывъ въ приморскій городъ Партенуанъ, Иларіонъ съ ученикомъ своимъ сѣлъ на корабль и отплылъ, положивъ высадиться на островъ Сициліи.

Спокойно началось для преп. Иларіона плаваніе, никто на кораблѣ его не зналъ. Вдругъ сынъ владѣльца корабля, одержимый нечистымъ духомъ, вскочилъ и, обратившись къ убогому по виду путнику, закричалъ: «Иларіонъ служитель Божій! зачѣмъ ты не даешь намъ покоя даже и на морѣ? Дай мнѣ хоть прибыть на сушу свободно». Иларіонъ спокойно отвѣчалъ на это: «Если Богъ позволяетъ тебѣ, оставайся здѣсь; если же Онъ изгоняетъ тебя, зачѣмъ обращаешься ко мнѣ грѣшному и убогому?» Св. Иларіонъ говорилъ такимъ образомъ, желая скрыть себя. Ребенокъ освободился отъ злаго духа; смиренный старецъ взялъ слово съ его отца, что тотъ никому не откроетъ его имени. Когда вошли въ гавань Пахинъ, Иларіонъ предложилъ хозяину корабля въ уплату за себя и ученика своего Евангеліе, которое онъ собственною рукою переписалъ для себя еще въ юности, такъ какъ кромѣ этой священной книги и одежды на себѣ они ничего не имѣли. Признательный корабельщикъ отказался.

Вступивъ на берегъ *Сициліи*, преп. Иларіонъ спѣшилъ углубиться внутрь острова и поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, въ двадцати миляхъ отъ морскаго берега, въ полной увѣренности, что онъ нашелъ наконецъ безмятежное убѣжище, гдѣ никто его не будетъ знать. Нѣсколько времени старецъ и ученикъ его жили спокойно. Самъ онъ ходилъ и собиралъ дрова, а Газанъ носилъ ихъ на себѣ въ сосѣдній городъ, гдѣ и продавалъ; на вырученныя деньги они покупали себѣ хлѣба. Скоро,

однакоже, по волѣ Божіей, пустыльникъ-пришелецъ сдѣлался на островѣ извѣстенъ: въ Римѣ возвѣстилъ о немъ одинъ бѣсноватый. «Вотъ нѣсколько уже дней, кричалъ онъ въ храмъ св. Петра, Иларіонъ, служитель Иисуса Христа, прибылъ въ Сицилію; никто его не знаетъ тамъ; онъ думаетъ скрыться, но это ему не удастся: я его открою». Бѣсноватаго, принадлежавшаго къ богатому семейству, отправили въ Сицилію, и когда онъ палъ къ ногамъ св. Иларіона, злой духъ оставилъ его и онъ сдѣлался совершенно здоровъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по острову, и вотъ массами стали являться къ св. старцу посѣтители, желая видѣть раба Христова, получить его благословеніе, послушать его бесѣды; во множествѣ приходили больные и страждущіе: изъ облагодатствованной души своей рабъ Божій раздавалъ всѣмъ благодатные дары по мѣрѣ и роду нуждъ каждаго. Одинъ начальникъ, исцѣленный имъ отъ водяной болѣзни, въ чувствѣ благодарности предложилъ ему большой подарокъ; но отрекшійся отъ всего земнаго подвижникъ отвѣчалъ ему словами Евангелія: *даромъ получили, даромъ и давайте* (Матѣ. 10, 8). Неожиданно для св. старца явился въ его уединенное жилище и Исихій, преданнѣйшій его ученикъ. Съ сердечною скорбію получили въ Иларіоновой лаврѣ извѣстіе, что старца въ Египтѣ нѣтъ, что онъ отплылъ на кораблѣ неизвѣстно куда. Подвижники все надѣялись, что отецъ ихъ возвратится къ нимъ, но теперь съ этою надеждой они должны проститься окончательно. Исихій, напутствованный благожеланіями братій самъ отправился отыскивать старца. Долго онъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ, пересходилъ изъ страны въ страну, посѣтилъ ближайшіе къ Сиріи острова, являлся и на сушѣ—въ Греціи и Македоніи, вездѣ раз узнавая о преп. Иларіонѣ,—и долго поиски его были тщетны. Наконецъ въ Метонѣ (нынѣ Модонѣ), морской гавани, лежащей на южной оконечности Пелопонеза, Исихію посчастливилось получить нѣкоторыя свѣдѣнія о

старцѣ. Одинъ еврей, торговавшій старымъ платьемъ, общилъ Исихію, что въ Сициліи явился христіанскій пророкъ, совершающій такіа чудеса, что его признають за одного изъ древнихъ пророковъ. Исихій тотчасъ отправился въ Сицилію и, высадившись въ Пахинской гавани, въ первомъ же городѣ узналъ о мѣстопребываніи св. Иларіона. Наконецъ, онъ увидѣлъ убогое жилище св. старца—человѣка, имя котораго извѣстно и славно по всему христіанскому міру. Вотъ и самъ онъ—блаженный старецъ. Въ порывѣ радости преданный ученикъ палъ къ ногамъ своего учителя и отца, лобызаль его руки и ноги и отъ умиленія плакалъ. Радовался и старецъ: передъ нимъ—ученикъ, котораго онъ любилъ какъ сына; радость свиданія отразилась и на лицѣ старца—оно просвѣтлѣло. Но непродолжительно было такое настроеніе преп. Иларіона: Исихій скоро замѣтилъ на лицѣ его выраженіе грусти и озабоченности. Рѣшительнымъ отказомъ отвѣчалъ старецъ на просьбу Исихія—возвратиться въ лавру и утѣшить скорбящихъ о разлукѣ съ нимъ братій-подвижниковъ. Глубоко опечалился Исихій, когда узналъ отъ Газана, что старецъ хочетъ уйти въ неизвѣстную *варварскую страну*, гдѣ бы жители не знали его языка. И въ одинъ день старецъ велѣлъ Газану приготовиться въ путь, прибавивъ, что онъ намѣренъ удалиться въ Далмацію. Зная твердость преп. Иларіона, Исихій предложилъ ему и свои услуги, вызвался проводить его въ новую страну: старецъ согласился. И вотъ Иларіонъ съ двумя учениками своими сѣлъ въ Пахинѣ на корабль и послѣ благополучнаго плаванія прибылъ въ далматскій городъ Епидавръ и поселился въ окрестности его, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, въ горахъ. Исихій, простившись съ старцемъ и Газаномъ, отбылъ въ Палестину. Это было въ 365 году.

И въ *Далмаціи*, куда преп. Иларіонъ стремился всей душой изъ Сициліи, не нашелъ себѣ онъ покоя: ни горы и пустынность мѣста, гдѣ онъ сталъ жить, ни языкъ его, непонятный населенію, не скрыли его отъ людей. Благо-

датная сила, въ немъ обитавшая, не могла оставаться безъ дѣйствія; его сердце, полное любви къ людямъ и въ самомъ удаленіи отъ нихъ, не могло не отзываться на всякій призывъ, на всякое горе и страданіе. Начались чудесныя дѣйствія. Огромный змѣй, гнѣздившійся въ ущельяхъ окрестныхъ горъ, причинялъ странѣ страшное зло, пожирая скотъ и людей; сочувствуя общему бѣдствію, рабъ Божій силою своей молитвы избавилъ страну отъ змѣя: чудовище въ одинъ день найдено было издохшимъ. Сразу же послѣ этого имя дивнаго пришельца, живущаго уединенно въ горахъ, огласилось по окрестности. И вотъ, когда въ томъ же 365 году произошло въ Далмаціи сильное землетрясеніе *), и взволнованное море выступило изъ береговъ и грозило разрушить Епидавръ, толпами бросились къ св. отшельнику жители, умоляя его придти къ морскому берегу. Не могъ остаться безучастнымъ къ страшному народному бѣдствію св. старецъ: онъ явился на морской берегъ. Увидѣвъ ярость волнующагося моря, рабъ Христовъ начерталъ на песокъ три креста, а руки поднялъ и простеръ на море: разъяренная водяная стихія тотчасъ остановилась и поднялась наподобіе высокой горы, вода устремилась назадъ и море вошло въ свои предѣлы. Слава о чудномъ пустынникѣ распространилась теперь по всей Далмаціи и сосѣднимъ странамъ. Видя, что и въ Далмаціи, этой варварской странѣ, онъ не можетъ жить спокойно, смиренный подвижникъ, этотъ поистинѣ мученикъ славы, бѣжалъ ночью изъ своего уединенія, которое ему было-полюбилось. У морскаго берега онъ нашелъ корабль, готовившійся плыть въ Кипръ, и сѣлъ въ него, предавшись водительство Божію и переносясь думами въ новую страну, гдѣ онъ, можетъ быть, найдетъ, наконецъ, давно желанный покой. «Ибо не по душѣ ему было жить тамъ, гдѣ

*) Землетрясеніе происходило 21 іюля 365 г. О немъ упоминаетъ языческій писатель Амміанъ Марцеллинъ.

его хвалятъ, говоритъ Созомень. Черезъ перемѣну мѣсто-пробыванія онъ старался оставаться въ неизвѣстности и посредствомъ частыхъ переходовъ изъ страны въ страну думалъ уничтожить распространявшуюся о немъ славу».

Рано утромъ корабль отчалилъ отъ берега. Присутствіе на немъ св. Иларіона спасло его отъ явной опасности. Лишь только вышли въ открытое море, какъ увидели съ корабля вдали пиратовъ, которые неслись въ направленіи къ нему на всѣхъ парусахъ. Всѣ на кораблѣ очень встревожились и, растерянные, не зная что дѣлать, другъ за другомъ подходили къ св. старцу, который одинъ сидѣлъ спокойно, и сообщали ему печальную вѣсть о грозившей имъ опасности. Старецъ смѣялся, смотря на море и наблюдая, какъ пираты дѣйствительно приближались къ кораблю, и обратившись къ окружающимъ, сказалъ: «маловѣрные! чего боитесь? Больше ли ихъ Фараонова войска»? Когда судна пиратовъ были уже весьма близко отъ корабля, старецъ всталъ, взошелъ на корму, поднялъ руку и, протянувъ ее по направленію къ пиратамъ, строго произнесъ: «не подходите сюда». Непріятельскія судна тотчасъ повернулись назадъ и неудержимо сами понеслись къ берегу, несмотря на всѣ усилія пиратовъ удержать ихъ, и скоро скрылись изъ глазъ. Дальнѣйшее плаваніе корабля было благополучно: онъ вошелъ въ Кипрскую гавань Паеосъ.

Островъ *Кипръ* былъ послѣднею страной, въ которой кончились странствованія преп. Иларіона. Онъ поселился здѣсь въ двухъ миляхъ отъ Паеоса въ уединенномъ мѣстѣ и былъ совершенно увѣренъ, что никто не знаетъ о прибытіи его на островъ. Но не прошло и трехъ недѣль, какъ имя его огласилось по острову. Одержимые нечистымъ духомъ начали громко кричать, что прибылъ Иларіонъ, служитель Бога Вышняго, что они хорошо знаютъ его, не знаютъ только мѣста, гдѣ онъ находится, что они должны отыскать его. Найдено было и мѣсто это,— и началось стеченіе народа къ св. Иларіону, явились

бѣсноватые, больные и страждущіе всякаго рода: рабъ Христовъ силою молитвы своей исцѣлялъ всякіе недуги и болѣзни. Явился и Исихій, извѣщенный Газаномъ о переселеніи ихъ на островъ Кипръ. Скорбнымъ и печальнымъ нашель своего учителя и отца Исихій: старецъ жаловался любимому ученику своему, что онъ и здѣсь не имѣеть покоя отъ посѣтителей. Жаль его стало Исихію: онъ самъ предложилъ старцу искать новаго, болѣе сокровеннаго мѣста на островѣ. Съ радостію принялъ старецъ его предложеніе, и вотъ они углубились внутрь острова еще на двѣнадцать миль и остановились въ одной мѣстности, привлекущей ихъ вниманіе своею живописностью и вмѣстѣ пустынностью: среди долины, окруженной крутыми скалами, возвышалась небольшая гора, покрытая лѣсомъ; на плоской вершинѣ горы находился садикъ съ фруктовыми деревьями; при подошвѣ билъ источникъ чистой воды. Въ этой мѣстности, всѣмъ очень понравившейся и извѣстной подъ именемъ Харвириса, и остался преп. Иларіонъ: поселился онъ на вершинѣ горы, въ садикѣ, и провелъ здѣсь послѣднія пять лѣтъ своей жизни. Долго никто не нарушалъ его покоя. Старецъ радовался. Изрѣдка только навѣщалъ его Исихій, своимъ свиданіемъ доставляя новую радость его сердцу. Одно обстоятельство открыло жителямъ сокровенный пріютъ великаго отшельника. Однажды старецъ ходилъ по склону горы, созерцая красоты чудной природы и возносясь умомъ къ Богу—красотѣ вѣчной. Вдругъ онъ увидѣлъ челоуѣка, сидѣвшаго неподвижно на одномъ мѣстѣ: челоуѣкъ этотъ былъ весь разслабленъ. Открылось, что это былъ самъ владѣлецъ мѣстности, въ которой жилъ преп. Иларіонъ, прибывшій сюда съ людьми, которые, оставивъ его на время одного, сами отправились на охоту. Сжалился старецъ надъ несчастнымъ и, призвавъ имя Божіе, исцѣлилъ его. Это чудесное событіе скоро разгласилось по окрестности, и снова къ рабу Божію потекъ народъ, жаждая ощутить на себѣ вѣяніе благодатной силы, въ немъ

обитавшей, и едва замѣтная тропинка, проложенная Газаномъ, спускавшимся по ней внизъ за водой, стала торнымъ путемъ, по которому двигались массы народа, то поднимаясь на гору, то спускаясь съ нея. Много чудесъ совершилъ въ это время св. Иларіонъ.

Приблизилось, наконецъ, отшествіе великаго подвижника въ другую жизнь. Предузналъ св. Иларіонъ свою кончину и сталъ къ ней готовиться. Дрожащею рукою онъ написалъ Исихію, любимѣйшему ученику своему и другу, письмо, въ которомъ, прощаясь и съ братьями—подвижниками лавры, отказывалъ Исихію все свое имущество: это—Евангеліе, власяница, куколь и плащъ. Когда вѣсть о близости кончины св. Иларіона разнеслась по окрестнымъ мѣстамъ, благочестивые люди спѣшили въ Харвирису видѣть въ послѣдній разъ дневнаго подвижника и получить его св. благословеніе. Готовясь предстать предъ лице Бога—Судіи и Мздовоздаятеля, блаж. старецъ былъ спокоенъ; радость сіяла на его старческомъ лицѣ. Собравъ послѣднія силы, онъ поспѣшилъ высказать послѣднее свое земное желаніе: просилъ посѣтителей, тѣнившихся у его смертнаго ложа, не оставлять у себя и не хранить его тѣло, но положить его въ землю, положить въ этомъ же садикѣ, гдѣ онъ жилъ пять лѣтъ; предусмотрительный старецъ взялъ съ нихъ даже клятву. Настали послѣднія минуты. Св. Иларіонъ совсѣмъ было умолкшій, вдругъ заговорилъ, обратясь къ своей душѣ: «изыди, душа моя: чего боишься? Семьдесятъ почти лѣтъ служила ты Христу—и смерти ли бояться тебѣ?» Съ этими словами великій подвижникъ мирно предалъ духъ свой Господу, въ 372 году. Ему было тогда восемьдесятъ лѣтъ.

Свято исполнили послѣднюю волю св. Иларіона благочестивые почитатели его: тѣло его было погребено на горѣ и въ любимомъ его садикѣ. Спустя десять мѣсяцевъ прибылъ на островъ Кипръ Исихій и, тайно вынувъ изъ земли нетлѣнные останки св. Иларіона, перенесъ ихъ въ Палестину и положилъ въ его лаврѣ.

Сряду же по кончинѣ св. Иларіона началось чествованіе его, какъ великаго угодника Божія. На островѣ Кипрѣ благочестивые христіане часто посѣщали его могилу, проводили на ней цѣлыя ночи въ бдѣніи и молитвѣ, испрашивали его св. молитвѣ, обращаясь къ нему какъбы къ живому. Въ Палестинѣ, въ его лаврѣ, ежедневно стали совершать въ честь св. основателя ея и великаго въ отцахъ Иларіона торжественное празднество, на которое сходились всѣ пустынники и въ многочислѣ стекались окрестные жители.

Благодатная сила, обитавшая и дѣйствовавшая въ преп. Иларіонѣ при его жизни, не переставала дѣйствовать и по его блаженной кончинѣ: у св. мощей его продолжали совершаться различныя чудеса и исцѣленія; она осталась присущею даже мѣсту погребенія его на островѣ Кипрѣ: тамъ на его могилѣ, когда не было уже въ ней его св. тѣла, больные и одержимые нечистымъ духомъ, по свидѣтельству Созомена, получали исцѣленіе.

Таковъ былъ преп. Иларіонъ великій, основатель славной лавры своего имени! «Подлинно, изъ всѣхъ людей, извѣстныхъ намъ по неослабному и испытанному воздержанію, говоритъ историкъ Созомень, онъ никому не уступилъ первенства, ибо побѣждалъ голодь и жажду, холодъ и зной, и другія ощущенія и пожеланія тѣла и души. Нравомъ былъ онъ добръ, въ бесѣдѣ—важенъ и тщательно упражнялся въ Священномъ Писаніи, Богу же такъ благоугодилъ, что на его могилѣ еще донинѣ многіе больные и одержимые демономъ получаютъ исцѣленіе и, что всего удивительнѣе, исцѣляются какъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ онъ былъ погребенъ прежде, такъ и въ Палестинѣ, гдѣ почиваетъ теперь».

Память преп. Иларіона великаго совершается 21 октября *).

*) Источниками при составленіи жизнеописанія Иларіона Великаго служили слѣдующія сочиненія: а) Vita S. Hilarionis бл. Иеронима Стридонскаго. б) Церк. ист. Созомена кн. 3. гл. 14; кн. 5.

Преподобный Исихій.

Преп. Исихій былъ самымъ близкимъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ у преп. Иларіона великаго. Какъ сына, какъ друга, любилъ его великій подвижникъ: ему открывалъ задушевные свои мысли и намѣренія, его посвящалъ въ тайны своей внутренней, сокровенной отъ другихъ, жизни; ему же поручилъ и управление своею обширною лаврой. Исихій и заслуживалъ такой любви и такой довѣренности св. Иларіона. Онъ во всемъ подражалъ своему необыкновенному учителю: и въ подвигахъ поста и молитвы, и въ терпѣніи и злостраданіи, и въ любви и снисходительности къ ближнимъ. Сердечно любившій св. Иларіона, до глубины души ему преданный, Исихій постоянно заботился о немъ и охранялъ его, всячески утѣшалъ и успокоивалъ, особенно во время его страннической жизни, какъ мы это видѣли въ жизнеописаніи преп. Иларіона. Его любви горячей къ великому подвижнику, его усердію и старанію Иларіонова лавра была обязана тѣмъ, что въ ней, какъ драгоценное сокровище, какъ видимый залогъ ея процвѣтанія, явилось блаж. тѣло ся славнаго основателя, явилось на радость и утѣшеніе братій - подвижниковъ и на пользу палестинскихъ христіанъ. Зная, что Кипряне, глубоко почитавшіе св. Иларіона, ни за что не отдали бы его нетлѣнныхъ останковъ, Исихій по кончинѣ его оставилъ на время лавру, прибылъ на островъ Кипръ и поселился на той же горѣ и въ томъ садикѣ, гдѣ проводилъ послѣдніе годы своей жизни Иларіонъ, объявивъ, что онъ намѣренъ навсегда остаться здѣсь и будетъ подвизаться у гроба своего отца и учителя; но потомъ тайно взялъ изъ земли честное тѣло его и перенесъ въ Палестину *).

пл. 10 и 14. в) Четь-Мин. подъ 21 окт. г) Hist. Eccl. Fleury, tom. I. Liv. X. ch. IX; L. LXII. c. XVII; L. XIII. c. XXXVII; L. XV. c. XIX; L. XVI. c. XI.

*) Созом. кн. 6. гл. 32.

Преп. Малхіонъ.

Препод. Малхіонъ изъ благороднаго и благочестиваго дома Алафіона, имѣвшаго обширныя помѣстья въ Газскомъ округѣ, начало подвижнической жизни полагалъ въ лаврѣ преп. Иларіона, вступивъ въ число учениковъ его еще въ юномъ возрастѣ. Потомъ, съ братьями своими: Саламаномъ, Фускономъ и Криспіономъ подвизался близъ родного своего селенія Вевили и достигъ высокой степени нравственнаго совершенства. На какой высотѣ духовной жизни стоялъ препод. Малхіонъ, показываетъ случай, приводимый современникомъ и родственникомъ его Созоменомъ въ своей церковной исторіи. По словамъ Созомена, шли однажды братья отъ преп. Иларіона домой; между ними находился и Малхіонъ. Вдругъ Малхіонъ сталъ невидимъ,—какою-то силою онъ какъбы исторгнутъ былъ изъ среды братьевъ; потомъ снова явился и пошелъ съ ними далѣе. Это событіе служило предуказаніемъ близкаго ошествія Малхіона въ другую жизнь, къ которой онъ былъ уже приготовленъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого событія онъ скончался, не достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ *).

Преподобный Зенонъ.

Преп. Зенонъ родился около половины IV вѣка въ Газѣ. Въ то время, когда въ Палестинѣ сіялъ подвигами и добродѣтелями великій Иларіонъ, привлекая на путь подвижничества ревнителей высшаго нравственнаго совершенства, и Зенонъ еще юношей 15 — 17 лѣтъ вступилъ на этотъ путь и сталъ подвизаться, подражая св. Иларіону въ молитвѣ, постѣ, бдѣніи, въ трудахъ тѣлесныхъ и духовныхъ. При Юліанѣ богоотступникѣ Зенонъ страдалъ за вѣру Христову и явился исповѣдникомъ: вмѣстѣ съ родственниками своими Евсевіемъ и Неставою онъ былъ схваченъ преданными язычеству жителями Газы, заклю-

*) Тамъ же.

чень въ темницу и претерпѣлъ сильныя побои. Но не суждено было ему увѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, какъ его родственникамъ, которые были замучены до смерти и сожжены: Зенону готовилось высшее служеніе въ Христовой церкви. Въ то время, когда мучили Евсевія и Неставу, Зенонъ скрылся въ приморскій городъ Анейдону; но анейдоняне, также зараженные языческимъ зловѣріемъ, узнавъ, что онъ—христіанинъ, схватили его, жестоко избили и изгнали изъ города; онъ удалился въ Газскую пристань Маіуму, гдѣ и скрывался во все время гоненія. Господь, вѣдающій своихъ рабовъ, зналъ уже Зенона и видѣлъ въ немъ своего раба: его указалъ онъ во снѣ одной благочестивой жевщицѣ - христіанкѣ, собравшей кости мучениковъ Евсевія и Неставы, повелѣвъ передать ихъ ему для храненія, указалъ ей и мѣсто, гдѣ Зенонъ находился. Въ царствованіе Θεодосія великаго преп. Зенонъ сдѣлался предстоятелемъ Маіумской церкви, которою управлялъ весьма долго. Теперь онъ могъ позаботиться о достойномъ мѣстѣ для блаж. останковъ св. мучениковъ, которые хранились доселѣ въ его домѣ. Онъ построилъ за городомъ молитвенный домъ, въ которомъ и положилъ кости св. мучениковъ. И на святительской кафедрѣ, среди разнообразныхъ занятій по управленію Маіумскою церковію, препод. Зенонъ продолжалъ вести строгую подвижническую жизнь. «Говорятъ, да и мы сами видѣли, передастъ современникъ Зенона Созоменъ,—что въ качествѣ епископа церкви Маіумской, достигнувъ уже старости и имѣя около ста лѣтъ, онъ никогда не пропускалъ ни утреннихъ, ни вечернихъ пѣснопѣній, ни другаго какого-либо богослуженія, если только не препятствовала ему болѣзнь.» Проводя жизнь въ монашескомъ любомудріи, онъ ткалъ на одноверетенномъ станкѣ льняную одежду, и чрезъ это не только доставалъ все нужное для себя, но и помогалъ другимъ, и до самой кончины не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя былъ старше всѣхъ мѣстныхъ епископовъ и начальство-

валь надъ многочюднѣйшею и богатѣйшею церковію». Скончался преп. Зенонъ около половины 5 вѣка *).

Преп. Аяксъ.

Преп. Аяксъ, братъ преп. Зенона епископа Маіумскаго, вмѣстѣ съ нимъ проводилъ въ молодыхъ годахъ подвижническую жизнь и вмѣстѣ же съ нимъ подвергался гоненію за вѣру отъ жителей Газы, терпѣлъ и темничное заключеніе и тяжкіе побои. Достигши зрѣлаго возраста, Аяксъ женился, избравъ себѣ въ супругу одну благочестивую дѣвицу. Господь благословилъ его супружество: у него были три сына, коихъ онъ воспиталъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Двое сыновей оставили свѣтъ, отреклись отъ всѣхъ земныхъ привязанностей и удовольствій и посвятили себя на служеніе Богу, избравъ подвижническій путь; третій остался въ мірѣ, женился и былъ честнымъ гражданиномъ и наилучшимъ отцемъ семейства. Выростивъ и воспитавъ дѣтей, Аяксъ, съ согласія своей добродѣтельной супруги, оставилъ семейную жизнь и снова сталъ вести жизнь подвижническую; подвиговъ онъ не оставлялъ и въ то время, когда занялъ епископскую кафедру Воголійской церкви. Преп. Аяксъ достигъ высокой степени нравственнаго совершенства. «Самъ Богъ свидѣтельствовалъ о ихъ (епископовъ Зенона, Аякса, также Акакія Берійскаго) доброй жизни, говоритъ современникъ препод. Аякса Созомень, — скоро внемля ихъ молитвамъ и совершая чрезъ нихъ весьма много чудесъ» **).

П. Сладкопѣцовъ.

*) Созом. кн. 5. гл. 9. кн. 7 гл. 28.

**) Созом. кн. 7. гл. 28.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СТИХѢ: „ГОСПОДИ, ПРИБѢЖИЩЕ БЫЛЪ ЕСИ НАМЪ
ВЪ РОДѢ И РОДѢ“, И О ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЙ МОЛИТВѢ
МУЧЕНИКА ТРИФОНА.

(Къ вразумленію глаголемыхъ старообрядцевъ).

I. О стихѣ: „Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родѣ и родѣ“ (Псал. 89, ст. 1).

Въ старопечатныхъ книгахъ стихъ этотъ читается такъ: *Господи прибѣжище бысть намъ въ родѣ и родѣ*. Глаголемые старообрядцы, преимущественно изъ малограмотныхъ, обвиняютъ православныхъ въ томъ, что они акибы неправильно читаютъ въ означенномъ стихѣ, вмѣсто *бысть*, *былъ еси*, такъ какъ выраженіе *былъ еси* означаетъ прошедшее время, а слово *бысть* означаетъ, по ихъ мнѣнію, всегдашнее время, и что такимъ чтеніемъ православные будто бы проповѣдаютъ, что Господь нѣкогда былъ, а не всегда есть наше прибѣжище.

Вопросъ этотъ для знающихъ славянскую грамматику, конечно, не требуетъ объясненія, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что чтеніе въ приведенномъ стихѣ *былъ еси* вмѣсто *бысть*, совершенно правильно; но для незнающихъ грамматики, каковы почти всѣ старообрядцы, онъ служить поводомъ къ обвиненію православныхъ, и по-сему не лишнимъ будетъ разсмотрѣть: дѣйствительно ли въ ономъ стихѣ слѣдуетъ читать *бысть*, а не *былъ еси*, и справедливо ли, что слово *бысть* акибы означаетъ всегдашнее время.

Извѣстно, что еще пр. Максимъ Грекъ, при исправленіи книгъ, читалъ этотъ стихъ по примѣру православныхъ, именно: «Господи, прибѣжище *быль еси* намъ», и что и его тогда малосвѣдущіе ревнители обвиняли въ не-правильности такого чтенія, какъ это явствуетъ изъ по-славія его къ нѣкоему Григорію:

„Господине и брате Григоріе, спасеть тя Господь о всемъ тво-емъ еже ко мнѣ жалованіи и любви духовной. Слышалъ есмь сто-роною, что государь нашъ владыка тѣрской смущается о мнѣ бѣд-номъ пословицею сею: *Господи, прибѣжище была еси намъ*,—и гово-рить оглаголюя мене напрасно, во-се-де Максимъ писаніемъ сицевымъ своимъ мудрствуетъ, что намъ уже нѣсть прибѣжища къ Богу. Из-бави мя Господи отъ таковыя хулы! а иже таково учить, да будетъ анаѣма во вѣки, аминь. А сія пословица: *быль еси* не отлучаетъ насъ Божіаго промысла и прибѣгства, якоже владыка толкуеть, но наипаче исповѣдуетъ и твердо являетъ Божій иже о насъ промыслъ, явѣ глаголя, яко не точию нынѣ прибѣжище еси намъ Господи, но и искони человѣческаго рода бысть, или былъ еси прибѣжище намъ. Сіе бо сказуется намъ, еже: въ родъ и родъ, еже есть выну, си-рѣчь изначала и нынѣ еси прибѣжище намъ, и до скончанія вѣка будеши у насъ, и мы у тебе, по глаголющему неложному общанію: и се азъ съ вами есмь во вся дни живота вашего. И яже по сихъ. Безъ-лѣнь убо смущается о мнѣ добрыи государь нашъ пословицею сею: Богъ воленъ да онъ. А различіе пословицамъ симъ таково есть: егда пословица сія сочетается къ первому лицу и рекше, егда благодаряще Содѣтеля глаголемъ къ нему самому о его еже къ намъ милосердіи, тогда сойдется глаголати составнѣ: Господи при-бѣжище была еси намъ въ родъ и родъ, еже есть выну. А егда ко второму лицу сочетается, рекше хвалящися инымъ сказываетъ быв-шее еже его къ намъ благодареніе, тогда составнѣ глаголемъ: Го-сподь прибѣжище бысть намъ, якоже и индѣ глаголетъ: крѣпость моя и пѣніе мое Господь, и бысть мнѣ во спасеніе. А что еже *бысть* не въ мѣсто *всегда* полагается въ писаніи, какъ владыка го-сударь толкуеть е,—слышите внятно евангелиста глаголюща: вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Разсудите же: единою быша всяческая, а не всегда бываетъ нова небеса и земля и прочая творенія. Господа ради не слушайте безъ-лѣнь на мене“ (кн. Максима Грека, гл. 97. смотр. Выписки Озерскаго, ч. 2).

Несмотря однакоже на приведенное оправданіе уче-нѣйшаго мужа, невѣжество того времени взяло верхъ, и

спорный стихъ въ неисправленномъ видѣ перешелъ и въ старопечатныя книги.

Затѣмъ, когда въ новоисправленныхъ при патриархѣ Никонѣ книгахъ стихъ этотъ былъ исправленъ, по примѣру преподобнаго Максима Грека, тогда выступилъ противъ этого исправленія съ обвиненіемъ извѣстный предводитель раздора церковнаго попъ Лазарь, написавшій въ челобитной своей слѣдующее: «да въ новыхъ же книгахъ напечатано: Господи прибѣжище былъ еси намъ... сею рѣчію сказуютъ намъ Господне прибѣжище мимошедшее» (Жезль правл. часть 2, л. 107). Тоже писалъ и справщикъ чернецъ Савватій въ своей челобитной. А вслѣдъ за ними и ихъ достойные послѣдователи глаголемые старообрядцы и доселѣ говорятъ тоже самое. Чтобы вразумить ихъ въ правильности чтенія разсматриваемаго стиха по новоисправленнымъ книгамъ, мы намѣрены указать въ Писаніи на тѣ мѣста, въ которыхъ находится слово *бысть*, и по возможности объяснить, въ какомъ значеніи слово это въ томъ или другомъ мѣстѣ употребляется. Вотъ примѣры:

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и *бысть* свѣтъ.

И рече Богъ: да будетъ твердь посреде воды: и да будетъ различающіи посреде воды и воды: и *бысть* тако (Быт. гл. 1. ст. 3 и 6).

И озрѣся жена его (Лотова) вспять, и *бысть* столпъ слань (тамъ же, гл. 19, ст. 62).

И воставъ запрети вѣтру... и *бысть* тишина велія (Лук. зач. 18).

Бысть шумъ, яко носиму духу бурну (1 стихира на хвалитѣхъ въ пятьдесятницу).

Въ приведенныхъ мѣстахъ слово *бысть* употреблено въ смыслѣ: сталъ, сдѣлался, произошелъ, и означаетъ прошедшее время. Въ греческомъ текстѣ во всѣхъ мѣстахъ слово *бысть* выражено словомъ εγενετο (эгэнето).

И *бысть* егда начаша чловѣцы мнози бивати на земли (Быт. гл. 6, ст. 1).

И *бысть* егда сконча Иисусъ словеса сія (Матѣ. зач. 24).

И *бысть* Ему возлежащу въ дому (Матѣ. зач. 30).

Здѣсь, въ приведенныхъ мѣстахъ, слово *бысть* означаетъ собственно—было, и выражено въ смыслѣ—*когда*, все равно, еслибы сказать: «и было, егда начаша человекѣи и проч., или просто: и когда начаша человекѣи. И когда сконча Исусъ словеса сія, и когда Онъ возлежалъ въ дому». И здѣсь слово *бысть*, или, что одно и тоже, *было* выражено въ прошедшемъ же времени. Въ греческомъ текстѣ въ этихъ мѣстахъ слово *бысть* выражается тѣмъ-же словомъ *εγενετο*.

Кѣмъдо якоже призванъ *бысть* Господемъ, тако да ходитъ... Во обрѣзаніи ли кто призванъ *бысть*? да не отступится; въ необрѣзаніи ли кто призванъ *бысть*? да не обрѣзается... Кѣмъдо въ званіи, въ немже призванъ *бысть*, въ томъ да пребываетъ (1 Кор. зач. 137).

Ятъ *бысть*, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона (Ирмосъ 6 гласа).

Здѣсь вездѣ слово *бысть* составляетъ вспомогательный глаголь къ главному глаголу *призванъ*, въ смыслѣ: былъ, или есть, и въ соединеніи съ словомъ *призванъ* означаетъ прошедшее время. Въ греческомъ текстѣ слово *бысть* вовсе не поставлено, а подразумѣвается оно подъ словомъ: *призванъ*. Такъже и въ русскомъ переводѣ слово *бысть* опущено, потому что оно и здѣсь подразумѣвается подъ словомъ—*призванъ*: каждый поступаи такъ, какъ Господь призвалъ... *призванъ* ли кто обрѣзаннымъ, не скрывайся; *призванъ* ли кто необрѣзаннымъ, не обрѣзывайся... Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ *призванъ*.

И *бысть* вечеръ, и *бысть* утро день первый (Быт. 1).

И *бысть* потопъ чотыредесять дней (Быт. 7, 17).

И *бысть* гладъ на земли (Быт. 12, 10).

И *бысть* Господь прибѣжище убогому (Псал. 9, ст. 10).

И *бысть* Господь утвержденеіе мое (Псал. 17, ст. 19).

Бысть глаголь Божій ко Іоанну (Лук. зач. 1).

Во всѣхъ приведенныхъ текстахъ слово *бысть* означаетъ: *былъ*, т.-е. въ прошедшемъ времени, и поставлено при существительныхъ именахъ: вечеръ, утро, потопъ, гладъ, Господь, глаголь, Іона, выраженныхъ въ третьемъ

лицѣ *). Въ греческомъ текстѣ и въ этихъ мѣстахъ слово *бысть* написано словомъ *εγενετο*.

По старопечатнымъ книгамъ читается:

Изми мя отъ врагъ моихъ Боже.. яко *бысть* заступникъ мой, и прибѣжище мое въ день скорби моея (Псал. 58, ст. 1 и 17).

Услыши Боже моленіе мое... яко *бысть* упованіе мое, столпъ крѣпости отъ лица вражія (Пс. 60, ст. 1—4).

Боже, Боже мой, къ тебѣ утреннюю... яко *бысть* помощникъ мой (Пс. 62, ст. 1 и 8).

Господи прибѣжище *бысть* намъ въ родъ и родъ (Пс. 89, ст. 1).

Аще и ять *бысть* Христе отъ беззаконныхъ мужей (стих. Октайная 7 гласа).

Въ новоисправленныхъ же книгахъ, во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ, вмѣсто *бысть*, поставлено: *быль еси*. Также и въ греческомъ текстѣ во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ читается *εγενηθης* (эгенейоисъ), что означаетъ *быль еси*, а не *бысть*, выражаемое по гречески, какъ выше показано, словомъ *εγενετο*.

Такимъ образомъ дѣлается ясно, 1) что какъ слова *быль еси* означаютъ прошедшее время, такъ и слово *бысть* въ указанныхъ спорныхъ мѣстахъ означаетъ прошедшее же время, чему служить убѣдительнымъ доказательствомъ приведенная стихира: «аще ять *бысть* Христе», а Христосъ единожды *быль* ять. Еще большимъ доказательствомъ сему можетъ служить тропарь св. Александру Невскому, въ которомъ (тропарѣ) наряду читается: «Яко благочестиваго корене пречестная отрасль *бысть* блаженне Александре», а на полѣ, противъ слова *бысть* поставлено: *быль еси* (ноябр. 23. часосл., печ. 7160 г. при патр. Іосифѣ); и 2) что въ новоисправленныхъ книгахъ, при замѣнѣ слова *бысть* словами *быль еси*, восстановленъ только подлинный греческій текстъ согласно притомъ съ грамматическими правилами, потому что слово *бысть* можетъ употребляться при существительныхъ именахъ тогда только:

*) Въ грамматикѣ первымъ лицомъ называется: я, мы, вторымъ: ты, вы, и третьимъ: онъ, они.

когда они выражены въ третьемъ лицѣ, напримѣръ: «и бысть вечерь, и бысть потоць, и бысть Господь» и т. д. Но когда они выражены во второмъ лицѣ: Боже, Господи, Христе, тогда слѣдуетъ говорить: былъ еси. Между тѣмъ въ старопечатныхъ книгахъ встрѣчаются весьма часто подобнаго рода грамматическія ошибки. Укажемъ для примѣра двѣ-три подобныхъ ошибки. Въ часословѣ печат. въ 7160 году кондакъ Пасхи читается такъ: «Аще и во гробъ сииде безсмертне, но адову разрушивъ силу, и воскресе яко побѣдитель Христе Боже». А въ Цвѣтной Тріоди печат. въ 7157 году въ заутрени на Пасху кондакъ этотъ напечатанъ такимъ образомъ: «Аще и во гробъ сииде безсмертне, но адову разрушилъ еси силу, и воскресе яко побѣдитель Христе Боже». Затѣмъ, въ тойже Тріоди въ недѣлю Мүроносиць кондакъ этотъ читается уже такимъ образомъ: «Аще и во гробъ сшелъ еси безсмертне, но адову разрушилъ еси силу, и воскреслъ еси яко побѣдитель Христе Боже».

Очевидно, что это послѣднее чтеніе правильнѣе, чѣмъ первые два, потому что *сшелъ еси, разрушилъ еси, воскреслъ еси*, относится къ имени существительному, выраженному во второмъ лицѣ (Христе Боже), а—*сииде* и *воокресе* должно употребляться тогда, когда имя существительное выражается въ третьемъ лицѣ (Христось. Богъ сииде и воскресе).

Во Октаѣ, печ. въ 7157 г., во второмъ гласѣ, на малѣй вечерни въ стихирѣ: «Первовѣчному отъ Отца рождшуся Божію Слову», напечатано: «и погребенію *предадеса*, яко самъ восхотѣ», а на великой вечерни, тамже и въ этой же стихирѣ, указанное мѣсто напечатано уже такъ: «и погребенію *предастся*, яко самъ восхотѣ». Въ томъже Октаѣ въ 1-мъ гласѣ на утрени послѣ славословія тропарь: «Днесъ спасеніе міру», оканчивается такъ: «побѣду *дастъ* намъ и велію милость». А въ часословѣ, печ. въ 7160 г. этотъ же тропарь кончается такъ: «побѣду *даде* намъ и велію милость».

Но всякому понятно, что *предадеса* и *даде* правильнѣе, чѣмъ *предастся* и *дасть*: первое выражаетъ прошедшее время, а второе—будущее.

Наконецъ, что касается того понятія старообрядцевъ, что словами *быль еси* выражается акибы та мысль, что Господь нѣкогда былъ намъ прибѣжищемъ, а теперь нѣтъ, то несправильность такого понятія ясно доказаль преп. Максимъ Грекъ въ приведенномъ нами его посланіи. Кромѣ сего мы можемъ указать въ Писаніи другія мѣста, которыя, если руководствоваться понятіями старообрядцевъ, могутъ приводить къ такимъ же несправильнымъ заключеніямъ. «Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подъ ногама твоима» (Пс. 109). Слово *дондеже* означаетъ опредѣленное время, послѣ котораго предсказанное дѣйствіе уже не простирается; но можно ли отсюда выводить заключеніе, что, по покореніи враговъ, Господь уже не сѣдитъ одесную Бога—Отца?—Еще: славникъ на вечерней стиховѣ апостолу Іакову читается такъ: «началопастыря Христа братъ *быль еси*... и во Апостолѣхъ парочить» (23 октябр.). Можно ли и отсюда заключать, что апостоль Іаковъ нѣкогда *быль* братъ Христовъ и во Апостолѣхъ парочить, а теперь нѣтъ?

Такимъ же образомъ и чтеніе: «Господи прибѣжище *быль еси*, или бысть намъ въ родъ и родъ», не даетъ понятія, что Господь не всегда есть наше прибѣжище, если мы къ Нему прибѣгаемъ и стараемся соблюдать заповѣди его.

II. О заклинательной молитвѣ мученика Трифона.

Составитель извѣстныхъ Поморскихъ отвѣтовъ относительно заклинательной молитвы муч. Трифона, находящейся въ православныхъ требникахъ, пишетъ слѣдующее:

„Нововнесеніе въ новопечатныхъ требниѣхъ (подъ именемъ св. мученика Трифона) заклинапія червій, гусеницъ, мышей, мухъ, мушницъ и прочихъ вредящихъ, въ немъ же заклинаніи прежде заклинаетъ Отцемъ и Сыномъ и св. Духомъ, таже вочеловѣченіемъ Сына Божія и прочая, и по малѣ глаголетъ: Еще заклинаю васъ великимъ именемъ, на камени написаннымъ и не носившемъ, но разсѣдшемся яко воскъ отъ лица огня: изыдите отъ мѣстъ вашихъ, и прочая, оное заклинаніе подаваетъ намъ сомнѣніе сихъ ради. *Первое:* Понеже яко заклинапія онаго въ древленечатныхъ потребниѣхъ не обрѣтается тако дѣйства разсѣданія камене отъ нарицанія великаго имени ниже въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, ниже въ житіяхъ и исторіяхъ святыхъ, ниже въ житіи св. мученика Трифона воспоминается. *Второе:* Понеже по изреченіи Отца и Сына и св. Духа, по изреченіи воплощенія Сына Божія заклинаемъ инымъ именемъ великимъ. Кое убо имя великое есть паче имени св. Троицы внюже крестихомся? Кое имя великое паче имени Христова, имъ же св. Апостоли и мученицы бѣсы изгоняху, и страсти и вреды цѣляху? Аще же инаго имени великаго нѣсть паче имени св. Троицы, и паче Христа единаго отъ Троицы: убо сомнительно есть сіе именованіе. *Третье:* Глаголетъ отъ нарицанія великаго имени камень (не могши носити) разсѣдся. Во святомъ же Писаніи зримъ, яко во вѣтвѣхъ завѣтѣ имя великое Божіе и на хартіяхъ и на камени пишемо и самѣмъ перстомъ Божіимъ на скрижалѣхъ каменныхъ: тако въ новѣмъ завѣтѣ имя великое тринпостаснаго Бога и единаго отъ Троицы Христа Господа, и на хартіяхъ и бумагахъ и стѣнахъ и каменіихъ пишемо всюду обрѣтается: глаголемаго же въ Требниѣ семъ имени камень не могшъ носити разсѣдся. Вскую сіе имя больши имени св. Троицы? Вскую больши имени Христа Бога, еже хартін и бумаги носятъ: новаго же и великаго глаголемаго имени и камень носити не можетъ? Вещь сія недоумѣнія есть преполна! Тѣмъ же заклинаніе оное, яко въ древнихъ не обрѣтающееся, яко дѣйство разсѣданія камене отъ нарицанія великаго имени повѣдающее ниже въ ветвѣхъ ниже въ новѣмъ завѣтѣ являемое, яко имя великое кромѣ св. Троицы и единаго отъ Троицы Христа Бога извѣщающее: сомнительно зѣло намъ зрится“ (Отв. 50, статья 37).

Итакъ составитель «Поморскихъ Отвѣтовъ», а вслѣдъ за нимъ и современные намъ старообрядцы, относительно заклинательной молитвы мученика Трифона предъявляютъ слѣдующія сомнѣнія: а) что молитвы этой акибы въ древлепечатныхъ Требникахъ не обрѣтается, б) что въ находящихся, послѣ призыванія св. Троицы и воплощенія

Сына Божія, словахъ: «еще заклинаю васъ великимъ именемъ», и проч., аки бы призывается какое-то иное, противное лицо, и в) что о дѣйствѣ разсѣданія камене отъ нарицанія великаго имени не упоминается ни въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, ни въ исторіи святыхъ, ни даже въ житіи мученика Трифона.

Но разсмотримъ безпристрастно, основательны ли всѣ эти сомнѣнія, или, прямѣе говоря, обвиненія противъ православной церкви за включеніе ея въ новоисправленные Требники Трифоновой молитвы.

1. Епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ, о православіи котораго свидѣтельствуется Кириллова книга (л. 509), напечаталъ въ Стрятинѣ, въ 1604 году, Требникъ, въ предисловіи котораго говорится, что Требникъ этотъ переведенъ буквально съ Греческаго Требника, присланнаго ему антиохійскимъ патріархомъ Мелетіемъ, извѣстнымъ, между прочимъ, по посланіямъ своимъ объ уніи, помѣщеннымъ въ Кирилловой книгѣ. Въ этомъ-то Гедеоновскомъ Требникѣ находится Трифонова молитва точно въ такомъ же видѣ, какъ и въ новоисправленныхъ Требникахъ. Затѣмъ молитва эта напечатана въ Кіевскомъ Требникѣ 1646 года *).

Отсюда ясно, что составитель «Поморскихъ отвѣтовъ» несправедливо утверждаетъ, что Трифонова молитва «въ древлепечатныхъ Потребницѣхъ не обрѣтается», и что она «въ новопечатныхъ Требницѣхъ» составляетъ «нововнесеніе», тогда какъ она была напечатана до новопечатныхъ Требниковъ слишкомъ за 50 лѣтъ раньше.

2. По свидѣтельству Большаго Катихизиса, имена Божіи многоразличны (Гл. 57, л. 254 об.); слѣдовательно и слова: «великимъ именемъ», находящіяся въ Трифо-

*) Въ рукописномъ Сербскомъ Требникѣ XV вѣка, хранящемся въ Синодальной библиотекѣ подъ № 307, находилась также Трифонова молитва, которая впоследствии однакоже кѣмъ-то вырвана; но тѣмъ не менѣе оглавленіе и вырванные листы свидѣлствуютъ, что она тамъ была.

новой молитвѣ, относятся, безъ сомнѣнія, къ лицу Божію. Да и самъ составитель «Поморскихъ отвѣтовъ» утверждаетъ, что великимъ именемъ называется, исключительно, св. Троица вообще, или едино лице отъ Троицы въ частности, т.-е. сказать: великое имя, или: Святая Троица, или Сынъ Божій, означаетъ и по его разумѣнію одно и тоже. Сомнѣнія его вытекаютъ лишь изъ того обстоятельства, что въ Трифоновой молитвѣ великое имя призывается послѣ призванія св. Троицы и воплощенія Сына Божія. Но подобныя обороты рѣчи встрѣчаются и въ другихъ молитвахъ. Такъ въ молитвѣ Василия Великаго о избавленіи отъ духа лукаваго, егда мучить чловѣка, послѣ заклинанія духа нечистаго призваніемъ св. Троицы, прибавлено еще слѣдующее: «Заклинаю тя Богомъ всѣхъ имущимъ и вся исполнимъ, и Богомъ безсмертнымъ вездѣ сущимъ» (Потребн. патр. Іоасафа, печ. 7147 г. л. 388). При разсмотрѣніи сихъ оборотовъ рѣчи съ точки зрѣнія составителя «Поморскихъ отвѣтовъ», можно сдѣлать слѣдующій выводъ: Богомъ именуется исключительно св. Троица или едино лице св. Троицы; а въ молитвѣ св. Василия Великаго, послѣ призванія св. Троицы, призываются еще другіе два бога—богъ всѣхъ имущій и вся исполнишій и богъ безсмертный вездѣ сущій. Какіе же это еще боги, обладающіе такими божественными свойствами, когда всѣхъ имущій, вся исполнишій, безсмертный и вездѣ сущій признается исключительно одинъ Богъ въ Троицѣ или едино лице отъ Троицы, а между тѣмъ св. Троица въ молитвѣ этой уже призвалась? (Подобный выводъ можно дѣлать также изъ запретительныхъ молитвъ, положенныхъ въ чинѣ св. Крещенія). Очевидно, что выводъ этотъ изъ приведенныхъ оборотовъ рѣчи былъ бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоуразумнымъ; тоже можно сказать и о выводѣ, сдѣланномъ составителемъ «Поморскихъ отвѣтовъ» изъ оборота рѣчи: «еще заклиная васъ великимъ именемъ».

3. Составителю «Поморскихъ отвѣтовъ», повидимому

не менѣе даетъ поводъ подозрѣвать въ призываніи великаго имени другое лицо, кромѣ Бога, и то обстоятельство, что камень, на которомъ написано было призываемое великое имя, не вынесъ, а разсѣлся, а между тѣмъ о подобномъ событіи не воспоминается нигдѣ, да и хартія (бумага), стѣны и каменіе пишемое на нихъ имя Божіе несутъ безъ всякаго вреда. Но напрасно и это смущаетъ старообрядца. Въ словахъ: «еще заклинаю васъ великимъ именемъ, на камени написаннымъ и не носившимъ, но разсѣдшимся яко воскъ отъ лица огня», воспоминается, безъ сомнѣнія, о чудесномъ событіи, извѣстномъ творцу молитвы; а чудесныя событія, какъ извѣстно, не входятъ въ область обычныхъ вещей, но составляютъ чрезвычайныя проявленія Божія промысла, и посему могло быть, что имя Божіе, пишемое на многихъ предметахъ, остающихся невредимыми по порядку обычныхъ вещей, въ чудесномъ событіи проявило силу обратнаго свойства, ибо «Богъ любви есть» (1 Иоан. 4, 8, зач. 73). И «Богъ нашъ огонь подаяя есть» (Евр. 12, 29, зач. 333). А что мученикъ Трифонъ былъ великимъ чудотворцемъ, съ самаго дѣтства имѣлъ даръ чудотворенія, о томъ свидѣтельствуется въ его житіи (Чет. Миней 1 февраля). Если же о чудесномъ событіи, воспоминаемомъ въ молитвѣ, и не упоминается въ житіи мученика Трифона, то и это не есть еще рѣшительное доказательство тому, что оно вовсе не было, ибо много чудесъ, совершенныхъ даже І. Христомъ, не вошло въ Евангельскую исторію, по свидѣтельству св. Иоанна Богослова: «многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ» (Иоан. зач. 65).

Все сказанное нами о Трифоновой молитвѣ относится, такъ сказать, къ внѣшней, или грамматической сторонѣ вопроса; но если обратить вниманіе также и на внутреннюю или практическую сторону вопроса, то и тогда окажется, и притомъ еще яснѣе, что въ словахъ: «еще заклинаю васъ великимъ именемъ», никакимъ образомъ

не можетъ подразумѣваться иное лицо, кромѣ Бога, именно же: вѣрующій въ истиннаго Бога, подѣ какимъ бы именованіемъ ни призывалъ имя Божіе, всегда будетъ разумѣть подѣ этимъ именованіемъ истиннаго Бога, тогда какъ язычникъ даже подѣ словомъ *Богъ* разумѣетъ своего идола, какъ напр. нѣкогда и Кіевляне къ брошенному въ рѣку идолу Перуну зывали: выдыбай боже (жит. св. кн. Владиміра, Чет. мин. 15 іюля). Или: православный, при именованіи св. Троицы, всегда будетъ разумѣть Отца и Сына и св. Духа, единаго въ Троицѣ Бога; а послѣдователь Монтана, при именованіи тойже Троицы, будетъ разумѣть въ оной и своего начальника Монтана съ двумя лжепророчицами (Васил. Вел. пр. 1. Кормч. л. 224 об.). Такимъ образомъ и православный священникъ, при чтеніи въ Трифоновой молитвѣ словъ: «еще заклинаю васъ великимъ именемъ», можетъ ли разумѣть подѣ словами: великимъ именемъ—другое лицо, кромѣ Бога, когда онъ вѣруетъ въ единаго истиннаго Бога? Ясно, что вся сущность заключается не въ томъ, въ какомъ именованіи и въ какой формѣ приывается имя Божіе, а въ томъ, къ какому Богу читатель мысленно относитъ то или другое именованіе, выражаемое въ той или другой формѣ, ибо «сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе» (Римл. зач. 103).

Гермонахъ Филаретъ.

ПАМЯТИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛОВЕЯ *).

СЛОВО ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ЕГО, СКАЗАННОЕ РЕКТОРОМЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВ. АКАДЕМІИ ЕПИСКОПОМЪ УМАНСКИМЪ МИХАИЛОМЪ, 4 ФЕВРАЛЯ.

Одинъ изъ іерарховъ древней вселенской церкви, слагая слово въ честь другаго святителя, своего отца по духу и учителя и друга, началомъ слова поставилъ слѣдующія слова: «хвала *его* буду хвалить добродѣтель: ибо одно и то же — наименовать *его* и восхвалить добродѣтель». — Еслибы и я теперь началъ тѣмъ же словами мое слово о почившемъ святителѣ: не навлекъ ли бы на себя чьего-либо осужденія въ пристрастїи, или упрека въ преувеличеніи?

Знаю, глава священная, что еслибы я при жизни твоей сказалъ предъ тобою и предъ другими о тебѣ такое слово, твое глубокое смиреніе смутилось бы и властнымъ словомъ понудило бы умолкнуть мою рѣчь. Но не для тебя, отецъ нашъ и учитель, нужно слово хвалы: похвала твоя предъ Богомъ и въ Богѣ. Для насъ нужно слово о тебѣ, и благослови ради сего мое немощное слово. При томъ же хвалою добродѣтели восхваляется Богъ, отъ котораго одинаго въ людяхъ добродѣтель и которому единому подобаетъ всякая хвала и слава и честь во вѣки вѣковъ:

*) Скончался 29 января 1882 года. Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано два слова и семь рѣчей въ память почившаго архипастыря. Изъ числа ихъ въ предлагаемомъ вниманію читателей словѣ полнѣе и изобразительнѣе начертанъ образъ его, чѣмъ въ произведеніяхъ другихъ ораторовъ. Ред.

Не осудите ли и не упрекнете ли меня вы за смѣлое, повидимому, сравненіе почившаго святителя сего съ прославленнымъ святителемъ древнимъ? Простите смѣлости, но не спѣшите осужденіемъ и упрекомъ. При долговременномъ наблюденіи мнѣ все казалось и кажется, что почившій святитель, вмѣстѣ съ родственнымъ ему по духу и добродѣтели учителемъ его и отцемъ, великимъ святителемъ Москвы Филаретомъ, были какъ будто люди не нашего вѣка, какъ будто взяты Богомъ изъ лика высокихъ святителей древней церкви и поставлены въ пашъ вѣкъ съ начертаніемъ: *таковъ вамъ подобаше архіерей*, — и любознательный, или, если угодно, только любопытствующій взоръ невольно останавливался при семъ на двухъ святителяхъ древней вселенской церкви. Ошибка ли, пристрастіе ли въ семъ наблюденіи и сужденіи? Не думаю.

Буду сплетать вѣнокъ на главу, достойную вѣнца, изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ добродѣтели, возложенныхъ на главу древняго святителя древнимъ іерархомъ, и вы увидите, достоинъ ли я упрека и осужденія за смѣлое, повидимому, сравненіе. Можетъ быть, окажусь достойнымъ только сожалѣнія за неискusstное плетеніе, за то, что мое слово хвалы будетъ ниже восхваляемаго? Но учитесь снисходительности, по примѣру хотя почившаго же святителя, котораго снисходительность къ другимъ равнялась развѣ только строгости къ себѣ.

«Каждый преуспѣваетъ въ чемъ нибудь своемъ, а нѣкоторые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей; но во всемъ никто не достигалъ совершенства, безъ всякаго же сомнѣнія не достигъ никто изъ извѣстныхъ намъ. Напротивъ того, у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ, или и въ одномъ преимущественно». Такъ оговаривается древній іерархъ, восхваляя восхваляемаго имъ святителя. Да, полного совершенства на землѣ нѣтъ и быть не можетъ; совершенъ здѣсь тотъ, кто достигъ, по милости Божіей, совершенства во многомъ, или даже въ одномъ. Дерзнетъ ли

кто отрицать, что почившій святитель достигъ совершенства не въ одномъ, а во многомъ, очень во многомъ, и совершенства въ такой высокой степени, что для людей и хорошихъ, но обыкновенныхъ, особенно въ нашъ вѣкъ, такое совершенство представляется достойнымъ удивленія и недостижимымъ для подражанія? Не думаю, чтобы кто сталъ отрицать сіе. Легкомысліе и самомиѣніе и достойное порожденіе ихъ — злорѣчіе и чесаніе языка едва ли кого-либо изъ смертныхъ когда-либо оставили въ покоѣ; но примѣчанія достойно, что если кого, то усопшаго святителя злоязычіе касалось менѣе, чѣмъ кого-либо. Такъ высокъ и чистъ былъ нравственный образъ святителя, что и всемогущее злоязычіе считало себя безсильнымъ или стыдилось много раскрывать ротъ и показывать языкъ.

Что прежде всего не могло не быть примѣтнымъ для всякаго, даже по одному его внѣшнему виду, это то, что почившій былъ мужъ высокой подвижнической, аскетической жизни, такой высокой, что невольно исторгаетъ удивленіе. Художественная кисть живописателя древняго іерарха изобразила намъ въ слѣдующихъ, между прочимъ, чертахъ аскетическій образъ восхваляемаго имъ подвижника святителя: «его богатство—ничего у себя не имѣть и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя *дороже* многихъ стяжаній... Достойны удивленія (въ немъ) воздержаніе и довольство *малымъ*... Кто до такой степени былъ почти не вкушающимъ пищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многояденіе и пресыщеніе отринулъ онъ и не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что пройдя чрезъ гортань имѣеть равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ, и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, взирая на Христа, обнищавшаго для насъ, чтобы обогатились мы божествомъ... Самою вкусною вечерію его и снѣдію служили хлѣбъ и соль, и трезвенное питіе (вода). Этимъ же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать

свои недуги, было у него общимъ правиломъ любуемудрія.. Велики дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами, существами одинокими. Но кто же лучше его или дѣвство чтить, или предписывалъ законы плоти, не только собственнымъ примѣромъ, но и произведеніями трудовъ своихъ?—Довольно пока. Не чувствуются ли вамъ въ этомъ изображеніи древняго аскета-святителя знакомыя черты аскетическаго образа жизни почившаго святителя? Обладать многимъ и считать себя чуждымъ всего этого многого, какъбы ничего не имѣющимъ, отдавая это многое неимущимъ и нуждающимся, на безчисленные дѣла благотворенія, на множество дѣлъ и предпріятій полезныхъ, и оставляя себѣ *малое*, какая высота взгляда на блага земныя! Многое всегда для другихъ, себѣ же всегда малое: мало хлѣба, мало рыбы, мало злаковъ и овощей, мало вина, и то только уже въ преклоненіи лѣтъ для подкрѣпленія естественныхъ немощей старости,—мало питія, потерявшаго уже силу лакомства и ставшаго потребностію и питіемъ даже бѣдныхъ,—всего мало для себя, всего много для другихъ,—какая чистота христіанскаго возрѣнія на блага міра! И это—*мало для себя* было правиломъ святителя съ юныхъ почти лѣтъ изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изо дня въ день, непрерывно, неослабно, терпѣливо, тихо, съ миромъ, — какое постоянство и, такъ сказать, выдержанность христіанскаго духа, какое торжество господства духа надъ плотію! И все это — не по болѣзни тѣла, обладавшаго здравіемъ, и не отъ недостатка, а при избыткѣ. Все это — вольный подвигъ свободнаго духа, рѣшившагося поработить себѣ совершенно плоть, распять ее со всѣми ея страстями и похотями, по слову Апостола. Сколько для достиженія такой свободы духа и господства надъ плотію нужно было борьбы, терпѣнія, настойчивости, скорбей, лишеній, смущеній, сколько незримыхъ для міра слезъ, бдѣнія, утружденія, молитвъ! Боже мой, какая высота!

Вѣкъ удобствъ житейскихъ, вѣкъ комфорта, вѣкъ на-

живы, вѣкъ поклоненія золотому тельцу! Много ли найдется въ немъ людей, способныхъ имѣть такой возвышенный христіанскій взглядъ на вещи? Много ли способныхъ не только стремиться душой къ такому совершенству, но и серьезно подумать о немъ? Много ли желающихъ подражать ему и могущихъ рѣшиться на сіе? Много ли наконецъ даже могущихъ *правильно цѣнить* эту добродѣтель аскетизма? Не найдутся ли даже умники, которые готовы покивать главами своими и поглумиться въ своей мнимой мудрости надъ подобнымъ самоотверженіемъ? Чего добраго, можетъ быть, и найдутся, хотя вѣроятно и не очень многіе, потому что добродѣтель подвижничества въ такой силѣ, какъ у почившаго, все же для нелюбящихъ подвижничества если не достолюбезна, то достопочтенна. Вотъ бы, по мнѣнію таковыхъ, еслибы громкія общественныя дѣла; вотъ еслибы громко кричали люди прогресса и т. д. и т. д.,—иное бы дѣло, мы преклонились бы; а то—личный аскетизмъ, созерцательная жизнь, келейные подвиги и т. под.,—что въ этомъ особенно важнаго и великаго и даже полезнаго для общества, чтобы превозносить подвижника, которому *нравилось* такъ жить? Нравилось, личный вкусъ, — что важнаго и великаго и даже полезнаго?—Препирательства съ такими взглядами, если они есть, конечно безплодны. *Душевенъ человекъ не пріемлетъ яже духа Божія*, сказалъ еще давно великій Апостоль Павелъ: *продство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ востязуется* (1 Кор. 2, 14). Говорить съ глухимъ о мелодіи звуковъ и со слѣпымъ—о красотѣ цвѣтовъ неудобно. Но и душевный человекъ, кажется, не долженъ бы не понимать вотъ чего: подвижническая жизнь, особенно святителя, поставленнаго на высококомъ свѣщникѣ церкви, есть не только личный подвигъ, но имѣетъ глубочайшее общественное значеніе, — болѣе глубокое, чѣмъ иныя громкія дѣла міра, прославляемая сынами міра. Праведный человекъ—это, по притчѣ Христовой, завкаска міра, кото-

рая тихо, безъ шума, безъ треска, заквашиваетъ все тѣсто и тѣмъ даетъ ему вкусъ и питательность. Праведными людьми міръ стоитъ; ибо ими держится строй нравственный общества, безъ котораго строй внѣшній—то же что тѣло безъ духа. Сколько тысящъ и темъ людей направлялись къ добродѣтели, можетъ быть незамѣтно для себя, однимъ созерцаніемъ этого нравственно - возвышеннаго образа аскета-святителя *), однимъ слухомъ объ этомъ великомъ подвижникѣ, однимъ благословеніемъ, пріятнымъ отъ него, одною бесѣдою съ нимъ, однимъ словомъ, слышаннымъ отъ него!—Кто скажетъ намъ объ этомъ? Скажетъ народное сознаніе, народное чутье, народный инстинктъ, выразившіеся въ глубокомъ почтеніи и благоговѣннн къ нему на всемъ пространствѣ необъятной Россіи. А общенародное сознаніе въ подобныхъ вещахъ не ошибается. Если въ чемъ вѣрно присловіе, что гласъ народа—гласъ Божій, то—въ подобныхъ проявленіяхъ народнаго чувства, еще хранящаго вѣру и благочестіе, какъ основу своей жизни, и чуткаго къ своимъ праведнымъ мужамъ. Но довольно о семъ!

Внѣшнее есть проявленіе внутренняго; въ силѣ выражается сильное, въ слабости—слабое, въ возвышенномъ—высокое и т. д. Высокая подвижническая жизнь есть выраженіе высоты духовныхъ нравственныхъ совершенствъ. Въ человѣкѣ вѣчно борются два начала, по Апостолу—плоть и духъ: *плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть*. Аскетизмъ есть выраженіе торжества духа надъ плотію; чѣмъ выше подвижническая жизнь, тѣмъ полнѣе торжество духа надъ плотію и качество духа надъ стремленіями плоти. Если такъ, то у подвижника долженъ быть превосходный союзъ духовныхъ качествъ и свойствъ, такъ

*) Въ одной изъ надгробныхъ рѣчей, сказанной студентомъ Кіев. Дух. Академіи, указано на трехъ юношей-студентовъ, стоявшихъ при гробѣ святителя, изъ которыхъ одинъ удержанъ на правомъ пути, другой обращенъ на путь истины силою нравственнаго примѣра почившаго святителя. *Ред.*

сказать цѣлый свитокъ цвѣтовъ духовныхъ совершенствъ; прираженія же плоти и дѣль ея не должны въ немъ проявляться. Чѣмъ необоримымъ и не допускающимъ прекословія увѣриться намъ въ силѣ и красотѣ духовныхъ качествъ почившаго святителя? Кромѣ собственныхъ наблюдений, могущихъ имѣть и личный (субъективный) характеръ, возьмемъ мѣриломъ слово непогрѣшимое апостольское. *Дѣла плоти*, говоритъ оно, *извѣстны. Они суть*, кромѣ грубыхъ пороковъ, *нечистота, студодѣяніе, вражды, рвенія, завиды, ярости, ражженія, распри, соблазны, зависти, и подобная симъ* (Гал. 5, 19—21). Въ какой степени все это и подобное препобѣждено почившимъ,— явно для всѣхъ. Не менѣе ясны и плоды духа, побѣдившаго въ немъ плоть, и составляющіе прекрасное достояніе побѣдителя: *плодъ же духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе*, на каковыхъ нѣсть закона (Гал. 5, 22—23). Я преступилъ бы предѣлы слова, еслибы сталъ подробно изображать, до какой высокой степени проявились эти высокіе дары духа въ жизни и дѣятельности усопшаго подвижника-святителя. Какой однако прекрасный свитокъ цвѣтовъ добродѣтелей, исчисленныхъ апостоломъ и осуществленныхъ святителемъ! И какъ велико было бы намъ взять себѣ хотя по одному изъ помянутыхъ цвѣтовъ!

И всѣ эти цвѣты распускались, и всѣ эти плоды зрѣли въ глубочайшемъ смиреніи, сокровенности и тайнѣ *кроткаго и молчаливаго духа*. Впрочемъ таковъ законъ духа: все великое и важное въ немъ растеть и зрѣеть въ смиреніи и сокровенности; иначе и быть не можетъ. Отрѣшеніе отъ плоти, сосредоточеніе въ духовномъ созерцаніи, духовное предстояніе предъ лицомъ Господа всевѣдущаго и всесильнаго неизбѣжно пораждаеть смиренное сознаніе собственнаго ничтожества, безсилія, немощи. Но въ этомъ-то и корень величія дѣль духовныхъ и обилія плодовъ духа, зрѣющихъ въ *нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа*. Этимъ они отличаются отъ громкихъ

трескучихъ дѣлъ міра перѣдко имѣющихъ только видъ величія: у тѣхъ слава внутрь, у этихъ—внѣ; тѣ прочны, вѣчны, эти скоропреходящи; тѣ имѣютъ характеръ сокровищъ нетлѣнныхъ, по слову Христову, эти гиблющи. Живо сознавалъ это почившій труженикъ, и вотъ почему онъ такъ стремился стяжать и стяжалъ себѣ эту охрану всѣхъ добродѣтелей—глубокое и нелицемѣрное смиреніе, даже до самоуничженія, и сокровенность дѣланія духовнаго въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ.

Но, Боже мой, предо мною еще такое обиліе неувыдаемыхъ цвѣтовъ его добродѣтелей, и что буду дѣлать? Брать ихъ по единому,—преступлю всякую мѣру слова; сократить слово,—согрѣшу предъ святителемъ и вами. Дай мнѣ мѣру, любитель и цѣнитель мѣры во всемъ (свойство мудраго); позволь сократить рѣчь о тебѣ, не любившій отягощать собою другихъ; но позволь и еще сказать слово правды о тебѣ, любитель правды.

Возвышенна эта любовь его ко храму Божію и неутомимость его въ священнодѣйствіяхъ церковныхъ, глубокая назидательность которыхъ невольно поражала соучастниковъ его въ семь и молящихся съ нимъ,—поражала даже до того, что иногда нѣкоторый ужасъ и трепеть обнималъ душу при видѣ этой глубочайшей сосредоточенности его и духовной созерцательности. Древнія сказанія о праведникахъ, удостоившихся сослуженія Ангеловъ, приобщавшихся огнемъ и во огни, созерцавшихъ сошествіе Духа Святаго на безкровную жертву, невольно иногда приходили на память.—Достолюбезно въ немъ это неустанное трудолюбіе, не оставлявшее для праздности ни минуты и непрестанно занятое дѣломъ до изнеможенія, даже до того, что отнимало время, необходимое для покоя изнуренной плоти.—Прекрасно это вѣчно ровное настроеніе душевное, даже при самыхъ сложныхъ, трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ.—Плѣнительно это незлобіе при видѣ нѣкоторыхъ слабостей и немощей человѣческихъ, не отъ злости и злобы происходя-

щихъ,—эта, выразимся такъ, гуманность въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова, безъ потачки злу.—Прекрасна эта обдуманность въ словѣ и рѣшеніи, эта осторожность и строгость въ сужденіи, въ словѣ, въ рѣшеніи, эта внимательность къ слову и дѣйствіямъ другихъ. — Прекрасна самая молчаливость его, мужа мудраго и опытнаго духовно, молчаливость, говорившая иногда душѣ болѣе и сильнѣе, чѣмъ говорливость.—Преклонимся предъ этой строгостью его въ охраненіи всяческихъ интересовъ, касающихся православной церкви, предъ этой непреклонностію его въ соблюденіи всего церковнаго не только по духу, по и по буквѣ, предъ этой ревностію его по православію.—Прекрасна эта вдумчивость его въ каждое слово, въ каждое дѣло, въ каждое слышимое или читаемое имъ сужденіе, эта обстоятельность мысли и слова.—Достоинъ удивленія твердый взглядъ на людей и событія, умѣнье оцѣнить ихъ съ настоящей христіанской точки зрѣнія, отличить хорошее отъ худаго и указать ту или другую сторону, на первый и неопытный взглядъ едва примѣтную, но существенную.—Преклонимся предъ этой независимостію взглядовъ и образа дѣйствій, для которыхъ единственнымъ основаніемъ были законъ и правда, какъ она понималась имъ.—Умилительна эта всецѣлая преданность его волѣ Божіей, чистая, дѣтская, особенно выразившаяся въ труднѣйшее время посланнаго ему Богомъ испытанія, время не краткое послѣдней болѣзни его.—И что еще? Восполните сами еще рядъ этихъ и подобныхъ высокихъ качествъ почившаго, а мы погонимъ слово къ концу.

Еще лишь нѣсколько живыхъ цвѣтовъ изъ вѣнка, сплетеннаго древнимъ іерархомъ своему отцу и другу.—«Ни къ чему не нужны были ему ничтожная честь, которая проходитъ скорѣе разливающагося дыханія, и скорогибнущая слава. Онъ не увлекался ничтожными и лживыми грезами, которыя какъ приходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ; не хваталъ онъ руками мимотекущій потокъ,

не ловилъ, какъ нѣчто твердое, тѣнь и не сжималъ ее руками, не простиралъ длани къ туману и не осязалъ его. Его лучшее богатство—Христось, который непрестанно возносилъ умъ его горѣ».—Да, такъ и нашъ святитель!—И еще крылатое слово древняго оратора: «если бы кто былъ не говорливъ, не шутивъ, не охотникъ до собраній и для многихъ не правился тѣмъ, что не бываетъ всѣмъ вся и не всѣмъ угождаетъ,—что изъ этого? Для имѣющихъ умъ не скорѣе ли онъ заслуживаетъ похвалу, нежели порицаніе? Развѣ иной станеть винить и льва за то, что смотритъ не обезьяной, что у него и поступъ благородна, вмѣстѣ удивительна и пріятна? Но и то сказать: кто былъ столько пріятель въ собраніяхъ, какъ онъ (когда бывалъ)? Онъ могъ увлекательно бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводитъ до наглости, и похвалы—до потачки, но въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользоваться ими съ разсужденіемъ и наблюдать время, по законамъ Соломона, пазначающаго время всякой вещи (Еккл. 3, 1)».

Таково тебѣ отъ меня слово, заключаетъ св. Григорій Богословъ слово свое въ похвалу другу своему, котораго называлъ и отцемъ и учителемъ, св. Василию Великому, въ день церковнаго празднованія которыхъ почилъ о Господѣ оплакиваемый отецъ и учитель нашъ. Таково тебѣ слово отъ меня, отче мой и учителю незабвенный. Если бы я имѣлъ дерзновеніе и увѣренность, что въ этомъ словѣ есть нѣчто достойное тебя: я сказалъ бы, что это слово тебѣ отъ меня и вмѣстѣ отъ высшаго духовнаго училища твоего, къ которому ты былъ такъ милостивъ не по заслугамъ его, и отъ прочихъ училищъ земли Кіевскія, отечески любимыхъ тобою. При еще большемъ дерзновеніи, я сказалъ бы, что слово это тебѣ отъ всей церкви и паствы страны Кіевскія, такъ глубоко тебя любящей и чтущей! Люби и ты ее и по смерти такъ, какъ, любилъ при жизни, и молися челоуѣколюбцу Христу Богу нашему о еже спастися намъ.

Мы же, отцы и братіе, вознесши теплыя молитвы о немъ ко Господу, да успокоитъ его въ селеніяхъ праведныхъ, не перестанемъ, во свидѣтельство любви нашей къ нему, постоянно возносить о немъ таковыя молитвы, въ которыхъ имѣють нужду и праведные мужи. Вмѣстѣ

съ симъ будемъ чаще вызывать образъ его въ душѣ нашей; мы будемъ лучше отъ сего. Худо, если на насъ придетъ слово пророческое: *праведникъ погиге и никтоже приѣмлетъ сердцемя, мужіе праведніи вземлются и никтоже разумѣтъ, яко отъ лица неправды взяся праведникъ* (Ис. 57, 1). Праведниками міръ стоитъ, по милости Господа, Емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПАМЯТЬ МИТРОПОЛИТА ФИЛОФЕЯ.

Не долго Кіевская паства, по кончинѣ незабвеннаго митрополита Арсенія, утѣшалась преемникомъ его—приснопамятнымъ своимъ владыкою Филофеемъ. Протекло съ небольшимъ пять лѣтъ, и она снова повергнута въ скорбь и печаль кончиною сего истинно-духовнаго вождя своего.

О преосвященномъ митрополитѣ Филофееѣ мы кіевляне радовались, еще не знавши его близко,—радовались потому, что о его достоинствахъ и духовныхъ совершенствахъ извѣщали насъ многіе изъ высокочтимыхъ архипастырей церкви Русской, слѣдившіе привѣтствовать церковь матери градовъ русскихъ съ новымъ ея архипастыремъ. «Радуюсь, что Кіевъ принялъ съ любовію новаго архипастыря, истинно благочестиваго и крѣпкаго молитвенника»,—писалъ въ Кіевъ покойный костромской архіепископъ Платонъ къ извѣщавшему его о встрѣчѣ новаго митрополита священнику, 11 сент. 1876 г. Тотъ же преосвященный въ письмѣ къ тому же священнику отъ 23 сент. 1876 г. писалъ: «высокопреосвященный Филофеей, какъ *мужъ мудрый, безмолвіе водитъ*. Уста его рѣдко раскрываются, и льются изъ нихъ только слова мира, любви, утѣшенія и благословеній. *Словеса добра—сотове медовни и сладость ихъ исцѣленіе души*, говоритъ Премудрый». — «Поздравляю съ новымъ владыкою, писалъ въ Кіевъ къ своему знакомому изъ священства кіевскаго преосвящ. Теофанъ отъ 26 ноября 1876 г. Онъ болѣе всѣхъ владыкъ нынѣшнихъ пригожъ для Кіева. Преподобные отцы Кіево-Печерскіе сильны вымолить для Кіева благопотребнаго».

Изъ епархіи, въ которой архипастырствовалъ преосвященный Филоеѣй девятнадцать лѣтъ (*тверской*) прежде Кіева, шли о немъ въ Кіевъ вѣсти, какъ объ архипастырѣ миротворцѣ тамошняго духовенства, который мудрымъ правленіемъ своимъ привелъ оное къ такому рѣдкому согласію братскому, что ни одна жалоба другъ на друга среди духовенства до архипастырскаго слуха не доходила; но случавшіеся неизбѣжно какіе-либо взаимные споры и пререканія прекращались скоро сами собою въ той самой средѣ, гдѣ возникали они, не безпокая слухами о себѣ стороннихъ лицъ, тѣмъ больше высшее епархіальное начальство. Приходившіе изъ Твери въ Кіевъ богомольцы изъ народа единодушно свидѣтельствовали предъ кіевлянами, что бывший Тверскимъ владыкою митрополитъ Кіевскій дорогъ сердцамъ тверитянъ, какъ архипастыръ истинно святой *).

Кіевская паства радостно встрѣтила преосвященнаго Филоею, и еще болѣе возрадовалась, услышавъ и узрѣвъ первое его священно-служеніе въ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ. Послѣ совершенія митрополитомъ первой литургіи, по окончаніи которой изрекъ приснопамятный архипастыръ замѣчательное слово къ пастырямъ и къ пасомымъ о взаимной, христіански-попечительной другъ о другѣ любви, одинъ изъ высокоуважаемыхъ въ Кіевѣ протоіереевъ (Д. А. Ж.) выразился предъ собратіями: «вотъ таково должно быть было, брат., то богослуженіе въ Софійскомъ Царе-градскомъ храмѣ, о которомъ послы Владиміровы повѣдали сему князю: не вѣдаемъ, княже, гдѣ стояли мы—на землѣ, или на небѣ; одно только знаемъ, что когда Греки молятся въ храмѣ своемъ, истинно съ ними тамъ Богъ». Но драгоцѣннаго намъ слова на-

*) Замѣчательнъй разсказъ высокочтимаго профессора Кіевской Академіи (изъ воспитанниковъ Тверской семинаріи) А. Д. В. о слѣдующемъ событіи въ Твери, хорошо ему извѣстномъ: нѣкто изъ гражданъ тверскихъ, желая припять отъ преосвящ. Филоею благословеніе въ путь (въ Москву), благословенія не получилъ, но услыхалъ отъ владыки слово: *не благословляю*. На другой день является снова къ архіерею и говоритъ: владыка! вы меня вчера не благословили въ путь. Но мнѣ существенная есть надобность ѣхать. Еще прошу васъ: благословите!—Преосвященный сказалъ: *теперь я васъ благословляю*, и благословилъ.—Путешественникъ узналъ послѣ, что поѣздъ, въ какомъ желалъ онъ слѣдовать наканунѣ, потерпѣлъ крушеніе, и крѣпко молился за благодѣтеля-охранителя, архипастыря своего.

зиданія, ишедшаго изъ устъ митрополита въ сей незабвенный день, сколько ни просили у архиерея для отпечатанія, не могли допроситься. Подобно не удостоилъ покойный утѣшить насъ и изображеніемъ своего святолицнаго лица хотя бы на фотографической карточкѣ. Не разъ многіе заявляли предъ нимъ желаніе имѣть его портретъ, и все владыка отклонялъ исполненіе такого желанія.

Ставленники Кіевской епархіи, удостовѣрившись получить рукоположеніе отъ покойнаго первосвятителя, рассказывали, что, при произношеніи имъ надъ главами ихъ рукоположительной молитвы, они чувствовали необыкновенныя впечатлѣнія духовныя. И замѣчательно, что повѣдавшіе намъ—старикамъ о такихъ благодатныхъ состояніяхъ душъ своихъ въ великія минуты рукоположенія были юноши современнаго воспитанія и образованія семинарскаго. «Слава Бугу, думали мы при этихъ ихъ отрадныхъ разказахъ,—есть еще въ юномъ поколѣніи *стѣмя свято*—залогъ крѣпости и благостоянія общества и церкви». Юноши же утѣшили насъ и при гробѣ первосвятителя. Ихъ нѣсколько человекъ изъ получившихъ высшее богословское образованіе говорили прощальныя рѣчи, при погребеніи тѣла владыки. Послѣдняя изъ множества рѣчей, сказанныхъ при погребеніи, — рѣчь при опущеніи гроба въ могилу, принадлежала студенту. Богатая по содержанію, произнесенная одушевленно, рѣчь эта, выяснила предъ нами тѣ отношенія, въ какихъ находился митрополитъ Филоей къ воспитанникамъ Академіи и они къ нему. То были, какъ видно, тѣже отношенія, въ какихъ былъ къ намъ, когда учились мы, незабвенный митрополитъ Кіевскій Филаретъ, близъ гроба коего помѣстился гробъ Филоея: отношенія отца къ дѣтямъ, и дѣтей къ отцу своему.

Присвопамятный владыка, кромѣ нарочитыхъ бесѣдъ устныхъ, любилъ дарить душеспасительнаго содержанія книги. Намъ извѣстно въ Кіевѣ много лицъ, которыя, получивъ отъ первосвятителя таковой даръ, блюдутъ оный, какъ заветную святыню.—Когда приходилось—по случаю выхода на должность учителя малыхъ пѣвчихъ хора митрополичьяго избрать для нихъ новаго руководителя, владыка обращалъ къ нему самую теплую и задушевную рѣчь о томъ, каково его значеніе при дѣтяхъ и какъ долженъ онъ проходить высокую должность педагога и

воспитателя дѣтей. Своей ближайшей свиты владыка не оставлялъ безъ частыхъ отечески - архипастырскихъ наставленій о христіанской жизни, какая въ особенности требуется отъ лицъ, принадлежащихъ къ клиру церкви.

О внѣшнемъ благосостояніи своихъ приближенныхъ онъ заботился, какъ отецъ. Въмѣсто 4-хъ рублей жалованья въ мѣсяцъ каждому пѣвчему, владыка благоволилъ положить десять рублей. Но и вообще о благосостояніи духовенства первосвятитель пекся, какъ отецъ чадолюбивый. На его погребеніи одинъ уважаемый изъ ученыхъ священниковъ Кіева высказалъ: «желалось бы и мнѣ что-либо сказать надъ гробомъ святителя, но не смѣлъ я; да и много уже было сказано рѣчей». Что же особеннаго сказали бы вы о владыкѣ, — спросили его (М. З. Л.). Онъ отвѣтилъ: «митроп. Филоеѣй заботился о многосемейныхъ членахъ духовенства, чтобы имъ напередъ предъ другими оказать требуемую помощь; онъ не терпѣлъ ни отъ кого и ни на кого тайныхъ доносовъ; наконецъ онъ близокъ былъ къ несчастнымъ и простиралъ руку помощи каждому изъ таковыхъ, кто обращался къ нему за этою помощію состраданія, слова, совѣта, вещественнаго пособія». — Драгоцѣнное свидѣтельство! — Благотворенія владыки бѣднымъ были совершаемы весьма сокровенно отъ людскаго взора, какъ и вся его подвижническая жизнь протекла въ смиренной сокровенности предъ Господомъ. Но свѣтъ добрыхъ дѣлъ укрыться не можетъ Простиралась милосердая десница іерарха и на бѣднѣйшіе монастыри, изъ коихъ нѣкоторымъ удѣлялъ онъ ежегодно известную долю изъ своего жалованья.

Трапезу святителя составляли самыя простыя постныя кушанья: супъ изъ мелкой рыбы и каша изъ гречневыхъ крупъ съ прованскимъ масломъ. Питьемъ его была чистая вода, иногда съ примѣсью нѣсколькихъ капель церковнаго вина, котораго издерживалось на его трапезѣ въ мѣсяцъ не болѣе одной бутылки. На праздничныхъ трапезахъ, какія любилъ устроить приснопамятный владыка въ дни храмоваго праздника свят. Софіи въ митрополичьемъ домѣ при Софійскомъ соборѣ и какія устраивала лавра, по случаямъ торжествъ своихъ, гостепріимный хозяинъ, усердно подчюя гостей, самъ въ продолженіе всего обѣда употреблялъ вина едва третью часть рюмки. Трапезы эти обыкновенно начинались не ранѣе трехъ часовъ, такъ какъ по окончаніи литургіи и молебна въ часъ

за полдень—владыка митрополить на шествіе отъ храма до покоевъ святительскихъ употреблялъ не менѣе часа времени, иногда же и болѣе часа, ибо онъ cadaго изъ молящихся благословлялъ пещивно, и притомъ самымъ благоговѣйнымъ образомъ. А принять благословеніе его стремились всѣ и каждый изъ богомольцевъ. Иногда чиновники полиціи нѣкоторыхъ отъ благословенія отстраняли по причинѣ тѣсноты. Но владыка всегда подобныя случаи замѣчалъ и тутъ же тихо и кротко наставлялъ чиновниковъ полицейскихъ, что такъ дѣлать имъ не слѣдуетъ, но пусть всѣ принимаютъ благословеніе безпрепятственно.

При всей твердости своего подвижническаго характера, достоблаженный архипастырь Кіева не могъ безъ потрясеній души перенести удара, поразившаго Россію въ печальной, священно-мученической кончинѣ благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. На одиннадцать мѣсяцевъ пережилъ опѣ государя; но жизнь эта была подобна горѣнію свѣтильника, въ которомъ всякъ матеріалъ горѣнія: огонь то вспыхнетъ, то погрузится въ тьму. Владыка привезенъ былъ въ Кіевъ въ концѣ мая мѣсяца 1881 г. прямо въ Голосѣвскую пустынь. Отсюда переѣхалъ въ августѣ 16-го числа въ лаврскіе митрополичьи покои, въ которыхъ и почилъ сномъ вѣчнаго покоя святыхъ 29-го января 1882 года въ 11-ть часовъ съ половиною по полудни на 75-мъ году житія своего, напутствовавшись въ утро дня кончины своей исповѣдію и причащеніемъ святыхъ животворящихъ Таинъ Христовыхъ. На четвертый день по кончинѣ тѣло подвижника-святителя перенесено было изъ покоевъ въ великую соборную церковь святыхъ лавры, гдѣ въ седьмой день по кончинѣ 4 февраля совершено отпѣваніе. Предъ выносомъ къ погребенію, прикладываясь къ мощамъ первосвятителя, мы не ощущали запаха тлѣнія; рука же, которую лобзали, по виду была какъбы изъ чистаго, бѣлаго, самаго бѣлаго мрамора.

Вѣруемъ, что блаженно-почившій святитель и въ загробной жизни продолжаетъ молиться за паству свою и за всѣхъ православныхъ христіанъ съ такою же любовію, съ какою онъ молился за всѣхъ въ продолженіе земной своей жизни.

Прот. Николай Флоринскій.

ОБРАЗЪ ДОБРАГО ЧЕЛОВѢКА,

слово предъ отпѣваніемъ протоіерея Московской Симеоно-Столпнической церкви, за Яузой, Алексѣя Петровича Соловьева-Михайлова, произнесенное 25 января 1882 года.

Св. Григорій Богословъ, память котораго церковь сегодня совершаетъ, свое похвальное слово Аѳанасію Великому, архіепископу александрійскому, начинаетъ такъ: «хвала Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель». Это означаетъ, что жизнь Аѳанасія была воплощеніемъ добродѣтели, нагляднымъ образомъ, по которому можно составить понятіе о томъ, что такое добродѣтель, въ чемъ сущность, какія свойства ея. Изреченіе о св. Аѳанасіи святаго Григорія напоминаетъ намъ предстоящій гробъ. Есть поговорка: объ умершихъ надобно говорить только хорошее, или лучше ничего не говорить. Въ повопреставленномъ протоіерѣ Алексѣѣ было много хорошаго, много нравственныхъ достоинствъ, такъ что нельзя не помянуть его добромъ, нельзя не отозваться объ немъ съ похвалою. Но въ ряду его нравственныхъ похвальныхъ качествъ не было ли такого, которое бы составляло господствующую, средоточную черту его нравственнаго образа, опредѣляло его характеръ? Мы знаемъ такую черту. Едвали ошибемся, если скажемъ, что это была сердечная доброта. Эта черта бросалась въ глаза всякому, кто хоть сколько нибудь былъ знакомъ съ нимъ. На всякаго она производила впечатлѣніе. **Всякій послѣ**

*) Почившій протоіерей, магистръ Московской Духовной Академіи, былъ однокуреникомъ митрополита Филооса и А. В. Горскаго (1828—1882 г.). Служилъ онъ сначала профессоромъ въ Виѳанской дух. семинаріи, потомъ, сдѣлавшись священникомъ Моск. приходской церкви, долгое время законоучительствовалъ въ московской Практической академіи. Былъ также благочиннымъ недолгое время, оставивъ эту должность по болѣзни. *Ред.*

свиданія и бесѣды съ нимъ думалъ или говорилъ про него: что за душа человѣкъ,—какой добрый, симпатичный, мягкосердечный!—Да, онъ былъ поистинѣ добрый человѣкъ,—до того добрый, что если нужно память его почтить похвалами, то восхвалять его значило бы восхвалять сердечную доброту. Она такъ сроднилась съ нимъ, такъ отпечатлѣлась въ его нравственномъ образѣ, что представленіе о его личности нельзя отдѣлить отъ представленія о ней,—подобно тому, какъ представленіе о великомъ Аѳанасіѣ св. Григоріи не могъ отдѣлить отъ представленія о добродѣтели.

Быть добрымъ, мягкосердечнымъ, симпатичнымъ человекомъ,—это такое достоинство, котораго не можетъ замѣнить богатое умственное развитіе, но безъ сердечной доброты. Что толку въ умѣ, когда сухо и черство сердце? И духъ злобы—умнѣйшее существо; онъ отличный естествословъ, отличный душевѣдецъ. Предъ вторымъ Христовымъ пришествіемъ, онъ чрезъ антихриста, на удивленіе міру, покажетъ такіе поразительные опыты своего искусства пользоваться силами природы, что ихъ почтутъ за чудеса. Но что хорошаго въ такомъ блестящемъ и многосвѣдущемъ умѣ, когда это—умъ духа злобы и лукавства, изобрѣтательный на одно зло? Что хорошаго и въ человѣческомъ умѣ при недостаткѣ сердечной доброты? Какъ тяжело было бы жить на свѣтѣ, еслибы все приходилось имѣть дѣло съ людьми, которые на каждомъ шагу давали бы вамъ чувствовать свое превосходство въ умственномъ отношеніи и не смягчали бы этого чувства добродушіемъ,—съ людьми, отъ которыхъ вѣсть холодомъ самолюбія, отъ которыхъ не жди сочувствія въ горѣ и радости,—съ которыми нельзя сойтись по дугѣ!—Общезитіе держится не столько умными, сколько добрыми людьми.

Но если съ одной стороны умственное превосходство теряетъ значеніе безъ соединенія съ добросердечіемъ, то съ другой стороны должно замѣтить, что и значеніе сердечной доброты умаляется, если она не соединяется по крайней мѣрѣ съ благоразуміемъ. Объ этомъ говорятъ: всѣмъ бы хорошъ человѣкъ, доброты отѣпной, сердце золотое; да къ сожалѣнію—пѣтъ царя въ головѣ,—или: простота хуже воровства. Достоинство добросердечія умаляется также въ томъ случаѣ, если добрый человѣкъ скуденъ благочестіемъ. Многіе, правда, не находятъ этого важнымъ, говоря: что за бѣда, если человѣкъ холоденъ

къ религіи, не отличается благочестіемъ и набожностію, — за то онъ добрый человѣкъ. — Нѣтъ, истинно добрымъ человѣкомъ нельзя быть безъ религіи, не можетъ истинно любить ближняго, въ комъ недостаетъ любви къ Богу, кто неодушевленъ чувствами благочестія. — Умалается наконецъ цѣпа добросердечія, если оно не соединяется съ нравственною чистотою, съ нравственнымъ самообладаніемъ, если мягкосердечный человѣкъ легко поддается искушеніямъ и соблазнамъ нецѣломудрія и невоздержанія.

Обратимся къ новопреставленному. Называя его добрѣйшимъ человѣкомъ, мы къ чести его должны сказать, что ему чужды были тѣ, указанные нами, недостатки, которые уменьшаютъ цѣну сердечной доброты. Кому изъ васъ неизвѣстно, что онъ былъ не только просвѣщенный мужъ, но и просвѣтитель, что онъ обладалъ не только теоретическою, но и практическою мудростію, былъ мужемъ совѣта? Кому также неизвѣстно, что онъ былъ истинно религіозенъ, проикнуть духомъ глубокаго благочестія и молитвы? Кому наконецъ неизвѣстно, что онъ велъ строго-неукоризненную жизнь, свѣтилъ ближнимъ не только свѣтомъ ученія, но и примѣромъ житія? Къ нему нельзя было обратиться съ словами: врачу, исцѣлися самъ; ты строго учишь, да слабо живешь. — Онъ ни на кого не возлагалъ бременъ, которыхъ бы самъ не носилъ. Внушая другимъ правила христіанской жизни, онъ самъ руководствовался ими въ жизни. И всѣ эти достоинства счастливо соединялись въ немъ съ сердечною добротой, возвышая ея значеніе. И потому мы можемъ указать на черты этой доброты прямо, безъ опасенія упрековъ въ односторонности или въ пристрастіи. Какія же это черты, въ чемъ именно она проявлялась?

Начнемъ съ его семейной жизни. Господь благословилъ его многочадіемъ. На родителяхъ лежитъ обязанность воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи святой церкви, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Съ особенною ревностію должны исполнять эту обязанность пастыри церкви, ибо, по слову Апостола, «ще кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати начнетъ (1 Тим. 3, 5). Почившій пастырь былъ примѣрнымъ воспитателемъ своихъ дѣтей. Всѣ чада его по плоти утѣшали его послушаніемъ ему, любовію и преданностію, но паче всего христіанскимъ и церковнымъ

настроениемъ. Онъ умѣлъ уберечь ихъ отъ растлѣвающихъ пагубныхъ вліяній отвнѣ, что такъ трудно въ наше несчастное время. Онъ сохранилъ надъ ними нравственную власть и сумѣлъ поставить ихъ въ такое отношеніе къ себѣ, что ему не пужно было прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ взыскаія за проступки. Они боялись дѣлать проступки, ибо боялись огорчить его. Они такъ любили его, что почитали величайшимъ для себя несчастіемъ и пыткой, если подавали ему поводъ къ недовольству ими, если видѣли его огорченнымъ ими. Какъ же онъ могъ достигнуть сего? Наипаче сердечною добротою. Ею онъ покорялъ ихъ сердца, ею возбуждалъ довѣріе къ себѣ и полиѣйшую откровенность. Въ ней заключалась тайна могущественнаго ея дѣйствія на ихъ души. Она же питала и поддерживала въ нихъ духъ трогательнаго единодушія, мира и любви. Всѣ члены этой домашней церкви находились подъ сѣнію благодати Божіей, ибо гдѣ миръ и ладъ, тамъ Божья благодать.

Таже черта, т.-е. сердечная доброта почившаго сказывалась въ его отношеніяхъ къ чужимъ дѣтямъ, которымъ онъ преподавалъ законъ Божій въ школѣ. Это былъ не преподаватель только, но вмѣстѣ воспитатель. Онъ старался не о томъ только, чтобы обогатить умы воспитанниковъ религіознымъ знаніемъ, но чтобы благотворно вліять на ихъ сердца. И онъ успѣвалъ достигать этого не одними нравственными наставленіями, какія сообщалъ онъ въ своихъ урокахъ, но наипаче мягкимъ, въ высшей степени задушевнымъ, отеческимъ обращеніемъ съ ними.

Какъ приходскій пастырь, почившій поистинѣ былъ добрый пастырь. По примѣру Пастыреначальника Христа, онъ зналъ своихъ овецъ и овцы знали его. Втеченіе сорокачетырехлѣтняго пребыванія въ одномъ и томъже приходѣ онъ такъ сблизился, такъ свыкся съ пасомыми, что былъ для нихъ какбы роднымъ отцемъ, къ которому они съ довѣріемъ обращались въ духовныхъ нуждахъ, совѣтами котораго дорожили и пользовались въ разныхъ обстоятельствахъ съ благодарностію. Ихъ радости и скорби онъ принималъ къ сердцу, какбы личныя свои радости и скорби, отзывался на нихъ съ непритворнымъ участіемъ. Ласковый ко всѣмъ, привѣтливый и снисходительный, онъ могъ сказать о своихъ отношеніяхъ къ пасомымъ словами Апостола: «мы были тихи среди васъ, подобно тому какъ кормилица нѣжно обходится съ дѣть-

ми своими» (1 Сол. 2, 7). Они были привязаны къ нему, какъ дѣти привязаны къ доброй и ласковой кормилицѣ. Въ его сердечныхъ нѣдрахъ имъ такъ же было тепло и отрадно, какъ тепло и пріятно ребенку на груди доброй кормилицы. Заслуженная имъ любовь къ нему пасомыхъ сопровождаетъ его и въ загробный міръ. Благодарно вспоминая его молитвы, которыя онъ возносилъ за нихъ у престола Господня, они пожелали, въ память его, украсить сей престоль одеждою, которая имѣетъ быть устроена изъ цѣннаго покрова, возложеннаго ими на его гробъ.

Сердечная доброта почившаго самымъ трогательнымъ образомъ выражалась наконецъ въ дѣлахъ его благотворительности. Нужды ближнихъ такъ близки были его сердцу, что онъ никому не отказывалъ въ посильной помощи. Онъ призрѣвалъ и устраивалъ родственныхъ его вдовъ и сиротъ и не меньше былъ милосердъ къ чужимъ. Знали его милосердіе, его готовность помогать всякому въ нуждахъ бѣдные и нищіе, и потому буквально осаждали его личными и письменными просьбами о помощи. Дня не проходило, чтобы онъ не сдѣлалъ кому добра. Онъ былъ такъ щедродателемъ, что близкіе къ нему люди находили нужнымъ иногда останавливать его щедрую руку, поставляя ему на видъ излишество его щедрости въ отношеніи къ нѣкоторымъ. Но онъ не любилъ, чтобы его останавливали, и когда узнавалъ, что до него не допущенъ кто-либо изъ просителей, то горько сѣтовалъ на это. Многіе изъ просителей злоупотребляли его добротою и обманомъ испрашивали у него помощь, которой оказывались недостойными. Но онъ разсуждалъ, что лучше потерпѣть обманъ отъ однихъ, чѣмъ обидѣть незаслуженнымъ подозрѣніемъ другихъ, что лучше никому, каковъ бы кто былъ, не отказывать въ подаваніи, чѣмъ допустить, чтобы кто-нибудь померъ съ голоду, не получивъ отъ васъ помощи единственно влѣдствіе подозрѣнія въ его нечестности и въ привычкѣ къ тунеядству.

Приходилось почившему терпѣть не мало огорченій отъ людей; но онъ благодушно, съ незлобіемъ и кротостію переносилъ ихъ, дорожа паче всего миромъ съ ближними. Посѣщаемъ былъ онъ горестными лишніями отъ Господа, — испыталъ вдовство, видѣлъ раннюю смерть нѣсколькихъ дѣтей, радовавшихъ его благопріемъ и успѣшнымъ ученіемъ. Горько отзывались въ его сердцѣ эти посѣщенія Господни; но если въ отношеніи къ лю-

дямъ онъ былъ кротокъ и благодушенъ, могъ ли онъ иначе относиться къ Господу,—общему всѣхъ сердобольному Отцу, наказующему и милующему?

Не посѣтуй, добрѣйшая душа, на то, что мы при гробѣ твоёмъ позволили себѣ распространиться о твоихъ нравственныхъ достоинствахъ. Въ продолженіе земной твоей жизни свойственное тебѣ смиреніе и скромность никого не допустили бы восхвалять тебя въ лице,—но теперь ты не можешь и не вправѣ удержать насъ отъ этого,—теперь ты принадлежишь исторіи,—исторіи московской церкви и особенно здѣшняго прихода. Съ твоимъ именемъ эта исторія украсилась новою свѣтлою страницей. Ты отошелъ въ вѣчность, но память о тебѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкой христіанской доброты, должна сохраниться изъ рода въ родъ въ назиданіе живущихъ, въ примѣръ для подражанія твоимъ доблестямъ. Сохраненіе оставленной тобою доброй памяти, благотворное для насъ, спасительно и для тебя. *Умирая: праведникъ остави раскаяніе*, т.-е. сожалѣніе о немъ. Но чѣмъ больше сожалѣютъ объ утратѣ праведника, или вообще добраго человѣка, тѣмъ больше побуждаются молиться за него во свидѣтельство любви къ нему. Помолимся же о немъ прежде всего молитвою благодаренія Господу, даровавшему намъ въ лицѣ новопреставленнаго свѣтлый образъ истинно добраго христіанина и пастыря,—и наипаче вознесемъ къ Господу мольбу, да не помянетъ его грѣховъ, да покроетъ ихъ своею благодатию, да упокоитъ своего раба, кроткаго, незлобиваго и добросердечнаго, на той благословенной землѣ, наслѣдіе которой обѣщано кроткимъ. Долгъ молиться за новопреставленнаго лежитъ на всѣхъ насъ, но преимущественно на дѣтяхъ его духовныхъ и на всѣхъ его прихожанахъ. Онъ усердно за нихъ молился предъ престоломъ благодати,— пусть и они теперь будутъ поминать его усердною и непрестанною молитвою.

Прот. В. Нечаевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1848, фев. 10. «Первая статья приложеннаго реестра (*картинъ*) допущена быть не можетъ потому, что изображать Христа въ видѣ агнца правиломъ церковнымъ запрещено *). Вообще реестръ составленъ не отчетливо. Разрѣшается произвести предполагаемое, съ совѣтомъ и подъ смотрѣніемъ благочиннаго, чтобы лучше менѣе написано было изображеній, но написаны они были хорошо и прилично».

1848, фев. 10. «1. Книги не такъ ветхи, чтобы не могли быть сохранены, а сохраненія достойны: печатанная (*Евангеліе*) во времена Михаила Ѳеодоровича по древности, а также и рукопись (*другое Евангеліе*) подписанная не русскимъ вкладчикомъ. Исправить переплетъ и удержать въ описи (*Дмитровскаго Борисоглыбскаго монастыря*). 2. По случаю сего педосмотра назначить новый пересмотръ вещей, назначасмыхъ къ исключенію изъ описи, вѣтъ ли достойныхъ сохраненія».

1857, марта 2. «Дароносицу и ковчегъ оловянные (*въ церкви села Куркина*), если не изломаны, сохранить на память древней простоты».

1867, сент. 16. «Одобрень цензурнымъ комитетомъ *Доисторическій бытъ человечества*. Есть ли подлинно доисторическій бытъ человечества? Моусей начинаетъ бытіе человечества отъ перваго человѣка. Развѣ это не исторія, а миѣ?»

1867, ноября 8. «Консисторіи препроводить рукопись (*Пространная священная исторія ч. 1*). въ Енисейскую консисторію для возвращенія діакону О—мову, съ объявленіемъ, что онъ имѣетъ свое ближайшее начальство, которому можетъ представить на разсмотрѣніе свой трудъ, посовѣтовавшись прежде съ ближними добрыми людьми, точно ли трудъ его разуменъ и можетъ быть полезенъ».

*) Шестаго вселенскаго Константинопольскаго собора правило 82-е.

1833, апр. 15. «Поручить благочинному быть на мѣстѣ, посѣтить дома нѣкоторыхъ изъ непринявшихъ священника въ Пасху, навѣдаться, почему сіе сдѣлано; изъяснить, что если по неудовольствію на священника, то сіе не въ порядкѣ: что на неправого священника должно принести жалобу начальству, а не лишать себя и домъ свой благословенія Божія и церкви въ великій праздникъ. Что по сему откроется, донести обстоятельно».

1862, іюля 30. «По словамъ священника предшествующія обстоятельства были таковы: прихожане пѣвчіе (*крестьяне*) перемѣшали закладки дьячка въ книгѣ. Произшелъ споръ, прихожане похвалились, что знаютъ уставъ лучше дьячка. По неудовольствію на сіе дьячекъ, зная, что они не догадаются, какой должно пѣть задостойникъ, ушелъ на лѣвый клиросъ. И когда прихожане на правомъ клиросѣ запѣли задостойникъ Пасхи (*Ангелъ вопіаше Благодатный*), онъ на лѣвомъ запѣлъ задостойникъ отданія Преполовенія (*Чужде матеремъ дѣвство*). Такимъ образомъ дьячекъ произвелъ безпорядокъ въ самое важное время божественной литургіи, по низкой причинѣ—насмѣяться надъ незнаніемъ прихожанъ. Посему учинить слѣдующее: 1. дьячка Иванова поставить на лѣвый клиросъ, до разсмотрѣнія дѣла по производящемуся о немъ слѣдствію (*по другому неудовольствію между нимъ и пѣвчими, которое началось во время всенощной, 16 іюня, съ того, что дьячекъ отодвинулъ одного пѣвчаго къ клиросному окну и самъ занялъ его мѣсто*). 2. Прихожанъ допустить до пѣнія на правомъ клиросѣ, подъ наблюденіемъ священника, чтобы пѣніе было прилично. 3. При рѣшеніи дѣла по жалобѣ прихожанъ принять въ соображеніе и сіе дѣло (*о бывшемъ въ день отданія Преполовенія 9 мая*). 4. Священнику благочинному сдѣлать строгое замѣчаніе за то, что о важномъ безпорядкѣ и неблагочиніи дьячка въ Богослуженіи (*литургійномъ*) не донесъ въ свое время начальству».

1866, апр. 19. «До свѣдѣнія моего дошло, что села Коломенскаго крестьянскій сынъ Василій Егоровъ Абрамовъ и деревни Нагатина крестьянская дѣвица Марія Феодорова Удалова уклонились изъ православія въ расколъ; что крестьянинъ деревни Садовой Слободы Василій Бухаровъ раскольникъ, именуя себя священникомъ Австрій-

скаго толка, присоединилъ ихъ къ расколу, и въ своемъ домѣ повѣнчалъ означенныхъ, въ октябрѣ прошедшаго 1865 года, Василя Абрамова съ крестьянскою дѣвицею, села Коломенскаго, раскольницею Анною Ивановою Шибковою, а Марью Удалову съ крестьяниномъ деревни Нагатина, раскольникомъ Василюемъ Семеновымъ Суриковымъ. Посему консисторіи предписать благочинному сдѣлать безъ формальнаго сношенія съ свѣтскими лицами слѣдующее дознаніе: 1) въ приходѣ которой церкви состоятъ означенныя лица? 2) Абрамовъ и Удалова дѣйствительно ли по церковнымъ документамъ значатся бывшими въ православіи, и въ которомъ году въ послѣдній разъ были они у исповѣди и святаго причастія? 3) Отъ причта, и отъ кого возможно, изъ православныхъ, узнать, дѣйствительно ли оны повѣнчаны Бухаровымъ въ своемъ домѣ, имѣеть ли онъ въ своемъ домѣ часовню, открытую ли для приходящихъ, и съ котораго времени? Если вышеозначенное подтвердится: то Абрамову и Удаловой сдѣлать увѣщаніе, чтобы они возвратились въ православіе; при чемъ спросить ихъ, по чьему наставленію отступили они отъ православной церкви и дѣйствительно ли вѣнчаны, и кѣмъ, и изъяснить имъ незаконность называемыхъ у нихъ священниками, и ихъ служенія. 5) О послѣдующемъ донести обстоятельно».

1834, апр. 10. «Духовное правленіе внушить благочинному, что пастырямъ истиннымъ, возвѣщающимъ истину, надлежитъ быть сильнѣе жепастырей, обольщающихъ ложью, и что надобно подвизаться о семъ и разумомъ и словомъ, и молитвою и житіемъ назидательнымъ».

1866, янв. 14. «Законъ велитъ быть браку въ приходѣ жениха или невѣсты. Уклоненіе отъ сего можетъ наводить сомнѣніе на то, что уклоняются отъ силы публикацій. Посему или бракъ, или по крайней мѣрѣ публикація должны быть въ приходской церкви».

1863, дек. 12. «Соглашалась съ мнѣніемъ консисторіи (о назначеніи для базара въ селѣ Новомъ, что на Волгѣ, Клинскаго уѣзда, другаго дня, вмѣсто воскресенья, въ зимнее время, когда крестьяне меньше заняты работами), присовокупляю къ ея соображеніямъ, что благорасположенные крестьяне

сами понимаютъ надобность и желаютъ, чтобы торги перенесены были съ праздничныхъ дней на непраздничные. Доказательствомъ сего служить можетъ напечатанное въ № 253 Московскихъ Вѣдомостей 20 ноября 1863 года, слѣдующее свѣдѣніе:

«Въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* пишутъ, что на мировомъ съѣздѣ Васильковскаго уѣзда, происходившемъ 30 сентября, были всѣ старшины волостныхъ правленій и многіе старосты сель и деревень. Лица эти просили членовъ съѣзда, чтобы ярмарки были перенесены съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на будніе, и высказали, что по убѣжденію ихъ это необходимо для нравственнаго благостоянія крестьянъ. Предсѣдатель мирового съѣзда заявилъ, что онъ представитъ эту просьбу на рассмотрѣніе и утвержденіе вышшаго начальства».

Сообщилъ архим. Г—рій.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

Къ министру юстиціи Дмитрію Николаевичу Замятину.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Получивъ отъ в. в—ва Высочайшій манифестъ о вступленіи Государя наслѣдника престола Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича въ права совершеннолѣтія и о воспріятіи Имъ высокихъ обязанностей, возложенныхъ на Него Провидѣніемъ Божиимъ и закономъ престолонаслѣдія,—не могу не отозваться словами живѣйшей радости, послѣ глубокой скорби.

Воскресшая надежда будущаго Россіи да растетъ и высится, и да уготовляетъ вождельные плоды. Да будетъ утѣшеніе Августѣйшихъ Родителей полно и совершенно.

Вся благая даровавшій намъ, и во предняя *Боже судъ Твой Царевнѣ даждь и правду Твою Сыну Цареву.*

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. іюля 25-го 1865.

Сообщилъ архим. Г—рій.

